

Сергей
ЕСЕНИН

Собрание сочинений
в одной книге

Собрание сочинений в одной книге / Сергей Есенин //Клуб Семейного
Досуга, Харьков, 2012
ISBN: 978-966-14-4184-1, 978-966-14-3438-6, 978-5-9910-1949-1, 978-966-
14-4180-3, 978-966-14-4183-4, 978-966-14-4182-7, 978-966-14-4181-0
FB2: "MCat78 ", 2016-06-01, version 1.0
UUID: ab48ec87-ac23-11e4-b5d9-0025905a06ea
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Сергей Александрович Есенин

Собрание сочинений в одной книге

«Жизнь – обман с чарующей тоскою,
Оттого так и сильна она,
Что своею грубою рукою
Роковые пишет письма.
Я всегда, когда глаза закрою,
Говорю: «Лишь сердце потревожь,
Жизнь – обман, но и она порою
Украшает радостями ложь...»

Содержание

#1	0024
«...Чтоб и мое степное пенье сумело бронзой прозвенеть»	0025
Стихотворения	0058
«Вот уж вечер. Роса...»	0058
«Там, где капустные грядки...»	0059
«Поет зима – аукает...»	0059
Подражанье песне	0060
«Выткался на озере алый свет зари...»	0062
«Дымом половодье...»	0063
«Сыплет черемуха снегом...»	0064
Калики	0065
Поэт	0066
Звезды	0067
И. Д. Рудинскому	0068
«Под венком лесной ромашки...»	0069
«Темна ноченька, не спится...»	0070
«Хороша была Танюша, краше не было в селе...»	0071
Воспоминание	0072
Моя жизнь	0074
Что прошло – не вернуть	0075
Ночь	0077
Восход солнца	0078
К покойнику	0079

Зима	0080
Песня старика разбойника	0081
Ночь	0082
Больные думы	0083
Персидские мотивы	0486
Стихи на случай Шуточные стихи, частушки	0585
Поэмы	0598
Песнь о Евпатии Коловрате	0598
Марфа Посадница	0605
Пугачев	0612
Страна негодяев	0670
Ленин	0739
Песнь о великом походе	0744
Поэма о 36	0766
Анна Снегина	0785
Черный человек	0816
Проза	0823
Яр Повесть	0823
У Белой воды	1014
Бобыль и Дружок (Рассказ, посвященный сестре Катюше)	1029
Железный Миргород	1035
Статьи и заметки	1055
Ярославны плачут	1055
Отчее слово (По поводу романа Андрея Белого «Котик Летаев»)	1061
О «Зареве» Орешина	1067

Ключи Марии	1069
Быт и искусство (Отрывок из книги «Словесные орнаменты»)	1110
Вступление к сборнику «Стихи скандалиста»	1120
Предисловие	1121
Анкета журнала «Книга о книгах». К юбилею Пушкина	1124
В. Я. Брюсов	1125
Дама с лорнетом (Вроде письма. На общеизвестное)	1128
О резолюции ЦК РКП(б) о художественной литературе	1130
Ответ редакции «Новой вечерней газеты»	1132
Автобиографии	1133
Сергей Есенин	1133
Автобиография	1138
Автобиография	1142
О себе	1148
Письма	1152
1. Г. А. Панфилову (Константиново, 7 июля 1911 г.)	1152
2. К. П. Воронцову (Спас-Клепики, 10 мая 1912 г.)	1153
3. Г. А. Панфилову (Константиново, июнь 1911 г.)	1154
4. М. П. Бальзамовой (Константиново, вторая	

декада июля 1912 г.)	1156
5. М. П. Бальзамовой (Константиново, конец июля 1912 г.)	1159
6. Г. А. Панфилову (Москва, до 18 августа 1912 г.)	1161
7. Г. А. Панфилову (Москва, август 1912 г.)	1164
8. М. П. Бальзамовой (Москва, после 18 августа 1912 г.)	1166
9. Г. А. Панфилову (Москва, ноябрь 1912 г.)	1167
10. Г. А. Панфилову (Москва, 9 (?) или 10 (?) декабря 1912 г.)	1168
11. Г. А. Панфилову (Москва, середина (?) декабря 1912 г.)	1170
12–13. М. П. Бальзамовой (Москва, 14 октября 1912 г.)	1173
14. Г. А. Панфилову (Константиново, вторая половина февраля – начало марта (?) 1913 г.)	1176
15. Г. А. Панфилову (Москва, между 16 марта и 13 апреля 1913 г.)	1177
16. М. П. Бальзамовой (Москва, 1 июня 1913)	1180
17. Г. А. Панфилову (Москва, ноябрь 1912 г.)	1183
18. Г. А. Панфилову (Москва, 23 апреля 1913 г.)	1186
19. М. П. Бальзамовой (Москва, 12 июня 1913 г.)	

.....	1192
20. М. П. Бальзамовой (Москва, 29 мая 1913 г.) . . .	1194
21. М. П. Бальзамовой (Москва, 21 октября 1912 г.)	1194
22. М. П. Бальзамовой (Москва, 26 января 1913 г.)	1198
23. Г. А. Панфилову (Москва, 16 июня 1913 г.) . . .	1201
24. М. П. Бальзамовой (Москва, 9 февраля 1913 г.)	1202
25. М. П. Бальзамовой (Москва, первая половина сентября 1913 г.)	1205
26. Г. А. Панфилову (Москва, между 3 и 7 ноября 1913 г.)	1210
27. Г. А. Панфилову (Москва, после 23 сентября 1913 г.)	1210
28. Г. А. Панфилову (Москва, первая половина (?) сентября 1913 г.)	1215
29. М. П. Бальзамовой (Москва, между маем и декабрем 1913 г.)	1217
30. Г. А. Панфилову (Москва, август – начало (?) сентября 1912 г.)	1220
31. М. П. Бальзамовой (Москва, 10 декабря 1913 г.)	1223
32. Г. А. Панфилову (Москва, январь 1914 г.) . . .	1224
33. Г. А. Панфилову (Москва, январь 1914 г.) . . .	

1225

34. Г. А. Панфилову (Москва, февраль 1914 г.) . . .

1227

35. М. П. Бальзамовой (Москва, февраль 1914 г.)

..... 1228

36. М. П. Бальзамовой (Москва, 29 октября 1914

г.) 1229

37. А. В. Ширяевцу (Москва, 21 января 1915 г.) . . .

1232

38. В Суриковский литературно-музыкальный

кружок (Москва, 8 февраля 1915 г.) 1234

39. Г. Д. Дееву-Хомяковскому (Москва, 9 или 10

февраля 1915 г.) 1235

40. В редакцию журнала «Красный смех»

(Москва, февраль – до 8 марта 1915 г.) 1236

41. А. А. Блоку (Петроград, 9 марта 1915 г.) 1238

42. М. П. Бальзамовой (Петроград, 15 или 16

марта 1915 г.) 1238

43. Н. А. Клюеву (Петроград, 24 апреля 1915 г.) . .

1239

44. А. М. Ремизову и С. П. Ремизовой-Довгелло

(Петроград, 24 апреля 1915 г.) 1240

45. М. П. Бальзамовой (Петроград, 24 апреля

1915 г.) 1241

46. И. К. Коробову (Москва, 4 мая 1915 г.) . 1242

47. Л. В. Берману (Константиново, 2 июня 1915

г.) 1244

48. В. С. Чернявскому (Константиново, после 12

или 13 июня 1915 г.)	1245
49. В. С. Чернявскому (Константиново, 22 июля 1915 г.)	1248
50. Д. В. Философову (Константиново, до 20 августа 1915 г.)	1249
51. Ф. Ф. Фидлеру (Петроград, 10 октября 1915 г.)	1250
52. Л. Н. Столице (Петроград, 22 октября 1915 г.)	1251
53. Н. В. Рыковскому (Петроград, вторая половина ноября – декабрь 1915 г.)	1252
54. М. В. Аверьянову (Петроград, 16 ноября 1915 г.)	1253
55. К. К. Владимирову (Петроград, осень (?) 1916 г.)	1254
56. Р. В. Иванову-Разумнику (Петроград, между 7 и 20 декабря 1915 г.)	1255
57. М. П. Мурашову (Петроград, между 17 марта и 12 апреля 1916 г.)	1256
58. М. П. Мурашову (Петроград (?), 27 апреля 1916 г.)	1256
59. Л. Н. Столице (Москва, 28 июня 1916 г.)	1257
60. М. П. Мурашову (Москва, 29 июня 1916 г.) . . .	1258
61. М. П. Мурашову (Петроград, 13 июля 1916 г.)	1259
62. Н. А. Ключеву (Царское Село, июль – август 1916 г.)	1260

63. Н. Н. Ливкину (Царское Село, 12 августа 1916 г.)..... 1262
64. М. П. Мурашову (Царское Село, после 29 августа 1916 г.)..... 1265
65. М. П. Мурашову (Царское Село, сентябрь – первая половина декабря 1916 г.)..... 1266
66. В Литературный фонд (Царское Село, между 15 и 25 сентября 1916 г.)..... 1267
67. Т. Ф. Есениной (Царское Село, 20 октября 1916 г.)..... 1268
68. Л. Н. Андрееву (Царское Село, 20 октября 1916 г.)..... 1269
69. М. В. Аверьянову (Царское Село, 8, или 18, или 28 декабря 1916 г.)..... 1270
70. И. И. Ясинскому (Царское Село, 20 ноября 1916 г.)..... 1271
71. А. Л. Вольнскому (Царское Село, 30 ноября 1916 г.)..... 1272
72. И. И. Ясинскому (Царское Село, декабрь 1916 г. – февраль 1917 г.)..... 1273
73. М. П. Мурашову (Петроград, ноябрь (?) – декабрь (?) 1917 г.)..... 1274
74. М. П. Мурашову (Петроград, 1917 г.)... 1275
75. Р. В. Иванову-Разумнику (Царское Село, 6 февраля 1917 г.)..... 1275
76. А. В. Ширяевцу (Петроград, конец мая – начало июня 1917 г.)..... 1276
77. А. В. Ширяевцу (Константиново, 24 июня

1917 г.)	1277
78. М. П. Мурашову (Петроград, 21 ноября 1917 г.)	1282
79. А. Белому (Петроград, до 9 марта 1918 г.)	1282
80. Л. Н. Столице (Петроград, до 9 марта 1918 г.)	1283
81. Р. В. Иванову-Разумнику (Петроград, конец декабря 1917 г.)	1284
82. Р. В. Иванову-Разумнику (Москва, 30 сентября 1918 г.)	1286
83. А. Белому (Москва, конец сентября 1918 г.)	1287
84. В Профессиональный Союз писателей (Москва, между 9 и 17 декабря 1918 г.)	1288
85. В Профессиональный Союз писателей (Москва, между 18 и 20 декабря 1918 г.)	1289
86. В Литературно-художественный клуб советской секции Союза писателей-художников и поэтов (Москва, после 1919 г.)	1290
87. Во «Дворец искусств» (Москва, 28 апреля 1919 г.)	1291
88. З. Н. Райх (Москва, 18 июня 1919 г.)	1291
89. В Государственное издательство (Москва, 20 августа 1919 г.)	1292
90. В Государственное издательство (Москва, до 13 октября 1919 г.)	1292

91. Е. Р. Эйгес (Москва, осень 1919 г.) 1293
92. А. М. Кожебаткину (Москва, не ранее 11 августа 1919 г.) 1294
93. Л. И. Повицкому (Москва, конец 1918 – начало 1919 гг.) 1294
94. В отдел печати Московского совета рабочих и крестьянских депутатов (Москва, до 18 февраля 1920 г.) 1296
95. Е. И. Лившиц (Москва, 8 июня 1920 г.) . 1297
96. А. В. Ширяевцу (Москва, август (?) – сентябрь (?) 1919 г.) 1299
97. А. В. Ширяевцу (Москва, 26 июня 1920 г.) 1300
98. А. М. Сахарову (Ростов-на-Дону, июль 1920 г.) 1303
99. Е. И. Лившиц (Минеральные Воды, 11 августа 1920 г.) 1305
100. Р. В. Иванову-Разумнику (Москва, 4 декабря 1920 г.) 1308
101. В. Л. Львову-Рогачевскому (Москва, первая половина 1919 г.) 1310
102. С. Д. Балухатому (Москва, 22 января 1921 г.) 1311
103. А. М. Сахарову (Москва, апрель 1921 г.) 1312
104. А. Б. Мариенгофу (Самара, конец апреля – начало мая 1921 г.) 1313
105. Р. В. Иванову-Разумнику (Ташкент, май

1921 г.)	1316
106. А. Б. Мариенгофу и Г. Р. Колобову (Москва, 19 ноября 1921 г.)	1323
107. Н. А. Клюеву (Москва, декабрь 1921 г.)	1324
108. М. Д. Ройзману (Москва, 1921 г.)	1325
109. И. И. Ионову (Петроград, 13 февраля 1922 г.)	1325
110. А. Б. Мариенгофу (Ростов-на-Дону, февраль 1922 г.)	1326
111. Р. В. Иванову-Разумнику (Москва, 6 марта 1922 г.)	1327
112. С. Т. Григорьеву (Москва, 6 марта 1922 г.)	1332
113. А. В. Луначарскому (Москва, 17 марта 1922 г.)	1332
114. Е. А. Есениной (Москва, 25 апреля 1922 г.)	1333
115. А. Б. Кусикову (Москва, до 5 мая 1922 г.)	1334
116. Н. А. Клюеву (Москва, 5 мая 1922 г.)	1334
117. Г. А. Бениславской (Москва, 8 мая 1922 г.)	1336
118. И. И. Шнейдеру (Висбаден, 21 июня 1922 г.)	1337
119. М. М. Литвинову (Дюссельдорф, 29 июня 1922 г.)	1340
120. А. М. Сахарову (Дюссельдорф, 1 июля 1922 г.)	1341

121. А. Б. Мариенгофу (Остенде, 9 июля 1922 г.)
..... 1344
122. И. И. Шнейдеру (Брюссель, 13 июля 1922 г.)
..... 1348
123. А. Б. Мариенгофу (Париж, не ранее 20
июля – не позднее начала августа 1922 г.) .1351
124. Е. А. Есениной (Венеция, 10 августа 1922 г.)
..... 1354
125. А. Ярмолинскому (Нью-Йорк, 1 ноября 1922
г.)..... 1356
126. А. Б. Мариенгофу (Нью-Йорк, 12 ноября
1922 г.).....1357
127. М. Л. Брагинскому (Нью-Йорк, конец
января 1923 г.).....1361
128. Е. А. Есениной (Париж, 22 апреля 1923 г.) . . .
1363
129. А. Б. Мариенгофу (Париж, вторая половина
апреля 1923 г.).....1364
130. А. Дункан (Москва, 29 августа 1923 г.) .1366
131. Е. А. Есениной (Москва, 22 сентября 1923 г.)
..... 1367
132. В. И. Вольпину (Москва, 19 декабря 1923 г.)
..... 1367
133. В. И. Вольпину (Москва, 1 января 1924 г.) . . .
1368
134. Н. П. Савкину (Москва, 14 января 1924 г.) . . .
1369
135. Н. П. Хорикову (Москва, 7 февраля 1924 г.)

.....	1369
136. Е. Д. Иоффе (Москва, 30 марта 1924 г.)	1370
137. А. А. Берзинь (Москва, 4 апреля 1924 г.)	1371
138. В правление Ассоциации Вольнодумцев (Москва, 7 апреля 1924 г.)	1372
139. В. Г. Шершеневичу (Москва, 11 апреля 1924 г.)	1373
140. Г. А. Бениславской (Ленинград, 15 апреля 1924 г.)	1373
141. Крутову, Пестрякову, Ельцову (Москва, до 30 апреля 1924 г.)	1375
142. Г. А. Бениславской (Ленинград, начало мая 1924 г.)	1376
143. Г. А. Бениславской (Москва, 12 июня 1924 г.)	1377
144. Устроителям вечера поэзии в здании Городской думы (Ленинград, 14 апреля 1924 г.)	1378
145. В. В. Казину (Ленинград, 28 июня 1924 г.)	1378
146. Г. А. Бениславской (Ленинград, 15 июля 1924 г.)	1379
147. Г. А. Бениславской (Ленинград, 26 июля 1924 г.)	1380
148. А. А. Берзинь (Константиново, 14 августа 1924 г.)	1382
149. Е. Я. Белицкому (Константиново, 14 августа	

1924 г.)	1383
150. М. Д. Ройзману (Москва, 24 августа 1924 г.)	1385
151. Ф. А. Березовскому (Москва, 26 августа 1924 г.)	1386
152. О. М. Бескину (Москва, 1 сентября 1924 г.)	1386
153. А. А. Берзинь (Москва, между 19 августа и 2 сентября 1924 г.)	1387
154. В. В. Казину (Москва, до 3 сентября 1924 г.)	1388
155. А. А. Берзинь (Москва, не позднее 3 сентября 1924 г.)	1388
156. В. П. Яблонскому (Москва, 3 сентября 1924 г.)	1389
157. Г. А. Бениславской (Москва, август 1924–1925 гг.)	1389
158. Н. К. Вержбицкому и С. Н. Вержбицкой (Баку, до 12 апреля 1924 г.)	1390
159. Е. А. Есениной (Тифлис, 17 сентября 1924 г.)	1391
160. П. И. Чагину (Баку, 20 сентября 1924 г.)	1393
161. Администратору клуба им. Сабира (Баку, 3 октября 1924 г.)	1393
162. Г. А. Бениславской (Тифлис, 17 октября 1924 г.)	1394
163. Г. А. Бениславской (Тифлис, 20 октября	

1924 г.)	1396
164. М. И. Лившиц (Тифлис, 20 октября 1924 г.)	1398
165. А. А. Берзинь (Тифлис, 21 октября 1924 г.)	1399
166. Г. А. Бениславской (Тифлис, 29 октября 1924 г.)	1400
167. П. М. Денисовой-Соколовой (Тифлис, 17 ноября 1924 г.)	1403
168. Г. А. Бениславской (Тифлис, после 2 ноября 1924 г.)	1404
169. Г. А. Бениславской (Тифлис, между 3 и 6 декабря 1924 г.)	1405
170. В издательство «Советский Кавказ» (Тифлис, 3 декабря 1924 г.)	1405
171. Г. А. Бениславской (Батум, 12 декабря 1924 г.)	1406
172. П. И. Чагину (Батум, 14 декабря 1924 г.)	1407
173. В. В. Казину (Батум, 15 декабря 1924 г.)	1410
174. Г. А. Бениславской (Батум, 17 декабря 1924 г.)	1411
175. Г. А. Бениславской (Батум, 20 декабря 1924 г.)	1414
176. П. И. Чагину (Батум, 20 декабря 1924 г.)	1420
177. А. А. Берзинь (Батум, декабрь 1924 г. –	

начало 1925 г.)	1421
178. Н. К. Вержбицкому (Батум, 31 декабря 1924 г.)	1422
179. Г. А. Бениславской (Батум, 20 января 1925 г.)	1423
180. Н. К. Вержбицкому (Батум, 26 января 1925 г.)	1425
181. Е. И. Лившиц (Батум, 26 января 1925 г.)	1427
182. Г. А. Бениславской (Батум, между 12 (13?) и 17 (18?) февраля 1925 г.)	1429
183. Г. А. Бениславской (Тифлис, 21 февраля 1925 г.)	1429
184. П. И. Чагину (Москва, между 3 и 7 марта 1925 г.)	1430
185. Н. К. Вержбицкому (Москва, 6 марта 1925 г.)	1432
186. Т. Ю. Табидзе (Москва, 20 марта 1925 г.)	1435
187. В. И. Эрлиху (Москва, 24 марта 1925 г.)	1437
188. Н. Н. Накорякову (Москва, 27 марта 1925 г.)	1438
189. Г. А. Бениславской (Баку, до 8 апреля 1925 г.)	1439
190. Г. А. Бениславской (Баку, 8 апреля 1925 г.)	1440
191. Г. А. Бениславской и Е. А. Есениной (Баку,	

22 апреля 1925 г.)	1442
192. Е. А. Есениной (Баку, 26 апреля 1925 г.)	1443
193. Г. А. Бениславской (Баку, конец апреля – начало мая 1925 г.)	1443
194. Г. А. Бениславской (Баку, 5 мая 1925 г.)	1444
195. Г. А. Бениславской (Баку, 11–12 мая 1925 г.)	1444
196. Г. А. Бениславской (Баку, 12 мая 1925 г.)	1448
197. В. И. Качалову (Баку, 15 мая 1925 г.)	1449
198. П. И. Чагину (Баку, сентябрь 1924–1925 гг.)	1450
199. Г. А. Бениславской (Баку, 25 мая 1925 г.)	1450
200. Е. А. Есениной (Москва, 16 июня 1925 г.)	1451
201. В Литературный отдел Госиздата (Москва, 17 июня 1925 г.)	1452
202. Е. А. Есениной (Москва, 3 июля 1925 г.)	1453
203. А. М. Горькому (Москва, 3 июля 1925 г.)	1453
204. П. И. Чагину (Москва, 6 июля 1925 г.)	1454
205. В издательство «Современная Россия» (Москва, 22 июля 1925 г.)	1455
206. Н. К. Вержбицкому (Москва, до 25 июля	

1925 г.)	1456
207. А. А. Берзинь (Ростов-на-Дону, 26 июля 1925 г.)	1457
208. В. И. Эрлиху (Ростов-на-Дону, 26 июля 1925 г.)	1458
209. А. А. Берзинь (Мардакяны, 3 августа 1925 г.)	1459
210. П. И. Чагину (Мардакяны, 18 августа 1925 г.)	1460
211. А. А. Есениной (Москва, 21 или 22 сентября 1925 г.)	1461
212. В. В. Казину (Москва, 13 октября 1925 г.)	1461
213. В. И. Вольпину (Москва, 14 октября 1925 г.)	1462
214. А. А. Берзинь (Москва, 16 октября 1925 г.)	1462
215. И. М. Касаткину (Москва, 21 октября 1925 г.)	1463
216. И. В. Грузинову (Москва, сентябрь – октябрь 1925 г.)	1464
217. П. И. Чагину (Москва, после 6 сентября 1925 г.)	1464
218. П. И. Чагину (Москва, 8 ноября 1925 г.)	1465
219. С. А. Толстой-Есениной (Москва, до 26 ноября 1925 г.)	1466
220. С. А. Толстой-Есениной (Москва, 7 (?) июля	

1925 г.)	1466
221. П. И. Чагину (Москва, 27 ноября 1925 г.)	1467
222. И. И. Есенину (Москва, 6 декабря 1925 г.)	1469
223. И. В. Евдокимову (Москва, 6 декабря 1925 г.)	1469
224. В. И. Эрлиху (Москва, 7 декабря 1925 г.)	1470
225. С. А. Толстой-Есениной (Москва, 9 декабря 1925 г.)	1471
226. Я. Е. Цейтлину (Москва, 13 декабря 1925 г.)	1471
227. Е. А. Есениной (Москва, между 7 и 13 декабря 1925 г.)	1473
228. С. А. Толстой-Есениной (Москва, между 17 и 19 декабря 1925 г.)	1474
229. В литературно-художественный отдел Госиздата (Москва, 21 декабря 1925 г.)	1474
230. В. И. Эрлиху (Ленинград, 24 декабря 1925 г.)	1475
231. В. И. Эрлиху (Ленинград, 24 декабря 1925 г.)	1475
232. В. И. Эрлиху (Ленинград, 27 декабря 1925 г.)	1476
Комментарии	1477
#1	1477
Стихотворения	1479

Поэмы	1550
Проза	1555
Статьи и заметки	1556
Автобиографии	1559

Сергей Есенин
Собрание сочинений в одной
книге

© Баштовая Н. Г., составление, коммента-
рии, 2012

© Веселова И. С., комментарии, 2012

© Сухих И. Н., вступ. ст., 2012

© Nemiro Ltd, издание на русском языке,
2012

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досу-
га», художественное оформление, 2012

* * *

«...Чтоб и мое степное пенье сумело бронзой прозвенеть»

В 1924 году, отвечая на анкету в связи с очередным пушкинским юбилеем, Сергей Есенин написал: «Пушкин – самый любимый мной поэт. С каждым годом я воспринимаю его все больше и больше как гения страны, в которой я живу». В этой любви он был не одинок.

Несмотря на авангардистские призывы «бросить Пушкина с парохода современности», и для поэтов двадцатого века он оставался собеседником, идеалом, мерой эстетического вкуса и совершенства. Но у каждого был свой Пушкин («Мой Пушкин» – называлась эссе М. И. Цветаевой, 1937).

Блок заканчивает свой путь стихами «Пушкинскому дому» и апологией пушкинской *тайной свободы* в речи «О назначении поэта» (1921). Маяковский пишет «Юбилейное» (1924), где говорит с Пушкиным очень лично, как с соратником («Были б живы – стали бы по Лефу соредатор»), и в то же время –

как памятник с памятником. Сергей Есенин в том же юбилейном году использует сходный прием: общение с памятником. Но он видит на пьедестале и в жизни совсем иного поэта:

*Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой.*

*Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший как туман,
О Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган.*

...
*Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь...
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.*

(«Пушкину», 1924)

Блоковский Пушкин – Поэт, сын гармонии, поэтический Моцарт, Пушкин Маяковского – Мастер, напоминающий Сальери: он владел «хорошим слогом», но может, если нужно, бросить «ямб картавый» и освоить агитки

и рекламу, «жиркость и сукна».

Пушкин у Есенина – хулиган и повеса, вошедший в легенды, представший в бронзе выкованной славы. В коротком стихотворении Есенин дважды повторяет слово судьба: Пушкин для него – не только поэтический образец, но и жизненный идеал, модель поведения: «Я умер бы сейчас от счастья, / Сподобленный такой судьбе».

Однако сюжет есенинской судьбы заставляет, скорее, вспомнить о Лермонтове. Жизнь Есенина, как и лермонтовская, стала книгой, еще одним томом собрания его сочинений. Однако она сложилась по законам есенинского художественного мира: не как романтическая баллада, а как волшебная сказка, но – с трагическим концом. В таком жанре увидел есенинскую судьбу Б. Л. Пастернак: «Есенин к жизни своей отнесся как к сказке. Он Иван-Царевичем на сером волке перелетел океан и, как жар-птицу, поймал за хвост Айседору Дункан. Он и стихи свои писал сказочными способами, то, как из карт, раскладывая пасьянсы из слов, то записывая их кровью сердца. Самое драгоценное в нем – образ родной

природы, лесной, среднерусской, рязанской, переданной с ошеломляющей свежестью, как она далась ему в детстве» («Люди и положения», 1956).

Эта сказка начиналась в прозаической обстановке. Сергей Александрович Есенин родился 21 сентября (4 октября) 1895 года в рязанском селе Константинове. Отношения между родителями были сложными: отец и после женитьбы продолжал работать в Москве, мать вынуждена была служить прислугой в Рязани. У него было типичное крестьянское детство, без гувернеров и гимназии, но с обычными для деревенского ребенка радостями и опасностями.

«С двух лет, по бедности отца и многочисленности семейства, был отдан на воспитание довольно зажиточному деду по матери, у которого было трое взрослых неженатых сыновей, с которыми протекло почти все мое детство. Дядья мои были ребята озорные и отчаянные. Трех с половиной лет они посадили меня на лошадь без седла и сразу пустили в галоп. Я помню, что очумел и очень крепко держался за холку.

Потом меня учили плавать. Один дядя (дядя Саша) брал меня в лодку, отъезжал от берега, снимал с меня белье и, как щенка, бросал в воду. Я неумело и испуганно плескал руками, и, пока не захлебывался, он все кричал: “Эх, стерва! Ну куда ты годишься?” “Стерва” у него было слово ласкательное. После, лет восьми, другому дяде я часто заменял охотничью собаку, плавая по озерам за подстреленными утками. Очень хорошо я был выучен лазить по деревьям. Из мальчишек со мной никто не мог тягаться. Многим, кому грачи в полдень после пахоты мешали спать, я снимал гнезда с берез, по гривеннику за штуку. Один раз сорвался, но очень удачно, оцарапав только лицо и живот да разбив кувшин молока, который нес на косьбу деду.

Средь мальчишек я всегда был коноводом и большим драчуном и ходил всегда в царпинах» («Сергей Есенин», 1922).

В том же году Есенин вспомнит о детстве и в стихах:

*Худощавый и низкорослый,
Средь мальчишек всегда герой,
Часто, часто с разбитым носом*

Приходил я к себе домой.

*И навстречу испуганной маме
Я цедил сквозь кровавый рот:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет».*

(«Все живое особой метой...», февраль 1922)

Но была в жизни Есенина и другая, необычная, сторона, предсказывающая, угадывающая будущее призвание. «Мы часто ездили ... на Оку поить лошадей. Ночью луна при тихой погоде стоит стоймя в воде. Когда лошади пили, мне казалось, что они вот-вот выпьют луну, и радовался, когда она вместе с кругами отплывала от их ртов» («Автобиография», 1924). Луна станет одной из главных «героинь», одним из доминирующих образов поэзии Есенина. Из детства она более 150 раз приплывет в его стихи, в том числе в абсолютно напоминающем детское впечатление виде: «Нынче луну с воды / Лошади выпили» («Небесный барабанщик», 1918).

Читать Есенин научился в пять лет. Через несколько лет он уже пытается сочинять сам.

«Стихи начал слагать рано. Толчки давала бабка. Она рассказывала сказки. Некоторые сказки с плохими концами мне не нравились, и я их переделывал на свой лад. Стихи начал писать, подражая частушкам» («Автобиография», 1923).

В 1904 году поступил в четырехклассное Константиновское земское училище, потом окончил двухлетнюю учительскую школу. На этом его официальное образование завершилось. «Родные хотели, чтоб из меня вышел сельский учитель. Надежды их простирались до института, к счастью моему, в который я не попал» («Автобиография», 1924).

Правда, приехав в Москву в 1912 году «без гроша денег», Есенин какое-то время посещает вечерний университет, но ни средств, ни времени на лекции не хватает. Он служит вместе с отцом приказчиком в мясной лавке, но вскоре резко порывает и с родителем, и с мясным делом, перейдя в более близкую и привлекательную книжную торговлю.

Уже в это время сочинительство становится его главным делом (первые публикуемые в его сборниках стихи помечены 1910-м го-

дом). Поначалу Есенин общается с так называемыми «крестьянскими поэтами» из Суриковского кружка, идеалом которых были А. Кольцов, И. Никитин, И. Суриков, а основными мотивами – трудная доля бедняка, одиночество, тоска. Но вдруг из во многом подражательного, вторичного *крестьянского поэта* вырастает просто *поэт*, желающий, чтобы его судили по высоким критериям современной литературы.

В марте 1915 года Есенин отправляется в Петербург и сразу же в день приезда приходит к Блоку. «Днем у меня рязанский парень со стихами, – отмечает Блок в записной книжке 9 марта 1915 года. – Крестьянин Рязанской губернии, 19 лет. Стихи свежие, чистые, голосистые...»

С этой встречи Есенин начинает завоевание Петербурга и современной поэзии. При этом он учитывает два обстоятельства: вечные ожидания талантливого поэта «из народа», на которого «кающиеся интеллигенты» всегда возлагали особые надежды, и опыт футуристов-авангардистов, использовавших для приобретения популярности театральные

приемы: публичные выступления, необычную одежду, эпатирующие высказывания. Есенин не столько был крестьянином (в сущности, он никогда, даже в раннем детстве, не жил обычной крестьянской жизнью), сколько талантливо *играл* крестьянина.

Многие современники заметили и описали появление Есенина в известном символистском салоне Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус (Есенин тоже вспоминает о нем в фельетоне «Дама с лорнетом», 1924–1925). Вот как – по-толстовски, сопоставляя видимое, сказанное и подразумеваемое – рассказал о нем близкий к футуризму и знавший толк в авангардистском эпатаже филолог В. Б. Шкловский: «Есенина я увидел в первый раз в салоне Зинаиды Гиппиус, здесь он был уже в опале.

– Что это у вас за странные гетры? – спросила Зинаида Николаевна, осматривая ноги Есенина через лорнет.

– Это валенки, – ответил Есенин.

Конечно, и Гиппиус знала, что валенки не гетры, и Есенин знал, для чего его спросили. Зинаидин вопрос обозначал: не припом-

ню, не верю я в ваши валенки, никакой вы не крестьянин.

А ответ Есенина обозначал: отстань и совсем ты мне не нужна» («Современники и синхронисты», 1924).

Похожий эпизод вспоминал и Маяковский: «В первый раз я его встретил в лаптях и в рубахе с какими-то вышивками крестиками. Это было в одной из хороших ленинградских квартир. Зная, с каким удовольствием настоящий, а не декоративный мужик меняет свое одеяние на штиблеты и пиджак, я Есенину не поверил. Он мне показался опереточным, бутафорским. Тем более что он уже писал нравящиеся стихи и, очевидно, рубли на сапоги нашлись бы.

Как человек, уже в свое время относивший и отставивший желтую кофту, я деловито осведомился относительно одежды:

– Это что же, для рекламы?

Есенин отвечал мне голосом таким, каким заговорило бы, должно быть, ожившее лампадное масло. Что-то вроде:

– Мы деревенские, мы этого вашего не понимаем... мы уж как-нибудь... по-нашему...

В исконной, посконной...

Его очень способные и очень деревенские стихи нам, футуристам, конечно, были враждебны.

Но малый он был как будто смешной и милый.

Уходя, я сказал ему на всякий случай:

– Пари держу, что вы все эти лапти да петушки-гребешки бросите!

Есенин возражал с убежденной горячностью» («Как делать стихи», 1926).

Маяковский утверждал, что он выиграл пари, но – лишь через несколько лет. «Есенин мелькал. Плотно я его встретил уже после революции у Горького. Я сразу со всей врожденной неделикатностью заорал: “Отдавайте пари, Есенин, на вас и пиджак и галстук!” Есенин озлился и пошел задирачься».

Но в начале пути белая рубашка, плисовые (бархатные) шаровары и цветные сапожки оказываются необходимыми. В таком наряде Есенин вместе с другим поэтом из народа, Н. А. Клюевым, в октябре 1915 года выступает на большом вечере в зале Тенишевского училища на Моховой улице (там же раньше

проходили скандальные вечера футуристов). Он не только читает стихи, но играет на гармошке, поет частушки. В зале присутствуют Блок и другие известные представители петербургской интеллигенции.

Нового поэта окрестили Лелем, имея в виду то ли легендарного славянского божка (наподобие Амура), то ли кудрявого пастушка, героя сказочной пьесы А. Н. Островского «Снегурочка». Конечно, эта роль была бы сразу разоблачена (что неоднократно происходило с самозванцами из разных литературных групп), если бы с ней не были связаны талантливые стихи.

*Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленький матке
Зеленое вымя сосет.*

(«Там, где капустные грядки...»,
1910)

*Я пастух, мои палаты –
Межи зыбистых полей,
По горам зеленым – скаты
С гарком гулких дупелей.*

*Вяжут кружево над лесом
В желтой пене облака.
В тихой дреме под навесом
Слышу шепот сосняка.*

…
*Говорят со мной коровы
На кивливом языке.
Духовитые дубровы
Кличут ветками к реке.*

(«Я пастух, мои палаты...», 1914)

В начале 1916 года выходит первая книга Есенина «Радуница» (так назывался у восточных славян весенний послепасхальный праздник, связанный с поминанием предков и в то же время – с весельем, радостью в связи с приходом весны). В русской литературе появился новый – и очень необычный – поэт, органически соединивший деревенскую тематику, национальный пейзаж, фольклорную поэтику и достижения современного словесного искусства (позднее один из литературоведов назовет Есенина «новокрестьянским поэтом-символистом»).

Однако радуница-радость совсем не гармо-

нировала с происходившими в России событиями. Книга Есенина вышла в разгар мировой войны. Сначала поэт без определенных занятий получил отсрочку от военной службы, но в марте 1916 года он все-таки оказался в армии, правда, на месте санитаря военно-санитарного поезда, лишь изредка выезжающего на фронт. Летом 1917 года Есенин обвенчался с З. Н. Райх, в это время секретарем-машинисткой, позднее ставшей известной актрисой.

Октябрьскую революцию Есенин встретил восторженно. «В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал все по-своему, с крестьянским уклоном», – сказано в поздней автобиографии (1925). Этот уклон проявился в серии из десяти «маленьких поэм», созданных Есениным в 1917–1919 гг. О революционных событиях здесь рассказывается с помощью религиозной образности, Лель-пастушок, тихий инок превращается в пророка, тема социального бунта перерастает в богоборчество.

*Тучи – как озера,
Месяц – рыжий гусь.*

*Пляшет перед взором
Буйственная Русь.*

*Дрогнул лес зеленый,
Закипел родник.
Здравствуй, обновленный
Отчарь мой, мужик!*

(«Отчарь», 19–20 июня 1917)

*Лай колоколов над Русью гроз-
ный –
Это плачут стены Кремля.
Ныне на пики звездные
Вздыбливаю тебя, земля!*

*Протянусь до незримого города,
Млечный прокушу покров.
Даже богу я выщиплю бороду
Оскалом моих зубов.*

(«Инония», январь 1918)

Блок увидел в революции стихию и музыку, шествие двенадцати с идущим впереди Иисусом Христом. Маяковский – организованную железную поступь матросов под руководством большевиков и Ленина. Есенин – восстание природы, крушение кумиров, пере-

оценку всех ценностей, после которых на земле воцарится рай.

*Листьями звезды льются
В реки на наших полях.
Да здравствует революция
На земле и на небесах!*

...
*Нам ли страшны полководцы
Белого стада горилл?
Взвихренной конницей рвется
К новому берегу мир.*

(«Небесный барабанщик», 1918 –
начало 1919)

Но в пафосе разрушения старого и утопическом порыве в будущее три поэта оказываются близки. Даже космическая образность и акцентный стих есенинского «Небесного барабанщика» напоминают стихи его вечного соперника Маяковского.

Однако в первых послереволюционных поэмах Есенин не только воспеваает стихийный бунт, вступает в схватку с Богом, признает себя давним союзником новой власти: «Небо – как колокол, / Месяц – язык, / Мать моя – родина, / Я – большевик» («Иорданская голубица»,

20–23 июня 1918).

За маской уверенного в себе наследника Васьки Буслаева временами появляется прежний тихий пастушок с явными автобиографическими чертами:

*Пастухи пустыни –
Что мы знаем?..
Только ведь приходское училище
Я кончил,
Только знаю библию да сказки,
Только знаю, что поет овес
при ветре...
Да еще
По праздникам
Играть в гармошку.*

(«Сельский часослов», 1918)

Это образ попавшего в чужой шумный мир деревенского мальчика не раз драматически откликнется в лирике Есенина. Но логика происходящего, «рок событий» требует от поэта иного.

В марте 1918 года новое советское правительство из прифронтового Петербурга, на который наступают войска Юденича, переезжает в Москву. «Вместе с советской властью по-

кинул Петроград», – говорит Есенин в автобиографии.

В 1915 году в путешествие из Москвы в Петербург отправился безвестный крестьянский паренек в валенках-гетрах. Всего через три года из Петербурга в Москву возвращается признанный поэт, готовый бороться за свое место на Парнасе.

*Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.*

...
*Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.*

*Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров.*

(«Разбуди меня завтра рано...»,
1917)

В модернистскую эпоху поэты редко существовали поодиночке. Для того чтобы громко

заявить о себе, был необходим круг сочувствующих и манифест-выкрик. «В Москве 18 года встретился с Мариенгофом, Шершеневичем и Ивневым. Назревшая потребность в проведении в жизнь силы образа натолкнула нас на необходимость опубликования манифеста имажинистов. Мы были зачинателями новой полосы в эре искусства, и нам пришлось долго воевать. Во время нашей войны мы переименовывали улицы в свои имена и раскрасили Страстной монастырь в слова своих стихов», – давал Есенин творческий отчет о своих московских предприятиях («Автобиография», 1923).

Литературная группа *имажинистов*, куда вместе с Есениным вошли упомянутые молодые поэты, возникла в 1919 году. «Декларация» имажинистов была создана бывшим футуристом В. Г. Шершеневичем, заимствовавшим у своих бывших соратников способы утверждения новой эстетики: эпатаж, скандал, выкрик.

При создании нового направления, естественно, надо было заявить об исчерпанности всех прежних. Сначала имажинисты

в двух фразах хоронят своего ближайшего предшественника и соперника: «Скончался младенец, горластый парень десяти лет от роду (родился 1909 – умер 1919). Издох футуризм. Давайте грянем дружнее: футуризму и футурию – смерть». Столь же пренебрежительно и грубо сказано о других литературных направлениях, включая «лысых символистов»: «Забудем о том, что футуризм существовал, так же как мы забыли о существовании натуралистов, декадентов, романтиков, классиков, импрессионистов и прочей дребедени. К чертовой матери всю эту галиматью». О принципах нового искусства говорилось лаконично и неопределенно с указанием-директивой для желающих самим понять суть дела. «Образ, и только образ. Образ – ступнями от аналогий, параллелизмов – сравнения, противоположения, эпитеты сжатые и раскрытые, приложения политематического, многоэтажного построения – вот орудие производства мастера искусства. ... Образ – это броня строки. ... Если кому-нибудь не лень – создайте философию имажинизма, объясните с какой угодно глубиной факт на-

шего появления. Мы не знаем, может быть, оттого, что вчера в Мексике был дождь, может быть, оттого, что в прошлом году у вас оценилась душа, может быть, еще от чего-нибудь, – но имажинизм должен был появиться, и мы горды тем, что мы его оруженосцы, что нами, как плакатами, говорит он с вами».

В 1919–1924 годах имажинисты организуют бурную деятельность: издают журнал «Гостиница для путешествующих в прекрасном», открывают литературное кафе «Стойло Пегаса», проводят вечера, где русская литература (вся!) предстает перед судом имажинистов, а потом они – перед судом русской литературы. Вершиной «самозванства и озорства» становится появление лозунгов на стенах Страстного монастыря (в том числе провокационной есенинской строчки из поэмы «Преображение» – «Господи, отелись!») и переименование улиц (на Тверской несколько дней висела табличка с именем «имажиниста Есенина»).

Участвуя в большинстве имажинистских предприятий, Есенин не мог согласиться с соратниками в главном. Для них, посредствен-

ных стихотворцев, образ был механическим приемом, стихотворение – «лирической конструкцией», искусство – «каталогом образов» (оба определения принадлежат Шершеневичу), лишенным отчетливых смысла и цели. «Лошадь как лошадь» (1920) – назывался главный сборник Шершеневича. Но в нем не было ни одной лошади, а сплошные *принципы* (в заглавиях стихотворений): мещанской концепции, альбомного стиха, примитивного имажинизма, реального параллелизма и даже блока с тумбой.

Есенину в этом сборнике были посвящены несколько стихотворений, в том числе «Лирическая конструкция» (июль 1919):

*Все, кто в люльке Челпанова
мысль свою вынянчил!
Кто на бочку земли сумел обручи
рельс набить,
За растягнутым воротом нынче
Волосатую завтра увидь!*

*Где раньше леса, как зеленые бо-
тики,
Надевала весна и айда –
Там глотки печей в дымной зевоч-*

те

Прямо в небо суют города.

Нет, настоящую лошадь можно было увидеть не в этом ученическом подражании Маяковскому, а совсем в другом месте.

*Видели ли вы,
Как бежит по степям,
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поезд?*

*А за ним
По большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребенок?*

*Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых
коней
Победила стальная конница?*

(«Сорокоуст», август 1920)

Похожий конфликт живого существа и техники, природы и цивилизации Есенин

изображает не абстрактно, а наглядно, не в конструкции, а в живой сцене, не механически, а с болью, восхищением красотой, сожалением об уходящем.

Есенин был прирожденным «имажинистом» и поэтому понимал принципы имажинизма иначе, чем его соратники. В трактате «Ключи Марии» (1918) Есенин говорит об *избе нашего мышления*, где образы прилегают друг к другу как бревна и являются основой будущего искусства: «Будущее искусство расцветет в своих возможностях достижений как некий вселенский вертоград, где люди блаженно и мудро будут хороводно отдыхать под тенистыми ветвями одного преогромнейшего древа, имя которому социализм, или рай...»

Позднее в статье «Быт и искусство» (1920) Есенин отстаивает естественность, органичность создания и сочетания образов, а также их тесную связь с крестьянским бытом: «Собратья мои увлеклись зрительной фигуральностью словесной формы, им кажется, что слова и образ – это уже все. ... Собратья мои не признают порядка и согласованности

в сочетаниях слов и образов. Хочется мне сказать братьям, что они не правы в этом. ... Сажая под окошком ветлу или рябину, крестьянин, например, уже делает четкий и строгий рисунок своего быта со всеми его зависимостями от климатического стиля. Каждый шаг наш, каждая проведенная борозда есть необходимый штрих в картине нашей жизни. ... У братьев моих нет чувства родины во всем широком смысле этого слова, поэтому у них так и несогласовано все. Поэтому они так и любят тот диссонанс, который впитали в себя с удушливыми парами шутовского кривляния ради самого кривляния».

Есенин разошелся с «братьями» довольно быстро: в 1924 году он официально объявил о выходе из группы. Вскоре закончился и весь имажинизм.

Воспевая мир как дом и родство как норму жизни, сочиняя трогательные стихотворные послания матери, сестре, деду, Есенин до конца жизни не имел собственного дома и настоящей семьи. Он колесил по России, летом приезжал в Константиново, подолгу жил на московских квартирах друзей. Его брак

с З. Н. Райх быстро распался. В 1921 году, по словам Пастернака, Есенин «как жар-птицу, поймал за хвост Айседору Дункан».

Но и этот брак не принес новому Ивану-Царевичу счастья. У знаменитого уже поэта и не менее знаменитой, но заканчивающей карьеру танцовщицы в буквальном смысле слова не было общего языка: Айседора почти не говорила по-русски, Есенин не знал иностранных языков. В 1922 году странная семья (избранница была на восемнадцать лет старше Есенина) едет в путешествие по Европе и Америке. Несколько месяцев поэтические вечера, на которых Есенин, как и в России, с огромным успехом читает стихи, перемежаются скандалами с непримиримыми русскими эмигрантами и сценами ревности.

В Америку Есенин и Дункан (сама американка) попали далеко не сразу. Пограничные чиновники отказывались впустить их в страну, опасаясь, что прибывшая из советской России семья распропагандирует американцев. Разрешение на въезд было дано лишь по ходатайству американского президента,

с условием, что Есенин не будет, как в Берлине, петь «Интернационал» в публичных местах. В Новом Свете, не интересующемся поэзией, Есенин оказался всего лишь мужем Дункан, частью ее «свиты», деталью ее экзотического облика.

Он вернулся в Россию через полтора года. В неоконченных очерках об Америке Есенин восхищается «железной и гранитной мощью» страны («Это поэма без слов»), ее «культурой машин» и одновременно иронизирует над примитивностью, узостью американских нравов, напоминающих «незабвенной гоголевской памяти нравы Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича». Самое большое впечатление на Есенина произвел огромный океанский пароход «Париж», чудо современной техники, заставившее поэта – пока теоретически – совсем по-иному взглянуть на воспеваемый им быт полевой Руси. «Я осмотрел коридор, где разложили наш большой багаж, приблизительно в 20 чемоданов, осмотрел столовую, свою комнату, две ваннные комнаты и, сев на софу, громко расхохотался. Мне страшно показался смешным и нелепым тот мир,

в котором я жил раньше. Вспомнил про “дым отечества”, про нашу деревню, где чуть ли не у каждого мужика в избе спит телок на соломе или свинья с поросятами, вспомнил после германских и бельгийских шоссе наши непролазные дороги и стал ругать всех цепляющихся за “Русь” как за грязь и вшивость. С этого момента я разлюбил нищую Россию. Милостивые государи! С того дня я еще больше влюбился в коммунистическое строительство. Пусть я не близок коммунистам как романтик в моих поэмах, – я близок им умом и надеюсь, что буду, быть может, близок и в своем творчестве» («Железный Миргород», 1923).

Сходные мысли и чувства Есенин выражает и в стихах.

*Равнодушен я стал к лачугам,
И очажный огонь мне не мил,
Даже яблонь весеннюю вьюгу
Я за бедность полей разлюбил.*

...
*Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И березам и тополям.*

*Я не знаю, что будет со мною...
Может, в новую жизнь не гожусь,
Но и все же хочу я стальнойю
Видеть бедную, нищую Русь.*

(«Неуютная лунная жидкость...»,
1925)

Но Есенин так и не успел или не захотел стать соратником Маяковского, певцом стальной Руси. Вернувшись из-за границы, он продолжает кочевую, богемную жизнь знаменитого поэта: расторгает брак с Айседорой Дункан и заключает иной, не менее династический, с внучкой писателя С. А. Толстой; лечится в нервной клинике; живет в Баку (там написаны «Персидские мотивы», «Русь уходящая», начата поэма «Анна Снегина»).

В ноябре 1925 года дописана и опубликована начатая еще за границей трагическая поэма «Черный человек», в которой страшным соблазнителем, исковеркавшим жизнь лирического героя, желтоволосого мальчика с голубыми глазами, оказывается он сам.

*Черный человек
Водит пальцем по мерзкой книге
И, гнусава надо мной,*

*Как над усопшим монах,
Читает мне жизнь
Какого-то прохвоста и забулдыги,
Нагоняя на душу тоску и страх.*

*...
...Месяц умер,
Синеет в окошко рассвет.
Ах ты, ночь!
Что ты, ночь, наковеркала?
Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я один...
И разбитое зеркало...*

3 декабря 1925 года Есенин ночным поездом отправляется в Ленинград. Всего десять лет назад юный стихотворец мечтал увидеться с Блоком и получить от него благословение. «Когда я смотрел на Блока, с меня капал пот, потому что в первый раз видел живого поэта». Теперь в тот же город с иным именем – и уже без Блока – возвращается знаменитый поэт с неясной даже ему самому целью. Одной знакомой он рассказывает, что приехал начать новую жизнь: лечиться, работать, как Некрасов, издавать свой журнал. Другому знакомому, ленинградскому

имажинисту В. Эрлиху, дарит стихи, написанные кровью, но просит прочесть их позднее.

Это восьмистишие – последнее написанное Есениным стихотворение.

До свиданья, друг мой, до свиданья.

*Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.*

*До свиданья, друг мой, без руки,
без слова,*

*Не грусти и не печаль бровей, –
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.*

Утром 28 декабря его находят в снятом четыре дня назад номере гостиницы «Англетер». Есть люди, которые и до настоящего времени не верят, что это было самоубийство...

Посмертная слава Есенина еще более возросла. Влюбленная в него женщина, Галина Бениславская, ровно через год покончила с собой на его могиле. Это самоубийство было не единственным. В культурном обиходе появилось и даже попало в словари понятие есе-

нинщина: упадочные настроения среди молодежи, часто сопровождавшиеся самоубийствами.

Среди «заупокойного лома» стихов, статей, воспоминаний выделяются стихотворение Маяковского и очерк Горького «Сергей Есенин» (1926). Вспоминая о встрече с поэтом, об авторском чтении, Горький произнес очень важные слова: «После этих стихов невольно подумалось, что Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии, для выражения неисчерпаемой “печали полей” (слова С. Н. Сергеева-Ценского), любви ко всему живому в мире и милосердия, которое – более всего иного – заслужено человеком».

Есенина хоронили в Москве в последний день 1925 года. По пути на Ваганьковское кладбище гроб обнесли вокруг памятника Пушкину на Тверском бульваре.

*Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь...
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.*

Эти стихи поэт читал на том же самом месте всего полгода назад. Теперь памятник ему тоже стоит на Тверском бульваре неподалеку от пушкинского.

И. Н. Сухих

Стихотворения

«Вот уж вечер. Роса...»

*Вот уж вечер. Роса
Блестит на крапиве.
Я стою у дороги,
Прислонившись к иве.*

*От луны свет большой
Прямо на нашу крышу.
Где-то песнь соловья
Вдалеке я слышу.*

*Хорошо и тепло,
Как зимой у печки.
И березы стоят,
Как большие свечи.*

*И вдали за рекой,
Видно, за опушкой,
Сонный сторож стучит
Мертвой колотушкой.*

1910

«Там, где капустные грядки...»

*Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленький матке
Зеленое вымя сосет.*

1910

«Поет зима – аукает...»

*Поет зима – аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стзвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекую
Седые облака.*

*А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.*

*Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,*

*И жмутся поплотней.
А вьюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злится все сильнее.*

*И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мерзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
Красавица весна.*

1910

Подражанье песне

*Ты пошла коня из горстей в пово-
ду,
Отражаясь, березы ломались
в пруду.*

*Я смотрел из окошка на синий
платок,
Кудри черные змейно трепал ве-
терок.*

*Мне хотелось в мерцании пени-
стых струй*

*С алых губ твоих с болью сорвать
поцелуй.*

*Но с лукавой улыбкой, брызнув
на меня,
Унеслася ты вскачь, удилами зве-
ня.*

*В пряже солнечных дней время
выткало нить...
Мимо окон тебя понесли хоро-
нить.*

*И под плач панихид, под кадилъ-
ный канон,
Все мне чудился тихий раскован-
ный звон.*

1910

«Выткался на озере алый свет зари...»

*Выткался на озере алый свет за-
ри.
На бору со звонами плачут глуха-
ри.*

*Плачет где-то иволга, схоронясь
в дупло.
Только мне не плачется – на душе
светло.*

*Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо
дорог,
Сядем в копны свежие под сосед-
ний стог.*

*Зацелую допьяна, изомну,
как цвет,
Хмельному от радости пересу-
ду нет.*

*Ты сама под ласками сбросишь
шелк фаты,
Унесу я пьяную до утра в кусты.*

*И пускай со звонами плачут глу-
хари.
Есть тоска веселая в аlostях за-
ри.*

1910

«ДЫМОМ ПОЛОВОДЬЕ...»

*Дымом половодье
Зализало ил.
Желтые поводья
Месяц уронил.*

*Еду на баркасе,
Тычусь в берега.
Церквами у прясел
Рыжие стога.*

*Заунывным карком
В тишину болот
Черная глухарка
К всенощной зовет.*

*Роща синим мраком
Кроет голытьбу...
Помолюсь украдкой
За твою судьбу.*

1910

«Сыплет черемуха снегом...»

*Сыплет черемуха снегом,
Зелень в цвету и росе.
В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе.*

*Никнут шелковые травы,
Пахнет смолистой сосной.
Ой вы, луга и дубравы, –
Я одурманен весной.*

*Радуют тайные вести,
Светятся в душу мою.
Думаю я о невесте,
Только о ней лишь пою.*

*Сыпь ты, черемуха, снегом,
Пойте вы, птахи, в лесу.
По полю зыбистым бегом
Пеной я цвет разнесу.*

1910

Калики

*Проходили калики деревнями,
Выпивали под окнами квасу,
У церкви пред затворами древни-
ми
Поклонялись Пречистому Спасу.*

*Пробирались странники по полю,
Пели стих о сладчайшем Иусе.
Мимо клячи с поклажею топали,
Подпевали горластые гуси.*

*Ковыляли убогие по стаду,
Говорили страдальные речи:
«Все единому служим мы Господу,
Возлагая вериги на плечи».*

*Вынимали калики поспешливо
Для коров сбереженные крохи.
И кричали пастушки насмешли-
во:
«Девки, в пляску! Идут скоморо-
хи!»*

1910

Поэт

*Он бледен. Мыслит страшный
путь.*

*В его душе живут виденья.
Ударом жизни вбита грудь,
А щеки выпили сомненья.*

*Клоками сбиты волоса,
Чело высокое в морщинах,
Но ясных грез его краса
Горит в продуманных картинах.*

*Сидит он в тесном чердаке,
Огарок свечки режет взоры,
А карандаш в его руке
Ведет с ним тайно разговоры.*

*Он пишет песню грустных дум,
Он ловит сердцем тень былого.
И этот шум, душевный шум...
Снесет он завтра за целковыйй.*

1910–1912

Звезды

*Звездочки ясные, звезды высокие!
Что вы храните в себе, что скрываете?*

*Звезды, таящие мысли глубокие,
Силой какою вы душу пленяете?*

Частые звездочки, звездочки тесные!

Что в вас прекрасного, что в вас могучего?

*Чем увлекаете, звезды небесные,
Силу великую знания жгучего?*

*И почему так, когда вы сияете,
Маните в небо, в объятия широкие?*

Смотрите нежно так, сердце ласкаете,

Звезды небесные, звезды далекие!

1911–1912

И. Д. Рудинскому

*Солнца луч золотой
Бросил искру свою
И своей теплотой
Согрел душу мою.*

*И надежда в груди
Затаилась моей;
Что-то жду впереди
От грядущих я дней.*

*Оживило тепло,
Озарил меня свет.
Я забыл, что прошло
И чего во мне нет.*

*Загорелась кровь
Жарче дня и огня.
И светло и тепло
На душе у меня.*

*Чувства полны добра,
Сердце бьется сильней.
Оживил меня луч
Теплотою своей.*

*Я с любовью иду
На указанный путь,
И от мук и тревог
Не волнуется грудь.*

1911

«Под венком лесной ромашки...»

*Под венком лесной ромашки
Я строгал, чинил челны,
Уронил кольцо милашки
В струи пенистой волны.*

*Лиходейная разлука,
Как коварная свекровь.
Унесла колечко щука,
С ним – милашкину любовь.*

*Не нашлось мое колечко,
Я пошел с тоски на луг,
Мне вдогон смеялась речка:
«У милашки новый друг».*

*Не пойду я к хороводу:
Там смеются надо мной,
Повенчаюсь в непогоду
С перезвонною волной.*

1911

«Темна ноченька, не спится...»

*Темна ноченька, не спится,
Выйду к речке на лужок.
Распоясала зарница
В пенных струях поясок.*

*На бугре береза-свечка
В лунных перьях серебра.
Выходи, мое сердечко,
Слушать песни гусяра.*

*Залюбуюсь, загляжусь ли
На девичью красоту,
А пойду плясать под гусли,
Так сорву твою фату.*

*В терем темный, в лес зеленый,
На шелковы купыри,
Уведу тебя под склоны
Вплоть до маковой зари.*

1911

«Хороша была Танюша, краше не было в селе...»

*Хороша была Танюша, краше
не было в селе,
Красной рюшкою по белу сарафан
на подоле.
У оврага за плетнями ходит Таня
вечеру.
Месяц в облачном тумане водит
с тучами игру.*

*Вышел парень, поклонился кучеря-
вой головой:
«Ты прощай ли, моя радость,
я женюсь на другой».
Побледнела, словно саван, схоло-
дела, как роса.
Душегубкою-змеею развилась ее
коса.*

*«Ой ты, парень синеглазый,
не в обиду я скажу,
Я пришла тебе сказаться: за дру-
гого выхожу».
Не заутренние звоны, а венчаль-
ный переклик,*

Скачет свадьба на телегах, верховые прячут лик.

*Не кукушки загрустили – плачет
Танина родня,
На виске у Тани рана от лихого
кистенья.*

*Алым венчиком кровинки запек-
лися на челе, –
Хороша была Танюша, краше
не было в селе.*

1911

Воспоминание

*За окном, у ворот
Вьюга завывает,
А на печке старик
Юность вспоминает.*

*«Эх, была-де пора,
Жил, тоски не зная,
Лишь кутил да гулял,
Песни распевая.*

*А теперь что за жизнь?
В тоске изнываю*

*И порой о тех днях
С грустью вспоминаю.*

*Погулял на веку,
Говорят, довольно.
Размахнуть старину
Не дают раздолья.*

*Полно, дескать, старик,
Не дури ты много,
Твой конец не велик,
Жизнь твоя у гроба.*

*Ну и что ж, покорюсь, –
Видно, моя доля.
Придет им тоже час
Старческого горя».*

*За окном, у ворот
Вьюга завывает,
А на печке старик
С грустью засыпает.*

1911–1912

Моя жизнь

*Будто жизнь на страданья моя
обречёна;
Горе вместе с тоской заградили
мне путь;
Будто с радостью жизнь навсегда
разлучёна,
От тоски и от ран истомилася
грудь.
Будто в жизни мне выпал страда-
нья удел;
Незавидная мне в жизни выпала
доля.
Уж и так в жизни много всего я
терпел,
Изнывает душа от тоски и от го-
ря.*

*Даль туманная радость и сча-
стье сулит,
А дойду – только слышатся вздо-
хи да слезы,
Вдруг наступит гроза, сильный
гром загремит
И разрушит волшебные, сладкие
грезы.*

*Догадался и понял я жизни об-
ман,
Не ропщу на свою незавидную до-
лю.
Не страдает душа от тоски
и от ран,
Не поможет никто ни страда-
ньям, ни горю.*

1911–1912

Что прошло – не вернуть

*Не вернуть мне ту ночку прохлад-
ную,
Не видать мне подруги своей,
Не слышать мне ту песню отрад-
ную,
Что в саду распевал соловей!*

*Унеслася та ночка весенняя,
Ей не скажешь: «Вернись, подо-
жди».
Наступила погода осенняя,
Бесконечные льются дожди.*

*Крепким сном спит в могиле по-
друга,*

*Схороня в своем сердце любовь.
Не разбудит осенняя вьюга
Крепкий сон, не взволнует и кровь.*

*И замолкла та песнь соловьиная,
За моря соловей улетел,
Не звучит уже более, сильная,
Что он ночью прохладною пел.*

*Пролетели и радости милые,
Что испытывал в жизни тогда.
На душе уже чувства остылые.
Что прошло – не вернуть никогда.*

1911–1912

Ночь

*Тихо дремлет река.
Темный бор не шумит.
Соловей не поет,
И дергач не кричит.*

*Ночь. Вокруг тишина.
Ручеек лишь журчит.
Своим блеском луна
Все вокруг серебрит.*

*Серебрится река.
Серебрится ручей.
Серебрится трава
Орошенных степей.*

*Ночь. Вокруг тишина.
В природе все спит.
Своим блеском луна
Все вокруг серебрит.*

1911–1912

Восход солнца

*Загорелась зорька красная
В небе темно-голубом,
Полоса явилась ясная
В своем блеске золотом.*

*Лучи солнышка высоко
Отразили в небе свет.
И рассыпались далеко
От них новые в ответ.*

*Лучи ярко-золотые
Осветили землю вдруг.
Небеса уж голубые
Расстилаются вокруг.*

1911–1912

К покойнику

*Уж крышку туго закрывают,
Чтоб ты не мог навеки встать,
Землей холодной зарывают,
Где лишь бесчувственные спят.*

*Ты будешь нем на зов наш зычный,
Когда сюда к тебе придем.
И вместе с тем рукой привычной
Тебе венков мы накладем.*

*Венки те красотою будут,
Могила будет в них сиять.
Друзья тебя не позабудут
И будут часто вспоминать.*

*Покойся с миром, друг наш милый,
И ожидай ты нас к себе.
Мы перетерпим горе с силой,
Быть может, скоро и придем
к тебе.*

1911–1912

Зима

*Вот уж осень улетела,
И примчалася зима.
Как на крыльях, прилетела
Невидимо вдруг она.*

*Вот морозы затрещали
И сковали все пруды.
И мальчишки закричали
Ей «спасибо» за труды.*

*Вот появились узоры
На стеклах дивной красоты.
Все устремили свои взоры,
Глядя на это. С высоты*

*Снег падает, мелькает, вьется,
Ложится белой пеленой.
Вот солнце в облаках мигает,
И иней на снегу сверкает.*

1911–1912

Песня старика разбойника

*Угасла молодость моя,
Краса в лице завяла,
И удали уж прежней нет,
И силы – не бывало.*

*Бывало, пятерых сшибал
Я с ног своей дубиной,
Теперь же хил и стар я стал
И плачуся судьбиной.*

*Бывало, песни распевал
С утра до темной ночи,
Теперь тоска меня сосет
И грусть мне сердце точит.*

*Когда-то я ведь был удал,
Разбойничал и грабил,
Теперь же хил и стар я стал,
Все прежнее оставил.*

1911–1912

Ночь

Усталый день склонился к ночи,
Затихла шумная волна,
Погасло солнце, и над миром
Плывет задумчиво луна.
Долина тихая внимает
Журчанью мирного ручья.
И темный лес, склоняясь, дремлет
Под звуки песен соловья.
Внимая песням, с берегами,
Ласкаясь, шепчется река.
И тихо слышится над нею
Веселый шелест тростника.

1910–1912

Больные думы

«Нет сил ни петь и ни рыдать...»

*Нет сил ни петь и ни рыдать,
Минуты горькие бывают,
Готов все чувства изливать,
И звуки сами набегают.*

1915

«Я ль виноват, что я поэт...»

*Я ль виноват, что я поэт
Тяжелых мук и горькой доли,
Не по своей же стал я воле –
Таким уж родился на свет.*

*Я ль виноват, что жизнь мне
не мила,
И что я всех люблю и вместе
ненавижу,
И знаю о себе, чего еще не вижу,
Ведь этот дар мне муза принесла.*

*Я знаю – в жизни счастья нет,
Она есть бред, мечта души боль-
ной,
И знаю – скучен всем напев уны-
лый мой,*

Но я не виноват – такой уж я поэт.

1915

Думы

*Думы печальные, думы глубокие,
Горькие думы, думы тяжелые,
Думы от счастья вечно далекие,
Спутники жизни моей невеселые!*

*Думы – родители звуков мучения,
Думы несчастные, думы холодные,
Думы – источники слез огорчения,
Вольные думы, думы свободные!*

*Что вы терзаете грудь истомленную,
Что заграждаете путь вы мне мой?
Что возбуждаете силу сломленную
Вновь на борьбу с непроглядною тьмой?*

*Не поддерживать вам костра догоревшего,
Искры потухшие... Поздно, бес-*

плодные.

Не исцелить сердца вам наболевшего,
Думы больные, без жизни, холодные!

1915

Звуки печали

Скучные песни, грустные звуки,
Дайте свободно вздохнуть.
Вы мне приносите тяжкие муки,
Больно терзаете грудь.

Дайте отрады, дайте покоя,
Дайте мне крепко заснуть.
Думы за думами смутного роя,
Вы мне разбили мой путь.

Смолкните, звуки – вестники горя,
Слезы уж льются из глаз.
Пусть успокоится горькая доля,
Звуки! Мне грустно от вас!

Звуки печали, скорбные звуки,
Долго ль меня вам томить?
Скоро ли кончатся тяжкие муки,
Скоро ль спокойно мне жить?

1915

Слезы

*Слезы... опять эти горькие слезы,
Безотрадная грусть и печаль;
Снова мрак... и разбитые грезы
Унеслись в бесконечную даль.*

*Что же дальше? Опять эти му-
ки?*

*Нет, довольно... Пора отдохнуть
И забыть эти грустные звуки,
Уж и так истомилася грудь.*

*Кто поет там под сенью березы?
Звуки будто знакомые мне –
Это слезы опять... Это слезы
И тоска по родной стороне.*

*Но ведь я же на родине милой,
А в слезах истомил свою грудь.
Эх... лишь, видно, в холодной моги-
ле
Я забыться могу и заснуть.*

1915

«Не видать за туманною далью...»

Не видать за туманною далью,

Что там будет со мной впереди,
Что там... счастье, иль веет печалью,
Или отдых для бедной груди.

Или эти седые туманы
Снова будут печалить меня,
Наносить сердцу скорбные раны
И опять снова жечь без огня.

Но сквозь сумрак в туманной дали
Загорается, вижу, заря –
Это смерть для печальной земли,
Это смерть, но покой для меня.

1915

Вьюга на 26 апреля 1912 г.

Что тебе надобно, вьюга?
Ты у окна завываешь,
Сердце больное тревожишь,
Грусть и печаль вызываешь.

Прочь уходи поскорее,
Дай мне забыться немного,
Или не слышишь – я плачу,
Каюсь в грехах перед Богом.

*Дай мне с горячей молитвой
Слиться душою и силой.
Весь я истратился духом,
Скоро сокроюсь могилой.*

*Пой ты тогда надо мною,
Только сейчас удалися,
Или за грешную душу
Вместе со мной помолися.*

1915

Пребывание в школе

*Душно мне в этих холодных стенах,
Сырость и мрак без просвета.
Плесенью пахнет в печальных углах –
Вот она, доля поэта.*

*Видно, навек осужден я влачить
Эти судьбы приговоры,
Горькие слезы безропотно лить,
Ими томить свои взоры.*

*Нет, уже лучше тогда поскорей
Пусть я уйду до могилы,
Только там я могу, и лишь в ней,
Залечить все разбитые силы.*

*Только там я могу отдохнуть,
Позабывать эти тяжкие муки,
Только лишь там не волнуется
грудь
И не слышны печальные звуки.*

1915

Далекая веселая песня

*Далеко-далеко от меня
Кто-то весело песню поет.
И хотел бы провторить ей я,
Да разбитая грудь не дает.*

*Тщетно рвется душа до нее,
Ищет звуков подобных в груди,
Потому что вся сила моя
Истощилась еще впереди.*

*Слишком рано я начал летать
За мечтой идеала земли,
Рано начал на счастье роптать,
Разбираясь в прожитой дали.*

*Рано пылкой душою своей
Я искал себе мрачного дня
И теперь не могу вторить ей,
Потому что нет сил у меня.*

1915

Мои мечты

*Мои мечты стремятся вдаль,
Где слышны вопли и рыданья,
Чужую разделить печаль
И муки тяжкого страданья.*

*Я там могу найти себе
Отраду в жизни, упоенье,
И там, наперекор судьбе,
Искать я буду вдохновенья.*

1915

Брату Человеку

*Тяжело и прискорбно мне видеть,
Как мой брат погибает родной.
И стараюсь я всех ненавидеть,
Кто враждует с его тишиной.*

*Посмотри, как он трудится в по-
ле,
Пашет твердую землю сохой,
И послушай ты песни про горе,
Что поет он, идя бороздой.*

*Или нет в тебе жалости нежной
Ко страдальцу сохи с бороной?*

*Видишь гибель ты сам неизбеж-
ной,
А проходишь его стороной.*

*Помоги же бороться с неволей,
Залитою вином, и с нуждой!
Иль не слышишь, он плачется до-
лей
В своей песне, идя бороздой?*

1915

«Я зажег свой костер...»

*Я зажег свой костер,
Пламя вспыхнуло вдруг
И широкой волной
Разлилося вокруг.*

*И рассыпалась мгла
В беспредельную даль,
С отягченной груди
Отгоняя печаль.*

*Безнадежная грусть
В тихом треске углей
У костра моего
Стала песней моей.*

И я весело так

На костер свой смотрел,
Вспоминаючи грусть,
Тихо песню запел.

Я опять подо мглой.
Мой костер догорел,
В нем лишь пепел с золой
От углей уцелел.

Снова грусть и тоска
Мою грудь облегли,
И печалью слегка
Веет вновь издали.

Чую – будет гроза,
Грудь заныла сильней,
И скатилась слеза
На остаток углей.

1915

Деревенская избенка

Ветхая избенка
Горя и забот,
Часто плачет вьюга
У твоих ворот.

Часто раздаются
За твоей стеной

*Жалобы на бедность,
Песни звук глухой.*

*Все поют про горе,
Про тяжелый гнет,
Про нужду лихую
И голодный год.*

*Нет веселых песен
Во стенах твоих,
Потому что горе
Заглушает их.*

1915

Отойди от окна

*Не ходи ты ко мне под окно
И зеленой травы не топчи,
Я тебя разлюбила давно,
Но не плачь, а спокойно молчи.*

*Я жалею тебя всей душою,
Что тебе до моей красоты?
Почему не даешь мне покою
И зачем так терзаешься ты?*

*Все равно я не буду твоею,
Я теперь не люблю никого,
Не люблю, но тебя я жалею,*

Отойди от окна моего!

*Позабудь, что была я твоею,
Что безумно любила тебя,
Я теперь не люблю, а жалею –
Отойди и не мучай себя.*

1915

Весенний вечер

*Тихо струится река серебристая
В царстве вечернем зеленой вес-
ны.
Солнце садится за горы лесистые,
Рог золотой выплывает луны.*

*Запад подернулся лентою розо-
вой,
Пахарь вернулся в избушку с по-
лей,
И за дорогою в чаще березовой
Песню любви затянул соловей.*

*Слушает ласково песни глубокие
С запада розовой лентой заря.
С нежностью смотрит на звезды
далекие
И улыбается небу земля.*

1915

«И надо мной звезда горит...»

*И надо мной звезда горит,
Но тускло светится в тумане,
И мне широкий путь лежит,
Но он заросший весь в бурьяне.*

*И мне весь свет улыбки шлет,
Но только полные презренья,
И мне судьба привет несет,
Но слезы вместо утешенья.*

1915

**«Заиграй, сыграй, тальяночка,
малиновы меха...»**

*Заиграй, сыграй, тальяночка, ма-
линовы меха.
Выходи встречать к околице, кра-
сотка, жениха.*

*Васильками сердце светится, го-
рит в нем бирюза.
Я играю на тальяночке про синие
глаза.*

*То не зори в струях озера свой вы-
ткали узор,*

*Твой платок, шитьем украшен-
ный, мелькнул за косогор.*

*Заиграй, сыграй, тальяночка, ма-
линовы меха.*

*Пусть послушает красавица при-
баски жениха.*

1912

**«Матушка в Купальницу по лесу
ходила...»**

*Матушка в Купальницу по лесу хо-
дила,
Бóсая, с подтыками, по росе бро-
дила.*

*Травы ворожбиные ноги ей коло-
ли,
Плакала родимая в купырях
от боли.*

*Не дознамо печени судорга схва-
тила,
Охнула кормилица, тут и породи-
ла.*

*Родился я с песнями в травном
одеяле.*

Зори меня вешние в радугу свивали.

*Вырос я до зрелости, внук купальской ночи,
Сутемень колдовная счастье мне пророчит.*

*Только не по совести счастье наготове,
Выбираю удалью и глаза и брови.*

*Как снежинка белая, в просини я таю
Да к судьбе-разлучнице след свой заметаю.*

1912

«Задымился вечер, дремлет кот на бресе...»

*Задымился вечер, дремлет кот на бресе,
Кто-то помолился: «Господи Иисусе».*

*Полыхают зори, курятся туманы,
Над резным окошком занавес баг-*

ряный.

*Вьются паутины с золотой пове-
ти.*

*Где-то мышь скребется в затво-
ренной клетки...*

*У лесной поляны – в свяслах копны
хлеба,*

Ели, словно копья, уперлися в небо.

*Закадили дымом под рососою ро-
щи...*

*В сердце почивают тишина и мо-
щи.*

1912

Поэт

Не поэт, кто слов пророка

Не желает заучить,

Кто язвительно порока

Не умеет обличить.

Не поэт, кто сам боится,

Чтобы сильных уязвить,

Кто победою гордится,

Может слабых устрашить.

Не поэт и кто имеет
К людям разную любовь,
Кто за правду не умеет
Проливать с врагами кровь.

Тот поэт, врагов кто губит,
Чья родная правда – мать,
Кто людей как братьев любит
И готов за них страдать.

Он все сделает свободно,
Что другие не смогли.
Он поэт, поэт народный,
Он поэт родной земли!

1912

Капли

Капли жемчужные, капли пре-
красные,
Как хороши вы в лучах золотых,
И как печальны вы, капли ненаст-
ные,
Осенью черной на окнах сырых.

Люди, веселые в жизни забвения,
Как велики вы в глазах у других
И как вы жалки во мраке падения,
Нет утешенья вам в мире живых.

*Капли осенние, сколько наводите
На душу грусти вы чувства тяжеле-
лого.*

*Тихо скользите по стеклам и бро-
дите,
Точно как ищете что-то весело-
го.*

*Люди несчастные, жизнью уби-
тые,
С болью в душе вы свой век дожи-
ваете.*

*Милое прошлое, вам не забытое,
Часто назад вы его призываете.*

1912

«Грустно... Душевные муки...»

*Грустно... Душевные муки
Сердце терзают и рвут,
Времени скучные звуки
Мне и вздохнуть не дают.
Ляжешь, а горькая дума
Так и не сходит с ума...
Голову кружит от шума.
Как же мне быть... и сама
Моя изнывает душа.
Нет утешенья ни в ком.
Ходишь едва-то дыша.*

*Мрачно и дико кругом.
Доля, зачем ты дана!
Голову негде склонить,
Жизнь и горька и бедна,
Тяжко без счастья жить.*

1913

«Ты плакала в вечерней тишине...»

*Ты плакала в вечерней тишине,
И слезы горькие на землю упада-
ли,
И было тяжело и так печаль-
но мне,
И все же мы друг друга не поняли.
Умчалась ты в далекие края,
И все мечты увянули без цвета,
И вновь опять один остался я
Страдать душой без ласки и при-
вета.
И часто я вечернею порой
Хожу к местам заветного свиданья,
И вижу я в мечтах мне милый об-
раз твой,
И слышу в тишине тоскливые ры-
данья.*

1912–1913

У могилы

На память об усопшем

*В этой могиле под скромными
ивами
Спит он, зарытый землей,
С чистой душой, со святыми по-
рываами,
С верой зари огневой.
Тихо погасли огни благодатные
В сердце страдальца земли,
И на чело, никому не понятные,
Мрачные тени легли.
Спит он, а ивы над ним наклони-
лись,
Свесили ветви кругом,
Точно в раздумье они погрузились,
Думают думы о нем.
Тихо от ветра, тоски напустив-
шего,
Плачет, нахмурившись, даль.
Точно им всем безо времени сгиб-
шего
Бедного юношу жаль.*

1913

Береза

Белая береза

*Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.*

*На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.*

*И стоит береза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.*

*А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.*

1913

«Я положил к твоей постели...»

*Я положил к твоей постели
Полузавядшие цветы,
И с лепестками помертвели
Мои усталые мечты.*

*Я нашептал моим левкоям
Об угасающей любви,*

*И ты к оплаканным покоям
Меня уж больше не зови.*

*Мы не живем, а мы тоскуем.
Для нас мгновенье красота,
Но не зажжешь ты поцелуем
Мои холодные уста.*

*И пусть в мечтах я все читаю:
«Ты не любил, тебе не жаль»,
Зато я лучше понимаю
Твою любовную печаль.*

1913–1915

Исповедь самоубийцы

*Простись со мною, мать моя,
Я умираю, гибну я!
Больную скорбь в груди храня,
Ты не оплакивай меня.
Не мог я жить среди людей,
Холодный яд в душе моей.*

*И то, чем жил и что любил,
Я сам безумно отравил.
Своею гордою душой
Прошел я счастье стороной.
Я видел пролитую кровь
И проклял веру и любовь.*

Я выпил кубок свой до дна,
Душа отравую полна.
И вот я гасну в тишине,
Но пред кончиной легче мне.
Я стер с чела печать земли,
Я выше трепетных в пыли.
И пусть живут рабы страстей –
Противна страсть душе моей.

Безумный мир, кошмарный сон,
А жизнь есть песня похорон.
И вот я кончил жизнь мою,
Последний гимн себе пою.
А ты с тревогою больной
Не плачь напрасно надо мной.

1913–1915

Сонет

Я плакал на заре, когда померкли
дали,
Когда стелила ночь росистую по-
стель,
И с шепотом волны рыданья за-
мирали,
И где-то вдалеке им вторила сви-
рель.

Сказала мне волна: «Напрасно мы

тоскуем», –
И, сбросив свой покров, зарылась
в берега,
А бледный серп луны холодным
поцелуем
С улыбкой застудил мне слезы
в жемчуга.

И я принес тебе, царице ясно-
окой,
Кораллы слез моих печали одино-
кой
И нежную вуаль из пенности вол-
ны.

Но сердце хмельное любви моей
не радо...
Отдай же мне за все, чего тебе
не надо,
Отдай мне поцелуй за поцелуй лу-
ны.

1915

Чары

В цветах любви весна-царица
По роще косы расплела,
И с хором птичьего молебна
Поют ей гимн колокола.

*Пьяна под чарами веселья,
Она, как дым, скользит в лесах,
И золотое ожерелье
Блестит в косматых волосах.
А вслед ей пьяная русалка
Росою плещет на луну.
И я, как страстная фиалка,
Хочу любить, любить весну.*

1915

Буря

*Дрогнули листочки, закачались
клены,
С золотистых веток полетела
пыль...
Зашумели ветры, охнул лес зеле-
ный,
Зашептался с эхом высохший ко-
выль...*

*Плачет у окошка пасмурная буря,
Понагнулись ветлы к мутному
стеклу,
И качают ветки, голову понуря,
И с тоской угрюмой смотрят
в полумглу...*

А вдали, чернея, выползают тучи,

*И ревет сердито грозная река,
Подымают брызги водяные кручи,
Словно мечет землю сильная рука.*

1914–1915

«Ты ушла и ко мне не вернешься...»

*Ты ушла и ко мне не вернешься,
Позабыла ты мой уголок,
И теперь ты другому смеешься,
Укрываясь в белый платок.*

*Мне тоскливо, и скучно, и жалко,
Неуютно камин мой горит,
Но измятая в книжке фиалка
Все о счастье былом говорит.*

1914–1915

Бабушкины сказки

*В зимний вечер по задворкам
Разухабистой гурьбой
По сугробам, по пригоркам
Мы идем, бредем домой.
Опостылеют салазки,
И садимся в два рядка
Слушать бабушкины сказки
Про Ивана-дурака.*

*И сидим мы, еле дышим.
Время к полночи идет.
Притворимся, что не слышим,
Если мама спать зовет.
Сказки все. Пора в постели...
Но а как теперь уж спать?
И опять мы загалдели,
Начинаем приставать.
Скажет бабушка несмело:
«Что ж сидеть-то до зари?»
Ну, а нам какое дело, –
Говори да говори.*

1917

Лебедушка

*Из-за леса, леса темного,
Подымалась красна зорюшка,
Рассыпала ясной радугой
Огоньки-лучи багровые.*

*Загорались ярким пламенем
Сосны старые, могучие,
Наряжали сетки хвойные
В покрывала златотканые.*

*А кругом роса жемчужная
Отливала блесстки алые,
И над озером серебряным*

Камыши, склонясь, шептались.

*В это утро вместе с солнышком
Уж из тех ли темных зарослей
Выплывала, словно зоренька,
Белоснежная лебедушка.*

*Позади ватагой стройною
Подвигались лебежатушки,
И дробилась гладь зеркальная
На колечки изумрудные.*

*И от той ли тихой заводи,
Посередь того ли озера,
Пролегла струя далекая
Лентой темной и широкою.*

*Уплывала лебедь белая
По ту сторону раздольную,
Где к затону молчаливому
Прилегла трава шелковая.*

*У побережья зеленого,
Наклонив головки нежные,
Перешептывались лилии
С ручейками тихозвонными.*

Как и стала звать лебедушка

Своих малых лебежатюшек
Погулять на луг пестреющий,
Пощипать траву душистую.

Выходили лебежатюшки
Теребить траву-муравушку,
И росинки серебристые,
Словно жемчуг, осыпались.

А кругом цветы лазоревы
Распускали волны пряные
И, как гости чуждедальние,
Улыбались дню веселому.

И гуляли детки малые
По раздолью по широкому,
А лебедка белоснежная,
Не спуская глаз, дозорила.

Пролетал ли коршун рощею,
Иль змея ползла равниною,
Гоготала лебедь белая,
Созывая малых детушек.

Хоронились лебежатюшки
Под крыло ли материнское,
И когда гроза скрывалася,
Снова бегали-резвилисья.

Но не чуяла лебедушка,
Не видала оком доблестным,
Что от солнца золотистого
Надвигалась туча черная –

Молодой орел под облаком
Расправлял крыло могучее
И бросал глазами молнии
На равнину бесконечную.

Видел он у леса темного,
На пригорке у расщелины,
Как змея на солнце выползла
И свилась в колечко, грелась.

И хотел орел со злобою
Как стрела на землю кинуться,
Но змея его заметила
И под кочку притаилась.

Взмахом крыл своих под облаком
Он расправил когти острые
И, добычу поджидая,
Замер в воздухе распластанный.

Но глаза его орлиные
Разглядели степь далекую,
И у озера широкого

Он увидел лебедь белую.

Грозный взмах крыла могучего
Отогнал седое облако,
И орел, как точка черная,
Стал к земле спускаться кольца-
ми.

В это время лебедь белая
Оглянула гладь зеркальную
И на небе отражавшемся
Увидала крылья длинные.

Встрепенулася лебедушка,
Закричала лебежатушкам,
Собралися детки малые
И под крылья схоронилися.

А орел, взмахнувши крыльями,
Как стрела на землю кинулся,
И впилися когти острые
Прямо в шею лебединую.

Распустила крылья белые
Белоснежная лебедушка
И ногами помертвельми
Оттолкнула малых детушек.

*Побежали детки к озеру,
Понеслись в густые заросли,
А из глаз родимой матери
Покатились слезы горькие.*

*А орел когтями острыми
Раздирал ей тело нежное,
И летели перья белые,
Словно брызги, во все стороны.*

*Кольхалось тихо озеро,
Камыши, склонясь, шептались,
А под кочками зелеными
Хоронились лебежатюшки.*

1917

Королева

*Пряный вечер. Гаснут зори.
По траве ползет туман,
У плетня на косогоре
Забелел твой сарафан.*

*В чарах звездного напева
Обомлели тополя.
Знаю, ждешь ты, королева,
Молодого короля.*

Коромыслом серп двурогий

*Плавно по небу скользит.
Там, за рощей, по дороге
Раздается звон копыт.*

*Скачет всадник загорелый,
Крепко держит повод.
Увезет тебя он смело
В чуждедальни города.*

*Пряный вечер. Гаснут зори.
Слышен четкий храп коня.
Ах, постой на косогоре
Королевой у плетня.*

1918

Пороша

*Еду. Тихо. Слышны звоны
Под копытом на снегу,
Только серые вороны
Расшумелись на лугу.*

*Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна,
Словно белою косынкой
Подвязалась сосна.*

*Понагнулась, как старушка,
Оперлася на клюку,*

*А над самую макушкой
Долбит дятел на суку.*

*Скачет конь, простору много,
Валит снег и стелет шаль.
Бесконечная дорога
Убегает лентой вдаль.*

1914

Село
(Из Тараса Шевченко)

*Село! В душе моей покой.
Село в Украине дорогой,
И, полный сказок и чудес,
Кругом села зеленый лес.
Цветут сады, белеют хаты,
А на горе стоят палаты,
И перед крашеным окном
В шелковых листьях тополя,
А там всё лес, и всё поля,
И степь, и горы за Днепром...
И в небе темно-голубом
Сам Бог витает над селом.*

1914

«Колокол дремавший...»

Колокол дремавший

Разбудил поля,
Улыбнулась солнцу
Сонная земля.

Понеслись удары
К синим небесам,
Звонко раздаётся
Голос по лесам.

Скрылась за рекою
Белая луна,
Звонко побежала
Резвая волна.

Тихая долина
Отгоняет сон,
Где-то за дорогой
Замирает звон.

1914

Кузнец

Душно в кузнице угрюмой,
И тяжел несносный жар,
И от визга и от шума
В голове стоит угар.
К наковальне наклоняясь,
Машут руки кузнеца,
Сетью красной рассыпаясь,

Вьются искры у лица.
Взор отважный и суровый
Блещет радугой огней,
Словно взмах орла, готовый
Унести за даль морей...
Куй, кузнец, рази ударом,
Пусть с лица струится пот.
Зажигай сердца пожаром,
Прочь от горя и невзгод!
Закали свои порывы,
Преврати порывы в сталь
И лети мечтой игривой
Ты в заоблачную даль.
Там вдали, за черной тучей,
За порогом хмурых дней,
Реет солнца блеск могучий
Над равнинами полей.
Тонут пастбища и нивы
В голубом сиянье дня,
И над пашнею счастливо
Созревают зеленя.
Взвейся к солнцу с новой силой,
Загорись в его лучах.
Прочь от робости постылой,
Сбрось скорей постыдный страх

.....

С добрым утром!

*Задремали звезды золотые,
Задрожало зеркало затона,
Брезжит свет на заводи речные
И румянит сетку небосклона.*

*Улыбнулись сонные березки,
Растрепали шелковые косы.
Шелестят зеленые сережки,
И горят серебряные росы.*

*У плетня заросшая крапива
Обрядилась ярким перламутром
И, качаясь, шепчет шаловливо:
«С добрым утром!»*

1914

Юность

*Мечты и слезы,
Цветы и грезы
Тебе дарю.*

*От тихой ласки
И нежной сказки
Я весь горю.*

А сколько муки

*Святые звуки
Наносят мне!*

*Но силой тертой
Пошлю все к черту.
Иди ко мне.*

1914

«Зашумели над затоном тростники...»

*Зашумели над затоном тростни-
ки.*

Плачет девушка-царевна у реки.

*Погадала красна девица в семик.
Расплела волна венок из повилик.*

*Ах, не выйти в жены девушке вес-
ной,
Запугал ее приметами лесной.*

*На березке пообъедена кора, –
Выживают мыши девушку с дво-
ра.*

*Бьются кони, грозно машут голо-
вой, –
Ой, не любит черны косы домо-
вой.*

*Запах ладана от рощи ели льют,
Звонки ветры панихидную поют.*

*Ходит девушка по бережку груст-
на,
Ткет ей саван нежнопенная вол-
на.*

1914

«Троицыно утро, утренний канон...»

*Троицыно утро, утренний канон,
В роще по березкам белый пере-
звон.*

*Тянется деревня с празднично-
го сна,
В благовесте ветра хмельная вес-
на.*

*На резных окошках ленты и ку-
сты.
Я пойду к обедне плакать на цве-
ты.*

*Пойте в чаще, птахи, я вам под-
пою,
Похороним вместе моло-
дость мою.*

*Троицыно утро, утренний канон.
В роще по березкам белый пере-
звон.*

1914

«Край любимый! Сердцу снятся...»

*Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.*

*По меже, на переметке,
Резеда и риза кашки.
И вызванивают в четки
Ивы – кроткие монашки.*

*Курит облаком болото,
Гарь в небесном коромысле.
С тихой тайной для кого-то
Затаил я в сердце мысли.*

*Все встречаю, все приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.*

1914

«Пойду в скуфье смиренным иноком...»

Пойду в скуфье смиренным ино-
ком
Иль белобрысым босяком –
Туда, где льется по равнинам
Березовое молоко.

Хочу концы земли измерить,
Доверясь призрачной звезде,
И в счастье ближнего поверить
В звенящей рожью борозде.

Рассвет рукой прохлады росной
Сшибает яблоки зари.
Сгребая сено на покосах,
Поют мне песни косари.

Глядя за кольца лычных прясел,
Я говорю с самим собой:
Счастлив, кто жизнь свою украсил
Бродяжной палкой и сумой.

Счастлив, кто в радости убогой,
Живя без друга и врага,
Пройдет проселочной дорогой,
Молясь на копны и стога.

1914

«Шел Господь пытаться людей в любви...»

*Шел Господь пытаться людей в любви,
Выходил он нищим на кулижку.
Старый дед на пне сухом, в дуброве,
Жамкал деснами зачерствелую пышку.*

*Увидал дед нищего дорогой,
На тропинке, с клюшкою железной,
И подумал: «Вишь, какой убогой, –
Знать, от голода качается, болезный».*

*Подошел Господь, скрывая скорбь и муку:
Видно, мол, сердца их не разбудишь...
И сказал старик, протягивая руку:
«На, пожуй... маленько крепче будешь».*

1914

Осень

Р. В. Иванову

Тихо в чаще можжевеля по обрыву.

Осень – рыжая кобыла – чешет гриву.

*Над речным покровом берегов
Слышен синий лязг ее подков.*

*Схимник-ветер шагом осторож-
ным*

*Мнет листву по выступам до-
рожным*

*И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримому Христу.*

1914–1916

«Не ветры осыпают пущи...»

*Не ветры осыпают пущи,
Не листопад златит холмы.
С голубизны незримой кущи
Струятся звездные псалмы.*

*Я вижу – в просиничном платке,
На легкокрылых облаках,
Идет Возлюбленная Мати*

С Пречистым Сыном на руках.

*Она несет для мира снова
Распятъ воскресшего Христа:
«Ходи, мой сын, живи без крова,
Зорюй и полднью у куста».*

*И в каждом страннике убогом
Я визнавать пойду с тоской,
Не Помазуемый ли Богом
Стучит берестяной клюкой.*

*И может быть, пройду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в елях – крылья херувима,
А под пеньком – голодный Спас.*

1914

В хате

*Пахнет рыхлыми драченами;
У порога в дежке квас,
Над печурками точеными
Тараканы лезут в паз.*

*Вьется сажа над заслонкою,
В печке нитки попелиц,
А на лавке за солонкою –
Шелуха сырых яиц.*

*Мать с ухватами не сладится,
Нагибается низко,
Старый кот к махотке крадется
На парное молоко.*

*Квохчут куры беспокойные
Над оглоблями сохи,
На дворе обедню стройную
Запевают петухи.*

*А в окне на сени скатые,
От пугливой шумоты,
Из углов щенки кудлатые
Заползают в хомуты.*

1914

«По селу тропинкой кривенькой...»

*По селу тропинкой кривенькой
В летний вечер голубой
Рекрута ходили с ливенкой
Разухабистой гурьбой.*

*Распевали про любимые
Да последние деньки:
«Ты прощай, село родимое,
Темна роща и пеньки».*

Зори пенились и таяли.

Все кричали, птяча грудь:
«До рекрутства горе маяли,
А теперь пора гульнуть».

Размахнув кудрями русыми,
В пляс пускались весело.
Девки брякали им бусами,
Зазывали за село.

Выходили парни бравые
За гуменные плетни,
А девчоночки лукавые
Убегали, – догони!

Над зелеными пригорками
Развевались платки.
По полям, бредя с кошелками,
Улыбались старики.

По кустам, в траве над лыками,
Под пугливый возглас сов,
Им смеялась рожа зыками
С переливом голосов.

По селу тропинкой кривенькой,
Ободравшись о пеньки,
Рекрута играли в ливенку
Про остольные деньки.

1914

«Гой ты, Русь, моя родная...»

*Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты – в ризах образа...
Не видать конца и края –
Только синь сосет глаза.*

*Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.*

*Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.*

*Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.*

*Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».*

1914

«Я пастух, мои палаты...»

*Я пастух, мои палаты –
Межи зыбистых полей,
По горам зеленым – скаты
С гарком гулких дупелей.*

*Вяжут кружево над лесом
В желтой пене облака.
В тихой дреме под навесом
Слышу шепот сосняка.*

*Светят зелено в сутёмы
Под росую тополя.
Я – пастух; мои хоромы –
В мягкой зелени поля.*

*Говорят со мной коровы
На кивливом языке.
Духовитые дубровы
Кличут ветками к реке.*

*Позабыв людское горе,
Сплю на вырублях сучья.
Я молюсь на алы зори,
Причащаюсь у ручья.*

1914

«Сторона ль моя, сторонка...»

Сторона ль моя, сторонка,
Горевая полоса.
Только лес, да посолонка,
Да заречная коса...

Чахнет старая церквушка,
В облака закинув крест.
И забольная кукушка
Не летит с печальных мест.

По тебе ль, моей сторонке,
В половодье каждый год
С подожочка и котомки
Богомольный льется пот.

Лица пыльны, загорелы,
Веки выглодала даль,
И впилась в худое тело
Спаса кроткого печаль.

1914

«Сохнет стаявшая глина...»

Сохнет стаявшая глина,
На сугорьях гниль опенок.
Пляшет ветер по равнинам,
Рыжий ласковый осленок.

Пахнет вербой и смолою.

Синь то дремлет, то вздыхает.
У лесного аналоя
Воробей псалтырь читает.

Прошлогодний лист в овраге
Средь кустов – как ворох меди.
Кто-то в солнечной сермяге
На осленке рыжем едет.

Прядь волос нежней кудели,
Но лицо его туманно.
Никнут сосны, никнут ели
И кричат ему: «Осанна!»

1914

«Чую радуницу Божью...»

Чую радуницу Божью –
Не напрасно я живу,
Поклоняюсь придорожью,
Припадаю на траву.

Между сосен, между елок,
Меж берез кудрявых бус,
Под венком, в кольце иголок,
Мне мерещится Исус.

Он зовет меня в дубровы,
Как во царствие небес,

*И горит в парче лиловой
Облаками крытый лес.*

*Голубиный дух от Бога,
Словно огненный язык,
Завладел моей дорогой,
Заглушил мой слабый крик.*

*Льется пламя в бездну зренья,
В сердце радость детских снов,
Я поверил от рожденья
В Богородицын покров.*

1914

«По дороге идут богомолки...»

*По дороге идут богомолки,
Под ногами полынь да комли.
Раздвигая щипульные колки,
На канавах звенят костыли.*

*Топчут лапти по полю кукольной,
Где-то ржанье и храп табуна,
И зовет их с большой колокольни
Гулкий звон, словно зык чугуна.*

*Отряхают старухи дулейки,
Вяжут девки косницы до пят.
Из подворья с высокой келейки*

На платки их монахи глядят.

*На вратах монастырские знаки:
«Упокою грядущих ко мне»,
А в саду разбрехались собаки,
Словно чужья воров на гумне.*

*Лижут сумерки золото солнца,
В дальних рощах аукает звон...
По тени от ветлы-веретенца
Богомолки идут на канон.*

1914

«Край ты мой заброшенный...»

*Край ты мой заброшенный,
Край ты мой, пустырь.
Сенокос некошенный,
Лес да монастырь.*

*Избы забоченились,
А и всех-то пять.
Крыши их запенились
В заревую гать.*

*Под соломой-ризою
Выструги стропил,
Ветер плесень сизую
Солнцем окропил.*

*В окна бьют без промаха
Вороны крылом,
Как метель, черемуха
Машет рукавом.*

*Уж не сказ ли в прутнике
Жисть твоя и былль,
Что под вечер путнику
Нашептал ковыль?*

1914

«Заглушила засуха засевки...»

*Заглушила засуха засевки,
Сохнет рожь, и не всходят овсы.
На молебен с хоругвями девки
Потащились в комлях полосы.*

*Собрались прихожане у чащи,
Лихоманную грусть затая.
Загузынил дьячишко ледащий:
«Спаси, Господи, люди твоя».*

*Открывались небесные двери,
Дьякон бавкнул из кряжис-
тых сил:
«Еще молимся, братья, о вере,
Чтобы Бог нам поля оросил».*

*Заливались веселые птахи,
Крапал брызгами поп из горстей,
Стрекотуньи-сороки, как свахи,
Накликали дождливых гостей.*

*Зыбко пенились зори за рощей,
Как холстины ползли облака,
И туманно по былънице тощей
Меж кустов ворковала река.*

*Скинув шапки, молясь и вздыхая,
Говорили промеж мужики:
«Колосилась-то ярь неплохая,
Да сгубили сухие деньки».*

*На коне – черной тучице в сан-
ках –
Билось пламя-шлея... синь
и дрожь.
И кричали парнишки в еланках:
«Дождик, дождик, полей нашу
рожь!»*

1914

«Черная, потом пропахшая выть!..»

*Черная, потом пропахшая выть!
Как мне тебя не ласкать, не лю-
бить?*

Выйду на озеро в синюю гать,
К сердцу вечерняя льнет благо-
дать.

Серым веретьем стоят шалаши,
Глухо баюкают хлюпъ камыши.

Красный костер окровил таганы,
В хворосте белые веки луны.

Тихо, на корточках, в пятнах зари
Слушают сказ старика косари.

Где-то вдали, на кукане реки,
Дремную песню поют рыбаки.

Оловом светится лужная голь...
Грустная песня, ты – русская
боль.

1914

«Топи да болота...»

Топи да болота,
Синий плат небес.
Хвойной позолотой
Взвенивает лес.

Тенькает синица

*Меж лесных кудрей,
Темным елям снится
Гомон косарей.*

*По лугу со скрипом
Тянется обоз –
Суховатой липой
Пахнет от колес.*

*Слушают ракиты
Посвист ветряной...
Край ты мой забытый,
Край ты мой родной!..*

1914

Микола

*В шапке облачного скола,
В лапоточках, словно тень,
Ходит милостник Микола
Мимо сел и деревень.*

*На плечах его котомка,
Стягловица в две тесьмы,
Он идет, поет негромко
Иорданские псалмы.*

*Злые скорби, злое горе
Даль холодная впила;*

Загораются, как зори,
В синем небе купола.

Наклонивши лик свой кроткий,
Дремлет ряд плакучих ив,
И, как шелковые четки,
Веток бисерный извив.

Ходит ласковый угодник,
Пот елейный льет с лица:
«Ой ты, лес мой, хороводник,
Прибаюкай пришлеца».

Заневестилася кругом
Роща елей и берез.
По кустам зеленым лугом
Льнут охлопья синих рос.

Тучка тенью расколола
Зеленистый косогор...
Умывается Микола
Белой пеной из озер.

Под березкою-невестой,
За сухим посошником,
Утирается берестой,
Словно мягким рушником.

И идет стопой неспешной
По селеньям, пустырям:
«Я, жилец страны нездешной,
Прохожу к монастырям».

Высоко стоит злотравье,
Спорынья кадит туман:
«Помолюсь схожу за здравье
Православных христиан».

Ходит странник по дорогам,
Где зовут его в беде,
И с земли гуторит с Богом
В белой туче-бороде.

Говорит Господь с престола,
Приоткрыв окно за рай:
«О мой верный раб, Микола,
Обойди ты русский край.

Защити там в черных бедах
Скорбью вытерзанный люд.
Помолись с ним о победах
И за нищий их уют».

Ходит странник по трактирам,
Говорит, завидя сход:
«Я пришел к вам, братья, с ми-

ром –
Исцелить печаль забот.

Ваши души к подорожью
Тянет с посохом сума.
Собирайте милость Божью
Спелой рожью в закрома».

Горек запах черной гари,
Осень рожи подождла.
Собирает странник тварей,
Кормит просом с подола.

«Ой, прощайте, белы птахи,
Прячьтесь, звери, в терему.
Темный бор, – щекочут свахи, –
Сватай девицу-зиму».

«Всем есть место, всем есть ло-
гов,
Открывай, земля, им грудь!
Я – слуга давнишний Богов –
В Божий терем правлю путь».

Звонкий мрамор белых лестниц
Протянулся в райский сад;
Словно космица кудесниц,
Звезды в яблонях висят.

На престоле светит зорче
В алых ризах кроткий Спас;
«Миколае-чудотворче,
Помолись ему за нас».

Кроют зори райский терем,
У окошка Божья Мать
Голубей сзывает к дверям
Рожь зернистую клевать.

«Клюйте, ангельские птицы:
Колос – жизненный полет».
Ароматней медуницы
Пахнет жней веселых пот.

Кружевами лес украшен,
Ели словно купина.
По лощинам черных пашен –
Пряжа выснежного льна.

Засучивши с рожью полы,
Пахаря трясут лузгу,
В честь угодника Миколы
Сеют рожью на снегу.

И, как по траве окосья
В вечеряющий покос,
На снегу звенят колосья

Под косницами берез.

1913–август 1914

Егорий

*В синих далях плоскогорий,
В лентах облаков
Собирал святой Егорий
Белых волков.*

*«Ой ли, светы, [ратовой уж]
Слушайте мой сказ.
У меня в лихом изгой уж
Есть поклон до вас.*

*Все волчицы строят гнезда
В муромских лесах.
В их глазах застыли звезды
На ребячий страх.*

*И от тех ли серолобых
Ваш могучий род,
Как и вы, сгорает в злобах
Чужевой оплот.*

*Но недавно помирились
С русским мужиком.
Долго злились, долго бились
В пуще вы тайком.*

Там с закатных поднебесий
Скачет враг – силен,
Как на эти ли полесья
Затаил полон.

Чую, выйдет лохманида –
Не ужиться вам,
Но уж черная планида
Машет по горам».

Громовень подняли волки:
«Мы ль тросовики!
Когти остры, зубы колки –
Разорвем в клоки!»

Собирались все огулом
Вырядить свой суд.
Грозным криком, дальним гулом
Замирал их гуд.

Как почуяли облаву,
Вышли на бугор:
«Ты веди нас на расправу,
Храбрый наш Егор!»

«Ладно, – молвил им Егорий, –
Я вас поведу
Меж далеких плоскогорий,

Укрочу беду».

*Скачет всадник с длинной пикой,
Распугал всех сов.
И дрожит земля от крика
Волчьих голосов.*

1914

Молитва матери

*На краю деревни старая избушка,
Там перед иконой молится ста-
рушка.*

*Молитва старушки сына помина-
ет,
Сын в краю далеком родину спаса-
ет.*

*Молится старушка, утирает сле-
зы,
А в глазах усталых расцветают
грезы.*

*Видит она поле, поле перед боем,
Где лежит убитым сын ее героем.*

*На груди широкой брызжет кровь,
что пламя,*

*А в руках застывших вражеское
знамя.*

*И от счастья с горем вся она за-
стыла,
Голову седую на руки склонила.*

*И закрыли брови редкие сединки,
А из глаз, как бисер, сыплются
слезинки.*

1914

Богатырский посвист

*Грянул гром. Чашка неба расколо-
та.*

*Разорвались тучи тесные.
На подвесках из легкого золота
Закачались лампадки небесные.
Отворили ангелы окно высокое,
Видят – умирает тучка безгла-
вая,
А с запада, как лента широкая,
Подымается заря кровавая.
Догадались слуги Божии,
Что недаром земля просыпается,
Видно, мол, немцы негожие
Войной на мужика поднимаются.
Сказали ангелы солнышку:*

«Разбуди поди мужика, красное,
Потрепи его за головушку,
Дескать, беда для тебя опасная».
Встал мужик, из ковша умывается,
Ласково беседует с домашней
птицею,
Умывшись, в лапти наряжается
И достает сошники с палицею.
Думает мужик дорогой в кузницу:
«Проучу я харю поганую».
И на ходу со злобы тужится,
Скидает с плечей сермягу рваную.
Сделал кузнец мужику пику
вострую,
И уселся мужик на клячу брыку-
чую.
Едет он дорогой пестрою,
Насвистывает песню могучую,
Выбирает мужик дорожку при-
метнее,
Едет, свистит, ухмыляется,
Видят немцы – задрожали дубы
столетние,
На дубах от свиста листья валят-
ся.
Побросали немцы шапки медные,
Испугались посвисту богатырско-

20...

*Правит Русь праздники победные,
Гудит земля от звона монастыр-
ского.*

1914

Бельгия

*Побеждена, но не рабыня,
Стоишь ты гордо без доспех,
Осквернена твоя святыня,
Зато душа чиста, как снег.
Кровавый пир в дыму пожара
Устроил грозный сатана,
И под мечом его удара
Разбита храбрая страна.
Но дух свободный, дух могучий
Великих сил не угасил,
Он, как орел, парит за тучей
Над цепью доблестных могил.
И жребий правды совершится:
Падет твой враг к твоим ногам
И будет с горестью молиться
Твоим разбитым алтарям.*

1914

Сиротка
(Русская сказка)

Маша – круглая сиротка.
Плохо, плохо Маше жить,
Злая мачеха сердито
Без вины ее бранит.

Неродимая сестрица
Маше места не дает,
Плачет Маша втихомолку
И украдкой слезы льет.

Не перечит Маша брани,
Не теряет дерзких слов,
А коварная сестрица
Отбивает женихов.

Злая мачеха у Маши
Отняла ее наряд,
Ходит Маша без наряда,
И ребята не глядят.

Ходит Маша в сарафане,
Сарафан весь из заплат,
А на мачехиной дочке
Бусы с серьгами гремят.

Сшила Маша на подачки
Сарафан себе другой
И на голову надела

Полушалок голубой.

*Хочет Маша понарядней
В церковь Божию ходить
И у мачехи сердитой
Просит бусы ей купить.*

*Злая мачеха на Машу
Засучила рукава,
На устах у бедной Маши
Так и замерли слова.*

*Вышла Маша, зарыдала,
Только некуда идти,
Побежала б на кладбище,
Да могилки не найти.*

*Замела седая вьюга
Поле снежным полотном,
По дороженькам ухабы,
И сугробы под окном.*

*Вышла Маша на крылечко,
Стало больно ей невмочь.
А кругом лишь воеет ветер,
А кругом лишь только ночь.*

Плачет Маша у крылечка,

Притаившись за углом,
И заплаканные глазки
Утирает рукавом.

Плачет Маша, крепнет стужа.
Злится дедушка-мороз,
А из глаз ее, как жемчуг,
Вытекают капли слез.

Вышел месяц из-за тучек,
Ярким светом заиграл.
Видит Маша – на приступке
Кто-то бисер разметал.

От нечаянного счастья
Маша глазки подняла
И застывшими руками
Крупный жемчуг собрала.

Только Маша за колечко
Отворяет дверь рукой, –
А с высокого сугроба
К ней бежит старик седой:

«Эй, красавица, постой-ка,
Замела совсем пурга!
Где-то здесь вот на крылечке
Позабыл я жемчуга».

Маша с тайною тревогой
Робко глазки подняла
И сказала, запинаясь:
«Я их в фартук собрала».

И из фартука стыдливо,
Заслонив рукой лицо,
Маша высыпала жемчуг
На обмерзшее крыльцо.

«Стой, дитя, не сыпь, не надо, –
Говорит старик седой, –
Это бисер ведь на бусы,
Это жемчуг, Маша, твой».

Маша с радости смеется,
Закраснелась, стоит,
А старик, склонясь над нею,
Так ей нежно говорит:

«О дитя, я видел, видел,
Сколько слез ты пролила
И как мачеха лихая
Из избы тебя гнала.

А в избе твоя сестрица
Любовалась собой
И, расчесывая косы,

Хохотала над тобой.

*Ты рыдала у крылечка,
А кругом мела пурга,
Я в награду твои слезы
Заморозил в жемчуга.*

*За тебя, моя родная,
Стало больно мне невмочь
И озлобленным дыханьем
Застудил я мать и дочь.*

*Вот и вся моя награда
За твои потоки слез...
Я ведь, Маша, очень добрый,
Я ведь дедушка-мороз».*

*И исчез мороз трескучий...
Маша жемчуг собрала
И, прислушиваясь к вьюге,
Постояла и ушла.*

*Утром Маша рано-рано
Шла могилушку копать,
В это время царедворцы
Шли красавицу искать.*

Приказал король им строго

*Обойти свою страну
И красавицу собою
Отыскать себе жену.*

*Увидали они Машу,
Стали Маше говорить,
Только Маша порешила
Прежде мертвых схоронить.*

*Тихо справили поминки,
На душе утихла боль,
И на Маше, на сиротке,
Повенчался сам король.*

1914

Узоры

*Девушка в светлице вышивает
ткани,
На канве в узорах копьё и кресты.
Девушка рисует мертвых на поляне,
На груди у мертвых – красные цветы.*

*Нежный шелк выводит храброго
героя,
Тот герой отважный – принц ее души.*

Он лежит, сраженный в жаркой
схватке боя,
И в узорах крови смяты камыши.

Кончены рисунки. Лампа догора-
ет.
Девушка склонилась. Помутился
взор.
Девушка тоскует. Девушка рыда-
ет.
За окошком полночь чертит свой
узор.

Траурные косы тучи разметали,
В пряди тонких локонов впуталась
луна.
В трепетном мерцанье, в белом
покрывале
Девушка, как призрак, плачет
у окна.

1914

Что это такое?

В этот лес замороженный,
По пушинкам серебра,
Я с винтовкой заряженной
На охоту шел вчера.
По дорожке чистой, гладкой

Я прошел, не наследил...
Кто ж катался здесь украдкой?
Кто здесь падал и ходил?
Подойду, взгляну поближе:
Хрупкий снег изломан весь.
Здесь вот когти, дальше – лыжи...
Кто-то странный бегал здесь.
Кабы твердо знал я тайну
Заколдованным речам,
Я узнал бы хоть случайно,
Кто здесь бродит по ночам.
Из-за елки бы высокой
Подсмотрел я на кругу:
Кто глубокий след далекий
Оставляет на снегу?..

1914

ЯМЩИК

За ухабины степные
Мчусь я лентой пустырей.
Эй вы, соколы родные,
Выносите поскорей!

Низкорослая слободка
В повечерешнем дыму.
Заждалась меня красотка
В чародейном терему.

Светит в темень позолотой
Размалевана дуга.
Ой вы, санки-самолеты,
Пуховитые снега!

Звоны резки, звоны гулки,
Бубенцам в шлее не счет.
А как гаркну на проулке,
Выбегает весь народ.

Выйдут парни, выйдут девки
Славить зимни вечера,
Голосатые запевки
Не смолкают до утра.

1914

Русь

Потонула деревня в ухабинах,
Заслонили избенки леса.
Только видно, на кочках и впади-
нах,
Как синеют кругом небеса.

Воят в сумерки долгие, зимние,
Волки грозные с тощих полей.
По дворам в погорающем инее
Над застрехами храп лошадей.

Как совиные глазки, за ветками
Смотрят в шали пурги огоньки.
И стоят за дубровными сетками,
Словно нечисть лесная, пеньки.

Запугала нас сила нечистая,
Что ни прорубь – везде колдуны.
В злую заморозь в сумерки мгли-
стые
На березках висят галуны.

Но люблю тебя, родина кроткая!
А за что – разгадать не могу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.

Я люблю над покосной стоянкою
Слушать вечером гуд комаров.
А как гаркнут ребята тальян-
кою,
Выйдут девки плясать у костров.

Загорятся, как черна смородина,
Угли-очи в подковах бровей.
Ой ты, Русь моя, милая родина,
Сладкий отдых в шелку купырей.

Понакаркали черные вороны:

Грозным бедам широкий простор.
Крутит вихорь леса во все сторо-
ны,
Машет саваном пена с озер.

Грянул гром, чашка неба расколо-
та,
Тучи рваные кутают лес.
На подвесках из легкого золота
Закачались лампадки небес.

Повестили под окнами сотские
Ополченцам идти на войну.
Загыгыкали бабы слободские,
Плач прорезал кругом тишину.

Собирались мирные пахари
Без печали, без жалоб и слез,
Клали в сумочки пышки на сахаре
И пихали на кряжистый воз.

По селу до высокой околицы
Провожал их огулом народ.
Вот где, Русь, твои добрые молод-
цы,
Вся опора в годину невзгод.

Затомилась деревня невесточ-

кой –
Как-то милые в дальнем краю?
Отчего не уведомят весточкой, –
Не погибли ли в жарком бою?

В роще чудились запахи ладана,
В ветре бластились стуки ко-
стей.
И пришли к ним неожиданно-нега-
данно
С дальней волости груды вестей.

Сберегли по ним пахари памятку,
С потом вывели всем по письму.
Подхватили тут рódные грамот-
ку,
За ветловую сели тесьму.

Собрались над четницей Лушею
Допытаться любимых речей.
И на корточках плакали, слушая,
На успехи родных силачей.

Ах, поля мои, борозды милые,
Хороши вы в печали своей!
Я люблю эти хижины хилые
С поджиданьем седых матерей.

Припаду к лапоточкам берестя-
ным,
Мир вам, грабли, коса и соха!
Я гадаю по взорам невестиным
На войне о судьбе жениха.

Помирился я с мыслями слабыми,
Хоть бы стать мне кустом у во-
ды.
Я хочу верить в лучшее с бабами,
Тепля свечку вечерней звезды.

Разгадал я их думы несметные,
Не спугнет их ни гром и ни тьма.
За сохою под песни заветные
Не причудится смерть и тюрьма.

Они верили в эти каракули,
Выводимые с тяжким трудом,
И от счастья и радости плакали,
Как в засуху над первым дождем.

А за думой разлуки с родимыми
В мягких травах, под бусами рос,
Им мерещился в далях за дымами
Над лугами веселый покос.

Ой ты, Русь, моя родина кроткая,

Лишь к тебе я любовь берегу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.

1914

Ус

Не белы снега по-над Доном
Заметали степь синим звоном.
Под крутой горой, что ль под ты-
ном,
Расставалась мать с верным сы-
ном.

«Ты прощай, мой сын, прощай, ча-
до,
Знать, пришла пора, ехать надо!
Захирел наш дол по-над Доном,
Под пятой Москвы, под полоном».

То не водный звон за путиной –
Бьет копытом конь под осиною.
Под краснёву дремь, под сугредок
Отвечал ей сын напоследок:

«Ты не стой, не плачь на дорогу,
Зажигай свечу, молись Богу.
Соберу я Дон, вскручу вихорь,
Полоню царя, сниму лихо».

Не река в бугор была пеной –
Вынимал он нож с подколена,
Отрезал с губы ус чернявый,
Говорил слова над дубравой:

«Уж ты, мать моя, голубица,
Сбереги ты ус на божнице;
Окропи его красным звоном,
Положи его под икону!»

Гикал-ухал он под туманом,
Подымалась пыль за курганом.
А она в ответ, как не рада:
«Уж ты сын ли мой, мое чадо!»

На крутой горе, под Калугой,
Повенчался Ус с синей вьюгой.
Лежит он на снегу под елью,
С весела-разгула, с похмелья.

Перед ним все знать да бояры,
В руках золотые чары.
«Не гнушайся ты, Ус, не злобуй,
Подымись, хоть пригубь, попро-
буй!»

Нацедили мы вин красносоких
Из грудей из твоих из высоких.

Как пьяна с них твоя супруга,
Белокосая девица-вьюга!»

Молчит Ус, не кинет взгляда, –
Ничего ему от земли не надо.
О другой он земле гадает,
О других небесах вздыхает...

Заждалася сына дряхлая вдовица,
День и ночь горюя, сидя под бож-
ницей.
Вот прошло-проплыло уж второе
лето,
Снова снег на поле, а его все нету.

Подошла, взглянула в мутное
окошко...
«Не одна ты в поле катишься, до-
рожка!»
Свищет сокол-ветер, бредит ти-
хим Доном.
«Хорошо б прижаться к золотым
иконам...»

Села и прижалась, смотрит
кротко-кротко...
«На кого ж похож ты, светлогла-
зый отрок?..

*А! – сверкнули слезы над увядшим
усом. –
Это ты, о сын мой, смотришь
Иисусом!»*

*Радостью светит она из угла.
Песню запела и гребень взяла.
Лик ее старческий ласков и строг.
Встанет, присядет за печь, на по-
рог.*

*Вечер морозный, как волк, тем-
но-бур...
Кличет цыплят и нахохлен-
ных кур:
«Цыпушки-цыпы, свет-петушок!..»
Крепок в руке роговой гребешок.*

*Стала, уставилась лбом в темно-
ту,
Чешет волосья младенцу Христу.
1914*

Удалец

*Ой, мне дома не сидится,
Размахнуться б на войне.
Полечу я быстрой птицей
На саврасом скакуне.*

Не ревите, мать и тетка,
Слезы сушат удальца.
Подарила мне красотка
Два серебряных кольца.

Эх, достану я ей пикой
Душегрейку на меху,
Пусть от радости великой
Ходит ночью к жениху.

Ты гори, моя зарница,
Не страшён мне вражий стан.
Зацелует баловница,
Как куплю ей сарафан.

Отчего вам хныкать, бабы,
Домекнуться не могу.
Али руки эти слабы,
Что пешню согнут в дугу.

Буду весел я до гроба,
Удалая голова.
Провожай меня, зазноба,
Да держи свои слова.

1915

«Вечер, как сажа...»

Вечер, как сажа,

Льется в окно.
Белая пряжа
Ткет полотно.

Пляшет гасница,
Прыгает тень.
В окна стучится
Старый плетень.

Липнет к окошку
Черная гать.
Девочку-крошку
Байкает мать.

Взрыкает зыбка
Сонный тропарь:
«Спи, моя рыбка,
Спи, не гутарь».

1916

«Прячет месяц за овинами...»

Прячет месяц за овинами
Желтый лик от солнца ярого.
Высоко над луговинами
По востоку пышет зарево.

Пеной рос заря туманится,
Словно глубь очей невестиных.

*Прибрела весна, как странница,
С посошком в лаптях берестяных.*

*На березки в роще теневой
Серьги звонкие повесила
И с рассветом в сад сиреневый
Мотыльком порхнула весело.*

1916

«По лесу леший кричит на сову...»

*По лесу леший кричит на сову.
Прячутся мошки от птичек
в траву.
Ау!*

*Спит медведиха, и чудится ей:
Колет охотник острогой детей.
Ау!*

*Плачет она и трясет головой:
– Детушки-дети, идите домой.
Ау!*

*Звонкое эхо кричит в синеву:
– Эй ты, откликнись, кого я зову!
Ау!*

1916

«За рекой горят огни»

*За рекой горят огни,
Погорают мох и пни.
Ой, купало, ой, купало,
Погорают мох и пни.*

*Плачет леший у сосны –
Жалко летошней весны.
Ой, купало, ой, купало,
Жалко летошней весны.*

*А у наших у ворот
Пляшет девок корогод.
Ой, купало, ой, купало,
Пляшет девок корогод.*

*Кому горе, кому грех,
А нам радость, а нам смех.
Ой, купало, ой, купало,
А нам радость, а нам смех.*

1916

Молотьба

*Вышел з́араня дед
На гумно молотить:
«Выходи-ка, сосед,
Старику подсобить».*

Положили гурьбой
Золотые снопы.
На гумне вперейбой
Зазвенели цепи.

И ворочает дед
Немолоченый край:
«Постучи-ка, сосед,
Выбивай каравай».

И под сильной рукой
Вылетает зерно.
Тут и солод с мукой,
И на свадьбу вино.

За тяжелой сохой
Эта доля дана.
Тучен колос сухой –
Будет брага хмельна.

1916

«На лазоревые ткани»

На лазоревые ткани
Пролил пальцы багрянец.
В темной роще, по поляне,
Плачет смехом бубенец.

Затуманились лощины,

*Серебром покрылся мох.
Через прясла и овины
Кажет месяц белый рог.*

*По дороге лихо, бойко,
Развевая пенный пот,
Скачет бешеная тройка
На поселок в хоровод.*

*Смотрят девушки лукаво
На красавца сквозь плетень.
Парень бравый, кучерявый
Ломит шапку набекрень.*

*Ярче розовой рубахи
Зори вешние горят.
Позолоченные бляхи
С бубенцами говорят.*

1915

«На небесном синем блюде...»

*На небесном синем блюде
Желтых туч медовый дым.
Грезит ночь. Уснули люди,
Только я тоской томим.*

*Облаками перекрещен,
Сладкий дым вдыхает бор.*

*За кольцо небесных трещин
Тянет пальцы косогор.*

*На болоте кричат цапля;
Четко хлюпает вода,
А из туч глядит, как капля,
Одинокая звезда.*

*Я хотел бы в мутном дыме
Той звездой поджечь леса
И погинуть вместе с ними,
Как зарница в небеса.*

1913–1914?

Греция

*Могучий Ахиллес громил тверды-
ни Трои.*

*Блистательный Патрокл сра-
женный умирал.*

*А Гектор меч о траву вытирал
И сыпал на врага цветущие лев-
кои.*

*Над прахом горестно слетались
с плачем сои,
И лунный серп сеть туник проры-
вал.*

Усталый Ахиллес на землю при-

падал,
Он нес убитого в родимые покои.

Ах, Греция! мечта души моей!
Ты сказка нежная, но я к тебе
нежней,
Нежней, чем к Гектору, герою, Ан-
дромаха.

Возьми свой меч. Будь Сербии
сестрою.
Напомни миру сгинувшую Трои,
И для вандалов пусть чернеют
меч и плаха.

1915

Польша

Над Польшей облако кровавое по-
висло,
И капли красные сжигают города.
Но светит в зареве былых веков
звезда.
Под розовой волной, вздымаясь,
плачет Висла.

В кольце времен с одним оттен-
ком смысла
К весам войны подходят все года.

*И победителю за стяг его труда
Сам враг кладет цветы на чашки
коромысла.*

*О Польша, светлый сон в сырой
тюрьме Костюшки,
Невольница в осколках ореола,
Я вижу: твой Мицкевич заряжает
пушки.*

*Ты мощною рукой сеть плена рас-
порола.
Пускай горят родных краев опуш-
ки,
Но слышен звон побед к молеб-
ствию костела.*

1915

Черемуха

*Черемуха душистая
С весною расцвела
И ветки золотистые,
Что кудри, завила.
Кругом роса медвяная
Сползает по коре,
Под нею зелень пряная
Сияет в серебре.
А рядом, у проталинки,*

*В траве, между корней,
Бежит, струится маленький
Серебряный ручей.
Черемуха душистая,
Развесившись, стоит,
А зелень золотистая
На солнышке горит.
Ручей волной гремячей
Все ветки обдает
И вкрадчиво под кручею
Ей песенки поет.*

1915

Рюрику Ивневу

*Я одену тебя побирušкой,
Подпояшу оструганным лыком.
Упираясь толстою клюшкой,
Уходи ты к лесным повиликам.*

*У стогов из сухой боровины
Шьет русалка из листьев обновы.
У ней губы краснее малины,
Брови черные круче подковы.*

*Ты скажи ей: «Я странник уста-
лый,
Равнодушный к житейским поте-
рям».*

Скинъ-покинъ свой армяк полиня-
лый,
Проходи с нею к зарослям в те-
рем.

Соберутся русалки с цветами,
Заведут под гармони гулянку
И тебя по заре с петухами
Поведут провожать на полянку.

Побредешь ты, воспрянутый ду-
хом,
Будешь зыкать прибаски на цевне
И навстречу горбатым старухам
Скинешь шапку с поклоном дерев-
не.

29 марта 1915 г.

**«О дитя, я долго плакал над судьбой
твоей...»**

О дитя, я долго плакал над судь-
бой твоей,
С каждой ночью я тоскую все
сильней, сильней...

Знаю, знаю, скоро, скоро, на зака-
те дня,
Понесут с могильным пенъем хо-

ронить меня...

*Ты увидишь из окошка белый са-
ван мой,
И сожмется твое сердце от тос-
ки немой...*

*О дитя, я долго плакал с тайной
теплых слов,
И застыли мои слезы в бисер
жемчугов...*

*И связал я ожерелье для тебя
из них,
Ты надень его на шею в память
дней моих!*

1915

Побирушка

*Плачет девочка-малютка у окна
больших хором,
А в хоромах смех веселый так
и льется серебром.
Плачет девочка и стынет на вет-
ру осенних гроз,
И ручонкою иззябшей вытирает
капли слез.*

*Со слезами она просит хлеба
черствого кусок,
От обиды и волненья замирает
голосок.
Но в хоромах этот голос заглу-
шает шум утех,
И стоит малютка, плачет
под веселый, резвый смех.*

1915

Девичник

*Я надену красное монисто,
Сарафан запетлю синей рюшкой.
Позовите, девки, гармониста,
Попрощайтесь с ласковой по-
дружкой.*

*Мой жених, угрюмый и ревнивый,
Не велит заглядывать на парней.
Буду петь я птахой сиротливой,
Вы ж пляшите дробней и угарней.*

*Как печальны девичьи потери,
Грустно жить оплаканной неве-
сте.
Уведет жених меня за двери,
Будет спрашивать о девической
чести.*

Ах, подружки, стыдно и неловко:
Сердце робкое охватывает стужа.

Тяжело беседовать с золовкой,
Лучше жить несчастной,
да без мужа.

1915

Город

Храня завет родных поверий –
Питать к греху стыдливый
страх,
Бродил я в каменной пещере,
Как искушаемый монах.
Как муравьи кишели люди
Из щелей выдолбленных глыб,
И, схилясь, двигались их груди,
Что чешуя скорузных рыб.
В моей душе так было гулко
В пеленках камня и кремней.
На каждой ленте переулка
Стонал коровий рев теней.
Дрижжали дроги, словно стекла,
В лицо кнутом грозила даль,
А небо хмурилось и блекло,
Как бабья сношенная шаль.
С улыбкой змеяного грешенья
Девичий смех меня манул,

Но я хранил завет крещенья –
Плевать с молитвой в сатану.
Как об ножи стальной дорогой
Рвались на камнях сапоги,
И я услышал зык от Бога:
«Забудь, что видел, и беги!»

1915

«У крыльца в худой логушке деготь...»

У крыльца в худой логушке де-
готь.
Струи черные расхлябились,
как змейки.
Ходят куры черных змей потро-
гать
И в навозе чистят клюв свой
клейкий.
В колымаге колкая засорень,
Без колес, как лапы, смотрят оси.
Старый дед прямит на втулке
шкворень,
Словно косу долбит на покосе.
У погребки с маткой поросята,
Рядом с замесью тухлявая лохан-
ка.
Под крылом на былънице измя-
той
Ловит вшей расхохленная канка.

*Под горой на поило скачет стадо.
Плачут овцы с хлебистой жов-
кой.
Голосят пастушки над оградой:
«Гыть кыря!» – и щелкают верев-
кой.*

1915

Старухи

*Под окном балякают старухи.
Вязлый хрип их крошит тишину.
С чурбака, как скатный бисер, му-
хи
Улетают к лесу-шушуну.
Смотрят бабки в черные дубровы,
Где сверкают гашники зарниц,
Подтыкают пестрые поневы
И тарашат веки без ресниц,
«Быть дождю, – решают в пересу-
де, –
Небо в куреве, как хмаровая близь.
Ведь недаром нонче на посуде
Появилась квасливая слизь,
Не зазря прокисло по махоткам
В погребах парное молоко
И не так гагачится молодкам,
Видно, дышать бедным нелегко».
Говорят старухи о пророке,*

Что на небе гонит лошадей,
А кругом в дымнистой заволоке
Веет сырью звонистых дождей.

1915

«Я странник убогий...»

Я странник убогий.
С вечерней звездой
Пою я о Боге
Касаткой степной.

На шелковом блюде
Опада осин,
Послушайте, люди,
Ухлюпы трясин.

Ширком в луговины,
Целую сосну,
Поют быстровины
Про рай и весну.

Я, странник убогий,
Молясь в синеву.
На палой дороге
Ложуся в траву.

Покоюся сладко
Меж росновых бус;

*На сердце лампадка,
А в сердце Исус.*

1915

Разбойник

*Стухнут звезды, стухнет месяц,
Стихнет песня соловья,
В черныбылье перелесиц
С кистенем засяду я.*

*У реки под косогором
Не бросай, рыбак, блесну,
По дороге темным бором
Не считай, купец, казну!*

*Руки цепки, руки хватки,
Не зазря зовусь ухват:
Загребу парчу и кадки,
Дорогой сниму халат.*

*В темной роще заряница
Чешет елью прядь волос;
Выручай меня, ножница:
Раздается стук колес.*

*Не дознаться глупым людям,
Где копил – хранил деньгу;
Захотеть – так все добудем*

Темной ночью на лугу!

1915

«Алый мрак в небесной черни...»

*Алый мрак в небесной черни
Начертил пожаром грань.
Я пришел к твоей вечерне,
Полевая глухомань.*

*Нелегка моя кошница,
Но глаза синее дня.
Знаю, мать-земля черница,
Все мы тесная родня.*

*Разошлись мы в даль и шири
Под лазоревым крылом.
Но сзовет нас из псалтыри
Заревой заре псалом.*

*И придем мы по равнинам
К правде сошьего креста
Светом книги голубиной
Напоить свои уста.*

1915

«Белая свитка и алый кушак...»

Белая свитка и алый кушак,

*Рву я по грядкам зардевший-
ся мак.*

*Громко звенит за селом хоровод,
Там она, там она песни поет.*

*Помню, как крикнула, шигая
в сруб:
«Что же, красив ты, да сердцу
не люб.*

*Кольца кудрей твоих ветрами
жжет,
Гребень мой вострый другой бере-
жет».*

*Знаю, чем чужд ей и чем я не мил:
Меньше плясал я и меньше
всех пил.*

*Кротко я с грустью стоял у сте-
ны,
Все они пели и были пьяны.*

*Счастье его, что в нем меньше
стыда,
В шею ей лезла его борода.*

Свившись с ним в жгучее пляски
кольцо,
Брызнула смехом она мне в лицо.

Белая свитка и алый кушак,
Рву я по грядкам зардевший-
ся мак.

Маком влюбленное сердце цветет,
Только не мне она песни поет.

1915

Плясунья

Ты играй, гармонь, под трензель,
Отсыпай, плясунья, дробь!
На платке краснеет вензель,
Знай прищелкивай, не робь!

Парень бравый, синеглазый
Загляделся не на смех.
Веселы твои проказы,
Зарукавник – словно снег.

Улыбаются старушки,
Приседают старики.
Смотрят с завистью подружки
На шелковы косники.

*Веселись, пляши угарней,
Развевай кайму фаты.
Завтра вечером от парней
Придут свахи и сваты.*

1915

«В лунном кружеве украдкой...»

*В лунном кружеве украдкой
Ловит призраки долина.
На божнице за лампадкой
Улыбнулась Магдалина.*

*Кто-то дерзкий, непокорный,
Позавидовал улыбке.
Вспучил бельма вечер черный,
И луна – как в белой зыбке.*

*Разыгралась тройка-вьюга,
Брызжет пот, холодный, тёрп-
кий,
И плакучая лещуга
Лезет к ветру на закорки.*

*Смерть в потемках точит брит-
ву...
Вон уж плачет Магдалина.
Помяни мою молитву
Тот, кто ходит по долинам.*

1915

«Тебе одной плету венок...»

*Тебе одной плету венок,
Цветами сыплю стежку серую.
О Русь, покойный уголок,
Тебя люблю, тебе и верую.
Гляжу в простор твоих полей,
Ты вся – далекая и близкая.
Сродни мне посвист журавлей
И не чужда тропинка склизкая.
Цветет болотная купель,
Куга зовет к вечерне длительной,
И по кустам звенит капель
Росы холодной и целительной.
И хоть сгоняет твой туман
Поток ветров, крылато дующих,
Но вся ты – смирна и ливан
Волхвов, потайственно волхвую-
щих.*

1915

«Занеслися залетною пташкой...»

*Занеслися залетною пташкой
Панихидные вести к нам.
Родина, черная монашка,
Читает псалмы по сынам.*

*Красные нити часослова
Кровью окропили слова.
Я знаю, – ты умереть готова,
Но смерть твоя будет жива.*

*В церквушке за тихой обедней
Выну за тебя просфору,
Помолюся за вздох последний
И слезу со щеки утру.*

*А ты из светлого рая,
В ризах белее дня,
Покрестися, как умирая,
За то, что не любила меня.*

1915

Колдунья

*Косы растрепаны, страшная, бе-
лая,
Бегаёт, бегаёт, резвая, смелая.
Темная ночь молчаливо пугается,
Шалями тучек луна закрывается,
Ветер-певун с завываньем кликуш
Мчится в лесную дремучую
глушь.
Роща грозитя еловыми пиками,
Прячутся совы с пугливыми кри-
ками.*

Машет колдунья руками костля-
выми.
Звезды моргают из туч над дуб-
равами.
Серьгами змеи под космы приве-
шены,
Кружится с вьюгою страшно
и бешено.
Пляшет колдунья под звон сосня-
ка.
С черною дрожью плывут облака.

1915

Поминки

Заслонили ветлы сиротливо
Косниками мертвые жилища.
Словно снег, белеется коливо –
На помин небесным птахам пи-
ща.

Тащат галки рис с могилоч пост-
ный,
Вяжут нищие над сумками бечев-
ки.
Причитают матери и крестны,
Голосят невесты и золовки.

По камням, над толстым слоем

пыли,
Вьется хмель, запутанный
и клейкий.
Длинный поп в худой епитрахили
Подбирает черные копейки.

Под черед за скромным подая-
нием
Ищут странницы отпетую моги-
лу.
И поет дьячок за поминанием:
«Раб усопших, Господи, помилуй».

1915

Дед

Сухлым войлоком по стежкам
Разрыхлил в траве помет.
У гумен к репейным брошкам
Липнет муший хоровод.

Старый дед, согнувши спину,
Чистит вытоптанный ток
И подонную мякину
Загребает в уголок.

Щурясь к облачному глазу,
Подсекает он лопух,
Роет скрябкою по пазу

От дождей обходный круг.

*Черепки в огне червонца.
Дед – как в жамковой слюде,
И играет зайчик солнца
В рыжеватой бороде.*

1915

«Наша вера не погасла...»

*Наша вера не погасла,
Святы песни и псалмы.
Льется солнечное масло
На зеленые холмы.*

*Верю, родина, я знаю,
Что легка твоя стопа,
Не одна ведет нас к краю
Богомольная тропа.*

*Все пути твои – в удаче,
Но в одном лишь счастья нет:
Он закован в белом плаче
Разгадавших новый свет.*

*Там настроены палаты
Из церковных кирпичей;
Те палаты – казематы
Да железный звон цепей.*

*Не ищи меня ты в Боге,
Не зови любить и жить...
Я пойду по той дороге
Буйну голову сложить.*

1915

Русалка под Новый год

*Ты не любишь меня, милый голубь,
Не со мной ты воркуешь, с другою,
Ах, пойду я к реке под горою,
Кинусь с берега в черную прорубь.*

*Не отыщет никто мои кости,
Я русалкой вернуся весною.
Приведешь ты коня к водопою,
И коня напою я из горсти.*

*Запою я тебе втихомолку,
Как живу я царевной, тоскую,
Заману я тебя, заколдую,
Уведу коня в струи за холку!*

*Ой, как терем стоит под водою –
Там играют русалочки в жмурки, –
Изо льда он, а окна-конурки*

В сизых рамах горят под слюдою.

*На постель я травы натаскаю,
Положу я тебя с собой рядом.
Буду тешить тебя своим взгля-
дом,
Зацелую тебя, заласкаю!*

1915

«Туча кружево в роще связала...»

*Туча кружево в роще связала,
Закурился пахучий туман.
Еду грязной дорогой с вокзала
Вдалеке от родимых полян.*

*Лес застыл без печали и шума,
Виснет темь, как платок, за сос-
ной.
Сердце гложет плакучая дума...
Ой, не весел ты, край мой родной.*

*Пригорюнились девушки-ели,
И поет мой ямщик на-умяк:
«Я умру на тюремной постели,
Похоронят меня кое-как».*

1915

«На плетнях висят баранки...»

На плетнях висят баранки,
Хлебной брагой льет теплынь.
Солнца струганные дранки
Загораживают синь.

Балаганы, пни и колья,
Карусельный пересвист.
От вихлистого приволья
Гнутся травы, мнетя лист.

Дробь копыт и хрип торговок,
Пьяный пах медовых сот.
Берегись, коли не ловок:
Вихорь пылью разметет.

За лещужною сурьюю –
Бабий крик, как поутру.
Не твоя ли шаль с каймою
Зеленеет на ветру?

Ой, удал и многосказен
Лад веселый на пыжну.
Запевай, как Стенька Разин
Утопил свою княжну.

Ты ли, Русь, тропой-дорогой
Разметала ал наряд?
Не суди молитвой строгой

Напоенный сердцем взгляд.

1915

«В том краю, где желтая крапива...»

*В том краю, где желтая крапива
И сухой плетень,
Приютились к вербам сиротливо
Избы деревень.*

*Там в полях, за синей гущей лога,
В зелени озер,
Пролегла песчаная дорога
До сибирских гор.*

*Затерялась Русь в Мордве и Чуди,
Нипочем ей страх.
И идут по той дороге люди,
Люди в кандалах.*

*Все они убийцы или воры,
Как судил им рок.
Полюбил я грустные их взоры
С впадинами щек.*

*Много зла от радости в убийцах,
Их сердца просты,
Но кривятся в почернелых лицах
Голубые рты.*

*Я одну мечту, скрывая, нежу,
Что я сердцем чист.
Но и я кого-нибудь зарежу
Под осенний свист.*

*И меня по ветряному свею,
По тому ль песку,
Поведут с веревкою на шею
Полюбить тоску.*

*И когда с улыбкой мимоходом
Распрямлю я грудь,
Языком залижет непогода
Прожитой мой путь.*

1915

Корова

*Дряхлая, выпали зубы,
Свиток годов на рогах.
Бил ее выгонщик грубый
На перегонных полях.*

*Сердце неласково к шуму,
Мыши скребут в уголке.
Думает грустную думу
О белоногом телке.*

Не дали матери сына,

*Первая радость не впрок.
И на колу под осиной
Шкуру трепал ветерок.*

*Скоро на гречневом сее,
С той же сыновней судьбой,
Свяжут ей петлю на шею
И поведут на убой.*

*Жалобно, грустно и тоще
В землю вопьются рога...
Снится ей белая роща
И травяные луга.*

1915

Табун

*В холмах зеленых табуны коней
Сдувают ноздрями золотой налет
со дней.*

*С бугра высокого в синеющий за-
лив
Упала смоль качающихся грив.*

*Дрожат их головы над тихой во-
дой,
И ловит месяц их серебряной уз-
дой.*

*Храпя в испуге на свою же тень,
Зазастить гривами они ждут но-
вый день.*

*Весенний день звенит над кон-
ским ухом
С приветливым желаньем к пер-
вым мухам.*

*Но к вечеру уж кони над лугами
Брыкаются и хлопают ушами.*

*Все резче звон, прилипший на ко-
пытах,
То тонет в воздухе, то виснет
на ракитах.*

*И лишь волна потянется к звезде,
Мелькают мухи пеплом по воде.*

*Погасло солнце. Тихо на лужке.
Пастух играет песню на рожке.*

*Уставясь лбами, слушает табун,
Что им поет вихрастый гамаюн.*

*А эхо резвое, скользнув по их гу-
бам,*

Уносит думы их к неведомым лу-
гам.

Любя твой день и ночи темноту,
Тебе, о родина, сложил я пес-
ню ту.

1915

Песнь о собаке

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых щенят.

До вечера она их ласкала,
Причесывая языком,
И струился снежок подталый
Под теплым ее животом.

А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклат в мешок.

По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать...
И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.

*А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяцу над хатой
Одним из ее щенков.*

*В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяцу скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.*

*И глухо, как от подачи,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.*

1915

Лисица

А. М. Ремизову

*На раздробленной ноге приковы-
ляла,
У норы свернулася в кольцо.
Тонкой прошвой кровь отмежева-
ла
На снегу дремучее лицо.*

*Ей все бластился в колючем дыме
выстрел,*

*Колыхалась в глазах лесная топь.
Из кустов косматый ветер
взбыстрил
И рассыпал звонистую дробь.*

*Как желна, над нею мгла мета-
лась,
Мокрый вечер липок был и ал.
Голова тревожно подымалась,
И язык на ране застывал.*

*Желтый хвост упал в метель по-
жаром,
На губах – как прелая морковь...
Пахнет инеем и глиняным уга-
ром,
А в ошур сочилась тихо кровь.*

1916

«Не в моего ты Бога верила...»

*Не в моего ты Бога верила,
Россия, родина моя!
Ты как колдунья дали мерила,
И был как пасынок твой я.
Боец забыл отвагу смелую,
Пророк одрях и стал слепой.
О, дай мне руку охладелую –
Идти единою тропой.*

*Пойдем, пойдем, царевна сонная,
К веселой вере и одной,
Где светит радость испоконная
Неопалимой купиной.
Не клонь главы на грудь могущую
И не пугайся вещим сном.
О, будь мне матерью напутною
В моем паденье роковом.*

1916

**«Закружилась пряжа снежистого
льна...»**

*Закружилась пряжа снежистого
льна,
Панихидный вихорь плачет у окна.
Замело дорогу вьюжным рукавом,
С этой панихидой век свой весь
живем.
Пойте и рыдайте, ветры, на тропу,
Нечем нам на помин заплатить
попу.
Слушай мое сердце, бедный человек,
Нам за гробом грусти не слышать*

вовек.

Как помрем без пенья под ветря-
ный звон,

Понесут нас в церковь на мирской
канон.

Некому поплакать, некому ка-
дить,

Есть ли им охота даром прихо-
дить.

Только ветер резвый, озорник та-
кой,

Запоет разлуку вместо упокой.

1916

**«Скупались звезды в невидимом
бредне...»**

Скупались звезды в невидимом
бредне,

Жутко и страшно проснувшейся
бредне.

Пьяно кружуся я в роце помятой,
Хочется звезды рукою помяти.

Блестятся гусли веселого лада,
В озере пенистом моется лада.

Грудь упруги, как сочные дули,
Ластится к вихрям, чтоб в кости
ей дули.

Таёт, как радуга, зорька вечерня,

*С тихую радостью в сердце вечер-
ня.*

1916

«Весна на радость не похожа...»

*Весна на радость не похожа,
И не от солнца желт песок.
Твоя обветренная кожа
Лучила гречневый пушок.*

*У голубого водопоя
На шишкоперой лебеде
Мы поклялись, что будем двое
И не расстанемся нигде.*

*Кадила темь, и вечер тощий
Свивался в огненной резьбе,
Я проводил тебя до рощи,
К твоей родительской избе.*

*И долго-долго в дреме зыбкой
Я оторвать не мог лица,
Когда ты с ласковой улыбкой
Махал мне шапкою с крыльца.*

1916

«Гаснут красные крылья заката...»

Гаснут красные крылья заката,
Тихо дремлют в тумане плетни.
Не тоскуй, моя белая хата,
Что опять мы одни и одни.

Чистит месяц в соломенной крыше
Обойменные синью рога.
Не пошел я за ней и не вышел
Провожать за глухие стога.

Знаю, годы тревогу заглушат.
Эта боль, как и годы, пройдет.
И уста, и невинную душу
Для другого она бережет.

Не силен тот, кто радости просит,
Только гордые в силе живут.
А другой изомнет и забросит,
Как изъеденный сырью хомут.

Не с тоски я судьбы поджидаю,
Будет злобно крутить порошок.
И придет она к нашему краю
Обогреть своего малыша.

Снимет шубу и шали развяжет,

*Примостится со мной у огня.
И спокойно и ласково скажет,
Что ребенок похож на меня.*

1916

На память Мише Мурашову

*Сегодня синели лужи
И легкий шептал ветерок.
Знай, никому не нужен
Неба зеленый песок.*

*Жили и были мы в яви,
Всюду, везде одни.
Ты, как весну по дубраве,
Пьешь свои белые дни.*

*Любишь ты, любишь, знаю,
Нежные души ласкать,
Но не допустит нас к раю
Наша земная печать.*

*Вечная даль перед нами,
Путь наш задумчив и прост.
Даст нам приют за холмами
Грязью покрытый погост.*

15 марта 1916

«Дорогой дружище Миша...»

*Дорогой дружище Миша,
Ты как вихрь, а я как замять,
Сбереги под тихой крышей
Обо мне любовь и память.*

15 марта 1916

Нищий с паперти

*Глаза – как выцветший лопух,
В руках зажатые монеты.
Когда-то славный был пастух,
Теперь поет про многи лета.
А вон старушка из угла,
Что слезы льет перед иконой,
Она любовь его была
И пьяный сон в меже зеленой.
На свитках лет сухая пыль.
Былого нет в заре куканьшей.
И лишь обгрызанный костыль
В его руках звенит, как раньше.
Она чужда ему теперь,
Забыла звонную жалейку.
И как пойдет, спеша, за дверь,
Подаст в ладонь ему копейку.
Он не посмотрит ей в глаза,
При встрече глаз большее станет,
Но, покрестясь на образа,
Рабу по имени помянет.*

1916

«Устал я жить в родном краю...»

*Устал я жить в родном краю
В тоске по гречневым просторам,
Покину хижину мою,
Уйду бродягою и воров.*

*Пойду по белым кудрям дня
Искать убогое жилище.
И друг любимый на меня
Наточит нож за голенище.*

*Весной и солнцем на лугу
Обвита желтая дорога,
И та, чье имя берегу,
Меня прогонит от порога.*

*И вновь вернуся в отчий дом,
Чужою радостью утешусь,
В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь.*

*Седые вербы у плетня
Нежнее головы наклонят.
И необмытого меня
Под лай собачий похоронят.*

*А месяц будет плыть и плыть,
Роня весла по озерам...
И Русь все так же будет жить,
Плясать и плакать у забора.*

1915

«За горами, за желтыми долами...»

*За горами, за желтыми долами
Протянулась тропа деревень.
Вижу лес и вечернее польмя,
И обвитый крапивой плетень.*

*Там с утра над церковными гла-
вами
Голубеет небесный песок,
И звенит придорожными трава-
ми
От озер водяной ветерок.*

*Не за песни весны над равниною
Дорога мне зеленая ширь –
Полюбил я тоской журавлиною
На высокой горе монастырь.*

*Каждый вечер, как синь затума-
нится,
Как повиснет заря на мосту,
Ты идешь, моя бедная странница,*

Поклониться любви и кресту.

*Кроток дух монастырского жи-
теля,
Жадно слушаешь ты ектенью,
Помолись перед ликом Спасителя
За погибшую душу мою.*

1916

«Запели тесаные дроги...»

*Запели тесаные дроги,
Бегут равнины и кусты.
Опять часовни на дороге
И поминальные кресты.*

*Опять я теплой грустью болен
От овсяного ветерка.
И на известку колоколен
Невольно крестится рука.*

*О Русь – малиновое поле
И синь, упавшая в реку, –
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.*

*Холодной скорби не измерить,
Ты на туманном берегу.
Но не любить тебя, не верить –*

Я научиться не могу.

*И не отдам я эти цепи,
И не расстанусь с долгим сном,
Когда звенят родные степи
Молитвословным ковылем.*

1916

«Месяц рогом облако бодает...»

*Месяц рогом облако бодает,
В голубой купается пыли.
В эту ночь никто не отгадает,
Отчего кричали журавли.
В эту ночь к зеленому затону
Прибегла она из тростника.
Золотые космы по хитону
Разметала белая рука.
Прибегла, в ручей взглянула
прыткий,
Опустилась с болью на пенек.
И в глазах завяли маргаритки,
Как болотный гаснет огонек.
На рассвете с вьющимся туманом
Уплыла и скрылась вдали...
И кивал ей месяц за курганом,
В голубой купаясь пыли.*

1916

«Еще не высох дождь вчерашний...»

*Еще не высох дождь вчерашний –
В траве зеленая вода!
Тоскуют брошенные пашни,
И вянет, вянет лебеда.*

*Брожу по улицам и лужам,
Осенний день пуглив и дик.
И в каждом встретившемся муже
Хочу постичь твой милый лик.*

*Ты все загадочней и краше
Глядишь в неясные края.
О, для тебя лишь счастье наше
И дружба верная моя.*

*И если смерть по Божьей воле
Смежит глаза твои рукой,
Клянусь, что тенью в чистом поле
Пойду за смертью и тобой.*

1916

«Я снова здесь, в семье родной...»

Я снова здесь, в семье родной,

*Мой край, задумчивый и нежный!
Кудрявый сумрак за горой
Рукою машет белоснежной.*

*Седины пасмурного дня
Плывут всклокоченные мимо,
И грусть вечерняя меня
Волнует непреодолимо.*

*Над куполом церковных глав
Тень от зари упала ниже.
О други игрищ и забав,
Уж я вас больше не увижу!*

*В забвеньи канули года,
Вослед и вы ушли куда-то.
И лишь по-прежнему вода
Шумит за мельницей крылатой.*

*И часто я в вечерней мгле,
Под звон надломленной осоки,
Молюсь дымящейся земле
О невозвратных и далеких.*

1916

«В зеленой церкви за горой...»

*В зеленой церкви за горой,
Где вербы четки уронили,*

*Я поминаю просфорой
Младой весны молодые были.*

*А ты, склонившаяся ниц,
Передо мной стоишь незримо,
Шелка опущенных ресниц
Кольшут крылья херувима.*

*Не омрачен твой белый рок
Твоей застывшею порою,
Все тот же розовый платок
Затянут смуглою рукою.*

*Все тот же вздох упруго жмет
Твои надломленные плечи
О том, кто за морем живет
И кто от родины далече.*

*И все тягуче память дня
Перед пристойным ликом жизни.
О, помолись и за меня,
За бесприютного в отчизне.*

1916

«Даль подернулась туманом...»

*Даль подернулась туманом,
Чешет тучи лунный гребень.
Красный вечер за куканом*

Расстелил кудрявый бредень.

*Под окном от скользких ветел
Перепельи звоны ветра.
Тихий сумрак, ангел теплый,
Напоен нездешним светом.*

*Сон избы легко и ровно
Хлебным духом сеет притчи.
На сухой соломе в дровнях
Слаще меда пот мужичий.*

*Чей-то мягкий лик за лесом,
Пахнет вишнями и мохом...
Друг, товарищ и ровесник,
Помолись коровьим вздохам.*

Июнь 1916

«За темной прядью перелесиц...»

*За темной прядью перелесиц,
В неколебимой синеве,
Ягненок кудрявый – месяц
Гуляет в голубой траве.*

*В затихшем озере с осокой
Бодаются его рога, –
И кажется с тропы далекой –
Вода качает берега.*

*А степь под пологом зеленым
Кадит черемуховый дым
И за долинами по склонам
Свивает полымя над ним.*

*О сторона ковыльной пуши,
Ты сердцу ровностью близка,
Но и в твоей таится гуще
Солончаковая тоска.*

*И ты, как я, в печальной требе,
Забыв, кто друг тебе и враг,
О розовом тоскуешь небе
И голубиных облаках.*

*Но и тебе из синей шири
Пугливо кажет темнота
И кандалы твоей Сибири,
И горб Уральского хребта.*

1915–1916

«Слушай, поганое сердце...»

*Слушай, поганое сердце,
Сердце собачье мое.
Я на тебя, как на вора,
Спрятал в руках лезвие.*

Рано ли, поздно всажу я

*В ребра холодную сталь.
Нет, не могу я стремиться
В вечную сгнившую даль.*

*Пусть поглупее болтают,
Что их загрызла мета;
Если и есть что на свете –
Это одна пустота.*

3 июля 1916

«В глазах пески зеленые...»

Мальвине Мироновне
С. Есенин

*В глазах пески зеленые
И облака.
По кружеву крапленому
Скользит рука.*

*То близкая, то дальняя,
И так всегда.
Судьба ее печальная –
Моя беда.*

9 июля 1916

«Небо сметаной обмазано...»

Небо сметаной обмазано,

Месяц как сырн^{ый} кусок.
Только не с пищею связано
Сердце, больной уголок.

Хочется есть, да не этого,
Что так шуршит на зубу.
Жду я веселого, светлого,
Как молодую судьбу.

Жгуче желания множат
Душу больную мою,
Но и на гроб мне положат
С квасом крутую кутью.

9 июля 1916

Исус-Младенец

Собрала Пречистая
Журавлей с синицами
В храме.

«Пойте, веселитесь
И за всех молитесь
С нами!»

Молятся с поклонами
За судьбу греховную,
За нашу;

А маленький Боженька,
Подобравши ноженьки,
Ест кашу.

Подошла синица,
Бедовая птица,
Попросила:

«Я Тебе, Боженька,
Притомив ноженьки,
Молилась».

Журавль и скажи враз:
«Тебе и кормить нас,
Коль создал».

А Боженька наш
Поделил им кашу
И отдал.

В золоченой хате
Смотрит Божья Мати
В небо.

А сыночек маленький
Просит на завалинке
Хлеба.

Позвала Пречистая
Журавлей с синицами,
Сказала:

«Приносите, птицы,
Хлеба и пшеницы
Немало».

Замешкались птицы,
Журавли, синицы,
Дождь прочат.

А Боженька в хате
Все теревит Мати,
Есть хочет.

Вышла Богородица
В поле, за околицу,
Кличет.

Только ветер по полю,
Словно кони, топает,
Свищет.

Боженька, Маленький,
Плакал на завалинке
От горя.

Плакал, обливаясь...
Прилетал тут аист
Белоперый.

Взял он остороженько
Красным клювом Боженьку,
Умчался.

И Господь на елочке,
В аистовом гнездышке,
Качался.

Ворочалась к хате
Пречистая Мати,
Сына нету.

Собрала котомку
И пошла сторонкой
По свету.

Шла, несла немало,
Наконец сыскала
В лесочке:

На спине катается
У белого аиста
Сыночек.

*Позвала Пречистая
Журавлей с синицами,
Сказала:*

*«На вечное время
Собирайте семя
Немало.*

*А белому аисту,
Что с Богом катается
Меж веток,*

*Носить на завалинки
Синеглазых маленьких
Деток».*

1916

**«В багровом зареве закат шипуч
и пенен...»**

*В багровом зареве закат шипуч
и пенен,
Березки белые горят в своих вен-
цах.
Приветствует мой стих младых
царевен
И кротость юную в их ласковых
сердцах.*

Где тени бледные и горестные му-
ки,
Они тому, кто шел страдать
за нас,
Протягивают царственные руки,
Благословляя их к грядущей жиз-
ни час.

На ложе белом, в ярком блеске
света,
Рыдает тот, чью жизнь хотят
вернуть...
И вздрагивают стены лазарета
От жалости, что им сжимает
грудь.

Все ближе тянет их рукой неодо-
лимой
Туда, где скорбь кладет печать
на лбу.
О, помолись, святая Магдалина,
За их судьбу.

1916

«Без шапки, с лыковой котомкой...»

Без шапки, с лыковой котомкой,
Стирая пот свой, как елей,
Бреду дубравною сторонкой

Под тихий шелест тополей.

*Иду, застегнутый веревкой,
Сажусь под копны на лужок.
На мне дырявая поддевка,
А поводырь мой – подожок.*

*Пою я стих о светлом рае,
Довольный мыслью, что живу,
И крохи сочные бросаю
Лесным камашкам на траву.*

*По лопуху промяты стежки,
Вдали озерный купорос,
Цепляюсь в клейкие сережки
Обвисших до земли берез.*

*И по кустам межю соседней,
Под возглашенья гулких сов,
Внимаю, словно за обедней,
Молебну птичьих голосов.*

1916

«День ушел, убавилась черта...»

*День ушел, убавилась черта,
Я опять подвинулся к уходу.
Легким взмахом белого перста
Тайны лет я разрезаю воду.*

*В голубой струе моей судьбы
Накипи холодной бьется пена,
И кладет печать немого плена
Складку новую у сморщенной гу-
бы.*

*С каждым днем я становлюсь чу-
жим
И себе, и жизнь кому велела.
Где-то в поле чистом, у межи,
Оторвал я тень свою от тела.*

*Неодетая она ушла,
Взяв мои изогнутые плечи.
Где-нибудь она теперь далече
И другого нежно обняла.*

*Может быть, склоняясь к нему,
Про меня она совсем забыла
И, вперившись в призрачную тьму,
Складки губ и рта переменяла.*

*Но живет по звуку прежних лет,
Что, как эхо, бродит за горами.
Я целую синими губами
Черной тенью тиснутый порт-
рет.*

1916

«Опять раскинулся узорно...»

Опять раскинулся узорно
Над белым полем багрянец,
И заливаётся задорно
Нижегородский бубенец.

Под затуманенною дымкой
Ты кажешь девичью красу,
И треплет ветер под косынкой
Рыжеволосую косу.

Дуга, раскалываясь, пляшет,
То выныряя, то пропав,
Не заморозит, не обмахнет
Твой разукрашенный рукав.

Уже давно мне стала сниться
Полей малиновая ширь,
Тебе – высокая светлица,
А мне – далекий монастырь.

Там синь и полымя воздушней
И легкодымней пелена.
Я буду ласковый послушник,
А ты – разгульная жена.

И знаю я, мы оба станем
Грустить в упругой тишине:

*Я по тебе – в глухом тумане,
А ты заплачешь обо мне.*

*Но и поняв, я не приемлю
Ни тихих ласк, ни глубины –
Глаза, увидевшие землю,
В иную землю влюблены.*

1916

Мечта

(Из книги «Стихи о любви»)

*В темной роще на зеленых елях
Золотятся листья вялых ив.
Выхожу я на высокий берег,
Где покойно плещется залив.
Две луны, рога свои качая,
Замутили желтым дымом зыбь.
Гладь озер с травой не различая,
Тихо плачет на болоте выпь.
В этом голосе обкошенного луга
Слышу я знакомый сердцу зов.
Ты зовешь меня, моя подруга,
Погрустить у сонных берегов.
Много лет я не был здесь и много
Встреч веселых видел и разлук,
Но всегда хранил в себе я строго
Нежный сгиб твоих туман-
ных рук.*

Тихий отрок, чувствующий кратко,
Голубей целующий в уста, –
Тонкий стан с медлительной походкой
Я любил в тебе, моя мечта.
Я бродил по городам и селам,
Я искал тебя, где ты живешь,
И со смехом, резвым и веселым,
Часто ты меня манила в рожь.
За оградой монастырской кроюсь,
Я вошел однажды в белый храм:
Синею водою солнце моясь,
Свой орарь мне кинуло к ногам.
Я стоял, как инок, в блеске алом,
Вдруг сдавила горло тишина...
Ты вошла под черным покрывалом
И, поникнув, стала у окна.

С паперти под колокол гудящий
Ты сходила в благовонье свеч.
И не мог я, ласково дрожащий,
Не коснуться рук твоих и плеч.
Я хотел сказать тебе так много,
Что томило душу с ранних пор,
Но дымилась тихая дорога
В незакатном полыме озер.

Ты взглянула тихо на долины,
Где в траве ползла кудряво мгла...
И упали редкие седины
С твоего увядшего чела...
Чуть бледнели складки от одеж-
ды,
И, казалось, в русле темных вод, –
Уходя, жевал мои надежды
Твой беззубый, шамкающий рот.

Но недолго душу холод мучил.
Как крыло, прильнув к ее ногам,
Новый короб чувства я навьючил
И пошел по новым берегам.
Безо шва стянулась в сердце рана,
Страсть погасла, и любовь про-
шла.

Но опять пришла ты из тумана
И была красива и светла.
Ты шепнула, заслонясь рукою:
«Посмотри же, как я молода.
Это жизнь тебя пугала мною,
Я же вся как воздух и вода».
В голосах обкошенного луга
Слышу я знакомый сердцу зов.
Ты зовешь меня, моя подруга,
Погрустить у сонных берегов.

«Синее небо, цветная дуга...»

Синее небо, цветная дуга,
Тихо степные бегут берега,
Тянется дым, у малиновых сел
Свадьба ворон облегла частокол.

Снова я вижу знакомый обрыв
С красною глиной и сучьями ив,
Грезит над озером рыжий овес,
Пахнет ромашкой и медом от ос.

Край мой! Любимая Русь и Морд-
ва!
Притчею мглы ты, как прежде,
жива.
Нежно под трепетом ангельских
крыл
Звонят кресты безымянных мо-
гил.

Многих ты, родина, ликом своим
Жгла и томила по шахтам сы-
рым.
Много мечтает их, сильных
и злых,
Выкусить ягоды персей твоих.

Только я верю: не выжить тому,

*Кто разлюбил твой острог
и тюрьму...
Вечная правда и гомон лесов
Радуют душу под звон кандалов.*

1916

**«Не бродить, не мять в кустах
багряных...»**

*Не бродить, не мять в кустах
багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.*

*С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.*

*Зерна глаз твоих осыпались, завя-
ли,
Имя тонкое растаяло, как звук,
Но остался в складках смятой
шали
Запах меда от невинных рук.*

*В тихий час, когда заря на крыше,
Как котенок, моет лапкой рот,*

*Говор кроткий о тебе я слышу
Водяных поющих с ветром сот.*

*Пусть порой мне шепчет синий
вечер,
Что была ты песня и мечта,
Всё ж, кто выдумал твой гибкий
стан и плечи –
К светлой тайне приложил уста.*

*Не бродить, не мять в кустах
багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.*

1916

**«О красном вечере задумалась
дорога...»**

*О красном вечере задумалась до-
рога,
Кусты рябины туманней глуби-
ны.
Изба-старуха челюстью порога
Жует пахучий мякиш тишины.*

*Осенний холод ласково и кротко
Крадется мглой к овсяному дво-*

ру;
Сквозь синь стекла желтоволо-
сый отрок
Лучит глаза на галочью игру.

Обняв трубу, сверкает по повети
Зола зеленая на розовой печи.
Кого-то нет, и тонкогубый ветер
О ком-то шепчет, сгинувшем
в ночи.

Кому-то пятками уже не мять
по рощам
Щербленный лист и золото травы.
Тягучий вздох, ныряя звоном то-
щим,
Целует клюв нахохленной совы.

Все гуще хмарь, в хлеву покой
и дрема,
Дорога белая узорит скольз-
кий ров...
И нежно охает ячменная солома,
Свисая с губ кивающих коров.

1916

«О товарищах веселых...»

О товарищах веселых,

*О полях посеребрённых
Загрустила, словно голубь,
Радость лет уединённых.*

*Ловит память тонким клювом
Первый снег и первопуток.
В санках озера над лугом
Запоздалый окрик уток.*

*Под окном от скользких елей
Тень протягивает руки.
Тихих вод парагуш квелый
Курит люльку на излуке.*

*Легким дымом к дальним по-
жням
Шлет поклон день ласк и вишен.
Запах трав от бабьей кожи
На губах моих я слышу.*

*Мир вам, рощи, луг и липы,
Литии медовый ладан!
Все приявшему с улыбкой
Ничего от вас не надо.*

1916

«Прощай, родная пуца...»

Прощай, родная пуца,

*Прости, златой родник.
Плывут и рвутся тучи
О солнечный сошник.*

*Сияй ты, день погожий,
А я хочу грустить.
За голенищем ножик
Мне больше не носить.*

*Под брюхом жеребенка
В глухую ночь не спать
И радостью звонкой
Лесов не оглашать.*

*И не избегнуть бури,
Не миновать утрат,
Чтоб прозвенеть в лазури
Кольцом незримых врат.*

1916

«Покраснела рябина...»

*Покраснела рябина,
Посинела вода.
Месяц, всадник унылый,
Уронил повод.*

*Снова выплыл из рощи
Синим лебедем мрак.*

Чудотворные мощи
Он принес на крылах.

Край ты, край мой, родимый,
Вечный пахарь и вой,
Словно Вóльга под ивой,
Ты поник головой.

Встань, пришло исцеленье,
Навестил тебя Спас.
Лебединое пенье
Нежит радугу глаз.

Дня закатного жертва
Искупила весь грех.
Новой свежестью ветра
Пахнет зреющий снег.

Но незримые дрожди
Все теплей и теплей...
Помяну тебя в дождик
Я, Есенин Сергей.

1916

«Твой глас незримый, как дым в избе...»

Твой глас незримый, как дым в из-
бе.
Смиранным сердцем молюсь те-

бе.

*Овсяным ликом питаю дух,
Помощник жизни и тихий друг.*

*Рудою солнца посеян свет,
Для вечной правды названья нет.*

*Считает время песок мечты,
Но новых зерен прибавил ты.*

*В незримых пашнях растут слова,
Смешалась с думой ковыль-трава.*

*На крепких сгибах воздетых рук
Возводит церкви строитель звук.*

*Есть радость в душах – топтать
твой цвет,
На первом снеге свой видеть след.*

*Но краше кротость и стих-
ший пыл
Склонивших веки пред звоном
крыл.*

1916

«Там, где вечно дремлет тайна...»

Там, где вечно дремлет тайна,
Есть нездешние поля.
Только гость я, гость случайный
На горах твоих, земля.

Широки леса и воды,
Крепок взмах воздушных крыл.
Но века твои и годы
Затуманил бег светил.

Не тобой я поцелован,
Не с тобой мой связан рок.
Новый путь мне уготован
От захода на восток.

Суждено мне изначально
Возлететь в немую тьму.
Ничего я в час прощальный
Не оставлю никому.

Но за мир твой, с выси звездной,
В тот покой, где спит гроза,
В две луны зажгу над бездной
Незакатные глаза.

1916

«Тучи с ожерёба...»

Тучи с ожерёба

Ржут, как сто кобыл.
Плещет надо мною
Пламя красных крыл.

Небо словно вымя,
Звезды как сосцы.
Пухнет Божье имя
В животе овцы.

Верю: завтра рано,
Чуть забрезжит свет,
Новый под туманом
Вспыхнет Назарет.

Новое восславят
Рождество поля,
И, как пес, пролает
За горой заря.

Только знаю: будет
Страшный вопль и крик,
Отрекутся люди
Славить новый лик.

Скрежетом булата
Вздыбят пасть земли...
И со щек заката
Спрыгнут скулы-дни.

*Побегут, как лани,
В степь иных сторон,
Где вздымает длани
Новый Симеон.*

1916

«То не тучи бродят за овином...»

*То не тучи бродят за овином
И не холод.
Замесила Божья Матерь Сыну
Колоб.*

*Всякой снадобью она пошла жито
В масле.
Испекла и положила тихо
В ясли.*

*Заигрался в радости Младенец,
Пал в дрему,
Уронил он колоб золоченый
На солому.*

*Покатился колоб за ворота
Рожью.
Замутили слезы душу голубую
Божью.*

Говорила Божья Матерь Сыну

Советы:

*«Ты не плачь, мой лебеденочек,
Не сетуй.*

*На земле все люди человеки,
Чада.
Хоть одну им малую забаву
Надо.*

*Жутко им меж темных
Перелесиц,
Назвала я этот колоб –
Месяц».*

1916

«Пушистый звон и руга...»

*Пушистый звон и руга,
И камень под крестом.
Стегает злая вьюга
Расщелканным кнутом.*

*Шаманит лес-кудесник
Про черную судьбу.
Лежишь ты, мой ровесник,
В нетесаном гробу.*

*Пусть снова финский ножик
Кровавит свой клинок.*

*Тебя не потревожит
Ни пеший, ни ездок.*

*И только с перелесиц
Сквозь облачный тулуп
Слезу обронит месяц
На мой завялый труп.*

1918

Голубень

*В прозрачном холоде заголубели
долы,
Отчетлив стук подкованных ко-
пыт,
Трава поблекшая в расстеленные
полы
Сбирает медь с обветренных ра-
кит.*

*С пустых лощин ползет дугою
тощей
Сырой туман, курчаво свившись
в мох,
И вечер, свесившись над речкою,
полощет
Водою белой пальцы синих ног.*

Осенним холодом расцвечены на-

дежды,
Бредет мой конь, как тихая судьба,
И ловит край махающей одежды
Его чуть мокрая буланая губа.

В дорогу дальнюю, не к битве,
не к покою,
Влекут меня незримые следы,
Погаснет день, мелькнув пятой
златою,
И в короб лет улягутся труды.

Сыпучей ржавчиной краснеют
по дороге
Холмы плешивые и слегшийся песок,
И пляшет сумрак в галочьей тревоге,
Согнув луну в пастушеский рожок.

Молочный дым качает ветром
села,
Но ветра нет, есть только легкий звон.
И дремлет Русь в тоске своей веселой,

*Вцепивши руки в желтый кру-
тосклон.*

*Манит ночлег, недалеко до хаты,
Укропом вялым пахнет огород.
На грядки серые капуста волнова-
той
Рожок луны по капле масло льет.*

*Тянусь к теплу, вдыхаю мягкость
хлеба
И с хрустом мысленно кусаю
огурцы,
За ровной гладью вздрогнувшее
небо
Выводит облако из стойла
под уздцы.*

*Ночлег, ночлег, мне издавна зна-
кома
Твоя попутная разымчивость
в крови,
Хозяйка спит, а свежая солома
Прямата ляжками вдовеющей
любви.*

*Уже светает, краской тарака-
нней*

*Обведена божница по углу,
Но мелкий дождь своей молитвой
ранней
Еще стучит по мутному стеклу.*

*Опять передо мною голубое поле,
Качают лужи солнца рдяный лик.
Иные в сердце радости и боли,
И новый говор липнет на язык.*

*Водою зыбкой стынет синь во взо-
рах,
Бредет мой конь, откинув удила,
И горстью смуглою листвы по-
следний ворох
Кидает ветер вслед из подола.*

1916

«Ночь и поле, и крик петухов.....»

*Ночь и поле, и крик петухов...
С златной тучки глядит Саваоф.
Хлесткий ветер в равнинную синь
Катит яблоки с тощих осин.*

*Вот она, невеселая рябь
С журавлиной тоской сентября!
Смолкшим колоколом над прудом*

Опрокинулся отчий дом.

*Здесь все так же, как было тогда,
Те же реки и те же стада.
Только ивы над красным бугром
Обветшалым трясут подолом.*

*Кто-то сгиб, кто-то канул
во тьму,
Уж кому-то не петь на холму.
Мирно грезит родимый очаг
О погибших во мраке плечах.*

*Тихо-тихо в божничном углу,
Месяц месит кутью на полу...
Но тревожит лишь поминоном
тишь
Из запечья пугливая мышь.*

1917

«О край дождей и непогоды...»

*О край дождей и непогоды,
Кочующая тишина,
Ковригой хлебную под сводом
Надломлена твоя луна.*

*За перепаханною нивой
Малиновая лебеда.*

*На ветке облака, как слива,
Златится спелая звезда.*

*Опять дорогой верстовою,
Наперекор твоей беде,
Бреду и чую яровое
По голубеющей воде.*

*Клубит и пляшет дым болот-
ный...
Но и в кошме певучей тьмы
Неизреченностью животной
Напоены твои холмы.*

1917

«Снег, словно мед ноздреватый...»

*Снег, словно мед ноздреватый,
Лег под прямой частокол.
Лижет теленок горбатый
Вечера красный подол.*

*Тихо от хлебного духа
Снится кому-то апрель.
Кашляет бабка-старуха,
Грудью склонясь на кудель.*

*Рыжеволосый внучонок
Щупает в книжке листы.*

*Стан его гибок и тонок,
Руки белей бересты.*

*Выпала бабке удача,
Только одно невдомек:
Плохо решает задачи
Выпитый ветром умок.*

*С глазу ль, с немилого ль взора
Часто она под удой
Поит его с наговором
Преполовенской водой.*

*И за глухие поклоны
С лика упавших седин
Пишет им числа с иконы
Божий слуга – Дамаскин.*

1917

«Колокольчик среброзвонный...»

*Колокольчик среброзвонный,
Ты поешь? Иль сердцу снится?
Свет от розовой иконы
На золотых моих ресницах.*

*Пусть не я тот нежный отрок
В голубином крыльев плеске,
Сон мой радостен и кроток*

О нездешнем перелеске.

*Мне не нужен вздох могилы,
Слову с тайной не обняться.
Научи, чтоб можно было
Никогда не просыпаться.*

1917

«К теплому свету, на отчий порог...»

*К теплому свету, на отчий порог,
Тянет меня твой задумчивый
вздох.*

*Ждут на крылечке там бабка
и дед
Резвого внука подсолнечных лет.*

*Строен и бел, как березка, их внук,
С медом волосьев и бархатом рук.*

*Только, о друг, по глазам голу-
бым –
Жизнь его в мире пригрезилась
им.*

*Шлет им лучистую радость
во мглу
Светлая дева в иконном углу.*

*С тихой улыбкой на тонких губах
Держит их внука она на руках.*

1917

«Разбуди меня завтра рано...»

*Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.*

*Я сегодня увидел в пуще
След широких колес на лугу.
Треплет ветер под облачной ку-
щей
Золотую его дугу.*

*На рассвете он завтра промчит-
ся,
Шапку-месяц пригнув под кустом,
И игриво взмахнет кобылица
Над равниною красным хвостом.*

*Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.*

Воспою я тебя и гостя,

*Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров.*

1917

Товарищ

*Он был сыном простого рабочего,
И повесть о нем очень короткая.
Только и было в нем, что волосы
как ночь,
Да глаза голубые, кроткие.*

*Отец его с утра до вечера
Гнул спину, чтоб прокормить
крошку;
Но ему делать было нечего,
И были у него товарищи: Христос
да кошка.*

*Кошля была старая, глухая,
Ни мышей, ни мух не слышала,
А Христос сидел на руках у Мате-
ри
И смотрел с иконы на голубей
под крышею.*

*Жил Мартин, и никто о нем не ве-
дал.*

Грустно стучали дни, словно
дождь по железу.
И только иногда за скудным обе-
дом
Учил его отец распевать марсе-
льезу.

«Вырастешь, – говорил он, – пой-
мешь...
Разгадаешь, отчего мы так ни-
щи!»
И глухо дрожал его щербатый нож
Над черствой горбушкой насыщ-
ной пищи.

Но вот под тесовым
Окном –
Два ветра взмахнули
Крылом;

То с вешнею полымью
Вод
Взметнулся российский
Народ...

Ревут валы,
Поет гроза!

Из синей мглы
Горят глаза.

За взмахом взмах,
Над трупом труп;
Ломают страх
Свой крепкий зуб.

Все взлет и взлет,
Все крик и крик!
В бездонный рот
Бежит родник...

И вот кому-то пробил
Последний, грустный час...
Но верьте, он не сробел
Пред силой вражьих глаз!

Душа его, как прежде,
Бесстрашна и крепка,
И тянется к надежде
Бескровная рука.

Он незадаром прожил,
Недаром мям цветы;
Но не на вас похожи
Угасшие мечты...

Нечаянно, негаданно
С родимого крыльца
Донесся до Мартина
Последний крик отца.

С потухшими глазами,
С пугливой синью губ,
Упал он на колени,
Обняв холодный труп.

Но вот приподнял брови,
Протер рукой глаза,
Вбежал обратно в хату
И стал под образа.

«Исус, Исус, ты слышишь?
Ты видишь? Я один.
Тебя зовет и кличет
Товарищ твой Мартин!

Отец лежит убитый,
Но он не пал, как труп.
Я слышу, он зовет нас,
О верный мой Исус.

Зовет он нас на помощь,
Где бьется русский люд,
Велит стоять за волю,

За равенство и труд!..»

И, ласково приемля
Речей невинных звук,
Сошел Иисус на землю
С неколебимых рук.

Идут рука с рукою,
А ночь черна, черна!..
И пыжится бедою
Седая тишина.

Мечты цветут надеждой
Про вечный, вольный рок.
Обоим нежит вежды
Февральский ветерок.

Но вдруг огни сверкнули...
Залаял медный груз.
И пал, сраженный пулей,
Младенец Иисус.

Слушайте:
Больше нет воскресенья!
Тело Его предали погребенью:
Он лежит
На Марсовом
Поле.

А там, где осталась Мать,
Где Ему не бывать
Боле,
Сидит у окошка
Старая кошка,
Ловит лапой луну...

Ползает Мартин по полу:
«Соколы вы мои, соколы,
В плену вы,
В плену!»

Голос его все глуше, глуше,
Кто-то давит его, кто-то ду-
шит,
Палит огнем.

Но спокойно звенит
За окном,
То погаснув, то вспыхнув
Снова,
Железное
Слово:
«Рре-эс-пуу-ублика!»

Март 1917. Петроград

Певущий зов

Радуйтесь!

*Земля предстала
Новой купели!
Догорели
Синие метели,
И змея потеряла
Жало.*

*О Родина,
Мое русское поле,
И вы, сыновья ее,
Остановившие
На частоколе
Луну и солнце, –
Хвалите Бога!*

*В мужичьих яслях
Родилось пламя
К миру всего мира!
Новый Назарет
Перед вами.
Уже славят пастыри
Его утро.
Свет за горами...*

*Сгинь, ты, английское юдо,
Расплещися по морям!
Наше северное чудо
Не постичь твоим сынам!*

Не познать тебе Фавора,
Не расслышать тайный зов!
Отуманенного взора
На устах твоих покров.

Все упрямей, все напрасней
Ловит рот твой темноту.
Нет, не дашь ты правды в яслях
Твоему сказать Христу!

Но знайте,
Спящие глубоко:
Она загорелась,
Звезда Востока!
Не погасить ее Ироду
Кровью младенцев...

«Пляши, Саломея, пляши!»
Твои ноги легки и крылаты.
Целуй ты уста без души, –
Но близок твой час расплаты!

Уже встал Иоанн,
Изможденный от ран,
Поднял с земли
Отрубленную голову,
И снова гремят
Его уста,

Снова грозят
Содому:
«Опомнитесь!»

Люди, братья мои люди,
Где вы? Отзовитесь!
Ты не нужен мне, бесстрашный,
Кровожадный витязь.

Не хочу твоей победы,
Дани мне не надо!
Все мы – яблони и вишни
Голубого сада.

Все мы – гроздья винограда
Золотого лета,
До кончины всем нам хватит
И тепла и света!

Кто-то мудрый, несказанный,
Все себе подобя,
Всех живущих греет песней,
Мертвых – сном во гробе.

Кто-то учит нас и просит
Постигать и мерить.
Не губить пришли мы в мире,
А любить и верить!

Апрель 1917. Петроград

**«Есть светлая радость под сенью
кустов...»**

*Есть светлая радость под сенью
кустов
Поплакать о прошлом родных бе-
регов
И, первую проседь лаская на лбу,
С приятною болью пенять
на судьбу.
Ни друга, ни думы о бабьих губах
Не зреет в ее тихомудрых словах,
Но есть в ней, как вера, живая
мечта
К незримому свету приблизить
уста.
Мы любим в ней вечер, над речкой
овес, –
И отроков резвых с медынью во-
лос.
Стряхая с бровей своих призрач-
ный дым,
Нам сладко о тайнах рассказы-
вать им.
Есть нежная кротость, присев
на порог,
Молиться закату и лику дорог.*

*В обсыпанных рощах, на сжатых
полях
Грустит наша дума об отрочьих
днях.
За отчею сказкой, за звоном
стропил
Несет ее шорох неведомых крыл...
Но крепко в равнинах ковыльных
лугов
Покоится правда родительских
снов.*

1917

«О Русь, взмахни крылами...»

*О Русь, взмахни крылами,
Поставь иную крепь!
С иными именами
Встает иная степь.*

*По голубой долине,
Меж телок и коров,
Идет в золотой ряднине
Твой Алексей Кольцов.*

*В руках – краюха хлеба,
Уста – вишневый сок.
И вызвездило небо
Пастушеский рожок.*

За ним, с снегов и ветра,
Из монастырских врат,
Идет, одетый светом,
Его середний брат.

От Вытегры до Шуи
Он избраздил весь край
И выбрал кличку – Ключев,
Смиренный Миколай.

Монашья мудр и ласков,
Он весь в резьбе молвы,
И тихо сходит пасха
С бескудрой головы.

А там, за взгорьем смолым,
Иду, тропу тая,
Кудрявый и веселый,
Такой разбойный я.

Долга, крута дорога,
Несчетны склоны гор;
Но даже с тайной Бога
Веду я тайно спор.

Сшибаю камнем месяц
И на немую дрожь
Бросаю, в небо свесясь,

Из голенища нож.

*За мной незримым роем
Идет кольцо других,
И далеко по селам
Звенит их бойкий стих.*

*Из трав мы вяжем книги,
Слова трясем с двух пол.
И сродник наш, Чапыгин,
Певуч, как снег и дол.*

*Сокройся, сгинь ты, племя
Смердящих снов и дум!
На каменное темя
Несем мы звездный шум.*

*Довольно гнить и ноять,
И славить взлетом гнусь –
Уж смыла, стерла деготь
Воспрянувшая Русь.*

*Уж повела крылами
Ее немая крепь!
С иными именами
Встает иная степь.*

1916

Отчарь

Тучи – как озера,
Месяц – рыжий гусь.
Пляшет перед взором
Буйственная Русь.

Дрогнул лес зеленый,
Закипел родник.
Здравствуй, обновленный
Отчарь мой, мужик!

Голубые воды –
Твой покой и свет,
Гибельной свободы
В этом мире нет.

Пой, зови и требуй
Скрытые брега;
Не сорвется с неба
Звездная дуга!

Не обронит вечер
Красного ведра;
Могутные плечи –
Что гранит-гора.

Под облачным древом
Верхом на луне

Февральской метелью
Ревешь ты во мне.

Небесные дочери
Куделят кремник;
Учил тебя вере
Седой огневик.

Он дал тебе пику,
Грозовый ятаг
И силой Аники
Отметил твой шаг.

Заря – как волчиха
С ослабленным ртом;
Но гонишь ты лихо
Двуперстным крестом.

Протянешь ли руку
Иль склонишь ты лик,
Кладешь ей краюху
На желтый язык.

И чуется зверю
Под радугой слов:
Алмазные двери
И звездный покров.

О чудотворец!
Широкоскулый и красноротый,
Привявший в корузные руки
Младенца нежного, –
Укачай мою душу
На пальцах ног своих!

Я сын твой,
Выросший, как ветла,
При дороге,
Научился смотреть в тебя,
Как в озеро.
Ты несказанен и мудр.

По сединам твоим
Узнаю, что был снег
На полях
И поемах.
По глазам голубым
Слаблю
Красное
Лето.

Ах, сегодня весна, –
Ты взыграл, как поток!
Гладит волны челнок,
И поет тишина.

Слышен волховский звон
И Буслаев разгул,
Закружились под гул
Волга, Каспий и Дон.

Синегубый Урал
Выставляет клыки,
Но кадят Соловки
В его синий оскал.

Всех зовешь ты на пир,
Тепля клич, как свечу,
Прижимаешь к плечу
Нецелованный мир.

Свят и мирен твой дар,
Синь и песня в речах,
И горит на плечах
Необъемлемый шар!..

Закинь его в небо,
Поставь на столпы!
Там лунного хлеба
Златятся снопы.

Там голод и жажда
В корнях не поют,
Но зреет однаждыный

Свет ангельских юрт.

*Там с вызвоном блюда
Прохлада куста,
И рыжий Иуда
Целует Христа.*

*Но звон поцелуя
Деньгой не гремит,
И цепь Акатуя –
Тропа перед скит.*

*Там дряхлое время,
Бродя по лугам,
Все русское племя
Сзывает к столам.*

*И, славя отвагу
И гордый твой дух,
Сыченою брагой
Обносит их круг.*

19–20 июня 1917. Константиново

«Гляну в поле, гляну в небо...»

*Гляну в поле, гляну в небо –
И в полях и в небе рай.
Снова тонет в копнах хлеба
Незапаханный мой край.*

*Снова в рощах непасенных
Неизбывные стада,
И струится с гор зеленых
Златоструйная вода.*

*О, я верю – знать, за муки
Над пропащим мужиком
Кто-то ласковые руки
Проливает молоком.*

1917

«Не напрасно дули ветры...»

*Не напрасно дули ветры,
Не напрасно шла гроза.
Кто-то тайный тихим светом
Напоил мои глаза.*

*С чьей-то ласковости вешней
Отгрустил я в синей мгле
О прекрасной, но нездешней,
Неразгаданной земле.*

*Не гнетет немая млечность,
Не тревожит звездный страх.
Полюбил я мир и вечность,
Как родительский очаг.*

Все в них благостно и свято,

*Все тревожное светло.
Плещет рдяный мак заката
На озерное стекло.*

*И невольно в море хлеба
Рвется образ с языка:
Отелившееся небо
Лижет красного телка.*

1917

«Под красным вязом крыльцо и двор...»

*Под красным вязом крыльцо
и двор,
Луна над крышей, как злат бугор.*

*На синих окнах накапан лик:
Бредет по туче седой Старик.*

*Он смуглой горстью меж тихих
древ
Бросает звезды – озимый сев.*

*Взрастает нива, и зерна душ
Со звоном неба спадают в глушь.*

*Я помню время, оно, как звук,
Стучало клювом в древесный сук.*

*Я был во злаке, но костный ум
Уж верил в поле и водный шум.*

*В меже под елью, где облак-тын,
Мне снились реки золотых долин.*

*И слышал дух мой про край хол-
мов,
Где есть рожденье в посеве слов.*

1915

**«Проплясал, проплакал дождь
весенний...»**

*Проплясал, проплакал дождь ве-
сенний,
Замерла гроза.
Скучно мне с тобой, Сергей Есе-
нин,
Подымать глаза...*

*Скучно слушать под небесным
древом
Взмах незримых крыл:
Не разбудишь ты своим напевом
Дедовских могил!*

*Привязало, осаднило слово
Даль твоих времен.*

Не в ветрах, а, зная, в томах тяжельх
Прозвонит твой сон.

Кто-то сядет, кто-то выгнет плечи,
Вытянет персты.
Близок твой кому-то красный вечер,
Да не нужен ты.

Всколыхнет он Брюсова и Блока,
Встормошит других.
Но все так же день взойдет с востока,
Так же вспыхнет миг.

Не изменят лик земли напевы,
Не стряхнут листа...
Навсегда твои пригвождены ко древу
Красные уста.

Навсегда простер глухие длани
Звездный твой Пилат.
Или, Или, лима савахфани,
Отпусти в закат.

1916–1917

«Не от холода рябинушка дрожит...»

*Не от холода рябинушка дрожит,
Не от ветра море синее кипит.*

*Напоили землю радостью снега,
Снятся деду иорданские берега.*

*Видит в долах он озера да кусты,
Через озера перекинута мосты.*

*Как по мостику, кудряв и желто-
рус,
Бродит отрок, сын Иосифа, Исус.*

*От восхода до заката в хмаре вод
Кличет утиц он и рыбешек зовет:*

*«Вы сходитесь ко мне, твари,
за корму,
Научите меня разуму-уму».*

*Как по бережку, меж вымоин
и гор,
Тихо льется их беседа-разговор.*

*Мелка рыбешка, сплеснувшись
на песок,
Подает ли свой подводный голо-*

сок:

*«Уж ты, чадо, мило дитяtko,
Христос,
Мы пришли к тебе с поклоном
на допрос.»*

*Ты иди учиcь в пустынях да лесах;
Наша тайна отразилась в небе-
сах».*

1917

«Заря над полем – как красный тын...»

*Заря над полем – как крас-
ный тын.
Плывет на тучке превечный сын.*

*Вот вышла бабка кормить цып-
лят.
Горит на небе святой оклад.*

*– Здорово, внучек!
– Здорово, свет!
– Зайди в избушку.
– А дома ль дед?*

*– Он чинит невод ловить ершей.
– А много ль деду от роду дней?*

– Уж скоро девять десят-
ков зим. –
И вспорхнул внучек, как бе-
лый дым.

С душою деда поплыл в туман,
Где зреет полдень незримых
стран.

1917

ОКТОИХ

*Гласом моим Пожру Тя, Господи.
Ц. О.*

*О родина, счастливый
И неисходный час!
Нет лучше, нет красивей
Твоих коровьих глаз.*

*Тебе, твоим туманам
И овцам на полях,
Несу, как сноп овсяный,
Я солнце на руках.*

*Святись преполовением
И рождеством святись,
Чтоб жаждущие бдения
Извечьем напились.*

Плечьми трясем мы небо,
Руками зыбим мрак
И в тощий колос хлеба
Вдыхаем звездный злак.

О Русь, о степь и ветры,
И ты, мой отчий дом!
На золотой повети
Гнездится вешний гром.

Овсом мы кормим бурю,
Молитвой поим дол,
И пашню голубую
Нам пашет разум-вол.

И ни единый камень,
Через пращу и лук,
Не подобьет над нами
Подъятье Божьих рук.

«О Дево
Мария! –
Поют небеса. –
На нивы златые
Пролей волоса.

Омой наши лица
Рукою земли.

С за-гор вереницей
Плывут корабли.

В них души усопших
И память веков.
О, горе, кто ропщет,
Не снявши оков!

Кричащему в мраке
И бьющему лбом
Под тайные знаки
Мы врат не сомкнем.

Но сгибни, кто вышел
И узрел лишь миг!
Мы облачной крышей
Придавим слепых».

О Боже, Боже,
Ты ль
Качаешь землю в снах?
Созвездий светит пыль
На наших волосах.

Шумит небесный кедр
Через туман и ров,
И на долину бед
Спадают шишки слов.

Поют они о днях
Иных земель и вод,
Где на тугих ветвях
Кусал их лунный рот.

И шепчут про кусты
Непроходимых роц,
Где пляшет, сняв порты,
Златоколенный дождь.

Осанна в вышних!
Холмы поют про рай.
И в том раю я вижу
Тебя, мой отчий край.

Под Маврикийским дубом
Сидит мой рыжий дед,
И светит его шуба
Горохом частых звезд.

И та кошачья шапка,
Что в праздник он носил,
Глядит, как месяц, зябко
На снег родных могил.

С холмов кричу я деду:
«О отче, отзовись...»
Но тихо дремлют кедры,

Обвесив сучья вниз.

Не долетает голос
В его далекий брег...
Но чу! Звенит, как колос,
С земли растущий снег:

«Восстань, прозри и вижди!
Неоскажем рок.
Кто все живет и зиждет –
Тот знает час и срок.

Вострубят Божьи клики
Огнем и бурей труб,
И облак желтоклыкий
Прокусит млечный пуп.

И вывалится чрево
Испепелить бразды...
Но тот, кто мыслил Девой,
Взойдет в корабль звезды».

Август 1917

«Небо ли такое белое...»

Небо ли такое белое
Или солью выцвела вода?
Ты поешь, и песня оголтелая
Бреговые вяжет повода.

Синим жерновом развеяны и смолоты
Водяные зерна на муку.
Голубой простор и золото
Опоясали твою тоску.

Не встревожен ласкою угрюмою
Загорелый взмах твоей руки.
Все равно – Архангельском
иль Умбою
Проплывать тебе на Соловки.

Все равно под стоптанною палубой
Видишь ты погорбившийся скит.
Подпеваешь тебе жалоба
Об изгибах тамошних раки.

Так и хочется под песню свеситься
Над водою, спихивая день...
Но спокойно светит вместо месяца
Отразившийся на облаке тюлень.
1917

Пропавший месяц

Облак, как мышь,

подбежал и взмахнул
В небо огромным хвостом.
Словно яйцо,
расколовшись, скользнул
Месяц за дальним холмом.

Солнышко утром в колодезь озер
Глянуло –
месяца нет...
Свесило ноги оно на бугор,
Кликнуло –
месяца нет.

Клич тот услышал с реки рыбо-
лов,
Вздумал старик подшутить.
Отраженье от солнышка
с утренних вод
Стал он руками ловить.

Выловил.
Крепко скрутил бечевой,
Уши коленом примял.
Вылез и тихо на луч золотой
Солнечных век
привязал.

Солнышко к небу глаза подняло

И сказало:
«Тяжеск мой труд!»
И вдруг солнышку
что-то веки свело,
Оглянулося – месяц как тут.

Как белка на ветке, у солнца
в глазах
Запрыгала радость...
Но вдруг...
Луч оборвался,
и по скользким холмам
Отраженье скатилось в луг.

Солнышко испугалось...
А старый дед,
Смеясь, грохотал, как гром.
И голубем синим
вечерний свет
Махал ему в рот крылом.

1915

О родина!

О родина, о новый
С золотою крышей кров,
Труби, мычи коровой,
Ревя телком громов.

*Брожу по синим селам,
Такая благодать,
Отчаянный, веселый,
Но весь в тебя я, мать.*

*В училище разгула
Крепил я плоть и ум.
С березового гула
Растет твой вешний шум.*

*Люблю твои пороки,
И пьянство, и разбой,
И утром на востоке
Терять себя звездой.*

*И всю тебя, как знаю,
Хочу измять и взять,
И горько проклиная
За то, что ты мне мать.*

1917

«Свищет ветер под крутым забором...»

*Свищет ветер под крутым забором,
Прячется в траву.
Знаю я, что пьяницей и вором
Век свой доживу.
Тонет день за красными холма-*

ми,
Кличет на межу.
Не один я в этом свете шляюсь,
Не один брожу.
Размахнулось поле русских пашен,
То трава, то снег,
Все равно, литвин я иль чувашин,
Крест мой как у всех.
Верю я, как ликам чудотворным,
В мой потайный час.
Он придет бродягой подзабор-
ным,
Нерушимый Спас.
Но, быть может, в синих клочьях
дыма
Тайноводных рек
Я пройду его с улыбкой пьяной ми-
мо,
Не узнав навек.
Не блеснет слеза в моих ресницах,
Не вспугнет мечту.
Только радость синей голубицей
Канет в темноту.
И опять, как раньше, с дикой зло-
стью
Запоеет тоска...
Пусть хоть ветер на моем пого-
сте

Пляшет трепака.

1917

«Заметает пурга...»

*Заметает пурга
Белый путь.
Хочет в мягких снегах
Потонуть.*

*Ветер резвый уснул
На пути;
Ни проехать в лесу,
Ни пройти.*

*Забегала коляда
На село,
В руки белые взяла
Помело.*

*Гей вы, нелюди-люди,
Народ,
Выходите с дороги
Вперед!*

*Испугалась пурга
На снегах,
Побежала скорей
На луга.*

*Ветер тоже спросонок
Вскочил
Да и шапку с кудрей
Уронил.*

*Утром ворон к березоньке
Стук...
И повесил ту шапку
На сук.*

1918

Пришествие

А. Белому

*Господи, я верую!..
Но введи в свой рай
Дождевыми стрелами
Мой пронзенный край.*

*За горой нехоженой,
В синеве долин,
Снова мне, о Боже мой,
Предстает твой сын.*

*По тебе молюся я
Из мужичьих мест;
Из прозревшей России
Он несет свой крест.*

Но пред тайной острова
Безначальных слов
Нет за ним апостолов,
Нет учеников.

О Русь, Приснодева,
Поправшая смерть!
Из звездного чрева
Сошла ты на твердь.

На яслях овечьих
Осынила дол
За то, что в предтечах
Был пахарь и вол.
Воззри же на нивы,
На сжатый овес, –
Под снежною ивой
Упал твой Христос!

Опять Его вои
Стегают плетьюми
И бьют головою
О выступы тьмы...

Но к вихрю бездны
Он нем и глух.
С шеста созвездья
Поет петух.

О други, где вы?
Уж близок срок.
Темно ты, чрево,
И крест высок.

Вот гор воитель
Ощупал мглу.
Христа рачитель
Сидит в углу.

«Я видел: с ним он
Нам сеял мрак!»
«Нет, я не Симон...
Простой рыбак».

Вздохнула плесень,
И снег потух...
То третью песню
Пропел петух.

Ей, Господи,
Царю мой!
Дьяволы на руках
Укачали землю.

Снова пришествию Его
Поднят крест.
Снова раздирается небо.

Тишина полей и разума
Точит копья.
Лестница к саду твоему
Без приступок.

Как взойду, как поднимусь по ней
С кровью на отцах и братьях?

Тянет меня земля,
Оцепили пески.
На реках твоих
Сохну.

Симоне, Петр...
Где ты? Приди.
Вдрогнули ветлы:
«Там, впереди!»

Симоне, Петр...
Где ты? Зову!
Шепчется кто-то:
«Кричи в синеву!»

Крикнул – и громко
Вздыбился мрак.
Вышел с котомкой
Рыжий рыбак.

«Друг... Ты откуда?»
«Шел за тобой...»
«Кто ты?» – «Иуда!» –
Шамкнул прибой.

Рухнули гнезда
Облачных риз.
Ласточки-звезды
Канули вниз.

О Саваофе!
Покровом твоим рек и озер
Прикрой сына!

Под ивой бьют Его вои
И голгофят снега твои.
О ланиту дождей
Преломи
Лезвие заката...

Трубами вьюг
Возвести языки...

Но не в суд или во осуждение.

Явись над Елеоном
И правде наших мест!
Горстями золотых затонов

Мы окропим твой крест.

*Холмы поют о чуде,
Про рай звенит песок.
О верю, верю – будет
Телиться твой восток!*

*В моря овса и гречи
Он кинет нам телка...
Но долог срок до встречи,
А гибель так близка!*

*Уйми ты ржанье бури
И топ громов уйми!
Пролей ведро лазури
На ветхое деньми!*

*И дай дочерпачь волю
Медведицей и сном,
Чтоб вытекшей душою
Удобрить чернозем...*

Октябрь 1917

Преображение

Разумнику Иванову

*Облаки лают,
Ревет златозубая высь...*

Пою и взываю:
Господи, отелись!

Перед воротами в рай
Я стучусь:
Звездами спеленай
Телищу-Русь.

За тучи тянется моя рука,
Бурею шумит песнь.
Небесного молока
Даждь мне днесь.

Грозно гремит твой гром,
Чудится плеск крыл.
Новый Содом
Сжигает Егудиил.

Но твердо, не глядя назад,
По ниве вод
Новый из красных врат
Выходит Лот.

Не потому ль в березовых
Кустах поет сверчок
О том, как ликом розовым
Окапал рожь восток;

О том, как Богородица,
Накинув синий плат,
У облачной околицы
Скликает в рай телят.

С утра над осенницею
Я слышу зов трубы.
Теленькает синицею
Он про глагол судьбы.

«О, веруй, небо вспенится,
Как лай, сверкнет волна.
Над рощею оцелится
Златым щенком луна.

Иной травой и чащею
Отенит мир вода.
Малиновкой журчащею
Слетит в кусты звезда.

И выползет из колоса,
Как рой, пшеничный злак,
Чтобы пчелиным голосом
Озлатонивить мрак...»

Ей, россияне!
Ловцы вселенной,
Неводом зари зачерпнувшие

небо, –
Трубите в трубы.

Под плугом бури
Ревет земля.
Рушит скалы златоклыкий
Омеж.

Новый сеятель
Бредет по полям,
Новые зерна
Бросает в борозды.

Светлый гость в колымаге к вам
Едет.
По тучам бежит
Кобылица.

Шлея на кобыле –
Синь.
Бубенцы на шлее –
Звезды.

Стихни, ветер,
Не лай, водяное стекло.
С небес через красные сети
Дождит молоко.

Мудростью пухнет слово,
Вязью колося поля.
Над тучами, как корова,
Хвост задрала заря.

Вижу тебя из окошка,
Зиждитель щедрый,
Ризою над землею
Свесивший небеса.

Ныне
Солнце, как кошка,
С небесной вербы
Лапкою золотою
Трогает мои волоса.

Зреет час преображенья,
Он сойдет, наш светлый гость,
Из распятого терпенья
Вынуть выржавленный гвоздь.

От утра и от полудня
Под поющий в небе гром,
Словно ведра, наши будни
Он наполнит молоком.

И от вечера до ночи,
Незакатный славя край,

*Будет звездами пророчить
Среброзрачный урожай.*

*А когда над Волгой месяц
Склонит лик испить воды, –
Он, в ладью златую свесясь,
Уплывет в свои сады.*

*И из лона голубого,
Широко взмахнув веслом,
Как яйцо, нам сбросит слово
С проклевавшимся птенцом.*

Ноябрь 1917

«О Матерь Божья...»

*О Матерь Божья,
Спади звездой
На бездорожье,
В овраг глухой.*

*Пролей, как масло,
Власа луны
В мужичьи ясли
Моей страны.*

*Срок ночи долог.
В них спит твой сын.
Спусти, как полог,*

Зарю на синь.

*Окинь улыбкой
Мирскую весь
И солнце зыбкой
К кустам привесь.*

*И да взыграет
В ней, славя день,
Земного рая
Святой младень.*

1917

«Где ты, где ты, отчий дом...»

*Где ты, где ты, отчий дом,
Гревший спину под бугром?
Синий, синий мой цветок,
Неприхоженный песок.
Где ты, где ты, отчий дом?*

*За рекой поет петух.
Там стада стерег пастух,
И светились из воды
Три далекие звезды.
За рекой поет петух.*

*Время – мельница с крылом
Опускает за селом*

*Месяц маятником в рожь
Лить часов незримый дождь.
Время – мельница с крылом.*

*Этот дождик с сонмом стрел
В тучах дом мой завертел,
Синий подкосил цветок,
Золотой примял песок.
Этот дождик с сонмом стрел.*

1917

«Нивы сжаты, рощи голы...»

*Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.*

*Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось.*

*Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребенком
Запрягался в наши сани.*

1917

«Я по первому снегу бреду...»

*Я по первому снегу бреду,
В сердце ландыши вспыхнувших сил.*

*Вечер синюю свечкой звезду
Над дорогой моей засветил.*

*Я не знаю, то свет или мрак?
В чаще ветер поет иль петух?
Может, вместо зимы на полях
Это лебеди сели на луг.*

*Хороша ты, о белая гладь!
Греет кровь мою легкий мороз!
Так и хочется к телу прижать
Обнаженные груди берез.*

*О лесная, дремучая муть!
О веселье оснеженных нив!..
Так и хочется руки сомкнуть
Над древесными бедрами ив.*

1917

«О верю, верю, счастье есть!..»

*О верю, верю, счастье есть!
Еще и солнце не погасло.
Заря молитвенником красным*

Пророчит благостную весть.
О верю, верю, счастье есть.

Звени, звени, золотая Русь,
Волнуйся, неумный ветер!
Блажен, кто радостью отметил
Твою пастушескую грусть.
Звени, звени, золотая Русь.

Люблю я ропот буйных вод
И на волне звезды сиянье.
Благословенное страданье,
Благословляющий народ.
Люблю я ропот буйных вод.

1917

«О муза, друг мой гибкий...»

О муза, друг мой гибкий,
Ревнивица моя.
Опять под дождик сыпкий
Мы вышли на поля.

Опять весенним гулом
Приветствует нас дол,
Младенцем завернула
Заря луну в подол.

Теперь бы песню ветра

И нежное баю –
За то, что ты окрепла,
За то, что праздник светлый
Влила ты в грудь мою.

Теперь бы брызнуть в небо
Вишневым соком стих
За отческую щедрость
Наставников твоих.

О мед воспоминаний!
О звон далеких лип!
Звездой нам пел в тумане
Разумниковский лик.

Тогда в веселом шуме
Игривых дум и сил
Апостол нежный Клюев
Нас на руках носил.

Теперь мы стали зрелей
И весом тяжелей...
Но не заглушит трелью
Тот праздник соловей.

И этот дождик шальный
Его не смоем в нас,
Чтоб звон твоей лампады

Под ветром не погас.

1917

«Песни, песни, о чем вы кричите?..»

*Песни, песни, о чем вы кричите?
Иль вам нечего больше дать?
Голубого покоя нити
Я учусь в мои кудри вплетать.*

*Я хочу быть тихим и строгим.
Я молчанью у звезд учусь.
Хорошо ивняком при дороге
Сторожить задремавшую Русь.*

*Хорошо в эту лунную осень
Бродить по траве одному
И собирать на дороге колосья
В обнищалую душу-суму.*

*Но равнинная синь не лечит.
Песни, песни, иль вас не стрях-
нуть?..
Золотистой метелкой вечер
Расчищает мой ровный путь.*

*И так радостен мне над пущей
Замирающий в ветре крик:
«Будь же холоден ты, живущий,*

Как осеннее золото лип».

1917–1918

«О пашни, пашни, пашни...»

*О пашни, пашни, пашни,
Коломенская грусть.
На сердце день вчерашний,
А в сердце светит Русь.*

*Как птицы, свищут версты
Из-под копыт коня.
И брызжет солнце горстью
Свой дождик на меня.*

*О край разливов грозных
И тихих вешних сил,
Здесь по заре и звездам
Я школу проходил.*

*И мыслил и читал я
По библии ветров,
И пас со мной Исая
Моих золотых коров.*

1917–1918

«Серебристая дорога...»

Серебристая дорога,

Ты зовешь меня куда?
Свечкой чисточетверговой
Над тобой горит звезда.

Грусть ты или радость теплишь?
Иль к безумью правишь бег?
Помоги мне сердцем вешним
Долюбить твой жесткий снег.

Дай ты мне зарю на дровни,
Ветку вербы на узду.
Может быть, к вратам Господ-
ним
Сам себя я приведу.

1918

«Отвори мне, страж заоблачный...»

Отвори мне, страж заоблачный,
Голубые двери дня.
Белый ангел этой полночью
Моего увел коня.

Богу лишнего не надобно,
Конь мой – мощь моя и крепь.
Слышу я, как ржет он жалобно,
Закусив золотую цепь.

Вижу, как он бьется, мечется,

*Теребя тугой аркан,
И летит с него, как с месяца,
Шерсть буланая в туман.*

1918

Инония

Пророку Иеремии

*Не утрашуся гибели,
Ни копий, ни стрел дождей, –
Так говорит по Библии
Пророк Есенин Сергей.*

*Время мое пришло,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело,
Выплываю изо рта.*

*Не хочу воспрять спасения
Через муки его и крест:
Я иное постиг учение
Прободающих вечность звезд.*

*Я иное узрел пришествие –
Где не пляшет над правдой
смерть.
Как овцу от поганой шерсти, я
Остригу голубую твердь.*

Подыму свои руки к месяцу,
Раскушу его, как орех.
Не хочу я небес без лестницы,
Не хочу, чтобы падал снег.

Не хочу, чтоб умело хмуриться
На озерах зари лицо.
Я сегодня снесся, как курица,
Золотым словесным яйцом.

Я сегодня рукой упругою
Готов повернуть весь мир...
Грозовой расплескались вьюгою
От плечей моих восемь крыл.

Лай колоколов над Русью гроз-
ный –
Это плачут стены Кремля.
Ныне на пики звездные
Вздыбливаю тебя, земля!

Протянусь до незримого города,
Млечный прокушу покров.
Даже Богу я выщиплю бороду
Оскалом моих зубов.

Ухвачу его за гриву белую
И скажу ему голосом вьюг:

Я иным тебя, Господи, сделаю,
Чтобы зрел мой словесный луг!

Проклинаю я дыхание Китежа
И все лощины его дорог.
Я хочу, чтоб на бездонном вытя-
же
Мы воздвигли себе чертог.

Языком вылижу на иконах я
Лики мучеников и святых.
Обещаю вам град Инонию,
Где живет Божество живых.

Плачь и рыдай, Московия!
Новый пришел Индикоплов.
Все молитвы в твоём часослове я
Проклюю моим клювом слов.

Уведу твой народ от упования,
Дам ему веру и мощь,
Чтобы плугом он в зори ранние
Распахивал с солнцем ночь.

Чтобы поле его словесное
Выращало ульями злак,
Чтобы зерна под крышей небес-
ною

Озлащали, как пчелы, мрак.

*Проклинаю тебя я, Радонеж,
Твои пятки и все следы!
Ты огня золотого залежи
Разрыхлял киркою воды.*

*Стая туч твоих, по-волчьи лаю-
щих,
Словно стая злющих волков,
Всех зовущих и всех дерзающих
Прободала копьем клыков.*

*Твое солнце когтистыми лапами
Прокогтялось в душу, как нож.
На реках вавилонских мы плака-
ли,
И кровавый мочил нас дождь.*

*Ныне ж бури воловьим голосом
Я кричу, сняв с Христа штаны:
Мойте руки свои и волосы
Из лоханки второй луны.*

*Говорю вам – вы все погибнете,
Всех задушит вас веры мох.
По-иному над нашей выгибью
Вспух незримой коровой Бог.*

И напрасно в пещеры селятся
Те, кому ненавистен рев.
Все равно – он иным отелится
Солнцем в наш русский кров.

Все равно – он спалит телением,
Что ковало реке берега.
Разгвоздят мировое кипение
Золотые его рога.

Новый сойдет Олипий
Начертать его новый лик.
Говорю вам – весь воздух выпью
И кометой вытяну язык.

До Египта раскорячу ноги,
Раскую с вас подковы мук...
В оба полюса снежнорогие
Вопьюся клещами рук.

Коленом придавлю экватор
И, под бури и вихря плач,
Пополам нашу землю-матерь
Разломлю, как золотой калач.

И в провал, отененный бездною,
Чтобы мир весь слышал тот
треск,

Я главу свою власозвездную
Просуну, как солнечный блеск.

И четыре солнца из облачья,
Как четыре бочки с горы,
Золотые рассыпав обручи,
Скатясь, всколыхнут миры.

И тебе говорю, Америка,
Отколотая половина земли, –
Страшишь по морям безверия
Железные пускать корабли!

Не отягивай чугунной радугой
Нив и гранитом – рек.
Только водью свободной Ладоги
Просверлит бытие человек!

Не вбивай руками синими
В пустошь потолок небес:
Не построить шляпками гвозди-
ными
Сияние далеких звезд.

Не залить огневого брожения
Лавой стальной руды.
Нового вознесения
Я оставлю на земле следы.

Пятками с облаков свесюсь,
Прокопытню тучи, как лось;
Колесами солнце и месяц
Надену на земную ось.

Говорю тебе – не пой молебствия
Проволочным твоим лучам.
Не осветят они пришествия,
Бегущего овцой по горам!

Сыщется в тебе стрелок еще
Пустить в его грудь стрелу.
Словно полымя, с белой шер-
сти его
Брызнет теплая кровь во мглу.

Звездами золотые копытца
Скатятся, взбороздив ночь.
И опять замелькает спицами
Над чулком ее черным дождь.

Возгремлю я тогда колесами
Солнца и луны, как гром;
Как пожар, размечу волосья
И лицо закрою крылом.

За уши встряхну я горы,
Копьями вытяну ковыль.

Все тыны твои, все заборы
Горстью смету, как пыль.

И вспашу я черные щеки
Нив твоих новой сохой;
Золотой пролетит сорокой
Урожай над твоей страной.

Новый он сбросит жителям
Крыл колосистых звон.
И, как жерди золотые, вытянет
Солнце лучи на дол.

Новые вырастут сосны
На ладонях твоих полей.
И, как белки, желтые весны
Будут прыгать по сучьям дней.

Синие забрезжут реки,
Просверлив все преграды глыб.
И заря, опуская веки,
Будет звездных ловить в них рыб.

Говорю тебе – будет время,
Отплетут уста громов;
Прободят голубое темя
Колосья твоих хлебов.

*И над миром с незримой лестницы,
Оглашая поля и луг,
Проклевавшись из сердца месяца,
Кукарекнув, взлетит петух.*

*По тучам иду, как по ниве, я,
Свесься головою вниз.
Слышу плеск голубого ливня
И светил тонкоклювых свист.*

*В синих отражаюсь затонах
Далеких моих озер.
Вижу тебя, Инония,
С золотыми шапками гор.*

*Вижу нивы твои и хаты,
На крылечке старушку мать;
Пальцами луч заката
Старается она поймать.*

*Прищемит его у окошка,
Схватит на своем горбе, –
А солнышко, словно кошка,
Тянет клубок к себе.*

*И тихо под шепот речки,
Прибрежному эху в подол,*

Каплями незримой свечки
Капают песня с гор:

«Слава в вышних Богу
И на земле мир!
Месяц синим рогом
Тучи прободил.

Кто-то вывел гуся
Из яйца звезды –
Светлого Иисуса
Проклевать следы.

Кто-то с новой верой,
Без креста и мук,
Натянул на небе
Радугу, как лук.

Радуйся, Сионе,
Проливай свой свет!
Новый в небосклоне
Вызрел Назарет.

Новый на кобыле
Едет к миру Спас.
Наша вера – в силе,
Наша правда – в нас!»

Январь 1918

Сельский часослов

Вл. Чернявскому

О солнце, солнце,
Золотое, опущенное в мир ведро,
Зачерпни мою душу!
Вынь из колодезя мук
Страны моей.
Каждый день,
Ухватившись за цепь лучей твоих,
Карабкаюсь я в небо.
Каждый вечер
Срываюсь и падаю в пасть заката.

Тяжко и горько мне...
Кровью поют уста...
Снеги, белые снеги –
Покров моей родины –
Рвут на части.
На кресте висит
Ее тело,
Голени дорог и холмов
Перебиты...

Волком воеет от запада
Ветер...
Ночь, как ворон,

Точит клюв на глаза-озера.
И доскою надкрестною
Прибита к горе заря:

ИСУС НАЗАРЯНИН
ЦАРЬ
ИУДЕЙСКИЙ

О месяц, месяц!
Рыжая шапка моего деда,
Закинутая озорным внуком
на сук облака,
Спади на землю...
Прикрой глаза мои!

Где ты...
Где моя родина?
Лыками содрала твои дороги
Буря,
Синим языком вылизал снег
твой –
Твою белую шерсть –
Ветер...

И лежишь ты, как овца,
Дрыгая ногами в небо,
Путая небо с яслями,
Путая звезды

С овсом золотистым.

О путай, путай!

Путай все, что видишь...

*Не отрекусь принять тебя даже
с солнцем,*

Похожим на свинью...

*Не испугаюсь просунутого пяточ-
ка его*

В частокол

Души моей.

Тайна твоя велика есть.

Гибель твоя миру купель

Предвечная.

О красная вечерняя заря!

Прости мне крик мой.

*Прости, что спутал я твою Мед-
ведицу*

С черпаком водовоза...

Пастухи пустыни –

Что мы знаем?..

Только ведь приходское училище

Я кончил,

Только знаю библию да сказки,

Только знаю, что поет овес

при ветре...

Да еще
По праздникам
Играть в гармошку.

Но постиг я...
Верю, что погибнуть лучше,
Чем остаться
С содранною
Кожей.

Гибни, край мой!
Гибни, Русь моя,
Начертательница
Третьего
Завета.

О звезды, звезды,
Восковые тонкие свечи,
Капающие красным воском
На молитвенник зари,
Склонитесь ниже!

Нагните пламя свое,
Чтобы мог я,
Привстав на цыпочки,
Погасить его.

Он не понял, кто зажег вас,

*О какой я пропел вам
Смерти.*

*Радуйся,
Земля!*

*Деве твоей Руси
Новое возвестил я
Рождение.
Сына тебе
Родит она...*

*Имя ему –
Израмистил.*

*Пой и шуми, Волга!
В синие ясли твои опрокинет она
Младенца.*

*Не говорите мне,
Что это
В полном круге
Будет всходить
Луна...*

*Это он!
Это он
Из чрева неба*

Будет высовывать
Голову...

1918

Иорданская голубица

*Земля моя золотая!
Осенний светлый храм!
Гусей крикливых стая
Несется к облакам.*

*То душ преображенных
Несчислимая рать,
С озер поднявшись сонных,
Летит в небесный сад.*

*А впереди их лебедь.
В глазах, как роца, грусть.
Не ты ль так плачешь в небе,
Отчалившая Русь?*

*Лети, лети, не бейся,
Всему есть час и брег.
Ветра стекают в песню,
А песня канет в век.*

*Небо – как колокол,
Месяц – язык,
Мать моя – родина,*

Я – большевик.

*Ради вселенского
Братства людей
Радуюсь песней я
Смерти твоей.*

*Крепкий и сильный,
На гибель твою
В колокол синий
Я месяцем бью.*

*Братья-миряне,
Вам моя песнь.
Слышу в тумане я
Светлую весть.*

*Вот она, вот голубица,
Севшая ветру на длань.
Снова зарею клубится
Мой луговой Иордань.*

*Славлю тебя, голубая,
Звездами вбитая высь.
Снова до отчего рая
Руки мои поднялись.*

Вижу вас, злачные нивы,

*С стадом буланых коней.
С дудкой пастушеской в ивах
Бродит апостол Андрей.*

*И, полная боли и гнева,
Там, на окраине села,
Мати Пречистая Дева
Розгой стегает осла.*

*Братья мои, люди, люди!
Все мы, все когда-нибудь
В тех благих селеньях будем,
Где протоптан Млечный Путь.*

*Не жалейте же ушедших,
Уходящих каждый час, –
Там на ландышах расцветших
Лучше, чем в полях у нас.*

*Страж любви – судьба-мздоимец
Счастье пестует не век.
Кто сегодня был любимец –
Завтра нищий человек.*

*О новый, новый, новый,
Прорезавший тучи день!
Отроком солнцеголовым
Сядь ты ко мне под плетень.*

*Дай мне твои волосы
Гребнем луны расчесать.
Этим обычаем гостя
Мы научились встречать.*

*Древняя тень Маврикии
Родственна нашим холмам,
Дождиком в нивы золотые
Нас посетил Авраам.*

*Сядь ты ко мне на крылечко,
Тихо склонись ко плечу.
Синюю звездочку свечкой
Я пред тобой засвечу.*

*Буду тебе я молиться,
Славить твою Иордань...
Вот она, вот голубица,
Севшая ветру на длань.*

20–23 июня 1918. Константиново

«И небо и земля все те же...»

*И небо и земля все те же,
Все в те же воды я гляжусь,
Но вздох твой ледовитый реже,
Ложноклассическая Русь.*

Не огражу мой тихий кров

*От радости над умираньем,
Но жаль мне, жаль отдать стра-
данью
Езекиильский глас ветров.*

*Шумы, шуми, реви сильнее,
Свирепствуй, океан мятежный,
И в солнца золотые мрежи
Сгоняй серебристых окуней.*

1918

«Зеленая прическа...»

Л. И. Кашиной

*Зеленая прическа,
Девическая грудь,
О тонкая березка,
Что загляделась в пруд?*

*Что шепчет тебе ветер?
О чем звенит песок?
Иль хочешь в косы-ветви
Ты лунный гребешок?*

*Открой, открой мне тайну
Твоих древесных дум,
Я полюбил – печальный
Твой предосенний шум.*

*И мне в ответ березка:
«О любопытный друг,
Сегодня ночью звездной
Здесь слезы лил пастух.*

*Луна стелила тени,
Сияли зеленыя.
За голые колени
Он обнимал меня.*

*И так, вдохнувши глубоко,
Сказал под звон ветвей:
«Прощай, моя голубка,
До новых журавлей».*

1918

«Не стану никакую...»

*Не стану никакую
Я девушку ласкать.
Ах, лишь одну люблю я,
Забыв любовь земную,
На небе Божью Мать.*

*В себе я мыслить волен,
В душе поет весна.
Ах, часто в келье темной
Я звал ее с иконы
К себе на ложе сна.*

*И в час, как полночь било,
В веселый ночи мрак
Она как тень сходила
И в рот сосцы струила
Младенцу на руках.*

*И, сев со мною рядом,
Она шептала мне:
«Смирись, моя услада,
Мы встретимся у сада
В небесной стороне».*

1918

«Вот оно, глупое счастье...»

*Вот оно, глупое счастье
С белыми окнами в сад!
По пруду лебедем красным
Плавает тихий закат.*

*Здравствуй, золотое затишье,
С тенью березы в воде!
Галочья стая на крыше
Служит вечерню звезде.*

*Где-то за садом несмело,
Там, где калина цветет,
Нежная девушка в белом
Нежную песню поет.*

*Стелется синюю рясой
С поля ночной холодок...
Глупое, милое счастье,
Свежая розовость щек!*

1918

«Я покинул родимый дом...»

*Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.*

*Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.*

*Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге.
Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге,*

*И я знаю, есть радость в нем
Тем, кто листья целует дождь,
Оттого, что тот старый клен
Головой на меня похож.*

1918

«Закружилась листва золотая...»

*Закружилась листва золотая
В розоватой воде на пруду,
Словно бабочек легкая стая
С замираньем летит на звезду.*

*Я сегодня влюблен в этот вечер,
Близок сердцу желтеющий дол.
Отрок-ветер по самые плечи
Заголил на березке подол.*

*И в душе и в долине прохлада,
Синий сумрак как стадо овец,
За калиткою смолкшего сада
Прозвенит и замрет бубенец.*

*Я еще никогда бережливо
Так не слушал разумную плоть,
Хорошо бы, как ветками ива,
Опрокинуться в розовость вод.*

*Хорошо бы, на стог улыбаясь,
Мордой месяца сено жевать...
Где ты, где, моя тихая радость –
Все любя, ничего не желать?*

1918

«Теперь любовь моя не та...»

Теперь любовь моя не та.
Ах, знаю я, ты тужишь, тужишь
О том, что лунная метла
Стихов не расплескала лужи.

Грустя и радуясь звезде,
Спадающей тебе на брови,
Ты сердце выпеснил избе,
Но в сердце дома не построил.

И тот, кого ты ждал в ночи,
Прошел, как прежде, мимо крова.
О друг, кому ж твои ключи
Ты золотил поющим словом?

Тебе о солнце не пропеть,
В окошко не увидет рая.
Так мельница, крылом махая,
С земли не может улететь.

1918

«Хорошо под осеннюю свежесть...»

Хорошо под осеннюю свежесть
Душу-яблоню ветром стряхать
И смотреть, как над речкою ре-
жет

Воду синюю солнца соха.

*Хорошо выбивать из тела
Накаляющий песни гвоздь.
И в одежде празднично белой
Ждать, когда постучится гость.*

*Я учусь, я учусь моим сердцем
Цвет черемух в глазах беречь,
Только в скупости чувства гре-
ются,
Когда ребра ломает течь.*

*Молча ухает звездная звонница,
Что ни лист, то свеча заре.
Никого не впущу я в горницу,
Никому не открою дверь.*

1918

Небесный барабанщик

Л. Н. Старку

*Гей вы, рабы, рабы!
Брюхом к земле прилипли вы.
Нынче луну с воды
Лошади выпили.*

Листьями звезды льются

*В реки на наших полях.
Да здравствует революция
На земле и на небесах!*

*Души бросаем бомбами,
Сеем пурговый свист.
Что нам слюна иконная
В наши ворота в высь?*

*Нам ли страшны полководцы
Белого стада горилл?
Взвихренной конницей рвется
К новому берегу мир.*

*Если это солнце
В заговоре с ними, –
Мы его всей ратью
На штыках подыдем.*

*Если этот месяц
Друг их черной силы, –
Мы его с лазури
Камнями в затылок.*

*Разметем все тучи,
Все дороги взмесим,
Бубенцом мы землю
К радуге привесим.*

Ты звени, звени нам,
Мать-земля сырая,
О полях и рощах
Голубого края.

Солдаты, солдаты, солдаты –
Сверкающий бич над смерчком.
Кто хочет свободы и братства,
Тому умирать нипочем.

Смыкайтесь же тесной стеною!
Кому ненавистен туман,
Тот солнце корявой рукою
Сорвет на золотой барабан.

Сорвет и пойдет по дорогам
Лить зов над озерами сил –
На тени церквей и острогов,
На белое стадо горилл.

В том зове калмык и татарин
Почуют свой чаемый град,
И черное небо хвостами,
Хвостами коров вспламенят.

Верьте, победа за нами!
Новый берег недалек.
Волны белыми когтями

Золотой скребут песок.

*Скоро, скоро вал последний
Миллионом брызнет лун.
Сердце – свечка за обедней
Пасхе массы и коммун.*

*Ратью смуглой, ратью дружной
Мы идем сплотить весь мир.
Мы идем, и пылью вьюжной
Таает облако горилл.*

*Мы идем, а там, за чащей,
Сквозь белесость и туман
Наш небесный барабаник
Лупит в солнце-барабан.*

1918

Акростих Рюрику Ивневу

*Радость, как плотвица быстрая,
Юрко светит и в воде.
Руки могут церковь выстроить
И кукушке и звезде.
Кайся нивам и черемухам, –
У живущих нет грехов.
Из удачи зыбы промаха
Воют только на коров.
Не зови себя разбойником,*

Если ж чист, так падай в грязь.
Верь – теленку из подоюника
Улыбаются карась.

Утро. 21 января 1919

«В час, когда ночь воткнет...»

*В час, когда ночь воткнет
Луну на черный палец, –
Ах, о ком? ах, кому поет
Про любовь соловей-мерзавец?*

*Разве можно теперь любить,
Когда в сердце стирают зверя?
Мы идем, мы идем продолбить
Новые двери.*

*К черту чувства, слова в навоз,
Только образ и мощь порыва!
Что нам солнце? Весь звездный
обоз –
Золотая струя коллектива.*

*Что нам Индия? Что Толстой?
Этот ветер что был, что не был.
Нынче мужик простой
Пялится ширше неба.*

Январь 1919

«О Боже, Боже, эта глубь...»

*О Боже, Боже, эта глубь –
Твой голубой живот.
Златое солнышко, как пуп,
Глядит в Каспийский рот.*

*Крючками звезд свивая в нить
Лучи, ты ловишь нас
И вершами бросаешь дни
В зрачки озерных глаз.*

*Но в малый вентерь рыбаля
Не заплывает сом.
Не втащит неводом заря
Меня в твой тихий дом.*

*Сойди на землю без порток,
Взбурли всю хлябь и водь,
Смолой кипящею восток
Пролей на нашу плоть.*

*Да опалят уста огня
Людскую страсть и стыд.
Внеси, как голубя, меня
В твой в синих рощах скит.*

1919

«Вот такой, какой есть...»

*Вот такой, какой есть,
Никому ни в чем не уважу,
Золотую плету я песнь,
А лицо иногда в сажу.*

*Говорят, что я большевик.
Да, я рад зауздать землю.
О, какой богомаз мой лик
Начертил, грозовице внемля?*

*Пусть Америка, Лондон пусть...
Разве воды текут обратно?
Это пляшет российская грусть,
На солнце смывая пятна.*

Февраль 1919

Пантократор

*Славь, мой стих, кто ревет и бе-
сится,
Кто хоронит тоску в плече,
Лошадиную морду месяца
Схватить за узду лучей.*

*Тысячи лет те же звезды славят-
ся,
Тем же медом струится плоть.
Не молиться тебе, а лаяться
Научил ты меня, Господь.*

За седины твои кудрявые,
За копейки с золотых осин
Я кричу тебе: «К черту старое!»,
Непокорный, разбойный сын.

И за эти щедроты теплые,
Что сочишь ты дождями в муть,
О, какими, какими метлами
Это солнце с небес стряхнуть?

Там, за млечными холмами,
Средь небесных тополей,
Опрокинулся над нами
Среброструйный Водолей.

Он Медведицей с лазури –
Как из бочки черпаком.
В небо вспрыгнувшая буря
Села месяцу верхом.

В вихре снится сонм умерших,
Молоко дымящий сад,
Вижу, дед мой тянет вершей
Солнце с полдня на закат.

Отче, отче, ты ли внука
Услыхал в сей скорбный срок?
Знать, недаром в сердце мукал

Издыхающий телок.

*Кружися, кружися, кружися,
Чекань твоих дней серебро!
Я понял, что солнце из выси –
В колодезь золотое ведро.*

*С земли на незримую сушу
Отчалить и мне суждено.
Я сам положу мою душу
На это горящее дно.*

*Но знаю – другими очами
Умершие чуют живых.
О, дай нам с земными ключами
Предстать у ворот золотых.*

*Дай с нашей овсяною волей
Засовы чугунные сбить,
С разбега по ровному полю
Заре на закорки вскочить.*

*Сойди, явись нам, красный конь!
Впрягись в земли оглобли.
Нам горьким стало молоко
Под этой ветхой кровлей.*

Пролей, пролей нам над водой

*Твое глухое ржанье
И колокольчиком-звездой
Холодное сиянье.*

*Мы радугу тебе – дугой,
Полярный круг – на сбрую.
О, вывези наш шар земной
На колею иную.*

*Хвостом земле ты прицепись,
С зари отчалься гривой.
За эти тучи, эту высь
Скачи к стране счастливой.*

*И пусть они, те, кто во мгле
Нас пьют лампадой в небе,
Увидят со своих полей,
Что мы к ним в гости едем.*

Февраль 1919

«Душа грустит о небесах...»

*Душа грустит о небесах,
Она нездешних нив жилища.
Люблю, когда на деревьях
Огонь зеленый шевелится.*

*То сучья золотых стволов,
Как свечи, теплятся пред тайной,*

*И расцветают звезды слов
На их листве первоначальной.*

*Понятен мне земли глагол,
Но не стряхну я муку эту,
Как отразивший в водах дол
Вдруг в небе ставшую комету.*

*Так кони не стряхнут хвостами
В хребты их пьющую луну...
О, если б прорасти глазами,
Как эти листья, в глубину.*

1919

Кобыльи корабли

*Если волк на звезду завыл,
Значит, небо тучами изглодано.
Рваные животы кобыл,
Черные паруса воронов.*

*Не просунет когтей лазурь
Из пургового кашля-смирада;
Облетает под ржанье бурь
Черепов златохвойный сад.*

*Слышите ль? Слышите звонкий
стук?
Это грабли зари по пущам.*

Веслами отрубленных рук
Вы гребетесь в страну грядущего.

Плывите, плывите в высь!
Лейте с радуги крик вороний!
Скоро белое дерево сронит
Головы моей желтый лист.

Поле, поле, кого ты зовешь?
Или снится мне сон веселый –
Синей конницей скачет рожь,
Обгоняя леса и села?

Нет, не рожь! скачет по полю
стужа,
Окна выбиты, настезь двери.
Даже солнце мерзнет, как лужа,
Которую напрудил мерин.

Кто это? Русь моя, кто ты? кто?
Чей черпак в снегов твоих накупь?
На дорогах голодным ртом
Сосут край зари собаки.

Им не нужно бежать в «туда» –
Здесь, с людьми бы теплей
ужиться.
Бог ребенка волчице дал,

Человек съел дитя волчицы.

О, кого же, кого же петь
В этом бешеном зареве трупов?
Посмотрите: у женщин третий
Вылупляется глаз из пула.

Вон он! Вылез, глядит луной,
Не увидит ли помясистой кости.
Видно, в смех над самим собой
Пел я песнь о чудесной гостье.

Где же те? где еще одиннадцать,
Что светильники сисек жгут?
Если хочешь, поэт, жениться,
Так женись на овце в хлеву.

Причащайся соломой и шерстью,
Тепли песней словесный воск.
Злой октябрь осыпает перстни
С коричневых рук берез.

Звери, звери, приходите ко мне
В чашки рук моих злобу выпла-
кать!
Не пора ль перестать луне
В небесах облака лакать?

Сестры-суки и братья-кобели,
Я, как вы, у людей в загоне.
Не нужны мне кобыл корабли
И паруса вороны.

Если голод с разрушенных стен
Вцепится в мои волосы, –
Половину ноги моей сам съем,
Половину отдам вам высасывать.

Никуда не пойду с людьми,
Лучше вместе издохнуть с вами,
Чем с любимой поднять земли
В сумасшедшего ближнего ка-
мень.

Буду петь, буду петь, буду петь!
Не обижу ни козы, ни зайца.
Если можно о чем скорбеть,
Значит, можно чему улыбаться.

Все мы яблоко радости носим,
И разбойный нам близок свист.
Срежет мудрый садовник осень
Головы моей желтый лист.

В сад зари лишь одна стезя,
Сгложет рощи октябрьский ветер.

*Все познать, ничего не взять
Пришел в этот мир поэт.*

*Он пришел целовать коров,
Слушать сердцем овсяный хруст.
Глубже, глубже, серпы стихов!
Сыпь черемухой, солнце-куст!*

Сентябрь 1919

Хулиган

*Дождик мокрыми метлами чи-
стит
Ивняковый помет по лугам.
Плюйся, ветер, охапками ли-
сьев, –
Я такой же, как ты, хулиган.*

*Я люблю, когда синие чащи,
Как с тяжелой походкой вольты,
Животами, листвою хрипящими,
По коленкам марают стволы.*

*Вот оно, мое стадо рыжее!
Кто ж воспеть его лучше мог?
Вижу, вижу, как сумерки лижут
Следы человеческих ног.*

Русь моя, деревянная Русь!

Я один твой певич и глашатай.
Звериных стихов моих грусть
Я кормил резедой и мятой.

Взбрезжи, полночь, луны кувшин
Зачерпнуть молока берез!
Словно хочет кого придушить
Руками крестов погост!

Бродит черная жуть по холмам,
Злобу вора струит в наш сад,
Только сам я разбойник и хам
И по крови степной конокрад.

Кто видал, как в ночи кипит
Кипяченых черемух рать?
Мне бы в ночь в голубой степи
Где-нибудь с кистенем стоять.

Ах, увял головы моей куст,
Засосал меня песенный плен.
Осужден я на каторге чувств
Вертеть жернова поэм.

Но не бойся, безумный ветер,
Плюй спокойно листвой по лугам.
Не сотрет меня кличка «поэт»,
Я и в песнях, как ты, хулиган.

1920

«Ветры, ветры, о снежные ветры...»

*Ветры, ветры, о снежные ветры,
Заметите мою прошлую жизнь.
Я хочу быть отроком светлым
Иль цветком с луговой межи.*

*Я хочу под гудок пастуший
Умереть для себя и для всех.
Колокольчики звездные в уши
Насыпает вечерный снег.*

*Хороша бестуманная трель его,
Когда топит он боль в пурге.
Я хотел бы стоять, как дерево,
При дороге на одной ноге.*

*Я хотел бы под конские храпы
Обниматься с соседним кустом.
Подымайте ж вы, лунные лапы,
Мою грусть в небеса ведром.*

1919

«Я последний поэт деревни...»

Мариенгофу

Я последний поэт деревни,

Скромен в песнях дощатый мост.
За прощальной стою обедней
Кадящих листвой берез.

Догорит золотистым пламенем
Из телесного воска свеча,
И луны часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час.

На тропу голубого поля
Скоро выйдет железный гость.
Злак овсяный, зарею пролитый,
Соберет его черная горсть.

Не живые, чужие ладони,
Этим песням при вас не жить!
Только будут колосья-кони
О хозяине старом тужить.

Будет ветер сосать их ржанье,
Панихидный справляя пляс.
Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час!

1920

«По-осеннему кычет сова»

По-осеннему кычет сова
Над раздольем дорожной рани.

*Облетает моя голова,
Куст волос золотистый вянет.*

*Полевое, степное «ку-гу»,
Здравствуй, мать голубая осина!
Скоро месяц, купаясь в снегу,
Сядет в редкие кудри сына.*

*Скоро мне без листвы холодеть,
Звоном звезд насыпая уши.
Без меня будут юноши петь,
Не меня будут старцы слушать.*

*Новый с поля придет поэт,
В новом лес огласится свисте.
По-осеннему сыплет ветер,
По-осеннему шепчут листья.*

1920

Сорокоуст

А. Мариенгофу

*Трубит, трубит погибельный рог!
Как же быть, как же быть те-
перь нам
На измызганных ляжках дорог?*

Вы, любители песенных блох,

Не хотите ль пососать у мерина?

*Полно кротостью мордищ празд-
ниться,*

Любо ль, не любо ль – знай бери.

*Хорошо, когда сумерки дразнятся
И всыпают вам в толстые задни-
цы*

Окровавленный веник зари.

*Скоро заморозь известью выбе-
лит*

Тот поселок и эти луга.

*Никуда вам не скрыться от гиле-
ли,*

Никуда не уйти от врага.

*Вот он, вот он с железным брю-
хом,*

*Тянет к глоткам равнин пятер-
ню,*

Водит старая мельница ухом,

Навострив мукомольный нюх.

И дворовый молчальник бык,

*Что весь мозг свой на телок про-
лил,*

Вытирая о прясло язык,

Почуял беду над полем.

Ах, не с того ли за селом
Так плачет жалостно гармони-
ка:

Таля-ля-ля, тили-ли-гом
Висит над белым подоконником.
И желтый ветер осенницы
Не потому ль, синь рябью тронув,
Как будто бы с коней скребницей,
Очесывает листья с кленов.
Идет, идет он, страшный вест-
ник,
Пятой громоздкой чащи ломит.
И все сильнее тоскуют песни
Под лягушиный писк в соломе.
О, электрический восход,
Ремней и труб глухая хватка,
Се изб древенчатый живот
Трясет стальная лихорадка!

Видели ли вы,
Как бежит по степям,
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поезд?

А за ним
По большой траве,
Как на празднике отчаянных го-

нок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребенок?

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых
коней
Победила стальная конница?
Неужель он не знает, что в полях
бессиянных
Той поры не вернет его бег,
Когда пару красивых степных рос-
сиянок
Отдавал за коня печенег?
По-иному судьба на торгах пере-
красила
Наш разбуженный скрежетом
плес,
И за тыщи пудов конской кожи
и мяса
Покупают теперь паровоз.

Черт бы взял тебя, скверный
гость!
Наша песня с тобой не сживется.
Жаль, что в детстве тебя не при-
шлось

Утопить, как ведро в колодце.
Хорошо им стоять и смотреть,
Красить рты в жестяных поцелу-
ях, –
Только мне, как псаломщику,
петь
Над родимой страной аллилуйя.
Оттого-то в сентябрьскую ск-
лень
На сухой и холодный суглинок,
Головой разmozжась о плетень,
Облилась кровью ягод рябина.
Оттого-то выросла тужиль
В переборы тальянки звонкой.
И соломой пропахший мужик
Захлебнулся лихой самогонкой.

1920

Исповедь хулигана

Не каждый умеет петь,
Не каждому дано яблоком
Падать к чужим ногам.

Сие есть самая великая исповедь,
Которой исповедуется хулиган.

Я нарочно иду нечесанным,
С головой, как керосиновая лампа,

на плечах.
Ваших душ безлиственную осень
Мне нравится в потемках освещать.
Мне нравится, когда каменья брани
Летят в меня, как град рыгающей грозы,
Я только крепче жму тогда руками
Моих волос качнувшийся пузырь.

Так хорошо тогда мне вспоминать
Заросший пруд и хриплый звон ольхи,
Что где-то у меня живут отец и мать,
Которым наплевать на все мои стихи,
Которым дорог я, как поле и как плоть,
Как дождик, что весной взрыхляет зеленыя.
Они бы вилами пришли вас заколоть
За каждый крик ваш, брошенный в меня.

*Бедные, бедные крестьяне!
Вы, наверно, стали некрасивыми,
Так же боитесь Бога и болотных
недр.*

*О, если б вы понимали,
Что сын ваш в России
Самый лучший поэт!
Вы ль за жизнь его сердцем не ин-
девели,
Когда босые ноги он в лужах осен-
них макал?
А теперь он ходит в цилиндре
И лакированных башмаках.*

*Но живет в нем задор прежней
вправки
Деревенского озорника.
Каждой корове с вывески мясной
лавки
Он кланяется издалека.
И, встречаясь с извозчиками
на площади,
Вспоминая запах навоза с родных
полей,
Он готов нести хвост каждой ло-
шади,
Как венчального платья шлейф.*

Я люблю родину.
Я очень люблю родину!
Хоть есть в ней грусти ивовая
ржавь.
Приятны мне свиней испачканные
морды
И в тишине ночной звенящий го-
лос жаб.
Я нежно болен вспоминаньем
детства,
Апрельских вечеров мне снится
хмарь и сырь.
Как будто бы на корточки по-
греться
Присел наш клен перед костром
зари.
О, сколько я на нем яиц из гнезд
вороньих,
Карабкаясь по сучьям, воровал!
Все тот же ль он теперь, с вер-
хушкою зеленой?
По-прежнему ль крепка его кора?

А ты, любимый,
Верный пегий пес?!
От старости ты стал визглив
и слеп
И бродишь по двору, влача обвис-

ший хвост,
Забыв чутьем, где двери и где
хлев.
О, как мне дороги все те проказы,
Когда, у матери стянув краюху
хлеба,
Кусали мы с тобой ее по разу,
Ни капельки друг другом не погребав.

Я все такой же.
Сердцем я все такой же.
Как васильки во ржи, цветут в ли-
це глаза.
Стеля стихов злаченные рогожи,
Мне хочется вам нежное сказать.

Спокойной ночи!
Всем вам спокойной ночи!
Отзвенела по траве сумерек зари
коса...
Мне сегодня хочется очень
Из окошка лу-
ну.....

Синий свет, свет такой синий!
В эту синь даже умереть
не жаль.

Ну так что ж, что кажусь я ци-
ником,
Прицепившим к заднице фонарь!
Старый, добрый, заезженный Пе-
гас,
Мне ль нужна твоя мягкая рысь?
Я пришел, как суровый мастер,
Воспеть и прославить крыс.
Башка моя, словно август,
Льется бурливых волос вином.

Я хочу быть желтым парусом
В ту страну, куда мы плывем.

Ноябрь 1920

Песнь о хлебе

Вот она, суровая жестокость,
Где весь смысл – страдания лю-
дей!

Режет серп тяжелые колосья,
Как под горло режут лебедей.

Наше поле издавна знакомо
С августовской дрожью поутру.
Перевязана в снопы солома,
Каждый сноп лежит, как жел-
тый труп.

На телегах, как на катафалках,
Их везут в могильный склеп –
овин.

Словно дьякон, на кобылу гаркнув,
Чтит возница погребальный чин.

А потом их бережно, без злости,
Головами стелют по земле
И цепами маленькие кости
Выбивают из худых телес.

Никому и в голову не встанет,
Что солома – это тоже плоть!..
Людоедке-мельнице – зубами
В рот суют те кости обмолоть.

И, из мелева заквашивая тесто,
Выпекают груды вкусных яств...
Вот тогда-то входит яд белесый
В жбан желудка яйца злобы
класть.

Все побои ржи в припек окрасив,
Грубость жнущих сжав в духмя-
ный сок,
Он вкушающим соломенное мясо
Отравляет жернова кишок.

*И свистят по всей стране,
как осень,
Шарлатан, убийца и злодей...
Оттого что режет серп колосья,
Как под горло режут лебедей.*

1921

**«Мир таинственный, мир мой
древний...»**

*Мир таинственный, мир мой
древний,
Ты, как ветер, затих и присел.
Вот сдавили за шею деревню
Каменные руки шоссе.*

*Так испуганно в снежную выбель
Заметалась звенящая жуть.
Здравствуй ты, моя черная ги-
бель,
Я навстречу к тебе выхожу!*

*Город, город, ты в схватке жесто-
кой
Окрестил нас как падаль и мразь.
Стынет поле в тоске волоокой,
Телеграфными столбами давясь.*

Жилист мускул у дьяволь-

ской выи,
И легка ей чугунная гать.
Ну, да что же? Ведь нам не впер-
вые
И расшатываться и пропадать.

Пусть для сердца тягуче колко,
Это песня звериных прав!..
...Так охотники травят волка,
Зажимая в тиски облав.

Зверь припал... и из пасмурных
недр
Кто-то спустит сейчас курки...
Вдруг прыжок... и двуногого
недруга
Раздирают на части клыки.

О, привет тебе, зверь мой люби-
мый!
Ты не даром даешься ножу!
Как и ты – я, отвсюду гонимый,
Средь железных врагов прохожу.

Как и ты – я всегда наготове,
И хоть слышу победный рожок,
Но отпробует вражеской крови
Мой последний, смертельный

прыжок.

*И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зареюсь в снегу...
Все же песню отмщенья за гибель
Пропеют мне на том берегу.*

1921

«Сторона ль ты моя, сторона!..»

*Сторона ль ты моя, сторона!
Дождевое, осеннее олово.
В черной луже продрогший фо-
нарь
Отражает безгубую голову.*

*Нет, уж лучше мне не смотреть,
Чтобы вдруг не увидеть хужего.
Я на всю эту ржавую мреть
Буду щурить глаза и суживать.*

*Так немного теплей и безбольней.
Посмотри: меж скелетов домов,
Словно мельник, несет колоколь-
ня
Медные мешки колоколов.*

*Если голоден ты – будешь сытым.
Коль несчастен – то весел и рад.*

*Только лишь не гляди открыто,
Мой земной неизвестный брат.*

*Как подумал я – так и сделал,
Но увы! Все одно и то ж!
Видно, слишком привыкло тело
Ощущать эту стужу и дрожь.*

*Ну, да что же? Ведь много про-
чих,
Не один я в миру живой!
А фонарь то мигнет, то захохо-
чет
Безгубой своей головой.*

*Только сердце под ветхой одеж-
дой
Шепчет мне, посетившему
твердь:
«Друг мой, друг мой, прозревшие
вежды
Закрывает одна лишь смерть».*

1921

«Не жалею, не зову, не плачу...»

*Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яб-
лонь дым.*

Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь
биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий! ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя? иль ты присни-
лась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тлен-
ны,
Тихо льется с кленов листьев
медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветать и уме-
реть.

1921

«Все живое особой метой...»

*Все живое особой метой
Отмечается с ранних пор.
Если не был бы я поэтом,
То, наверно, был мошенник и вор.*

*Худощавый и низкорослый,
Средь мальчишек всегда герой,
Часто, часто с разбитым носом
Приходил я к себе домой.*

*И навстречу испуганной маме
Я цедил сквозь кровавый рот:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет».*

*И теперь вот, когда простыла
Этих дней кипяtkовая вязь,
Беспокойная, дерзкая сила
На поэмы мои пролилась.*

*Золотая, словесная груда,
И над каждой строкой без конца
Отражается прежняя удадь
Забияки и сорванца.*

*Как тогда, я отважный и гордый,
Только новью мой брызжет шаг...*

*Если раньше мне били в морду,
То теперь вся в крови душа.*

*И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохочущий сброд:
«Ничего! я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет!»*

1922

Прощание с Мариенгофом

*Есть в дружбе счастье оголтелое
И судорога буйных чувств –
Огонь растапливает тело,
Как стеариновую свечу.*

*Возлюбленный мой! дай мне ру-
ки –
Я по-иному не привык, –
Хочу омыть их в час разлуки
Я желтой пеной головы.*

*Ах, Толя, Толя, ты ли, ты ли,
В который миг, в который раз –
Опять, как молоко, застыли
Круги недвижущихся глаз.*

*Прощай, прощай. В пожарах лун-
ных*

Дождусь ли радостного дня?
Среди прославленных и юных
Ты был всех лучше для меня.

В такой-то срок, в таком-то годе
Мы встретимся, быть может,
вновь...

Мне страшно, – ведь душа прохо-
дит,
Как молодость и как любовь.

Другой в тебе меня заглушит.
Не потому ли – в лад речам –
Мои рыдающие уши,
Как весла, плещут по плечам?

Прощай, прощай. В пожарах лун-
ных
Не зреть мне радостного дня,
Но все ж средь трепетных и юных
Ты был всех лучше для меня.

1922

«Не ругайтесь. Такое дело!..»

Не ругайтесь. Такое дело!
Не торговец я на слова.
Запрокинулась и отяжелела
Золотая моя голова.

Нет любви ни к деревне, ни к горо-
ду,
Как же смог я ее донести?
Брошу все. Отпущу себе бороду
И бродягой пойду по Руси.

Позабуду поэмы и книги,
Перекину за плечи суму,
Оттого что в полях забулдыге
Ветер больше поет, чем кому.

Провоняю я редькой и луком
И, тревожа вечернюю гладь,
Буду громко сморкаться в руку
И во всем дурака валять.

И не нужно мне лучшей удачи,
Лишь забыться и слушать пургу,
Оттого что без этих чудачеств
Я прожить на земле не могу.

1922

«Я обманывать себя не стану...»

Я обманывать себя не стану,
Залегла забота в сердце мгли-
стом.
Отчего прослыл я шарлатаном?
Отчего прослыл я скандалистом?

Не злодей я и не грабил лесом,
Не расстреливал несчастных
по темницам.
Я всего лишь уличный повеса,
Улыбающийся встречным лицам.

Я московский озорной гуляка.
По всему тверскому околотку
В переулках каждая собака
Знает мою легкую походку.

Каждая задрипанная лошадь
Головой кивает мне навстречу.
Для зверей приятель я хороший,
Каждый стих мой душу зверя ле-
чит.

Я хожу в цилиндре не для жен-
щин –
В глупой страсти сердце жить
не в силе, –
В нем удобней, грусть свою умень-
шив,
Золото овса давать кобыле.

Средь людей я дружбы не имею,
Я иному покорился царству.
Каждому здесь кобелю на шею

*Я готов отдать мой лучший гал-
стук.*

*И теперь уж я болеть не стану.
Прояснилась омутъ в сердце
мглистом.*

*Оттого прослыл я шарлатаном,
Оттого прослыл я скандали-
стом.*

1922

«Да! Теперь решено. Без возврата...»

*Да! Теперь решено. Без возврата
Я покинул родные поля.
Уж не будут листвою крылатой
Надо мною звенеть тополя.*

*Низкий дом без меня ссутулится,
Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне Бог.*

*Я люблю этот город вязевый,
Пусть обрюзг он и пусть одрях.
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах.*

А когда ночью светит месяц,

Когда светит... черт знает как!
Я иду, головою свесясь,
Переулком в знакомый кабак.

Шум и гам в этом логове жуток-
ком,
Но всю ночь напролет, до зари,
Я читаю стихи проституткам
И с бандитами жарю спирт.

Сердце бьется все чаще и чаще,
И уж я говорю невпопад:
«Я такой же, как вы, пропащий,
Мне теперь не уйти назад».

Низкий дом без меня ссутулится,
Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне Бог.

1922

«Снова пьют здесь, дерутся и плачут...»

Снова пьют здесь, дерутся и плачут
Под гармоники желтую грусть.
Проклинают свои неудачи,
Вспоминают московскую Русь.

И я сам, опустясь головою,
Заливаю глаза вином,
Чтоб не видеть в лицо роковое,
Чтоб подумать хоть миг
об ином.

Что-то всеми навек утрачено.
Май мой синий! Июнь голубой!
Не с того ль так чадит мертвя-
чиной
Над пропащею этой гульбой.

Ах, сегодня так весело россам,
Самогонного спирта – река.
Гармонист с провалившимся но-
сом
Им про Волгу поет и про Чека.

Что-то злое во взорах безумных,
Непокорное в громких речах.
Жалко им тех дурашливых, юных,
Что сгубили свою жизнь сгоряча.

Жалко им, что октябрь суровый
Обманул их в своей пурге,
И уж удалью точится новой
Крепко спрятанный нож в сапоге.

*Где ж вы те, что ушли далече?
Ярко ль светят вам наши лучи?
Гармонист спиртом сифилис ле-
чит,
Что в киргизских степях получил.*

*Нет! таких не подмять, не рассе-
ять!
Бесшабашность им гнилью дана.
Ты, Рассея моя... Рас...сея...
Азиатская сторона!*

1922

«Сыпь, гармоника. Скука... Скука...»

*Сыпь, гармоника. Скука... Скука...
Гармонист пальцы льет волной.
Пей со мною, паршивая сука,
Пей со мной.*

*Излюбили тебя, измызгали –
Невтерпеж.
Что ж ты смотришь так синими
брызгами?
Иль в морду хошь?*

*В огород бы тебя на чучело,
Пугать ворон.
До печенок меня замучила*

Со всех сторон.

*Сыпь, гармоника. Сыпь,
моя частая.*

Пей, выдра, пей.

*Мне бы лучше вон ту, сисястую, –
Она глупей.*

Я средь женщин тебя не первую...

Немало вас,

*Но с такой вот, как ты, со стер-
вою*

Лишь в первый раз.

Чем больше, тем звонче,

То здесь, то там.

Я с собой не покончу,

Иди к чертям.

К вашей своре собачьей

Пора простыть.

Дорогая, я плачу,

Прости... прости...

1922

«Пой же, пой. На проклятой гитаре...»

*Пой же, пой. На проклятой гита-
ре*

Пальцы пляшут твои в полукруг.
Захлебнуться бы в этом угаре,
Мой последний, единственный
друг.

Не гляди на ее запястья
И с плечей ее льющийся шелк.
Я искал в этой женщине счастья,
А нечаянно гибель нашел.

Я не знал, что любовь – зараза,
Я не знал, что любовь – чума.
Подошла и прищуренным глазом
Хулигана свела с ума.

Пой, мой друг. Навей мне снова
Нашу прежнюю буйную рань.
Пусть целует она другова,
Молодая красивая дрянь.

Ах, постой. Я ее не ругаю.
Ах, постой. Я ее не кляну,
Дай тебе про себя я сыграю
Под басовую эту струну.

Льется дней моих розовый купол.
В сердце снов золотых сума.
Много девушек я перешупал,

Много женщин в углах прижиз-
мал.

Да! есть горькая правда земли,
Подсмотрел я ребяческим оком:
Лижут в очередь кобели
Истекающую суку соком.

Так чего ж мне ее ревновать.
Так чего ж мне болеть такому.
Наша жизнь – простыня да кро-
вать.
Наша жизнь – поцелуй да в омут.

Пой же, пой! В роковом размахе
Этих рук роковая беда.
Только знаешь, пошли их на хер...
Не умру я, мой друг, никогда.

1922

«Грубым дается радость...»

Грубым дается радость.
Нежным дается печаль.
Мне ничего не надо,
Мне никого не жаль.

Жаль мне себя немного,
Жалко бездомных собак.

Эта прямая дорога
Меня привела в кабак.

Что ж вы ругаетесь, дьяволы?
Иль я не сын страны?
Каждый из нас закладывал
За рюмку свои штаны.

Мутно гляжу на окна.
В сердце тоска и зной.
Катится, в солнце измокнув,
Улица передо мной.

А на улице мальчик сопливый.
Воздух поджарен и сух.
Мальчик такой счастливый
И ковыряет в носу.

Ковыряй, ковыряй, мой милый,
Суй туда палец весь,
Только вот с эфтой силой
В душу свою не лезь.

Я уж готов. Я робкий.
Глянь на бутылок рать!
Я собираю пробки –
Душу мою затыкать.

1923?

«Эта улица мне знакома»

*Эта улица мне знакома,
И знаком этот низенький дом.
Проводов голубая солома
Опрокинулась над окном.*

*Были годы тяжелых бедствий,
Годы буйных, безумных сил.
Вспомнил я деревенское детство,
Вспомнил я деревенскую синь.*

*Не искал я ни славы, ни покоя,
Я с тщетой этой славы знаком.
А сейчас, как глаза закрою,
Вижу только родительский дом.*

*Вижу сад в голубых накрапах,
Тихо август прилег ко плетню.
Держат липы в зеленых лапах
Птичий гомон и щебетню.*

*Я любил этот дом деревянный,
В бревнах теплилась грозная
морщь,
Наша печь как-то дико и странно
Завывала в дождливую ночь.*

Голос громкий и всхлипень зыч-

ный,
Как о ком-то погибшем, живом.
Что он видел, верблюдов кирпич-
ный,
В завывании дождевом?

Видно, видел он дальние страны,
Сон другой и цветущей поры,
Золотые пески Афганистана
И стеклянную хмарь Бухары.

Ах, и я эти страны знаю –
Сам немалый прошел там путь.
Только ближе к родимому краю
Мне б хотелось теперь повер-
нуть.

Но угасла та нежная дрема,
Все истлело в дыму голубом.
Мир тебе – полевая солома,
Мир тебе – деревянный дом!

1923

«Мне осталась одна забава...»

Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот – и веселый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.

Ах! какая смешная потеря!
Много в жизни смешных потерь.
Стыдно мне, что я в Бога верил.
Горько мне, что не верю теперь.

Золотые, далекие дали!
Все сжигает житейская мреть.
И похабничал я и скандалил
Для того, чтобы ярче гореть.

Дар поэта – ласкать и карябать,
Роковая на нем печать.
Розу белую с черною жабой
Я хотел на земле повенчать.

Пусть не сладились, пусть не сбы-
лись
Эти помыслы розовых дней.
Но коль черти в душе гнездились –
Значит, ангелы жили в ней.

Вот за это веселие мути,
Отправляясь с ней в край иной,
Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет
со мной, –

Чтоб за все за грехи мои тяжкие,

*За неверие в благодать
Положили меня в русской рубаш-
ке
Под иконами умирать.*

1923

«Заметался пожар голубой...»

*Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь сканда-
лить.*

*Был я весь – как запущенный сад,
Был на женщин и зелие падкий.
Разонравилось пить и плясать
И терять свою жизнь без огляд-
ки.*

*Мне бы только смотреть на те-
бя,
Видеть глаз злато-карий омут,
И чтоб, прошлое не любя,
Ты уйти не смогла к другому.*

*Поступь нежная, легкий стан,
Если б знала ты сердцем упор-
ным,*

Как умеет любить хулиган,
Как умеет он быть покорным.

Я б навеки забыл кабаки
И стихи бы писать забросил,
Только б тонко касаться руки
И волос твоих цветом в осень.

Я б навеки пошел за тобой
Хоть в свои, хоть в чужие дали...
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь сканда-
лить.

1923

«Ты такая ж простая, как все...»

Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.
Знаешь ты одинокий рассвет,
Знаешь холод осени синий.

По-смешному я сердцем влип,
Я по-глупому мысли занял.
Твой иконный и строгий лик
По часовням висел в рязанях.

Я на эти иконы плевал,
Чтил я грубость и крик в повесе,

*А теперь вдруг растут слова
Самых нежных и кротких песен.*

*Не хочу я лететь в зенит,
Слишком многое телу надо.
Что ж так имя твое звенит,
Словно августовская прохлада?*

*Я не нищий, ни жалок, ни мал
И умею расслышать за пылом:
С детства нравиться я понимал
Кобелям да степным кобылам.*

*Потому и себя не сберег
Для тебя, для нее и для этой.
Невеселого счастья залог –
Сумасшедшее сердце поэта.*

*Потому и грущу, осев,
Словно в листья в глаза косые...
Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.*

1923

«Пускай ты выпита другим...»

*Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым*

И глаз осенняя усталость.

*О возраст осени! Он мне
Дороже юности и лета.
Ты стала нравиться вдвойне
Воображению поэта.*

*Я сердцем никогда не лгу,
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиганством.*

*Пора расстаться с озорной
И непокорною отвагой.
Уж сердце наполнилось иной,
Кровь отрезвляющею брагой.*

*И мне в окошко постучал
Сентябрь багряной веткой ивы,
Чтоб я готов был и встречал
Его приход неприхотливый.*

*Теперь со многим я мирюсь
Без принужденья, без утраты.
Иною кажется мне Русь,
Иными – кладбища и хаты.*

Прозрачно я смотрю вокруг

*И вижу, там ли, здесь ли, где-то ль,
Что ты одна, сестра и друг,
Могла быть спутницей поэта.*

*Что я одной тебе бы мог,
Воспитываясь в постоянстве,
Пропеть о сумерках дорог
И уходящем хулиганстве.*

1923

«Дорогая, сядем рядом...»

*Дорогая, сядем рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.*

*Это золото осеннее,
Эта прядь волос белесых –
Все явилось, как спасенье
Беспокойного повесы.*

*Я давно мой край оставил,
Где цветут луга и чащи.
В городской и горькой славе
Я хотел прожить пропащим.*

Я хотел, чтоб сердце глуше

*Вспоминало сад и лето,
Где под музыку лягушек
Я растил себя поэтом.*

*Там теперь такая ж осень...
Клен и липы в окна комнат,
Ветки лапами забросив,
Ищут тех, которых помнят.*

*Их давно уж нет на свете.
Месяц на простом погосте
На крестах лучами метит,
Что и мы придем к ним в гости,*

*Что и мы, отжив тревоги,
Перейдем под эти кущи.
Все волнистые дороги
Только радость льют живущим.*

*Дорогая, сядь же рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.*

1923

«Мне грустно на тебя смотреть...»

*Мне грустно на тебя смотреть,
Какая боль, какая жалость!*

Знать, только ивовая медь
Нам в сентябре с тобой оста-
лась.

Чужие губы разнесли
Твое тепло и трепет тела.
Как будто дождик моросит
С души, немного омертвелой.

Ну что ж! Я не боюсь его.
Иная радость мне открылась.
Ведь не осталось ничего,
Как только желтый тлен и сы-
рость.

Ведь и себя я не сберег
Для тихой жизни, для улыбок.
Так мало пройдено дорог,
Так много сделано ошибок.

Смешная жизнь, смешной разлад.
Так было и так будет после.
Как кладбище, усеян сад
В берез изглоданные кости.

Вот так же отцветем и мы
И отшумим, как гости сада...
Коль нет цветов среди зимы,

Так и грустить о них не надо.

1923

«Ты прохладой меня не мучай...»

*Ты прохладой меня не мучай
И не спрашивай, сколько мне лет,
Одержимый тяжелой падучей,
Я душой стал, как желтый скелет.*

*Было время, когда из предместья
Я мечтал по-мальчишески –
в дым,
Что я буду богат и известен
И что всеми я буду любим.*

*Да! Богат я, богат с излишком.
Был цилиндр, а теперь его нет.
Лишь осталась одна манишка
С модной парой избитых штиблет.*

*И известность моя не хуже, –
От Москвы по парижскую рвань
Мое имя наводит ужас,
Как заборная, громкая брань.*

И любовь, не забавное ль дело?

Ты целуешь, а губы как жемчуг,
Знаю, чувство мое перезрело,
А твое не сумеет расцвести.

Мне пока горевать еще рано,
Ну, а если есть грусть – не беда!
Золотей твоих кос по курганам
Молодая шумит лебеда.

Я хотел бы опять в ту мест-
ность,
Чтоб под шум молодой лебеды
Утонуть навсегда в неизвест-
ность
И мечтать по-мальчишески –
в дым.

Но мечтать о другом, о новом,
Непонятном земле и траве,
Что не выразить сердцу словом
И не знает назвать человек.

1923

«Вечер черные брови насопил...»

Вечер черные брови насопил.
Чьи-то кони стоят у двора.
Не вчера ли я молодость пропил?
Разлюбил ли тебя не вчера?

*Не храни, запоздалая тройка!
Наша жизнь пронеслась без следа.
Может, завтра больничная койка
Упокоит меня навсегда.*

*Может, завтра совсем по-друго-
му
Я уйду, исцеленный навек,
Слушать песни дождей и черемух,
Чем здоровый живет человек.*

*Позабуду я мрачные силы,
Что терзали меня, губя.
Облик ласковый! Облик милый!
Лишь одну не забуду тебя.*

*Пусть я буду любить другую,
Но и с нею, с любимой, с другой,
Расскажу про тебя, дорогую,
Что когда-то я звал дорогой.*

*Расскажу, как текла бывшая
Наша жизнь, что былой не была...
Голова ль ты моя удалая,
До чего ж ты меня довела?*

1923

Папиросники

Улицы печальные,
Сугробы да мороз.
Сорванцы отчаянные
С лотками папирос.
Грязных улиц странники
В забаве злой игры,
Все они – карманники,
Веселые воры.
Тех площадь – на Никитской,
А этих – на Тверской.
Стоят с тоскливым свистом
Они там день-деньской.
Снуют по всем притонам
И, улучив досуг,
Читают Пинкертона
За кружкой пива вслух.
Пускай от пива горько,
Они без пива – вдрызг.
Все бредят Нью-Йорком,
Всех тянет в Сан-Франциск.
Потом опять печально
Выходят на мороз
Сорванцы отчаянные
С лотками папирос.

1923

«Я усталым таким еще не был...»

Я усталым таким еще не был.

*В эту серую морозь и слизь
Мне приснилось рязанское небо
И моя непутевая жизнь.*

*Много женщин меня любило,
Да и сам я любил не одну,
Не от этого ль темная сила
Приучила меня к вину.*

*Бесконечные пьяные ночи
И в разгуле тоска не впервые!
Не с того ли глаза мне точит,
Словно синие листья червь?*

*Не больна мне ничья измена,
И не радуется легкость побед, –
Тех волос золотое сено
Превращается в серый цвет.*

*Превращается в пепел и воды,
Когда цедит осенняя муть.
Мне не жаль вас, прошедшие го-
ды, –
Ничего не хочу вернуть.*

*Я устал себя мучить бесцельно,
И с улыбкою странной лица
Полюбил я носить в легком теле*

Тихий свет и покой мертвеца...

*И теперь даже стало не тяжело
Ковылять из притона в притон,
Как в смирительную рубашку,
Мы природу берем в бетон.*

*И во мне, вот по тем же законам,
Умиряется бешеный пыл.
Но и все ж отношусь я с покло-
ном
К тем полям, что когда-то лю-
бил.*

*В те края, где я рос под кленом,
Где резвился на желтой траве, –
Шлю привет воробьям, и воро-
нам,
И рыдающей в ночь сове.*

*Я кричу им в весенние дали:
«Птицы милые, в синюю дрожь
Передайте, что я отскандалил, –
Пусть хоть ветер теперь начина-
ет
Под микитки дубасить рожь».*

1923?

«Годы молодые с забубенной славой...»

Годы молодые с забубенной сла-
вой,
Отравил я сам вас горькою отра-
вой.

Я не знаю: мой конец близок ли,
далек ли,
Были синие глаза, да теперь по-
блекли.

Где ты, радость? Темь и жуть,
грустно и обидно.
В поле, что ли? В кабаке? Ничего
не видно.

Руки вытяну – и вот слушаю
на ощупь:
Едем... кони... сани... снег... проез-
жаем рошу.

«Эй, ямщик, неси вовсю! Чай, рож-
ден не слабым!
Душу вытрясти не жаль по та-
ким ухабам».

А ямщик в ответ одно: «По такой
метели

Очень страшно, чтоб в пути лошади вспотели».

«Ты, ямщик, я вижу, трус.
Это не с руки нам!»

Взял я кнут и ну стегать по лошажьим спинам.

Бью, а кони, как метель, снег разносят в хлопья.

Вдруг толчок... и из саней прямо на сугроб я.

Встал и вижу: что за черт – вместо бойкой тройки...

Забинтованный лежу на больничной койке.

И заместо лошадей по дороге тряской

Бью я жесткую кровать мокрою повязкой.

На лице часов в усы закрутились стрелки.

Наклонились надо мной сонные сиделки.

Наклонились и хрипят: «Эх ты,
златоглавый,
Отравил ты сам себя горькою
отравой».

Мы не знаем, твой конец бли-
зок ли, далек ли, –
Синие твои глаза в кабаках про-
мокли».

1924

Письмо матери

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей из-
бушкой
Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тая трево-
гу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж:
Будто кто-то мне в кабацкой
драке

Саданул под сердце финский нож.

*Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.*

*Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.*

*Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.*

*Не буди того, что отмечталось,
Не волнуй того, что не сбылось, –
Слишком раннюю утрату и уста-
лость
Испытать мне в жизни приве-
лось.*

*И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.*

Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

1924

«Мы теперь уходим понемногу...»

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благо-
дать.
Может быть, и скоро мне в доро-
гу
Бренные пожитки собирать.

Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.

Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую воду.

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал

и жил.

*Счастлив тем, что целовал я
женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших мень-
ших,
Никогда не бил по голове.*

*Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит лебяжьей шеей рожь.
Оттого пред сонмом уходящих
Я всегда испытываю дрожь.*

*Знаю я, что в той стране не бу-
дет
Этих нив, златящихся во мгле,
Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.*

1924

Пушкину

*Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой.*

Блондинистый, почти белесый,

*В легендах ставший как туман,
О Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган.*

*Но эти милые забавы
Не затемнили образ твой,
И в бронзе выкованной славы
Трясешь ты гордой головой.*

*А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.*

*Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь...
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.*

1924

«Издатель славный! В этой книге...»

*Издатель славный! В этой книге
Я новым чувствам предаюсь,
Учусь постигнуть в каждом миге
Коммуной вздыбленную Русь.*

*Пускай о многом неумело
Шептал бумаге карандаш,*

*Душа спросонок хрипло пела,
Не понимая праздник наш.*

*Но ты видением поэта
Прочтешь не в буквах, а в другом,
Что в той стране, где власть Со-
ветов,
Не пишут старым языком.*

*И, разбирая опыт смелый,
Меня насмешке не предашь, –
Лишь потому так неумело
Шептал бумаге карандаш.*

1924

Возвращение на родину

*Я посетил родимые места,
Ту сельщину,
Где жил мальчишкой,
Где каланчой с березовою вышкой
Взметнулась колокольня без кре-
ста.*

*Как много изменилось там,
В их бедном, неприглядном быте.
Какое множество открытий
За мною следовало по пятам.*

Отцовский дом
Не мог я распознать:
Приметный клен уж под окном
не машет,
И на крыльчке не сидит уж мать,
Кормя цыплят крупитчатой кашей.

Стара, должно быть, стала...
Да, стара.
Я с грустью озираюсь на окрестность:
Какая незнакомая мне местность!
Одна, как прежняя, белеется гора,
Да у горы
Высокий серый камень.

Здесь кладбище!
Подгнившие кресты,
Как будто в рукопашной мертвецы,
Застыли с распростертыми руками.

По тропке, опершись на подожок,
Идет старик, сметая пыль с бурьяна.

«Прохожий!
Укажи, дружок,
Где тут живет Есенина Татьяна?»

«Татьяна... Гм...
Да вон за той избой.
А ты ей что?
Сродни?
Аль, может, сын пропащий?»

«Да, сын.
Но что, старик, с тобой?
Скажи мне,
Отчего ты так глядишь скорбяще?»

«Добро, мой внук,
Добро, что не узнал ты деда!..»
«Ах, бабушка, ужели это ты?»
И полилась печальная беседа
Слезами теплыми на пыльные
цветы.

.....
.....

«Тебе, пожалуй, скоро будет
тридцать...

А мне уж девяносто...
Скоро в гроб.
Давно пора бы было воротиться».
Он говорит, а сам все мор-
щит лоб.
«Да!.. Время!..
Ты не коммунист?»
«Нет!..»
«А сестры стали комсомолки.
Такая гадость! Просто удавись!
Вчера иконы выбросили с полки,
На церкви комиссар снял крест.
Теперь и Богу негде помолиться.
Уж я хожу украдкой нынче в лес,
Молюсь осинам...
Может, пригодится...

Пойдем домой –
Ты все увидишь сам».
И мы идем, топча межой куколь-
ни.
Я улыбаюсь пашням и лесам,
А дед с тоской глядит на коло-
кольню.

.....
.....
.....
.....

«Здорово, мать! Здорово!» –
И я опять тяну к глазам платок.
Тут разрыдаться может и коро-
ва,
Глядя на этот бедный уголок.

На стенке календарный Ленин.
Здесь жизнь сестер,
Сестер, а не моя, –
Но все ж готов упасть я на коле-
ни,
Увидев вас, любимые края.

Пришли соседи...
Женщина с ребенком.
Уже никто меня не узнает.
По-байроновски наша собачонка
Меня встречала с лаем у ворот.

Ах, милый край!
Не тот ты стал,
Не тот.
Да уж и я, конечно, стал не преж-
ний.
Чем мать и дед грустней и безна-
дежней,
Тем веселей сестры смеется рот.

Конечно, мне и Ленин не икона,
Я знаю мир...
Люблю мою семью...
Но отчего-то все-таки с покло-
ном
Сажусь на деревянную скамью.

«Ну, говори, сестра!»

И вот сестра разводит,
Раскрыв, как Библию, пузатый
«Капитал»,
О Марксе,
Энгельсе...
Ни при какой погоде
Я этих книг, конечно, не читал.

И мне смешно,
Как шустрая девчонка
Меня во всем за шиворот берет...

.....
.....
.....
.....

По-байроновски наша собачонка
Меня встречала с лаем у ворот.

1 июня 1924

Русь советская

А. Сахарову

Тот ураган прошел. Нас мало уцелело.

На переключке дружбы многих нет.

Я вновь вернулся в край осиротелый,
В котором не был восемь лет.

Кого позвать мне? С кем мне поделиться

Той грустной радостью, что я остался жив?

Здесь даже мельница – бревенчатая птица

С крылом единственным – стоит,
Глаза смежив.

Я никому здесь не знаком,
А те, что помнили, давно забыли.

И там, где был когда-то отчий дом,

Теперь лежит зола да слой дорожной пыли.

А жизнь кипит.

Вокруг меня снуют
И старые и молодые лица.
Но некому мне шляпой поклониться,
Ни в чьих глазах не нахожу приют.

И в голове моей проходят роем
думы:
Что родина?
Ужели это сны?
Ведь я почти для всех здесь пилигрим угрюмый
Бог весть с какой далекой стороны.

И это я!
Я, гражданин села,
Которое лишь тем и будет знаменито,
Что здесь когда-то баба родила
Российского скандального пишта.

Но голос мысли сердцу говорит:
«Опомнись! Чем же ты обижен?
Ведь это только новый свет горит
Другого поколения у хижин.

Уже ты стал немного отцветать,
Другие юноши поют другие песни.
Они, пожалуй, будут интересней –
Уж не село, а вся земля им мать».

Ах, родина! Какой я стал смешной.
На щеки впалые летит сухой румянец.
Язык сограждан стал мне как чужой,
В своей стране я словно иностранец.

Вот вижу я:
Воскресные сельчане
У волости, как в церковь, собрались.
Корявыми, нематыми речами
Они свою обсуживают «жись».

Уж вечер. Жидкой позолотой
Закат обрызгал серые поля.
И ноги босые, как телки под ворота,
Уткнули по канавам тополя.

Хромой красноармеец с ликом
сонным,
В воспоминаниях морщина лоб,
Рассказывает важно о Буденном,
О том, как красные отбили Пере-
коп.

«Уж мы его – и этак и раз-этак, –
Буржуя этого... которого...
в Крыму...»
И клены морщатся ушами длин-
ных веток,
И бабы охают в немую полутьму.

С горы идет крестьянский комсо-
мол,
И под гармонику, наяривая рьяно,
Поют агитки Бедного Демьяна,
Веселым криком оглашая дол.

Вот так страна!
Какого ж я рожна
Орал в стихах, что я с народом
дружен?
Моя поэзия здесь больше не нуж-
на,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь
не нужен.

Ну что ж!
Прости, родной приют.
Чем сослужил тебе – и тем уж я
доволен.
Пускай меня сегодня не поют –
Я пел тогда, когда был край мой
болен.

Приемлю все.
Как есть все принимаю.
Готов идти по выбитым следам.
Отдам всю душу октябрю и маю,
Но только лиры милой не отдам.

Я не отдам ее в чужие руки,
Ни матери, ни другу, ни жене.
Лишь только мне она свои вверя-
ла звуки
И песни нежные лишь только пе-
ла мне.

Цветите, юные! И здоровейте те-
лом!
У вас иная жизнь, у вас другой на-
пев.
А я пойду один к неведомым пре-
делам,
Душой бунтующей навеки присми-

рев.

*Но и тогда,
Когда на всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, –
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».*

1924

«Этой грусти теперь не рассыпать...»

*Этой грусти теперь не рассыпать
Звонким смехом далеких лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.*

*Для меня было все тогда новым,
Много в сердце теснилось чувств,
А теперь даже нежное слово
Горьким плодом срывается с уст.*

*И знакомые взору просторы
Уж не так под луной хороши.
Буераки... пеньки... косогоры
Обпечалили русскую ширь.*

Нездоровое, хилое, низкое,
Водянистая, серая гладь.
Это все мне родное и близкое,
От чего так легко зарыдать.

Покосившаяся избенка,
Плач овцы, и вдали на ветру
Машет тощим хвостом лоша-
денка,
Заглядевшись в неласковый пруд.

Это все, что зовем мы родиной,
Это все, отчего на ней
Пьют и плачут в одно с непогоди-
ной,
Дожидаясь улыбчивых дней.

Потому никому не рассыпать
Эту грусть смехом ранних лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.

1924

«Низкий дом с голубыми ставнями...»

Низкий дом с голубыми ставня-
ми,
Не забыть мне тебя никогда, –
Слишком были такими недавни-

ми
Отзвучавшие в сумрак года.

До сегодня еще мне снится
Наше поле, луга и лес,
Принакрытые сереньким ситцем
Этих северных бедных небес.

Восхищаться уж я не умею
И пропасть не хотел бы в глуши,
Но, наверно, навеки имею
Нежность грустную русской души.

Полюбил я седых журавлей
С их курлыканьем в тощие дали,
Потому что в просторах полей
Они сытных хлебов не видали.

Только видели березь да цветь,
Да ракитник, кривой и безлистый,
Да разбойные слышали свисты,
От которых легко умереть.

Как бы я и хотел не любить,
Все равно не могу научиться,
И под этим дешевеньким ситцем
Ты мила мне, родимая выть.

Потому так и днями недавними
Уж не юные веют года...
Низкий дом с голубыми ставня-
ми,
Не забыть мне тебя никогда.

1924

Сукин сын

Снова выплыли годы из мрака
И шумят, как ромашковый луг.
Мне припомнилась нынче собака,
Что была моей юности друг.

Нынче юность моя отшумела,
Как подгнивший под окнами клен,
Но припомнил я девушку в белом,
Для которой был пес почтальон.

Не у всякого есть свой близкий,
Но она мне как песня была,
Потому что мои записки
Из ошейника пса не брала.

Никогда она их не читала,
И мой почерк ей был незнаком,
Но о чем-то подолгу мечтала
У калины за желтым прудом.

Я страдал... Я хотел ответа...
Не дождался... уехал... И вот
Через годы... известным поэтом
Снова здесь, у родимых ворот.

Та собака давно околела,
Но в ту ж масть, что с отливом
в синь,
С лаем ливисто ошалелым
Меня встрел молодой ее сын.

Мать честная! И как же схожи!
Снова выплыла боль души.
С этой болью я будто моложе,
И хоть снова записки пиши.

Рад послушать я песню былую,
Но не лай ты! Не лай! Не лай!
Хочешь, пес, я тебя поцелую
За пробуженный в сердце май?

Поцелую, прижмусь к тебе телом
И, как друга, введу тебя в дом...
Да, мне нравилась девушка в бе-
лом,
Но теперь я люблю в голубом.

1924

«Отговорила роща золотая...»

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире
странник –
Пройдет, зайдет и вновь оставит
дом.

О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым
прудом.

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер
в даль,
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне
не жаль.

Не жаль мне лет, растроченных
напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.

*Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет тра-
ва,
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.*

*И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненуж-
ный ком...
Скажите так... что роцца золо-
тая
Отговорила милым языком.*

1924

На Кавказе

*Издревле русский наш Парнас
Тянуло к незнакомым странам,
И больше всех лишь ты, Кавказ,
Звенел загадочным туманом.*

*Здесь Пушкин в чувственном огне
Слагал душой своей опальной:
«Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной».*

*И Лермонтов, тоску леча,
Нам рассказал про Азамата,
Как он за лошадь Казбича*

Давал сестру заместо злата.

*За грусть и желчь в своем лице
Кипенья желтых рек достоин,
Он, как поэт и офицер,
Был пулей друга успокоен.*

*И Грибоедов здесь зарыт,
Как наша дань персидской хмари,
В подножии большой горы
Он спит под плач зурны и тари.*

*А ныне я в твою безгладь
Пришел, не ведая причины:
Родной ли прах здесь обрыдать
Иль подсмотреть свой час кончи-
ны!*

*Мне все равно! Я полон дум
О них, ушедших и великих.
Их исцелял гортанный шум
Твоих долин и речек диких.*

*Они бежали от врагов
И от друзей сюда бежали,
Чтоб только слышать звон ша-
гов
Да видеть с гор глухие дали.*

И я от тех же зол и бед
Бежал, навек простясь с богемой,
Зане созрел во мне поэт
С большой эпической темой.

Мне мил стихов российский жар.
Есть Маяковский, есть и кроме,
Но он, их главный штабс-малляр,
Поет о пробках в Моссельпроме.

И Клюев, ладожский дьячок,
Его стихи как телогрейка,
Но я их вслух вчера прочел –
И в клетке сдохла канарейка.

Других уж нечего считать,
Они под хладным солнцем зреют.
Бумаги даже замарать
И то, как надо, не умеют.

Прости, Кавказ, что я о них
Тебе промолвил ненароком,
Ты научи мой русский стих
Кизиловым струиться соком.

Чтоб, воротясь опять в Москву,
Я мог прекраснейшей поэмой
Забить ненужную тоску

И не дружить вовек с богемой.

*И чтоб одно в моей стране
Я мог твердить в свой час про-
щальный:*

*«Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной».*

Сентябрь 1924. Тифлис

Баллада о двадцати шести

*С любовью – прекрасному художни-
ку Г. Якулову*

*Пой песню, поэт,
Пой.
Ситец неба такой
Голубой.
Море тоже рокошет
Песнь.
Их было
26.
26 их было,
26.
Их могилы пескам
Не занестъ.
Не забудет никто
Их расстрел
На 207-ой*

*Версте.
Там за морем гуляет
Туман.
Видишь, встал из песка
Шаумян.
Над пустыней костлявый
Стук.
Вон еще 50
Рук
Вылезают, стирая
Плеснь.
26 их было,
26.
Кто с прострелом в груди,
Кто в боку,
Говорят:
«Нам пора в Баку –
Мы посмотрим,
Пока есть туман,
Как живет
Азербайджан».*

.....
.....

*Ночь, как дыню,
Катит луну.
Море в берег
Струит волну.*

Вот в такую же ночь
И туман
Расстрелял их
Отряд англичан.

Коммунизм –
Знамя всех свобод.
Ураганом вскипел
Народ.
На империю встали
В ряд
И крестьянин
И пролетариат.
Там, в России,
Дворянский бич
Был наш строгий отец
Ильич.
А на Востоке
Здесь
Их было
26.

Все помнят, конечно,
Тот,
18-ый, несчастный
Год.
Тогда буржуа
Всех стран

Обстреливали
Азербайджан.

Тяжел был Коммуне
Удар.
Не вынес сей край
И пал,
Но жутче всем было
Весть
Услышать
Про 26.

В пески, что как плавленый
Воск,
Свезли их
За Красноводск.
И кто саблей,
Кто пулей в бок,
Всех сложили на желтый
Песок.

26 их было,
26.
Их могилы пескам
Не занестъ.
Не забудет никто
Их расстрел
На 207-ой

Версте.

*Там за морем гуляет
Туман.
Видишь, встал из песка
Шаумян.
Над пустыней костлявый
Стук.
Вон еще 50
Рук
Вылезают, стирая
Плеснь.
26 их было,
26.*

.....
*Ночь как будто сегодня
Бледней.
Над Баку
26 теней.
Теней этих
26.
О них наша боль
И песнь.*

*То не ветер шумит,
Не туман.
Слышишь, как говорит*

Шаумян:
«Джапаридзе,
Иль я ослеп,
Посмотри:
У рабочих хлеб.
Нефть – как черная
Кровь земли.
Паровозы кругом...
Корабли...
И во все корабли,
В поезда
Вбита красная наша
Звезда».

Джапаридзе в ответ:
«Да, есть.
Это очень приятная
Весть.
Значит, крепко рабочий
Класс
Держит в цепких руках
Кавказ.

Ночь, как дыню,
Катит луну.
Море в берег
Струит волну.
Вот в такую же ночь

И туман
Расстрелял нас
Отряд англичан».

Коммунизм –
Знамя всех свобод.
Ураганом вскипел
Народ.
На империю встали
В ряд
И крестьянин
И пролетариат.
Там, в России,
Дворянский бич
Был наш строгий отец
Ильич.
А на Востоке
Здесь
26 их было,
26.

.....
Свет небес все синей
И синей.
Молкнет говор
Дорогих теней.
Кто в висок прострелен,
А кто в грудь.

К Ахч-Куйме
Их обратный путь...

Пой, поэт, песню,
Пой,
Ситец неба такой
Голубой...
Море тоже рокошет
Песнь.
26 их было,
26.

Сентябрь 1924. Баку

Свое (форма)

Цветы на подоконнике,
Цветы, цветы.
Играют на гармонике,
Ведь слышишь ты?
Играют на гармонике,
Ну что же в том?
Мне нравятся две родинки
На лбу крутом.
Ведь ты такая нежная,
А я так груб.
Целую так небрежно я
Калину губ.
Куда ты рвешься, шалая?
Побудь, побудь...

*Постой, душа усталая,
Забудь, забудь.*

*Она такая дурочка,
Как те и та...
Вот потому Снегурочка
Всегда мечта.*

1924

Народная
Подражание песенке матери

*Ехал барин из Рязани,
Полтора ста рублей сани.
Семисотенный конь
С раззолоченной дугой.*

*Уж я эту дугу
Заложить не могу.
Заложить не могу
Ни недругу, ни врагу.*

*Как поеду на Губань,
Соберу я разну рвань.
Соберу я разну рвань:
– Собирайте, братцы, дань.*

*Только рвани нынче нет –
По-другому сделан свет.*

*И поет гармоника,
Что исчезла вольница.*

*Руки врозь.
Вожжи брось.
Такая досада.
Тани нет, Тани нет,
А мне ее надо.*

1924

Памяти Брюсова

*Мы умираем,
Сходим в тишь и грусть,
Но знаю я –
Нас не забудет Русь.*

*Любили девушек,
Любили женщин мы –
И ели хлеб
Из нищенской сумы.*

*Но не любили мы
Продажных торгашей.
Планета, милая, –
Катись, гуляй и пей.*

*Мы рифмы старые
Раз сорок повторим.*

Пускать сумеем
Гоголя и дым.

Но все же были мы
Всегда одни.
Мой милый друг,
Не сетуй, не кляни!

Вот умер Брюсов,
Но помрем и мы, –
Не выпросить нам дней
Из нищенской сумы.

Но крепко вцапались
Мы в нищую суму.
Валерий Яклевич!
Мир праху твоему!

1924

Заря Востока

Так грустно на земле,
Как будто бы в квартире,
В которой год не мыли, не мели.
Какую-то хреновину в сем мире
Большевики нарочно завели.

Из книг мелькает лермонтов-
ский парус,

*А в голове паршивый сэр Керзон.
«Мне скучно, бес!»
«Что делать, Фауст?»
Таков предел вам, значит, положён.*

*Ирония! Вези меня! Вези!
Рязанским мужиком прищуривая око,
Куда ни заверни – все сходятся стези
В редакции «Зари Востока».*

*Приятно видеть вас, товарищ Лившиц,
Как в озеро, смотреть вам в добрые глаза,
Но, в гранки мокрые вцепившись,
Засекретарился у вас Кара-Мурза.*

*И Ахобадзе...! Други, будьте глухи,
Не приходите в трепет, ни в восторг, –
Финансовый маэстро Лопатухин
Пускается со мной за строчки в торг.*

Подохнуть можно от незримой

скуки.

В бумажном озере навек бы уто-
нуть!

Мне вместо Карпов видятся все
щуки,
Зубами рыбьими тревожа мозг
и грудь.

Поэт! Поэт!

Нужны нам деньги. Да!

То тупфли лопнули, то истрепалась шляпа,

Хотя б за книжку тысячу дал Ви-
рап,

Но разве тысячу сдерешь с Вира-
па.

Вержбицкий Коля!

Тоже друг хороший, –

Отдашь стихи, а он их в са-
мый зад,

Под объявления, где тресты да га-
лоши,

Как будто я галошам друг и брат.

Не обольщаюсь звоном сих регалий,

Не отдаюсь ни славе, ни тщете,

*В душе застрял обиженный Бен-Гали
С неизлечимой дыркой в животе.*

*Дождусь ли дня и радостного срока,
Поправятся ль мои печальные дела?
Ты восхитительна, «Заря Востока»,
Но «Западной» ты лучше бы была.*
1924

Воспоминание

*Теперь октябрь не тот,
Не тот октябрь теперь.
В стране, где свищет непогода,
Ревел и выл
Октябрь, как зверь,
Октябрь семнадцатого года.
Я помню жуткий
Снежный день.
Его я видел мутным взглядом.
Железная витала тень
Над омраченным Петроградом.
Уже все чуяли грозу,
Уже все знали что-то,
Знали,*

Что не напрасно, знать, везут
Солдаты черепах из стали.
Рассыпались...
Уселись в ряд...
У публики дрожат поджилки...
И кто-то вдруг сорвал плакат
Со стен трусливой учредилки.
И началось...
Метнулись взоры,
Войной гражданской горя,
И дымом пушечным с «Авроры»
Взошла железная заря.
Свершилась участь роковая,
И над страной под вопли «матов»
Взметнулась надпись огневая:
«Совет Рабочих Депутатов».

1925

Стансы

Посвящается П. Чагину

*Я о своем таланте
Много знаю.
Стихи – не очень трудные дела.
Но более всего
Любовь к родному краю
Меня томила,
Мучила и жгла.*

Тишок писнуть,
Пожалуй, всякий может –
О девушке, о звездах, о луне...
Но мне другое чувство
Сердце гложет,
Другие думы
Давят череп мне.

Хочу я быть певцом
И гражданином,
Чтоб каждому,
Как гордость и пример,
Был настоящим,
А не сводным сыном –
В великих штатах СССР.

Я из Москвы надолго убежал:
С милицией я ладить
Не в сноровке,
За всякий мой пивной скандал
Они меня держали
В тигулевке.

Благодарю за дружбу граждан сих,
Но очень жестко
Спать там на скамейке
И пьяным голосом

Читать какой-то стих
О клеточной судьбе
Несчастной канарейки.

Я вам не кенар!
Я поэт!
И не чета каким-то там Демья-
нам.
Пускай бываю иногда я пьяным,
Зато в глазах моих
Прозрений дивных свет.

Я вижу все.
И ясно понимаю,
Что эра новая –
Не фунт изюму вам,
Что имя Ленина
Шумит, как ветер, по краю,
Давая мыслям ход,
Как мельничным крылам.

Вертитесь, милые!
Для вас обещан прок.
Я вам племянник,
Вы же мне все дяди.
Давай, Сергей,
За Маркса тихо сядем,
Понюхаем премудрость

Скучных строк.

Дни, как ручьи, бегут
В туманную реку.
Мелькают города,
Как буквы по бумаге.
Недавно был в Москве,
А нынче вот в Баку.
В стихию промыслов
Нас посвящает Чагин.

«Смотри, – он говорит, –
Не лучше ли церковей
Вот эти вышки
Черных нефть-фонтанов.
Довольно с нас мистических ту-
манов,
Воспой, поэт,
Что крепче и живей».

Нефть на воде,
Как одеяло перса,
И вечер по небу
Рассыпал звездный куль.
Но я готов поклясться
Чистым сердцем,
Что фонари
Прекрасней звезд в Баку.

Я полон дум об индустриальной мо-
щи,
Я слышу голос человеческих сил.
Довольно с нас
Небесных всех светил –
Нам на земле
Устроить это проще.

И, самого себя
По шее глядя,
Я говорю:
«Настал наш срок,
Давай, Сергей,
За Маркса тихо сядем,
Чтоб разгадать
Премудрость скучных строк».

1924

Русь уходящая

Мы многое еще не сознаем,
Питомцы ленинской победы,
И песни новые
По-старому поем,
Как нас учили бабушки и деды.

Друзья! Друзья!
Какой раскол в стране,
Какая грусть в кипении веселом!

Знать, оттого так хочется
и мне,
Здрав штаны,
Бежать за комсомолом.

Я уходящих в грусти не виню,
Ну где же старикам
За юношами гнаться?
Они несжатой рожью на корню
Остались догнивать и осыпаться.

И я, я сам,
Не молодой, не старый,
Для времени навозом обречен.
Не потому ль кабацкий звон ги-
тары
Мне навевает сладкий сон?

Гитара милая,
Звени, звени!
Сыграй, цыганка, что-нибудь та-
кое,
Чтоб я забыл отравленные дни,
Не знавшие ни ласки, ни покоя.

Советскую я власть виню,
И потому я на нее в обиде,
Что юность светлую мою

В борьбе других я не увидел.

Что видел я?

Я видел только бой

Да вместо песен

Слышал канонаду.

Не потому ли с желтой головой

Я по планете бегал до упаду?

Но все ж я счастлив.

В сонме бурь

*Неповторимые я вынес впечатле-
нья.*

Вихрь нарядил мою судьбу

В золототканое цветенье.

Я человек не новый!

Что скрывать?

*Остался в прошлом я одной но-
гою,*

*Стремясь догнать стальную
рать,*

Скольжу и падаю другою.

Но есть иные люди.

Те

Еще несчастней и забытей.

Они, как отрубь в решете,

Средь непонятных им событий.

Я знаю их
И подсмотрел:
Глаза печальнее коровьих.
Средь человеческих мирных дел,
Как пруд, заплесневела кровь их.

Кто бросит камень в этот пруд?
Не троньте!
Будет запах смрада.
Они в самих себе умрут,
Истлеют падью листопада.

А есть другие люди,
Те, что верят,
Что тянут в будущее робкий
взгляд.
Почесывая зад и перед,
Они о новой жизни говорят.

Я слушаю. Я в памяти смотрю,
О чем крестьянская судачит
оголь:
«С Советской властью жить нам
по нутрю...
Теперь бы ситцу... Да гвоздей
немного...»

Как мало надо этим брадачам,
Чья жизнь в сплошном
Картофеле и хлебе.
Чего же я ругаюсь по ночам
На неудачный, горький жребий?

Я тем завидую,
Кто жизнь провел в бою,
Кто защищал великую идею.
А я, сгубивший молодость свою,
Воспоминаний даже не имею.

Какой скандал!
Какой большой скандал!
Я очутился в узком промежутке.
Ведь я мог дать
Не то, что дал,
Что мне давалось ради шутки.

Гитара милая,
Звени, звени!
Сыграй, цыганка, что-нибудь та-
кое,
Чтоб я забыл отравленные дни,
Не знавшие ни ласки, ни покоя.

Я знаю, грусть не утопить в вине,
Не вылечить души

*Пустыней и отколом.
Знать, оттого так хочется
и мне,
Здрав штаны,
Бежать за комсомолом.*

2 ноября 1924

Русь неприютная

*Товарищи, сегодня в горе я,
Проснулась боль
В угасшем скандалисте!
Мне вспомнилась
Печальная история –
История об Оливере Твисте.*

*Мы все по-разному
Судьбой своей оплаканы.
Кто крепость знал,
Кому Сибирь знакома.
Знать, потому теперь
Попы и дьяконы
О здравье молятся
Всех членов Совнаркома.*

*И потому крестьянин
С водки штофа,
Рассказывая сродникам своим,
Глядит на Маркса,*

Как на Саваофа,
Пуская Ленину
В глаза табачный дым.

Ирония судьбы!
Мы все отропщены.
Над старым твердо
Вставлен крепкий кол.
Но все ж у нас
Монашеские общины
С «аминем» ставят
Каждый протокол.

И говорят,
Забыв о днях опасных:
«Уж как мы их...
Не в пух, а прямо в прах...
Пятнадцать штук я сам
Зарезал красных,
Да столько ж каждый,
Всякий наш монах».

Россия-мать!
Прости меня,
Прости!
Но эту дикость, подлую и злую,
Я на своем недлительном пути
Не приголублю

И не поцелую.

*У них жилища есть,
У них есть хлеб,
Они с молитвами
И благостны и сыты.
Но есть на этой
Горестной земле,
Что всеми добрыми
И злыми позабыты.*

*Мальчишки лет семи-восьми
Снуют среди штатов без призора,
Бестелыми корявыми костями
Они нам знак
Тяжелого укора.*

*Товарищи, сегодня в горе я,
Проснулась боль в угасшем скан-
далисте.
Мне вспомнилась
Печальная история –
История об Оливере Твисте.*

*Я тоже рос,
Несчастный и худой,
Средь жидких,
Тягостных рассветов.*

Но если б встали все
Мальчишки чередой,
То были б тысячи
Прекраснейших поэтов.

В них Пушкин,
Лермонтов,
Кольцов,
И наш Некрасов в них,
В них я.
В них даже Троцкий,
Ленин и Бухарин.

Не потому ль моею грустью
Веет стих,
Глядя на их
Невымытые хари.

Я знаю будущее...
Это их...
Их календарь...
И вся земная слава.
Не потому ль
Мой горький буйный стих
Для всех других –
Как смертная отравка.

Я только им пою,

Ночующим в котлах,
Пою для них,
Кто спит порой в сортире.
О, пусть они
Хотя б прочтут в стихах,
Что есть за них
Обиженные в мире.

1924

Письмо к женщине

Вы помните,
Вы всё, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по ком-
нате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.

Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь.
Что вам пора за дело принимать-
ся,
А мой удел –
Катиться дальше, вниз.

Любимая!
Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище люд-
ском
Я был, как лошадь, загнанная
в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.

Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму –
Куда несет нас рок событий.

Лицом к лицу
Лица не увидеть.
Большое видится на расстоянье.
Когда кипит морская гладь,
Корабль в плачевном состоянье.

Земля – корабль!
Но кто-то вдруг
За новой жизнью, новой славой
В прямую гущу бурь и вьюг
Ее направил величаво.

Ну кто ж из нас на палубе боль-
шой

Не падал, не блевал и не ругался?
Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке оставался.

Тогда и я
Под дикий шум,
Но зрело знающий работу,
Спустился в корабельный трюм,
Чтоб не смотреть людскую рвоту.

Тот трюм был –
Русским кабаком.
И я склонился над стаканом,
Чтоб, не страдая ни о ком,
Себя сгубить
В угаре пьяном.

Любимая!
Я мучил вас,
У вас была тоска
В глазах усталых:
Что я пред вами напоказ
Себя растрачивал в скандалах.

Но вы не знали,
Что в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте

С того и мучаюсь,
Что не пойму,
Куда несет нас рок событий...

.....

Теперь года прошли,
Я в возрасте ином.
И чувствую и мыслю по-иному.
И говорю за праздничным вином:
Хвала и слава рулевому!

Сегодня я
В ударе нежных чувств.
Я вспомнил вашу грустную уста-
лость.
И вот теперь
Я сообщить вам мчусь,
Каков я был
И что со мною случилось!

Любимая!
Сказать приятно мне:
Я избежал паденья с кручи.
Теперь в Советской стороне
Я самый яростный попутчик.

Я стал не тем,
Кем был тогда.

Не мучил бы я вас,
Как это было раньше.
За знамя вольности
И светлого труда
Готов идти хоть до Ла-Манша.

Простите мне...
Я знаю: вы не та –
Живете вы
С серьезным, умным мужем;
Что не нужна вам наша маета,
И сам я вам
Ни капельки не нужен.

Живите так,
Как вас ведет звезда,
Под кущей обновленной сени.
С приветствием,
Вас помнящий всегда
Знакомый ваш
Сергей Есенин.

1924

Поэтам Грузии

Писали раньше
Ямбом и октавой.
Классическая форма
Умерла,

Но ныне, в век наш
Величавый,
Я вновь ей вздернул
Удила.

Земля далекая!
Чужая сторона!
Грузинские кремнистые дороги.
Вино янтарное
В глаза струит луна,
В глаза глубокие,
Как голубые роги.

Поэты Грузии!
Я ныне вспомнил вас.
Приятный вечер вам,
Хороший, добрый час!
Товарищи по чувствам,
По перу,
Словесных рек кипение
И шорох,
Я вас люблю,
Как шумную Куру,
Люблю в пирах и в разговорах.

Я – северный ваш друг
И брат!
Поэты – все единой крови.

И сам я тоже азиат
В поступках, в помыслах
И слове.

И потому в чужой
Стране
Вы близки
И приятны мне.

Века всё смелют,
Дни пройдут,
Людская речь
В один язык сольется.
Историк, сочиняя труд,
Над нашей рознью улыбнется.

Он скажет:
В пропасти времен
Есть изысканья и приметы...
Дрались сонмища племен,
Зато не ссорились поэты.

Свидетельствует
Вещий знак:
Поэт поэту
Есть кунак.
Самодержавный
Русский гнет

Сжимал все лучшее за горло,
Его мы кончили –
И вот
Свобода крылья распростерла.

И каждый в племени своем
Своим мотивом и наречьем,
Мы всяк
По-своему поем,
Поддавшись чувствам
Человечьим...

Свершился дивный
Рок судьбы:
Уже мы больше
Не рабы.

Поэты Грузии,
Я ныне вспомнил вас,
Приятный вечер вам,
Хороший, добрый час!..

Товарищи по чувствам,
По перу,
Словесных рек кипение
И шорох,
Я вас люблю,
Как шумную Куру,

Люблю в пирах и в разговорах.

1924

Письмо от матери

Чего же мне
Еще теперь придумать,
О чем теперь
Еще мне написать?
Передо мной
На столике угрюмом
Лежит письмо,
Что мне прислала мать.

Она мне пишет:
«Если можешь ты,
То приезжай, голубчик,
К нам на святки.
Купи мне шаль,
Отцу купи порты,
У нас в дому
Большие недостатки.

Мне страх не нравится,
Что ты поэт,
Что ты сдружился
С славою плохую.
Гораздо лучше б
С малых лет

Ходил ты в поле за сохою.

*Стара я стала
И совсем плоха,
Но если б дома
Был ты изначала,
То у меня
Была б теперь сноха
И на ноге
Внучонка я качала.*

*Но ты детей
По свету растерял,
Свою жену
Легко отдал другому,
И без семьи, без дружбы,
Без причал
Ты с головой
Ушел в кабацкий омут.*

*Любимый сын мой,
Что с тобой?
Ты был так кроток,
Был так смиренен.
И говорили все наперебой:
Какой счастливый
Александр Есенин!*

*В тебе надежды наши
Не сбылись,
И на душе
С того больней и горьше,
Что у отца
Была напрасной мысль,
Чтоб за стихи
Ты денег брал побольше.*

*Хоть сколько б ты
Ни брал,
Ты не пошлешь их в дом,
И потому так горько
Речи льются,
Что знаю я
На опыте твоём:
Поэтам деньги не даются.*

*Мне страх не нравится,
Что ты поэт,
Что ты сдружился
С славою плохою.
Гораздо лучше б
С малых лет
Ходил ты в поле за сохою.*

*Теперь сплошная грусть,
Живем мы, как во тьме.*

У нас нет лошади.
Но если б был ты в доме,
То было б все,
И при твоём уме –
Пост председателя
В волисполкоме.

Тогда б жилось смелей,
Никто б нас не тянул,
И ты б не знал
Ненужную усталость,
Я б заставляла
Прясть
Твою жену,
А ты, как сын,
Покоил нашу старость».

.....

Я комкаю письмо,
Я погружаюсь в жуть.
Ужель нет выхода
В моем пути заветном?
Но все, что думаю,
Я после расскажу.
Я расскажу
В письме ответном...

Ответ

Старушка милая,
Живи, как ты живешь.
Я нежно чувствую
Твою любовь и память.
Но только ты
Ни капли не поймешь –
Чем я живу
И чем я в мире занят.

Теперь у вас зима.
И лунными ночами,
Я знаю, ты
Помыслишь не одна,
Как будто кто
Черемуху качает
И осыпает
Снегом у окна.

Родимая!
Ну как заснуть в метель?
В трубе так жалобно
И так протяжно стонет.
Захочешь лечь,
Но видишь не постель,
А узкий гроб
И – что тебя хоронят.

Как будто тысяча
Гнусавейших дьячков,
Поет она плакидой –
Сволочь-вьюга!
И снег ложится
Вроде пяточков,
И нет за гробом
Ни жены, ни друга!

Я более всего
Весну люблю.
Люблю разлив
Стремительным потоком,
Где каждой щепке,
Словно кораблю,
Такой простор,
Что не окинешь оком.

Но ту весну,
Которую люблю,
Я революцией великой
Называю!
И лишь о ней
Страдаю и скорблю,
Ее одну
Я жду и призываю!

Но эта пакость –

Хладная планета!
Ее и Солнцем-Лениным
Пока не растопить!
Вот потому
С больной душой поэта
Пошел скандалить я,
Озорничать и пить.

Но время будет,
Милая, родная!
Она придет, желанная пора!
Недаром мы
Присели у орудий:
Тот сел у пушки,
Этот – у пера.

Забудь про деньги ты,
Забудь про все.
Какая гибель?!
Ты ли это, ты ли?
Ведь не корова я,
Не лошадь, не осел,
Чтобы меня
Из стойла выводили!

Я выйду сам,
Когда настанет срок,
Когда пальнуть

Придется по планете,
И, воротясь,
Тебе куплю платок,
Ну, а отцу
Куплю я штуки эти.

Пока ж – идет метель,
И тысячей дьячков
Поет она плакидой –
Сволочь-вьюга.
И снег ложится
Вроде пяточков,
И нет за гробом
Ни жены, ни друга.

1924

Льву Повицкому

Старинный друг,
Тебя я вижу вновь
Через долгую и хладную
Разлуку.
Сжимаю я
Мне дорогую руку
И говорю, как прежде,
Про любовь.

Мне любо на тебя
Смотреть.

Взгрустни
И приласкай немного.
Уже я не такой,
Как впродь –
Бушуйный,
Гордый недотрога.

Перебесились мы,
Чего скрывать?
Уж я не я...
А ты ли это, ты ли?

По берегам
Морская гладь –
Как лошадь
Загнанная, в мыле.

Теперь влюблен
В кого-то я,
Люблю и тщетно
Призываю,
Но все же
Точкой корабля
К земле любимой
Приплываю.

1924

Письмо деду

Покинул я
Родимое жилище.
Голубчик! Дедушка!
Я вновь к тебе пишу...
У вас под окнами
Теперь метели свищут,
И в дымовой трубе
Протяжный вой и шум,

Как будто сто чертей
Залезло на чердак.
А ты всю ночь не спишь
И дрыгаешь ногою.
И хочется тебе
Накинуть свой пиджак,
Пойти туда,
Избить всех кочергою.

Наивность милая
Нетронутой души!
Недаром прадед
За овса три меры
Тебя к дьячку водил
В заброшенной глуши
Учить: «Достойно есть»
И с «Отче» «Символ веры».

Хорошего коня пасут.

Отборный корм
Ему любви порука.
И, самого себя
Призвав на суд,
Тому же самому
Ты обучать стал внука.

Но внук учебы этой
Не постиг
И, к горечи твоей,
Ушел в страну чужую.
По-твоему, теперь
Бродягою брожу я,
Слагая в помыслах
Ненужный глупый стих.

Ты говоришь:
Что у тебя украли,
Что я дурак,
А город – плут и мот.
Но только, дедушка,
Едва ли так, едва ли, –
Плохую лошадь
Вор не уведет.

Плохую лошадь
Со двора не сгонишь,
Но тот, кто хочет

Знать другую гладь,
Тот скажет:
Чтоб не сгнуть в затоне,
Страну родную
Нужно покидать.

Вот я и кинул.
Я в стране далекой.
Весна.
Здесь розы больше кулака.
И я твоей
Судьбине одинокой
Привет их теплый
Шлю издалека.

Теперь метель
Вовсю свистит в Рязани,
А у тебя –
Меня увидеть зуд.
Но ты ведь знаешь –
Никакие сани
Тебя сюда
Ко мне не довезут.

Я знаю –
Ты б приехал к розам,
К теплу.
Да только вот беда:

Твое проклятье
Силе паровоза
Тебя навек
Не сдвинет никуда.

А если я помру?
Ты слышишь, дедушка?
Помру я?
Ты сядешь или нет в вагон,
Чтобы присутствовать
На свадьбе похорон
И спеть в последнюю
Печаль мне «аллилуйя»?

Тогда садись, старик.
Садись без слез,
Доверься ты
Стальной кобыле.
Ах, что за лошадь,
Что за лошадь паровоз!
Ее, наверное,
В Германии купили.

Чугунный рот ее
Привык к огню,
И дым над ней, как грива, –
Черен, густ и четок.
Такую б гриву

Нашему коню, –
То сколько б вышло
Разных швабр и щеток!

Я знаю –
Время даже камень крошит...
И ты, старик,
Когда-нибудь поймешь,
Что, даже лучшую
Впрягая в сани лошадь,
В далекий край
Лишь кости привезешь...

Поймешь и то,
Что я ушел недаром
Туда, где бег
Быстрее, чем полет.
В стране, объятый вьюгой
И пожаром
Плохую лошадь
Вор не уведет.

Декабрь 1924. Батум

Метель

Прядите, дни, свою былую пряжу,
Живой души не перестроить век.
Нет!
Никогда с собой я не полажу,

Себе, любимому,
Чужой я человек.

Хочу читать, а книга выпадает,
Долит зевота,
Так и клонит в сон...
А за окном
Протяжный ветер рыдает,
Как будто чуя
Близость похорон.

Облезлый клен
Своей верхушкой черной
Гнусавит хрипло
В небо о былом.
Какой он клен?
Он просто столб позорный –
На нем бы вешать
Иль отдать на слом.

И первого
Меня повесить нужно,
Скрестив мне руки за спиной:
За то, что песней
Хриплой и недужной
Мешал я спать
Стране родной.

Я не люблю
Распевы петуха
И говорю,
Что если был бы в силе,
То всем бы петухам
Я выдрал потроха,
Чтобы они
Ночью не голосили.

Но я забыл,
Что сам я петухом
Орал вовсю
Перед рассветом края,
Отцовские заветы попирая,
Волнуясь сердцем
И стихом.

Визжит метель,
Как будто бы кабан,
Которого зарезать собрались.
Холодный,
Ледяной туман,
Не разберешь,
Где даль,
Где близь...

Луну, наверное,
Собаки съели –

Ее давно
На небе не видать.
Выдергивая нитку из кудели,
С веретеном
Ведет беседу мать.

Оглохший кот
Внимает той беседе,
С лежанки свесив
Важную главу.
Недаром говорят
Пугливые соседи,
Что он похож
На черную сову.

Глаза смежаются.
И как я их прищурю,
То вижу въявь
Из сказочной поры:
Кот лапой мне
Показывает дулю,
А мать – как ведьма
С киевской горы.

Не знаю, болен я
Или не болен,
Но только мысли
Бродят невпопад.

В ушах могильный
Стук лопат
С рыданьем дальних
Колоколен.

Себя усопшего
В гробу я вижу
Под аллилуйные
Стенания дьячка.
Я веки мертвому себе
Спускаю ниже,
Кладя на них
Два медных пяточка.

На эти деньги,
С мертвых глаз,
Могильщику теплее станет, –
Меня зарыв,
Он тот же час
Себя сивухой остаканит.

И скажет громко:
«Вот чудак!
Он в жизни
Буйствовал немало...
Но одолеть не мог никак
Пяти страниц
Из «Капитала».

Декабрь 1924

Весна

Припадок кончен.
Грусть в опале.
Приемлю жизнь, как первый сон.
Вчера прочел я в «Капитале»,
Что для поэтов –
Свой закон.

Метель теперь
Хоть чертом вой,
Стучись утопленником голым, –
Я с отрезвевшей головой
Товарищ бодрым и веселым.

Гнилых нам нечего жалеть,
Да и меня жалеть не нужно,
Коль мог покорно умереть
Я в этой завирухе вьюжной.

Тинь-тинь, синица!
Добрый день!
Не бойся!
Я тебя не трону.
И коль угодно,
На плетень
Садись по птичьему закону.

Закон вращения в мире есть.
Он – отношенье
Средь живущих.
Коль ты с людьми единой кущи, –
Имеешь право
Лечь и сесть.

Привет тебе,
Мой бедный клен!
Прости, что я тебя обидел.
Твоя одежда в рваном виде,
Но будешь
Новой наделен.

Без ордера тебе апрель
Зеленую отпустит шапку,
И тихо
В нежную охапку
Тебя обнимет повитель.

И выйдет девушка к тебе,
Водой окатит из колодца,
Чтобы в суровом октябре
Ты мог с метелями бороться.

А ночью
Выплывет луна.
Ее не слопали собаки:

Она была лишь не видна
Из-за людской
Кровавой драки.

Но драка кончилась...
И вот –
Она своим лимонным светом
Деревьям, в зелень разодетым,
Сиянье звучное
Полюет.

Так пей же, грудь моя,
Весну!
Волнуйся новыми
Стихами!
Я нынче, отходя ко сну,
Не поругаюсь
С петухами.

Земля, земля!
Ты не металл, –
Металл ведь
Не пускает почку.
Достаточно попасть
На строчку,
И вдруг –
Понятен «Капитал».

Декабрь 1924

Цветы

Цветы мне говорят прощай,
Головками кивая низко.
Ты больше не увидишь близко
Родное поле, отчий край.

Любимые! Ну что ж, ну что ж!
Я видел вас и видел землю,
И эту гробовую дрожь
Как ласку новую приемлю.

Весенний вечер. Синий час.
Ну как же не любить мне вас,
Как не любить мне вас, цветы?
Я с вами выпил бы на «ты».

Шуми, левкой и резеда.
С моей душой стряслась беда.
С душой моей стряслась беда.
Шуми, левкой и резеда.

Ах, колокольчик! твой ли пыл
Мне в душу песней позвонил
И рассказал, что васильки
Очей любимых далеки.

Не пой! Не пой мне! Пощади.
И так огонь горит в груди.

Она пришла, как к рифме «вновь»
Неразлучимая любовь.

Цветы мои! не всякий мог
Узнать, что сердцем я продрог,
Не всякий этот холод в нем
Мог растопить своим огнем,

Не всякий, длани кто простер,
Поймать сумеет долю злую.
Как бабочка – я на костер
Лечу и огненность целую.

Я не люблю цветы с кустов,
Не называю их цветами.
Хоть прикасаюсь к ним устами,
Но не найду к ним нежных слов.

Я только тот люблю цветок,
Который врос корнями в землю,
Его люблю я и приемлю,
Как северный наш василек.

И на рябине есть цветы,
Цветы – предшественники ягод,
Они на землю градом лягут,
Багрец свергая с высоты.

Они не те, что на земле.
Цветы рябин другое дело.
Они как жизнь, как наше тело,
Делимое в предвечной мгле.

Любовь моя! прости, прости.
Ничто не обошел я мимо.
Но мне милее на пути,
Что для меня неповторимо.

Неповторимы ты и я.
Помрем – за нас придут другие.
Но это все же не такие –
Уж я не твой, ты не моя.

Цветы, скажите мне прощай,
Головками кивая низко,
Что не увидеть больше близко
Ее лицо, любимый край.

Ну что ж! пускай не увидать.
Я поражен другим цветеньем
И потому словесным пенъем
Земную буду славить гладь.

А люди разве не цветы?
О милая, почувствуй ты,
Здесь не пустынные слова.

Как стебель тулово качая,
А эта разве голова
Тебе не роза золотая?

Цветы людей и в солнь и в стыть
Умеют ползать и ходить.

Я видел, как цветы ходили,
И сердцем стал с тех пор добрей,
Когда узнал, что в этом мире
То дело было в октябре.

Цветы сражались друг с другом,
И красный цвет был всех бойчей.
Их больше падало под вьюгой,
Но все же мощностью упругой
Они сразили палачей.

Октябрь! Октябрь!
Мне страшно жаль
Те красные цветы, что пали.
Головку розы режет сталь,
Но все же не боюсь я стали.

Цветы ходячие земли!
Они и сталь сразят почище,
Из стали пустят корабли,
Из стали сделают жилища.

*И потому, что я постиг,
Что мир мне не монашья схима,
Я ласково влагаю в стих,
Что все на свете повторимо.*

*И потому, что я пою,
Пою и вовсе не впустую,
Я милой голову мою
Отдам, как розу золотую.*

1924

Батум

*Корабли плывут
В Константинополь.
Поезда уходят на Москву.
От людского шума ль
Иль от скопа ль
Каждый день я чувствую
Тоску.*

*Далеко я,
Далеко заброшен,
Даже ближе
Кажется луна.
Пригоршнями водяных горошин
Плещет черноморская
Волна.*

Каждый день
Я прихожу на пристань,
Провожая всех,
Кого не жаль,
И гляжу все тягостней
И пристальней
В очарованную даль.

Может быть, из Гавра
Иль Марсея
Приплывет
Луиза иль Жаннет,
О которых помню я
Доселе,
Но которых
Вовсе – нет.

Запах моря в привкус
Дымно-горький.
Может быть,
Мисс Метчел
Или Клод
Обо мне вспомнят
В Нью-Йорке,
Прочитав сей вещи перевод.

Все мы ищем
В этом мире буром

Нас зовущие
Незримые следы.
Не с того ль,
Как лампы с абажуром,
Светятся медузы из воды?

Оттого
При встрече иностранки
Я под скрипы
Шхун и кораблей
Слышу голос
Плачущей шарманки
Иль далекий
Окрик журавлей.

Не она ли это?
Не она ли?
Ну да разве в жизни
Разберешь?
Если вот сейчас ее
Догнали
И умчали
Брюки клеш.

Каждый день
Я прихожу на пристань,
Провожая всех,
Кого не жаль,

И гляжу все тягостней
И пристальней
В очарованную даль.

А другие здесь
Живут иначе.
И недаром ночью
Слышен свист, –
Это значит,
С ловкостью собачьей
Пробирается контрабандист.

Пограничник не боится
Быстри.
Не уйдет подмеченный им
Враг,
Оттого так часто
Слышен выстрел
На морских, соленых
Берегах.

Но живуч враг,
Как ни вздынь его,
Потому синее
Весь Батум.
Даже море кажется мне
Индиго
Под бульварный

Смех и шум.

А смеяться есть чему
Причина.
Ведь не так уж много
В мире див.
Ходит полоумный
Старичина,
Петуха на темень посадив.

Сам смеясь,
Я вновь иду на пристань,
Провожая всех,
Кого не жаль,
И гляжу все тягостней
И пристальней
В очарованную даль.

1924

Персидские мотивы

«Улеглась моя былая рана...»

*Улеглась моя былая рана –
Пьяный бред не гложет сердце мне.*

*Синими цветами Тегерана
Я лечу их нынче в чайхане.*

Сам чайханик с круглыми плечами,

Чтобы славилась пред русским чайхана,

*Угощает меня красным чаем
Вместо крепкой водки и вина.*

Угощай, хозяин, да не очень.

Много роз цветет в твоём саду.

*Нездаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.*

Мы в России девушек весенних

На цепи не держим, как собак,

Поцелуям учимся без денег,

*Без кинжальных хитростей
и драк.*

Ну, а этой за движенья стана,
Что лицом похожа на зарю,
Подарю я шаль из Хороссана
И ковер ширазский подарю.

Наливай, хозяин, крепче чаю,
Я тебе вовеки не солгу.
За себя я нынче отвечаю,
За тебя ответить не могу.

И на дверь ты взглядывай
не очень,
Все равно калитка есть в саду...
Незадаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.

1924

«Я спросил сегодня у менялы...»

Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по руб-
лю,
Как сказать мне для прекрасной
Лалы
По-персидски нежное «люблю»?

Я спросил сегодня у менялы
Легче ветра, тише Ванских струй,
Как назвать мне для прекрасной

Лалы
Слово ласковое «поцелуй»?

И еще спросил я у менялы,
В сердце робость глубже притая,
Как сказать мне для прекрасной
Лалы,
Как сказать ей, что она «моя»?

И ответил мне меняла кратко:
О любви в словах не говорят,
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят.

Поцелуй названья не имеет,
Поцелуй не надпись на гробах.
Красной розой поцелуи веют,
Лепестками тая на губах.

От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.
«Ты – моя» сказать лишь могут
руки,
Что срывали черную чадру.

1924

«Шаганэ ты моя, Шаганэ!..»

*Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.*

*Потому, что я с севера, что ли,
Что луна там огромней
в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому, что я с севера, что ли.*

*Я готов рассказать тебе поле,
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи –
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.*

*Про волнистую рожь при луне.
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.*

*Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,*

*Может, думает обо мне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ.*

1924

«Ты сказала, что Саади...»

*Ты сказала, что Саади
Целовал лишь только в грудь.
Подожди ты, бога ради,
Обучусь когда-нибудь!*

*Ты пропела: «За Евфратом
Розы лучше смертных дев».
Если был бы я богатым,
То другой сложил напев.*

*Я б порезал розы эти,
Ведь одна отрада мне –
Чтобы не было на свете
Лучше милой Шаганэ.*

*И не мучь меня заветом,
У меня заветов нет.
Коль родился я поэтом,
То целуюсь, как поэт.*

19 декабря 1924

«Никогда я не был на Босфоре...»

Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем.
Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем.

Не ходил в Багдад я с караваном,
Не возил я шелк туда и хну.
Наклонись своим красивым станом,
На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько ни проси я,
Для тебя навеки дела нет,
Что в далеком имени – Россия –
Я известный, признанный поэт.

У меня в душе звенит тальянка,
При луне собачий слышу лай.
Разве ты не хочешь, персиянка,
Увидать далекий синий край?

Я сюда приехал не от скуки –
Ты меня, незримая, звала.
И меня твои лебяжьи руки
Обвивали, словно два крыла.

Я давно ищу в судьбе покоя,
И хоть прошлой жизни не кляну,

*Расскажи мне что-нибудь такое
Про твою веселую страну.*

*Заглуши в душе тоску тальянки,
Напои дыханьем свежих чар,
Чтобы я о дальней северянке
Не вздыхал, не думал, не скучал.*

*И хотя я не был на Босфоре –
Я тебе придумаю о нем.
Все равно – глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнем.*

1924

«Свет вечерний шафранного края...»

*Свет вечерний шафранного края,
Тихо розы бегут по полям.
Спой мне песню, моя дорогая,
Ту, которую пел Хаям.
Тихо розы бегут по полям.*

*Лунным светом Шираз осиянен,
Кружит звезд мотыльковый рой.
Мне не нравится, что персияне
Держат женщин и дев под чадрой.
Лунным светом Шираз осиянен.*

Иль они от тепла застыли,

*Закрывая телесную медь?
Или, чтобы их больше любили,
Не желают лицом загореть,
Закрывая телесную медь?*

*Дорогая, с чадрой не дружись,
Заучи эту заповедь вкратце,
Ведь и так коротка наша жизнь,
Мало счастьем дано любоваться.
Заучи эту заповедь вкратце.*

*Даже все некрасивое в роке
Осеньет своя благодать.
Потому и прекрасные щеки
Перед миром грешно закрывать,
Коль дала их природа-мать.*

*Тихо розы бегут по полям.
Сердцу снится страна другая.
Я спою тебе сам, дорогая,
То, что сроду не пел Хаям...
Тихо розы бегут по полям.*

1924

«Воздух прозрачный и синий»

*Воздух прозрачный и синий,
Выйду в цветочные чащи.
Путник, в лазурь уходящий,*

Ты не дойдешь до пустыни.
Воздух прозрачный и синий.

Лугом пройдешь, как садом,
Садом – в цветенье диком,
Ты не удержишься взглядом,
Чтоб не припасть к гвоздикам.
Лугом пройдешь, как садом.

Шепот ли, шорох иль шелест –
Нежность, как песни Саади.
Вмиг отразится во взгляде
Месяца желтая прелесть,
Нежность, как песни Саади.

Голос раздастся пери,
Тихий, как флейта Гассана.
В крепких объятиях стана
Нет ни тревог, ни потери,
Только лишь флейта Гассана.

Вот он, удел желанный
Всех, кто в пути устали.
Ветер благоуханный
Пью я сухими устами,
Ветер благоуханный.

1925

«Золото холодное луны...»

*Золото холодное луны,
Запах олеандра и левкоя.
Хорошо бродить среди покоя
Голубой и ласковой страны.*

*Далеко-далече там Багдад,
Где жила и пела Шахразада.
Но теперь ей ничего не надо.
Отзвенел давно звеневший сад.*

*Призраки далекие земли
Поросли кладбищенской травой.
Ты же, путник, мертвым не внем-
ли,
Не склоняйся к плитам головою.*

*Оглянись, как хорошо кругом:
Губы к розам так и тянет, тя-
нет.
Помиришь лишь в сердце со вра-
гом –
И тебя блаженством ошафра-
нит.*

*Жить – так жить, любить –
так уж влюбляться.
В лунном золоте целуйся и гуляй,*

*Если ж хочешь мертвым покло-
няться,
То живых тем сном не отравляй.*

*Это пела даже Шахразада, –
Так вторично скажет листьев
медь.
Тех, которым ничего не надо,
Только можно в мире пожалеть.*

1925

«В Хороссане есть такие двери...»

*В Хороссане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.
Там живет задумчивая пери.
В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог.*

*У меня в руках довольно силы,
В волосах есть золото и медь.
Голос пери нежный и красивый.
У меня в руках довольно силы,
Но дверей не смог я отпереть.*

*Ни к чему в любви моей отвага.
И зачем? Кому мне песни петь? –
Если стала неревнивой Шага,
Коль дверей не смог я отпереть,*

Ни к чему в любви моей отвага.

*Мне пора обратно ехать в Русь.
Персия! Тебя ли покидаю?
Навсегда ль с тобою расстаюсь
Из любви к родимому мне краю?
Мне пора обратно ехать в Русь.*

*До свиданья, пери, до свиданья,
Пусть не смог я двери отпереть,
Ты дала красивое страданье,
Про тебя на родине мне петь.
До свиданья, пери, до свиданья.*

1925

«Голубая родина Фирдуси...»

*Голубая родина Фирдуси,
Ты не можешь, памятью про-
стым,
Позабыть о ласковом уресе
И глазах, задумчиво простых,
Голубая родина Фирдуси.*

*Хороша ты, Персия, я знаю,
Розы, как светильники, горят
И опять мне о далеком крае
Свежестью упругой говорят.
Хороша ты, Персия, я знаю.*

*Я сегодня пью в последний раз
Ароматы, что хмельны, как бра-
га.*

*И твой голос, дорогая Шага,
В этот трудный расставанья час
Слушаю в последний раз.*

*Но тебя я разве позабуду?
И в моей скитальческой судьбе
Близкому и дальнему мне люду
Буду говорить я о тебе –
И тебя навеки не забуду.*

*Я твоих несчастий не боюсь,
Но на всякий случай твой угрю-
мый
Оставляю песенку про Русь:
Запевая, обо мне подумай,
И тебе я в песне отзовусь...*

Март 1925

«БЫТЬ ПОЭТОМ – ЭТО ЗНАЧИТ ТО ЖЕ...»

*Быть поэтом – это значит
то же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие ду-
ши.*

Быть поэтом – значит петь раз-
долье,
Чтобы было для тебя известней.
Соловей поет – ему не больно,
У него одна и та же песня.

Канарейка с голоса чужого –
Жалкая, смешная побрякушка.
Миру нужно песенное слово
Петь по-свойски, даже как лягуш-
ка.

Магомет перехитрил в Коране,
Запрещая крепкие напитки,
Потому поэт не перестанет
Пить вино, когда идет на пытки.

И когда поэт идет к любимой,
А любимая с другим лежит на ло-
же,
Влагою живительной хранимый,
Он ей в сердце не запустит но-
жик.

Но, горя ревнивою отвагой,
Будет вслух насвистывать до до-
ма:
«Ну и что ж, помру себе бродягой,

На земле и это нам знакомо».

Август 1925

«Руки милой – пара лебедей...»

*Руки милой – пара лебедей –
В золоте волос моих ныряют.
Все на этом свете из людей
Песнь любви поют и повторяют.*

*Пел и я когда-то далеко
И теперь пою про то же снова,
Потому и дышит глубоко
Нежностью пропитанное слово.*

*Если душу вылюбить до дна,
Сердце станет глыбой золотою,
Только тегеранская луна
Не согреет песни теплотою.*

*Я не знаю, как мне жизнь про-
жить:
Догореть ли в ласках милой Шаги
Иль под старость трепетно ту-
жить
О прошедшей песенной отваге?*

*У всего своя походка есть:
Что приятно уху, что – для глаза.*

*Если перс слагает плохо песнь,
Значит, он вовек не из Шираза.*

*Про меня же и за эти песни
Говорите так среди людей:
Он бы пел нежнее и чудесней,
Да сгубила пара лебедей.*

Август 1925

«Отчего луна так светит тускло...»

*«Отчего луна так светит тускло
На сады и стены Хороссана?
Словно я хожу равниной русской
Под шуршащим пологом тумана», –*

*Так спросил я, дорогая Лала,
У молчащих ночью кипарисов,
Но их рать ни слова не сказала,
К небу гордо головы завывсив.*

*«Отчего луна так светит грустно?» –
У цветов спросил я в тихой чаще,
И цветы сказали: «Ты почувствуй
По печали розы шелестящей».*

Лепестками роза расплескалась,

*Лепестками тайно мне сказала:
«Шаганэ твоя с другим ласкалась,
Шаганэ другого целовала.*

*Говорила: «Русский не заметит...
Сердцу – песнь, а песне – жизнь
и тело...»
Оттого луна так тускло светит,
Оттого печально побледнела.*

*Слишком много виделось измены,
Слез и мук, кто ждал их,
кто не хочет.*

.....

.....

*Но и все ж вовек благословенны
На земле сиреневые ночи.*

Август 1925

«Глупое сердце, не бейся!..»

*Глупое сердце, не бейся!
Все мы обмануты счастьем,
Нищий лишь просит участия...
Глупое сердце, не бейся.*

*Месяца желтые чары
Льют по каштанам в пролесь.
Дале склонясь на шальвары,*

Я под чадрую укроюсь.

*Глупое сердце, не бейся.
Все мы порою, как дети,
Часто смеемся и плачем:
Выпали нам на свете
Радости и неудачи.
Глупое сердце, не бейся.*

*Многие видел я страны,
Счастья искал повсюду,
Только удел желанный
Больше искать не буду.
Глупое сердце, не бейся.*

*Жизнь не совсем обманула.
Новой напьемся силой.
Сердце, ты хоть бы заснуло
Здесь, на коленях у милой.
Жизнь не совсем обманула.*

*Может, и нас отметит
Рок, что течет лавиной,
И на любовь ответит
Песнею соловьиной.
Глупое сердце, не бейся.*

Август 1925

«Голубая да веселая страна...»

*Голубая да веселая страна.
Честь моя за песню продана.
Ветер с моря, тише дуй и вей –
Слышишь, розу кличет соловей?*

Слышишь, роза клонится и гнется –

*Эта песня в сердце отзовется.
Ветер с моря, тише дуй и вей –
Слышишь, розу кличет соловей?*

*Ты – ребенок, в этом спора нет,
Да и я ведь разве не поэт?
Ветер с моря, тише дуй и вей –
Слышишь, розу кличет соловей?*

*Дорогая Гелия, прости.
Много роз бывает на пути,
Много роз склоняется и гнется,
Но одна лишь сердцем улыбнется.*

*Улыбнемся вместе. Ты и я.
За такие милые края.
Ветер с моря, тише дуй и вей –
Слышишь, розу кличет соловей?*

Голубая да веселая страна.

Пусть вся жизнь моя за песню
продана,
Но за Гелию в тенях ветвей
Обнимает розу соловей.

1925

Капитан земли

Еще никто
Не управлял планетой,
И никому
Не пелась песнь моя.
Лишь только он,
С рукой своей воздетой,
Сказал, что мир –
Единая семья.

Не обольщен я
Гимнами герою,
Не трепещу
Кровопроводом жил.
Я счастлив тем,
Что сумрачной порою
Одними чувствами
Я с ним дышал
И жил.

Не то что мы,
Которым все так

Близко, –
Впадают в диво
И слоны...
Как скромный мальчик
Из Симбирска
Стал рулевым
Своей страны.

Средь рева волн
В своей расчистке,
Слегка суров
И нежно мил,
Он много мыслил
По-марксистски,
Совсем по-ленински
Творил.

Нет!
Это не разгулье Стеньки!
Не Пугачевский
Бунт и трон!
Он никого не ставил
К стенке.
Все делал
Лишь людской закон.

Он в разуме,
Отваги полный,

Лишь только прилегал
К рулю,
Чтобы об мыс
Дробились волны,
Простор давая
Кораблю.

Он – рулевой
И капитан,
Страшны ль с ним
Шквальные откосы?
Ведь, собранная
С разных стран,
Вся партия его –
Матросы.

Не трусь,
Кто к морю не привык:
Они за лучшие
Обеты
Зажгут,
Сойдя на материк,
Путеводительные светлы.

Тогда поэт
Другой судьбы,
И уж не я,
А он меж вами

Споет вам песни
В честь борьбы
Другими,
Новыми словами.

Он скажет:
«Только тот пловец,
Кто, закалив
В бореньях душу,
Открыл для мира наконец
Никем не виданную
Сушу».

17 января 1925

Мой путь

Жизнь входит в берега.
Села давнишний житель,
Я вспоминаю то,
Что видел я в краю.
Стихи мои,
Спокойно расскажите
Про жизнь мою.

Изба крестьянская.
Хомутный запах дегтя,
Божница старая,
Лампады кроткий свет.
Как хорошо,

Что я сберег те
Все ощущение детских лет.

Под окнами
Костер метели белой.
Мне девять лет.
Лежанка, бабка, кот...
И бабка что-то грустное
Степное пела,
Порой зевая
И крестя свой рот.

Метель ревела.
Под оконцем
Как будто бы плясали мертвецы.
Тогда империя
Вела войну с японцем,
И всем далекие
Мережились кресты.

Тогда не знал я
Черных дел России.
Не знал, зачем
И почему война.
Рязанские поля,
Где мужики косили,
Где сеяли свой хлеб,
Была моя страна.

Я помню только то,
Что мужики роптали,
Бранились в черта,
В бога и в царя.
Но им в ответ
Лишь улыбались дали
Да наша жидкая
Лимонная заря.

Тогда впервые
С рифмой я схлестнулся.
От сонма чувств
Вскружилась голова.
И я сказал:
Коль этот зуд проснулся,
Всю душу выплещу в слова.

Года далекие,
Теперь вы как в тумане.
И помню, дед мне
С грустью говорил:
«Пустое дело...
Ну, а если тянет –
Пиши про рожь,
Но больше про кобыл».

Тогда в мозгу,
Влеченьем к музе сжатом,

Текли мечтанья
В тайной тишине,
Что буду я
Известным и богатым
И будет памятник
Стоять в Рязани мне.

В пятнадцать лет
Взлюбил я до печенок
И сладко думал,
Лишь уединюсь,
Что я на этой
Лучшей из девчонок,
Достигнув возраста, женюсь.

.....

Года текли.
Года меняют лица –
Другой на них
Ложится свет.
Мечтатель сельский –
Я в столице
Стал первокласснейший поэт.

И, заболев
Писательскою скукой,
Пошел скитаться я
Средь разных стран,

Не веря встречаю,
Не томясь разлукой,
Считая мир весь за обман.

Тогда я понял,
Что такое Русь.
Я понял, что такое слава.
И потому мне
В душу грусть
Вошла, как горькая отравка.

На кой мне черт,
Что я поэт!..
И без меня в достатке дряни.
Пускай я сдохну.
Только..
Нет,
Не ставьте памятник в Рязани!

Россия... Царщина...
Тоска...
И снисходительность дворянства.
Ну что ж!
Так принимай, Москва,
Отчаянное хулиганство.

Посмотрим –

Кто кого возьмет!
И вот в стихах моих
Забил
В салонный вылощенный
Сброд
Мочой рязанская кобыла.

Не нравится?
Да, вы правы –
Привычка к Лориган
И к розам...
Но этот хлеб,
Что жрете вы, –
Ведь мы его того-с...
Навозом...

Еще прошли года.
В годах такое было,
О чем в словах
Всего не рассказать:
На смену царщине
С величественной силой
Рабочая предстала рать.

Устав таскаться
По чужим пределам,
Вернулся я
В родимый дом.

Зеленокосая,
В юбчонке белой
Стоит береза над прудом.

Уж и береза!
Чудная... А груди...
Таких грудей
У женщин не найдешь.
С полей обрызганные солнцем
Люди
Везут навстречу мне
В телегах рожь.

Им не узнать меня,
Я им прохожий.
Но вот проходит
Баба, не взглянув.
Какой-то ток
Невыразимой дрожи
Я чувствую во всю спину.

Ужель она?
Ужели не узнала?
Ну и пускай,
Пускай себе пройдет...
И без меня ей
Горечи немало –
Недаром лег

Страдальчески так рот.

*По вечерам,
Надвинув ниже кепи,
Чтобы не выдать
Холода очей, –
Хожу смотреть я
Скошенные степи
И слушать,
Как звенит ручей.*

*Ну что же?
Молодость прошла!
Пора приняться мне
За дело,
Чтоб озорливая душа
Уже по-зрелому запела.*

*И пусть иная жизнь села
Меня наполнит
Новой силой,
Как раньше
К славе привела
Родная русская кобыла.*

1925

Собаке Качалова

Дай, Джим, на счастье лапу мне,

Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую, бесшумную погоду.
Дай, Джим, на счастье лапу мне.

Пожалуйста, голубчик, не ли-
жись.
Пойми со мной хоть самое про-
стое.
Ведь ты не знаешь, что такое
жизнь,
Не знаешь ты, что жить на све-
те стоит.

Хозяин твой и мил и знаменит,
И у него гостей бывает в доме
много,
И каждый, улыбаясь, норовит
Тебя по шерсти бархатной потро-
гать.

Ты по-собачьи дьявольски красив,
С такою милою доверчивой при-
ятцей.
И, никого ни капли не спросив,
Как пьяный друг, ты лезешь цело-
ваться.

Мой милый Джим, среди твоих
гостей
Так много всяких и невсяких было.
Но та, что всех безмолвней
и грустней,
Сюда случайно вдруг не заходила?

Она придет, даю тебе поруку.
И без меня, в ее уставясь взгляд,
Ты за меня лизни ей нежно руку
За все, в чем был и не был вино-
ват.

1925

«Несказанное, синее, нежное...»

Несказанное, синее, нежное...
Тих мой край после бурь, после
гроз,
И душа моя – поле безбрежное –
Дышит запахом меда и роз.

Я утих. Годы сделали дело,
Но того, что прошло, не кляну.
Словно тройка коней оголтелая
Прокатилась во всю страну.

Напылили кругом. Накопытили.
И пропали под дьявольский свист.

*А теперь вот в лесной обители
Даже слышно, как падает лист.*

*Колокольчик ли? Дальнее эхо ли?
Все спокойно впивает грудь.
Стой, душа, мы с тобой проехали
Через бурный положенный путь.*

*Разберемся во всем, что видели,
Что случилось, что случилось
в стране,
И простим, где нас горько обиде-
ли
По чужой и по нашей вине.*

*Принимаю, что было и не было,
Только жаль на тридцатом го-
ду –
Слишком мало я в юности требо-
вал,
Забываясь в кабацком чаду.*

*Но ведь дуб молодой, не разжелу-
дьясь,
Так же гнется, как в поле трава...
Эх ты, молодость, буйная моло-
дость,
Золотая сорвиголова!*

1925

Песня

*Есть одна хорошая песня у соловушки –
Песня панихидная по моей голове.
Головке.*

*Цвела – забубенная, росла – ножевая,
А теперь вдруг свесилась, словно неживая.*

*Думы мои, думы! Боль в висках
и темени.
Промотал я молодость без поры,
без времени.*

*Как случилось-стало, сам не понимаю.
Ночью жесткую подушку к сердцу
прижимаю.*

*Лейся, песня звонкая, вылей трель
унылую.
В темноте мне кажется – обнимаю милую.*

За окном гармоника и сиянье ме-
сяца.

Только знаю – милая никогда
не встретится.

Эх, любовь-калинушка, кровь – за-
ря вишневая,
Как гитара старая и как песня
новая.

С теми же улыбками, радостью
и муками,
Что певалось дедами, то поется
внуками.

Пейте, пойте в юности, бейте
в жизнь без промаха –
Все равно любимая отцветет че-
ремухой.

Я отцвел, не знаю где. В пьянстве,
что ли? В славе ли?
В молодости нравился, а теперь
оставили.

Потому хорошая песня у соловуш-
ки,
Песня панихидная по моей голо-

вушке.

Цвела – забубенная, была – ножже-
вая,
А теперь вдруг свесилась, словно
неживая.

1925

«Ну, целуй меня, целуй...»

Ну, целуй меня, целуй,
Хоть до крови, хоть до боли.
Не в ладу с холодной волей
Кипяток сердечных струй.

Опрокинутая кружка
Средь веселых не для нас.
Понимай, моя подружка,
На земле живут лишь раз!

Оглядись спокойным взором,
Посмотри: во мгле сырой
Месяц, словно желтый ворон,
Кружит, вьется над землей.

Ну, целуй же! Так хочу я.
Песню тлен пропел и мне.
Видно, смерть мою почувал
Тот, кто вьется в вышине.

Увядающая сила!
Умирать – так умирать!
До кончины губы милой
Я хотел бы целовать.

Чтоб все время в синих дремах,
Не стыдясь и не тая,
В нежном шелесте черемух
Раздавалось: «Я твоя».

И чтоб свет над полной кружкой
Легкой пеной не погас –
Пей и пой, моя подружка:
На земле живут лишь раз!

1925

1 мая

Есть музыка, стихи и танцы,
Есть ложь и лесть...
Пуускай меня бранят за «Стан-
сы» –
В них правда есть.

Я видел праздник, праздник мая –
И поражен.
Готов был сгибнуть, обнимая
Всех дев и жен.

Куда пойдешь, кому расскажешь
На чье-то «хны»,
Что в солнечной купались пряже
Балаханы?

Ну как тут в сердце гимн не вы-
сечь,
Не впасть как в дрожь?
Гуляли, пели сорок тысяч
И пили тож.

Стихи! стихи! Не очень лефте!
Простей! Простей!
Мы пили за здоровье нефти
И за гостей.

И, первый мой бокал вздымая,
Одним кивком
Я выпил в этот праздник мая
За Совнарком.

Второй бокал, чтоб так, не очень
Вдрезину лечь,
Я гордо выпил за рабочих
Под чью-то речь.

И третий мой бокал я выпил,
Как некий хан,

За то, чтоб не сгибалась в хрипе
Судьба крестьян.

Пей, сердце! Только не в упор ты,
Чтоб жизнь губя...
Вот потому я пил четвертый
Лишь за себя.

1925

Письмо к сестре

О Дельвиге писал наш Александр,
О черепе выласкивал он
Строки.
Такой прекрасный и такой дале-
кий,
Но все же близкий.
Как цветущий сад!

Привет, сестра!
Привет, привет!
Крестьянин я иль не крестьянин?!
Ну как теперь ухаживает дед
За вишнями у нас, в Рязани?

Ах, эти вишни!
Ты их не забыла?
И сколько было у отца хлопот,
Чтоб наша тощая

*И рыжая кобыла
Выдерживала плугом корнеплод.*

*Отцу картофель нужен.
Нам был нужен сад.
И сад губили,
Да, губили, душка!
Об этом знает мокрая подушка
Немножко... Семь...
Иль восемь лет назад.*

*Я помню праздник,
Звонкий праздник мая.
Цвела черемуха,
Цвела сирень.
И, каждую березку обнимая,
Я был пьяней,
Чем синий день.*

*Березки!
Девушки-березки!
Их не любить лишь может тот,
Кто даже в ласковом подростковом
Предугадать не может плод.*

*Сестра! Сестра!
Друзей так в жизни мало!
Как и на всех,*

На мне лежит печать...
Коль сердце нежное твое
Устало,
Заставь его забыть и замолчать.

Ты Сашу знаешь.
Саша был хороший.
И Лермонтов
Был Саше по плечу.
Но болен я...
Сиреновой порошей
Теперь лишь только
Душу излечу.

Мне жаль тебя.
Останешься одна,
А я готов дойти
Хоть до дуэли.
«Блажен, кто не допил до дна»[1]
И не дослушал глас свирели.

Но сад наш!..
Сад...
Ведь и по нем весной
Пройдут твои
Заласканные дети.
О!
Пусть они

Помянут невпопад,
Что жили...

Чудаки на свете.

1925

«Заря окликает другую...»

Заря окликает другую,
Дымится овсяная гладь...
Я вспомнил тебя, дорогую,
Моя одряхлевшая мать.

Как прежде ходя на пригорок,
Костыль свой сжимая в руке,
Ты смотришь на лунный опорок,
Плывущий по сонной реке.

И думаешь горько, я знаю,
С тревогой и грустью большой,
Что сын твой по отчему краю
Совсем не болеет душой.

Потом ты идешь до погоста
И, в камень уставясь в упор,
Вздыхаешь так нежно и просто
За братьев моих и сестер.

Пускай мы росли ножевые,

*А сестры росли, как май,
Ты все же глаза живые
Печально не подымай.*

*Довольно скорбеть! Довольно!
И время тебе подсмотреть,
Что яблоне тоже больно
Терять своих листьев медь.*

*Ведь радость бывает редко,
Как вешняя звень поутру,
И мне – чем сгнивать на ветках –
Уж лучше сгореть на ветру.*

1925

«Не вернусь я в отчий дом...»

*Не вернусь я в отчий дом,
Вечно странствующий странник.
Об ушедшем над прудом
Пусть тоскует конопляник.*

*Пусть неровные луга
Обо мне поют крапивой, –
Брызжет полночью дуга,
Колокольчик говорливый.*

*Высоко стоит луна,
Даже шапки не докинуть.*

*Песне тайна не дана,
Где ей жить и где погинуть.
Но на склоне наших лет
В отчий дом ведут дороги.
Повезут глухие дроги
Полутруп, полускелет.*

*Ведь не даром с давних пор
Поговорка есть в народе:
Даже пес в хозяйский двор
Издыхать всегда приходит.*

*Ворочусь я в отчий дом –
Жил и не жил бедный странник...*

.....

...

*В синий вечер над прудом
Прослезится конопляник.*

1925

«Синий май. Заревая теплынь...»

*Синий май. Заревая теплынь.
Не прозвякнет кольцо у калитки.
Липким запахом веет польнь.
Спит черемуха в белой накидке.*

В деревянные крылья окна

Вместе с рамами в тонкие што-
ры
Вяжет взбалмошная луна
На полу кружевные узоры.

Наша горница хоть и мала,
Но чиста. Я с собой на досуге...
В этот вечер вся жизнь мне ми-
ла,
Как приятная память о друге.

Сад польщит, как пенный пожар,
И луна, напрягая все силы,
Хочет так, чтобы каждый дро-
жал
От щемящего слова «милый».

Только я в эту цветь, в эту гладь,
Под тальянку веселого мая,
Ничего не могу пожелать,
Все, как есть, без конца принимая.

Принимаю – приди и явись,
Все явись, в чем есть боль и отра-
да...
Мир тебе, отшумевшая жизнь.
Мир тебе, голубая прохлада.

1925

«Неуютная жидкая лунность...»

*Неуютная жидкая лунность
И тоска бесконечных равнин, –
Вот что видел я в резвую юность,
Что, любя, проклинал не один.*

*По дорогам усохшие вербы
И тележная песня колес...
Ни за что не хотел я теперь бы,
Чтоб мне слушать ее привелось.*

*Равнодушен я стал к лачугам,
И очажный огонь мне не мил,
Даже яблонь весеннюю вьюгу
Я за бедность полей разлюбил.*

*Мне теперь по душе иное.
И в чахоточном свете луны
Через каменное и стальное
Вижу мощь я родной стороны.*

*Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И березам и тополям.*

*Я не знаю, что будет со мною...
Может, в новую жизнь не гожусь,*

*Но и все же хочу я стальнойю
Видеть бедную, нищую Русь.*

*И, внимая моторному лаю
В сонме вьюг, в сонме бурь и гроз,
Ни за что я теперь не желаю
Слушать песню тележных колес.*

1925

«Прощай, Баку! Тебя я не увижу...»

*Прощай, Баку! Тебя я не увижу.
Теперь в душе печаль, теперь в ду-
ше испуг.*

*И сердце под рукой теперь боль-
ней и ближе,
И чувствую сильнее простое сло-
во: друг.*

*Прощай, Баку! Синь тюркская,
прощай!
Хладеет кровь, ослабевают силы.
Но донесу, как счастье, до могилы
И волны Каспия, и балахан-
ский май.*

*Прощай, Баку! Прощай, как песнь
простая!
В последний раз я друга обниму...*

Чтоб голова его, как роза золотая,
Кивала нежно мне в сиреневом дыму.

Май 1925

«Вижу сон. Дорога черная...»

Вижу сон. Дорога черная.
Белый конь. Стопа упорная.
И на этом на коне
Едет милая ко мне.
Едет, едет милая,
Только нелюбимая.

Эх, береза русская!
Путь-дорога узкая.
Эту милую, как сон,
Лишь для той, в кого влюблен,
Удержи ты ветками,
Как руками меткими.

Светит месяц. Синь и сонь.
Хорошо копытит конь.
Свет такой таинственный,
Словно для единственной –
Той, в которой тот же свет
И которой в мире нет.

Хулиган я, хулиган.
От стихов дурак и пьян.
Но и все ж за эту пруть,
Чтобы сердцем не остыть,
За березовую Русь
С нелюбимой помирюсь.

Июль 1925

«Спит ковыль. Равнина дорогая...»

*Спит ковыль. Равнина дорогая,
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не вольет мне в грудь мою теп-
лынь.*

*Знать, у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси –
Радуюсь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси?*

*Свет луны, таинственный и длин-
ный,
Плачут вербы, шепчут тополя.
Но никто под окрик журавлиный
Не разлюбит отчие поля.*

*И теперь, когда вот новым све-
том*

*И моей коснулась жизнь судьбы,
Все равно остался я поэтом
Золотой бревенчатой избы.*

*По ночам, прижавшись к изголо-
вью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет но-
вью
На мои поляны и луга.*

*Но и все же, новью той теснимый,
Я могу прочувственно пропеть:
Дайте мне на родине любимой,
Все любя, спокойно умереть!*

Июль 1925

«Каждый труд благослови, удача!...»

*Каждый труд благослови, удача!
Рыбаку – чтоб с рыбой невода,
Пахарю – чтоб плуг его и кляча
Доставали хлеба на года.*

*Воду пьют из кружек и стаканов,
Из кувшинок также можно
пить –
Там, где омут розовых туманов
Не устанет берег золотить.*

*Хорошо лежать в траве зеленой
И, впиваясь в прозрачную гладь,
Чей-то взгляд, ревнивый и влюб-
ленный,
На себе, уставшем, вспоминать.*

*Коростели свищут... коростели...
Потому так и светлы всегда
Те, что в жизни сердцем опросте-
ли
Под веселой ношею труда.*

*Только я забыл, что я крестья-
нин,
И теперь рассказываю сам,
Соглядатай праздный, я ль
не странен
Дорогим мне пашням и лесам.*

*Словно жаль кому-то и кого-то,
Словно кто-то к родине отвык,
И с того, поднявшись над боло-
том,
В душу плачут чибис и кулик.*

Июль 1925

«Видно, так заведено навеки...»

Видно, так заведено навеки –

*К тридцати годам перебежась,
Все сильней, прожженные калеки,
С жизнью мы удерживаем связь.*

*Милая, мне скоро стукнет тридцать,
И земля милей мне с каждым
днем.
Оттого и сердцу стало сниться,
Что горю я розовым огнем.*

*Коль гореть, так уж гореть сгорая,
И недаром в липовую цветъ
Вынул я кольцо у попугая –
Знак того, что вместе нам сгореть.*

*То кольцо надела мне цыганка.
Сняв с руки, я дал его тебе,
И теперь, когда грустит шарманка,
Не могу не думать, не робеть.*

*В голове болотный бродит омут,
И на сердце изморозь и мгла:
Может быть, кому-нибудь другому*

Ты его со смехом отдала?

*Может быть, целуясь до рассвета,
Он тебя расспрашивает сам,
Как смешного, глупого поэта
Привела ты к чувственным стихам.*

*Ну, и что ж! Пройдет и эта рана.
Только горько видеть жизни край.
В первый раз такого хулигана
Обманул проклятый попугай.*

Июль 1925

«Я иду долиной. На затылке кепи...»

*Я иду долиной. На затылке кепи,
В лайковой перчатке смуглая рука.*

*Далеко сияют розовые степи,
Широко синее тихая река.*

*Я – беспечный парень. Ничего
не надо.
Только б слушать песни – сердцем
подпевать,
Только бы струилась легкая прохлада,*

Только б не сгибалась молодая
стать.

Выйду за дорогу, выйду под отко-
сы, –
Сколько там нарядных мужиков
и баб!
Что-то шепчут грабли, что-то
свищут косы.
«Эй, поэт, послушай, слаб ты
иль не слаб?»

На земле милее. Полно плавать
в небо.
Как ты любишь доли, так бы
труд любил.
Ты ли деревенским, ты ль кре-
стьянским не был?
Размахнись косою, покажи
свой пыл».

Ах, перо не грабли, ах, коса не руч-
ка –
Но косою выводят строчки хоть
куда.
Под весенним солнцем, под весен-
ней тучкой
Их читают люди всякие года.

*К черту я снимаю свой костюм
английский.*

*Что же, дайте косу, я вам пока-
жу –*

*Я ли вам не свойский, я ли вам
не близкий,*

Памятью деревни я ль не дорожу?

*Нипочем мне ямы, нипочем мне
кочки.*

*Хорошо косою в утренний туман
Выводить по долам травяные
строчки,*

Чтобы их читали лошадь и баран.

*В этих строчках – песня, в этих
строчках – слово.*

*Потому и рад я в думах ни о ком,
Что читать их может каждая
корова,*

*Отдавая плату теплым моло-
ком.*

1925

«Я помню, любимая, помню...»

*Я помню, любимая, помню
Сиянье твоих волос.*

Не радостно и не легко мне

Покинуть тебя привелось.

*Я помню осенние ночи,
Березовый шорох теней,
Пусть дни тогда были короче,
Луна нам светила длинней.*

*Я помню, ты мне говорила:
«Пройдут голубые года,
И ты позабудешь, мой милый,
С другою меня навсегда».*

*Сегодня цветущая липа
Напомнила чувствам опять,
Как нежно тогда я сыпал
Цветы на кудрявую прядь.*

*И сердце, остыть не готовясь
И грустно другую любя,
Как будто любимую повесть
С другой вспоминает тебя.*

1925

«Тихий ветер. Вечер сине-хмурый...»

*Тихий ветер. Вечер сине-хмурый.
Я смотрю широкими глазами.
В Персии такие ж точно куры,
Как у нас в соломенной Рязани.*

Тот же месяц, только чуть пошире,
Чуть желтее и с другого края.
Мы с тобою любим в этом мире
Одинаково со всеми, дорогая.

Ночи теплые, – не в воле я, не в силах,
Не могу не прославлять,
не петь их.
Так же девушки здесь обнимают
милых
До вторых до петухов, до третьих.

Ах, любовь! Она ведь всем знакома,
Это чувство знают даже кошки,
Только я с отчизной и без дома
От нее собираю скромно крошки.

Счастья нет. Но горевать не буду –
Есть везде родные сердцу куры,
Для меня рассеяны повсюду
Молодые чувственные дуры.

С ними я все радости приемлю

*И для них лишь говорю стихами:
Оттого, знать, люди любят зем-
лю,
Что она пропахла петухами.*

Июль 1925

«Море голосов воробьиных...»

*Море голосов воробьиных.
Ночь, а как будто ясно,
Так ведь всегда прекрасно.
Ночь, а как будто ясно,
И на устах невинных
Море голосов воробьиных.*

*Ах, у луны такое
Светит – хоть кинься в воду.
Я не хочу покоя
В синюю эту погоду.
Ах, у луны такое
Светит – хоть кинься в воду.*

*Милая, ты ли? та ли?
Эти уста не устали.
Эти уста, как в струях,
Жизнь утолят в поцелуях.
Милая, ты ли? та ли?
Розы ль мне то нашептали?*

Сам я не знаю, что будет.
Близко, а может, гдей-то
Плачет веселая флейта.
В тихом вечернем гуде
Чту я за лилии груди.
Плачет веселая флейта,
Сам я не знаю, что будет.

1925

«Гори, звезда моя, не падай...»

Гори, звезда моя, не падай.
Роняй холодные лучи.
Ведь за кладбищенской оградой
Живое сердце не стучит.

Ты светишь августом и рожью
И наполняешь тишь полей
Такой рыдалистою дрожью
Неотлетевших журавлей.

И, голову вздымая выше,
Не то за рощей – за холмом
Я снова чью-то песню слышу
Про отчий край и отчий дом.

И золотеющая осень,
В березах убавляя сок,
За всех, кого любил и бросил,

Листвою плачет на песок.

*Я знаю, знаю. Скоро, скоро
Ни по моей, ни чьей вине
Под низким траурным забором
Лежать придется так же мне.*

*Погаснет ласковое пламя,
И сердце превратится в прах.
Друзья поставят серый камень
С веселой надписью в стихах.*

*Но, погребальной грусти внемля,
Я для себя сложил бы так:
Любил он родину и землю,
Как любит пьяница кабак.*

Август 1925

«Жизнь – обман с чарующей тоскою...»

*Жизнь – обман с чарующей тоскою,
Оттого так и сильна она,
Что своею грубою рукою
Роковые пишет письма.*

*Я всегда, когда глаза закрою,
Говорю: «Лишь сердце потревожь,
Жизнь – обман, но и она порою*

Украшает радостями ложь.

*Обратись лицом к седому небу,
По луне гадая о судьбе,
Успокойся, смертный, и не требуй
Правды той, что не нужна тебе».*

*Хорошо в черемуховой вьюге
Думать так, что эта жизнь –
стезя.*

*Пусть обманут легкие подруги,
Пусть изменяют легкие друзья.*

*Пусть меня ласкают нежным
словом,
Пусть острее бритвы злой язык, –
Я живу давно на все готовым,
Ко всему безжалостно привык.*

*Холодят мне душу эти выси,
Нет тепла от звездного огня.
Те, кого любил я, отреклись,
Кем я жил – забыли про меня.*

*Но и все ж, теснимый и гонимый,
Я, смотря с улыбкой на зарю,
На земле, мне близкой и люби-
мой,*

Эту жизнь за все благодарю.

Август 1925

«Листья падают, листья падают...»

*Листья падают, листья падают.
Стонет ветер,
Протяжен и глух.
Кто же сердце порадует?
Кто его успокоит, мой друг?*

*С отягченными веками
Я смотрю и смотрю на луну.
Вот опять петухи кукарекнули
В обосененную тишину.*

*Предрассветное. Синее. Раннее.
И летающих звезд благодать.
Загадать бы какое желание,
Да не знаю, чего пожелать.*

*Что желать под житейскою но-
шею,
Проклиная удел свой и дом?
Я хотел бы теперь хорошую
Видеть девушку под окном.*

*Чтоб с глазами она васильковы-
ми*

*Только мне –
Не кому-нибудь –
И словами и чувствами новыми
Успокоила сердце и грудь.*

*Чтоб под эту белую лунностью,
Принимая счастливый удел,
Я над песней не таял, не млея
И с чужою веселою юностью
О своей никогда не жалел.*

Август 1925

**«Над окошком месяц. Под окошком
ветер...»**

*Над окошком месяц. Под окош-
ком ветер.
Облетевший тополь серебрист
и светел.*

*Дальний плач тальянки, голос
одинокий –
И такой родимый, и такой дале-
кий.*

*Плачет и смеется песня лиховая.
Где ты, моя липа? Липа вековая?*

Я и сам когда-то в праздник спо-

зранку
Выходил к любимой, развернув
тальянку.

А теперь я милой ничего не значу.
Под чужую песню и смеюсь и плачу.

Август 1925

**«Сыпь, тальянка, звонко, сыпь,
тальянка, смело!..»**

Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!

Вспомнить, что ли, юность, ту,
что пролетела?

Не шуми, осина, не пыли, дорога.
Пусть несется песня к милой
до порога.

Пусть она услышит, пусть она
поплачет.

Ей чужая юность ничего не значит.

Ну, а если значит – проживет
не мучась.

Где ты, моя радость? Где ты,
моя участь?

*Лейся, песня, пуще, лейся, песня,
звяньше.*

*Все равно не будет то, что было
раньше.*

*За былую силу, гордость и осанку
Только и осталась песня под та-
льянку.*

Сентябрь 1925

«Я красивых таких не видел...»

Сестре Шуре

*Я красивых таких не видел,
Только, знаешь, в душе затаю
Не в плохой, а в хорошей обиде –
Повторяешь ты юность мою.*

*Ты – мое васильковое слово,
Я навеки люблю тебя.
Как живет теперь наша корова,
Грусть соломенную теребя?*

*Запоешь ты, а мне любимо,
Исцеляй меня детским сном.
Отгорела ли наша рябина,
Осыпаясь под белым окном?*

Что поет теперь мать за куде-

люю?
Я навеки покинул село,
Только знаю – багряной метелью
Нам листвы на крыльцо намело.

Знаю то, что о нас с тобой вме-
сте
Вместо ласки и вместо слез
У ворот, как о сгибшей невесте,
Тихо воет покинутый пес.

Но и все ж возвращаться не надо,
Потому и достался не в срок,
Как любовь, как печаль и отрада,
Твой красивый рязанский платок.

Сентябрь 1925

«Ах, как много на свете кошек...»

Сестре Шуре

Ах, как много на свете кошек,
Нам с тобой их не счесть нико-
гда.
Сердцу снится душистый горо-
шек,
И звенит голубая звезда.

Наяву ли, в бреду иль спросонок,

*Только помню с далекого дня –
На лежанке мурлыкал котенок,
Безразлично смотря на меня.*

*Я еще тогда был ребенок,
Но под бабкину песню вскок
Он бросался, как юный тигренок,
На оброненный ею клубок.*

*Все прошло. Потерял я бабуку,
А еще через несколько лет
Из кота того сделали шапку,
А ее износил наш дед.*

Сентябрь 1925

«Ты запой мне ту песню, что прежде...»

Сестре Шуре

*Ты запой мне ту песню,
что прежде
Напевала нам старая мать.
Не жалея о сгибшей надежде,
Я сумею тебе подпевать.*

*Я ведь знаю, и мне знакомо,
Потому и волнуй и тревожсь –
Будто я из родимого дома
Слышу в голосе нежную дрожь.*

*Ты мне пой, ну, а я с такою,
Вот с такою же песней, как ты,
Лишь немного глаза прикрою –
Вижу вновь дорогие черты.*

*Ты мне пой. Ведь моя отрада –
Что вовек я любил не один
И калитку осеннего сада,
И опавшие листья с рябин.*

*Ты мне пой, ну, а я припомню
И не буду забывчиво хмур:
Так приятно и так легко мне
Видеть мать и тоскующих кур.*

*Я навек за туманы и росы
Полюбил у березки стан,
И ее золотистые косы,
И холщовый ее сарафан.*

*Потому так и сердцу не жестко –
Мне за песнею и за вином
Показалась ты той березкой,
Что стоит под родимым окном.*

Сентябрь 1925

«В этом мире я только прохожий...»

Сестре Шуре

*В этом мире я только прохожий,
Ты махни мне веселой рукой.
У осеннего месяца тоже
Свет ласкающий, тихий такой.*

*В первый раз я от месяца греюсь,
В первый раз от прохлады согрет,
И опять и живу и надеюсь
На любовь, которой уж нет.*

*Это сделала наша равнинность,
Посоленная белью песка,
И измятая чья-то невинность,
И кому-то родная тоска.*

*Потому и навеки не скрою,
Что любить не отдельно,
не врозь –
Нам одною любовью с тобою
Эту родину привелось.*

Сентябрь 1925

«Эх вы, сани! А кони, кони!...»

*Эх вы, сани! А кони, кони!
Видно, черт их на землю принес.
В залихватском степном разгоне
Колокольчик хохочет до слез.*

Ни луны, ни собачьего лая
В далеке, в стороне, в пустыре.
Поддержись, моя жизнь удалая,
Я еще не навек постарел.

Пой, ямщик, вперекор этой ночи, –
Хочешь, сам я тебе подпою
Про лукавые девичьи очи,
Про веселую юность мою.

Эх, бывало, заломишь шапку,
Да заложешь в оглобли коня,
Да приляжешь на сена охапку, –
Вспоминай лишь, как звали меня.

И откуда бралась осанка,
А в полуночную тишину
Разговорчивая тальянка
Уговаривала не одну.

Все прошло. Поредел мой волос.
Конь издох, опустел наш двор.
Потеряла тальянка голос,
Разучившись вести разговор.

Но и все же душа не остыла,
Так приятны мне снег и мороз,
Потому что над всем, что было,

Колокольчик хохочет до слез.

1925

«Снежная замять дробится и колется...»

Снежная замять дробится и ко-
лется,
Сверху озябшая светит луна.
Снова я вижу родную околицу,
Через метель огонек у окна.

Все мы бездомники, много ли
нужно нам.
То, что далось мне, про то и пою.
Вот я опять за родительским
ужином,
Снова я вижу старушку мою.

Смотрит, а очи слезятся, слезят-
ся,
Тихо, безмолвно, как будто
без мук.
Хочет за чайную чашку взяться –
Чайная чашка скользит из рук.

Милая, добрая, старая, нежная,
С думами грустными ты не дру-
жись,
Слушай – под эту гармонику

снежную
Я расскажу про свою тебе жизнь.

Много я видел, и много я стран-
ствовал,
Много любил я и много страдал,
И оттого хулиганил и пьянство-
вал,
Что лучше тебя никого не видал.

Вот и опять у лежанки я греюсь,
Сбросил ботинки, пиджак свой
раздел.
Снова я ожил и снова надеюсь
Так же, как в детстве, на лучший
удел.

А за окном под метельные всхли-
пы,
В диком и шумном метельном
чаду,
Кажется мне – осыпаются липы,
Белые липы в нашем саду.

1925

«Синий туман. Снеговое раздолье...»

Синий туман. Снеговое раздолье,
Тонкий лимонный лунный свет.

Сердцу приятно с тихой болью
Что-нибудь вспомнить из ран-
них лет.

Снег у крыльца как песок зыбучий.
Вот при такой же луне без слов,
Шапку из кошки на лоб нахлобу-
чив,
Тайно покинул я отчий кров.

Снова вернулся я в край родимый.
Кто меня помнит? Кто позабыл?
Грустно стою я, как странник го-
нимый, –
Старый хозяин своей избы.

Молча я комкаю новую шапку,
Не по душе мне соболий мех.
Вспомнил я дедушку, вспомнил я
бабку,
Вспомнил кладбищенский рыхлый
снег.

Все успокоились, все там будем,
Как в этой жизни радей не ра-
дей, –
Вот почему так тянусь я к лю-
дям,

Вот почему так люблю людей.

*Вот отчего я чуть-чуть не запла-
кал*

*И, улыбаясь, душой погас, –
Эту избу на крыльце с собакой
Словно я вижу в последний раз.*

1925

**«Слышишь – мчатся сани, слышишь –
сани мчатся...»**

*Слышишь – мчатся сани, слы-
шишь – сани мчатся.
Хорошо с любимой в поле зате-
ряться.*

*Ветерок веселый робок и застен-
чив,
По равнине голой катится бубен-
чик.*

*Эх вы, сани, сани! Конь ты мой бу-
ланный!
Где-то на поляне клен танцует
пьяный.*

*Мы к нему подъедем, спросим –
что такое?*

*И станцуем вместе под тальянку
трое.*

Октябрь 1925

«Голубая кофта. Синие глаза...»

*Голубая кофта. Синие глаза.
Никакой я правды милой не ска-
зал.*

*Милая спросила: «Крутит ли ме-
тель?»
Затопить бы печку, постелить
постель».*

*Я ответил милой: «Нынче с высо-
ты
Кто-то осыпает белые цветы.*

*Затопи ты печку, постели по-
стель,
У меня на сердце без тебя ме-
тель».*

Октябрь 1925

«Снежная замять крутит бойко...»

*Снежная замять крутит бойко,
По полю мчится чужая тройка.*

Мчится на тройке чужая младость.

Где мое счастье? Где моя радость?

*Все укатилось под вихрем бойким
Вот на такой же бешеной тройке.*

Октябрь 1925

«Вечером синим, вечером лунным...»

*Вечером синим, вечером лунным
Был я когда-то красивым и юным.*

*Неудержимо, неповторимо
Все пролетело... далече... мимо...*

*Сердце остыло, и выцвели очи...
Синее счастье! Лунные ночи!*

Октябрь 1925

«Не криви улыбку, руки беребя...»

*Не криви улыбку, руки беребя,
Я люблю другую, только не тебя.*

Ты сама ведь знаешь, знаешь хорошо –

Не тебя я вижу, не к тебе пришел.

Проходил я мимо, сердцу все равно –

*Просто захотелось заглянуть
в окно.*

Октябрь 1925

«Сочинитель бедный, это ты ли...»

*Сочинитель бедный, это ты ли
Сочиняешь песни о луне?*

*Уж давно глаза мои остыли
На любви, на картах и вине.*

*Ах, луна влезает через раму,
Свет такой, хоть выколи глаза...
Ставил я на пиковую даму,
А сыграл бубнового туза.*

Октябрь 1925

**«Плачет метель, как цыганская
скрипка...»**

*Плачет метель, как цыганская
скрипка.*

*Милая девушка, злая улыбка,
Я ль не робею от синего взгляда?
Много мне нужно и много не на-*

до.

*Так мы далеки и так не схожи –
Ты молодая, а я все прожил.
Юношам счастье, а мне лишь па-
мять
Снежною ночью в лихую замять.*

*Я не заласкан – буря мне скрипка.
Сердце метелит твоя улыбка.*

1925

**«Ах, метель такая, просто черт
возьми!...»**

*Ах, метель такая, просто черт
возьми!
Забивает крышу белыми гвоздь-
ми.
Только мне не страшно, и в моей
судьбе
Непутевым сердцем я прибит
к тебе.*

1925

«Снежная равнина, белая луна...»

*Снежная равнина, белая луна,
Саваном покрыта наша сторона.*

*И березы в белом плачут по ле-
сам.
Кто погиб здесь? Умер?
Уж не я ли сам?*

1925

Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве

*Пастушонку Пете
Трудно жить на свете:
Тонкой хворостиной
Управлять скотиной.*

*Если бы корова
Понимала слово,
То жилось бы Пете
Лучше нет на свете.*

*Но коровы в спуске
На траве у леса,
Говоря по-русски,
Смыслят ни бельмеса.*

*Им бы лишь мычалось
Да трава качалась, –
Трудно жить на свете
Пастушонку Пете.*

Хорошо весною
Думать под сосною,
Улыбаясь в дреме,
О родимом доме.

Май все хорошеет,
Ели все игольчей;
На коровьей шее
Плачет колокольчик.

Плачет и смеется
На цветы и травы,
Голос раздаётся
Звоном средь дубравы.

Пете-пастушонку
Голоса не новы, –
Он найдет сторонку,
Где звенят коровы.

Соберет всех в кучу,
На село отгонит,
Не получит взбучу –
Чести не уронит.

Любо хворостиной
Управлять скотиной,
В ночь у перелесиц

Спи и плюй на месяц,

Ну, а если лето –
Песня плохо спета.
Слишком много дела –
В поле рожь поспела.

Ах, уж не с того ли
Дни похорошели, –
Все колосья в поле,
Как лебязьи шеи.

Но беда на свете
Каждый час готова,
Зазевался Петя –
В рожь зайдет корова.

А мужик, как взглянет,
Разведет ручищей
Да как в спину втянет
Прямо кнутовищей.

Тяжко хворостиной
Управлять скотиной.

Вот приходит осень
С цепью кленов голых,
Что шумит, как восемь

Чертенят веселых.

Мокрый лист с осины
И дорожных ивок
Так и хлещет в спину,
В спину и в загривок.

Елка ли, кусток ли,
Только в плоть до кожи
Сапоги промокли,
Одежонка – тоже.

Некому открыться,
Весь как есть пропащий.
Вспуганная птица
Улетает в чашу.

И дрожишь полсутки
То душой, то телом.
Рассказать бы утке –
Утка улетела.

Рассказать дубровам –
У дубровы опадь.
Рассказать коровам –
Им бы только лопать.

Нет, никто на свете

На обмокшем спуске
Пастушонка Петю
Не поймет по-русски.

Трудно хворостиной
Управлять скотиной.

Мыслит Петя с жаром:
То ли дело в мире
Жил он комиссаром
На своей квартире.

Знал бы все он сроки,
Был бы всех речистей,
Собирал оброки
Да дороги чистил.

А по вязкой грязи,
По осенней тряске
Ездил в каждом разе
В волостной коляске.

И приснился Пете
Страшный сон на свете.

Все доступно в мире, –
Петя комиссаром
На своей квартире

С толстым самоваром.

*Чай пьет на террасе,
Ездит в тарантасе,
Лучше нет на свете
Жизни, чем у Пети.*

*Но всегда недаром
Служат комиссаром:
Нужно знать все сроки,
Чтоб собирать оброки.*

*Чай, конечно, сладок,
А с вареньем – дважды,
Но блюсти порядок
Может, да не каждый.*

*Нужно знать законы,
Ну, а где же Пете?
Он еще иконы
Держит в волсовете.*

*А вокруг совета
В дождь и непогоду
С самого рассвета
Уймище народу.*

Наш народ ведь голый,

Что ни день, то с требой, –
То построй им школу,
То давай им хлеба.

Кто им наморочил?
Кто им накудахтал?
Отчего-то очень
Стал им нужен трактор.

Ну, а где же Пете?
Он ведь нас скотину –
Понимал на свете
Только хворостину.

А народ суровый
В ропоте и гаме
Хуже, чем коровы,
Хуже и упрямей.

С эдаким товаром
Дрянь быть комиссаром.

Взяли раз Петрушу
За живот, за душу,
Бросили в коляску
Да как дали таску...

.....
Тут проснулся Петя.

Сладко жить на свете!

*Встал, а день что надо, –
Солнечный, звенящий,
Легкая прохлада
Овевает чащи.*

*Петя с кротким словом
Говорит коровам:
«Не хочу и даром
Быть я комиссаром».*

*А над ним береза,
Веткой утираясь,
Говорит сквозь слезы,
Тихо улыбаясь:*

*«Тяжело на свете
Быть для всех примером.
Будь ты лучше, Петя,
Раньше пионером».*

*Малышам в острастку,
В мокрый день осенний,
Написал ту сказку
Я – Сергей Есенин.*

7/8 октября 1925

«Свищет ветер, серебряный ветер...»

*Свищет ветер, серебряный ветер,
В шелковом шелесте снежного
шума.*

*В первый раз я в себе заметил –
Так я еще никогда не думал.*

*Пусть на окошках гнилая сы-
рость,
Я не жалею, и я не печален.
Мне все равно эта жизнь полюби-
лась,
Так полюбилась, как будто внача-
ле.*

*Взглянет ли женщина с тихой
улыбкой –
Я уж взволнован. Какие плечи!
Тройка ль проскачет дорогой зыб-
кой –
Я уже в ней и скачу далече.*

*О, мое счастье и все удачи!
Счастье людское землей любимо.
Тот, кто хоть раз на земле запла-
чет, –
Значит, удача промчалась мимо.*

*Жить нужно легче, жить нужно
проще,
Все принимая, что есть на свете.
Вот почему, обалдев, над рощей
Свищет ветер, серебряный ветер.*

1925

«Мелколесье. Степь и дали...»

*Мелколесье. Степь и дали.
Свет луны во все концы.
Вот опять вдруг зарыдали
Разливные бубенцы.*

*Неприглядная дорога,
Да любимая навек,
По которой ездил много
Всякий русский человек.*

*Эх вы, сани! Что за сани!
Звоны мерзлые осин.
У меня отец – крестьянин,
Ну, а я – крестьянский сын.*

*Наплевать мне на известность
И на то, что я поэт.
Эту чахленькую местность
Не видал я много лет.*

*Тот, кто видел хоть однажды
Этот край и эту гладь,
Тот почти березке каждой
Ножку рад поцеловать.*

*Как же мне не прослезиться,
Если с венкой в стынь и звень
Будет рядом веселиться
Юность русских деревень.*

*Эх, гармошка, смерть-отрава,
Знать, с того под этот вой
Не одна лихая слава
Пропадала трын-травой.*

1925

«Цветы мне говорят – прощай...»

*Цветы мне говорят – прощай,
Головками склоняясь ниже,
Что я навеки не увижу
Ее лицо и отчий край.*

*Любимая, ну, что ж! Ну, что ж!
Я видел их и видел землю,
И эту гробовую дрожь
Как ласку новую приемлю.*

И потому, что я постиг

Всю жизнь, пройдя с улыбкой ми-
мо, –
Я говорю на каждый миг,
Что все на свете повторимо.

Не все ль равно – придет другой,
Печаль ушедшего не сгложет,
Оставленной и дорогой
Пришедший лучше песню сложит.

И, песне внемля в тишине,
Любимая с другим любимым,
Быть может, вспомнит обо мне
Как о цветке неповторимом.

Октябрь 1925

**«Клен ты мой опавший, клен
заледенелый...»**

Клен ты мой опавший, клен зале-
денелый,
Что стоишь нагнувшись под ме-
телью белой?

Или что увидел? Или что услы-
шал?
Словно за деревню погулять ты
вышел.

*И, как пьяный сторож, выйдя
на дорогу,
Утонул в сугробе, приморозил но-
гу.*

*Ах, и сам я нынче чтой-то стал
нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской по-
пойки.*

*Там вон встретил вербу, там сос-
ну приметил,
Распевал им песни под метель
о лете.*

*Сам себе казался я таким же кле-
ном,
Только не опавшим, а всюю зеле-
ным.*

*И, утратив скромность, одурев-
ши в доску,
Как жену чужую, обнимал берез-
ку.*

28 ноября 1925

«Какая ночь! Я не могу...»

Какая ночь! Я не могу.

Не спится мне. Такая лунность.
Еще как будто берегу
В душе утраченную юность.

Подруга охладевших лет,
Не называй игру любовью,
Пусть лучше этот лунный свет
Ко мне струится к изголовью.

Пусть искаженные черты
Он обрисовывает смело, –
Ведь разлюбить не сможешь ты,
Как полюбить ты не сумела.

Любить лишь можно только раз.
Вот оттого ты мне чужая,
Что липы тщетно манят нас,
В сугробы ноги погружая.

Ведь знаю я и знаешь ты,
Что в этот отсвет лунный, си-
ний
На этих липах не цветы –
На этих липах снег да иней.

Что отлюбили мы давно,
Ты не меня, а я – другую,
И нам обоим все равно

Играть в любовь недорогоу.

*Но все ж ласкай и обнимай
В лукавой страсти поцелуя,
Пусть сердцу вечно снится май
И та, что навсегда люблю я.*

30 ноября 1925

«Не гляди на меня с упреком...»

*Не гляди на меня с упреком,
Я презренья к тебе не таю,
Но люблю я твой взор с поволокой
И лукавую кротость твою.*

*Да, ты кажешься мне распро-
стертой,
И, пожалуй, увидеть я рад,
Как лиса, притворившись мерт-
вой,
Ловит воронов и воронят.*

*Ну, и что же, лови, я не струшу.
Только как бы твой пыл не погас?
На мою охладевшую душу
Натыкались такие не раз.*

*Не тебя я люблю, дорогая,
Ты лишь отзвук, лишь только*

тень.

*Мне в лице твоём снится другая,
У которой глаза – голубень.*

*Пусть она и не выглядит кроткой
И, пожалуй, на вид холодна,
Но она величавой походкой
Всколыхнула мне душу до дна.*

*Вот такую едва ль отуманишь,
И не хочешь пойти, да пойдешь,
Ну, а ты даже в сердце не вранишь
Напоенную ласкою ложь.*

*Но и все же, тебя презирая,
Я смущенно откроюсь навек:
Если б не было ада и рая,
Их бы выдумал сам человек.*

1 декабря 1925

«Ты меня не любишь, не жалеешь...»

*Ты меня не любишь, не жалеешь,
Разве я немного не красив?
Не смотря в лицо, от страсти
млеешь,
Мне на плечи руки опустив.*

Молодая, с чувственным ооска-

лом,
Я с тобой не нежен и не груб.
Расскажи мне, скольких ты ласкала?
Сколько рук ты помнишь? Сколько губ?

Знаю я – они прошли, как тени,
Не коснувшись твоего огня,
Многим ты садилась на колени,
А теперь сидишь вот у меня.

Пусть твои полузакрыты очи
И ты думаешь о ком-нибудь другом,
Я ведь сам люблю тебя не очень,
Утопая в дальнем дорогом.

Этот пыл не называй судьбою,
Легкодумна вспылчивая связь, –
Как случайно встретился с тобою,
Улыбнусь, спокойно разойдяся.

Да и ты пойдешь своей дорогой
Распылять безрадостные дни,
Только нецелованных не трогай,
Только негоревших не мани.

*И когда с другим по переулку
Ты пройдешь, болтая про любовь,
Может быть, я выйду на прогул-
ку,
И с тобою встретимся мы вновь.*

*Отвернув к другому ближе плечи
И немного наклонившись вниз,
Ты мне скажешь тихо: «Добрый
вечер!»
Я отвечу: «Добрый вечер, miss».*

*И ничто души не потревожит,
И ничто ее не бросит в дрожь, –
Кто любил, уж тот любить
не может,
Кто сгорел, того не подожджешь.*

4 декабря 1925

**«Может, поздно, может, слишком
рано...»**

*Может, поздно, может, слишком
рано,
И о чем не думал много лет,
Походить я стал на Дон-Жуана,
Как заправский ветреный поэт.*

Что случилось? Что со мною

сталось?
Каждый день я у других колен.
Каждый день к себе теряю жа-
лость,
Не смиряясь с горечью измен.

Я всегда хотел, чтоб сердце мень-
ше
Билось в чувствах нежных и про-
стых,
Что ж ищу в очах я этих жен-
щин –
Легкодумных, лживых и пустых?

Удержи меня, мое презренье,
Я всегда отмечен был тобой.
На душе холодное кипенье
И сирени шелест голубой.

На душе – лимонный свет заката,
И все то же слышно сквозь ту-
ман, –
За свободу в чувствах есть рас-
плата,
Принимай же вызов, Дон-Жуан!

И, спокойно вызов принимая,
Вижу я, что мне одно и то ж –

*Чтить метель за синий цве-
тень мая,
Звать любовью чувственную
дрожь.*

*Так случилось, так со мною ста-
лось,
И с того у многих я колен,
Чтобы вечно счастье улыбалось,
Не смиряясь с горечью измен.*

13 декабря 1925

**«Кто я? Что я? Только лишь
мечтатель...»**

*Кто я? Что я? Только лишь меч-
татель,
Перстень счастья ищущий
во мгле,
Эту жизнь живу я словно кста-
ти,
Заодно с другими на земле.*

*И с тобой целуюсь по привычке,
Потому что многих целовал,
И, как будто зажигая спички,
Говорю любовные слова.*

«Дорогая», «милая», «навек»,

*А в уме всегда одно и то ж,
Если тронуть страсти в челове-
ке,
То, конечно, правды не найдешь.*

*Оттого душе моей не жестко
Ни желать, ни требовать огня,
Ты, моя ходячая березка,
Создана для многих и меня.*

*Но, всегда ища себе родную
И томясь в неласковом плену,
Я тебя нисколько не ревную,
Я тебя нисколько не кляню.*

*Кто я? Что я? Только лишь меч-
татель,
Синь очей утративший во мгле,
И тебя любил я только кстати,
Заодно с другими на земле.*

1925

«До свиданья, друг мой, до свиданья...»

*До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.*

*Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.*

*До свиданья, друг мой, без руки,
без слова,
Не грусти и не печаль бровей, –
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.*

1925

Стихи на случай

Шуточные стихи, частушки

«„Пророк“ мой кончен, слава Богу...»

*«Пророк» мой кончен, слава Богу.
Мне надоело уж писать.
Теперь я буду понемногу
Свои ошибки разбирать.*

1913

«Перо не былъница...»

*Перо не былъница,
Но в нем есть звон.
Служи, чернильница,
Лесной канон.*

*О матери вечная,
Святой покров.
Любовь заречная –*

Без слов.

6 октября 1915

«Любовь Столица, Любовь Столица...»

*Любовь Столица, Любовь Столи-
ца,*

О ком я думал, о ком гадал.

Она как демон, она как львица, –

Но лик невинен и зорьно ал.

1915

**Частушки
(О поэтах)**

Я сидела на песке

У моста високова.

Нету лучше из стихов

Александра Блокова.

Сделала свистулечку

Из ореха грецкого.

Веселее нет и звонче

Песен Городецкого.

Неспокойная была,

Неспокой оставила.

Успокоили стихи

Кузмина Михаила.

Шел с Орехова туман,
Теперь идет из Зуева.
Я люблю стихи в лаптях
Миколая Клюева.

Дуют ветры от реки,
Дуют от околицы.
Есть и ситец и парча
У Любви Столицы.

Заливается в углу
Таракан, как пеночка.
Не подумай, что растешь,
Таня Ефименочка.

Ах, сыпь, ах, жарь,
Маяковский – бездарь.
Рожа краской питана,
Обокрал Уитмана.

Пляшет Брюсов по Тверской
Не мышом, а крысиной.
Дяди, дяди, я большой,
Скоро буду с лысиной.

1915–1917

«Ох, батюшки, ох-ох-ох...»

Ох, батюшки, ох-ох-ох,

*Есть поэт Мариенгоф.
Много кушал, много пил,
Без подштанников ходил.*

*Квас сухарный, квас янтарный,
Бочка старо-новая.
У Васятки у Каменского
Голова дубовая.*

1918–1919

**«Не надо радости всем ласкостям
дешевым...»**

*Не надо радости всем ласкостям
дешевым,
Я счастлив тем, что выпил с Му-
рашевым.*

Пасха, 1916 г., 10 апреля, 12½ ч.
ночи

«Не стихов золотая пена...»

*Не стихов золотая пена
И не Стенькина молва, –
Пониковская Елена
Тонко вяжет кружева.
Лес в них закутался,
Я – запутался.*

1918

Как должна рекомендоваться Марина

*Скажу Вам речь не плоскую,
В ней все слова важны:
Мариной Ивановскою
Вы звать меня должны.*

*Меня легко обрámите:
Я маленький портрет.
Сейчас учусь я грамоте,
И скоро мне шесть лет.*

*Глазенки мои карие
И щечки не плохи.
Ах, иногда в ударе я
Могу читать стихи.*

*Перо мое не славится,
Подчас пишу не в лад,
Но больше всего нравится
Мне кушать «шыколат».*

19 января 1924

«Дорогая Марья Антоновна...»

*Дорогая Марья Антоновна,
Сказать истинно и не условно:
Можно поклясться вашей преле-
стью глаз,*

*Не забывайте грешных нас.
Скандальный Верный Сергей.*

3 окт. 1924 г.

«Эх, жизнь моя...»

*Эх, жизнь моя,
Улыбка девичья.
За Гольдшмита пьем
И за Галькевича.*

*Будет пуст стакан,
Как и жизнь пуста.
Прижимай, Муран,
Свой бокал к устам.*

5 октября 1924 Баку

«Милая Пераскева...»

*Милая Пераскева,
Ведь Вы не Ева!
Всякие штуки бросьте,
Любите Костю.
Дружбой к Вам нежной осéнен,
Остаюсь – Сергей Есенин.*

P. S.

*Пьем всякую штуку.
Жму Вашу руку.*

1924

Клавдии Александровне Любимовой

*Из всякого сердца вынется
Какой-нибудь да привет.
Да здравствует именинница
На много лет!*

*Я знаю Вас очень недавно,
Клавдия Александровна,
Но жить Вам – богáтеть,
Кунеть да – мохнатеть!*

*К следующему году –
Прибавок к роду.
А через два годы, –
Детей, как ягоды.*

1924

«Калитка моя...»

*Калитка моя
Бревенчатая.
Девки, бабы
Поют о весне.*

*Прыгает грач
Над пашнею.
Проклинайте вы все*

Долю вчерашнюю.

*Довольно гнуть
Спины.
Я встретился с ней
У овина.*

*Говорил ей словами
О своей судьбе.
Умирающая деревня,
Вечная память тебе.*

1924–1925

«Дорогая моя Шагане...»

*Дорогая моя Шагане,
Вы приятны и милы мне.*

4 января 1925. Батум

«Никогда я не забуду ночи...»

*Никогда я не забуду ночи,
Ваш прищур, цилиндр мой и диван.
И как в Вас телячьи пучил очи
Всемирно знакомый Ванька и Иван.*

*Никогда над жизнью не грустите,
У нее корявых много лап.
И меня, пожалуйста, простите*

*За ночной приبلудный пьяный
храп.*

19 марта 1925

«Пускай я порою от спирта вымок...»

*Пускай я порою от спирта вымок,
Пусть сердце слабеет, тускне-
ют очи,
Но, Гурвич! взглянувши на этот
снимок,
Ты вспомни меня и «Бакинский ра-
бочий».*

*Не знаю, мой праздник иль худ-
ший день их,
Мы часто друг друга по-сучьи ла-
ем,
Но если бы Фришберг давал всем
денег,
Тогда бы газета была нам раем.*

25 апреля 1925 Баку

«Сердце вином не вымочу...»

*Сердце вином не вымочу.
Милому Евдокимочу,
Пока я тих,
Эта книга и стих.*

12 июня 1925

«Самые лучшие минуты...»

*Самые лучшие минуты
Были у милой Анюты.
Ее взоры, как синие дверцы,
В них любовь моя, в них и сердце.*

12 июня 1925

«Милый Вова...»

*Милый Вова,
Здорово.
У меня не плохая
«Жись»,
Но если ты не женился,
То не женись.*

26 июля 1925

«Пил я водку, пил я виски...»

*Пил я водку, пил я виски,
Только жаль, без вас, Быстрицкий.*

*Нам не нужно адов, раев,
Только б Валя жил Катаев.*

*Потому нам близок Саша,
Что судьба его как наша.*

1925

«И так всегда. За пьяною пирушкой...»

*И так всегда. За пьяною пирушкой,
Когда свершается всех дней круговорот,
Любой из нас, приподнимая кружку,
В нее слезу нечаянно прольет.*

*Мы все устали. Да, устали очень.
И потому наш голос за тобой –
За васильковые, смеющиеся очи
Над недовольною и глупою судьбой.*

1925

Коллективное Кантата

1. «Сквозь туман кровавый смерти...» (М. Герасимов)

*Сквозь туман кровавый смерти,
Чрез страданье и печаль
Мы провидим, – верьте, верьте, –
Золотую высь и даль.*

*Всех, кто был вчера обижен,
Обойден лихой судьбой,
С дымных фабрик, черных хижин
Мы скликаем в светлый бой.*

*Пусть последней будет данью
Наша жизнь и тяжкий труд.
Верьте, верьте, там за гранью
Зори новые цветут.*

**2. «Спите, любимые братья...»
(С. Есенин)**

*Спите, любимые братья,
Снова родная земля
Неколебимые рати
Движет под стены Кремля.*

*Новые в мире зачатъя,
Зарево красных зарниц...
Спите, любимые братья,
В свете нетленных гробниц.*

*Солнце златою печатью
Стражем стоит у ворот...
Спите, любимые братья,
Мимо вас движется ратью
К зорям вселенским народ.*

3. «Сойди с креста, народ распятый...»

(С. Клычков)

*Сойди с креста, народ распятый,
Преобразись, проклятый враг,
Тебе грозит судьба расплатой
За каждый твой неверный шаг.*

*В бою последнем нет пощады,
Но там, за гранями побед,
Мы вас принять в объятия рады,
Простив неволю долгих лет.*

*Ревни, земля, последней бурей,
Сзывай на бой, скликай на пир.
Пусть светит новый день в лазу-
ри,
Преображая старый мир.*

Осень 1918

Поэмы

Песнь о Евпатии Коловрате

*За поемами Улыбыша
Кружат облачные вентери.
Закурилася ковыльница
Подкопытною танагою.*

*Ой, не зымь лузга-заманница
Запоршила переточины, –
Подымались злы татаровья
На зарайскую сторонушку.*

*Не ждала Рязань, не чуяла
А и той разбойной допоту,
Под фатой варяжъей засынькой
Коротала ночку темную.*

*Не совиный ух зашурился,
И не волчья пасть оскалилася, –
То Батый с холма Чурилкова
Показал орде на зарево.*

*Как взглянули звезды-ласточки,
Загадали думу-полымя:
Чтой-то Русь захолынулася,*

Аль не слышит лязгу бранного?

*Щебетнули звезды месяцу:
«Ой ты, желтое ягнятище!
Ты не мни траву небесную,
Перестань бодаться с тучами.*

*Подыми-ка глаза-уголья
На рязанскую сторонушку
Да позарься в кутомарине,
Что там движется-колышет-
ся?»*

*Как взглянул тут месяц с привя-
зи,
А ин жвачка зубы вытерпла,
Поперхнулся с перепужины
И на землю кровью кашлянул.*

*Ой, текут кровя сугорами,
Стонут пасишные пажити,
Разыгрались злы татаровья,
Кровь полониками черпают.*

*Впереди сам хан на выпячи,
На коне сидит улыбисто
И жует, слюнявя бороду,
Кус подохлой кобылятины.*

Говорит он псиньым голосом:
«Ой ли, титники братанове,
Не пора ль нам с пира-пображни
Настремнить коней в Моско-
вию?»

От Ольшан до Швивой Заводи
Знают песни про Евпатия.
Их поют от белой вызнати
До холопного сермяжника.

Хоть и много песен сложено,
Да ни слову не уважено,
Не сочесть похвал той удали,
Не ославить смелой доблести.

Вились кудри у Евпатия,
В три ряда на плечи падали.
За гленищем ножик сеченый
Подпирал колено белое.

Как держал он кузню-крыницу,
Лошадей ковал да бражничал,
Да пешнёвые угорины
Двумя пальцами вытягивал.

Много лонешнего смолота
В закромах его затулено.

Не один рукав молодушек,
Утираясь, продырявился.

Да не любви, вишь, удалому
Эти всхлипы серых журушек,
А мила ему зазнобушка,
Что ль рязанская сторонушка.

Ой, не совы плачут полночью, –
За Коломной бабы хныкают,
В хомутах и наколодниках
Повели мужей татаровья.

Свищут потные погонщики,
Подгоняют полонянных,
По пыжну путь-дороженьке
Ставят вехами головушки.

Соходилися боярове,
Суд рядили, споры ладили,
Как смутить им силу вражью,
Соблюсти им Русь кондовую.

Снаряжали побегушника,
Уручали светлой грамотой:
«Ты беги, зови детинушку
На усуду свет Евпатия».

Ой, не колоб в поле катится
На позыв колдуньи с Шехмина, –
Проскакал ездок на Пилево,
Да назад опять ворочает.

На полях рязанских светится
Березняк при блеске месяца,
Освещая путь-дороженьку
От Ольшан до Швивой Заводи.

Прискакал ездок к Евпатюю,
Вынул вязевую грамоту:
«Ой ты, лазушновыи баторе,
Выручай ты Русь от лихости!»

У Палаги-шинкачерихи
На меду вино развожено,
Кумачовые кумашницы
Душниками занавешены.

Соходилися товарищи
Свет хороброго Евпатия,
Над сивухой думы думали,
Запивали думы брагою.

Говорил Евпатий бражникам:
«Ой ли, други закадычные,
Вы не пейте зелена вина,

Не губите сметку русскую.

*Зелено вино – мыслям пагуба,
Телесам оно – что коса траве,
Налетят на вас злые вороги
И развеют вас по соломинке!»*

*Не заря течет за Коломною,
Не пожар стоит над путиною –
Бьются соколы-дружинники,
Налетая на татаровье.*

*Всколыхнулось сердце Батыея:
Что случилось там, приключило-
ся?
Не рязанцы ль встали мертвые
На побоище кроволитное?*

*А рязанцам стать –
Только спьяну спать;
Не в бою бы быть,
А в снопах лежать.*

*Скачет хан на бела батыря,
С губ бежит слюна капучая.
И не меч Евпатий вытянул,
А свеча в руках затеплилась.*

*Не березки-белолицушки
Из-под гоноби подрублены –
Полегли соколья-друзники
Под татарскими насечками.*

*Возговорит лютый ханище:
«Ой ли, черти, куролесники.
Отешите череп батыря
Что ль на чашу на сивушную».*

*Уж он пьет не пьет, курвяжится,
Оглянётся да понюхает –
«А всего ты, сила русская,
На тыновье загодилася».*

1912, 1925

Марфа Посадница

*Не сестра месяца из темного бо-
лота
В жемчуге кокошник в небо запро-
кинула, –
Ой, как выходила Марфа за воро-
та,
Письменище черное из дулейки вы-
нула.*

*Расколосся зыками колокол на ве-
че,
Замахали кружевом полотнища
зорние;
Услыхали ангелы голос человечесий,
Отворили наскоро окна-ставни
горние.*

*Возговóрит Марфа голосом сереб-
ряно:
«Ой ли, внуки Васькины, правнуки
Микулы!
Грамотой московскою извольню
повелено
Выгомонить вольницы бражные
загулы!»*

Заходила буйница выхвали старинной,
Бороды, как молнии, выпячили грозно:
«Что нам Московия, – как поставник блинный!
Там бояр-те жены хлыстают загозно!»

Марфа на крылечко праву ножку кинула,
Левой помахала каблучком сафьяновым.
«Быть так», – кротко молвила,
черны брови сдвинула, –
Не ручьи-брызгатели выцветням
росяновым...

Не чернец беседует с Господом
в затворе –
Царь московский антихриста вызывает:
«Ой, Виельзевуле, горе мое, горе,
Новгород мне вольный ног не лобызает!»

Вылез из запечья сатана гадюкой,

В пучеглазых бельмах исчаведе ада.

*«Побожися душу выдать мне по-рукой,
Иначе не будет с Новгородом сла-да!»*

*Вынул он бумаги – облака клок,
Дал ему перо – от молнии стрелу.
Чиркнул царь кинжалищем локо-ток,
Расчеркнулся и зажал руку в полу.*

*Зарычит антихрист зёмным гу-дом:
«А и сроку тебе, царь, даю четыре-ста лет!
Как пойдет на Москву заморский Иуда,
Тут тебе с Новгородом и сла-ду нет!»*

*«А откуда гроза, когда ветер шумит?» –
Задаёт ему царь хитрой спрос.
Говорит сатана зыком черных згит:
«Этот ответ с собой ветер*

унес...»

На соборах Кремля колокола за-
плакали,
Собирались стрельцы из дальних
слобод;
Кони ржали, сабли звякали,
Глас приказный чинно слушал на-
род.

Закраснели хоругви, образа засвер-
кали,
Царь пожаловал бочку с вином.
Бабы подолами слезы утирали, –
Кто-то воротится невредим
в дом?

Пошли стрельцы, запылили по по-
лю:
«Берегись ты теперь, гордый Но-
воград!»
Пики тенькали, кони топали, –
Никто не пожалел и не обернулся
назад.

Возговорит царь жене своей:
«А и будет пир на красной браге!
Послал я сватать неучтивых се-

мэй,
Всем подушки голов расстелю
в овраге».

«Государь ты мой, – шомонит
жена, –
Моему ль уму судить суд тебе!..
Тебе власть дана, тебе воля дана,
Ты челом лишь бьешь одной судь-
бе...»

В зарукавнике Марфа Богу моли-
лась,
Рукавом горючи слезы утирала;
За окошко она наклонилась,
Голубей к себе на колени сзывала:

«Уж вы, голуби, слуги Боговы,
Солетайте-ко в райский терем,
Вертайтесь в земное логово,
Стучитесь к новоградским две-
рям!»

Приносили голуби от Бога пись-
мо,
Золотыми письменами рублен-
ное;
Села Марфа за расшитою тесь-

мой:

«Уж ты, счастье ль мое загублен-
ное!»

И писал Господь своей верной рабе:
«Не гони метлой тучу вихристу;
Как московский царь на кровавой
гульбе
Продал душу свою антихристу...»

А и минуло теперь четыре-
ста лет.

Не пора ли нам, ребята, взяться
за ум,
Исполнить святой Марфин завет:
Заглушить удалью москов-
ский шум?

А пойдете, бойцы, ловить крече-
тов,

Отошлем дикомытя с потребою
царю:

Чтобы дал нам царь ответ в се-
чи той,

Чтоб не застил он новгородскую
зарю.

Ты шуми, певунный Волохов, шу-

ми,
Разбуди Садко с Буслаем на-тор-
гаи!
Выше, выше, вихорь, тучи поды-
ми!
Ой ты, Новгород, родимый наш!

Как по былънице тропинка про-
легла;
А пойдѣмте стольный Киев
звать!
Ой ли вы, с Кремля колокола,
А пора небось и честь вам знать!

Пропоем мы Богу с ветрами тро-
парь,
Вспеним белую попончу,
Загудит нам с веча колокол,
как встарь,
Тут я, ребята, и покончу.

Сентябрь 1914

Пугачев

Анатолию Мариенгофу

1. Появление Пугачева в Яицком городке

Пугачев

Ох, как устал и как болит нога!..

Ржет дорога в жуткое пространство.

*Ты ли, ты ли, разбойный Чаган,
Приют дикарей и оборванцев?*

*Мне нравится степей твоих медь
И пропахшая солью почва.*

*Луна, как желтый медведь,
В мокрой траве ворочается.*

Наконец-то я здесь, здесь!

Рать врагов цепью волн распалась,

*Не удалось им на осиновый шест
Водрузить головы моей парус.*

Яик, Яик, ты меня звал

Стоном придавленной черни!

Пучились в сердце жабы глаза

*Грустящей в закат деревни.
Только знаю я, что эти избы –
Деревянные колокола,
Голос их ветер хмарью съел.*

*О, помоги же, степная мгла,
Грозно свершить мой замысел!*

Сторож

*Кто ты, странник? Что бродишь
долом?
Что тревожишь ты ночи гладь?
Отчего, словно яблоко тяжелое,
Виснет с шеи твоя голова?*

Пугачев

*В солончаковое ваше место
Я пришел из далеких стран, –
Посмотреть на золото телесное,
На родное золото славян.
Слушай, отче! Расскажи мне нежно,
Как живет здесь мудрый наш мужик?
Так же ль он в полях своих прилежно
Цедит молоко соломенное ржи?
Так же ль здесь, сломав зари за-*

стенок,
Гонится овес на водопой рысцой,
И на грядках, от капусты пенных,
Челноки ныряют огурцов?
Так же ль мирен труд домохозя-
ек,
Слышен прялки ровный разговор?

Сторож

Нет, прохожий! С этой жиз-
нью Яик
Раздружился с самых давних пор.

С первых дней, как оборвались
вожжи,
С первых дней, как умер третий
Петр,
Над капустой, над овсом, над ро-
жью
Мы задаром проливаем пот.

Нашу рыбу, соль и рынок,
Чем сей край богат и рьян,
Отдала Екатерина
Под надзор своих дворян.

И теперь по всем окраинам
Стонет Русь от цепких лапщ.

Воском жалоб сердце Каина
К состраданью не окапишь.
Всех связали, всех вневоллили,
С голоду хоть жри железо.
И течет заря над полем
С горла неба перерезанного.

Пугачев

Невеселое ваше житье!
Но скажи мне, скажи,
Неужель в народе нет суровой
хватки
Вытащить из сапогов ножи
И всадить их в барские лопатки?

Сторож

Видел ли ты,
Как коса в лугу скачет,
Ртом железным перекусывая но-
ги трав?
Оттого что стоит трава на ко-
рячках,
Под себя коренья подобрал.
И никуда ей, траве, не скрыться
От горячих зубов косы,
Потому что не может она,
как птица,
Оторваться от земли в синь.

Так и мы! Вросли ногами крови
в избы,
Что нам первый ряд подкошенной
травы?
Только лишь до нас не добра-
лись бы,
Только нам бы,
Только б нашей
Не скосили, как ромашке, головы.
Но теперь как будто пробудились,
И березами заплаканный наш
тракт
Окружает, как туман от сыро-
сти,
Имя мертвого Петра.
Пугачев
Как Петра? Что ты сказал, ста-
рик?

.....

...
Иль это взвыли в небе облака?

Сторож

Я говорю, что скоро грозный крик,
Который избы словно жаб влакал,
Сильней громов раскатится
над нами.

*Уже мятеж вздымает паруса.
Нам нужен тот, кто б первый
бросил камень.*

Пугачев

Какая мысль!

Сторож

О чем вздыхаешь ты?

Пугачев

*Я положил себе зарок молчать
до срока.*

.....
.....

*Клещи рассвета в небесах
Из пасти темноты
Выдергивают звезды, словно зубы,
А мне еще нигде вздремнуть
не удалось.*

Сторож

*Я мог бы предложить тебе
Тюфяк свой грубый,
Но у меня в доме всего одна кро-
вать,
И четверо на ней спит ребята-*

шек.

Пугачев

*Благодарю! Я в этом граде гость.
Дадут приют мне под любую
крышей.
Прощай, старик!*

Сторож

Храни тебя Господь!

.....
.....

*Русь, Русь! И сколько их таких,
Как в решето просеивающих
плоть,
Из края в край в твоих просторах
шляется?
Чей голос их зовет,
Вложив светильником им посох
в пальцы?
Идут они, идут! Зеленый сла-
вя гул,
Купая тело в ветре и в пыли,
Как будто кто сослал их всех
на каторгу
Вертеть ногами
Сей шар земли.*

Но что я вижу?
Колокол луны скатился ниже,
Он, словно яблоко увянувшее, мал.
Благовест лучей его стал глух.

Уж на нашесте громко заиграл
В куриную гармонику петух.

2. Бегство Калмыков

Первый голос

Послушайте, послушайте, послушайте,
Вам не снился тележный свист?
Нынче ночью на заре жидкой
Тридцать тысяч калмыцких кибиток
От Самары проползло на Иргис.
От российской чиновничьей неволи,
Оттого что, как куропаток,
их щипали
На наших лугах,
Потянулись они в свою Монголию
Стадом деревянных черепах.

Второй голос

Только мы, только мы лишь медлим,

*Словно страшен нам захлестнувший нас шквал.
Оттого-то шлет нам каждую неделю
Приказы свои Москва.
Оттого-то, куда бы ни шел ты,
Видишь, как под усмирителей меч
Прыгают кошками желтыми
Казацкие головы с плеч.*

Кирпичников

*Внимание! Внимание! Внимание!
Не будьте ж трусливы, как овцы,
Сюда едут на страшное дело вас
сманивать
Траубенберг и Тамбовцев.*

Казаки

К черту! К черту предателей!
.....

Тамбовцев

*Сми-рно-о!
Сотники казачьих отрядов,
Готовьтесь в поход!
Нынче ночью, как дикие звери,
Калмыки всем скопом орд
Изменили Российской империи*

И угнали с собой весь скот.
Потопленную лодку месяца
Чаган выплескивает на берег дня.
Кто любит свое отечество,
Тот должен слушать меня.
Нет, мы не можем, мы не мо-
жем, мы не можем
Допустить сей ущерб стране:
Россия лишилась мяса и кожи,
Россия лишилась лучших коней.
Так бросимтесь же в погоню
На эту монгольскую мразь,
Пока она всеми ладонями
Китаю не предалась.

Кирпичников

Стой, атаман, довольно
Об ветер язык чесать.
За Россию нам, конечно, больно,
Оттого что нам Россия – мать.
Но мы ничуть, мы ничуть не ис-
пугались,
Что кто-то покинул наши поля,
И калмык нам не желтый заяц,
В которого можно, как в пищу,
стрелять.
Он ушел, этот смуглый монго-
лец,

*Дай же Бог ему добрый путь.
Хорошо, что от наших околиц
Он без боли сумел повернуть.*

Траубенберг

Что это значит?

Кирпичников

*Это значит то,
Что, если б
Наши избы были на колесах,
Мы впрягли бы в них своих коней
И гужом с солончаковых плесов
Потянулись в золото степей.
Наши б кони, длинно выгнув шею,
Стадом черных лебедей
По водам ржи
Понесли нас, буйно хорошея,
В новый край, чтоб новой жизнью
жить.*

Казаки

Замучили! Загрызли, прохвосты!

Тамбовцев

*Казаки! Вы целовали крест!
Вы клялись...*

Кирпичников

*Мы клялись, мы клялись Екатерине
Быть оплотом степных границ,
Защищать эти пастбища синие
От налета разбойных птиц.
Но скажите, скажите, скажите,
Разве эти птицы не вы?
Наших пашен суровых житель
Не найдет, где прикрыть головы.*

Траубенберг

*Это измена!..
Связать его! Связать!*

Кирпичников

*Казаки, час настал!
Приветствую тебя, мятеж свирепый!
Что не могли в словах сказать
уста,
Пусть пулями расскажут пистолеты.*

(Стреляет.)

Траубенберг падает мертвым. Конвойные разбегаются. Казаки хватают лошадь Там-

бовцева под уздцы и стаскивают его на землю.

Голоса

Смерть! Смерть тирану!

Тамбовцев

О господи! Ну что я сделал?

Первый голос

*Мучил, злодей, три года,
Три года, как коршун белый,
Ни проезда не давал, ни прохода.*

Второй голос

*Откушай похлебки метелицы.
Отгулял, отстегал и отхвастал.*

Третий голос

Черта ли с ним канителиться?

Четвертый голос

Повесить его – и баста!

Кирпичников

*Пусть знает, пусть слышит
Москва –
На расправы ее мы взбыстрим.*

Это только лишь первый раскат,
Это только лишь первый вы-
стрел.

Пусть помнит Екатерина,
Что если Россия – пруд,
То черными лягушками в тину
Пушки мечут стальную икру.
Пусть носится над страной,
Что казак не ветла на прогоне
И в луны мешок травяной
Он башку незадаром сронит.

3. Осенней ночью

Караваев

Тысячу чертей, тысячу ведьм
и тысячу дьяволов!
Экий дождь! Экий скверный
дождь!
Скверный, скверный!
Словно вонючая моча волов
Льется с туч на поля и деревни.
Скверный дождь!
Экий скверный дождь!

Как скелеты тощих журавлей,
Стоят ощипанные вербы,
Плавя ребер медь.
Уж золотые яйца листьев на зем-

ле
Им деревянным брюхом не со-
греть,
Не вывести птенцов – зеленых
вербеныт,
По горлу их скользнул сентябрь,
как нож,
И кости крыл ломает на щебняк
Осенний дождь.
Холодный, скверный дождь!

О, осень, осень!
Голые кусты,
Как оборванцы, мокнут у дорог.
В такую непогодь собаки, сжав
хвосты,
Боятся головы просунуть за по-
рог,
А тут вот стой, хоть сгинь,
Но тьму глазами ешь,
Чтоб не пробрался вражеский ла-
зутчик.
Проклятый дождь!
Расправу за мятеж
Напоминают мне рыгающие ту-
чи.
Скорей бы, скорей в побег, в побег
От этих кровью выдоенных

стран.

*С объятьями нас принимает всех
С Екатериною воюющий султан.
Уже стекается придушенная
чернь*

*С озиркой, словно полевые мыши.
О солнце-колокол, твое ти-
ли-ли-день,
Быть может, здесь мы больше
не услышим!*

*Но что там? Кажется, шаги?
Шаги... Шаги...
Эй, кто идет? Кто там идет?*

Пугачев

Свой... свой...

Караваев

Кто свой?

Пугачев

Я, Емельян.

Караваев

*А, Емельян, Емельян, Емельян!
Что нового в этом мире, Еме-
льян?
Как тебе нравится этот дождь?*

Пугачев

*Этот дождь на счастье Бо-
гом дан,
Нам на руку, чтоб он хлестал всю
ночь.*

Караваев

*Да, да! Я тоже так думаю, Еме-
льян.
Славный дождь! Замечательный
дождь!*

Пугачев

*Нынче вечером, в темноте скры-
ваясь,
Я правительственные посты
осмотрел.
Все часовые попрятались, как зай-
цы,
Боясь замочить шинели.
Знаешь? Эта ночь, если только
мы выступим,
Не кровью, а зарею окрасила б на-
ши ножи,
Всех бы солдат без единого вы-
стрела
В сонном Яике мы могли уло-
жить...*

Завтра ж к утру будет ясная по-
года,
Сивым табуном проскачет
хмарь.
Слушай, ведь я из простого рода
И сердцем такой же степной ди-
карь!
Я умею, на сутки и версты
не трогаясь,
Слушать без ветра и твари шаг,
Оттого что в груди у меня,
как в берлоге,
Ворочается зверенышем теплым
душа.

Мне нравится запах травы, холо-
дом подожженной,
И сентябрьского листоleta про-
тяжный свист.
Знаешь ли ты, что осенью медве-
жонок
Смотрит на луну,
Как на вьющийся в ветре лист?
По луне его учит мать
Мудрости своей звериной,
Чтобы смог он, дурашливый,
знать
И призванье свое и имя.

.....
Я значение мое разгадал...

Караваяев

Тебе ж недаром верят?

Пугачев

*Долгие, долгие тяжкие года
Я учил в себе разуму зверя...
Знаешь? Люди ведь все со звериной
душой, –
Тот медведь, тот лиса, та волчи-
ца,
А жизнь – это лес большой,
Где заря красным всадником
мчится.
Нужно крепкие, крепкие иметь
клыки.*

Караваяев

*Да, да! Я тоже так думаю, Еме-
льян...
И если б они у нас были,
То московские полки
Нас не бросали, как рыб, в Чаган.
Они б побоялись нас жать
И карать так легко и просто
За то, что в чаду мятежа*

Убили мы двух прохвостов.

Пугачев

Бедные, бедные мятежники!
Вы цвели и шумели, как рожь.
Ваши головы колосьями нежны-
ми
Раскачивал июльский дождь.
Вы улыбались тварям...

.....
Послушай, да ведь это ж позор,
Чтоб мы этим поганым харям
Не смогли отомстить
до сих пор?
Разве это когда прощается,
Чтоб с престола какая-то блядь
Протягивала солдат, как пальцы,
Непокорную чернь умерщвлять!
Нет, не могу, не могу!
К черту султана с туретчиной,
Только на радость врагу
Этот побег опрометчивый.
Нужно остаться здесь!
Нужно остаться, остаться,
Чтобы вскипела месть
Золотою пургой акаций,
Чтоб пролились ножи
Железными струями люто!

*Слушай! Бросай сторожить,
Беги и буди весь хутор.*

4. Происшествие на Таловом умёте

Оболяев

*Что случилось? Что случилось?
Что случилось?*

Пугачев

*Ничего страшного. Ничего
страшного. Ничего страшного.
Там на улице жолклая сырость
Гонит туман, как стада бараш-
ковые.
Мокрою цаплей по лужам полей
бороздя,
Ветер заставил все живое,
Как жаб по их гнездам, скрыться,
И только порою,
Привязанная к нитке дождя,
Черным крестом в воздухе
Проболтнется шальная птица.
Это осень, как старый оборван-
ный монах,
Пророчит кому-то о погибели ве-
ще.*

.....
.....

*Послушайте, для наших благ
Я придумал кой-что похлеще.*

Караваяев

*Да, да! Мы придумали кой-что по-
хлеще.*

Пугачев

*Знаете ли вы,
Что по черни ныряет весть,
Как по гребням волн лодка с парусом
низким?
По-звериному любит мужик наш
на корточки сесть
И сосать эту весть, как коровьи
большие сиськи.*

*От песков Джигильды до Алатыря
Эта весть о том,
Что какой-то жестокий пово-
дырь
Мертвую тень императора
Ведет на российскую ширь.*

*Эта тень с веревкой на шее безмяс-
сой,
Отвалившуюся челюсть теребя,*

Скрипящими ногами приплясывая,
Идет отомстить за себя,
Идет отомстить Екатерине,
Подымая руку, как желтый кол,
За то, что она с сообщниками
своими,
Разбив белый кувшин
Головы его,
Взошла на престол.

Оболяев

*Это только веселая басня!
Ты, конечно, не за этим пришел,
Чтоб рассказать ее нам?*

Пугачев

*Напрасно, напрасно, напрасно
Ты так думаешь, брат Степан.*

Караваев

Да, да! По-моему, тоже напрасно.

Пугачев

*Разве важно, разве важно, разве
важно,
Что мертвые не встанут из могил?*

Но зато кой-где почву безвлаж-
ную

Этот слух словно плугом взрыл.
Уже слышится благовест бунтов,
Рев крестьян оглашает зенит,
И кустов деревянный табун
Безлиственной ковкой звенит.
Что ей Петр? – Злой и дикой ора-
ве? –

Только камень желанного случая,
Чтобы колья погромные правили
Над теми, кто грабил и мучил.
Каждый платит за лепту леп-
тою,
Месть щенками кровавыми ще-
нится.

Кто же скажет, что это свиреп-
ствуют

Бродяги и отщепенцы?

Это буйствуют россияне!

Я ж хочу научить их под хохот
сабель

Обтянуть тот зловещий скелет
парусами

И пустить его по безводным сте-
пям,

Как корабль.

*А за ним
По курганам синим
Мы живых голов двинем бурливый
флот.*

.....
.....
.....
.....

*Послушайте! Для всех отныне
Я – император Петр!*

Казачи

Как император?

Оболяев

Он с ума сошел!

Пугачев

*Ха-ха-ха!
Вас испугал могильщик,
Который, череп разложив как гор-
шок,
Варит из медных монет щи,
Чтоб похлепать в черный срок.
Я стращать мертвецом вас
не стану,
Но должны ж вы, должны по-
нять,*

Что этим кладбищенским пла-
ном
Мы подыдем монгольскую рать!
Нам мало того простолюдства,
Которое в нашем краю,
Пусть калмык и башкирец бьют-
ся
За бараньи костры средь юрт!

Зарубин

Это верно, это верно, это верно!
Кой нам черт умышлять побег?
Лучше здесь всем им головы сквер-
ные
Обломать, как колеса с телег.
Будем крыть их ножами и ма-
том,
Кто без сабли – так бей кирпи-
чом!
Да здравствует наш император,
Емельян Иванович Пугачев!

Пугачев

Нет, нет, я для всех теперь
Не Емельян, а Петр...

Караваев

Да, да, не Емельян, а Петр...

Пугачев

*Братья, братья, ведь каждый
зверь
Любит шкуру свою и имя...
Тяжко, тяжело моей голове
Опушать себя чуждым инеем.
Трудно сердцу светильником ме-
сти
Освещать корявые чащи.
Найдите, в мертвое имя влезть –
То же, что в гроб смердящий.*

*Больно, больно мне быть Пет-
ром,
Когда кровь и душа Емельянова.
Человек в этом мире не бревенча-
тый дом,
Не всегда перестроишь наново...
Но... к черту все это, к черту!
Прочь жалость телячьих нег!
Нынче ночью в половине четвер-
того
Мы устроить должны набег.*

5. Уральский каторжник

Хлопуша

Сумасшедшая, бешеная кровавая

муть!
Что ты? Смерть? Иль исцеленье
калекам?
Проведите, проведите меня
к нему,
Я хочу видеть этого человека.
Я три дня и три ночи искал ваш
умёт,
Тучи с севера сыпались каменной
грудой.
Слава ему! Пусть он даже
не Петр!
Чернь его любит за буйство
и удаль.
Я три дня и три ночи блуждал
по тропам,
В солонце рыл глазами удачу,
Ветер волосы мои, как солому,
трепал
И цепами дождя обмолачивал.
Но озлобленное сердце никогда
не заблудится,
Эту голову с шеи сшибить нелег-
ко.
Оренбургская заря красношерст-
ной верблюдицей
Рассветное роняла мне в рот мо-
локо.

И холодное корявое вымя сквозь
тьму
Прижимал я, как хлеб, к исто-
щенным векам.
Проведите, проведите меня
к нему,
Я хочу видеть этого человека.

Зарубин

Кто ты? Кто? Мы не знаем тебя!
Что тебе нужно в нашем лагере?
Отчего глаза твои,
Как два ценных кобеля,
Беспокойно ворочаются в соленой
влаге?
Что пришел ты ему сообщить?
Злое ль, доброе ль светится из па-
сти воспурга?
Прорубились ли в Азию бунтовщи-
ки?
Иль, как зайцы, бегут от Оренбур-
га?

Хлопуша

Где он? Где? Неужель его нет?
Тяжелее, чем камни, я нес мою
душу.
Ах, давно, знать, забыли в этой

стране
Про отчаянного негодяя и жулика
Хлопушу.
Смейся, человек!
В ваш хмурый стан
Посылаются замечательные раз-
ведчики.
Был я каторжник и арестант,
Был убийца и фальшивомонет-
чик.

Но всегда ведь, всегда ведь, ра-
но ли, поздно ли,
Расставляет расплата капканы
терний.
Заковали в колодки и вырвали
ноздри
Сыну крестьянина Тверской губер-
нии.
Десять лет –
Понимаешь ли ты, десять лет? –
То острожничал я, то бродяжил.
Это теплое мясо носил скелет
На общипку, как пух лебяжий.

Черта ль с того, что хотелось
мне жить?
Что жестокостью сердце устало

хмуриться?
Ах, дорогой мой,
Для помещика мужик –
Все равно что овца, что курица.
Ежесуточно молясь на зари жел-
тый гроб,
Кандалы я сосал голубыми рука-
ми...
Вдруг... три ночи назад... губерна-
тор Рейнсдорп,
Как сорвавшийся лист,
Взлетел ко мне в камеру...
«Слушай, каторжник!
(Так он сказал.)
Лишь тебе одному поверю я.
Там в ковыльных просторах ре-
вет гроза,
От которой дрожит вся империя,
Там какой-то пройдоха, мошен-
ник и вор
Вздумал вздыбить Россию ордой
грабителей,
И дворянские головы сечет то-
пор –
Как березовые купола
В лесной обители.
Ты, конечно, сумеешь всадить
в него нож?

*(Так он сказал, так он ска-
зал мне.)*

*Вот за эту услугу ты свободу най-
дешь*

*И в карманах зазвякает серебро,
а не камни».*

*Уж три ночи, три ночи, пробива-
ясь сквозь тьму,*

*Я ищу его лагерь, и спросить мне
некого.*

*Проведите ж, проведите меня
к нему,*

Я хочу видеть этого человека!

Зарубин

Странный гость.

Подуров

Подозрительный гость.

Зарубин

Как мы можем тебе довериться?

Подуров

*Их немало, немало, за червонцев
горсть*

Готовых пронзить его сердце.

Хлопуша

Ха-ха-ха!

*Это очень неглупо,
Вы надежный и крепкий щит.
Только весь я до самого пупа –
Местью вскормленный бунтов-
щик.*

*Каплет гноем смола прогорклая
Из разодранных ребер изб.
Завтра ж ночью я выбегу волком
Человеческое мясо грызть.
Все равно ведь, все равно ведь,
все равно ведь,
Не сожрешь – так сожрут те-
бя ж.*

*Нужно вечно держать наготове
Эти руки для драки и краж.
Верьте мне!*

*Я пришел к вам как друг.
Сердце радо в пурге расколоться,
Оттого, что без Хлопуши
Вам не взять Оренбург
Даже с сотней лихих полководцев.*

Зарубин

*Так открой нам, открой, открой
Тот план, что в тебе хоронится.*

Подуров

*Мы сейчас же, сейчас же пошлем
тебя в бой
Командиром над нашей конницей.*

Хлопуша

*Нет!
Хлопуша не станет биться.
У Хлопуши другая мысль.
Он хотел бы, чтоб гневные лица
Вместе с злобой умом налились.
Вы бесстрашны, как хищные зве-
ри,
Грозен лязг ваших битв и побед,
Но ведь все ж у вас нет артилле-
рии?
Но ведь все ж у вас пороху нет?*

*Ах, в башке моей, словно в бочке,
Мозг, как спирт, хлебной едко-
стью лют.
Знаю я, за Сакмарой рабочие
Для помещиков пушки льют.
Там найдется и порох, и ядра,
И наводчиков зоркая рать,
Только надо сейчас же, не откла-
дывая,
Всех крестьян в том краю взбун-*

товать.

Стыдно медлить здесь, стыдно
медлить,
Гнев рабов – не кобылий фырк...

Так давайте ж по липовой меду
Трахнем вместе к границам Уфы.

6. В стане Зарубина

Зарубин

Эй ты, люд честной да веселый,
Забубенная трын-трава!
Подружилась с твоими селами
Скуломордая татарва.
Свищут кони, как вихри, по полю,
Только взглянешь – и след про-
стыл.
Месяц, желтыми крыльями хло-
пая,
Раздирает, как ястреб, кусты.
Загляжусь я по ровной голи
В синью стынущие луга,
Не березовая ль то Монголия?
Не кибитки ль киргиз – стога?..

Слушай, люд честной, слушай,
слушай
Свой кочевнический пересвист!

Оренбург, осажденный Хлопушей,
Ест лягушек, мышей и крыс.
Третью страны уже в наших руках,
Третью страны мы как войско вы-
ставили.
Нынче ж в ночь потеряет враг
По Приволжью все склады и при-
стани.

Шигаев

Стоп, Зарубин!
Ты, наверное, не слышал,
Это видел не я...
Другие...
Многие...
Около Самары с пробитой башкой
ольха,
Капая желтым мозгом,
Прихрамывает при дороге.
Словно слепец, от ватаги своей
отстав,
С гнусавой и хриплой дрожью
В рваную шапку вороньего гнезда
Просит она на пропитанье
У проезжих и у прохожих.
Но никто ей не бросит даже кам-
ня.
В испуге крестясь на звезду,

Все считают, что это страшное
знамение,
Предвещающее беду.
Что-то будет.
Что-то должно случиться.
Говорят, наступит глад и мор,
По ту раз на лету будет склевы-
вать птица
Желудочное свое серебро.

Торнов

Да-да-да!
Что-то будет!
Повсюду
Воят слухи, как псы у ворот,
Дует в души суровому люду
Ветер сырью и вонью болот.
Быть беде!
Быть великой потере!
Знать, не зря с луговой стороны
Луны лошадиный череп
Каплет золотом сгнившей слю-
ны.

Зарубин

Врете! Врете вы,
Нож вам в спины!
С детства я не видал в глаза,

Чтоб от этакой чертовщины
Хуже бабы дрожал казак.

Шигаев

Не дрожим мы, ничуть не дро-
жим!
Наша кровь – не башкирские хля-
би.
Сам ты знаешь ведь, чьи ножи
Пробивали дорогу в Челябинск.
Сам ты знаешь, кто брал Осу,
Кто разбил наголо Сарапуль.
Столько мух не сидело у тебя
на носу,
Сколько пуль в наши спины вцара-
пали.
В стужу ль, в сырость ли,
В ночь или днем –
Мы всегда наготове к бою,
И любой из нас больше дорожит
конем,
Чем разбойной своей головою.
Но кому-то грозитя, грозитя
беда,
И ее ль казаку не слышать?
Посмотри, вон сидит дымовая
труба,
Как наездник, верхом на крыше.

Вон другая, вон третья,
Не счесть их рыл
С залихватской тоской остоло-
пов,
И весь дикий табун деревянных
кобыл
Мчится, пылью клубя, галопом.
Ну куда ж он? Зачем он?
Каких дорог
Оголтелые всадники ищут?
Их стегает, стегает переполох
По стеклянным глазам кнутови-
щем.

Зарубин

Нет, нет, нет!
Ты не понял...
То слышится звань,
Звань к оружию под каждой окон-
ницей.
Знаю я, нынче ночью идет на Ка-
зань
Емельян со свирепой конницей.
Сам вчера, от восторга едва ды-
ша,
За горой в предрассветной мгле
Видел я, как тянулись за Черем-
шан

*С артиллерией тысячи телег.
Как торжественно с хрипом ко-
лесным обоз
По дорожным камням грохотал.
Рев верблюдов сливался с бляени-
ем коз
И с гортанною речью татар.*

Торнов

*Что ж, мы верим, мы верим.
Быть может,
Как ты мыслишь, все так и есть;
Голос гнева, с бедою схожий,
Нас сзывает на страшную месть.
Дай Бог!
Дай Бог, чтоб так и случилось.*

Зарубин

*Верьте, верьте!
Я вам клянусь!
Не беда, а нежданная радость
Упадет на мужицкую Русь.
Вот вззвенел, словно сабли о пан-
цири,
Синий сумрак над ширью равнин.
Даже рощи –
И те повстанцами
Подымают хоругви рябин.*

*Зреет, зреет веселая сеча.
Взвоят в небо кровавый туман.
Гулом ядер и свистом картечи
Будет завтра их крыть Емельян.
И чтоб бунт наш гремел безыс-
ходней,
Чтоб вконец не сосала тоска, –
Я сегодня ж пошлю вас, сегодня,
На подмогу его войскам.*

7. Ветер качает рожь

Чумаков

*Что это? Как это? Неужель мы
разбиты?
Сумрак голодной волчицей выбе-
жал кровь зари лакать.
О эта ночь! Как могильные пли-
ты,
По небу тянутся каменные обла-
ка.
Выйдешь в поле, зовешь, зовешь,
Кличешь старую рать, что легла
под Сарептой,
И глядишь и не видишь – то ли зы-
бится рожь,
То ли желтые полчища пляшу-
щих скелетов.
Нет, это не август, когда осыпа-*

ются овсы,
Когда ветер по полям их коло-
тит дубинкой грубой.
Мертвые, мертвые, посмотрите,
кругом мертвецы,
Вон они хохочут, выплевывая
сгнившие зубы.
Сорок тысяч нас было, сорок ты-
сяч,
И все сорок тысяч за Волгой лег-
ли, как один.
Даже дождь так не смог бы тра-
ву иль солому высечь,
Как осыпали саблями головы на-
ши они.

Что это? Как это? Куда мы бе-
жим?
Сколько здесь нас в живых оста-
лось?
От горящих деревень бьющий ла-
пами в небо дым
Расстилает по земле наш позор
и усталость.
Лучше б было погибнуть нам
там и лечь,
Где кружит воронье беспокой-
ным, зловещим свадьбищем,

Чем струить эти пальцы пятер-
ками пылающих свеч,
Чем нести это тело с гробами
надежд, как кладбище!

Бурнов

Нет! Ты не прав, ты не прав,
ты не прав!
Я сейчас чувством жизни, как ни-
когда, болен.
Мне хотелось бы, как мальчишке,
кувыркаться по золоту трав
И сшибать черных галок с кре-
стов голубых колоколен.
Все, что отдал я за свободу черни,
Я хотел бы вернуть и поверить
снова,
Что вот эту луну,
Как керосиновую лампу в час ве-
черний,
Зажигает фонарищик из города
Тамбова.
Я хотел бы поверить, что эти
звезды – не звезды,
Что это – желтые бабочки, ле-
тящие на лунное пламя...
Друг!..
Зачем же мне в душу ты ропо-

том слезным
Бросаешь, как в стекла часовни,
камнем?

Чумаков

Что жалеть тебе смрадную хо-
лодную душу –
Околевшего медвежонка в тесной
берлоге?
Знаешь ли ты, что в Оренбурге за-
резали Хлопушу?
Знаешь ли ты, что Зарубин в Та-
бинском остроге?
Наше войско разбито вконец Ми-
хельсоном,
Калмыки и башкиры удрали
к Аральску в Азию.
Не с того ли так жалобно
Суслики в поле притоптанном
стонут,
Обрызгивая мертвые головы,
как кленовые листья, грязью?
Гибель, гибель стучит по дерев-
ням в колотушку.
Кто ж спасет нас? Кто даст нам
укрыться?
Посмотри! Там опять,
там опять за опушкой

*В воздух крылья крестами броса-
ют крикливые птицы.*

Бурнов

*Нет, нет, нет! Я совсем не хочу
умереть!
Эти птицы напрасно над нами
вьются.
Я хочу снова отроком, отряхая
с осинника медь,
Подставляя ладони, как белые
скользкие блюда.
Как же смерть?
Разве мысль эта в сердце поме-
стится,
Когда в Пензенской губернии у ме-
ня есть свой дом?
Жалко солнышко мне, жалко ме-
сяц,
Жалко тополь над низким окном.
Только для живых ведь благосло-
венны
Рощи, потоки, степи и зеленыя.
Слушай, плевать мне на всю все-
ленную,
Если завтра здесь не будет меня!
Я хочу жить, жить, жить,
Жить до страха и боли!*

Хоть карманником, хоть золото-
ротцем,
Лишь бы видеть, как мыши от ра-
дости прыгают в поле,
Лишь бы слышать, как лягушки
от восторга поют в колодце.
Яблоневым цветом брызжется
душа моя белая,
В синее пламя ветер глаза раздул.
Ради бога, научите меня,
Научите меня, и я что угодно сде-
лаю,
Сделаю что угодно, чтоб звенеть
в человеческом саду!

Творогов

Стойте! Стойте!
Если б знал я, что вы не трусли-
вы,
То могли б мы спастись без тру-
да.
Никому б не открыли наш заго-
вор безъязыкие ивы,
Сохранила б молчанье одинокая
в небе звезда.
Не пугайтесь!
Не пугайтесь жестокого плана,
Это не тяжелее, чем хруст лома-

емых в теле костей,
Я хочу предложить вам:
Связать на заре Емельяна
И отдать его в руки грозящих
нам смертью властей.

Чумаков

Как, Емельяна?

Бурнов

Нет! Нет! Нет!
Творогов
Хе-хе-хе!
Вы глупее, чем лошади!
Я уверен, что завтра ж,
Лишь золотом плюнет рассвет,
Вас развешат солдаты, как туш,
на какой-нибудь площади,
И дурак тот, дурак, кто жалеть
будет вас,
Оттого что сами себе вы придумали тернии.
Только раз ведь живем мы, только раз!
Только раз светит юность,
как месяц в родной губернии.
Слушай, слушай, есть дом у тебя
на Суре,

Там в окно твое тополь стучит-
ся багряными листьями,
Словно хочет сказать он хозяину
в хмурой октябрьской поре,
Что изранила его осень холодны-
ми меткими выстрелами.
Как же сможешь ты тополю по-
мочь?

Чем залечишь ты его деревянные
раны?

Вот такая же жизни осенняя гул-
кая ночь

Общипала, как тополь зубами до-
ждей, Емельяна.

Знаю, знаю, весной, когда лает во-
да,

Тополь снова покроется мягкой
зеленой кожей.

Но уж старые листья на нем
не взойдут никогда –

Их растащит зверье и потопчут
прохожие.

Что мне в том, что сумеет Еме-
льян скрыться в Азию?

Что, набравши кочевников, мо-
жет снова удариться в бой?

*Все равно ведь и новые листья па-
дут и покроются грязью.*

*Слушай, слушай, мы старые ли-
стья с тобой!*

*Так чего ж нам качаться на го-
лых корявых ветвях?*

*Лучше оторваться и броситься
в воздух кружиться,*

*Чем лежать и струить золотое
гниенье в полях,*

*Чем глаза твои выключают черные
хищные птицы.*

*Тот, кто хочет за мной, – в доб-
рый час!*

*Нам башка Емельяна – как челн
Потопающим в дикой реке...*

*Только раз ведь живем мы, толь-
ко раз!*

*Только раз славит юность,
как парус, луну вдалеке.*

8. Конец Пугачева

Пугачев

Вы с ума сошли! Вы с ума сошли!

Вы с ума сошли!

*Кто сказал вам, что мы уничто-
жены?*

Злые рты, как с протухшею пи-
щей кошли,
Зловонно рыгают бесстыдной ло-
жью.
Трижды проклят тот трус, него-
дьяй и злодей,
Кто сумел окормить вас такую
дурью.
Нынче ж в ночь вы должны осед-
лать лошадей
И попасть до рассвета со мною
в Гурьев.
Да, я знаю, я знаю, мы в страшной
беде,
Но затем-то и злей над туман-
ною вязью
Деревянными крыльями по кас-
пийской воде
Наши лодки заплещут, как лебе-
ди, в Азию.
О, Азия, Азия! Голубая страна,
Обсыпанная солью, песком и из-
весткой.
Там так медленно по небу едет
луна,
Поскрипывая колесами, как кир-
гиз с повозкой.
Но зато кто бы знал, как бурливо

и гордо
Скачут там шерстожелтые гор-
ные реки!
Не с того ли так свищут мон-
гольские орды
Всем тем диким и злым, что си-
дит в человеке?

Уж давно я, давно я скрывал тос-
ку
Перебраться туда, к их кочую-
щим станам,
Чтоб разящими волнами их свер-
кающих скул
Стать к преддверьям России,
как тень Тамерлана.
Так какой же мошенник, про-
хвост и злодей
Окормил вас бесстыдной трусли-
вой дурью?
Нынче ж в ночь вы должны осед-
лать лошадей
И попасть до рассвета со мною
в Гурьев.

Крямин

О смешной, о смешной, о смешной
Емельян!

Ты все такой же сумасбродный,
слепой и вкрадчивый;
Расплескалась удаль твоя по по-
лям,
Не вскипеть тебе больше ни в ка-
кой азиатчине.
Знаем мы, знаем твой монголь-
ский народ,
Нам ли храбрость его неизвест-
на?
Кто же первый, кто первый,
как не этот сброд
Под Сакмарой ударился в бег-
ство?
Как всегда, как всегда, эта дикая
гнушь
Выбирала для жертвы самых сла-
бых и меньших,
Только б грабить и жечь ей погра-
ничную Русь
Да привязывать к седлам добычей
женщин.
Ей всегда был приятней набег
и разбой,
Чем суровые походы с житейской
хмурью.

.....
.....

Нет, мы больше не можем идти
за тобой,
Не хотим мы ни в Азию,
ни на Каспий, ни в Гурьев.

Пугачев

Боже мой, что я слышу?
Казак, замолчи!
Я заткну твою глотку ножом
иль выстрелом...
Неужели и вправду отзвенели ме-
чи?
Неужель это плата за все, что я
выстрадал?
Нет, нет, нет, не поверю, не мо-
жет быть!
Не на то вы возрастали в степных
станицах,
Никакие угрозы суровой судьбы
Не должны вас заставить сми-
риться.
Вы должны разжигать еще боль-
ше тот взвой,
Когда ветер метелями с наших
стран дул...

Смело ж к Каспию! Смело
за мной!

Эй вы, сотники, слушать коман-
ду!

Крямин

Нет! Мы больше не слуги тебе!
Нас не взманит твое сумасброд-
ство.
Не хотим мы в ненужной и глупой
борьбе
Лечь, как толпы других, по пого-
стам.
Есть у сердца невзгоды и тайный
страх
От кровавых раздоров и стонов.
Мы хотели б, как прежде, в род-
ных хуторах
Слушать шум тополей и кленов.
Есть у нас роковая зацепка
за жизнь,
Что прочнее канатов и прово-
лок...
Не пора ли тебе, Емельян, сло-
жить
Перед властью мятежную голо-
ву?!

Все равно то, что было, назад
не вернешь,

*Знать, недаром листвою октябрь
заплакал...*

Пугачев

Как? Измена?

Измена?

Ха-ха-ха!..

Ну так что ж!

Получай же награду свою, собака!

(Стреляет.)

*Крямин падает мертвым. Казаки с криком
обнажают сабли. Пугачев, отмахиваясь кин-
жалом, пятится к стене.*

Голоса

Вяжите его! Вяжите!

Творогов

*Бейте! Бейте прямо саблей в мор-
ду!*

Первый голос

Натерпелись мы этой прыти...

Второй голос

Тащите его за бороду...

Пугачев

...Дорогие мои... Хор-рошые...
Что случилось? Что случилось?
Что случилось?
Кто так страшно визжит и хохочет
В придорожную грязь и сырость?
Кто хихикает там исподтишка,
Злобно отплевываясь от солнца?
.....
...Ах, это осень!
Это осень вытряхивает из мешка
Чеканенные сентябрем червонцы.
Да! Погиб я!
Приходит час...
Мозг, как воск, каплет глухо, глухо...
...Это она!
Это она подкупила вас,
Злая и подлая оборванная старуха.
Это она, она, она,
Разметав свои волосы зарею зыбкой,
Хочет, чтоб сгибла родная страна
Под ее невеселой холодной улыбкой.

Творогов

Ну, рехнулся... чего ж глазеть?
Вяжите!
Чай, не выбьет стены головою.
Слава Богу! конец его зверской рез-
не,
Конец его злобному волчьему вою.
Будет ярче гореть теперь осени
медь,
Мак зари черпаками ветров не вы-
хлестать.
Торопитесь же!
Нужно скорей поспеть
Передать его в руки правитель-
ства.

Пугачев

Где ж ты? Где ж ты, бывлая
мощь?
Хочешь встать – и рукою не мо-
жешь двинуться!
Юность, юность! Как майская
ночь,
Отзвенела ты черемухой в степ-
ной провинции.
Вот всплывает, всплывает синь
ночная над Доном,
Тянет мягкой гарью с сухих пере-
лесиц.

Золотую известкой над низень-
ким домом
Брызжет широкий и теплый ме-
сяц.
Где-то хрипло и нехотя кукарек-
нет петух,
В рваные ноздри пылью чихнет
околица,
И все дальше, все дальше, встрево-
живши сонный луг,
Бежит колокольчик, пока за го-
рой не расколется.
Боже мой!
Неужели пришла пора?
Неужель под душой так же пада-
ешь, как под ношей?
А казалось... казалось еще вчера...
Дорогие мои... дорогие... хор-ро-
шие...

Март – август 1921

Страна негодяев

Персонал

Комиссар из охраны железнодорожной линии Чекистов. Замарашкин – сочувствующий коммунистам. Доброволец. Бандит Номах.

Комиссары приисков: Рассветов, Чарин, Лобок.

Комендант поезда.

Красноармейцы.

Рабочие.

Советский сыщик Литза-Хун.

Повстанец Барсук.

Повстанцы.

Милиционеры.

Часть первая

На карауле

Снежная чаща. Железнодорожная будка Уральской линии. Чекистов, охраняющий линию, ходит с одного конца в другой.

Чекистов

*Ну и ночь! Что за ночь!
Черт бы взял эту ночь
С б..... холодом,*

И такой темнотой,
С тем, что нужно без устали
Бельма перить.

.....
Стой!
Кто идет?
Отвечай!..
А не то
Мой наган разmozжит твой че-
реп!
Стой, холера тебе в живот.

Замарашкин

Тише... тише...
Легче бранись, Чекистов!
От ругательств твоих
Даже у будки краснеют стены.
И с чего это, брат мой,
Ты так неистов?
Это ж... я... Замарашкин...
Иду на смену...

Чекистов

Черт с тобой, что ты Замараш-
кин!
Я ведь не собака,
Чтоб слышать носом.

Замарашкин

Ох, и зол же ты, брат мой!..
Аж до печенок страшно...
Я уверен, что ты страдаешь
Кровавым поносом...

Чекистов

Ну конечно, страдаю!..
От этой проклятой селедки
Может вконец развалиться брю-
хо.

О!

Если б теперь... рюмку водки...

Я бы даже не выпил...

А так...

Понюхал...

.....
Знаешь? Когда эту селедку берешь
за хвост,

То думаешь,

Что вся она набита рисом...

Разломаешь,

Глядь:

Черви... Черви...

Жирные белые черви...

Дьявол нас, знать, занес

К этой грязной мордве

И вонючим черемисам!

Замарашкин

Что ж делать,
Когда выпал такой нам год?
Скверный год! Отвратитель-
ный год!
Это еще ничего...
Там... За Самарой... Я слышал...
Люди едят друг друга...
Такой выпал нам год!
Скверный год!
Отвратительный год!
И к тому же еще чертова вьюга.

Чекистов

Мать твою в эт-твою!
Ветер, как сумасшедший мель-
ник,
Крутит жерновами облаков
День и ночь...
День и ночь...
А народ ваш сидит, бездельник,
И не хочет себе ж помочь.
Нет бездарней и лицемерней,
Чем ваш русский равнинный му-
жик!
Коль живет он в Рязанской губер-
нии,
Так о Тульской не хочет тужить.
То ли дело Европа?

Там тебе не вот эти хаты,
Которым, как глупым курам,
Головы нужно давно под топор...

Замарашкин

Слушай, Чекистов!..
С каких это пор
Ты стал иностранец?
Я знаю, что ты еврей,
Фамилия твоя Лейбман,
И черт с тобой, что ты жил
За границей..
Все равно в Могилеве твой дом.

Чекистов

Ха-ха!
Нет, Замарашкин!
Я гражданин из Веймара
И приехал сюда не как еврей,
А как обладающий даром
Укрощать дураков и зверей.
Я ругаюсь и буду упорно
Проклинать вас хоть тыся-
чи лет,
Потому что...
Потому что хочу в уборную,
А уборных в России нет.
Странный и смешной вы народ!

*Жили весь век свой нищими
И строили храмы Божие...
Да я б их давным-давно
Перестроил в места отхожие.
Ха-ха!
Что скажешь, Замарашкин?
Ну?
Или тебе обидно,
Что ругают твою страну?
Бедный! Бедный Замарашкин...*

Замарашкин

*Черт-те что ты городишь, Чеки-
стов!*

Чекистов

*Мне нравится околёсина.
Видишь ли... я в жизни
Был бедней церковного мыша
И глодал вместо хлеба камни.
Но у меня была душа,
Которая хотела быть Гамле-
том.
Глупая душа, Замарашкин!
Ха-ха!
А когда я немного подрос,
Я увидел...
Слышатся чьи-то шаги.*

Тише... Помолчи, голубчик...
Кажется... кто-то... кажется...
Черт бы взял этого мерзавца Но-
маха
И всю эту банду повстанцев!
Я уверен, что нынче ночью
Ты заснешь, как плаха,
А он опять остановит поезд
И разграбит станцию.

Замарашкин

Я думаю, этой ночью он не при-
дет.
Нынче от холода в воздухе
Дошли птицы.
Для конницы нынче
Дорога скользкая, как лед,
А с пехотой прийти
Он и сам побоится.
Нет! этой ночью он не придет!
Будь спокоен, Чекистов!
Это просто с мороза проскрипело
дерево...

Чекистов

Хорошо! Я спокоен. Сейчас уйду.
Продрог до костей от волчьей
стужи.

*А в казарме сегодня,
Как на беду,
Из прогнившей картошки
Холодный ужин.
Эх ты, Гамлет, Гамлет!
Ха-ха, Замарашкин!..
Прощай!
Карауль в оба!..*

Замарашкин

*Хорошего аппетита!
Спокойной ночи!*

Чекистов

Мать твою в эт-твою!

(Уходит.)

Ссора из-за фонаря

Некоторое время Замарашкин расхаживает около будки один. Потом неожиданно подносит руку к губам и издает в два пальца осторожный свист. Из чащи, одетый в русский полушубок и в шапку-ушанку, выскакивает Номах.

Номах

Что говорил тебе этот коммунист?

Замарашкин

*Слушай, Номах! Оставь это дело.
Они за тебя по-настоящему взя-
лись.*

*Как бы не на столбе
Очутилось твое тело.*

Номах

*Ну так что ж!
Для ворон будет пища.*

Замарашкин

Но ты должен щадить других.

Номах

*Что другие?
Свора голодных нищих.
Им все равно...
В этом мире немытом
Душу человеческую
Ухорашивают рублем,
И если преступно здесь быть бан-
дитом,
То не более преступно,
Чем быть королем...
Я слышал, как этот прохвост
Говорил тебе о Гамлете.*

Что он в нем смыслит?
Гамлет восстал против лжи,
В которой варился королевский
двор.
Но если б теперь он жил,
То был бы бандит и вор.
Потому что человеческая жизнь
Это тоже двор,
Если не королевский, то скотный.

Замарашкин

Помнишь, мы зубрили в школе?
«Слова, слова, слова...»
Впрочем, я вас обоих
Слушаю неохотно.
У меня есть своя голова.
Я только всему свидетель,
В тебе ж люблю старого друга.
В час несчастья с тобой на свете
Моя помощь к твоим услугам.

Номах

Со мною несчастье всегда.
Мне нравятся жулики и воры.
Мне нравятся груди,
От гнева спертые.
Люди устраивают договоры,
А я посылаю их к черту.

Кто смеет мне быть правителем?

*Пусть те, кому дорог хлеб,
Называются гражданами и жителями*

*И жиреют в паршивом тепле.
Это все твари тленные!*

*Предмет для навозных куч!
А я – гражданин вселенной,
Я живу, как я сам хочу!*

Замарашкин

*Слушай, Номах... Я знаю,
Быть может, ты дьявольски прав,
Но все ж... Я тебе желаю
Хоть немного смирить свой нрав.
Подумай... Не завтра, так после...
Не после... Так после опять...
Слова ведь мои не кости,
Их можно легко прожевать.
Ты понимаешь, Номах?*

Номах

*Ты думаешь, меня это страшит?
Я знаю мою игру.
Мне здесь на все наплевать.
Я теперь вконец отказался*

от многого,
И в особенности от государства,
Как от мысли праздной,
Оттого что постиг я,
Что все это договор,
Договор зверей окраски разной.
Люди обычай чтут как науку,
Да только какой же в том смысл
и прок,
Если многие громко сморкаются
в руку,
А другие обязательно в носовой
платок.
Мне до дьявола противны
И те и эти.
Я потерял равновесие...
И знаю сам –
Конечно, меня подвесят
Когда-нибудь к небесам.
Ну так что ж!
Это еще лучше!
Там можно прикуривать о звез-
ды...
Но...
Главное не в этом.
Сегодня проходит экспресс,
В 2 ночи –
46 мест.

*Красноармейцы и рабочие.
Золото в слитках.*

Замарашкин

Ради бога, меня не впутывай!

Номах

Ты дашь фонарь?

Замарашкин

Какой фонарь?

Номах

Красный.

Замарашкин

Этого не будет!

Номах

Будет хуже.

Замарашкин

Чем хуже?

Номах

Я разберу рельсы.

Замарашкин

*Номах! Ты подлец!
Ты хочешь меня под расстрел...
Ты хочешь, чтоб трибунал...*

Номах

*Не беспокойся! Ты будешь цел.
Я 200 повстанцев сюда пригнал.
Коль боишься расстрела,
Бежим со мной.*

Замарашкин

*Я? С тобой?
Да ты спятил с ума!*

Номах

*В голове твоей бродит
Непроглядная тьма.
Я думал – ты смел,
Я думал – ты горд,
А ты только лишь лакей
Узаконенных держиморд.
Ну так что ж!
У меня есть выход другой,
Он не хуже...*

Замарашкин

*Я не был никогда слугой.
Служит тот, кто трус.*

Я не пленник в моей стране,
Ты меня не заманишь к себе.
Уходи! Уходи!
Уходи, ради дружбы.

Номах

Ты, как сука, скулишь при луне...

Замарашкин

Уходи! Не заставь скорбеть...
Мы ведь товарищи старые...
Уходи, говорю тебе...

(Трясет винтовкой.)

А не то вот на этой гитаре
Я сыграю тебе разлуку.

Номах (смеясь)

Слушай, защитник коммуны,
Ты, пожалуй, этой гитарой
Оторвешь себе руку.
Спрячь-ка ее, бесструнную,
Чтоб не охрипла на холоде.
Я и сам ведь сонату лунную
Умею играть на кольте.

Замарашкин

Ну и играй, пожалуйста.

*Только не здесь!
Нам такие музыканты не нужны.
Номах
Все вы носите овечьи шкуры,
И мясник пасет для вас ножи.
Все вы стадо!
Стадо! Стадо!
Неужели ты не видишь? Не поймешь,
Что такого равенства не надо?
Ваше равенство – обман и ложь.
Старая гнусавая шарманка
Этот мир идейных дел и слов.
Для глупцов – хорошая приманка,
Подлецам – порядочный улов.
Дай фонарь!*

Замарашкин

Иди ты к черту!

Номах

*Тогда не гневайся,
Пускай тебя не обижает
Другой мой план.*

Замарашкин

Ни один план твой не пройдет.

Номах

Ну, это мы еще увидим...

.....
Послушай, я тебе скажу:

Коль я хочу,

Так, значит, надо.

Ведь я башкой моей не дорожусь

И за грабеж не требую награды.

Все, что возьму,

Я все отдам другим.

Мне нравится игра,

Ни слава и ни злато.

Приятно мне под небом голубым

Утешить бедного и вшивого со-

брата.

Дай фонарь!

Замарашкин

Отступись, Номах!

Номах

*Я хочу сделать для бедных празд-
ник.*

Замарашкин

Они сделают его сами.

Номах

Они сделают его через 1000 лет.

Замарашкин

И то хорошо.

Номах

А я сделаю его сегодня.

.....

Бросается на Замарашкина и давит его за горло. Замарашкин падает. Номах завязывает ему рот платком и скручивает веревками руки и ноги. Некоторое время он смотрит на лежащего, потом идет в будку и выходит оттуда с зажженным красным фонарем.

Часть вторая Экспресс № 5

Салон-вагон. В вагоне страшно накурено. Едут комиссары и рабочие. Ведут спор.

Рассветов

*Чем больше гляжу я на снежную ширь,
Тем думаю все упорнее.
Черт возьми!
Да ведь наша Сибирь
Богаче, чем желтая Калифорния.
С этими запасами руды*

Нам не страшна никакая
Мировая блокада.
Только работай! Только трудись!
И в республике будет,
Что кому надо.
Можно ль представить,
Что в месяцу один
Открыли пять золотонос-
ных жил!
В Америке это было бы сенсацией,
На бирже стоял бы рев.
Маклера бы скупали акции,
Выдавая 1 пуд за 6 пудов.
Я работал в клондайкских приис-
ках,
Где один нью-йоркский туз
За 3 миллиона без всякого риска
12½ положил в картуз.
А дело все было под шепот,
Просто биржевой трюк,
Но многие, денежки вхлопав,
Остались почти без брюк.
О! эти американцы...
Они – неуничтожимая моль.
Сегодня он в оборванцах,
А завтра золотой король.
Так было и здесь...
Самый простой прощелыга,

Из индианских мест,
Жил, по-козлиному прыгал
И вдруг в богачи пролез.
Я помню все штуки эти.
Мы жили в ночлежках с ним.
Он звал меня мистер Развети,
А я его – мистер Джим.
«Послушай, – сказал он, – please[2],
Ведь это не написано в брамах,
Чтобы без whisky и miss
Мы валялись с тобою в ямах.
У меня в животе лягушки
Завелись от голодных дум.
Я хочу хорошо кушать
И носить хороший костюм.
Есть одна у меня затея,
И если ты не болван,
То без всяких словес, не потея,
Согласишься на этот план.
Нам нечего очень стараться,
Чтоб расходовать жизнен-
ный сок.
Я знаю двух-трех мерзавцев,
У которых золотой песок.
Они нам отыщут банкира
(т. е. мерзавцы эти),
И мы будем королями мира...
Ты понял, мистер Развети?»

*«Открой мне секрет, Джим!» –
Сказал я ему в ответ.
А он мне сквозь трубочный дым
Пробулькал:
«Секретов нет!
Мы просто возьмем два ружья,
Зарядим золотым песком
И будем туда стрелять,
Куда нам укажет Том».
(А Том этот был рудокоп –
Мошенник, каких поискать.)
И вот мы однажды тайком
В Клондайке.
Нас целая рать...
И по приказу, даденному
Под браунинги в висок,
Мы в четыре горы громадины
Золотой стреляли песок,
Как будто в слонов лежащих,
Чтоб достать дорогую кость.
И громом гремела в чащах
Ружей одичалая злость.
Наш предводитель живо
Шлет телеграмму потом:
«Открыли золотую жилу.
Приезжайте немедленно.
Том».
А дело было под шепот,*

*Просто биржевой трюк...
Но многие, денежки вхлопав,
Остались почти без брюк.*

Чарин

*Послушай, Рассветов! и что же,
Тебя не смутил обман?*

Рассветов

*Не все ли равно,
К какой рожке
Капиталы текут в карман.
Мне противны и те и эти.
Все они –
Класс грабительских банд.
Но должен же, друг мой, на свете
Жить Рассветов Никандр.*

Голос из группы

Правильно!

Другой голос

Конечно, правильно!

Третий голос

*С паршивой овцы хоть шерсти
Человеку рабочему клок.*

Чарин

*Значит, по этой версии
Подлость подчас не порок?*

Первый голос

*Ну конечно, в собачьем стане,
С философией жадных собак,
Защищать лишь себя не станет
Тот, кто навек дурак.*

Рассветов

*Дело, друзья, не в этом.
Мой рассказ вскрывает секрет.
Можно сказать перед всем светом,
Что в Америке золота нет.
Там есть соль,
Там есть нефть и уголь,
И железной много руды.
Кладоискателей вьюга
Замела золотые следы.
Калифорния – это мечта
Всех пропойц и неумных бродяг.
Тот, кто глуп или мыслить
устал,
Прозябает в ее краях.
Эти люди – гнилая рыба.
Вся Америка – жадная пасть,*

Но Россия... вот это глыба...
Лишь бы только Советская
власть!..

Мы, конечно, во многом отстали.

Материк наш:

Лес, степь да вода.

Из железобетона и стали

Там настроены города.

Вместо наших глухих раздолий,

Там, на каждой почти полосе,

Перерезано рельсами поле

С цепью каменных рек – шоссе.

И по каменным рекам без пыли,

И по рельсам без стопа шпал

И экспрессы и автомобили

От разбега в бензинном мыле

Мчат, секундой считая доллар,

Места нет здесь мечтам и химерам,

Отшумела тех лет пора.

Все курьеры, курьеры, курьеры,

Маклера, маклера, маклера.

От еврея и до китайца

Проходимец и джентельмен,

Все в единой графе считаются

Одинаково – *business men*[3],

На цилиндры, шапо и кепи

Дождик акций свистит и льет.

*Вот где вам мировые цепи,
Вот где вам мировое жулье.
Если хочешь здесь душу выржать,
То сочтут: или глуп, или пьян.
Вот она – мировая биржа!
Вот они – подлецы всех стран.*

Чарин

*Да, Рассветов! но все же, однако,
Ведь и золота мы хотим.
И у нас биржевая клоака
Расстилает свой едкий дым.
Никому ведь не станет в новинки,
Что в кремлевские буфера
Уцепились когтями с Ильинки
Маклера, маклера, маклера...
И в ответ партийной команде,
За налоги на крестьянский труд,
По стране свищет банда на банде,
Волю власти считая за кнут.
И кого упрекнуть нам можно?
Кто сумеет закрыть окно,
Чтоб не видеть, как свора
острожная
И крестьянство так любят Мах-
но?
Потому что мы очень строги,
А на строгость ту зол народ,*

У нас портят железные дороги,
Гибнут озими, падает скот.
Люди с голоду бросились в бегство,
Кто в Сибирь, а кто в Туркестан,
И оскалилось людоедство
На сплошной недород у крестьян.
Их озлобили наши поборы,
И, считая весь мир за бедлам,
Они думают, что мы воры
Иль поблажку даем ворами.
Потому им и любы бандиты,
Что всосали в себя их гнев.
Нужно прямо сказать, открыто,
Что республика наша – bluff[4],
Мы не лучшее, друг мой, дерьмо.

Рассветов

Нет, дорогой мой!
Я вижу, у вас
Нет понимания масс.
Ну кому же из нас не известно
То, что ясно как день для всех.
Вся Россия – пустое место.
Вся Россия – лишь ветер да снег.
Этот отзыв ни резкий, ни черствый.
Знают все, что до наших лбов

Мужики караулили версты
Вместо пегих дорожных столбов.
Здесь все дохли в холере и оспе.
Не страна, а сплошной бивуак.
Для одних – золотые россыпи,
Для других – непроглядный мрак.
И кому же из нас незнакомо,
Как на теле паршивый прыщ,
Тыщи лет из бревна да соломы
Строят здания наших жилищ,
10 тысяч в длину государство,
В ширину окло верст тысяч 3-х.
Здесь одно лишь нужно лекар-
ство –
Сеть шоссе и железных дорог.
Вместо дерева нужен камень,
Черепица, бетон и жесть.
Города создаются руками,
Как поступками – слава и честь.
Подождите!
Лишь только клизму
Мы поставим стальную стране,
Вот тогда и конец бандитизму,
Вот тогда и конец резне.

Слышатся тревожные свистки паровоза.
Поезд замедляет ход. Все вскакивают.

Рассветов

Что такое?

Лобок

Тревога!

Первый голос

Тревога!

Рассветов

Позовите коменданта!

Комендант (вбегая)

Я здесь.

Рассветов

Что случилось?

Комендант

Красный фонарь...

Рассветов (смотрит в окно)

Гм... да... я вижу...

Лобок

*Дьявольская метель...
Вероятно, занос.*

Комендант

Сейчас узнаем...

Поезд останавливается. Комендант выбирает.

Рассветов

*Это не станция и не разъезд,
Просто маленькая железнодорожная будка.*

Лобок

*Мне говорили, что часто здесь
Поезда прозябают по целым суткам.
Ну, а еще я слышал...*

Чарин

Что слышал?

Лобок

Что здесь немного шалят.

Рассветов

Глупости...

Лобок

Для кого как.

Входит комендант.

Рассветов

Ну?

Комендант

*Здесь стрелочник и часовой
Говорят, что отсюда за ½ версты
Сбита рельса.*

Рассветов

Надо поправить.

Комендант

*Часовой говорит, что до станции
По другой ветке верст 8.
Можно съездить туда
И захватить мастеров.*

Рассветов

Отцепляйте паровоз и поезжайте.

Комендант

Это дело 30-ти минут.

Уходит. Рассветов и другие остаются, погруженные в молчание.

После 30-ти минут

Красноармеец (вбегая в салон-вагон)

Несчастье! Несчастье!

Все (вперебой)

Что такое?..

Что случилось?..

Что такое?..

Красноармеец

Комендант убит.

Вагон взорван.

Золото ограблено.

Я ранен.

Несчастье! Несчастье!

Вбегает рабочий.

Рабочий

Товарищи! Мы обмануты!

Стрелочник и часовой

Лежат здесь в будке.

Они связаны.

Это провокация бандитов.

Рассветов

За каким вы дьяволом

Увезли с собой вагон?

Красноармеец

Комендант послушался стрелочника...

Рассветов

Мертвый болван!

Красноармеец

*Лишь только мы завернули
На этот... другой путь,
Часовой сразу 2 пули
Всадил коменданту в грудь.
Потом выстрелил в меня.
Я упал...
Потом он громко свистнул,
И вдруг, как из-под земли,
Сугробы взрывая,
Нас окружили в приступ
Около двухсот негодяев.
Машинисту связали руки,
В рот запихали платок.
Потом я услышал стуки
И взрыв, где лежал песок.
Метель завывала чертом.
В плече моем нить и течь.
Я притворился мертвым
И понял, что надо бечь.*

Лобок

*Я знаю этого парня,
Что орудует в этих краях.
Он, кажется, родом с Украины
И кличку носит Номах.*

Рассветов

Номах?

Лобок

Да. Номах.

Вбегает второй красноармеец.

2-й красноармеец

*Рельсы в полном порядке!
Так что, выходит, обман...*

Рассветов (хватаясь за голову)

*И у него не хватило догадки!..
Мертвый болван!
Мертвый болван!*

**Часть третья
О чем говорили на вокзале N
в следующий день**

Замарашкин (один около стола с телефо-
ном)

*Если б я не был обижен,
Я, может быть, и не сказал,
Но теперь я отчетливо вижу,
Что он плюнул мне прямо в глаза.
Входят Рассветов, Лобок и Чеки-
стов.*

Лобок

*Я же говорил, что это место
Считалось опасным всегда.
Уже с прошлого года
Стало известно,
Что он со всей бандой перебрался
сюда.*

Рассветов

*Что мне из того, что ты знал?
Узнай, где теперь он.*

Чекистов

*Ты, Замарашкин, идиот!
Я будто предчувствовал.*

Рассветов

*Бросьте вы к черту ругаться, –
Это теперь не помога.
Нам нужно одно:*

*Дознаться,
По каким они скрылись дорогам.*

Чекистов

Метель замела все следы.

Замарашкин

*Пустяки, мы следы отыщем.
Не будем ставить громоздко
Вопрос, где лежат пути.
Я знаю из нашего розыска
Ищейку, каких не найти.
Это шанхайский китаец.
Он коммунист и притом,
Под видом бродяги слоняясь,
Знает здесь каждый притон.*

Рассветов

Это, пожалуй, дело.

Лобок

*Как зовут китайца?
Уж не Литза ли Хун?*

Замарашкин

Он самый!

Лобок

*О, про него много говорят теперь.
Тогда Номах в наших лапах.*

Рассветов

*Но, я думаю... Номах
Тоже не из тетерь...*

Замарашкин

Он чует самый тонкий запах.

Рассветов

*Потом ведь нам очень важно
Поймать его не пустым...
Нам нужно вернуть покражу...
Но золото, может, не с ним...*

Замарашкин

*Золото, конечно, не при нем.
Но при слежке вернем и пропажу.
Нужно всех их забрать живьем...
Под кнутом они сами расскажут.*

Рассветов

Что же: звоните в розыск.

Замарашкин (подходит к телефону)

*43-78...
Алло...*

Приволжский городок

Тайный притон с паролем «Авдотья, подними подол». 2 тайных посетителя. Кабатчица, судомойка и подавищица.

Кабатчица

Спирт самый чистый, самый настоящий!

Сама бы пила, да деньги надо.

Милости просим.

Заглядывайте почаще.

Хоть утром, хоть в полночь –

Я всегда вам рада.

*Входят Номах, Барсук и еще 2 повстанца.
Номах в пальто и шляпе.*

Барсук

Привет тетке Дуне!

Кабатчица

Мое вам почтение, молодые люди.

1-й повстанец

*Дай-ка и нам по баночке клюнуть.
С перезябу-то легче, пожалуй, бу-*

*дет.
Садятся за стол около горячей
печки.*

Кабатчица

*Сейчас, мои дорогие!
Сейчас, мои хорошие!*

Номах

*Холод зверский. Но... все-таки
Я люблю наши русские вьюги.*

Барсук

*Мне все равно. Что вьюга,
что дождь...
У этой тетки
Спирт такой,
Что лучше во всей округе не най-
дешь.*

1-й повстанец

*Я не люблю вьюг,
Зато с удовольствием выпью.
Когда крутит снег,
Мне кажется,
На птичьем дворе гусей щиплют.
Вкус у меня раздражительный,
Аппетит, можно сказать, непри-*

личный,
А потому я хотел бы положи-
тельно
Говядины или птичины.

Кабатчица

*Сейчас, мои желанные...
Сейчас, сейчас...*

(Ставит спирт и закуску.)

Номах *(тихо к кабатчице)*

*Что за люди... сидят здесь...
окол?..*

Кабатчица

*Свои, голубчик,
Свои, мой сокол.
Люди не простого рода,
Знатные-с, сударь,
Я знаю их 2 года.
Посетители – первый класс,
Каких нынче мало.
У меня уж набит глаз
В оценке материала.
Люди ловкой игры.
Оба – спецы по винам.
Торгуют из-под полы*

*И спиртом и кокаином.
Не беспокойтесь! У них
Язык на полке.
Их ищут самих
Красные волки.
Это дворяне,
Щербатов и Платов.*

Посетители начинают разговаривать.
Щербатов

*Авдотья Петровна!
Вы бы нам на гитаре
Вальс
«Невозвратное время».*

Платов

Или эту... ту, что вчера...

(напевает)

*«Все, что было,
Все, что мило,
Все давным-давно
Уплы-ло...»
Эх, Авдотья Петровна!
Авдотья Петровна!
Кабы нам назад лет 8,
Старую Русь,
Старую жизнь,*

*Старые зимы,
Старую осень.*

Барсук

Ишь чего хочет, сволочь!

1-й повстанец

М-да-с...

Щербатов

Невозвратное время! Невозвратное время!

Пью за Русь!

Пью за прекрасную

Прошедшую Русь.

Разве нынче народ пошел?

Разве племя?

Подлец на подлеце

И на трусе трус.

Отцвело навсегда

То, что было в стране благородно.

Золотые года!

Ах, Авдотья Петровна!

Сыграйте, Авдотья Петровна,

Вальс,

Сыграйте нам вальс

«Невозвратное время».

Кабатчица

*Да, родимые, да, сердешные!
Это не жизнь, а сплошное безоб-
разие.*

*Я ведь тоже была
Дворянка здешняя
И училась в первой
Городской гимназии.*

Платов

*Спойте! Спойте, Авдотья Петров-
на!*

Спойте: «Все, что было».

Кабатчица

*Обождите, голубчики,
Дайте с посудой справиться.*

Щербатов

Пожалуйста. Пожалуйста!

Платов

Пожалуйста, Авдотья Петровна!

Через кухонные двери появляется китаец.

Китаец

Ниет Амиэрика,

Ниет Евыроне.
Опий, опий,
Сыамый лыучий опий.
Шанго курил,
Диеньги дыавал,
Сыам лиубил,
Есыли б не сытрадал.
Куришь, колица виюца,
А хыто пыривык,
Зыабыл ливарюца,
Зыабыл большевик.
Ниет Амиэрика,
Ниет Евыроне.
Опий, опий,
Сыамый лыучий опий.

Щербатов

Эй, ходя! Давай 2 трубки.

Китаец

Диеньги пирёт.
Хыюдя очень бедыный.
Тывой шибко живет,
Мой очень быледный.

Подавщица

Куришь на кухню.

Щербатов

На кухню так на кухню.

*(Покачиваясь, идет с Платовым на кухню.
Китаец за ними.)*

Номах

*Ну и народец здесь.
О всех веревка плачет.*

Барсук

М-да-с...

1-й повстанец

*Если так говорить,
То, значит,
В том числе и о нас.*

Барсук

*Разве ты себя считаешь негодя-
ем?*

1-й повстанец

*Я не считаю,
Но нас считают.*

2-й повстанец

Считала лисица

Ворон на дереве.

К столику подходит подавщица.

Подавщица

Сегодня в газете...

Номах

Что в газете?

Подавщица *(тихо)*

*Пишут, что вы разгромили поезд,
Убили коменданта и красноар-
мейца.*

*За вами отправились в поиски.
Говорят, что поймать надеются.*

Обещано 1000 червонцев.

С описанием ваших примет:

Блондин.

Среднего роста.

28-ми лет.

(Отходит.)

Номах

Ха-ха!

Замарашкин не выдержал.

Барсук

*Я говорил, что его нужно было
Прикончить, и дело с концом.
Тогда б ни одно рыло
Не знало,
Кто справился с мертвецом.*

Номах

*Ты слишком кровожаден.
Если б я видел,
То и этих двоих
Не позволил убить...
Зачем?
Ведь так просто
Связать руки
И в рот платок.*

Барсук

*Нет! Это не так уж просто.
В живом остается протест.
Молчат только те – на погостах,
На ком крепкий камень и крест.
Мертвый не укусит носа,
А живой...*

Номах

Кончим об этом.

1-й повстанец

Два вопроса...

Номах

Каких?

1-й повстанец

*Куда деть слитки
И куда нам?*

Номах

*Я сегодня в 12 в Киев.
Паспорт у меня есть.
Вас не знают, кто вы такие,
Потому оставайтесь здесь...
Телеграммой я дам вам знать,
Где я буду...
В какие минуты...
Обязательно тыщ 25
На песок закупить валюты.
Пусть они поумерят прыть –
Мы с мозгами немного побольше...*

Барсук

Остальное зарыть?

Номах

Часть возьму я с собой,

*Остальное пока зарыть...
После можно отправить в Польшу.*

*У меня созревает мысль
О российском перевороте,
Лишь бы только мы крепко со-
шлись,
Как до этого, в нашей работе.
Я не целюсь играть короля
И в правители тоже не лезу,
Но мне хочется погулять
И под порохом и под железом.
Мне хочется вызвать тех,
Что на Марксе жиреют, как янки.
Мы посмотрим их храбрость
и смех,
Когда двинутся наши танки.*

Барсук

Замечательный план!

1-й повстанец

Мы всегда готовы.

2-й повстанец

Я как-то отвык без войны.

Барсук

*Мы все по ней скучаем.
Стало тошно до чертиков
Под юбкой сидеть у жены
И живот напузыривать чаем.
Денег нет, чтоб пойти в кабак,
Сердце ж спиртику часто хочет.
Я от скуки стал нюхать табак –
Хоть немного в носу щекочет.*

Номах

*Ну, а теперь пора.
До 12 четверть часа.*

(Бросает на стол два золотых.)

Барсук

Может быть, проводить?

Номах

*Ни в коем случае.
Я выйду один.*

(Быстро прощается и уходит.)

Из кухни появляется китаец и неторопливо выходит вслед за ним. Опьяневшие посетители садятся на свои места. Барсук берет шапку, кивает товарищам на китайца и вы-

ходит тоже.

Щербатов

*Слушай, Платов!
Я совсем ничего не чувствую.*

Платов

Это виноват кокаин.

Щербатов

*Нет, это не кокаин.
Я, брат, не пьян.
Я всего лишь одну понюшку.
По-моему, этот китаец
Жулик и шарлатан!
Ну и народ пошел!
Ну и племя!
Ах, Авдотья Петровна!
Сыграйте нам, Авдотья Петров-
на, вальс...
Сыграйте нам вальс
«Невозвратное время».*

(Тычетя носом в стол. Платов тоже.)

*Повстанцы молча продолжают пить. Ка-
батчица входит с гитарой. Садится у стойки
и начинает настраивать.*

Часть четвертая
На вокзале N

Рассветов и Замарашкин. Вбегает Чекистов.
Чекистов

Есть! Есть! Есть!
Замарашкин, ты не брехун!
Вот телеграмма:
«Я Киев. Золото здесь.
Нужен ли арест.
Литза-Хун».

(Передает телеграмму Рассветову.)

Рассветов

Все это очень хорошо,
Но что нужно ему ответить?

Чекистов

Как что?
Конечно, взять на цугундер!

Рассветов

В этом мало радости –
Уничтожить одного,
Когда на свободе
Будет 200 других.
Чекистов

Других мы поймаем потом.
С другими успеем после...
Они ходят
Из притона в притон,
Пьют спирт и играют в кости.
Мы возьмем их в любом кабаке.
В них одних, без Номаха,
Толку мало.
А пока
Нужно крепко держать в руке
Ту добычу,
Которая попала.

Рассветов

Теперь он от нас не уйдет,
Особенно при сотне нянек.

Чекистов

Что ему няньки?
Он их сцапает в рот,
Как самый приятный
И легкий пряник.

Рассветов

Когда будут следы к другим,
Мы возьмем его в 2 секунды.
Я не знаю, с чего вы
Вдолбили себе в мозги –

На цугундер да на цугундер.
Нам совсем не опасен
Один индивид,
И скажу вам, коллега, вкратце,
Что всегда лучше
Отыскивать нить
К общему центру организации.
Нужно мыслить без страха.
Послушайте, мой дорогой:
Мы уберем Номаха,
Но завтра у них будет другой.
Дело совсем не в Номахе,
А в тех, что попали за борт.
Нашей веревки и плахи
Ни один не боится черт.
Страна негодует на нас.
В стране еще дикие нравы.
Здесь каждый Аким и Фанас
Бредит имперской славой.
Еще не изжит вопрос,
Кто ляжет в борьбе из нас.
Честолюбивый росс
Отчизны своей не продаст.
Интернациональный дух
Прет на его рожон.
Мужик если гневен не вслух,
То завтра придет с ножом.
Повстанчество есть сигнал.

*Поэтому сказ мой весь:
Тот, кто крыло поймал,
Должен всю птицу съесть.*

Чекистов

*Клянусь всеми чертями,
Что эта птица
Даст вам крылом по морде
И улетит из-под носа.*

Рассветов

Это не так просто.

Замарашкин

*Для него будет,
Пожалуй, очень просто.
Рассветов
Мы усилим надзор
И возьмем его,
Как мышь в мышеловку.
Но только тогда этот вор
Получит свою веревку,
Когда хоть бандитов сто
Будет качаться с ним рядом,
Чтоб чище синел простор
Коммунистическим взглядом.*

Чекистов

*Слушайте, товарищ!
Это превышение власти –
Этот округ вверен мне.
Мне нужно поймать преступни-
ка,
А вы разводите теорию.*

Рассветов

*Как хотите, так и называйте.
Но,
Чтоб больше наш спор
Не шел о том,
Мы сегодня ж дадим ответ:
«Литза-Хун!
Наблюдайте за золотом.
Больше приказов нет».*

Чекистов быстро поворачивается, хлопает дверью и выходит в коридор.

В коридоре

Чекистов

Тогда я поеду сам.

Киев

Хорошо обставленная квартира. На стене большой, во весь рост, портрет Петра Великого. Номах сидит на крыле кресла, задумав-

шись. Он, по-видимому, только что вернулся. Сидит в шляпе. В дверь кто-то барабанит пальцами. Номах, как бы пробуждаясь от дремоты, идет осторожно к двери, прислушивается и смотрит в замочную скважину.

Номах

Кто стучит?

Голос

Отворите... Это я...

Номах

Кто вы?

Голос

Это я... Барсук...

Номах (отворяя дверь)

Что это значит?

Барсук (входит и закрывает дверь)

Это значит – тревога.

Номах

Кто-нибудь арестован?

Барсук

Нет.

Номах

В чем же дело?

Барсук

*Нужно быть наготове,
Немедленно нужно в побег.
За вами следят.
Вас ловят.
И не вас одного, а всех.*

Номах

Откуда ты узнал это?

Барсук

*Конечно, не высосал из пальцев.
Вы помните тот притон?*

Номах

Помню.

Барсук

А помните одного китайца?

Номах

Да...

Но неужели...

Барсук

*Это он.
Лишь только тогда вы скрылись,
Он последовал за вами.
Через несколько минут
Вышел и я.
Я видел, как вы сели в вагон,
Как он сел в соседний.
Потом осторожно, за золотой
Кондуктору,
Сел я сам.
Я здесь, как и вы,
Дней 10.*

Номах

*Посмотрим, кто кого перехитрит?
Барсук
Но это еще не все.
Я следил за ним, как лиса.
И вчера, когда вы выходили
Из дому,
Он был более полчасика
И рылся в вашей квартире.
Потом он, свистя под нос,
Пошел на вокзал...*

*Я – тоже.
Предо мной стоял вопрос –
Узнать:
Что хочет он, черт желтоко-
жий...
И вот... на вокзале...
Из-за спины
На синем телеграфном бланке
Я прочел,
Еле сдерживаясь от мести,
Я прочел –
От чего у меня чуть не скочили
штаны –
Он писал, что вы здесь,
И спрашивал об аресте.*

Номах

Да... Это немного пахнет...

Барсук

*По-моему, не немного, а очень
много.
Нужно скорей в побег.
Всем нам одна дорога –
Поле, леса и снег,
Пока доберемся к границе,
А там нас лови!
Грози!*

Номах

*Я не привык торопиться,
Когда вижу опасность вблизи.
Барсук
Но это...*

Номах

*Безумно?
Пусть будет так.
Я –
Видишь ли, Барсук, –
Чудак.
Я люблю опасный момент,
Как поэт – часы вдохновенья,
Тогда бродит в моем уме
Изобретательность
До остервененья.
Я ведь не такой,
Каким представляют меня ку-
харки.
Я весь – кровь,
Мозг и гнев весь я.
Мой бандитизм особой марки.
Он осознание, а не профессия.
Слушай! я тоже когда-то верил
В чувства:
В любовь, геройство и радость,
Но теперь я постиг, по крайней*

мере,
Я понял, что все это
Сплошная гадость.
Долго валялся я в горячке адской,
Насмешкой судьбы до печенок из-
раненный.
Но... Знаешь ли...
Мудростью своей кабацкой
Все выжигает спирт с барани-
ной...
Теперь, когда судорога
Душу скрючила
И лицо как потухающий фонарь
в тумане,
Я не строю себе никакого чучела.
Мне только осталось –
Озорничать и хулиганить...
.....

Всем, кто мозгами бедней и мень-
ше,
Кто под ветром судьбы не был
нищ и наг,
Оставляю прославлять города
и женщин,
А сам буду славить
Преступников и бродяг.
.....

.....
Банды! банды!
По всей стране,
Куда ни взглядишь, куда ни пойд
ты –
Видишь, как в пространстве,
На конях
И без коней,
Скачут и идут заостенелые бан-
диты.
Это все такие же
Разуверившиеся, как я...

.....
.....
А когда-то, когда-то...
Веселым парнем,
До костей весь пропахший
Степной травой,
Я пришел в этот город с пустыми
руками,
Но зато с полным сердцем
И не пустой головой.
Я верил... я горел...
Я шел с революцией,
Я думал, что братство не мечта
и не сон,
Что все во единое море сольются,
Все сонмы народов,

И рас, и племен.
Пустая забава!
Одни разговоры!
Ну что же?
Ну что же мы взяли взамен?
Пришли те жулики, те же воры
И вместе с революцией
Всех взяли в плен...
Но к черту все это!
Я далек от жалоб.
Коль началось –
Так пускай начинается.
Лишь одного я теперь желаю,
Как бы покрепче...
Как бы покрепче
Одурачить китайца!..

Барсук

Признаться, меня все это,
Кроме побега,
Плохо устраивает.

(Подходит к окну.)

Я хотел бы...
О! Что это? Боже мой!
Номах! Мы окружены!
На улице милиция.

Номах (подбегая к окну)

Как?
Уже?
О! Их всего четверо...

Барсук

Мы пропали.

Номах

Скорей выходи из квартиры.

Барсук

А ты?

Номах

*Не разговаривай!..
У меня есть ящик стекольщика
И фартук...
Живей обрядись
И спускайся вниз...
Будто вставлял здесь стекла...
Я положу в ящик золото...
Жди меня в кабаке «Луна».*

(Бежит в другую комнату, тащит ящик и фартук.)

Барсук быстро подвязывает фартук. Кладет ящик на плечо и выходит.

Номах *(прислушиваясь у двери)*

*Кажется, остановили...
Нет... прошел...
Ага...
Идут сюда...*

*(Отскакивает от двери. В дверь стучат.
Как бы раздумывая, немного медлит. Потом
неслышными шагами идет в другую комнату
)*

Сцена за дверью

Чекистов, Литза-Хун и 2 милиционера.

Чекистов *(смотря в скважину)*

*Что за черт!
Огонь горит,
Но в квартире
Как будто ни души.*

Литза-Хун *(с хорошим акцентом)*

*Это его прием...
Всегда... Когда он уходит.
Я был здесь, когда его не было,
И так же горел огонь.*

1-й милиционер

У меня есть отмычка.

Литза-Хун

*Давайте мне...
Я вскрою...*

Чекистов

*Если его нет,
То надо устроить засаду.*

Литза-Хун (вскрывая дверь)

Сейчас узнаем...

(Вынимает браунинг и заглядывает в квартиру.)

*Тс... Я сперва один.
Спрячьтесь на лестнице.
Здесь ходят
Другие квартиранты.*

Чекистов

Лучше вдвоем.

Литза-Хун

*У меня бесшумные туфли...
Когда понадобится,
Я дам свисток или выстрел.*

(Входит в квартиру и закрывает дверь.)

Глаза Петра Великого

Осторожными шагами Литза-Хун идет

к той комнате, в которой скрылся Номах. На портрете глаза Петра Великого начинают моргать и двигаться. Литза-Хун входит в комнату. Портрет неожиданно открывается как дверь, оттуда выскакивает Номах. Он рысьими шагами подходит к двери, запирает на цепь и снова исчезает в портрет-дверь. Через некоторое время слышится беззвучная короткая возня, и с браунингом в руке из комнаты выходит китаец. Он делает световой полумрак. Открывает дверь и тихо дает свисток. Вбегают милиционеры и Чекистов.

Чекистов

Он здесь?

Китаец (прижимая в знак молчания палец к губам)

Тс... он спит...

Стойте здесь...

Нужен один милиционер,
К черному выходу.

(Берет одного милиционера и крадучись проходит через комнату к черному выходу.)

Через минуту слышится выстрел, и испу-

ганный милиционер бежит обратно к двери.

Милиционер

*Измена!
Китаец ударил мне в щеку
И удрал черным ходом.
Я выстрелил...
Но... дал промах...*

Чекистов

*Это он!
О! проклятье!
Это он!
Он опять нас провел.*

Вбегают в комнату и выкатывают оттуда в кресле связанного по рукам и ногам. Рот его стянут платком. Он в нижнем белье. На лицо его глубоко надвинута шляпа. Чекистов сбрасывает шляпу, и милиционеры в ужасе отскакивают.

Милиционеры

*Провокация!..
Это Литза-Хун...*

Чекистов

Развяжите его...

Милиционеры бросаются развязывать.

Литза-Хун (выпихивая освобожденными руками платок изо рта)

Черт возьми!

У меня болит живот от злобы.

Но клянусь вам...

Клянусь вам именем китайца,

Если б он не накинул на меня мешок,

Если б он не выбил мой браунинг,

То бы...

Я сумел с ним справиться...

Чекистов

А я... Если б был мандарин,

То повесил бы тебя, Литза-Хун,

За такое место...

Которое вслух не называется.

1922–1923

Ленин

Отрывок из поэмы «Гуляй-поле»»

*Еще закон не отвердел,
Страна шумит, как непогода.
Хлестнула дерзко за предел
Нас отравившая свобода.*

*Россия! Сердцу милый край!
Душа сжмается от боли.
Уж сколько лет не слышит поле
Петушье пенье, песий лай.*

*Уж сколько лет наш тихий быт
Утратил мирные глаголы.
Как оспой, ямами копыт
Изрыты пастбища и доли.*

*Немолчный топот, громкий
стон,
Визжат тачанки и телеги.
Ужель я сплю и вижу сон,
Что с копьями со всех сторон
Нас окружают печенеги?
Не сон, не сон, я вижу въявь,
Ничем не усыпленным взглядом,
Как, лошадей пуская вплавь,*

Отряды скачут за отрядом.
Куда они? И где война?
Степная водь не внемлет слову.
Не знаю, светит ли луна
Иль всадник обронил подкову?
Все спуталось...

Но понял взор:
Страну родную в край из края,
Огнем и саблями сверкая,
Междоусобный рвет раздор.

.....
.....

Россия –
Страшный, чудный звон.
В деревьях березь, в цветъ – под-
снежник.
Откуда закатился он,
Тебя встревоживший мятежник?
Суровый гений! Он меня
Влечет не по своей фигуре.
Он не садился на коня
И не летел навстречу буре.
Сплеча голов он не рубил,
Не обращал в побег пехоту.
Одно в убийстве он любил –
Перепелиную охоту.

Для нас условен стал герой,
Мы любим тех, что в черных мас-
ках,

А он с сопливой детворой
Зимой катался на салазках.

И не носил он тех волос,
Что льют успех на женщин том-
ных, –

Он с лысиною, как поднос,
Глядел скромней из самых скром-
ных.

Застенчивый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной.

Я не пойму, какою силой
Сумел потрясть он шар земной?
Но он потряс...

Шуми и вей!

Крути свирепей, непогода,
Смывай с несчастного народа
Позор острогов и церквей.

.....
.....

Была пора жестоких лет,
Нас пестовали злые лапы.
На поприще крестьянских бед
Цвели имперские сатрапы.

.....

.....
*Монархия! Зловещий смрад!
Веками шли пиры за пиром,
И продал власть аристократ
Промышленникам и банкирам.
Народ стонал, и в эту жуть
Страна ждала кого-нибудь...
И он пришел.*

.....
*Он мощным словом
Повел нас всех к истокам новым.
Он нам сказал: «Чтоб кончить
муки,
Берите все в рабочьи руки.
Для вас спасенья больше нет –
Как ваша власть и ваш Совет».*

.....
.....
.....
*И мы пошли под визг метели,
Куда глаза его глядели:
Пошли туда, где видел он
Освобожденье всех племен...*
.....

*И вот он умер...
Плач досаден.
Не славят музы голос бед.
Из меднолающих громадин
Салют последний даден, даден.
Того, кто спас нас, больше нет.
Его уж нет, а те, кто вживе,
А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.*

*Для них не скажешь:
«Ленин умер!»
Их смерть к тоске не привела.*

.....

*Еще суровей и угрюмей
Они творят его дела...*

1924

Песнь о великом походе

Эй вы, встречные,
Поперечные!
Тараканы, сверчки
Запечные!
Не народ, а дрохва
Подбитая!
Русь нечесаная,
Русь немытая.
Вы послушайте
Новый вольный сказ,
Новый вольный сказ
Про житье у нас.
Первый сказ о том,
Что давно было.
А второй – про то,
Что сейчас всплыло.
Для тебя я, Русь,
Эти сказы спел,
Потому что был
И правдив и смел.
Был мастак слагать
Эти притчины,
Не боясь ничьей
Зуботычины.

Ой, во городе
Да во Ипатьеве
При Петре было
При императоре.
Говорил слова
Непутевый дьяк:
«Уж и как у нас, ребята,
Стал быть, царь дурак.
Царь дурак-батрак
Сопли жмет в кулак,
Строит Питер-град
На немецкий лад.
Видно, делать ему
Больше нечего,
Принялся он Русь
Онемечивать.
Бреет он князьям
Брады, усие, –
Как не плакаться
Тут над Русию?
Не тужить тут как
Над судьбиною?
Непослушных он
Бьет дубиною».

Услыхал те слова
Молодой стрелец.
Хватъ смутьяника

За тугой косец,
«Ты иди, ползи,
Не кочурься, брат.
Я свезу тебя
Прямо в Питер-град.
Привезу к царю,
Кайся, сукин кот!
Кайся, сукин кот,
Что смущал народ!»

По Тверской-Ямской
Под дугою вбряк
С колокольцами
Ехал бедный дьяк.
На четвертый день,
О полднёвых пор,
Прикатил наш дьяк
Ко царю во двор.
Выходил тут царь
С висока крыльца,
Мах-дубинкою
Подозвал стрельца.
«Ты скажи, зачем
Прикатил, стрелец?
Аль с Москвы какой
Потайной гонец?»
«Не гонец я, царь,
Не родня с Москвой.

Я всего лишь есть
Слуга верный твой.
Я привез к тебе
Бунтаря-дьяка.
У него, знать, в жисть
Не болят бока.
В кабаке на весь
На честной народ
Он позорил, царь,
Твой высокий род».
«Ну, – сказал тут Петр, –
Вылезай-кось, вошь!»
Космы дьяковы
Поднялись, как рожь.
У Петра с плеча
Сорвался кулак...
И навек задрал
Лапти кверху дьяк.

У Петра был двор,
На дворе был кол,
На колу – мочало.
Это только, ребята,
Начало.

Ой, суров наш царь,
Алексеич Петр.
Он в единый дух

Ведро пива пьет.
Курит – дым идет
На три сажени,
Во немецких одеждах
Разнаряженный.
Возговорит наш царь
Алексеич Петр:
«Подойди ко мне,
Дорогой Лефорт.
Мастер славный ты:
В Амстердаме был.
Русский царь тебе,
Как батрак, служил.
Он учился там,
Как топор держать.
Ты езжай-кось, мастер,
В Амстердам опять.
Передай ты всем
От Петра поклон.
Да скажи, что сейчас
В страшной доле он.
В страшной доле я
За родную Русь...
Скоро смерть придет,
Помирать боюсь.
Помирать боюсь,
Да и жить не рад:
Кто ж теперь блюсти

Будет Питер-град?
Средь туманов сих
И цепных болот
Снится сгибший мне
Трудовой народ.
Слышу, голос мне
По ночам звенит,
Что на их костях
Лег тугой гранит.
Оттого подчас,
Обступая град,
Мертвецы встают
В строевой парад.
И кричат они,
И вопят они.
От такой крични
Загашай огни.
Говорят слова:
«Мы всему цари!
Попадешься, Петр,
Лишь сумеи помри.
Мы сдерем с тебя
Твой лихой чупрын,
Потому что ты
Был собачий сын.
Поблажал ты знать
Со министрами.
На крови для них

Город выстроил.
Но пускай за то
Знает каждый дом –
Мы придем еще,
Мы придем, придем!
Этот город наш,
Потому и тут
Только может жить
Лишь рабочий люд».

Смолк наш царь
Алексеич Петр,
В три ручья с него
Льет холодный пот.

Слушайте, слушайте,
Вы, конечно, народ
Хороший,
Хоть метелью вас крой,
Хоть порошей.
Одним словом,
Миляги!
Не дадите ли
Ковшик браги?
Человечий язык,
Чай, не птичий.
Славный вы, люди,
Придумали

Обычай.

И пушки бьют,
И колокола плачут.
Вы, конечно, понимаете,
Что это значит?
Много было роз,
Много было маков.
Схоронили Петра,
Тяжело оплакав.
И с того ль, что там
Всякий сволок был,
Кто всерьез рыдал,
А кто глаза слюнил.
Но с того вот дня
Да на двести лет
Дуракам-царям
Прямо счету нет.
И все двести лет
Шел подземный гуд:
«Мы придем, придем!
Мы возьмем свой труд.
Мы сгребем дворян
Да по плечи им,
На фонарных столбах
Перевешаем!»

Через двести лет,

В снеговой октябрь,
Затряслась Нева,
Подымая рябь.
Утром встал народ
И на бурю глядь:
На столбах висит
Сволочная знать.
Ай да славный люд!
Ай да Питер-град!
Но с чего же там
Пушки бьют-палят?
Бьют за городом,
Бьют из-за моря.
Понимай как хошь
Ты, душа моя!
Много в эти дни
Совершилось дел.
Я пою о них,
Как спознать сумел.

Веселись, душа
Молодецкая.
Нынче наша власть,
Власть советская.
Офицерика,
Да голубчика
Прикокошили
Вчера в Губчека.

«Ни за Троцкого,
Ни за Ленина,
За донского казака,
За Каледина».
Гаркнул «Яблочко»
Молодой матрос:
«Мы не так еще
Подотрем вам нос!»

А за Явором,
Под Украйною,
Услыхали мужики
Весть печальную.
Власть советская
Им очень нравится,
Да идут войска
С ней расправиться.
В тех войсках к мужикам
Родовая месть.
И Врангель тут,
И Деникин здесь.
А на помог им,
Как лихих волчат,
Из Сибири шлет отряды
Адмирал Колчак.

Ах, рыбки мои,
Мелки косточки!

Вы, крестьянские ребята,
Подросточки.
Ни ногой вас не взять,
Ни резанами,
Вы голем пошли гулять
С партизанами.
Красной Армии штыки
В поле светятся.
Здесь отец с сынком
Могут встретиться.
За один удел
Бьется эта рать,
Чтоб владеть землей
Да весь век пахать,
Чтоб шумела рожь
И овес звенел,
Чтобы каждый калачи
С пирогами ел.

Ну и как же тут злобу
Не вынашивать?
На Дону теперь поют
Не по-нашему:
«Пароход идет
Мимо пристани.
Будем рыбу кормить
Коммунистами».
А у нас для них поют:

«Куда ты котишься?
В Вечека попадешь –
Не воротишься».

От одной беды
Целых три растут, –
Вдруг над Питером
Слышен новый гуд.
Не поймет никто,
Отколь гуд идет:
«Ты не смей дремать,
Трудовой народ,
Как под Питером
Рать Юденича».
Что же делать нам
Всем теперича?
И оттуда бьют,
И отсель палят –
Ой ты, бедный люд!
Ой ты, Питер-град!

Но при всякой беде
Воеет новью вал.
Кто ж не вспомнит теперь
Речь Зиновьева?
Дождик лил тогда
В три погибели.
На корню дожди

Озимь выбили.
И на этот год
Не шумела рожь.
То не жизнь была,
А в печенки нож.
А Зиновьев всем
Вел такую речь:
«Братья, лучше нам
Здесь костыми полечь,
Чем отдать врагу
Вольный Питер-град
И идти опять
В кабалу назад».

А за синим Доном,
Станицы казачьей,
В это время волк ехидный
По-кукушьи плачет.
Говорит Корнилов
Казакам поречным:
«Угостите партизанов
Вишеньем картечным.
С Красной Армией Деникин
Справится, я знаю.
Расстелились наши пики
С Дона до Дунаю».

Ой ты, атамане!

Не возжак, а соцкий.
А на что ж у коммунаров
Есть товарищ Троцкий?
Он без слезной речи
И лихого звона
Обещал коней нам наших
Напоить из Дона.
Вей сильней и крепче,
Ветер синь-студеный.
С нами храбрый Ворошилов,
Удалой Буденный.

Если крепче жмут,
То сильней орешь.
Мужику одно:
Не топтали б рожь.
А как пошла по ней
Тут рать Деникина –
В сотни верст легла
Прямо в нить она.
Над такой бедой
В стане белых ржут.
Валят сельский скот
И под водку жрут.
Мнут крестьянских жен,
Девочек лапают.
«Так и надо вам,
Сиволапы!»

Ты, мужик, прохвост!
Сволочь, бестия!
Отплати-кось нам
За поместья.
Отплати за то,
Что ты вешал знать.
Эй, в кнуты их всех,
Растакую мать!»

Ой ты, синяя сирень,
Голубой палисад!
На родимой стороне
Никто жить не рад.
Опустели огороды,
Хаты брошены,
Заливные луга
Не покошены.
И примят овес,
И прибита рожь. –
Где ж теперь, мужик,
Ты приют найдешь?

Но сильнее всего
Те встревожены,
Что ночью не спят
В куртках кожаных,
Кто за бедный люд
Жить и сгибнуть рад,

Кто не хочет сдать
Вольный Питер-град.

Там под Лиговом
Страшный бой кипит.
Питер траурный
Без огней. Не спит.
Миг – и вот сейчас
Враг проломит все,
И прощай мечта
Городов и сел...
Пот и кровь струит
С лиц встревоженных.
Бьют и бьют людей
В куртках кожаных.
Как снопы, лежат
Трупы по полю.
Кони в страхе ржут,
В страхе топают.
Но напор от нас
Все сильнее, сильнее.
Бьются восемь дней,
Бьются девять дней...
На десятый день
Не сдержался враг...
И пошел чесать
По кустам в овраг.
Наши взад им: «Крой!»

Пушки бьют, палят...
Ай да славный люд!
Ай да Питер-град!

А за Белградом,
Окол Харькова,
Кровью ярь мужиков
Перехаркана.
Бедный люд в Москву
Босиком бежит.
И от стога, и от рева
Вся земля дрожит.
Ищут хлеба они,
Просят милости,
Ну и как же злобной воле
Тут не вырасти?
У околицы
Гуляй-полевой
Собиралися
Буйны головы.
Да как стали жечь,
Как давай палить.
У Деникина
Аж живот болит.

Эх, песня,
Песня!
Есть ли что на свете

Чудесней?
Хоть под гусли тебя пой,
Хоть под тальяночку.
Не дадите ли вы мне,
Хлопцы,
Еще баночку?

Ах, яблочко,
Цвета милого!
Бьют Деникина,
Бьют Корнилова.
Цветочек мой,
Цветик маковый.
Ты скорей, адмирал,
Отколчакивай.
Там за степью гул,
Там за степью гром,
Каждый в битве защищает
Свой отцовский дом.
Курток кожаных
Под Донцом не счесть.
Видно, много в Петрограде
Этой масти есть.

В белом стане вопль,
В белом стане стон:
Обступает наша рать
Их со всех сторон.

В белом стане крик,
В белом стане бред.
Как пожар стоит
Золотой рассвет.
И во всех кабаках
Огни светятся...
Завтра многие друг с другом
Уж не встретятся.
И все пьют за царя,
За святую Русь,
В ласках знатных шлюх
Забывая грусть.

В красном стане храп,
В красном стане смрад.
Вонь портяночная
От сапог солдат.
Завтра, еле свет,
Нужно снова в бой.
Спи, корявый мой!
Спи, хороший мой!
Пусть вас золотом
Свет зари кропит.
В куртке кожаной
Коммунар не спит.

На заре, заре
В дождевой крутень

Свистом ядерным
Мы встречали день.
Подымая вверх,
Как тоску, глаза,
В куртке кожаной
Коммунар сказал:
«Братья, если здесь
Одолеют нас,
То октябрьский свет
Навсегда погас.
Будет крыть нас кнут,
Будет крыть нас плеть,
Всем весь век тогда
В нищете корпеть».
С горьким гневом рук,
Утерев слезу,
Ротный наш с тех слов
Сапоги разул.
Громко кашлянув,
«На, – сказал он мне, –
Дома нет сапог,
Передай жене».

На заре, заре
В дождевой крутень
Свистом ядерным
Мы сушили день.
Пуля входит в грудь,

Как пчелы ужал.
Наш отряд тогда
Впереди бежал.
За ложиной пруд,
А за прудом лог.
Коммунар ничком
В землю носом лег.
Мы вперед, вперед!
Враг назад, назад!
Мертвецы пусть так
Под дождем лежат.
Спите, храбрые,
С отзвучавшим ртом!
Мы придем вас всех
Хоронить потом.

Вот и кончен бой,
Машет красный флаг.
Не жалея пят,
Удирает враг.
Удивленный тем,
Что остался цел,
Молча ротный наш
Сапоги надел.
И сказал: «Жене
Сапоги не враз,
Я их сам теперь
Износить горазд».

Вот и кончен бой,
Тот, кто жив, тот рад.
Ай да вольный люд!
Ай да Питер-град!
От полуночи
До сина утра
Над Невой твоей
Бродит тень Петра.
Бродит тень Петра,
Грозно хмурится
На кумачный цвет
В наших улицах.
В берег бьет вода
Пенной индевью...
Корабли плывут
Будто в Индию...

Июль 1924. Ленинград

Поэма о 36

Много в России
Троп.
Что ни тропа –
То гроб.
Что ни верста –
То крест.
До енисейских мест
Шесть тысяч один
Сугроб.

Синий уральский
Ском
Каменным лег
Мешком,
За скомом шумит
Тайга.
Коль вязнет в снегу
Нога,
Попробуй идти
Пешком.

Добро, у кого
Закал,
Кто знает сибирский
Шквал.

Но если ты слаб
И лег,
То, тайно пробравшись
В лог,
Тебя отпоеет
Шакал.

Буря и грозный
Вой.
Грузно бредет
Конвой.
Ружья наперевес.
Если ты хочешь
В лес,
Не дорожи
Головой.

Ссылный солдату
Не брат.
Сам подневолен
Солдат.
Если не взял
На прицел, –
Завтра его
Под расстрел.
Но ты не иди
Назад.

Пусть умирает
Тот,
Кто брата в тайгу
Ведет.
А ты под кандалный
Дзин
Шпарь, как седой
Баргузин.
Беги все вперед
И вперед.

Там за Уралом
Дом.
Степь и вода
Кругом.
В синюю гладь
Окна
Скрипкой поет
Луна.
Разве так плохо
В нем?

Славный у песни
Лад.
Мало ли кто ей
Рад.
Там за Уралом
Клен.

Всякий ведь в жизнь
Влюблен
В лунном мерцанье
Хат.

Если ж, где отчая
Весь,
Стройная девушка
Есть,
Вся, как сиреневый
Май,
Вся, как родимый
Край, –
Разве не манит
Песнь?

Буря и грозный
Вой.
Грузно бредет
Конвой.
Ружья наперевес.
Если ты хочешь
В лес,
Не дорожи
Головой.

Колкий, пронзающий
Пух.

Тяжко идти средь
Пург.
Но под кандалный
Дзень,
Если ты любишь
День,
Разве милей
Шлиссельбург?

Там, упираясь
В дверь,
Ходишь, как в клетке
Зверь.
Дума всегда
Об одном:
Может, в краю
Родном
Стало не так
Теперь.

Может, под песню
Вьюг
Умер последний
Друг.
Друг или мать,
Все равно.
Хочется вырвать
Окно

И убежать в луг.

*Но долог тюремный
Час.*

*Зорок солдатский
Глаз.*

Если ты хочешь

*Знать,
Как тяжело*

*Убежать, –
Я знаю один
Рассказ.*

*Их было тридцать
Шесть.*

*В камере негде
Сесть.*

*В окнах бурунный
Вспург.*

*Крепко стоит
Шлиссельбург,
Море поет ему
Песнь.*

*Каждый из них
Сидел
За то, что был горд
И смел,*

Что в гневной своей
Тщете
К рыдающим в нищете
Большую любовь
Имел.

Ты помнишь, конечно,
Тот
Клокочущий пятый
Год,
Когда из-за стен
Баррикад
Целился в брата
Брат.
Тот в голову, тот
В живот.

Один защищал
Закон –
Невольник, влюбленный
В трон.
Другой этот трон
Громил,
И брат ему был
Не мил.
Ну, разве не прав был
Он?

Ты помнишь, конечно,
Как
Нагайкой свистел
Казак?
Тогда у склоненных
Ниц
С затылков и поясиц
Капал горячий
Мак.

Я знаю, наверно,
И ты
Видал на снегу
Цветы.
Ведь каждый мальчишкой
Рос,
Каждому били
Нос
В кулачной на все
«Сорты».

Но тех я цветов
Не видал,
Был еще глуп
И мал,
И не читал еще
Книг.
Но если бы видел

Их,
То разве молчать
Стал?

Их было тридцать
Шесть.
В каждом кипела
Мечь.
Каждый оставил
Дом
С ивами над прудом,
Но не забыл о нем
Песнь.

Раз комендант
Сказал:
«Тесен для вас
Зал.
Пять я таких
Приму
В камеру по одному,
Тридцать один –
На вокзал».

Поле и снежный
Звон.
Клетчатый мчится
Вагон.

Рельсы грызет
Паровоз.
Разве уместен
Вопрос:
Куда их доставит
Он?

Много в России
Троп.
Что ни тропа –
То гроб.
Что ни верста –
То крест.
До енисейских мест
Шесть тысяч один
Сугроб.

Поезд на всех
Парах.
В каждом неясный
Страх.
Видно, надев
Браслет,
Гонят на много
Лет
Золото рыть
В горах.

Может случиться
С тобой
То, что достанешь
Киркой,
Дочь твоя там,
Вдалеке,
Будет на левой
Руке
Перстень носить
Золотой.

Поле и снежный
Звон.
Клетчатый мчится
Вагон.
Вдруг тридцать первый
Встал
И шепотом так сказал:
«Нынче мне ночь
Не в сон.

Нынче мне в ночь
Не лежать.
Я твердо решил
Бежать.
Благо, что ночь
Не в луне.
Вы помогите

Мне
Тело мое
Поддержатъ.

Клетку уж я
Пилой...
Выручил снежный
Вой.
Вы заградите меня
Подле окна
От огня,
Чтоб не видал
Конвой».

Тридцать столпились
В ряд,
Будто о чем
Говорят,
Будто глядят
На снег.
Разве так труден
Побег,
Если огни
Не горят?

Их оставалось
Пять.
Каждый имел

Кровать.
В окнах бурунный
Вспург.
Крепко стоит
Шлиссельбург.
Только в нем плохо
Спать.

Разве тогда
Уснешь,
Если все видишь
Рожь,
Видишь родной
Плетьень,
Синий, звенящий
День,
И ты по меже
Идешь?

Тихий вечерний
Час.
Колокол бьет
Семь раз.
Месяц широк
И ал.
Так бы дремал
И дремал,
Не подымая глаз.

Глянешь, на окнах
Пух.
Скучный, несчастный
Друг,
Ночь или день,
Все равно.
Хочется вырвать
Окно
И убежать в луг.

Пятый страдать
Устал.
Где-то подпилок
Достал.
Ночью скребет
И скребет,
Капает с носа
Пот
Через губу в оскал.

Раз при нагрузке
Дров
Он поскользнулся
В ров...
Смотрят, уж он
На льду,
Что-то кричит
На ходу.

Крикнул – и будь
Здоров.

Быстро бегут
Дни.
День колесу
Сродни.
Снежной январской
Порой
В камере сорок
Второй
Встретились вновь
Они.

Пятому глядя
В глаза,
Тридцать первый
Сказал:
«Там, где струится
Обь,
Есть деревушка
Топь
И очень хороший
Вокзал.

В жизни живут лишь
Раз,
Я вспоминать

Не горазд.
Глупый сибирский
Чалдон,
Скуп, как сто дьяволов,
Он.
За пяточок продаст.

Снежная белая
Гладь.
Нечего мне
Вспоминать.
Знаю одно:
Без грез
Даже в лихой
Мороз
Сладко на сене
Спать».

Пятый сказал
В ответ:
«Мне уже сорок
Лет.
Но не угас мой
Бес,
Так все и тянет
В лес,
В синий вечерний
Свет.

Много сказать
Не могу:
Час лишь лежал я
В снегу,
Слушал метельный
Вой,
Но помешал
Конвой
С ружьями на бегу».

Серая, хмурая
Высь,
Тучи с землею
Слились.
Ты помнишь, конечно,
Тот
Метельный семнадцатый
Год,
Когда они
Разошлись?

Каждый пошел в свой
Дом
С ивами над прудом.
Видел луну
И клен,
Только не встретил
Он

Сердцу любимых
В нем.

Их было тридцать
Шесть.
В каждом кипела
Месть.
И каждый в октябрьский
Звон
Пошел на влюбленных
В трон,
Чтоб навсегда их
Сместь.

Быстро бегут
Дни.
Встретились вновь
Они.
У каждого новый
Дом.
В лёжку живут лишь
В нем,
Очей загасив
Огни.

Тихий вечерний
Час.
Колокол бьет

Семь раз.
Месяц широк
И ал.
Тот, кто теперь
Задремал,
Уж не поднимет
Глаз.

Теплая синяя
Весь,
Всякие песни
Есть...
Над каждым своя
Звезда...
Мы же поем
Всегда:
Их было тридцать
Шесть.

Август 1924

Анна Снегина

А. Воронскому

«Село, значит, наше – Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.
Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища, есть поля.
И по всему угодию
Рассажены тополя.

Мы в важные очень не лезем,
Но все же нам счастье дано.
Дворы у нас крыты железом,
У каждого сад и гумно.
У каждого крашены ставни,
По праздникам мясо и квас.
Недаром когда-то исправник
Любил погостить у нас.

Оброки платили мы к сроку,
Но – грозный судья – старшина
Всегда прибавлял к оброку
По мере муки и пшена.
И чтоб избежать напасти,
Излишек нам был без тягот.

Раз – власти, на то они власти,
А мы лишь простой народ.

Но люди – все грешные души.
У многих глаза – что клыки.
С соседней деревни Криуши
Косились на нас мужики.
Житье у них было плохое –
Почти вся деревня вскачь
Пахала одной сохой
На паре заезженных кляч.

Каких уж тут ждать обилий, –
Была бы душа жива.
Украдкой они рубили
Из нашего леса дрова.
Однажды мы их застали...
Они в топоры, мы тож.
От звона и скрежета стали
По телу катилась дрожь.

В скандале убийством пахнет.
И в нашу и в их вину
Вдруг кто-то из них как ахнет! –
И сразу убил старшину.
На нашей быдластой сходке
Мы делу условили ширь.
Судили. Забили в колодки

И десять услали в Сибирь.
С тех пор и у нас неуряды.
Скатилась со счастья возжжа.
Почти что три года кряду
У нас то падеж, то пожар».

Такие печальные вести
Возница мне пел весь путь.
Я в радовские предместья
Ехал тогда отдохнуть.

Война мне всю душу изъела.
За чей-то чужой интерес
Стрелял я в мне близкое тело
И грудью на брата лез.
Я понял, что я – игрушка,
В тылу же купцы да знать,
И, твердо простившись с пушка-
ми,
Решил лишь в стихах воевать.
Я бросил мою винтовку,
Купил себе «липу»[5], и вот
С такою-то подготовкой
Я встретил 17-ый год.

Свобода взметнулась неистово.
И в розово-смердном огне
Тогда над странюю калифствовал

Керенский на белом коне.
Война «до конца», «до победы».
И ту же сермяжную рать
Прохвосты и дармоеды
Сгоняли на фронт умирать.
Но все же не взял я шпагу...
Под грохот и рев мортир
Другую явил я отвагу –
Был первый в стране дезертир.

Дорога довольно хорошая,
Приятная хладная звень.
Луна золотою порошею
Осыпала даль деревень.
«Ну, вот оно, наше Радово, –
Промолвил возница, –
Здесь!
Недаром я лошади вкладывал
За норы ее и спесь.
Позволь, гражданин, на чаишко.
Вам к мельнику надо?
Так вон!..
Я требую с вас без излишка
За дальний такой прогон».

.....
Даю сороковку.
«Мало!»

Даю еще двадцать.

«Нет!»

Такой отвратительный малый.

А малому тридцать лет.

«Да что ж ты?

Имеешь ли душу?

За что ты с меня гребешь?»

И мне отвечает туша:

«Сегодня плохая рожь.

Давайте еще незвонких

Десяток иль штукек шесть –

Я выпью в шинке самогонки

За ваше здоровье и честь...»

И вот я на мельнице...

Ельник

Осыпан свечьми светляков.

От радости старый мельник

Не может сказать двух слов:

«Голубчик! Да ты ли?

Сергуха!

Озяб, чай? Поди, продрог?

Да ставь ты скорее, старуха,

На стол самовар и пирог!»

В апреле прозябнуть трудно,
Особенно так в конце.

Был вечер задумчиво чудный,

Как дружья улыбка в лице.
Объяты мельника круты,
От них заревет и медведь,
Но все же в плохие минуты
Приятно друзей иметь.

«Откуда? Надолго ли?»

«На год».

«Ну, значит, дружище, гуляй!
Сим летом грибов и ягод
У нас хоть в Москву отбавляй.
И дичи здесь, братец, до черта,
Сама так под порох и прет.
Подумай ведь только...

Четвертый

Тебя не видали мы год...»

.....
.....
Беседа окончена...

Чинно

Мы выпили весь самовар.
По-старому с шубой овчинной
Иду я на свой сеновал.
Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим
взглядам
Состарившийся плетень.

Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет,
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»
Далекие, милые были.
Тот образ во мне не угас...
Мы все в эти годы любили,
Но мало любили нас.

«Ну что же! Вставай, Сергуша!
Еще и заря не текла,
Старуха за милую душу
Оладьев тебе напекла.
Я сам-то сейчас уеду
К помещице Снегиной...
Ей
Вчера настрелял я к обеду
Прекраснейших дупелей».

Привет тебе, жизни денница!
Встаю, одеваюсь, иду.
Дымком отдаёт росяница
На яблонях белых в саду.

Я думаю:
Как прекрасна
Земля
И на ней человек.

И сколько с войной несчастных
Уродов теперь и калек!
И сколько зарыто в ямах!
И сколько зароят еще!
И чувствую в скулах упрямых
Жестокою судоргу щек.

Нет, нет!
Не пойду навеки!
За то, что какая-то мразь
Бросает солдату-калке
Пятак или гривенник в грязь.
«Ну, доброе утро, старуха!
Ты что-то немного сдала...»
И слышу сквозь кашель глухо:
«Дела одолели, дела.
У нас здесь теперь неспокойно.
Испариной все зацвело.
Сплошные мужицкие войны –
Дерутся селом на село.
Сама я своими ушами
Слыхала от прихожан:
То радовцев бьют криушане,
То радовцы бьют криушан.
А все это, значит, безвластье.
Прогнали царя...
Так вот...
Посыпались все напасти

На наш неразумный народ.
Открыли зачем-то остроги,
Злодеев пустили лихих.
Теперь на большой дороге
Покою не знай от них.
Вот тоже, допустим... с Криу-
ши...
Их нужно б в тюрьму за тюрь-
мой,
Они ж, воровские души,
Вернулись опять домой.
У них там есть Прон Оглоблин,
Булдыжник, драчун, грубиян.
Он вечно на всех озлоблен,
С утра по неделям пьян.
И нагло в третьевом годе,
Когда объявили войну,
При всем честном народе
Убил топором старшину.
Таких теперь тысячи стало
Творить на свободе гнусь.
Пропала Расея, пропала...
Погибла кормилица Русь...»
Я вспомнил рассказ возницы
И, взяв свою шляпу и трость,
Пошел мужикам поклониться,
Как старый знакомый и гость.

Иду голубою дорожкой
И вижу – навстречу мне
Несется мой мельник на дрожках
По рыхлой еще целине.
«Сергуха! За милую душу!
Постой, я тебе расскажу!
Сейчас! Дай поправить возжжу,
Потом и тебя оглоушу.
Чего ж ты мне утром ни слова?
Я Снегиным так и бряк:
Приехал ко мне, мол, веселый
Один молодой чудак.
(Они ко мне очень желанны,
Я знаю их десять лет.)
А дочь их замужняя Анна
Спросила:
– Не тот ли, поэт?
– Ну, да, – говорю, – он самый.
– Блондин?
– Ну, конечно, блондин!
– С кудрявыми волосами?
– Забавный такой господин!
– Когда он приехал?
– Недавно.
– Ах, мамочка, это он!
Ты знаешь,
Он был забавно
Когда-то в меня влюблен.

Был скромный такой мальчишка,
А нынче...
Поди ж ты...
Вот...
Писатель...
Известная шишка...
Без просьбы уж к нам не придет».

И мельник, как будто с победы,
Лукаво прищурил глаз:
«Ну, ладно! Прощай до обеда!
Другое сдержу про запас».

Я шел по дороге в Криушу
И тростью сшибал зеленыя.
Ничто не пробилось мне в душу,
Ничто не смутило меня.
Струилися запахи сладко,
И в мыслях был пьяный туман...
Теперь бы с красивой солдаткой
Завесть хорошо роман.

Но вот и Криуша...
Три года
Не зрел я знакомых крыш.
Сиреневая погода
Сиренью обрызгала тишь.
Не слышно собачьего лая,

Здесь нечего, видно, стеречь –
У каждого хата гнилая,
А в хате ухваты да печь.
Гляжу, на крыльце у Прона
Горластый мужицкий галдеж.
Толкуют о новых законах,
О ценах на скот и рожь.
«Здорово, друзья!»
«Э, охотник!»
Здорово, здорово!
Садись!
Послушай-ка ты, беззаботник,
Про нашу крестьянскую жисть.
Что нового в Питере слышно?
С министрами, чай, ведь знаком?
Недаром, едрит твою в дышло,
Воспитан ты был кулаком.
Но все ж мы тебя не порочим.
Ты – свойский, мужицкий, наш,
Бахвалишься славой не очень
И сердце свое не продашь.
Бывал ты к нам зорким и рья-
ным,
Себя вынимал на испод...
Скажи:
Отойдут ли крестьянам
Без выкупа пашни господ?
Кричат нам,

Что землю не троньте,
Еще не настал, мол, миг.
За что же тогда на фронте
Мы губим себя и других?»

И каждый с улыбкой угрюмой
Смотрел мне в лицо и в глаза,
А я, отягченный думой,
Не мог ничего сказать.
Дрожали, качались ступени,
Но помню
Под звон головы:
«Скажи,
Кто такое Ленин?»
Я тихо ответил:
«Он – вы».

На корточках ползали слухи,
Судили, решали, шепча.
И я от моей старухи
Достаточно их получал.

Однажды, вернувшись с тяги,
Я лег подремать на диван.
Разносчик болотной влаги,
Меня прознобил туман.
Трясло меня, как в лихорадке,
Бросало то в холод, то в жар,

И в этом проклятом припадке
Четыре я дня пролежал.

Мой мельник с ума, знать, спя-
тил.

Поехал,

Кого-то привез...

Я видел лишь белое платье
Да чей-то привздернутый нос.

Потом, когда стало легче,
Когда прекратилась трясь,

На пятые сутки под вечер
Простуда моя улеглась.

Я встал.

И лишь только пола

Коснулся дрожащей ногой,

Услышал я голос веселый:

«А!

Здравствуйте, мой дорогой!

Давненько я вас не видала.

Теперь из ребяческих лет

Я важная дама стала,

А вы – знаменитый поэт.

.....

Ну, сядем.

Прошла лихорадка?

Какой вы теперь не такой!

Я даже вздохнула украдкой,
Коснувшись до вас рукой.

Да...

Не вернуть, что было.

Все годы бегут в водоем.

Когда-то я очень любила
Сидеть у калитки вдвоем.

Мы вместе мечтали о славе...

И вы угодили в прицел,

Меня же про это заставил

Забывать молодой офицер...»

Я слушал ее и невольно

Оглядывал стройный лик.

Хотелось сказать:

«Довольно!

Найдемте другой язык!»

Но почему-то, не знаю,

Смущенно сказал невпопад:

«Да... Да...

Я сейчас вспоминаю...

Садитесь.

Я очень рад.

Я вам прочитаю немного

Стихи

Про кабацкую Русь...

Отделано четко и строго.

По чувству – цыганская грусть».

«Сергей!

Вы такой нехороший.

Мне жалко,

Обидно мне,

Что пьяные ваши дебоши

Известны по всей стране.

Скажите:

Что с вами случилось?»

«Не знаю».

«Кому же знать?»

«Наверно, в осеннюю сырость

Меня родила моя мать».

«Шутник вы...»

«Вы тоже, Анна».

«Кого-нибудь любите?»

«Нет».

«Тогда еще более странно

Губить себя с этих лет:

Пред вами такая дорога...»

Сгущалась, туманилась даль...

Не знаю, зачем я трогал

Перчатки ее и шаль.

.....

Луна хохотала, как клоун.

И в сердце хоть прежнего нет,

По-странному был я полон

Наплывом шестнадцати лет.

Расстались мы с ней на рассвете
С загадкой движений и глаз...

Есть что-то прекрасное в лете,
А с летом прекрасное в нас.

Мой мельник...

Ох, этот мельник!

С ума меня сводит он.

Устроил волынку, бездельник,

И бегаёт как почтальон.

Сегодня опять с запиской,

Как будто бы кто-то влюблен:

«Придите.

Вы самый близкий.

С любовью

Оглоблин Прон».

Иду.

Прихожу в Криушу.

Оглоблин стоит у ворот

И спьяну в печенки и в душу

Костит обнищальный народ.

«Эй, вы!

Тараканье отродье!

Все к Снегиной!..

Р-раз и квас!

Даешь, мол, твои угодыя

Без всякого выкупа с нас!»
И тут же, меня завидя,
Снижая сварливую прыть,
Сказал в неподдельной обиде:
«Крестьян еще нужно варить».
«Зачем ты позвал меня, Проша?»
«Конечно, ни жать, ни косить.
Сейчас я достану лошадь
И к Снегиной... вместе...
Просить...»

И вот запрягли нам клячу.
В оглоблях мосластая шкетъ –
Таких отдают с придачей,
Чтоб только самим не иметь.
Мы ехали мелким шагом,
И путь нас смешил и злил:
В подъемах по всем оврагам
Телегу мы сами везли.
Приехали.

Дом с мезонином
Немного присел на фасад.
Волнующе пахнет жасмином
Плетневый его палисад.
Слезаем.

Подходим к террасе
И, пыль отряхая с плеч,
О чьем-то последнем часе
Из горницы слышим речь:

«Рыдай – не рыдай, – не помога...
Теперь он холодный труп...
Там кто-то стучит у порога.
Припудрись...
Пойду отопру...»

Дебелая грустная дама
Откинула добрый засов.
И Прон мой ей брякнул прямо
Про землю,
Без всяких слов.
«Отдай!.. –
Повторял он глухо. –
Не ноги ж тебе целовать!»

Как будто без мысли и слуха
Она принимала слова.
Потом в разговорную очередь
Спросила меня
Сквозь жуть:
«А вы, вероятно, к дочери?
Присядьте...
Сейчас доложу...»

Теперь я отчетливо помню
Тех дней роковое кольцо.
Но было совсем не легко мне
Увидеть ее лицо.

Я понял –
Случилось горе,
И молча хотел помочь.
«Убили... Убили Борю...
Оставьте!
Уйдите прочь!
Вы – жалкий и низкий трусишка.
Он умер...
А вы вот здесь...»

Нет, это уж было слишком.
Не всякий рожден перенести.
Как язвы, стыдясь оплеухи,
Я Прону ответил так:
«Сегодня они не в духе...
Поедем-ка, Прон, в кабак...»

Все лето провел я в охоте.
Забыл ее имя и лик.
Обиду мою
На болоте
Оплакал рыдальщик-кулик.

Бедна наша родина кроткая
В древесную цветень и сочъ,
И лето такое короткое,
Как майская теплая ночь.
Заря холодней и багровей.

Туман припадает ниц,
Уже в облетевишей дуброве
Разноситея звон синиц.

Мой мельник вовсю улыбаецея,
Какая-то веселость в нем.
«Теперь мы, Сергуха, по зайцам
За милую душу пальнем!»
Я рад и охоте...

Коль нечем
Развеять тоску и сон.
Сегоднея ко мне под вечер,
Как месяц, вкатилея Прон.
«Дружище!
С великим счастьем!
Настал ожидаемый час!
Приветствую с новой властью!
Теперь мы всех р-раз – и квас!
Без всякого выкупа с лета
Мы пашни берем и леса.
В России тепеь Советы
И Ленин – старшой комиссар.
Дружище!
Вот это номер!
Вот это почин так почин.
Я с радости чуть не помер,
А брат мой в штаны намочил.
Едри ж твою в бабушку плюнуть!

Гляди, голубарь, веселей!
Я первый сейчас же коммуны
Устрою в своем селе».

У Прона был брат Лабутя,
Мужик – что твой пятый туз:
При всякой опасной минуте
Хвальбишка и дьявольский трус.
Таких вы, конечно, видали.
Их рок болтовней наградил.
Носил он две белых медали
С японской войны на груди.
И голосом хриплым и пьяным
Тянул, заходя в кабак:
«Прославленному под Ляояном
Ссудите на четвертак...»
Потом, насосавшись до дури,
Взволнованно и горячо
О сдавшемся Порт-Артуре
Соседу слезил на плечо.
«Голубчик! –
Кричал он. –
Петя!
Мне больно... Не думай, что пьян.
Отвагу мою на свете
Лишь знает один Ляоян».

Такие всегда на примете.

*Живут, не мозоля рук.
И вот он, конечно, в Совете,
Медали запрятал в сундук.
Но с тою же важной осанкой,
Как некий седой ветеран,
Хрипел под сивушной банкой
Про Нерчинск и Турухан:
«Да, братец!
Мы горе видали,
Но нас не запугивал страх...»*

.....
...

*Медали, медали, медали
Звенели в его словах.
Он Прону вытягивал нервы,
И Прон материл не судом.
Но все ж тот поехал первый
Описывать снегинский дом.*

*В захвате всегда есть скорость:
– Даешь! Разберем потом!
Весь хутор забрали в волость
С хозяйками и со скотом.*

А мельник...

.....
Мой старый мельник

Хозяек привез к себе,
Заставил меня, бездельник,
В чужой ковыряться судьбе.
И снова нахлынуло что-то,
Когда я всю ночь напролет
Смотрел на скривленный заботой
Красивый и чувственный рот.

Я помню –
Она говорила:
«Простите... Была не права...
Я мужа безумно любила.
Как вспомню... болит голова...
Но вас
Оскорбила случайно...
Жестокость была мой суд...
Была в том печальная тайна,
Что страстью преступной зовут.
Конечно,
До этой осени
Я знала б счастливую быль...
Потом бы меня вы бросили,
Как выпитую бутыль...
Поэтому было не надо...
Ни встреч... ни вообще продол-
жать...
Тем более с старыми взглядами
Могла я обидеть мать».

Но я перевел на другое,
Уставясь в ее глаза,
И тело ее тугое
Немного качнулось назад.
«Скажите,
Вам больно, Анна,
За ваш хуторской разор?»
Но как-то печально и странно
Она опустила свой взор.

.....

«Смотрите...
Уже светает.
Заря как пожар на снегу...
Мне что-то напоминает...
Но что?..
Я понять не могу...
Ах!.. Да...
Это было в детстве...
Другой... Не осенний рассвет...
Мы с вами сидели вместе...
Нам по шестнадцать лет...»

Потом, оглядев меня нежно
И лебедя выгнув рукой,
Сказала как будто небрежно:
«Ну, ладно...
Пора на покой...»

.....
Под вечер они уехали.
Куда?
Я не знаю куда.
В равнине, проложенной вехами,
Дорогу найдешь без труда.

Не помню тогдашних событий,
Не знаю, что сделал Прон.
Я быстро умчался в Питер
Развеять тоску и сон.

Суровые, грозные годы!
Ну разве всего описать?
Слыхали дворцовые своды
Солдатскую крепкую «мать».

Эх, удаль!
Цветение в даях!
Недаром чумазый сброд
Играл по дворам на роялях
Коровам тамбовский фокстрот.
За хлеб, за овес, за картошку
Мужик залучил граммофон, –
Слюнявя козлиную ножку,
Танго себе слушает он.
Сжимая от прибыли руки,
Ругаясь на всякий налог,

Он мыслит до дури о штуке,
Катающейся между ног.
Шли годы
Размашисто, пылко...
Удел хлебороба гас.
Немало попрело в бутылках
«Керенок» и «ходей» у нас.
Фефела! Кормилец! Касатик!
Владелец землей и скотом,
За пару измызганных «катек»
Он даст себя выдрать кнутом.

Ну, ладно.
Довольно стонов!
Не нужно насмешек и слов!
Сегодня про участь Прона
Мне мельник прислал письмо:
«Сергуха! За милую душу!
Привет тебе, братец! Привет!
Ты что-то опять в Криушу
Не кажешься целых шесть лет!
Утешь!
Соберись, на милость!
Прижваривай по весне!
У нас здесь такое случилось,
Чего не расскажешь в письме.
Теперь стал спокой в народе,
И буря пришла в угомон.

Узнай, что в двадцатом годе
Расстрелян Оглоблин Прон.

Расея...

Дуровая зыкъ она.

Хошь верь, хошь не верь ушам –

Однажды отряд Деникина

Нагрязнул на криушан.

Вот тут и пошла потеха...

С потехи такой – околеть.

Со скрежетом и со смехом

Гульнула казацкая плеть.

Тогда вот и чикнули Проню,

Лабутя ж в солому залез

И вылез,

Лишь только кони

Казацкие скрылись в лес.

Теперь он по пьяной морде

Еще не устал голосить:

«Мне нужно бы красный орден

За храбрость мою носить».

Совсем прокатились тучи...

И хоть мы живем не в раю,

Ты все ж приезжай, голубчик,

Утешить судьбину мою...»

И вот я опять в дороге.

Ночная июньская хмарь.

Бегут говорливые дроги
Ни шатко, ни валко, как встарь.
Дорога довольно хорошая,
Равнинная тихая звень.
Луна золотою порошею
Осыпала даль деревень.
Мелькают часовни, колодцы,
Околицы и плетни.
И сердце по-старому бьется,
Как билось в далекие дни.

Я снова на мельнице...

Ельник

Усыпан свечьми светляков.
По-старому старый мельник
Не может связать двух слов:
«Голубчик! Вот радость! Сергуха!
Озяб, чай? Поди, продрог?
Да ставь ты скорее, старуха,
На стол самовар и пирог.
Сергунь! Золотой! Послушай!

.....
И ты уж старик по годам...

Сейчас я за милую душу
Подарок тебе передам».

«Подарок?»

«Нет...

Просто письмишко.
Да ты не спеши, голубок!
Почти что два месяца с лишком
Я с почты его приволок».

Вскрываю... читаю... Конечно!
Откуда же больше и ждать!
И почерк такой беспечный,
И лондонская печать.

«Вы живы?.. Я очень рада...
Я тоже, как вы, жива.
Так часто мне снится ограда,
Калитка и ваши слова.
Теперь я от вас далеко...
В России теперь апрель.
И синюю заволокой
Покрыта береза и ель.
Сейчас вот, когда бумаге
Вверяю я грусть моих слов,
Вы с мельником, может, на тяге
Подслушиваете тетеревов.
Я часто хожу на пристань
И, то ли на радость, то ль
в страх,
Гляжу средь судов все присталь-
ней
На красный советский флаг.

Теперь там достигли силы.
Дорога моя ясна...
Но вы мне по-прежнему милы,
Как родина и как весна».

.....
...

Письмо как письмо.
Беспричинно.
Я в жисть бы таких не писал.

По-прежнему с шубой овчинной
Иду я на свой сеновал.
Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим
взглядам
Погорбившийся плетень.
Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет.
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»

Далекие милые были!..
Тот образ во мне не угас.

Мы все в эти годы любили,
Но, значит,

Любили и нас.

Январь 1925. Батум

Черный человек

*Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта
боль.*

*То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рошу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.*

*Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица.
Ей на шее ноги
Маячить больше невмочь.
Черный человек,
Черный, черный,
Черный человек
На кровать ко мне садится,
Черный человек
Спать не дает мне всю ночь.*

*Черный человек
Водит пальцем по мерзкой книге*

И, гнусава надо мной,
Как над усопшим монах,
Читает мне жизнь
Какого-то прохвоста и забулдыги,
Нагоняя на душу тоску и страх.
Черный человек,
Черный, черный!

«Слушай, слушай, –
Бормочет он мне, –
В книге много прекраснейших
Мыслей и планов.
Этот человек
Проживал в стране
Самых отвратительных
Громил и шарлатанов.

В декабре в той стране
Снег до дьявола чист,
И метели заводят
Веселые прялки.
Был человек тот авантюрист,
Но самой высокой
И лучшей марки.

Был он изящен,
К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,

Но ухватистой силою,
И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И своею милою».

«Счастье, – говорил он, –
Есть ловкость ума и рук.
Все неловкие души
За несчастных всегда известны.
Это ничего,
Что много мук
Приносят изломанные
И лживые жесты.

В грозы, в бури,
В житейскую стынь,
При тяжелых утратах
И когда тебе грустно,
Казаться улыбчивым и про-
стым –
Самое высшее в мире искусство».

«Черный человек!
Ты не смеешь этого!
Ты ведь не на службе
Живешь водолазовой.
Что мне до жизни

Скандального поэта.
Пожалуйста, другим
Читай и рассказывай».

Черный человек
Глядит на меня в упор.
И глаза покрываются
Голубой блевотой, –
Словно хочет сказать мне,
Что я жулик и вор,
Так бесстыдно и нагло
Обокравший кого-то.

.....
Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта
боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рошу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.

Ночь морозная.
Тих покой перекрестка.
Я один у окошка,
Ни гостя, ни друга не жду.
Вся равнина покрыта
Сыпучей и мягкой известкой,

И деревья, как всадники,
Съехали в нашем саду.

Где-то плачет
Ночная зловещая птица.
Деревянные всадники
Сеют копытливый стук.
Вот опять этот черный
На кресло мое садится,
Приподняв свой цилиндр
И откинув небрежно сюртук.

«Слушай, слушай! –
Хрипит он, смотря мне в лицо,
Сам все ближе
И ближе клонится. –
Я не видел, чтоб кто-нибудь
Из подлецов
Так ненужно и глупо
Страдал бессонницей.

Ах, положим, ошибся!
Ведь нынче луна.
Что же нужно еще
Напоенному дремой миру?
Может, с толстыми ляжками
Тайно придет «она»
И ты будешь читать

Свою дохлую томную лирику?

Ах, люблю я поэтов!
Забавный народ.
В них всегда нахожу я
Историю, сердцу знакомую, –
Как прыщавой курсистке
Длинноволосый урод
Говорит о мирах,
Половой истекая истомою.

Не знаю, не помню,
В одном селе,
Может, в Калуге,
А может, в Рязани,
Жил мальчик
В простой крестьянской семье,
Желтоволосый,
С голубыми глазами...

И вот стал он взрослым,
К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,
Но хватистой силою,
И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И своею милою».

*«Черный человек!
Ты прескверный гость.
Эта слава давно
Про тебя разносится».
Я взбешен, разъярен,
И летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу...*

.....

*...Месяц умер,
Синеет в окошко рассвет.
Ах ты, ночь!
Что ты, ночь, наковеркала?
Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я один...
И разбитое зеркало...*

1923–14 ноября 1925

Проза

Яр

Повесть

Часть первая

Глава первая

По оконцам кочкового болота скользили волки. Бурый вожак потянул носом и щелкнул зубами. Примолкшая ватага почувствовала добычу.

Слабый вой и тихий панихидный переключик разбудил прикурнувшего в дупле сосны дятла.

Из чапыги с фырканием вынырнули два зайца и, взрывая снег, побежали к межам.

По коленкоровой дороге скрипел обоз; под обротями тропыхались вяхири, и лошади, кинув жвачку, напрянули уши.

Из сетчатых кустов зловеще сверкнули огоньки и, притаившись, погасли.

– Волки, – качнулась высокая тень в подлунье.

– Да, – с шумом кашлянули притулившие-

ся голоса.

В тихом шуме хвои слышался морочный ушук ледяного заслона...

Ваньчок на сторожке пел песни. Он сватал у Филиппа сестру Лимпиаду и, подвыпивши, бахвалился своей мошной.

На пиленом столе в граненом графине шипела сивуха. Филипп, опоражнивая стакан, прислонял к носу хлеб и, понюхав, пихал за поросшие, как мшаниной, скулы. На крыльце залаяла собака, и по скользкому катнику заскрипели полозья.

– Кабы не лес крали, – ухватился за висевшее на стенке ружье Филипп и, стукнув дверью, нахлобучил лосиную шапку.

В запотевшие щеки дунуло ветром.

Забрякавшая щеколда скользнула по двери и с инистым визгом стукнула о пробой.

– Кто едет? – процедил его охрипший голос.

– Овсянники, – кратко ответили за возами.

– То-то!

К кружевеющему крыльцу подбег бородастый старик и, замахав кнутовищем, указал на дорогу.

– В чапыжнике, – глухо крякнул он, догоня сивого мерина.

Филипп вышел на дорогу и упал ухом на мятущие порошни. В ухо, как вата, втыкался пуховитый налет.

– Идут, – позвенел он ружьем по выбоине и, не затворив крыльца, вбежал в избу.

Ваньчок дремал над пустым стаканом. На пол капал огуречный сок и сливался с жилкой пролитого из махотки молока.

– Эй, Фанас, – дернул его Филипп за казине-товую поддевку. – Волки пришли на свадьбу.

– Никакой свадьбы не будет, – забурукал Ваньчок. – Без приданого бери да свадьбу играй.

Филипп, засмехнувшись, вынул из запечья старую берданку и засыпал порохом.

– Волки, говорю, на яру.

– Ась? – заспанно заерзал Ваньчок и растянулся на лавке.

Над божницей горевшая лампадка заморгала от шумовитого храпа. Филипп накинул кожух и, опоясав пороховницу, заложил в карман паклю.

– Чукан, Чукан! – кликнул он свернувшуюся

ся под крыльцом собаку и вынул, громыхая бадьей, прицепленный к притолке нацепник. Собака, зачувяв порох, ерзала у ног и виляла хвостом.

Отворил дверь и забрызгал теплыми валенками по снегу.

Чукан, кусая ошейник, скулил и царапался в пострявшее на проходе ведро.

Филипп свернул на бурелом и, минуя коряжник около чапыги, притулился в яме, вывороченной корнями упавшей сосны.

По лещуге, шурша, проскользнул матерый вожак. В коряжнике хряснули сучья, и в мути месяца закружились распыленные перья.

Курок щелкнул в наскребанную селитру, и кверху с дымом взвился вожак и веснянка-волчиха.

К дохнувшей хмелем крови, фыркая, подбежал огузлый самец.

Филипп поднял было на приклад, но пожалел наскреб.

В застывшей сини клубилась снежная сыворотка. Месяц в облаке качался как на подвесках. Самец потянул в себя измо-

розь и, поджав хвост, сплетаясь с корягами, нырнул в чащу.

Вскинул берданку и поплелся домой. С помятого кожуха падал пристывший снег.

Оследил кругом для приметы место и вывел пальцем ружье.

На снегу мутнела медвежья перебежка; след вел за чапыгу.

Вынул нож и с взведенным курком, скорчившись, пополз, приклоняясь к земле.

Околь бурыги, посыпаясь белою пылью, валялся черно-рыжий пестун.

По спине пробежала радостью волнующая дрожь, коленки опустились и задели за валежник.

Медведь, косолапо повернувшись на левую лопатку, глухо рыкнул и, взрыв копну снега, пустился бежать.

«Упустил», – мелькнуло в одурманенной голове, и, кидая бивший в щеки чапыжник, он помчал ему наперескок.

Клубоватой дерюгой на снегу застыли серые следы. Медведь, как бы догадавшись, повернул в левую сторону.

На левой стороне по еланке вспорхнули

куропатки, он тряхнул головой и шарахнулся назад, но грянул выстрел, и Филипп, споткнувшись, упал на кочку.

«Упустил-таки», – заколола его проснувшаяся мысль.

С окровавленной головой медведь упал ничком и опять быстро поднялся.

Грянули один за другим еще два выстрела, и тяжелая туша, выпятив язык, задргала ногами.

Из кустов, в коротком шубейном пиджаке, с откинутой на затылок папашой, вынырнул высокого роста незнакомец.

Филипп поднял скочившую шапку и робко отодвинул кусты.

Незнакомец удивленно окинул его глазами и застыл в ожидающем молчанье.

Филипп откинул бараний ворот.

– Откулева?

– С Чухлинки.

– Далеконько забрел.

– Да.

Над носом медведя сверкнул нож, и Филипп, склонившись на ружье, с жалостью моргал суженными глазками.

– Я ведь гнал-то.

– Ты?

– Я...

Тяжелый вздох сдул с ворота налет паутинок. Под захряслыми валенками зажевал снег.

– Коли гнал, поделимся.

Филипп молчал и с грустной улыбкой нахлобучивал шапку.

– Скидывай кожух-то?

– Я хотел тебе сказать – не замай.

– А что?

– Тут недалече моя сторожка. Я волков только тудылича бил.

Незнакомец весело закачал головою.

– Так ты, значит, беги за салазками.

– Сейчас сбегаяю.

Филипп запахнул кожух и, взяв наперевес ружье, обернулся на коченелого пестуна.

– А как тебя зовут-то?

– Карев, – тихо ответил, запихивая за пояс нож.

Филипп вошел в хату, и в лицо ему пахнуло теплом. Он снял голицы и скинул ружье.

Под иконами ворочался Ваньчок и, охая, опускал под стол голову.

– Блюешь?..

– Брр... – задрогал ногами Ваньчок и, приподнявшись, выпучил посовелые глаза. – Похмели меня...

– Вставай... проветришься...

Приподнявшись, шаркнул ногами и упал головою в помойную лохань.

Филипп, поджав живот, катался, сдавленный смехом, по кровати и, дергая себя за бороду, хотел остановиться.

Ваньчок барахтался и, прислонясь к приitolке, стирал подолом рубахи прилипшие к бороде и усам высевки.

Прикусив губу, Филипп развязал кушак и, скинув кожух, напялил полушубок.

– Медведя убили...

– Самдели?

– Без смеха.

Посоловелые глаза заиграли волчьим огоньком, но прихлынувший к голове хмель погасил их.

– Ты идешь?

– Иду...

– И я пойду.

Подковылял к полатам и вытащил свою шубу.

– Пойдем... подсобишь.

Ваньчок нахлобучил шапку и подошел к окну; на окне, прикрытая стаканом, синела недопитая бутылка.

– Там выпьем.

Шаги разбудили уснувшего Чукана, и он опять завыл, скребя в подворотню, и грыз ошейник; с губ его кружевом сучилась пена.

Карев сидел на остывшей туше и, вынув кисет, свертывал из махорки папиросу. С коряжника дул ветер и звенел верхушками отточенных елей.

С поникших берез падали, обкалываясь, сосульки и шуршали по обморози.

Месяц, застыв на заходе, стирался в мутное пятно и бросал сероватые тени.

По снегу, крадучись на кровь, проползла росомаха, но почуяла порох, свернулась клубком и, взрывая снег, покатилась, обеленная, в чапыгу и растаяла в мути. По катнику закрипели полозья, и сквозь леденелые ство-

лы осинника показались Ваньчок и Филипп.

– Ух какой! – протянул, покачиваясь, Ваньчок и, падая, старался ухватиться за куст. – Ну и лопатки!

– Ты лучше встань, чем мерить лопатки-то, – заговорил Филипп, – да угости прищляка тепленьким.

– А есть разве?

– Есть.

Ваньчок подполз к Кареву и вынул бутыль.

– Валяй прям из горлышка.

Тушу взвалили на салазки и закрепили тязем.

Ваньчок, растянувшись, спал у куста и бредил о приданом.

– Волков я тоже думаю взвалить.

– А где они?

– Недалече.

В протычинах взвенивал коловшийся под валенками лед.

Филипп взял матерого вожака, а Карев закинул за спину веснянку.

С лещуги с посвистом поднялись глухари и кольцом упали в осинник.

– Пугаются, – крикнул Филипп и скинул но-

шу на салазки.

Крученный тяж повернулся концом под грядку.

– Эй, вставай, – крикнул он над ухом Ваньчка и потянул его за обвеянный холодом рукав.

– Не встану, – кричал Ваньчок и, ежась, подбирал под себя опустившиеся лыками ноги.

Ветер тропыхал корявый можжевельник и сыпал обдернутой мшаниной в потянутые изморозью промоины.

В небе туманно повис черемуховый цвет, и поблекший месяц нырял за косогором расколловшейся половинкой.

Филипп и Карев взяли подцепки, и полость заскрипели по катнику.

Щеки горели, за шеями таял засыпанный снег и колол растянутые плечи холодом.

Под валенками, как ржаной помол, хрустел мягкий насос; на салазках, верхом на медведе, укрывши голову под молодую волчиху, качался уснувший Ваньчок.

Глава вторая

Анисим Карев загадал женить сына Костю на золовке своей племянницы.

Парню щелкнул двадцать шестой год, дома не хватало батрачки, да и жена Анисима жаловалась на то, что ей одной скучно и довериться некому.

На Преображенье сосватали, а на Покров сыграли свадьбу.

Свадьба вышла в дождливую погоду; по селу, как кулага, сопела грязь и голубели лужи.

После обедни к попу подъехала запряженная в колымагу пара сиваков. Дымовитые гривы трягнули обвешенными лентами, и из головней вылез подвыпивший дружок.

Он вытащил из-под сена вязку кренделей, с прижаренной верхушкой лушник и с четвертью вина окорок ветчины. Из сеней выбег попов работник, помог ему нести и ввел в сдвохлую от телячьей вони кухню.

Из горницы, с завязанным на голове пучком, вышел поп, вынул берестяную табакерку и запустил щепоть в расхлябанную ноздрю.

– Чи-их! – фыркнуло около печки, и с косо-бокой скамьи полетела куча пыли.

– К твоей милости, – низко свесился друж-

ко.

– Зубок привез?

– Привез.

Поп глянул на сочную, только вынутую из рассола ветчину и ткнул в красниковую любовину пальцем.

– Хорошая.

Вошла кухарка и, схватив за горлышко четверть, понесла к открытому подполью.

– Расколешь! – заботливо поддерживая доньшко, крикнул работник.

– Небось, – выпятив отвислую грудь, ответила кухарка и, подоткнув подол, с оголенными икрами полезла в подпол.

– Смачная! – лукаво мигнул работнику дружко и обернулся к попу: – Так ты, батюшка, не мешкай.

В заслюделую дверь, спотыкаясь на пороге, ввалились грузной походкой дьячок и дьякон.

– На колымагу! – замахал рукою дружко. – Выходит сейчас.

– На колымагу так на колымагу, – крякнул дьякон и, подбирая засусленный подрясник, повернул обратно.

- Есть, – щелкнул дьячок под салазки.
- Опосля, опосля, – зашептал дружко.
- Чего опосля?..

С взбитой набок отерханной шапкой и обгрызанным по запяткам халатом, завернув в ворот редкую белую бороденку, вышел поп.

– Едем.

Дьякон сидел на подостланной соломе и, свесив ноги, кшикал облепивших колымагагу кур.

Куры, с кудахтаньем и хлопая крыльями, падали наземь, а сердитый огнеперый петух, нахохлившись, кричал на дьякона и топорилил клювом.

– Ишь ты какой сурьезный, – говорил шепелявя дьякон, – в засычку все норовишь, не хуже попа нашего, того и гляди в космы вцепишься.

Батюшка облокотился на дьячка и сел подле дьякона.

– Ты больно широко раздвинулся, – заметил он ему.

Дьякон сполз совсем на грядку, прицепил за дышло ноги и мысленно ругался: «Как петух, черт сивый!»

– Эй, матушка! – крикнул дружок на коренного, но колесо зацепило за вбитый кол. – Ну, дьявол! – рванул он крепко вожжи, и лошади, кидая грязь, забрякали подковами.

– А ты, пожалуй, нарочно уселся так, – обернулся поп опять к дьякону, – грязь-то вся мне в лицо норовит.

– Это, батюшка, бог шельму карает, – огрызнулся дьякон, но, повернувшись на грядке, полетел кубарем в грязь.

– Тпру, тпру! – кричал взбудораженный дружок и хлестанул остановившихся лошадей кнутовищем.

Лошади рванули, но уже не останавливались.

Подъехав к крыльцу, дружок суматошно ссадил хохотавшего с дьячком попа и повернул за дьяконом.

Дьякон, склоняясь над лужей, замывал грязный подрясник.

– Не тпрукай, дурак, когда лошади стали, – искоса поглядел на растерявшегося дружка и сел на взбитую солому.

Молодых вывели с иконами и рассадили по телегам. Жених поехал с попом, а невеста –

с крестной матерью.

Впереди, обвязанные накрест рушниками, скакали верховые, а позади с придаными сундуками гремели несправленные дроги.

Перед церковью на дорогу выбежала толпа мужиков и, протянув на весу жердь, загородила дорогу.

Сваха вынесла четверть с водкой и, наливая бражный стакан, приговаривала:

– Пей, гусь, да пути не мочи.

Выпившие мужики оттащили жердь в канаву и с криком стали бросать вверх шапки.

Дьячок сидел с дьяконом и косился – как сваха, не заткнув пробки, болтала пузырившееся вино.

Из калитки церковной ограды вышел сторож и, отодвигая засов, отворил ворота. Поп слез и, подведя жениха к невесте, сжал их правые руки.

Около наля краснел расстеленный полушалок и коптело пламя налепок.

Не в охоту Косте было жениться, да не захотелось огорчать отца.

По селу давненько шушукали, что он сватался к вдове-соседке.

Слухи огорчали мать, а обозленный отец называл его ёрником.

– Женится – переменится, – говорил Анисиму уважительный кум. – Я сам такой смолоду олахарь был.

Молодайка оказалась приглядная; после загула свекровь показала ей все свое имущество и отдала сарайные ключи.

Костя как-то мало смотрел на жену. Он только узнал, что ходившие о невесте слухи оправдались.

До замужества Анна спуталась со своим работником.

Сперва в утайку заговаривали, что она ходит к нему на сеновал, а потом говор пошел чуть не открыто.

Костя ничего не сказал жене. Не захотелось опечалить мать и укорить отца, да и потом ему самое Анну сделалось жалко. Слабая такая, в одной сорочке стояла она перед ним. На длинные ресницы падали густые каштановые волосы, а в голубых глазах светилась затаенная боль.

Вечерами Костя от скуки ходил с ребятами на улицу и играл на тальянке. Отец ворчал,

а жена кротко отпирала ему дверь.

В безмолвной кротости есть зачатки бури, которая загорается слабым пламенем и свивается в огненное половодье.

Анна полюбила Костю, но любовь эта скоро погасла и перешла в женскую ласку; она не упрекала его за то, что он пропадал целыми ночами, и даже иногда сама посылала.

Там, где отперты двери и где нет засовов, воры не воруют.

Но бывает так, что постучится запоздалый путник и, пригретый, забывает, что он пришел на минуту, и остается навсегда.

Анисим вздумал арендовать у соседнего помещика землю. Денег у него не было, но он думал сперва занять, а потом перевернуться на обмолоте.

На рождество пришел к нему из деревни Кудашева молодой парень, годов двадцати, и согласился на найм.

Костя пропал где-то целую неделю на охоте, и от знакомых стрелков о нем не было слуху.

Анна с батраком ходила в ригу, и в два цепа молотили овес.

Парень ударял резко, колос перебивался пополам, а зерна с визгом впивались в разбросанную солому.

После хрестца он вынимал баночку и, завернув накосом бумажку, насыпал в нее, как опилки, чистую полукрупку.

Анна любовалась на его вихрастые кудри, и она чувствовала, как мягко бы щекотали его пуховитые усы губы.

Парень тоже засматривал ей в глаза и, улыбаясь, стряхивал пепел.

– Ну, давай, Степан, еще хрестец обмоло- тим, – говорила она и, закинув за подмышки зарукавник, развязывала снопы.

Незаметно они сблизились. Садились рядышком и говорили, сколько можно вымолотить из копны.

Степан иногда хватал ее за груди и, щеко- ча, валил на солому. Она не отпихивала его. Ей было приятно, как загрубелые и скользкие от цепа руки твердо катились по ее телу.

Однажды, когда Костя вернулся и уехал на базар, он повалил ее в чан и горячими губами коснулся щеки.

Она обняла его за голову, и пальцы ее уто-

нули в мягких кудрях...

Вечером на Масленицу Костя ушел в корогод и запевал с бабами песни; Анна вышла в сени, а Степан, почистив кирпичом уздечку, перевязал поводья и вынес в клеть.

На улице громко рассыпались припаски, и слышно, как под окнами хрустел снег. Анисим с бабкой уехал к куму в гости, а оставшийся саврасый жевал в кошелке овес.

Анна, кутаясь в шаль, стояла, склоняясь грудью на перила крыльца.

Степан повесил уздечку и вышел на крыльцо. Он неслышно подокрался и закрыл ей ладонями глаза.

Анна обернулась и отвела его руки.

– Пойдем, – покраснев, как бы выплеснула она слово и закрылась рукавом...

В избу вошел с веселой улыбкой Костя.

Степан, побледнев, выбежал в сени, а Анна, рыдая, закопала судорожно вздрагивающие губы в подушку.

Костя сел на лавку и закачал ногами; теперь еще ясней показалось ему все.

Он обернулся к окну и, поманув стоявшего у ветлы Степана, вышел в сени.

– Ничего, Степан, не бойся, – подошел он к нему и умильно потрепал за подбородок, – ты парень хороший...

Степан недоверчиво вздрагивал. Ему казалось, что ласкающие его руки ищут место для намыленной петли.

– Я ничего, Степан... стариков только опасайся... ты, может быть, думаешь – я сержусь? Нет!.. Оденься и пойдем посидим в шинке.

Степан вошел в избу и, не глядя на Анну, вытащил у нее из-под головы нанковый казакин.

Нахлобучил стогом барашковую шапку и хлопнул дверью.

Вечером за ужином Анна видела, как Костя весело перемаргивался с Степаном. На душе у нее сделалось легче, и она опять почувствовала, что любит только одного Костю.

Заметил Анисим, что Костя что-то тоскует, и жене сказал. Мать заботливо пыталась, уж не с женой ли, мол, вышел разлад, но Костя, только махнув рукой, грустно улыбался.

Он как-то особенно нежен стал к жене.

На прощеньный день она ходила на реку

за водой и, поскользнувшись на льду, упала в конурку.

Домой ее привезли на санях, сарафан был скороблен ледяным застывом.

Ночью с ней сделался жар, он мочил ее красный полушалок и прикладывал к голове.

Анна брала его руку и прижимала к губам. Ей легко было, когда он склонялся к ней и слушал, как билось сердце.

– Ничего, – говорил он спокойно и ласково. – Завтра к вечеру все как рукой снимет.

Анна смотрела, и из глаз ее капали слезы.

На первой неделе поста Костя причастился и стал собираться на охоту.

В кошель он воткнул кожаные сапоги, онучи, пороховницу и сухарей, а Анна сунула ему рушник.

Достал висевший на гвоздике у бруса обмотанный паутиной картуз и завязал рушником.

Опешила, но спросить не посмела. После чая он сел под иконы и позвал отца с матерью.

Анна присела с краю.

– Благословите меня, – сказал он, нагнувшись голову, и подпер локтем бледное красивое лицо.

Отец достал с божницы икону Миколы Чудотворца. Костя вылез и упал ему в ноги. В глазах его колыхалась мутная грусть.

Связав пожитки, передернул кошель за плечи и нахлобучил шапку.

– К страстной вертайся, – сказал отец и, взяв клин, начал справлять топорище.

Покрестился, обнял мать и вышел с Анной наружу. Дул ветер, играла поземка, и снег звенел.

Костя взял Анну за руку и зашагал по кустарниковому подгорью.

Анна шла, наклонив голову, и захлестывала от ветра каратайку.

У озера, где начинался лес, остановился и встряхнул кошелем.

Хвои шумели.

– Ну, прощай, Анна! – проговорил тихо и кротно. – Не обижай стариков. – Немного задумался и гладил ее щеку. – Совсем я...

Анна хотела крикнуть и броситься ему на шею, но, глянув сквозь брызгавшие слезы,

увидела, что он был уж на другом конце оврага.

– Костя! – гаркнула она. – Вернись!

– Ись... – ответило в стихшем ветре эхо.

Глава третья

— Очухайся! – кричал Филипп, снимая с Ваньчка шубу.

Ваньчок, опустив руки, ослаб, как лыко.

Гасница прыгающим отсветом выводила на белой печи тень повисшего на потолке крюка. За печурками фенькал сверчок, а на полатях дремал, поджав лапы калачиком, сивоухий кот.

– Снегом его, – тихо сказал Карев.

– И то снегом...

Филипп сгорстал путровый окоренок и, помыв над рукомойником, принес снегу.

Ваньчка раздели наголо, дряблое тело, пропитанное солнцем, вывело синие жилы. Карев разделся и начал натирать. Голова Ваньчка, шлепая губами, отвисла и каталась по полу.

В руках снег сжимался, как вата, и выжатым творогом капал.

От Ваньчка пошел пар, зубы его разжа-

лись, и глухо он простонал:

– Пи-ить...

Вода плеснула ему в глаза, и, потирая их корявыми руками, он стал подыматься.

Шатаясь, сел на лавку и с дрожью начал напяливать рубаху.

Филипп подсобил надеть ему порты и, расстелив шубу, уложил спать его.

– С перепоя, – тихо сказал он, вешая на посевку корец, и стал доставать хлеб.

Карев присел к столу и стал чистить водяниковую наволочку картошки.

Отломив кусочек хлеба, он посолил его и зажевал.

Пахло огурцами, смешанной с клюквой капустой и моченой брусникой.

Филипп вынул с полки сороковку и, ударя ладонью по доньшку, выбил пробку.

– Пей, – поднес он стакан Кареву. – Небось не как ведь Ваньчок. Самовар бы поставить, – почесался Филипп и вышел в теплушку.

– Липа? Лип?.. – загукал его сиповатый голос. – Проснися!

Немного погодя в красном сборчатом сарафане вошла девушка.

Косы ее были растрепаны и черными волнами обрамляли лицо и шею.

Карев чистил ружье и, взведя курок, нацелил в нее мушку.

– Убью, – усмехнулся он и спустил щелкнувший курок.

– Не боюсь, – тихо ответила и зазвенела в дырявой махотке березовыми углями.

Лимпиаду звали лесной русалкой; она жила с братом в сторожке, караулила чухлинский лес и собирала грибы.

Она не помнила, где была ее родина, и не знала ее. Ей близок был лес, она и жила с ним.

Двух лет потеряла отца, а на четвертом году ее мать, как она помнила, завернули в белую холстину, накрыли досками и унесли.

Память ее прояснилась, как брат привез ее на яр.

Жена его Аксинья ходила за ней и учила, как нужно складывать пальцы, когда молишься Богу.

Потом, когда под окном синели лужи, Аксинья пошла к реке и не вернулась. Ей мерещились багры, которыми Филипп тыкал в во-

ду, и рыбацкий невод.

– Тетенька ушла, – сказал он ей, как они пришли из церкви. – Теперь мы будем жить с Чуканом.

Филипп сам мыл девочку и стирал белье.

Весной она бегала с Чуканом под черемуху и смотрела, как с черемухи падал снег.

– Отчего он не тает? – спрашивала Чукана и, положив на ладонь, дула своим теплом.

Собака весело каталась около ее ног и лизала босые, утонувшие в мшанине скользкие ноги.

Когда ей стукнуло десять годов, Филипп запряг буланку и отвез ее в Чухлинку, к теще, ходить в школу.

Девочка зиму училась, а летом опять уезжала к брату.

На шестнадцатом году за нее приезжал свататься сын дьячка, но Филипп пожалел, да потом девка сама заартачилась.

– Лучше я повешусь на ветках березы, – говорила она, – чем уйду с яра.

Она знала, что к ним никто не придет и жить с ними не останется, но часто сидела на крыльце и глядела на дорогу. Когда подни-

малась пыль и за горой ныряла, выплясывая, дуга, она бежала, улыбаясь, к загородке и отворяла околицу.

Нынче вечером с соседнего объезда приехал вдовый мужик Ваньчок и сватал ее без приданого.

Весной она часто, бродя по лесу, натыкалась на его коров и подолгу говорила с его подпаском, мальчиком Юшкой.

Юшка вил ей венки и, надевая на голову, всегда приговаривал:

– Ты ведь русалка лесная, а я тебя не боюсь.

– А я возьму тебя и съем, – шутила она и, посадив его на колени, искала у него в рыжих волосах гниды.

Юшка вертелся и не давался искаться.

– Пусти ты, – отпихивал он ее руки.

– Ложись, ложись, – тянула она его к себе. –

Я расскажу тебе сказку.

– Ты знаешь про Аленушку и про братца-козленочка Иванушку? – прищлепывая губами, выговаривал Юшка. – Расскажи мне ее... мне ее, бывалоча, мамка рассказывала.

Самовар метнул на загнетку искрами.

– Готов, – сдунув золу, сказала Лимпиада и подошла к желтой полке за чашками.

– Славная штука, – ухмыльнулся Филипп, – рублей двести смоем... Чтой-то я тебя, братец, не знаю, – обернулся он к Кареву: – Говоришь, с Чухлинки, а тебя и не видывал.

– Я пришляк, у просфирни проживаю.

– Пономарь, что ль, какой?

– Охотник.

Лимпиада расстелила скатерть, наколола крошечными кусочками сахар и поставила на стол самовар.

Ободнялая снеговая сыворотка пряжей висела на ставне и шомонила в окно.

– Зорит... – поднял блюдце Карев. – Вот сейчас на глухарей-то хорошо.

От околицы заерзал скрип полозьев. Ваньчок, охая, повернулся на другой бок и зачесал спину.

– Ишь наклюкался, – рассмеялась Лимпиада и накрыла заголившуюся спину халатом. – Гусь жареный, тоже свататься приехал!

– Ох, – застонал Ваньчок и откинул полу.

– Кто там? – отворил дверь Филипп.

– Свои, – забасил густой голос.

Засов, дребезжа, откатился в сторону, и в хату ввалились трое скупщиков.

– Есть дичь-то? – затеребил бороду брюхатый, низенького роста барышник.

– Есть.

– А я тут проездом был, да вижу огонь, дай, мол, заверну наудалую.

– Ты, Кузьмич, отродясь такого не видел; одно слово, пестун четвертной стоит.

Карев, поворачивая тушу, улыбался, а Лимпиада светила гаснищей.

– Бейся не бейся, меньше двух с половиной не возьмем.

Кузьмич, поворачивая и тыча в лопатки, щупал волков.

– Ну, так, знычит, Филюшка, двести с четвертью да за волков четверть.

– Коли не обманываешь – ладно.

Влез за пазуху и вынул туго набитый бумажками кошелек.

– Получай, – слюнявя пальцы, отсчитывал он.

– Счастлив, брат, ты, – ткнул в бок Филипп Карева, – и скупщик, как нарочно, пожаловал.

Карев весело помаргивал глазами и глядел на Лимпиаду. Она, кротко потупив голову, молчала.

– Так ты помоги, – скинул тулуп Кузьмич.

Карев приподнял задние ляжки и поволок тушу за дверь.

– Ишь какой здоровый! – смеялись скупщики.

– Мерина своротит, – щелкнул кушаком Филипп. – Как дерболызнул ему, так ан навзничь упал.

– Он убил-то?

– Он...

На розвальни положили пестуна и обоих волков. Филипп вынул из головней рогожу и, накрыв, затянул веревкой.

– Н-но! – крикнул Кузьмич, и лошади, дернув сани, засемно поплелись шагом.

Умытое снегом утро засмеялось окровавленным солнцем в окно.

Кузьмич шагал за возом и сопел в трубку.

– Не надуешь проклятого.

– Хитрой мужик, – подхватили скупщики и задергали башлыками.

– Дели, – выбросил Филипп на стол деньги.

– Сам дели.

– Ну, не ломайся.

Ваньчок встал, свесил разутые ноги и попросил квасу.

– Кто это? – мотнул он на согнувшегося над кучей денег Карева.

– Всю память заспал, – ухмыльнулся Филипп.

– Нет, самдели?

– Забыл, каналья?

– Эй, дядя, – поднялся Карев, – аль и впрямь запамятовал, как мы тебя верхом на медведе везли?

– Смеетесь, – поднес к губам корец.

– А нам и смеяться нечего, коли снегом тебя оттирали.

К столу подошла Лимпиада. Ваньчок нахлобучил одеяло и, скорчившись, ухватился за голову.

– Тебе полтора ста, а мне сто, – встал Карев и протянул руку.

– Как же так?

– Так... я один... А ты с сестрой, вишь.

Ваньчок завистливо посмотрел на деньги.

– Ай и скупщики были?..

– Были.

– Вон оно что...

Карев схватил шапку, взмахнул ружье и вышел.

– погоди, – останавливал Филипп, – выспишься.

– Нет, поторапливаться надо.

В щеки брызнуло солнце и пахнуло тем весенним ветром, который высасывает сугробы.

На крыльцо выбегла Лимпиада.

– Заходи! – крикнула она, махая платком.

– Ладно.

Шел примятой стежкой и норовил напрямик. На кособокой сосне дятел чистил красноватое, как раненое, крыло.

На засохшую ракиту вспорхнул снегирь и звонко рассыпался свистом.

С дальних полян курилась молочная морозка и, как рукав, обвивала одинокие разбросанные липы.

– Садись, касатик, подвезу! – крикнула поравнявшаяся на порожняке баба.

– И то думаю.

– Знамо, лучше... Ишь как щеки-то разгорелись.

Хлестнула кнутом, и лошадь помчала
взнамет, разрывая накат и поморозь.

– Что ж пустой-то?

– Продал.

– Ишь Бог послал. У меня намедни сын тоже
какого ухлопал матерого, четвертную,
не стуча по рукам, давали.

– Да, охота хорошая.

За косогором показалась деревня.

– Раменки! – крикнула баба и опять хлестнула
трусившую лошадь.

Около околицы валялась сдохлая кобыла,
по деревне пахло блинным дымом.

На повороте он увидел, как старуха, несшая
вязанку дров, завязла в снег и рассыпала
поленья.

На плетне около крайней хаты висела те-
лячья шкура.

– Подбирай, бабушка! – крикнул весело
и припал на постельник.

За деревней подхватил ветер и забили кра-
пины застывающего в бисер дождя.

Баба накинула войлоковую шаль и поджа-
ла накрытые соломой ноги под поддевку; ве-
тер дул ей в лицо.

Карев, свернувшись за ее спиной, свертывал папиросу, но табак от тряски и ветра рассыпался.

Ствол гудел, и казалось, где-то далеко-далеко кого-то провожали на погост.

– Остановись, тетенька, закурю.

Лошадь почувствовала, как над взнузданными губами натянулись вожжи, и, фыркнув, остановилась.

Свернув папиросу, он чиркал, закрывая ладонями, спичку, но она тут же, не опепеля стружку, гасла.

– Экай ты какой! – крикнула укоризненно баба. – Погоди уж.

Стряхнув солому, она обернулась к нему лицом и расстегнула петли.

– Закуривай, – оттопырила на красной подкладке полы и громко засмеялась.

Спичка чиркнула, и в лицо ударил смешанный с мятой запах махорки.

Баба застегнулась и поправила размотавшуюся по мохрастым концам шаль.

Туман припадал к земле и зарывался в голубеющий по лощинам снег.

Откуда-то с ветром долетел благовест

и уныло растаял в шуме хвой.

За санями кружилась, как липовый цвет, снежная пыль, а на высокую гору, погромы-хивая тесом, карабкался застрявший обоз.

Глава четвертая

Старый мельник Афонюшка жил одиноко в покосившейся мельнице, в яровой долине.

В заштопанной мешками поддевке его были защиты истертые денежные бумажки и медные кресты. Когда-то он пришел сюда батраком, но через год хозяин его, пьянчужка, скопырнулся как-то в плотину и утоп.

Жена его Фетинья не могла заплатить ему зажитое и приписала мельницу. С тех пор мельница получила прозвище «Афонин перекресток».

Афонюшка, девятнадцатигодовалый парень, сделался мельником и скоро прослыл по округе как честный помолотчик.

Из веселого и беспечного он обернулся в задумчивого монаха.

Первые умолотные деньги положил на божницу за Егория и прикрыл тряпочкой.

В сумерки, когда нечего было делать, сидел

часто на крылечке и смотрел, как невидимая рука зажигала звезды.

Бор шумел хвойными макушками и с шелестом на поросшие стежки осыпал иглы и шишки.

– Фюи, фюи, – шныряла, шаря по сочной коре, желтохвостая иволга.

– Ух, ух, – лазушно хлопал крыльями сыч.

Нравилось Афоньке сидеть так.

Он все ждал кого-то неизвестного. Но к нему не шли.

– Придут, – говорил он, глядя мухортую собаку. – Где-нибудь и нас так поджидают.

Так прожил он десять лет, но тут с ним случилось то, что заставило его призадуматься.

На пятом ходу хозяйничанья Афонька поехал к сестре взять к себе на прокорм шалыга на Кузьку.

Мать Кузькина с радостью отдала его брату; на ней еще была обуза – шесть человек.

Она оторвала от кудели ссученную нитку, сделала гайтан, надела крест и повесила Кузьке на шею.

– Мотри, Богу молись, – наказывала ему.

Кузька, попрощавшись с сестренками, щипнул маленького братишку и весело вско-чил на телегу.

– А далеко будем ехать-то? – спросил Афоньку и, лукаво щуря глазенки, забрыкал по соломе.

– Две ночи спать будешь, – ухмыльнулся он, – а на половину третьей приедем...

Первое время Кузька боялся бора. Ему казалось, что за каждым кустом лежит медведь и под каждой кочкой черным кольцом свернулась змея.

Потихонечку он стал привыкать и ходил искать на еланках пьянику.

– Заблудишь, – ворчал Афонька, – не броди далеко.

– Я, дяденька, не боюсь теперь, – смышлено качал желтой курчавой головой Кузька. – Ты разя не знаешь сказку про мальчика с пальчик? Когда его отвели в лес, он бросал белые камешки, а я бросаю калину, она красная, кислая, и птица ее не склюет.

– Ишь какой догадливый, – смеялся Афонька и гладил его по загорелой щеке.

По праздникам они ходили на охоту.

Афонька припадал к земле и заставлял Кузьку лечь...

Утро щебетало в лесу птичий молебен и умывало зеленый шелк росой.

Кузька ложился в траву и смотрел в небо.

Синь, как вода, застыла в воздухе; алели паутинки, и висли распластанные коршуны.

Над сосной шумно повис взъерошенный косач; Афонька спустил курок... Облаком за клубился дым.

– Где он, где он? – крикнул, вскакивая, Кузька и побежал к кустам.

За кустами, под спуском, голубело озеро; по озеру катились круги...

– Вот он, вот он! – кричал Кузька и, скинув портянки, суматошно вытащил из узкой кумачной рубахи голову и прыгнул в воду.

Вода брызнула разбитым стеклом, и лилии, покачиваясь, зачерпывали головками струйки.

Косач был подстрелен в оба крыла, но левое крыло, может быть, было обрызгано кровью или только задето.

Когда Кузька подплыл к нему, он замахал крылом и затрепыхал по воде на другой ко-

нец.

– Лови, лови! – кричал Афонька. – Эх ты, сопляк, – протянул он и, сняв картуз, полез в озеро сам. – Гони в кусты! – кричал он, плеская брызгами.

Косач кидался в обратную сторону и ловко проскальзывал за Кузькиной спиной.

– погоди, – сказал Афонька, – я нырну, а ты гони на кусты, а то опять улизнет.

Потянул губами воздух, и вихрастая голова скрылась под водою.

«Буль, буль!» – забулькало над головами лилий.

– Кши, дьявол! – гонялся Кузька и подымал, шлепая ладонью, брызги к небу.

Косач замахал к кустам и, озираясь, глядел на противоположную сторону.

Запыхавшись, он залез на высунувшуюся корягу и глядел на Кузьку.

У кустов показалась вихрастая голова Афоньки, он осторожно высунул руку и схватил косача за хвост.

Косач забился, и с водяными кругами завертелись черные перья.

Один раз вечером Кузька взял ружье и по-

шел по тетеревам.

– Не нарвись! – крикнул ему Афонька и поплелся с кузовком за брусникой.

Кузька вошел в калиновый кустарник и сел, сходясь, в листовую опаду.

Как застывшая кровь висели гроздья ягод; чиликали стрекозы, и удушливо дергал дергач.

Кузька ждал и, затаенно выпятив глаза, глядел, оттопыривая зенки, в частый ельник.

– Тех, тех, тех, – щелкал в березняке соловей.

– Тинь, тинь, тинь, – откликались ему желтоперые синицы.

В густом березняке вдруг что-то тяжело захало и раздался хряст сучьев.

На окропленную кровяной брусникой мшанину выбежал лось, и ветвистые рога затрепали где-то подхваченным поветелем.

Кузька спокойно, как стрелок, высунул за ветку ствол и нацелил в лоб.

Ружье трахнуло, и лось как подкошенный упал на мшанину.

Красные капельки по черным губам застыли в розоватую ленту.

«Убил!» – мелькнуло в его голове, и, дрожа радостным смехом, он склонился обрезать для спуска задние колешки.

Но случилось то, чего испугалась даже повисшая на осине змея и, стукнувшись о землю, прыснула кольцом за кочковатую выбень.

Лось вдруг наотмашь поднял судорожно вздрагивающие ноги и с силой размахнул назад.

Кузька не успел повернуться, как костяные копыта ударили ему в череп и застыли.

Пахло паленым порохом; на синих рогах случайно повисшая фуражка трепыхалась от легкого, вздыхающего ветра.

Долго Афонька не показывался на мельнице.

Сельчане, приехавшие с помолом, думали – он к сестре уехал.

Он глубоко забрался в глушь, свил, как барсук, себе логово и полночью ходил туда, где лежали два смердящие трупа.

Потом он очнулся.

«Господи, не помешался ли я?»

Перекрестился и выполз наружу.

В голове его мелькали, как болотные огоньки, мысли; он хватался то за одну, то за другую, то связывал их вместе и, натянув казакин, побежал в Чухлинку за попом.

Осунулся Афонька и лосиные рога прибил вместе с висевшей на них фуражкой около жернова.

Крепко задумался он – не покинуть ли ему яр, но в крови его светилась с зеленоватым блеском, через черные, как омут, глаза, лесная глушь и дремь. Он еще крепче связался Кузькиной смертью с лесом и боялся, что лес изменит ему, прогонит его.

В нем, ласковая до боли, проснулась любовь к людям, он уж не ждал, а тосковал по ком-то и часто, заслоняя от света глаза, выбегал на дорогу, падал наземь, припадал ухом, но слышал только, как вздрагивала на вздыхающем болоте чапыга.

Как-то в бессонную ночь к нему пришла дума построить здесь, в яровой лощине, церковь.

Он обвязался, как путом, круг этой мысли и стал копить деньги.

Каждую тысячу он зашивал с крестом Ивана Богослова в поддевку и спал в ней, почти не раздеваясь.

Деньги с умолота он совсем отказался тянуть на прожитье.

Колол дрова, пилил тес и отдавал скупщикам.

Зимой частенько, когда все выходило до последней картошки, он убегал на болото, рыл рыхлый снег, разгребал скорченными пальцами и жевал мерзлый, спутанный с клюквой мох.

В один из мрачных его дней к нему, обвешанный куропатками, пришел Карев.

С крыши звенели капли, около ставен, шмыгая по карнизу, ворковали голуби и чирикали воробьи.

– Здорово, дедунь! – крикнул он, входя за порог и крестясь на иконы.

Афонюшка слез с печи. Лицо его было сведено морщинами, как будто кто затянул на нем швы. Белая луневая борода клином лезла за пазуху, а через расстегнутый ворот на обсеянном гнидами гайтане болтался

крест.

– Здорово, – кашлянул он, заслоняясь рукой, и скинул шубу, – нет ли, родненький, сухарика? Второй день ничего не жевал.

Карев ласково обвел его взглядом и снял шапку.

– Мы с тобой, дедушка, куропатку зажарим.

Ощипал, выпотрошил и принес беремья дров.

Печка-согревушка засопела березняком, и огоньки запрыгали, свивая бересту в свиной высушенный пузырь.

Когда Карев собрался уходить, Афонюшка почуял, так почуял, как он ждал кого-то, что этот человек к нему не вернется.

– Останься, – грустно поникнул он головою. – Один я...

Карев удивленно поднял завитые на кончиках веки и остановился.

На Фоминой неделе Афонюшка позвал Карева на долину и показал место, где задумал построить церковь. Поддевка его дотрепалась,

он высыпал все скопленные деньги на стол и, отсчитав маленькую кучку, остальное зарыл на еланке под старый вяз.

– Глух наш яр-то, жисть надо поджечь в нем, – толковал он с Каревым. – Всю молодость свою думал поставить церковь. Трать, – вынул он пачку бумаг, – ты как Кузька стал мне... словно век я тебя ждал.

Лес закурчавился. В синеве повис весенний звон.

Оба сидели на завалинке; Афонюшка, за-хлебываясь, рассказывал лесные сказки.

– Не гляди, что мы ковылем пахнем, – грустно усмехнулся он, – мы всю жисть, как вино, тянули...

– Что ж, захмелел?..

– Нема, только икота горло мышью выскребла.

К двору, медленно громыхая колесами, подполз скрипящий обоз. Пахло овсом и рожью... лошадиным потом.

С телеги вскочил, махая голицами, мужик и, сняв с колечка дуги повод, привязал лошадь у стойла.

Баба задзенькала ведром и, разгребая

в плотине горстью воду, зачерпнула, едва закрыв пахнувшее замазкой дно. Опрокинула ведро набок и заглотала.

Большой кадык прыгал то в пазуху, то за подбородок.

Афонюшка подбежал к столбам и, падая бессильной грудью на рычаг, подымал обитый жестью спущенный заслон.

Рыжебородый сотский, сдвинув на грядки мешок и подымая за голову руку, кряхтя, потащил на крутую лестницу.

Жернов вертелся и свистел. За стеной с дробным звоном слышался рев воды.

Карев смотрел, как на притолке около жернова на лосиных рогах моталась желтая фуражка.

В сердце светилась тихая, умиленная грусть.

В его глазах стоял с трясущейся бородкой и дремными глазками Афонюшка.

– Чтоб те пусто взяло! – выругался сотский, спуская осторожно мешок. – Не мудрено и брыкнуться...

– Крута лестница-то, крута... – зашамкал, упыхавшись, Афонюшка. – Обвалилась на-

медни плоская-то, новую заказал.

Карев дернул рычаг, и жернов, хрустя о камень, брызнул потоками искр.

– Сыпь! – крикнул он сотскому и открыл замучнелые совки.

Рожь захрустела, запылилась, и из совков посыпалась мука.

Афонюшка зацепил горсть, высыпал на ладонь и слизнул языком.

– Хруп, – обратился он к Кареву, – спусти еще.

На лестнице показалась баба; лицо ее было красно, спина согнута, а за плечами дышал травяной мешок. Карев смотрел, как Афонюшка суетливо бегал из стороны в сторону и хватал то совок, то соломенную кошелку.

«Людям обрадовался», – подумал он с нежной радостью и подпустил помолу.

Баба терлась около завьялого в муке и обвязанного паутинником окошка.

– Что такую рваную повесили! – крикнула она со смехом, кидая под жернов фуражку, и задрожала...

– Фуражка, фуражка! – застонал Афонюшка и сунулся под жернов.

Громыхающий поворот приподнял обмученный комок и отбросил на ларь.

На полу рассыпались красные ягоды.

Думы смялись... Это, может быть, рухнула старая церковь. Аллилуйя, аллилуйя...

Глава пятая

Карев застыл от той боли, которую некому сказать и незачем.

Его сожгла дума о постройке церкви, но денег, которые дал ему Афонюшка, хватило бы только навести фундамент.

Он лежал на траве и кусал красную головку колючего татарника.

Рядом валялось ружье и с чесаной паклей кожаная пороховница.

Тихо качались кусты, по хвоям щелкали расперившиеся шишки и шомонила вода.

Быстро поднялся, вскинул ружье и пошагал к дому. За спиной болтался брусниковый кузов.

Сунулся за божницу, вынул деньги и, лихо-радочно пересчитав, кинулся обратывать лошадь.

Пегасый жеребец откидывал раскованные ноги, ощеривал зубы и прядал ушами.

Скакал прямой поляной к сторожке Филиппа. Поводья звякали удилами, а бляхи бросали огонь.

С крутояра увидел, как Лимпиада отворяла околицу. Она издалека узнала его и махала зарукавником.

Лошадь, тупо ударив копытами, остановилась; спрыгнул и поздоровался.

– Дома?

– Тут.

Отворил окно и задымил свернутой папиросой. Филипп чинил прорватое веретье, он воткнул шило в стенку и подбежал к окну.

– Ставь! – крикнул Лимпиаде, указывая на прислоненный к окну желтый самовар.

Лимпиада схватила коромысло и, ловко размахнувшись, ударила по свесившейся сосне.

С курчавых веток, как стая воробьев, в траву посыпались шишки.

– Хватит! – крикнул, улыбаясь, Карев и пошел к крыльцу.

– Вот что, Филюшка, – сказал он, расстегивая пиджак, – Афоня до смерти церковь хотел строить. Денег у него было много, но они где-

то зарыты. Дал он мне три тысячи. А ведь с ними каши не сваришь.

Филипп задумался. Волосатая рука забарабанила по голубому стеклу пальцами.

– Что ж надумал? – обернулся он, стряхивая повисшие на глаза смоляные волосы.

– Школу на Раменках выстроить...

– Что ж, это разумно... А то тут у нас каждый год помирают мальцы... Шагай до Чухлинки по открытому полю версты четыре... Одежонка худая, сапожки снег жуют, знамо дело, поневоле схватишь скарлатину или еще что...

– Так и я думаю... сказать обществу, чтобы выгоняли подводы, а за рубку и извоз заплачивать мужикам вперед.

От самовара повеяло смольными шишками, приятней запах расплылся, как ладан, и казалось, в избе только что отошла вечерня.

Карев глядел молча на Лимпиаду, она желтым полотенцем вытирала глиняные чашки.

Закрасневшись, она робко вскидывала свои крыльями разведенные брови, и в глазах ее словно голуби пролетали.

Она сама не знала, почему не могла смот-

реть на прищляка. Когда он появлялся, сердце ее замирало, а горячая кровь пенилась.

Но бывало, он пропадал и не являлся к ним по неделям.

Тогда она запрягала лошадь в таратайку и посылала Филиппа спроведать его.

Филипп чувал, что с сестрой что-то стало неладное, и заботливо исполнял ее приказанья.

Он пришел в лунную майскую ночь. Шмыгнул, как тень, за сосну и притаился.

Карев сидел на крыльце и, слушая соловьев, совал в лыки горбатый кочатыг. Он плел кошель и тоненько завастривал тычинки.

В кустах завозилось, он поднял голову и стал вслушиваться.

В прозрачной тишине ему ясно слышались крадущиеся шаги и сдавленное дыханье.

– Кто там? – крикнул он, откидывая кошель.

– Я... – тихо и кратко было ответом.

– Кто ты?

– Я...

– Я не знаю, кто ты, – смеясь, зашевелил он

кудрявые волосы. – А если пришел зачем, так подходи ближе.

Кусты зашумели, и тень прыгнула прямо на освещенное луною крыльцо.

– Чего ж ты таишься?

К крыльцу, ссутулясь, подошел приземистый парень. Лицо его было покрыто веснушками, рыжие волосы клоками висели из-под картуза за уши и над глазами.

– Так, – брызнул он сквозь зубы слюну.

Карев глухо и протяжно рассмеялся. Глаза его горели лунным блеском, а под бородой и усами, как приколотый мак, алели губы.

– Ты бел, как мельник, – сказал отрывисто парень. – Я думал, ты ранен и с губ твоих течет кровь... Ты сегодня не ел калину?

Карев качнул головою.

– Я не собирал ее прошлый год, а сегодня она только зацветает.

– Что ж ты здесь делаешь? – обернулся он, доставая кочатыг и опять протыкая в петлю лыко.

– Дорогу караулю...

Карев грустно посмотрел на его бегающие глазки и покачал головою.

– Зря все это...

Парень лукаво ухмыльнулся и, раскачиваясь, сел на обмазанную лунию ступеньку.

– Как тебя величают-то?..

– Аксютка.

Улыбнулся и почему-то стал вглядываться в его лицо.

– Правда, Аксютка... Когда крестили, назвали Аксеном, а потом почему-то по-бабьему прозвище дали.

– Чай хочешь пить? – поднялся Карев.

– Не отказываюсь... Я так и норовил к тебе ночевать.

– Что ж, у меня места хватит... Уснем на сеновале, так завтра тебя до вечера не разбудишь. Сено-то свежее, вчера самый зеленый побег скошил... она, вешняя отава-то, мягче будет и съедобней... Расставь-ка таганы, – указал он на связанные по верхушке три кола.

Аксютка разложил на кулижке плахи, собрал в кучу щепу и чиркнул спичку. Дым потянулся кверху и издали походил на махающий полотенец.

Карев повесил на выструганный крюк чайник и лег.

– Не воруй, Аксютка, – сказал, загоразживаясь ладонью от едкого дыма. – Жисть хорошая штука, я тебе не почему-нибудь говорю, а жалеючи... поймают тебя, изобьют... зачахнешь, опаршивеет все, а не то и совсем укокошат.

Аксютка, облокотясь, тянул из глиняной трубки сизый дым и, отплеываясь, улыбался.

– Ладно тебе жалеть-то, – махнул он рукой. – Либо пан, либо пропал!

Чайник свистел и белой накипью брызгал на угли.

– Ох, – повернулся Аксютка, – хочешь, я расскажу тебе страшный случай со мною.

– Ну-ка...

Он повернулся, всматриваясь в полыхающий костер, и откинул трубку.

– Пошел я по весне с богомолками в лавру Печерскую. Накинул за плечи чоботы с узлом на палочке, помолился на свою церковь и поплелся.

С богомольцами, думаю, лучше промышлять. Где уснет, можно обшарить, а то и отдыхать сядешь, не дреми.

В корогоде с нами старушка шла. Двохлая такая старушонка, всю дорогу перхала.

Прослышал я, что она деньжонки с собой несет, ну и стал присватываться к ней.

С ней шла годов восемнадцати али меньше того внучка.

Я и так к девке, и этак, – отвиливает чертовка. Долго бился, половину дороги почти, и все зря.

Потихонечку стала она отставать от бабки, стал я ей речи скоромные сыпать, а она все бурдовым платком закрывалась.

Разомлела моя краля. Подставила мне свои сахарные губы, обвила меня косником каштановым, так и прилипла на шею.

Ну, думаю, теперь с бабкой надо проехать похитрей; да чтоб того... незаметно было.

Идем мы, костылями звеним, воркуем, как голубь с голубкой. А все ж я вперед бабки норовлю.

Смотри, мол, карга, какой я путевый; внучка-то твоя как исповедуется со мной.

Стала и бабка со мной про Божеское затевать, а я начал ей житие преподобных рассказывать. Помню, как рассказал про Алексея божьего человека, инда захныкала.

Покоробило исперва меня, да выпил доро-

гой косушечку, все как рукой сняло.

Пришли все гуртом на постоянный двор, я и говорю бабке... что, мол, бабушка, вшей-то набирать в людской, давай снимем каморочку; я заплачу... Двохлая такая была старушонка, все время перхала.

Полеглись мы кой-как на полу; я в углу, а они посередке.

Ночью шарю я бабкины ноги, помню, что были в лаптях.

Ощупал и тихонечко к изголовью подполз.

Шушпан ее как-то выбился, сунулся я в карман и вытащил ее деньги-то...

А она, старая, хотела повернуться, да почувля мою руку и крикнула.

Спугался я, в горле словно жженый березовый сок прокатился.

Ну, думаю, услышит девка, каюк будет мне.

Хвать старуху за горло и туловищем налег...

Под пальцами словно морковь переломилась.

Сгреб я свой узелок, да и вышел тихонечко. Вышел я в поле, только ветер шумит... Куда,

думаю, бежать...

Вперед пойду – по спросу урядники догадуются; назад – люди заметят... Повернул я налево и набрел через два дня на село.

Шел лесом, с дороги сбился, падал на мох, рвался о пеньки и царапался о щипульник; ночью все старуха бластилась и слышалось, как это морковь переломилась...

Приковылял я за околицу, гляжу, как на выкате трактирная вывеска размалевана...

Вошел, снял картуз и уселся за столик.

Напротив сидел какой-то хлюст и булькал в горлышко «жулика». «Из своих», – подумал я и лукаво подмигнул.

– А, Иван Яклич! – поднялся он. – Какими судьбами?..

– Такими судьбами, – говорю. – Иду Богу молиться.

Сели мы с ним, зашушукались.

– Дельце, – говорит, – у меня тут есть. Вдвоем, как пить дадим, обрабатываем. «Была бы только ноченька сегодня потемней».

Ехидно засмеялся, оцурив гнилые, как су-ровикой обмазанные зубы.

Сидим, пьем чай, глядим – колымага подъехала, из колымаги вылез в синей рубашке мужик и, привязав лошадь, поздоровался с хозяйкой.

Долго сидели мы, потом мой хлюст моргнул мне, и мы, расплатившись, вышли.

– К яру пойдем, – говорит он мне. – Слышал я – ночевать у стогов будет.

Осторожно мы добрались до стогов и укутались в промежках...

Слышим – колеса застучали, зашлепали копыта, и мужик, тпрукая, стал распрягать.

Хомут ерзал, и слышно было, как скрипели гужи.

Ночь и впрямь, как в песне, вышла темная-претемная.

Сидим, ждем, меня нетерпенье жжет. «Не спит все», – думаю.

Тут я почувял, как по щеке моей проползла рука и, ущипнув, потянула за собой. Подползли к оглоблям; он спал за задком на веретье.

Я видел, как хлюст вынул из кармана чекмень и размахнулся...

Но тут я увидел... я почувствовал, как шею мою сдавил аркан.

Мужик встал, обежал нас кругом и затянул еще крепче.

– Да, – протянул Аксютка, – как вспомнишь, кровь приливает к жилам.

Карев подкладывал уже под скипевший чайник поленьев и, вынув кисет, взял Аксюткину трубку.

– Что же дальше-то было?

Аксютка вынул платок и отмахнул пискливого комара.

– Ну и дока! – прошептал хлюст, когда тот ушел в кустарник, и стал грызть на моих руках веревку.

Вытащил я левую руку, а правую-то никак не могу отвязать от ног.

Принес он крючковатых тычинок, повернул хлюста спиною и начал, подвострив концы, в тело ему пихать...

Заорал хлюст, а у меня, не знаю откуда, сила взялась. Выдернул я руку, аж вся шкура на веревке осталась, и, откатившись, стал развязывать ноги.

Покуль я развязывал, он ему штук пять вогнал.

Нащупал я нож в кармане, вытащил его

и покатился, как будто связанный... к нему... Только он хотел вонзить тычинку, – я размахнулся и через спину угодил, видно, в самое его сердечушко...

Обрезал я на хлюсту веревки, качнул его голову, а он, бедняга, впился зубами в землю да так... и Богу душу отдал.

Аксютка замолчал. Глаза его как бы заволоклись дымом, а под рубахой, как голубь, клевало грудь сердце.

Лунь лизала траву, дробно щелкали соловьи, и ухал филин.

Глава шестая

На Миколин день Карев с Аксюткой ловил в озере красноперых карасей.

Сняли портки и, свернув их комом, бросили в щипульник. На плече Карева висел длинный мешок. Вьюркие щуки, ударяя в стенки мешка, щекотали ему колени.

– Кто-то идет, – оглянулся Аксютка, – кажись, баба, – и, бросив ручку бредня к берегу, побег за портками.

Карев увидел, как по черной балке дороги с осыпающимися пестиками черемухи шла Лимпиада.

Он быстро намахнул халат и побежал ей навстречу.

– Какая ты сегодня нарядная...

– А ты какой ненарядный, – рассмеялась она и брызнула снегом черемухи в его всклокоченные волосы.

Улыбнулся своей немного грустной улыбкой и почувал, как радостно защемило сердце. Взял нежно за руку и повел показывать рыбу.

– Вот и к разу попала. Растагарю костер и ухи наварю...

– Во-во! – замахал весело ведром Карев и, скатывая бредень, положил конец на плечо, а другой подхватил Аксютка.

– Ведь он ворища, – указала пальцем на него. – Ты небось думаешь, какой прохожий?..

– Нет, – улыбнулся Карев, – я знаю.

Аксютка вертел от смеха головою и рассучивал рукав.

– Я пришла за тобой к празднику. Ты разве не знаешь, что сегодня в Раменках престол?

– К кому ж мы пойдём?

– Как к кому?.. Там у меня тетка...

– Хорошо, – согласился он, – только вперед

Аксютку накормить надо. Он сегодня ко мне на заре вернулся.

Лимпиада развела костер и, засучив рукава, стала чистить рыбу.

С губастых лещей, как гривенники, сыпалась чешуя и липла на лицо и на волосы. Соль, как песок, обкатывала жирные спины и щипала заусенцы.

– Ну, теперь садись с нами к костру, – шумнул Карев. – Да выбирай зараня большую ложку.

Лимпиада весело хохотала и указывала на Аксютку. Он, то приседая, то вытягиваясь, ловил картузом бабочку.

– Аксютка, – крикнула, встряхивая раскосмаченную косу, – иди, поищу!

Аксютка, запыхавшись, положил ей на колени голову и зажмурил глаза.

Рыба кружилась в кипящем котле и мертво пучила зрачки.

Солнце плескалось в синеве, как в озере, и рассыпало огненные перья.

Карев сидел в углу и смотрел, как девки, звякая бусами, хватались за руки и пели

про царевну.

В избу вкатился с расстегнутым воротом рубахи, в грязном фартуке сапожник Царек.

Царька обступили корогодом и стали упрашивать, чтоб сыграл на губах плясовую.

Он вынул из кармана обгрызенный кусок гребешка и, оторвав от численника бумажку, приложил к зубьям.

«Подружки голубушки, – выговаривал, как камышевая дудка, гребешок, – ложитесь спать, а мне, молодешеньке, дружка подждать».

– Будя, – махнула старуха, – слезу точишь.

Царек вытер рукавом губы и засвистал плясовую. Девки с серебряным смехом расступились и пошли в пляс.

– В расходку! – кричал в новой рубахе Филипп. – Ходи веселей, а то я пойду!

Лимпиада дернула за рукав Карева и вывела плясать.

На нем была белая рубашка, и черные плюшевые штаны широко спускались на локотные голенища.

С улыбкой щелкнул пальцами и, приседая, с дробью ударял каблуками.

В избу ввалился с тальянкой Ваньчок и, покачиваясь, кинулся в круг.

– Ух, леший тебя принес! – засуетился обидчиво Филипп. – Весь пляс рассыпал.

Ваньчок вытаращил покраснелые глаза и впился в Филиппа.

– Ты не ругайся, – сдавил он мехи, – а то я играть не буду.

– Ты чей же будешь, касатик? – подвинулась к Кареву старуха.

– С мельницы, – ласково обернулся он.

– Это что школу строишь?..

– Самый.

– Надоумь тебя Царица Небесная. Какое дело-то ты делаешь... Ведь ты нас на воздуси ки-наешь – звезды, как картошку, собирать.

Карев перебил и, отмахиваясь руками, стал отказываться:

– Я тут, как кирпич, толку... Деньги-то ведь не мои.

– Зрящее, зрящее, – зашамкала прыгающим подбородком. – Ведь тебе оставил-то он...

Лимпиада стояла и слушала. В ее глазах сверкал умильный огонек.

За окном в матовом отсвете грустили вер-

бы и целовали листьями голубые окна.

Аксютка запер хату и пошел в Раменки.

Ему хотелось напиться пьяным и побуяннить. Он любил, когда на него смотрели как на страшного человека.

Однажды покойная Устинья везла с ярмарки спившегося Ваньчка и, поравнявшись с Аксюткой, схватила мужа за голову и ударила о постельник.

– Чтоб тебя где-нибудь уж Аксютка зарезал! – крикнула она и пнула в лицо ногой.

Ребятишки, собираясь по кулижкам, часто грезили о нем; каждый думал – как вырастет, пойдет к нему в шайку.

– Вот меня-то уж он наверняка возьмет в кошевые, – говорил с белыми, как сметана, волосами Микитка, – потому знает, что я крепче всех люблю его.

– А я кашеваром буду, – тянул однотонно Федька, – Ермаком сделаюсь и Сибирь завуюю.

– Сибирь, – передразнивал Микитка. – А мы, пожалуй, вперед тваво возьмем Сибирь-то, уж ты это не говори.

– Ты все сычишься наперед, – обидчиво дернул губами Федька. – Твоя вся родня такая... твой отец, мамка говорит, только губами шлепает. А мы все время на Чухлинке лес воруем. Нам Ваньчок что хошь сделает.

– Поди-ка съешь кулака, – волновался Микитка. – А откуда у нас жерди-то, чьи строги-то на телегах?.. Это вы губами-то шлепаете, мы у вас в овине всю солому покрали, а вы и не знаете... накость...

Аксютка вошел в избу сотского и попросил бабку налить ему воронка.

Бабка в овчинной шубенке вышла в сени и, отвернув кран, нацедила глубокий полоник.

– Где ж Аким-то? – спросил, оглядывая пустую лежанку.

– У свата.

– Обсусоливает все, – смеясь, мотнул головой.

– Что ж делать, касатик, скучно ему. Вдовец ведь...

Надел фуражку и покачнулся от ударившего в голову хмеля.

– Не обессудь, ягодка, дала бы тебе драчонку, да все вышли. Оладьями, хошь, угощу?

Вынесла жарницу от загнетки и открыла сковороду. Аксютка выглядел, какие порумяней, и, сунув горсть в карман, выбег на улицу.

У дороги толпился народ. Какой-то мужик с колом бегал за сотским и старался ударить ему в голову.

Нахлынувшие зеваки подзадоривали драчку. Ухабистый мужик размахнулся, и переломившийся оголову сотского кол окунулся расщепленным концом в красную, как воронок, кровь.

Аксютка врезался в толпу и прыгнул на мужика, ударяя его в висок рукояткой ножа.

Народ зашумел, и все кинулись на Аксютку.

– Бей живореза! – кричал мужик и, ловко подняв ногу, ударил Аксютку по пяткам.

Упал и почувал, как на грудь надавили тяжелые костяные колени.

Расчищая кулаками дорогу, к побоищу подбег какой-то парень и ударил лежащему обухом около шеи.

Побои посыпались в лицо, и сплюснутый нос пузырился красно-черной пеной...

– Эх, Аксютка, Аксютка, – стирал кулаком слезу старый пономарь, – подломили твою бедную головушку!.. Что ж ты стоишь, чертовка! – ругнул он глазающую бабу. – Принесла бы воды-то... живой, чай, человек валяется.

Опять собрался народ, и отрезвевший мужик бледно тряс губами.

– Подкачнуло тебя, окаянного. Мою душу загубил и себя потерял до срока.

– То-то не надо бы горячиться, – укорял пономарь. – Оно, вино-то, что хошь делает.

Аксютка поднялся слабо на колени и, свесив голову, отирал слабой рукой прилипшую к щеке грязь.

– На... а... мель... – дрогнул он всем телом и упал навзничь.

– На мельницу, вишь, просится, – жалобно заохала бабка. – Везите его скорей...

Парень, бивший топором Аксютку, болезненно смотрел на его заплывшие глаза и, отвернувшись, смахнул каплю слезы.

Мужик побежал запрягать лошадь, а он взял черпак и начал поливать голову Аксют-

ки водой.

Вода лилась с подбородка струей и, словно подоженная, брызгала на кончике ало-стью...

Положили бережно на сено и помчали на мельницу. Дорогой он бредил о Кареве, пел песни, ругался и срывал повязку.

Карев сидел с Лимпиадой у окна и смотрел, как розовый закат поджигал черную, клубившуюся дымом тучу. По дороге вдруг громко загрели бубенцы, и к крыльцу подъехали с Аксюткой.

Он почувал, как в сердце у него закололо шилом. Взял Аксютку, обнял и понес в хату.

– Ложись, ложись, – шептал бледный как снег...

Лимпиада тряслась, как осина, и рыданья кропили болью скребущую тишину.

Аксютка встал и провел по губам рукой...

– Поди... – глухо прошептал, поманув Карева. – Хвастал я... никого не убивал, – закашлялся он. – Это я так все... выдумал...

Карев прислонил к его голове мокрую тряпку.

Сумерки грустно сдували последнее пламя зари, и за косогором показался, как желтая дыня, месяц.

На плесе шомонили вербы, и укромно шнырял ветерок.

– Липа! – крикнул Аксютка, хватаясь за грудь. – Сложи мне руки... помирать хочу...

Лимпиада, с красными глазами, подбежала к постели и опустилась на колени.

– Крест на меня надень... – опять глухо заговорил он. – В кармане... оторвался... Мать надела.

Судорожно всхлипывая, сунула в карман руку и, вынув из косы алый косник, продела в ушко креста.

Аксютка горько улыбнулся, вздрогнул, протягивая свесившиеся ноги, и замер.

За окошком кугакались совы.

Часть вторая

Глава первая

Покосилась изба Анисима под ветрами, погнулся и сам старый Анисим.

Не вернулся Костя с охоты, а после Пасхи пришло письмо от вихлюйского стрелка.

Почуял старый Анисим, что неладное при-

несло это письмо, еще не распечатывая.

«Посылаю свое почтение Анисиму Панкратьеву, я знал хорошо твоего сына и спяшу с скорбью поведать, что о второй день Пасхи он переправлялся через реку и попал в полынью.

На льду осталась его шапка с адристом, а его, как ни тыкали баграми, не нашли».

Жена Анисима слегла в постель и, прохворав полторы недели, совсем одряхла.

Анна с бледной покорностью думала, что Костя покончил с собой нарочно, но отпихивала эту думу и боялась ее.

Степан прилип к ней, и смерть Кости его больше обрадовала, чем опечалила.

Старушка мать на Миколу пошла к обедне и заказала попу сорокоуст.

Вечером на дом пришел дьякон и отслужил панихиду.

– Мать скорбящая, – молился Анисим, – не отступись от меня.

В седых волосах его зеленела вбившаяся трава и пестиками щекотала шею.

Анисим махал над шеей рукой и думал, что его кусает муха.

– Жалко, жалко, – мотал рыжей бородой дьякон, – только женили и на поди какой грех.

– Стало быть, Богу угодно так, – грустно и тихо говорил Анисим, с покорностью принимая свое горе. – Видно, на роду ему было написано. От судьбы, говорится, на коне не ускачешь.

Запечалилась Наталья по сыну. Не спалось ей, не елось.

– Пусти меня, Анисим, – сказала она мужу. – Нет моей мочи дома сидеть. Пойду по монастырям православным поминать новопреставленного Константина.

Отпустил Анисим Наталью и пятерку на гайтан привязал.

«Тоскует Наталья, – думал он, – не успокоить ей своей души. Пожалуй, помрет дома-то».

Помаленьку стала собираться. Затыкала в стенку веретена свои, скомкала шерсть на кудели и привесила с донцем у бруса.

Пусть, мол, как уйду, поминают.

Утром, в петровское заговенье, она истопила печь, насушила жаровню сухарей и связала

ла их в холщовую сумочку.

Анна помогала ей и заботливо совала в узел, что могло понадобиться.

В обеда старуха гаркнула рубившему дрова Анисиму, присела на лавку и со слезами упала перед иконами на колени.

От печи пахло поджаренными пирогами, на загнетке котенок тихонько звенел заслоном.

– Прости Христа ради, – обняла она за шею Анисима. – Не знаю, ворочусь ли я.

Анисим, скомкав шапку, утирал заголубевшую на щеке слезу.

– А ты все-таки того... – ласково обернулся к ней. – Помирать-то домой приходи.

Наталья, крестясь, подвязала сумочку и взяла камышовый костыль.

– Анна, – позвала она бледную сноху, – по-ди, я тебя благословлю.

Анна вышла и, падая в ноги, зарукавником прикрыла опухшие глаза.

– Господь тебя благословит. Пройдет сорокоуст, можешь замуж итить... Живи хорошенько. Пойдем, – крикнула она Анисиму, – за околицу проводить надо.

Анна надела каратайку и тихо побрела, поддерживая ей сумку, к полю.

– А ты нет-нет и вестку пришли, – тягуче шептал Анисим, – оно и нам веселей станет. А то ведь одни мы...

Тихо, тихо... В смолкших травах чудилось светлое успокоение... Пошла, оборачиваясь назад, и, приостановившись, махала костылем, чтобы домой шли.

От сердца как будто камень отвалился.

С спокойной радостью взглянула в небо и, шамкая, прошептала:

– Мати Дево, все принимаю на стези моей, пошли мне с благодатной верой покров твой.

Анисим стоял с покрытой головой и, закрываясь от солнца, смотрел на дорогу.

Наталья утонула в лоску, вышла на бугор и сплелась с космами рожи; он еще смотрел, и застывшие глаза слезились.

– Пойдем, папаша, – дернула его за рукав Анна. – Теперь не воротишь ведь.

Шли молча, но ясно понимали, что печаль их связала в один узел.

– Не надо мне теперь землю, – говорил он, безнадежно оглядывая арендованное поле. –

Затянет она меня и тебя разорит. Ты молодая еще, жить придется. Без приданого-то за вдовой не погонятся, а так весь век не проживешь, выходить все равно придется.

– Тебе видней, – отвечала Анна. – Знамо, теперь нам мускорно.

Покорился Анисим опутавшей его участи. Ничего не спихнул со своих ссутуленных плеч.

Залез только он ранее срока на печь и, свесив голову, как последней тайны, ждал конца.

Анна позвала Степана посмотреть выколо-сившуюся рожь.

Степан взял на зубренный серп и, заломив картуз, пошел за Анной.

– Что ты думаешь делать? – спросила она его.

– Не знаю, – тихо качнул головою и застегнул ослабленный ремень.

– Я тоже не знаю, – сказала она и поникла головою.

Вошла в межу, и босые ноги ее утонули в мягкой резеде.

– Хорош урожай, – сказал, срывая колос, Степан. – По соку видно, вишь, как пенится.

Анна протянула руку за синим васильком и, поскользнувшись с межи, потонула, окутанная рожью.

– Ищи! – крикнула она Степану и поползла в соседнюю долю.

– Где ты? – улыбаясь, подымался Степан.

– Ау, – звенел ее грудной голос.

– Вот возьму и вырву твои глаза, – улыбался он, посадив ее на колени. – Вырву и к сердцу приколю. Они синей васильков у тебя.

– Не мели зря, – зажимала она ему ладонью губы. – Ведь я ослепну тогда.

– А я тебя водить стану, – отслонял он ее руку, – сумочку надену, подожочек вытешу, поводырем пойду стучать под окна: подайте, мол, Аннушке горькой, которая сидела тридцать три года над мертвым возлюбленным и выплакала оченьки.

Вечером к дому Анисима прискакал без фуражки верховик и, бросив поводья без привязи, вбежал в хату.

– Степан, – крикнул он с порога, – скорей, мать помирает!

Степан надел картуз и выбежал в сени.
– Погоди, – крикнул он, – сейчас обратую!
Лошади пылили и брызгали пенным потом.

Когда они прискакали в село, то увидели, что у избы стояла попова таратайка.

В избе пахло воском, копотливой гарью и кадильным ладаном.

Акулина лежала на передней лавке. Глаза ее, как вшитая в ложбинки вода, тропыхались.

Степан перекрестился и подошел к матери. Родные стояли молча и плакали.

– Степан, – прохрипела она, – не бросай Мишку...

Желтая свечка задрожала в ее руках и упала на саван.

Одна осталась Анна. Анисим слез с печи, надел старую хламиду и поплелся на сход. Она оперлась на подоконник и задумалась. Слышно, как тоненько взвенивала осокой река и где-то наянно бухал бучень.

«Одна, совсем одна, – вихрились в голове ее думы, – свекор в могилу глядит, а у Степана

своя семья, его так и тянет туда.

Теперь, как померла мать, жениться будет и дома останется. Может быть, остался бы, если не Мишка... Подросток, припадочный... ему без Степана живая могила.

Бог с ним, – гадала она, – пускай делает как хочет».

В душе ее было тихое смирение, она знала, что боль, которая бередит сердце, пройдет скоро и все пойдет по новому руслу.

К окну подошел столяр Епишка. От него пахло водкой и саламатой.

– Ты, боярышня круглолицая, что призадумалась у окна?

– Так, Епишка, – грустно улыбнулась она. – Невесело мне.

– Али Иван-царевич покинул?

– Все меня бросили... А может, и я покинула.

– Не тужи, красавица! Прискачет твой суженый, недолго тебе томиться в терему за творчатом.

– Жду, – тихо ответила она. – Только, видно, серые волки его разорвали.

– Не то, не то, моя зоренька, – перебил Епи-

шка, – ворон живой воды не нашел.

Кис Анисим на печи, как квас старый, да взыграли дрожжи, кровь старая, подожгла она его старое тело, и не узнала Анна своего свекра.

Ходил старик на богомолье к Сергию Троице, пришел оттолева и шапки не снял.

– Вот что, – сказал он Анне, – нечего мне дома делать. Иди замуж, а я в монахи. Не вернется наша бабка. Почуял я.

Ушел старый Анисим, пришел в монастырь и подрясник надел.

Возил воду, колол дрова и молился за Костю.

– На старости спастись пришел, – шамкал беззубый седой игумен, – путево, путево, человече... В Писании сказано: грядущего ко мне не изжену вон, – Бог видит душу-то. У него все мысли ее записаны.

Анисим откидывал колун и, снимая с кудлатой головы скуфью, с благоговением чмокал жилистую руку игумена.

По субботам он с богомолками отсылал Анне просфорочку и с потом выведенную пи-

сульку.

«Любая сношенька, живи хорошенько, горюй помалу и зря не крушинься.

Я молюсь за тебя Богу, дай тебе Он, Милосердный, силы и крепости.

Житье мое доброе и во всем благословение Божьей Матери.

Вчера мне приснилась Натальюшка. Она пришла ко мне в келью с закрытым лицом. Гадаю, не померла ли она... Утиральник твой получил... спасибо... Посылаю тебе артус, девятичиновную просфору, положи их на божницу и пей каждое утро со святой водой, это тебе хорошо и от всякого недуга полезно».

Анна радостно клала письмо за пазуху и ходила перечитывать по базарным дням к лавочнику Левке.

По селу заговорили, что она от Степки забрюхатела.

Глава вторая

Филипп запряг лошадь, перекрестил Лимпиаду и, тронув вожжи, помчал на дорогу.

Он ехал в Чухлинку сказать, что приехали инженеры и отрезали к казенному участку,

который покупал какой-то помещик, чухлинский Пасик.

Пасик – еланка и орешник – место буерачное и неприглядное.

Но мужики каждой осенью дробились на выти и почти по мешку на душу набирали орехов.

Весной там паслись овцы и в рытых землянках жили пастухи.

Филипп досадовал, что чухлинцы не могли приехать по наказу сами.

Спустился в долину и увидел вбивавшего колья около плотины Карева.

– Далекое?

– Да в Чухлинку, – сердито махнул он, заворачивая к мельнице. – Отрезали ведь, – поморщился и стер со лба остывающий пот.

– Плохое дело...

– Куда хуже.

– Ты погоди ехать в Чухлинку, – сказал Карев. – Попьем чай, поговорим, а потом и я с тобой поеду.

День был ветреный, и сивые тучи, как пакля, трепались и, подхваченные ветром, таяли.

Филипп отпустил повод, завязал его за ог-

лоблю и отвел лошадь на траву.

Летняя томь кружила голову, он открыл губы и стал пить ветер.

– Ох, – говорил Карев, – теперь война пойдет не на шутку. Да и нельзя никак. Им, инженерам-то, что! Подкупил их помещик, отмерили ему этой астролябией без лощин, значит, и режь. Ведь они хитрые бестии. Думают: не смекнут мужики.

– Где смекнуть второпах-то, – забуробил Филипп, – тут все портки растеряешь.

– Я думаю нанять теперь своих инженеров и перемерить участки... Нужно вот только посмотреть бумаги – как там сказано, с лощинами или без лощин. Если не указано – плевое дело. У нас на яру ведь нет впадин и буераков, кроме этой долины, а в старину земли делили не как сейчас делят.

– Говоришь – война будет, значит, не миновать... Кто их знает: целы ли бумаги.

Тучи клубились шерстью и нитками сучили дождь.

Карев надел кожан, дал Филиппу накрыться веретье, и поехали на Чухлинку.

Дорога кисла киселем, и грязь обдавала се-

доков в спины и в лицо.

Лес дымил как задавленным пожаром; в щеки сыпал молодятник мох, и веяло пролетней вялостью.

Переехали высохший ручей и стали взбираться на бугор.

Сотский вырезал из орясника палку, обстрогал конец и, нахлобучив шапку, вышел на кулижку.

– На сход! – кричал он, прислоняясь к мутно-голубым стеклам.

Скоро оравами затонакали мужики и, следом за ними, шли, поникнув, пожилые вдовы.

Староста встал с крыльца и пошел с корогодом в пожарный сарай.

– Православные, – заговорил он, – Филипп приехал сказать, что инженеры отрезали у нас Пасик.

Мужики завозились, и с нырявшим кашлем кой-где зашипел ропот.

Обсуждали, как их обманывают и как доказать, что оба участка равны по старой меже.

Порешили выписать инженеров и достать бумаги.

Карев опасался, как бы бумаги не пропали. Он искал старожиллов и расспрашивал, с кем дружил покойный барин и живы ли те, при ком совершался акт.

Тяжба принимала серьезный характер; он разузнал, что и сам помещик был свидетелем, когда барин одну половину отмежевал казне, а другую – крестьянам.

– Уж ты выручи нас, – говорили мужики, – мы тебя за это попомним...

Карев, усмехаясь, вынимал кисет и, отрывая листки тоненькой бумаги, угощал мужиков куревом.

– Ничего мне не надо, табак пока у меня всегда свой, а коли, случится на охоте, кисет забуду, так тут попросил бы одолжить щепоть.

Смеялись и с веселым размахиваньем шли в трактирчик.

– Одурачить-то мы их одурачим, – возвращался он к старому разговору, – вот только б бумаги не подкашляли...

Лимпиада, покрыв стол, стала ждать брата и, прислонясь к окну, засверкала над варежкой спицами.

Ставни скрипели, как зыбка.

Она задумалась и не заметила, как к крыльцу подкатила таратайка.

Ворота громыхнули, Чукан с веселым лаем выскочил наружу, и Лимпиада, вострепенувшись, отбросила моток.

– Ты что ж это околицу-то прозевала, – весело поздоровался Карев.

Лимпиада, покрасневшись, выставила свои, как берестяные, зубы и закрылась рукавом.

– Забылася, – стыдливо ответила она.

– Эх ты, разепа, – шутливо обернулся он, заглядывая ей в глаза.

Вошел Филипп и внес мокрый хомут; с войлока катился бисер воды и выводил змеистую струйку.

– Гыть-кыря! – пронеслось над самым окном.

– Кто это? – вострепенулся Филипп. – Никак пастухи... Федот, Федот, – замахал он высокому безбородому, как чухонец, пастуху, – ай прогнали?

– Прогнали, – сердито щелкнул кнутом на отставшую ярку пастух.

– Вот, сукин сын, что делает, – злобно вздохнул Филипп, – убить не грех.

– На Афонин перекресток гоним! – крикнул опять пастух. – Измокли все из кобеля борзого... петлю бы ему на шею.

Лимпиада искоса глядела на Карева, и когда он повертывался, она опускала глаза.

Тучи прорванно свисли над верхушками елей, и голубые просветы бражно запенились солнцем. По траве серебряно белела мокреть.

– Пойдем в лес сходим, – сказал Филипп. – Нужно на перемет посмотреть, в куге на озере я жерлику поставил; теперь, после дождя, самый клев.

Сосны пряно кадили смолой, красно-желтая кора вяло вздыхала, и на обдире висли дождевые бусы.

– Ау! – крикнула Лимпиада, задевая за руку Карева.

– У-у-у! – прокатилось гаркло по освеженному лесу.

Карев отбежал и потрянул сосну, с веток посыпался бисер и, раскальваясь, обсыпал Лимпиаду. Волосы ее светились, на ресницах дро-

жали капли, а платок усыпали зеленые иглы.

– Недаром тебя зовут русалка-то, – захохотал он, – ты словно из воды вышла.

Лимпиада, смеясь, смотрела в застывшую синь озера...

Помещик узнал через работника, что крестьяне вызывают на перемер инженеров и подали в суд.

– Проиграет твое, – говорил робко работник. – Там за них какой-то охотник вступился – бедовая, говорят, голова.

Помещик угрюмо кусал ус и обозленно стучал ногами.

– Знаю я вас, мошенников... михрютки вы сиволапые! Так один за другого и тянете.

– Я ничего, – виновато косился работник, – я сказать тебе... может, сделаешь что...

Помещик, косясь, уходил на конюшню и, щупая лошадь, кричал на конюха:

– Деньги только драть с хозяина. Опять не чистил, скотина... Заложил живо овса!..

Конюх, суетясь, тыкался в ларь, разгребал куколь и, горстью просеивая, насыпал в меру.

Мякина сыпалась прямо в глаза вилявшей

собаке и щекотала ей ноздри.

– Ты еще что мешаешься! – ткнул ее помещик ногой. – Вон пошла, стерва!

«Ишь черт дурковатый, – думал конюх, – не везет ни в чем, так и зло на всех срывает!»

– А где он живет? – обратился к вошедшему за метлой работнику.

– Он живет в долине, на Афонином перекрестке, помол держит.

– Так, так, – кивал головой конюх, – сказывают, охотой занимается еще.

– Так ты вот что, Прохор, – обратился помещик к конюху. – Заложь нам гнедого в тарантас и сена положи. А ты, брат, пей поскорей чай да со мной поедешь.

Карев увидел, как к мельнице подкатил тарантас и с сиденья грузно вывалился барин.

Он, поздоровавшись, сел на лавку и заговорил о помоле.

«Хитрит, – подумал Карев, – не знает, с чего начать».

– Трудно, трудно ужиться с мужиками, – говорил он, качая трость. – Я, собственно... – начал он, заикнувшись на этом слове, – прие-

хал...

– Я знаю, – перебил Карев.

– А что?

– Хотите сказать, чтобы я не совался не в свои сани, и пообещаете наградить.

– Н-да, – протянул тот, шевеля усом, – но вы очень резко выражаетесь.

– Я говорю напрямую, – сказал Карев, – и если б был помоложе, то обязательно дал бы вам взбучку.

Помещик сузил глазки и стал прощаться.

Работник насмешливо прикусил губы и хлестал лошадь. Тарантас летел, как паровоз.

– Гони сильней! – ткнул он его ногой.

– Больше некуда гнать, – оглянулся работник, – а ежели будешь тыкаться, так я так тыкну, что ты ребер не соберешь.

Глава третья

Стояла июльская жара. Пахло ожогом трав и сухой соломой. Колосился овес.

Мужики собрались на сходку и порешили косить луга.

Десятские взяли общественные канаты и пошли за реку отыскивать занесенные в по-

ловодье на делянках ямы.

Они осторожно, не сминая травы, становились на раскосы и прикидывали веревку.

К вечеру у парома заскрипели с шалашами телеги и забренчали косы.

По лугу потянулись гуськом подводы и, покачиваясь, ехали за песчаную луку.

За лукой, на бугорке, считая свою выть от ямы, они скидывали, окосив траву, шалашаши, уставляли их поплотней и устилали сочной травой.

Из телег летели вилы, грабли, связки дров и хламная рухлядь.

Потом, осторожно взяв косы, вешали их на попки шалаша и втаскивали во внутрь сундучок с посудой и снедью.

Шалашаши лицом друг к другу ставили в два ряда и позади, распрягая лошадей, подняв оглобли, притыкали накрытые веретьями телеги.

В это утро к Кареву пришел Филипп и стал звать на покос.

– А я и работника не наймал, – говорил он, улыбаясь издалека. – На тебя надеялся... Ты не бойся, нам легко будет, на семь душ все-

го; а ежели Кукариху скинуть – и того меньше...

Карев весело поднял голову и всадил в дровосеку топор.

– А я уж вилы готовлю.

Филипп по порядку отыскал четвертную стоянку и завернул на край.

У костра с каким-то стариком сидел Карев и, подкладывая плах, говорил о траве.

– Трава хорошая, – зашептал Филипп, раздувая костер. – Один медушник и кашка.

– А по лугам один клевер, – заметил старик. – И забольно так по впадинам чесноком череда разит.

Небо щурилось и морщилось. В темной сини купола шелестели облака.

Мигали звезды, и за бугром выкатывался белый месяц.

Где-то замузыкала ливенка, и ухабистые канавушки поползли по росному лугу.

*Милый в ливенку играет,
Сам на ливенку глядит,
А на ливенке написано:
В солдатушки итить.*

Карев пил из железной кружки чай и, обжигая губы, выдувал колечко.

Пели коростели, как в колотушку, стучал дупель, и фыркали лошади.

Филипп постелил у костра кожух, накрылся свиткой и задремал.

Старик, лежа, согнув кольцом над головой руки, отсвистывал носом храповитую песню, и на шапку его сыпался пепел.

Карев на корточках вполз в шалаш и, не стеля, бросился на траву.

Зарило.

– У... роса-то, – зевнул Филипп, – пора будить.

Было свежо и тихо. Погасшие костры светились неподмоченной золой.

– Костя... а Кость... – трепал он за ногу. – Кость...

Карев вскочил и протер глаза. Во рту у него было плохо от вчерашней выпивки, он достал чайник и стал полоскать.

– Ого-го-го... вставать пора, – протянулось по стоянке.

Филипп налил брусницы водой, заткнул клоком скошенной травы и одну припоясал,

свешивая на лопатку, сам, а другую подал Кареву.

Косы звякнули, и косари разделились на полувыти.

– Наша вторая полувыть, – подошел к Филиппу вчерашний старик. – Меримся, кому от краю.

Филипп ухватился за окосье, и стали перебирать руками.

– Мой конец, – сказал старик, – мне от краю.

– Ну, а моя окошь, – протянул Филипп, – самая удобь. Бабы лучше в чужую не сунутся.

– Бреди за ним по чужому броду, – указал он Кареву на старика, – меряй да подымай косу.

Карев побрел, и сапоги его как вымазались в деготь: на них прилип слет трав и роса.

– А коли побредешь, – пояснил старик, – так держи прямо и по цветкам норови, лучше в свою не зайдешь и чужую не тронешь.

Они пошли вдоль по чужой выти и стали отмерять. Карев прикинул окосьем уже разделенную им со стариком луговину и отмерил себе семь, а старику – три; потом он стал

на затирку и, повесив на обух косы фуражку, поднял ее.

По росе виднелся широкой прошвой вырезанный след.

Карев снял косу, вынул брус и, проводя с обуха, начал точить.

Филипп шагнул около брода, и трава красиво прилегла к старикову краю, как стояла, частой кучей.

На рассвете ярко, цветным гужом, по лугу с кузовами и ведрами потянулись бабы и девки и весело пели песни.

Карев размахивал косой, и подрезанная трава тихо вжикала.

– Вж... Вж... – неслоь со всех концов, и запотелые спины, через мокрые рубахи, обтяжно вырезали плечи и хребет.

Пахло травой, потом и, от слюнявых брусниц, глиной.

– Ох и жара! – оглянулся Филипп на солнце. – До спада надо скосить. С росой-то легче.

Карев снял брусницу, подошел к маленькому, поросшему травой озеру и стал ополаскивать.

Зачерпнув, он прислонил к губам потный подол рубахи и стал пить через него.

Потом выплеснул с букашками на траву и пошел опять на конец.

Филипп гнал уж ряд к озеру. Вдруг на косу его легло, как плеть, что-то серое, и по косе алой струйкой побежала кровь.

– Утка, – поднял он, показывая ее Кареву, за синие лапы.

Из горла капала кровь и падала на мысок сапога.

С двумя работницами пришла Лимпиада и, сбросив кузов, достала с повети котел.

– Прось, – обратилась к высокой здоровенной бабе, – ты сходи за водой, а мы здесь кашу затогарим.

Костры задымили, и мужики бросили ко-
сить.

Карев подошел к старику и поплелся, размахивая фуражкой, за ним следом.

– Дед Иен, погоди! – крикнул отставший Филипп. – Дакошь понюхаем из табакерки-то.

К вечеру по окошенному лугу выросли копны, и бабы пошагали обратно домой.

Дед Иен подошел к костру, где сидел Карев, и стал угощать табаком.

Мужики, махая кисетами, расселись кругом и стали уговаривать деда рассказать сказку.

– Эво, что захотели! – тыкал в нос щепоть зеленого табаку. – Вот кабы вы Петруху Ефремова послушали, так он вам наврал бы – приходи любоваться.

– Ну и ты соври что-нибудь, – засмеялся Филипп. – Ты думаешь – мы поверять, что ль, будем.

Дед Иен высморкался, отер о полу халата сопли и очистил об траву.

– Имелася у одного попа собака, такая до-тошная, ин всех кур у дьякона потяпала. Стадал поп собаку поучить говорить по-человечьи. Позвал поп работника Ивана и грить ему так: «Пожжай, балбес, в Америку, обучи пса по-людски гуторить. Вот тебе сто рублей, ин нехватки, так займи там. У меня оттулева много попов сродни есть». Хитрой был попина. Прихлопывал он за кухаркой Анисьей. Да тулился, как бы люди не мекали. Пшел Иван, знычит, в яр, надел собаке оборку

на шею и бух в озер. Минул год, к попу стучится: «Отопри-де, поп, ворота». Глазеет поп. Иван почесал за ухом и грить попу: «Эх, батько, вышколили твою собаку, хлеще монаха псалтырь читала, только, каналья, и зазналась больно, не исть хлебушка, а давай-подавай жареного мяса. Так и так грю ей, батько, мол, наш не ахти богач, зря, касатка, не хрындучи. Никаких собака моих делов не хочет гадать. «К ирхирею, гарчит, побегу, скажу про него, гривана, что он с кухаркой ёрничает». Спугался я за тебя и порешил ее». – «Молодчина, – похвалил его поп. – Вот тебе еще сто рублей».

Дед Иен кончил и совал в бок соседа.

– Ну-с, Кондак, это только присказка, а ты сказку кажи.

Мужики слухали и, затаив дыхание, сопе-ли трубками.

Полночь проглотила гомон коростелей. Карев поднялся и пошел в копну. В лицо пахнуло приятным запахом луга, и синее небо, прилипаясь к глазам, окутало их дремью.

Просинья тыкала в лапти травяниковые

оборки и, опустив ноги на пенек, поправляла портянку.

Дед Иен подошел сзади и ухватил ее за груди.

– Ай да старик! – засмеялись бабы.

– Ах ты, юрлов купырь! – ухмыльнулась Просинья. – Одной ногой в гроб глядишь, а другой в сметану тычешь. Ну, погоди, я тебе сделаю.

Дед Иен взял, не унимаясь от смеха, косу и сел на втулке отбивать.

Из кармана выпала табакерка и откатилась за телегу.

Просинья подошла к телеге, взяла впотайку ее двумя пальцами и пошла на дорогу.

С муканьем проходили коровы, и на скосе дымился помет.

Просинья взяла щепку и, открыв табакерку, наклала туда помету.

Крадучись, она положила опять ее около его лаптей и отошла.

Дед слюнявил молоток и тонко оттягивал лезвие.

Он сунул руку в карман и, не замечая табакерки, пошел в шалаш.

Перетряхивал все белье, смотрел в котлы и чашки, но табакерки не было.

«Не выскочила ли? – подумал он. – Кажется, никуда не ховал».

Просинья, спрятавшись за шалаш, позвала народ, и сквозь дырочки стали смотреть...

– Ишь где оставил, – гуторил про себя Иен, – забывать стал... Эх-хе-хе!

Он открыл крышку и зацепил щепоть... Глаза его обернулись на запутавшуюся на веревке лошадь, и он не заметил, что в пальцах его было что-то мягкое.

В нос ударило поганым запахом, он поглядел на пальцы и растерянно стал осматривать табакерку.

– Ах ты, нехолявая! – ругал он Просинью. – Погоди, отдохнуть ляжешь, я с тобой не то сделаю. Ты от меня огонь почувешь в жилах.

– Сено перебивать! – закричали бабы и бросились врассыпную по полям.

Карев взял грабли и побежал с Просиньей.

Лимпиада побегла за ним и на ходу подтыкала сарафан.

– Ты куда же? – крикнул ей Филипп. – Там ведь Просинья.

Она замешливо и неохотно побегла к другой работнице и зашевелила ряды.

– Труси, труси! – кричал ей издалека Карев. – Завтра навильники швырять заставим.

Лимпиада оглядывалась и, не перевертывая сена, метила, как бы сбить Просинью и стать с Каревым.

Она сгребла остальную копну и бросилась помогать им.

– Ты ступай вперед, – сказала она ей, – а я здесь догребу.

– Ишь какая балмошная! – ответила Просинья. – Так и норовит по-своему.

– Девка настойчивая, – шутливо кинул Карев.

– Молчи! – крикнула она и, подбежав, пихнула его в копну.

Карев увидел, как за копной сверкнули ее лапти и, развеваясь, запыльхал сарафан.

– Догонит, догонит! – кричала Лимпиаде с соседней гребанки баба.

Он ловко подхватил ее на руки и понес в копну.

Лимпиада почувствовала, как забилося ее сердце, она, как бы отбиваясь, обняла его

за шею и стала сжимать.

В голове закружилось, по телу пробежала пена огня. Испугался себя и, отнимая ее руки, прошептал:

– Будя...

Глава четвертая

Карев лежал на траве и кусал тонкие усики чемерики.

Рядом высвистывал перепел и кулюкали кузнечики.

Солнце кропило горячими каплями, и по лицу его от хворостинника прыгали зайчики.

Откуда-то выбежал сельский дурачок и, погоняя хворостинного коня, помчал к лесу.

Приподняв картуз, Карев побрел за ним.

Был праздник, мужики с покоса уехали домой, и на недуметанные стога с криком садились галки.

Около чащи с зарябившегося озера слетели утки и, со свистом на полете, упали в кугу.

Дурачок сидел над озером и болтал ногами воду.

– Пей, – нукал он свою палку, – волк пришел, чуешь – пахнет? Поди сюда, – поманул

он пальцем Карева.

Отряхивая с лица накусанную траву, Карев подошел и снял фуражку.

– Ты поп? – бросил он ему, сверкая глазами.

– Нет, – ответил Карев, – я мельник.

– Когда пришел? – замахал он раздробленной палкой по траве.

– Давеча.

– Дурак.

Красные губы подернулись пьяникой, а подбородок задергал скулами.

– Разве есть давеча? Когда никогда – нонче. Дурак, – крикнул он, злобно вытаскивая затиснутую палку, и, сунув ее меж ног, поскакал на гору.

– Отгадай загадку, – гаркнул он, взбираясь на верхушку: – За белой березой живет тарарай.

– Эх, мужик-то какой был! – сказал, проезжая верхом, старик. – Рехнулся, сердечный, с думы, бают, запутался. Вот и орет про нонче. Дотошный был. Все пытал, как земля устроена... «Это, грил, враки, что Бог на небе живет». Попортился. А може, и Бог отнял разум:

не лезь, дескать, куды не годится тебе. Озорной, кормилец, народ стал. Книжки стал читать, а уже эти книжки сохе пожар. Мы, бывало, за меру картошки к дьячку ходили азбуки узнать, а болей не моги. Ин, можа, и к лучшему, только про Бога и шамкать не надо.

Желтой шалью махали облака, и тихо-тихо таял, замирая, чей-то напевающий голос:

Догорай, моя лучина, догорю с тобой и я.

С горки шли купаться на бочаг женихи, и, разводя ливенку на елецкую игру, гармонист и попутники кружились, выплясывая казачка.

Кто-то, махая мотней, нес, сторбившись, просмоленный бредень и, спотыкаясь, звенел ведром.

На скошенной луговине, у маленького высыхающего озера кружились с карканьем вороны и плакали цыбицы.

Карев взял палку и побежал, пугая ворон, к озерку. На дне желтела глина, и в осоке, сбившись в кучу, копошились жирные, с ути-

ными носами, щуки.

«Ух, сколько!» – ужаснулся он про себя и стал раздеваться.

Разувшись, он снял подштанники, а концы завязал узлом.

Подошел к траве и, хватая рыбу, стал кидать в них.

Щуки бились, и надутые половинки означались как обрубленные ноги.

– Вот и уха, – крикнул он, – да тут, кажется, лини катаются еще.

Не спалось в эту ночь Кареву.

«Неужели я не вернусь?» – удивлялся он на себя, а какой-то голос так и пошептывал: «Вернись, там ждут, а ты обманул их». Перед ним встала кроткая и слабая перед жизнью Анна.

«Нет, – подумал он, – не вернусь. Не надо подчиняться чужой воле и ради других калечить себя. Делать жисть надо, – кружилось в его голове, – так делать, как делаешь слуги в колымаге».

Перед ним встал с горькой улыбкой Аксютка. «Так я, хвастал...» – кольнула его пред-

смертная исповедь.

Ему вспоминался намеднишний вечер, как дед Иен переносил с своего костра плахи к ихнему огню, костер завился сильнее, и обгоревшие полена дольше, как он заметил, держали огонь и тепло.

Из соседней копны послышался кашель и сдавленный испугом голос.

– Горим! – крикнул, почесываясь, парень. – Пожар!

Карев обернулся на шалаш, и в глаза ударило пламя с поселка Чухлинки.

Бешено поднялся гвалт. Оставшиеся мужики погнали лошадей на село.

– Эй, э-эй! – прокатилось. – Вставай тушить!

К шалашу подъехал верхом Ваньчок.

– Филипп! – гаркнул он над дверью. – Ай уехали?

– Кистинтин здесь, – прошамкал, зевая, дед Иен. – Что горит-то?

– Попы горят, – кинул Ваньчок. – Разве не мекаешь по кулижке?

– Ано словно и так, да слеп я, родной, стал, плохо уж верю глазам.

– Ты что, разве с пожара? – спросил Карев, приподнимая, здороваясь, картуз.

– Там был, из леса опять черт носил, целый пятерик срубили в покос-то.

– Кто же?

– Да, бают, помещик возил с работниками, ходили обыскивать. А разве сыщешь... он сам семь волков съел. Проведет и выведет... На сколько душ косите-то, – перебил разговор он, – на семь или на шесть?

– На семь с половиной, – ответил Карев. – Да тут, кажется, Белоборку наша выть купила.

– Ого, – протянул Ваньчок, – попаритесь. Липка-то, чай, все за ребятами хлыщет, – потянул он, разглаживая бороду.

– Не вижу, – засмеялся Карев. – Плясать вот – все время пляшет.

– Играет, – кивнул Ваньчок. – Как кобыла молодая.

Пахло рассветом, клубилась морока, и заря дула огненным ветерком.

– Чайничек бы догадался поставить, – обернулся он, слезая с лошади.

– Ано на зорьке как смачно выйдет: чай-то, что мак, запахнет.

Филипп положил в грядки сенца и тронулся в Чухлинку. Нужно было закупить муки и пшена.

Он ехал не по дороге, а выкошенной равниной.

Труском подъехал к перевозу и стал в очередь.

Мужики, столпившись около коровьих загонов, на корточках, разговаривали о чем-то и курили.

Вдруг от реки пронзительно гаркнул за хлебывающийся голос: «Помогите!»

Мужики опрометью кинулись бегом к мосту и на середке реки увидели две барахтающиеся головы.

Кружилась корова и на шее ее прилипший одной рукой человек.

– Спасайте, – крикнул кто-то, – чего ж глядеть-то будем!

Но, как нарочно, в подвозе ни одной не было лодки.

Перевозчик спокойно отливал лейкой воду и чадил, вытираясь розовым рукавом, трубкой.

Филипп скинул с себя одежду и телешом бросился на мост.

Он подумал, что они постряли на канате, и потряс им.

Но заметить было нельзя, их головы уже тыкались в воду.

Легким взмахом рук он пересек бурлившую по крутояру струю и подплыл к утопающим; мужик бледномертвенно откидывал голову, и губы его ловили воздух.

Он осторожно подплыл к нему и поднял, поддерживая правой рукой за живот, а левой замахал, плоско откидывая ладонь, чтобы удержаться на воде.

Корова поднялась и, фыркнув ноздрями, поплыла обратно к селу.

Шум заставил обернуться перевозчика, и он, бросив лейку, побежал к челну.

Филипп чуял, как под ложечкой у него словно скреблась мышь и шевелила усиками.

Он задыхался, быстрина сносила его, кружа, все дальше и дальше под исток.

Тихий гуд от воды оглушился криками, и выскочившая на берег корова задрала

хвост, вскачь бросилась бежать на гору.

Невод потащили, и суматошно все тыкались посмотреть... Тут ли?

Белое тело Филиппа скользнуло по крылу невода и слабо закачалось.

– Батюшки, – крикнул перевозчик, – мертвые!

Как подстреленного сыча, Филиппа вытащили с косоруким на дно лодки и понеслись к берегу.

На берегу, засучив подолы, хныкали бабы и, заламывая руки, тянулись к подплывающей лодке. В лодке на беспорядочно собранном неводе лежали два утопленника.

С горы кто-то бежал, размахивая скатертью, и, все время спотыкаясь, летел кубарем.

– Откачивай, откачивай! – кричали бабы и, разделившись на две кучи, взяв утопленников за руки и ноги, высоко ими размахивали.

Какой-то мужик колотил Филиппа колом по пятке и норовил скопырнуть ее.

– Что ты, родимец те сломай, уродуешь его? – подбежала какая-то баба. – Дакось я те стану ковырять морду-то!

– Уйди, сука, – замахнулся мужик кула-

ком. – Сам знаю, что делаю.

Он поднял палку еще выше и ударил с силой по ляжкам.

Из носа Филиппа хлынула кровь.

– Жив, жив! – замахали сильнее еще бабы и стали бить кругом ладошами.

– Что, стерва, – обернулся мужик на подстревшую к нему бабу, – каб не палка-то, и живому не быть! Измусолить тебя надеть.

– А за что?

– Не лезь куда не следует.

Филипп вдруг встал и, кашлянув, стал отплевываться.

– Рубахи? – обернулся он к мужику.

– Там они, не привозили еще.

Жена перевозчика выбежала с бутылкой вина и куском жареной телятины.

– Пей, – поднесла она, наливая кружку Филиппу. – Уходилса, ин лучше станет.

Филипп дрожащими руками прислонил кружку к губам и стал тянуть.

Бабы, ободренные тем, что одного откачали, начали тоже колотить косорукого палкой.

Филипп телешом стал, покачиваясь, в сторону и попросил мужика закурить.

Мимо, болезненно взглядывая, проходили девки и бабы.

– Прикрой свои хундры-мундры-то, – подошла к нему сгорбившаяся старушонка и подала ему свою шаль.

Его трясло, и солнцепек, обжигая спину, лихорадил, но выпитая водка прокаливала застывшую кровь, горячила.

С подтянутого парама выбегли приехавшие с той стороны, и плечистый парень подал ему рубахи.

С шумом в голове стал натягивать на себя подштанники и никак не мог попасть ногой.

– Ничего, ничего, – говорил, поддерживая его, мужик, – к вечеру все пройдет.

Народ радостно заволновался: косорукий вдруг откинул голову и стал с кровью и водой блевать.

Глава пятая

— Ой, и дорога, братец мой, кремень, а не путь! – говорил, хлебая чай, Ваньчок.

– Болтай зря-то, – вылез из шалаша дед Иен.

– Сичас только Ляля приехал.

– Кочки, сказывает, да прохлябы. Это ты, видно, с вина катался так.

– Эй, заспорили! – гаркнул с дороги мужик. – Не слышали, что Филька-то утонул.

– Мели, – буркнул дед.

– Пра.

Мужик сел, ковыляя, на плаху и стал за-
вертывать папироску.

– Не верите, псы... Вот и уговори вас. А ведь на самом деле тонул.

И начал рассказывать по порядку, как было.

– И ничего, – заметил он. – Я пошел, а он на пожаре там тушит вовсю. Косорукий, баил аптешник, полежит малость.

– Полежит, это рай! – протянул дед Иен. – А то б навечно отправился лежать-то. Со мной такой случай тоже был. В Питере, знычит, на барках ходили мы. Всю жисть помню и каждый час вздрагиваю. Шутка ли дело, достаться черту воду возить. Тогда проклянешь отца и матерю.

– А вправду это черт возит воду на них? – прошептал подползший малец.

– Вправду? Знамо ненароком.

– Мне так говорил покойный товарищ – водоливом были вместе, – что коли тонет человек, то, знычит, прямо норовит за горло схватить, если обманывает.

– Кто это? – переспросил малец.

– Кто?.. Про кого говорить нельзя на ночь.

Дед поднял шапку и обернулся к зареву.

– А прогорело, – сказал он, зевая.

– А как же обманывает-то? – спросил Ваньчок. – Ведь небось не сразу узнаешь.

– Эва, – протянул дед Иен. – Разве тут помнишь чего!

Ехали мы этось в темь, когда в Питере были; на барке нас было человек десять, а водоливов-то – я да Андрюха Сова. Качаю я лейку и не вижу, куды делся Сова. Быдто тут, думаю. А он вышел наверх да с лоцманом там нализался как сапожник. Гляжу я так. Вдруг сверху как бултыхнет что-то. Оглянулся – нет Сова. Пойду, спрошу, мол, не упало ли что нужное. Только поднялся, вижу – лоцман мой руками воду разгребает. «Ты что делаешь?» – спрашиваю его. «Дело, грить, делаю: Сова сейчас утопился». Я туды, я сюды, как на грех, ни где багра не сыщу. Кричу, махаю: кидайте

якорь, мол, человек утоп. Смекнули накладники, живо якорь спустили, стали мы шарить, стали нырять, де-то, де-то и напали на него у затона.

Опосля он нам и начал рассказывать. Так у меня по телу муравьи бегали, когда я слушал.

«Упал, говорит, я как будто с неба на землю; гляжу: сады, все сады. Ходят в этих садах боярышни чернобровые, душегрейками машут. Куды ни гляну, одна красивей другой. Провалиться тебе, думаю, вот где лафа-то на баб». А распутный был, – добавил дед Иен, кутаясь в поддевку. – Бывало, всех кухарок перещупает за все такие места... ахальник.

«Эх! – говорит. – Взыграло мое сердечушко, словно подожгли его. Гляжу, как нарочно, идет ко мне одна, да такая красивая, да такая пригожая, на земле, видно, такой и не было. Идет, как павочка, каблуками сафьяновыми выстукивает, кокошником покачивает, серьгами позвякивает и рукавом алы губки свои от меня заслоняет. Подошла и тихо молвит на ушко, как колокольчик синенький звенит: «Напейся, Иван-царевич, тебя жажда берет».

Как назвала она меня Иван-царевичем, сердце мое закатилось. “Что ж, говорю, Василиса моя премудрая, я попью, да только из рук твоих”. Только было прислонился губами, только было обнял колени лебяжьи, меня и вытащили...» Вот она как обманывает-то. Опосля сказывал ему поп на селе: «Служи, грить, молебн, такой-сякой, это Царица Небесная спасла тебя. Как бы хлебнул, так и окадычился».

– Тпру! – гаркнул, слезая с телеги, Филипп и запутал на колесо вожжи.

– Вот он, – обернулись они. – На помине легок.

– Здорово, братец! – крикнул, подбегая, Карев.

– 3-3-здорово, – заплетаясь пьяным языком, ответил Филипп. – От-от-отвяжи п-поди вожжу-у...

– Ну, крепок ты, – поднялся дед Иен. – Вишь, как не было сроду ничего.

Филипп, приседая на колени, улыбался и старался обнять его, но руки его ловили воздух.

– Ты ложись лучше, – уговаривал дед Иен. – Угорел, чай, сердешный, ведь.

Это не шутка ведь.

Дед Иен отвел его в шалаш и, постелив постель, накрыл, перекрестив, веретьем.

Филипп поднимался и старался схватить его за ноги.

– Голубчик, – кричал он, – за что ты меня любишь-то, ведь я тебя бил! Бил! – произнес он с восхлипываньем. – Из чужого добра бил... лесу жалко стало...

– Будя, будя, – ползал дед Иен. – Это дело прошлое, а разве не помнишь, как ты меня выручил, когда я девку замуж отдавал. Вся свадьба на твои деньги сыгралась.

Кадила росяная прохлада. Ночь шла под уклон.

От пожара нагоревшее облако поджигало небо.

Карев распряг лошадь и повесил дугу на шалаш. Оброть звякала и шуршала на соломе.

– За что он бил-то тебя? – переспросил около дверки деда Иена.

– За лес. Пустое все это... прошлое напоминать-то, пожалуй, и грех и обидно. Перестраивал я летось осенью двор, да тесин-то оказа-

лась нехватка. Запряг я кобылу и ночью поехал на яр, воровать, знычит.

Ночь темная... ветер... валежник по еланке так и хрипит орясинами. Не почует, гадал я, Филипп, срублю две-три сосны, и не услышит при ветре-то. Свернул лошадь в кусты, привязал ее за березу и пошел с топором выглядывать. Выбрал я четыре сосны здоровых-прездоровых. Срублю, думаю, а потом уж ввалю как-нибудь. Только я стал рубить, хватъ он меня за плечо и давай валтузить. Я в кусты, он за мной, я к лошади, и он туды; сел на дроги и не слезает. Все равно пропадать, жалко ведь лошадь-то, узнает общество, и поминай как звали. «Филипп, – говорю, затулившись в мох, – пусти ради Бога меня». Услышит это он мой голос – и шасть искать. А я прикутаю голову мохом, растянусь пластом и не дышу. Раза два по мне проходил, инда кости хрустели.

Потом, слышу, гарчет он мне: «Выходи, сукин сын, не то лошадь погоню старосте».

Вышел я да бух ему в ноги, не стал бить ведь боле. Потрацал только. А потом, чудак, сам стал со мной рубить. Полон воз наклали.

Насилу привез.

«Прости, – говорил мне еще, – горяч я очень». Да я и не взыскивал. За правду.

В частый хворостник в половодье забежали две косули. Они приютились у корней старого вяза и, обгрызая кору, смотрели на небо.

Как из сита моросил дождь, и дул порывистый с луговых полян ветер.

В размашистой пляске ветвей они осмотрели кругом свое место и убедились, что оно надежно. Это был остров затерявшегося рукава реки. Туда редко кто заглядывал, и умные звери смекнули, что человеческая нога здесь еще не привыкла крушить коряги можжевеля.

Но как-то дед Иен пошел драть лыки орешника и переплыл через рукав реки на этот остров.

Косули услышали плеск воды и сквозь оконца курчавых веток увидели нагое тело. На минуту они застыли, потом вдруг затопали по твердой земле копытцами, и перекатная дробь рассыпалась по воде.

Дед Иен вслушался, ему почудилось,

что здесь уже дерут лыки, и он, осторожно крадучись по тине, вышел на бугорок; перед ним, пятясь назад, вынырнула косуля, а за кустом, доставая ветку с листовыми удилами, стояла другая.

Он повернул обратно и ползком потянулся, как леший, к воде.

Косуля видела, как бородатый человек скрылся за бугром, и затаенно толкнула свою подругу; та подняла востро уши и, потянув воздух, мотнула головой и свесилась за белевшим мохрасто цветком.

Дед Иен вышел на берег и, подхватив рубашки, побежал за кусты; на ходу у него выпал лапоть, но он, не поднимая его, помчал к стоянке.

Филипп издали увидел бегущего деда и сразу почуял запах дичи.

Он окликнул согнувшегося над косою Карева и вытащил из шалаша два ружья.

– Скорей, скорей, – шепотом зашамкал дед Иен, – косули на острове. Бегим скорей.

У таганов ходила в упряжи лошадь Ваньчка, а на телеге спал с похмелья Ваньчок.

Они быстро уселись и погнались к острову;

вдогонь им засвистали мужики, и кто-то бросил принесенное под щавель решето.

Решето стукнулось о колесо и, с прыгом взвиваясь, покатилося обратно.

– Шути, – ухмыльнулся дед, надевая рубашку. – Как смажем этих двух, и рты разинете.

– Куда? – поднялся заспанный Ваньчок.

– За дровами, – хихикнул Филипп. – На острове, кажут, целые груды пятириков лежат.

Но Ваньчок последних слов не слышал, он ткнулся опять в сено и засопел носом.

– И к чему человек живет, – бранился дед, – каждый день пьяный и пьяный.

– Это он оттого, что любит, – шутливо обернулся Карев. – Ты разве не слышал, что сватает Лимпиаду?

– Лимпиаду, – членораздельно произнес дед. – Сперва нос утри, а то он у него в коровьем дерьме. Разве такому медведю эту кралю надо? Вот тебе это еще под стать.

Карев покраснел и, замявшись, стал заступаться за Ваньчка.

Но в душе его гладила, лаская, мысль деда, и он хватал ее, как клад скрытый.

– Брось, – сказал дед, – я ведь знаю его,

он человек лесной, мы все медведи, не он один. Ты, вишь, говоришь, всю Росею обходил, а мы дальше Питера ничего не видали, да и то нас таких раз-два и обчелся.

Подвязав ружья к голове, Карев и Филипп, чтобы не замочить их, тихо отплыли, отпихиваясь ногами от берега.

Плыть было тяжело, ружья сворачивали головы набок, и бечевки резали щеки.

Филипп опустил правую ногу около куги и почувствовал землю.

– Бреди, – показал он знаком и вышел, горбаться, на траву.

– Ты с того бока бугра, а я с этого, – шептал он ему, – так пригоже, по-моему.

Косули, мягко взбрыкивая, лизали друг друга в спины и оттягивали ноги.

Вдруг они обернулись и, столкнувшись головами, замерли.

Тихо взвенивала трава, шелыхались кусты, и на яру одиноко грустила кукушка.

– Ваньчок, Ваньчок, – будил дед, таская его за волосы. – Встань, Ваньчок!

Ваньчок, потянулся и закачал головою.

– Ох, Иен, трещит башка здорово.

– Ты глянь-кась, – повернул его дед, указывая на мокрую, с полосой крови на лбу, косялю. – Другую сейчас принесут. А ты все спишь...

Ваньчок слез с телеги и стал почесываться.

– Славная, – полез он в карман за табаком. – Словно сметаной кормленная.

С полдня Филипп взял грабли и пошел на падины.

– Ты со мной едем! – крикнул он Ваньчку. – Навивать копна станешь.

– Ладно, – ответил Ваньчок, заправляя за голенище портянку.

Лимпиада с работницами бегала по полям и сгребала сухое сено.

– Шевелись, шевелись! – гаркала ей Проси-нья. – Полно оглядываться-то. Авось не подерутся.

С тяжелым возом Карев подъезжал к стогу и, подворачивая воз так, чтобы он упал, быстро растягивал с него веревку.

После воза метчик обдергивал граблями осыпь и, усевшись с краю, болтал в воздухе ногами.

Скрипели шкворни, и ухали подтянутые усталью голоса.

К вечеру стога были огорожены пряслом и приятно манили на отдых.

Мужики стали в линию и, падая на колени, замолились на видневшуюся на горе чухлинскую церковь.

– Шабаш, – крикнули все в один раз, – теперь, как Бог приведет, до будущего года.

Роса туманом гладила землю, пахло мятой, ромашкой, и около озера дымилась покинутая с пеплом пожня.

В бору чуть слышно ухало эхо, и шомонил притулившийся в траве ручей.

Карев сел на пенек и, заряжая ружье, стал оглядываться на осыпанную иглами стежку.

Отстраняя наразмах кусты, в розовом полушалке и белом сарафане с расшитой рубашкой, подобрал подол зарукавника, вышла Лимпиада.

На каштановых распущенных космах бисером сверкала роса, а в глазах плескалось пролитое солнце.

– Ждешь?

– Жду! – тихо ответил Карев и, приподнявшись, облокотился на ствол ружья.

– Фюи, фюи, – стучала крошечным носиком по коре березы иволга...

Шла по мягкой мшанине и полущалком глаза закрывала.

«Где была, где шаталась?» – спросит Филипп, думала она и, краснея от своих дум, бежала, бежала...

«Дошла, дошла, – стучало сердце. – Где была, отчего побледнела? Аль молоком умывалась?»

На крыльце, ловя зубами хвост, кружился Чукан. Филипп, склонясь над телегой, подмазывал дегтем оси.

– Ты бы, Липка, грибов зажарила, – крикнул он, не глядя на нее, – эво сколища я на окне рассыпал, люли малина!

Лимпиада вошла в избу и надела черный фартук; руки ее дрожали, голова кружилась словно с браги.

Тоненькими ломтиками стала резать желтоватые масленки и клала на сковороду.

Карев скинул ружье и повесил на гвоздь. Сердце его билось и щемило. Он грустно смахивал с волос насыпь игл и все еще чувствовал, как горели его губы.

К окну подошел Ваньчок и стукнул кнутовищем в раму.

– Тут Лимпиада-то? – кисло поморщился он. – Я заезжал, их никого не было.

– Нет, – глухо ответил Карев. – Она была у меня, но уж давеча и ушла. Ты что ж стоишь там, наружи-то? Входи сюда.

– Чего входить, – ответил Ваньчок. – Дела много: пастух мой двух ярок потерял.

– Найдутся.

– Какой найдутся, хоть бы шкуру-то поднять, рукавицы и то годится заштопать.

– Ишь какой скупой! – засмеялся, глухо покачиваясь всем телом.

– Будешь скупой... почти три сотни в лето ухлопал. Все выпить и выпить. Сегодня зарок дал. На год. Побожился – ни капли не возьму в рот.

– Ладно, ладно, посмотрим.

– Так я, знычит, поеду, когда ушла. Нужно поговорить кой о чем.

Когда Ваньчок подъехал, Филипп, сердито смерив его глазами, вдруг просиял.

– Да ты трезвый никак! – удивился он.

Ваньчок кинул на холку поводья и, вытаскивая кошель, рассыпал краснобокую клюкву.

– Не вызрела еще, – нагнулась Лимпиада, – зря напушил только. Целую поставню загубил.

– Мало ли ее у нас, – кинул с усмешкой Филипп, – о крошке жалеть при целом пироге нечего.

– Ну, как же? – мигнул Ваньчок в сторону Лимпиады.

Филипп закачал головой, и он понял, что дело не клеится. По щекам его пробежал нитками румянец и погас...

Лимпиада подняла недопряденную кудель и вышла в клеть.

– Не говорил еще, – зашептал Филипп, – не в себе что-то она. Погоди, как-нибудь похлопочу.

– А ты мотри за ней, кабы того... Мельник-то ведь прощельга. Живо закрутит.

Филипп обернулся к окну и отворил.

– Идет, – толкнул он заговорившегося Ваньчка.

Лимпиада внесла прялку и поставила около скамейки мотальник.

– Распутывай, Ваньчок, – сказала, улыбаясь, она. – Буду ткать, холстину посулю.

– Только не обманывать, – сел на корточки он. – Уж ты так давно мне даешь.

– Мы тогда сами отрежем, – засмеялся Филипп. – Коли поязано, так давай подавай.

Лимпиада вспомнила, что говорили с Каревым, и ей сделалось страшно при мысли о побеге.

Всю жизнь она дальше яра не шла. Знала любую тропинку в лесу, все овраги наперечет пересказывала и умела находить всегда во всем старом свежее.

И любовь к Кареву в ней расшевелил яр. Когда она увидела его впервые, она сразу почувяла, что этот человек пришел, чтобы покинуть ее, – так ей ее сердце сказало. Она сперва прочла в глазах его что-то близкое себе и далекое.

Не могла она идти с ним потому, что серд-

це ее запуталось в кустах дремных черемух. Она могла всю жизнь, как ей казалось, лежать в траве, смотреть в небо и слушать обжигающие любовные слова Карева; идти с ним, она думала, это значит растерять все и расплескать, что она затаила в себе с колыбели.

Ей больно было потерять Карева, но еще больней было уходить с ним.

Ветры дорожные срывают одежду и, приподняв путника с вихрем, убивают его на смерть...

– Стой, стой! – крикнул Ваньчок. – Эк ты, сиверга лесная, оборвала нитку-то. Сучи теперь ее.

Лимпиада остановила веретеном гребешки и стала ссучивать нитку.

– Ты долго меня будешь мучить? – закричал Филипп. – Видишь, кошка опять лакает молоко.

– Брысь, проклятая! – подбежал Ваньчок и поднял махотку к губам.

– А славно, как настоящая сметана.

– И нам-то какой рай, – засмеялся Филипп: – Вытянул кошкин спив-то, а мы теперь

без всякой гребости попьем.

– Ладно, – протер омоченные усы. – Ведь и по муке тоже мыши бегают, а ведь все едят и не кугукнут. Было бы, мол, что кусакать.

В отворенное окно влетел голубь и стал клевать разбросанные крохи.

Кошка приготовила прыжок и, с шумом повалив мотальник, прижала его когтями.

– Ай, ай! – зашумел Филипп и подбежал к столу, но кошка, сверкнув глазами, с сердитым мяуканьем схватила голубя за горло и выпрыгнула в окно.

Лимпиада откинула прялку и в отворенную дверь побежала за нею.

– Чукан, – крикнула она собаку. – Вчизи, Чукан!

Собака погналась по кулижке вдогонь за кошкой напересек, но она ловко повернула назад и прыгнула на сосну.

Позади с Филиппом бежал Ваньчок и свистом оглушал тишину бора.

– Вон, вон она! – указывая на сосну, приплясывала Лимпиада. – Скорей, скорей лезьте!

Ваньчок ухватился за сук и начал караб-

каться.

Кошка злобно забиралась еще выше и, положив голубя на ветвистый сук, начала пронзительно мяукать.

– А, проклятая! – говорил он, цепляясь за сук. – Заскулила! Погоди, мы те напарим.

Он уцепился уже за тот сук, на котором лежал голубь, вдруг кошка подпрыгнула и, метясь в его голову, упала наземь.

Чукан бросился на нее и с визгом отскочил обратно.

– Брысь, проклятая, брысь! – кинул в нее камень Филипп и притопнул ногами.

Кошка, свернув крючком хвост, прыгнула в чащу и затерялась в траве.

– Вот проклятая-то, – приговаривал, слезая, Ваньчок, – прямо в голову норовила.

Лимпиада взяла голубя и, положив на ладони, стала дуть в его окровавленный клюв.

Голубь лежал, подломив шейку, и был мертв.

– Заела, проклятая, заела, – проговорила она жалобно. – Не ходи она лучше теперь домой и не показывайся на мои глаза.

– Да, кошки бывают злые, – сказал Фи-

липп. – Мне рассказывал Иенка, как один раз он ехал на мельницу. «Еду, говорит, гляжу, кошка с котом на дороге. Я кнутом и хлыстнул кота. Повернулся мой кот, бежит за мной – не отстает. Приехал на мельницу – и он тут. Пошел к сторожу – и он за мной. Лег на печь и лежит, а глаза так и пышут. Спугался я, подсасывает сердце, подсасывает. Я и откройся сторожу – так, мол, и так. “Берегись, грить, человече; постелю я тебе на лавке постель, а как стану тушить огонь, так ты тут же падай под лавку”. Когда стали ложиться – то я прыг да под лавку скорей. Вдруг с печи кот как взовьется и прямо в подушку, так когти-то и заскрипели. “Вылезай, – кличет сторож. – Наволоку за это с тебя да косушку”. Глянул я, а кот с прищемленным языком распустил хвост и лежит околетый».

Вечером Лимпиада накинула коротайку и вышла на дорогу.

– Куда? – крикнул Филипп.

– До яру, – тихо ответила она и побежала в кусты.

Она шла к той липе, где обещала встретиться с Каревым; щеки ее горели, и вся она

горела как в лихорадке, сарафан цеплялся за кусты, и брошками садились на концы подола репьи.

«Что я скажу? – думала она. – Что скажу? Сама же я сказала ему, куды хошь веди».

Каратайка расстегивалась и цеплялась за сучья. Коса трепалась, но она ничего не слышала, а все шла и шла.

– Пришла? – с затаенным дыханием спросил он.

– Пришла, – тихо ответила она и бросилась к нему на грудь.

Он гладил ее волосы и засматривал в голубые глаза.

– Ну, говори, моя зозуленька, – прислонился губами к ее лбу. – Я тебя буду слушать, как ласточку.

– Ох, Костя, – запрокинула она голову, – люблю, люблю я тебя, но не могу уйти с тобой. Будь что будет, я дождусь самого страшного, но не пойду.

– Что ж, – грустно поник Карев, – и я с тобой буду ждать.

Она обвилась вокруг его колен и, опустившись на траву, зарыдала.

Часть третья

Глава первая

Тяжба с помещиком затянулась, и на суде крестьянам отказали.

– Подкупил, – говорили они, сидя по зава-
линкам, – как есть подкупил. Мыслимо ли –
за правду в глаза наплевали! Как Бог свят,
подкупил.

Ходили, оторвав от помела палку, огулом
мерить. Шумели, спорили и глубокую-глубо-
кую затаили обиду.

На беду появился падеж на скотину.

– Сибирка, – говорили бабы. – Все коровы
передохнут.

Стадо пригнали с луга домой; от ящура
снадобьем аптешника коровам мазали языки
и горла.

Молчаливая боль застудила звенящим
льдом на сердцах всех крестьян раны.

Пошли к попу, просили с молебном кругом
села пройти. Поп, дай не дай, четвертную ло-
мит.

– Ты, батюшка, крест с нас сьмаешь! – кри-
чали мужики. – Мы будем жаловаться ирхи-
рею.

– Хоть к митрополиту ступайте, – ругался поп. – Задаром я вам слоняться не буду.

Шли с открытыми головами к церковному старосте и просили от церкви ключи. Сами порешили с пеньем и хоругвями обойти село.

Староста вышел на крыльцо и, позвякивая ключами, заорал на все горло:

– Я вам дам такие ключи, сволочи!.. Думаете – вас много, так с вами и сладу нет... Нет, голубчики, мы вас в дугу согнем!

– Ладно, ребята, – с кроткой покорностью сказал дед Иен, – мы и без них обойдемся.

Жила на краю села стогодовалая Параня, ходила, опираясь на костыль, и волочила расшибленную параличом ногу, и видела, знала она порядки дедов своих, знала – обидели кровно крестьян, но молчала и сказать не могла, немая была старуха. Знала она, где находилась копия с бумаг.

Лежала тайна в груди ее, колотила стенки дряблого заоченевшего тела, но, не находя себе выхода, замирала.

Проиграли мужики на суде Пасик, забились старуха головой о стенку и с пеной у рта отдала Богу душу.

Разговорившись после похорон Парани о старине, некоторые вспомнили, что при падеже на скотину нужно опахивать село.

Вечером на сходе об опахиванье сказали во всеуслышанье и не велели выходить на улицу и заглядывать в окна.

При опахиванье, по сказам стариков, первый встречный и глянувший – колдун, который и наслал болезнь на скотину.

Участники обхода бросались на встречного и зарубали топорами насмерть.

В полночь старостина жена позвала дочь и собрала одиннадцать девок.

Девки вытащили у кого-то с погребка соху, и дочь старосты запрягла с хомутом свою мать в соху.

С пением и заговором все разделись наголо, и только жена старосты была укутана и увязана мешками.

Глаза ее были закрыты, и, очерчивая на перекрестке круг, каждый раз ее спрашивали:

– Видишь?

– Нет, – глухо она отвечала.

После обхода с сохой на селе болезнь поухнула, и все понемногу утомонились.

Но однажды утром в село прибежал с проломленной головой какой-то мужик и рассказал, что его избил помещик.

– Только хотел орешину сорвать, – говорил он, – как подокрался и цапнул железной тростью.

Мужики, сбежавшись, заволновались.

– Кровь, подлец, нашу пьет! – кричали они, выдергивая колья.

На кулижку выбежал дед Иен и стал звать мужиков на расправу.

– Житья нет! – кричал он. – Так теперь и терпеть все!..

Собравшись ватагой с кольями, побежали на Пасик. Брань и ругань царапали притихший овраг Пасика.

Помещик злобно схватил пистолет и побежал навстречу мужикам.

– Моя собственность! – грозил он кулаком. – Права не имеете входить; и судом признано – моя!..

– Бей его! – крикнул дед Иен. – Ишь, мошенник, как клоп нажрался нашего сока! Пали, ребята, его!

Он поднял булыжник и, размахнувшись,

бросил в висок ему.

Взмахнул руками и как подкошенный упал в овраг.

– Бегим, бегим! – шумели мужики. – Кабы не увидали!

По лесу зашлепал бег, и косматые ели замахали верхушками.

На дне оврага, в осыпанной глине, лежал с мертвенными совиными глазами их ястреб. Руки крыльями раскинулись по траве, а голова была облеплена кровавой грязью.

Филипп взял посох и пошел на Чухлинку поговорить со старостой. Он выкатился на бугор и стал спускаться к леску.

Вдруг до него допрянул рассыпающийся топот и сдавленные голоса.

«Лес воруют», – подумал он и побежал что силы вдогон.

Топот смолк, и голоса проглотил шелест отточенных хвой.

Он побежал дальше и удивился, что ни порубки, ни людей не видно.

– Зря спугались, – пробасил неожиданно кто-то за его спиной. – Выходи, ребята, свой человек.

Из кустов вышли с кольями мужики, и сзади, с разорванным рукавом рубахи, плелся дед Иен.

– Молчи, не гуторь! – подошли все, окружив его. – Помещика укокошили. В овраге лежит.

Филипп пожал плечами, и по спине его закололи булавки.

– Как же теперь? – глухо открыл он губы и затеребил пальцами бороду.

– Так теперь, – отозвался худощавый старик, похожий на Ивана Богослова. – Не гуторить, и все... Станут приставать – видом не видали.

– Следы тогда надо скрыть, – заговорил Филипп. – Вместе итить негоже. Кто-нибудь идите по мельниковой дороге, с Афонина перекрестка, а кто – стежками, и своим показываться нельзя. Выдадут жены работников.

– Знамо, лучше разбрестся, – зашущукали голоса. – Теперь небось спохватились.

По дороге вдруг раздался конский топот. Все бросились в кусты и застыли.

.....

.....

К помещику по Чухлинке прокатил на тройке пристав, после тяжбы с крестьянами он как-то скоро завязал дружбу с полицией и приглашал то исправника, то пристава в гости.

Конюх стоял у ограды и, приподняв голову, видел, как к имению, клубя пыль, скакали лошади.

Он поспешно скинул запорку, отворил ворота, снял, заранее приготовившись, шапку и стал ждать.

Когда пристав подъехал, он поклонился ему до земли, но тот, как бы не замечая, отвернулся в сторону.

– Где барин? – спросил он выбежавшую кухарку, расстилавшую ему ковер.

– В Пасике, ваше благородие, – ответила она. – Послать или сами пойдете?

– Сам схожу.

– Борис Петрович! – крикнул он, выпятив живот и погромыхая саблей.

По оврагу прокатилось эхо, но ответа не последовало.

В глаза ему бросилась ветка желтых крупных орехов, он протянул руку и, очистив

от листьев, громко прищелкивая языком, клал на зуб.

– Борис Петрович! – крикнул он опять и стал спускаться в овраг.

Глаза его застыли, а поседелые волосы поднялись ершом.

В овраге на осыпанной глине лежал Борис Петрович.

Он кубарем скатился вниз и стал осматривать, поворачивая, труп.

Рядом валялся со взведенным курком пистолет.

– Горячий еще! – крикнул вслух. – Мужики проклятые, не кто иной, как мужичье!

– Проехали, – свистнул чуть слышно Филипп, толкая соседа. – Трое, кажись, проскакали. Впереди всех без картуза пристав. Теперь, ребята, беги кто куды знает, поодиночке. Не то схватят, помилуй Бог.

Выскочив на дорогу, шмыгая по кустам, стали добираться до села.

Филипп проводил их глазами и пошел обратно к дому.

У окна на скамейке рядом с Лимпиадой он увидел Карева и, поманув пальцем, подошел

к нему.

– Беда, Костя! – сказал он. – Могила живая.

– Что такое?

– Помещика убили.

Карев затрясся, и на лбу его крупными каплями выступил пот.

– Пристав поехал.

– Пристав, – протянул Карев и бросился бежать на Чухлинку.

Лимпиада почуяла, как упало ее сердце; она соскочила со скамьи и бросилась за ним вдогон.

– Куда, куда ты? – замахал переломленным посохом Филипп и, приставив к глазам от солнечного блеска руку, стал всматриваться на догонявшую Карева Лимпиаду.

– Вот сумасшедшие-то! – ворчал он, сердито гроыхая щеколдой. – Видно, нарваться хотят.

Пристав, запалив лошадь, прискакал с работниками прямо под окно старосты.

– Живо сход, живо! – закричал он. – Ах вы, оглоеды, проклятые убийцы, разбойники!

Десятские бегом пустились стучать под окна.

– А... пришли! – кричал он на собравшуюся сходку. – Пришли, живодеды ползучие!.. Живо сознавайтесь, кто убил барина? В Сибирь вас всех сгоню, в остроге сгною, сукиных детей! Сознавайтесь!

Мужики растерянно моргали глазами и не знали, что сказать.

– А... не сознаетесь, нехристи! – скрипел он зубами. – Пасик у вас отняли... Пиши протокол на всех! – крикнул он уряднику. – Завтра же пришлю казаков... Я вам покажу! – тряс он кулаком в воздухе.

Из кучки вылез дед Иен и, вынув табакерку, сунул щепоть в ноздрю.

– Понюхай, моя родная, – произнес он вслух. – Может, боле не придется.

– Ты чего так шумишь-то? – подошел он, пристально глядя на пристава. – У тебя еще матерно молоко на губах не обсохло ругаться по матушке-то. Ты чередом говори с неповинными людьми, а не собачься. Ишь ты тоже, какой липоед!

– Тебе что надо? – гаркнул на него урядник.

– Ничего мне не надо, – усмехнулся дед. – Я говорю, что я убил его и никого со мной

не было.

Глава вторая

— Не тоскуй, касаточка, – говорил Епишка Анне. – Все перемелется в муку. Пускай говорят люди, а ты поменьше слухай да почаще с собой говори. Ты ведь знаешь, что мы на свете одни-одинешеньки. Не к кому нам сходить, некому пожалиться.

– Ох, Епишка, хорошо только речи сыпать. Ты один, зато водку пьешь. Водка-то, она все заглушает.

– Пей и ты.

– Пью, Епишка, дурман курю... Довела меня жизнь, домыкала.

В зыбке ворочался, мусоля красные кулачки, первенец.

– Ишь какой! – провел корюзлым пальцем по губам его Епишка. – Глаза так по-Степкину и мечут.

Анна вынула его на руки и стала переживать.

– Что пучишь губки-то? – махал головой Епишка. – Есть хочешь, сосунчик? Сейчас тебе соску нажую.

Взял со стола черствый крендель и стал

разжевывать; зубы его скрипели; выплюнул в тряпочку, завязал узелок и поднес к тоненьким зацветающим губам.

– У-ю-ю, пестун какой вострый! Гляди, как схватил! Да ты не соси, дурень, палец-то дяди, он ведь грязный. В канаве сегодня дядя ночевал.

Анна кротко улыбалась и жала в ладонь высунувшиеся ножки.

– Ничего, подлец, не понимаешь, – возился на коленях Епишка, – хоть и смотришь на меня... Ты ведь еще чередом не знаешь, хочется тебе есть али нет. А уж я-то знаю... Горе у матери молоко твое пролило... Ох, ты, сосунчик мой. Так, так, раба Божия Аннушка, – встал он. – Все мы люди, все человеки, а сердце-то у кого свиное, а у кого собачье. Нету в нас, как говорится, ни добра, ни совести; правда-то, сказано, в землю зарыта... У него, у младенца-то, сердца совсем нету... Вот когда вырастет большой, Бог ему и даст по заслугам... Ведь я говорю не с проста ума. Жисть меня научила, а судьбина моя подсказала.

Анна грустно смотрела на Епишку и смахивала выкатившиеся слезы.

– Он-то ведь, бедный, несмысленный... Ничего не знает, ни в чем не виноват. Аннушка бедна, Аннушка горька, – приговаривал Епишка, – сидеть тебе над царем над мертвым тридцать три года... Нескоро твой ворон воды принесет... Помнишь?

Старая, плечи вогнуты, костылем упирается, все вдаль глядит. Коротайка шубейная да платок от савана завязаны. В Киев идет мощам поклониться.

В красной косыночке просфора иерусалимская... У Гроба Господня склонялась.

Солнце печет, пыль щекочет, а она, знай, идет и ни на минуту не задумывается, не пожалеет. У куста села, сумочку развязывает... сухарики гложет с огурчиком.

– Зубов нет, – шамкает побирушке, – деснами кусаю, кровью жую...

– Телом своим причащаешься, – говорит побирушка. – Так ин лучше Богу заслужишь...

Ходят морщины желтые, в ушах хрустит, заглушает.

– Берегешь копеечку-то? – спрашивает икоса побирушка.

– Берегу – всю жисть пряла, теперь по угоди-никам разношу. Трудовая-то жертва дорога.

По верхушкам сосен ветерок шуршит.

– Соснуть бы не мешало, – крестится поби-рушка.

Приминая траву, каратайку под голову положила. Мягка она, постель травяная, кости обсосанные всякому покою рады. О Киеве ду-мает, ризы Божеские бластятся.

«Ни сумы, ни сапог, ни поясов кожаных...» – голос дьякона соборного в ушах звенит...

«О-ох, грешная я», – думает.

– Фюи, фюи, – гарчет плаксиво иволга. Те-ни облачные веки связывают.

По меже храп свистит, побирушка на сучье привалилась.

Тихо кусты качаются... Тень Господня над бором ползает.

– Господи, – шепчут выцветшие губы, – по-милуй меня грешную.

«Ни сумы, ни сапог, ни поясов кожаных», – гудит в ушах.

– Тетенька, – будит прикурнувшую поби-рушку, – встань, тетенька.

– А-ат? – поднимается нищенка.

– Бедная ты, бездомная, возьми вот сумочку-то. Деньги тут. Ни сумы, ни сапог, в Писании сказано... – плачет. Успокоилось сердце. Комочком легла. Глаза поволоклись морокой.

– Фюи, фюи, – гарчет плаксиво иволга.

– Идем, – подвязывает лапти побирушка, – провожу... До Маркова доберемся, а там заночуешь.

В осиннике шаги аукают.

– Это, я думаю, ты не от сердца дала мне... Лишние они у тебя.

Глядит вдаль, а в глазах замерла безответность.

– Что молчишь-то? – дергает ее за руку.

– Ни сумы, ни сапог, тетенька, камни с души своей скинаю.

– То-то... камни... знаем мы вас, прохожалок. Нахайте с чужой крови-то, а потом раздаете. Ишь и глаза, как озеро, пышут... Знаем мы вас. Знаем!

– Лазарь, ты мой Лазарь, – срывается кроткий шепот. – Ничего у Бога нет непутевого, – ударяет клюкой по траве. – Все для человека припас он... От всего оградил. Человек только

жадничает.

– Вишь, мушки мокреть всю спили с травы. Прошли бы, оброснулись. Чай, с снохами-то неладно жила? – пытливо глядит ей в глаза побирушка.

– Нет, родная, никого не обижала.

– Врешь поди.

– Я к мощам иду, – тихо шепчет. – Что мне душу грязнить свою, непутевое говоришь. Не гневи Бога, не введи во искушение, – поют на клиросе.

– То-то, вот вы такие и искушаете, – сердито машет палкой. – Святоши, а деньги кроете.

– О-ох... Устала... – опускается на траву. – Прогневаю Бога ропотом. Прости ты меня, окаянную.

Побирушка, зажав палку, прыгнула, как кошка.

– У-у-у... – защелкала зубами.

Зычный хряст заглушил шелест трав. Кусты задрожали.

– Отдай деньги, проклятущая...

– Фюи, фюи, – гарчет иволга.

Глаза подернулись дымкой. К горлу подползло сдавленное дыханье, под стиснутыми

руками как будто скреблась мышь.

Старый Анисим прилежным покаяньем расположил к себе игумена монастырского.

– Как ты, добрый человек, надумил мир-то покинуть? Ведь старая кровь-то на подъем, ох, как слаба.

– Так, святой отец, – говорил Анисим. – Остался один, что ж, думаю, зря лежать на печи, лучше грехи замаливать. Сын, вишь, у меня утонул. Старуха не стерпела, странствовать ушла. Дома молодайка есть, пусть как хочет живет. Сказывают, будто она несчастная была, и сын-то, может, погинул с неудачи... А мне дела до этого нет, такая она все-таки добрая, слова грубого не сказала, не обидчица была.

Похоронил Степан мать, сходил к Анисиму, получил с него деньги и дома остался жить. Оставила мать припадочного братишку, зорко заставила следить.

– Нет тебе счастья и талана, – сказала она, – ползай, как червь, по земле, если брошишь его.

Побоялся Степан остаться с Анной, а жениться на ней, гадал, – будут люди пенять.

«Что, мол, девок тебе, что ль, не хватает, бабу-то берешь».

Поехал он как-то в Коростово к тетке на праздник да остался заночевать. На улице девчата под окнами слонялись, парни в ливенку канавушки пиликали.

– Поди, – сказала ему тетка, – тебя девки-то зманывают.

Степан надел поддевку, заломил набедренный шапку, пошел к девкам.

Девки с визгом рассыпались и скрылись.

– Кто? – окрикнули его парни.

– Свой.

– Нет, не свой, – заговорил кто-то. – По хватке видно – не свой... У нас, брат, так девок не щупают. Больно хлесток...

– Невесту, что ль, выглядываешь? – спросил гармонист.

– Невесту, – тихо ответил Степан.

– Так ты, брат, видно, сам знаешь... у нас положение водится... четверть водки поставь.

– Ладно, – сказал Степан, – поставлю, только не четверть, а три бутылки... Денег не хва-

тает...

– Не хватает, не надо, – кивнул гармонист. – Мы не такие уж глоты. – Завозился на каблуках.

Степан отдал деньги ребятам и пошел к девкам.

Девки сидели на оглоблях пожарной бочки и, опершись на багор, играли песни.

Степан приглядывался, какая покрасивее, и, сильно затягивая папиросу, светил.

В середках одна все закрывалась рукавом, и он смекнул, что он ей нравится.

Зашел сзади и, потягивая к себе на колени, свалил.

Девка смеялась и, обхватив его за грудь, старалась повалить.

Закружив, начал целовать ее в щеки и отвел в сторону.

– Пусти ты, – отпихивалась она. – У, какой безотвязный... пусти!..

– Не пущу, – прижался к ней Степан. – Хоть кричи, не пущу.

Прижал ее к плетню и силился расстегнуть коротайку.

– Ты, тетенька, меньше ста рублей не бери, – говорил он утром о приданом. – Ведь я не бобыль: две лошади, три коровы да овец сколько...

– Да чья она? – спрашивала тетка. – Куда идти-то мне?

– Черноглазая такая. Кудри на лоб выбиваются.

– А, ну теперь знаю. Ишь какую метишь, – она ведь писарева...

– Отдадут – сама говорила.

– То-то...

Она надела новую шубейку, покрыла белую тужильную по покойному мужу косынку и пошла свахой.

– Ты что, Марьяна? – спросила писариха и поманула ее ладонью.

– Посвататься, касатка, пришла, за племянника. Может, знавала Степку-то, без порток все у волости бегал махоньким...

– А, – протянула писариха. – Что ж, разве он не женат еще?

– Нет.

– Мы было хотели ведь погодить, с приданным никак не собрались.

– Да мы и немного берем-то.

– Сколько?

– Да как тебе сказать, не менее сотни.

– Ладно, – кинула в заслон мочалку, – стоворено.

– А он-то, – указала она на спящего на лавке писаря, – как же?..

Писариха подняла ногу и плюнула на каблук.

– В пятках он у меня, я с ним и разговаривать не стану.

Марьяна поклонилась и, подвязавшись, пошла обратно.

Глава третья

Откулева-то выползло на востоке черное пятнышко и, закружившись, начало свертываться в большой моток.

По яру дохнувший ветерок трепыхнул листочки кленов, и вдогон зашептал вихорь.

Шнырявшая в седирах осины синица соскользнула с ветки и, расплескав крылышки, упала в синь.

Карев сидел у плеса и слушал, как шумели вербы.

Волосы его трепались, и в них впутыва-

лась мягкая сыпучая мшанина.

Он чувствовал на щеках своих брызги с плеса, и водяное кружево кидало в него оборванные клочья.

Сердце его кружилось с вихрем, думал, как легко бы и привольно слиться с грозой и унести далеко-далеко, так далеко, чтобы потерять себя.

Яр зашумел, закачался, и застонала земля.

Протягивая к ветру руки навстречу, побежал, как ворон, к сторожке.

«Не шуми, мати зеленая дубравушка, дай подумать, погадать». Упал на траву. «Что ты не видел там, у околицы, чего ждешь? – шептал ему какой-то тайный голос. – В ожиданьях только погибель. Или силы у тебя не хватает подняться и унести отсюда, как вихорь?»

«Нет, все не то, – подумал он. – Это на бред похоже. Надо связать себя, заставить или сильней натянуть нить с початка кудели, или уж оборвать».

Яр шумел...

Черная навись брызнула дождем, и капли застучали, как дробь, по широким листьям

лопушника.

Карев встал и, открыв рот, стал ловить дождь губами.

С бородки его, как веретено, сучилась холодноватая струйка, шел босиком по грязи, махал сапогами и осыпал с зеленых пахучих кустов бисер.

В прорванных тучах качалось солнце, и по дороге голубели лужи.

С околицы выбежала Лимпиада и зазвене-ла серебряным смехом.

Она была мокрая, и с косы ее капала роса.

– Дождь фартуком собирала, – сказала она и, приподнявшись на цыпочки, подставила ему алые губы.

Карев повесил перед солнцем на колья сапоги и стал отряхивать с мокрых штанов грязь.

– Иди, за мою... Филиппа нет, – обняла его за плечи. – Тес пилит.

Обмыл ноги и, сжав горсть, плеснул на нее. По щекам ее с черными мушками грязи покатила вода, она подбежала к луже, хотела брызнуть ногой, но, поскользнувшись, упала.

Поднял и со смехом понес на крыльцо.

Лимпиада стирала рукавом рубахи грязь и, закрасневшись, качала ногами.

– Костя, – притиснула она его голову, – милый, не уходи. Как хорошо-то!

Навстречу, повиливая хвостом, выбежал с веселым лаем Чукан и, оскаливая зубы, ловил мотавшийся на ноге Лимпиады башмак.

К вечеру в сторожку вернулся Филипп и стал рассказывать, как били деда Иена в холодной.

– В остроге сидит, сердешный, – говорил он. – Скоро, наверно, погонят.

– Жалко, – вздыхала Лимпиада, – хороший мужик был.

Прояснившееся небо опять заволокло тучами, и сверкавшая молния клевала космы сосен.

Филипп чиркнул спичку и, подлезая под божницу, засветил лампадку.

В дверь кто-то заскребся; Лимпиада отворила и увидела кошку.

– Милая, – нежно протянула руки, – где ты пропадала? Я давно уж не сержусь на тебя.

Посадила на колени, стала гладить.

Облезлые волосы спадали на сарафан и бе-

лели, как нитки.

Кошка пучила глаза и, мурлыча, сама гляделась об ее руки.

– Ты убил... – покосился с пеной у рта пристав, – ты убил?..

– Я, – отозвался дед Иен. – Говорю, что я.

– Связать его! – крикнул он мужикам. – Да с понятыми в холодную отправить.

Дед Иен сам протянул руки и заложил их назад.

– Вяжи покрепче, Петро, – сказал он мужику, – а то левая рука выскочит.

– Ладно, – мотнул головой Петро, – ты больно-то не горячись, мы ведь для близиру.

Спотыкаясь, пошел вперед, и на губах его застыла светлая улыбка.

Пристав толкнул его на крыльцо холодной и ударил по голове тростью.

По щеке зазмеилась полоска крови.

– Эй, – крикнул грозно Петро, – ты что делаешь! – и, схватив замахнувшуюся трость, сломал о худощавое колено пополам.

– Ты не хрындучи! – затопал пристав. – Я тебя, сукин сын, в остроге сгною!

– Видал?.. – показал ему кулак Петро. – Мы такую шваль-то видывали.

– Молчать! – крикнул, покраснев, как вареный рак, и ударил его по щеке.

Петро размахнулся, и кулак его попал прямо в глаз приставу.

Покачнулся и упал с крыльца в грязь. Над бровью вскочила набухшая шишка, и заплывший глаз сверкнул, как кровавое пятно.

– Ой, караул! – закричал он и, поднявшись на корточки, побежал к Пасику.

– Ну, дед, сиди, – сказал Петро, – а я теперь скроюсь, а то, пожалуй, найдут, по обличию узнают.

– Прощай, Петро, – обернулся дед, подавая развязать руки. – Мне теперь, видно, капут – дух вон и лапти кверху.

– Прощай, дед. Спасибо тебе за все доброе, век не забуду, как ты выручил меня в Питере.

– Помнишь?

– Не забуду.

Обнявшись, с кроткой печалью сняли шапки и расстались.

– Жалко, – ворчал Петро, – таких и людей немного остается.

Дед Иен велел сторожу открыть дверцу холодной и, присев на скамейку, стал перевертывать онучи.

– Бабка-то теперича у кого твоя останется? – болезно гуторил сторож.

– Э, родной, об этом тужить неча, общество знает свое дело. Не помрет с голоду.

– Так-то так, а как постареет, кто ходить за ней станет?

– Найдутся добрые люди, касатик. Не все ведь такие хамлеты.

Говор смолк. Слышно было, как скреблась за переборкой мышь. В запаутинившееся окно билась бабочка.

Наутро к селу с гудом рожков подъехали стражники. В руках их были плети и свистки.

Впереди ехал исправник и забинтованный пристав. Подъехали к окну старосты, собрали народ и стали читать протокол.

– «Мы обязываем крестьян села Чухлинки выдать нам провожатого при аресте крестьянина Иена Иеновича Кавелина, – громко и раздельно произнес исправник. – В противном случае общество понесет наказание за укрывательство».

– На вас креста нет, – зашумели мужики. – Неужели мы будем смотреть, кого кто-либо из вас посылает с каким поручением. Гляди на нас, – обернулись все лицами к приставу, – узнавай, кого посылал вчера.

– Мошенники! – кричал пристав. – Мы вас на поселение сошлем!

– Куда хошь ссылай, нам все одно. Кому Сибирь, а нам мать родная.

Деда Иена привели на допрос под конвоем.

– Так ты заявляешь, Кавелин, что совершил убийство без посторонних?

– Да.

– В какую пору дня вы его убили?

– В полдень.

– Имеешь ли оправдания, при каких обстоятельствах совершилось убийство?

– Все имеем, – закричали мужики.

– Молчать! – застучал кулаком исправник.

– Вам известно, – сказал дед Иен, – болей я говорить не стану.

– Тридцать горячих ему! – закричал пристав и, вынув зеркало, поглядел на распухшую, с кровоподтеками губу.

Два стражника повалили его на землю и,

расстегнув портки, навалились на ноги и плечи.

Взмахнула плеть, и по старому желтому телу вырезалась кровавая полоса.

– Кровоопийцы! – кричали мужики, налезая на стражников и выламывая колья.

– Прошу не буяннить, – обратился исправник. – Староста, вы должны подчинить их порядку. Остановите.

– Братцы, крикнул староста, – все равно ничего не поделаешь! Угомонитесь на минутку.

– Ишь какой братец заявился, – крикнул кто-то. – Сказали ему, а он и рад стараться.

Деда Иена подняли и развязали руки. Дрожая и путаясь руками, он стал застегивать портки.

– Прощайте, братцы, – кричал он, снимая шапку, – больше не свидимся.

– Прощай, – как стон, протянули мужики и с поникшими головами смотрели, как два стражника, посадив его на телегу, повезли в город.

Карев, прощаясь, сунул в руку деду пачку денег.

– Возьми обратно, – крикнул стражник. – Не полагается. Опосля суда...

Лимпиада стояла на колымаге и, закрывшись руками, вздрагивала от рыданий.

– Поедем, – сказал он ей, когда стражники скрылись за селом.

– Едем, – сказала она и, дернув вожжи, поворотила лошадь на проулки.

День заутренне гудел, и с бора несся неугомонный шум.

– Ну и изверги! – говорил Карев. – В глазах хватают за горло, кровь сосать.

По дороге летели звенящие паутинки и пряжей обвивали космы верб.

– Н-но, родная, – потрагивал Карев вожжами. – Тут, чай, за спуском недалече. Ну, как же ты думаешь? – спросил, обернувшись, заглядывая Лимпиаде в глаза. – Ведь ждать, кроме плохого, ничего не дождешься.

Лимпиада молчала, и ей как-то сделалось холодно от этого вопроса. Она сжалась комочком и привалилась к головням.

– Какое бесцветное небо, – сказала она после долгого молчания. – Опять гроза будет.

Глава четвертая

Карев решил уйти. Загадал выплеснуть всосавшийся в его жилы яровой дурман.

В душе его подымался ветер и кружил, взбудораживая думы.

Жаль ему было мельницы старой.

Но какая-то грусть тянула его хоть поискать, не оставил ли он чего нужного, что могло пригодиться ему в дороге.

«Сходи, взгляни и, не показываясь, уходи обратно. Так надо, так надо».

После этого на другой день Лимпиада заметила на лбу его складку, которой никогда не видела.

– Милый, ты о чем-нибудь думаешь? – спросила она. – Перестань думать. Ты видишь, я тебя люблю, ничего не требую от тебя, останься только здесь, послушай хоть раз меня, ты уйдешь, я сама скажу, когда почую, что тебе уходить надо.

– Любая моя белочка, – говорил, лаская ее, Карев. – Ты словно плотвичка из тесного озера синего, которая видит с мелью ручей на истоке и, боясь гибели, из того не хочет через него выплеснуться в многоводную речку. Послушай ты меня хоть раз, выпутай свои

космы из веток сосен, отрежь их, если крепко они запутались. Я ведь и без кудрей твоих красивых буду любить тебя. Оденься ты странницей, возьми из своего закадычного друга яра посох и иди. Ты можешь ведь весь этот яр унести с собою. Ты не бойся, что что-нибудь забудешь, – сердце ничего не теряет.

– Яр аукает, отвечает эхом, но никогда не принимает, что говорят ему. Он отдает слова обратно, – сказала Лимпиада. – Если бы я была водяницей, я бы заманула тебя в омут и мертвого стала бы ласкать. Но я лесная русалка, полюбила тебя живого, тут и я несчастлива и ты.

– Эй вы, голуби! – крикнул Филипп. – Полно вам ворковать, помогли бы мне побросать на сушило сено, я бы вам спасибо сказал и чаем напоил.

– Дешево же ты, воробей, платишь, – засмеялся Карев и, подпоясав кушак, надел пахнущие кирпичом желтые рукавицы.

Анна спеленала своего первенца свивальником, надела на бессильную головку расшитую калпушку и пошла к бабке на зорю.

Не спал мальчик, по ночам все плакал и таял, как свечка.

Вошла в низенькую, с короткими сенцами хату и, став около порога, помолилась Богу.

– Здорово, бабушка.

– Поди здорово, касатка. Чего скажешь?

– Не спит он. Заговорить пришла, просто никак за ним не уходишь.

– Погоди, погоди, родимая, сейчас бросим камешки, жив ли он будет...

Боялась, что последняя радость покинет ее.

Бабка налила в полоник воды и бросила туда из жаровни засопевшие угли.

– С глазу, с глазу дурного, касатка, мучается младенчик. Люди злые осудили.

Достала из сумочки, пришитой к крестовому гайтану, три камешка и, посупив их, кинула в воду.

– Помрет, – сказала. – Не жилец на белом свету.

Анна побледнела и ухватила за сердце.

– Бабушка, обмани хоть меня, – рыдая, судорожно забилась. – Не отнимай надежду мою.

– Погоди, касатка, сейчас на зорю сходим,

может, ему и полегчает.

Вышли на крыльцо. Багрянец пенился в сини и красил кровью облака.

Бабка взяла ребенка и, повернув лицом на закат, стала заговаривать:

– Заря-зоряница, красная девица. Перва заря вечерошная, вторая полуношная, третья утрошная. Вынь, Господи, бессонницу у Алексея-младенца. Спаси его, Господи, от лихова часу, от дурнова глазу, от ночнова часу. Вынь, Господи, его скорби изо всех жил, изо всех член.

«Умрет, умрет, – колола тоска Анну. – Опять одна... опять покинутая...»

– Ты не болезнуй, сердешная, может, с наговору-то и ничего не будет.

Прижала к груди, ножки его в кулачок и грела... в закрытые глаза засматривала.

– Милый, милый, малюсенький.

Шла, как ветер нес. Вдруг Епишка повстречался.

– Где была, куда Бог носил? – подошел он, заглядывая на ребенка.

– На заговор ходила.

– Ути, мой месяц серебряный, как свернул-

ся-то... Один носик остался. Ты не плачь, Аннушка, – обратился он к ней, – а то и я плакать буду, ведь он мне что сын родной.

– Ох, Епишка, сердце мое не вынесет, если помрет он. Утоплюсь я тогда в любой канаве.

– Ты, голубушка, не убивайся так, может, Господь пожалеет его. Ты себя-то береги, пока жив он.

– Карев ушел, – сказал Филипп. – Он тебе, Липа, не говорил, когда вернется?

– Он, вишь, пристал к варнакам охотиться, – ответила Лимпиада. – Верно, после вырочки.

– Экий расслоняй, все время бегаёт по ветру.

Лимпиада сидела за столом и ткала холсты.

– Я хотел с тобой поговорить, Липа, – начал Филипп. – За Карева, я чую, ты не пойдешь замуж, а оставаться в девках тебе невозможно... Ваньчок вот все просит твоего согласия, а то хоть завтра играй свадьбу...

– Что ты привязался с своим Ваньчком, разве мне еще женихов нету?

– Вот чудная такая! Ведь я знаю, что тебе

советую. Ваньчок возьмет тебя, ты опять при мне останешься. Случись что со мной, если ты не выйдешь, тебя погонят ведь отсюда. А с ним... У него деньги...

– На что мне они, его деньги? – бросила Лимпиада. – Ими горло ему надо засыпать.

– Ну, как хошь, я тебя не насилую...

Филипп стал на лавочку и обмел на потолке копотные паутины. Веник осыпал березовые листья и разносил пряный пах. В окно стучался ветер.

С крыши срывалась солома и, закружившись, ныряла в чащу.

Летели листья, листья, листья и, шурша, о чем-то говорили.

– Пожар, – сказал Филипп, указывая на огненную осину. – Вот что делает холодная пора-то.

«Хорошо, – с сверкающими глазами подумала Лимпиада. – Лучше сгореть с этим бормом, чем уйти от него...»

Ветер подсвистывал.

Карев ушел... Он выбрал темные ночи бабьего лета, подлинней расчесал свою бороду

и надел ушастую шапку.

Сердце его билось, когда он подходил к своему селу; под окнами сидели девки и играли с ребятами в жгуты.

Боялся, оглядывался и нерешительными шагами стал подходить к дому. Подкрался к вербе и стал всматриваться; горел огонь.

Из окна выглянула соседка.

– Епишка, – окрикнула она его, – поди почитай письмецо.

Пристыл, но, спохватившись, быстро зама- хал на конец села.

Было тихо, и лишь изредка лаяли собаки. С реки подымался туман и застилал землю.

Сел околь гумна и глядел на жевавшую желтую траву лошадь.

– Дзинь-дзинь, – позвякивала она, прыгая, железным путом и, подняв голову, гривой ма- хала.

– Коняш, коняш, – захрипел за плетнем старческий голос, и зашлепала оброть.

Как будто обжог почуял и бросился, зарыв- шись с головой, на солому.

Старик тпрукал лошадь и, кряхтя, отчали- вал путо.

Стук копыт стал таять, и звенящая тишина изредка нарушалась петушьим криком.

Свежо, здорово, стелился туман.

Когда Анна вернулась, мальчику сделалось еще хуже. Она байкала его, качала, прижимая к груди, но он метался и опускал свислую головку.

Подстелив подушечку, положила на лавку и заботливо прислоняла к головке руку.

Что-то пугало ее, что-то грозило, и она вся трепетала при мысли, что останется одна.

Мальчик качнул головкой, дернул, вздрагивая ножками, и пустил пенистую слюну.

– Ах! – вскрикнула она и ухватилась за сердце.

Ноги ее сползли, и вся она грохнулась на пол.

Подбежал котенок и, покачивая бессильные пальцы, начал играть.

Через минуту она встала и уставилась в одну точку.

Понемногу она успокаивалась, но по крови ее желчью разливалась горечь и будила какую-то страшную решимость.

Она случайно повернулась к окну – и вся похолодела. У окна, прилепившись к стеклу, на нее смотрело мертвое лицо Кости и, махнув туманом, растаяло.

– Зовет, – крикнула она, – умереть зовет! – и выбежала наружу.

Рассвет кидал клочья мороки, луга курились в дыму, и волны плясали.

В камышах краснел мокрый сарафан, и на берегу затона, постряв на отцветшем татарнике, трепался на ветру платок.

Черная дорога, как две тесьмы, протянулась, резко выдолбив колеи, и вилась змеей на гору.

С горы, гремя бадьей и бочкой, спускался водовоз.

Глава пятая

Сказал старый Анисим игумену:

– Пусти меня домой, ради Бога, ноет вот тут, – указывал он на грудь. – Так и чую, что случилось неладное...

– Иди, Бог с тобой, – благословил его игумен. – Святые отцы и те врачивались заглянуть на своих родных.

Накинул Анисим подрясник, заломил свою

смятую скуфью и поплелся, сторбившись, зелеными шелковыми.

Идет, костылем упирается, в небо глядит, о рае поет, а у самого сердце так и подсасывает – что-то там дома творится?

Проезжие смотрят – всем кланяется и вслед глядит ласково-ласково.

На тройке барин какой-то едет, поравнялся, спрашивать стал:

– Разве ты меня знаешь – кланяешься-то?

– Нет, не знаю, и не тебе кланяюсь, – лику твоему ангельскому поклон отдаю.

Улыбнулся барин, теплая улыбка сердце согрела. Может быть, черствое оно было сердце, а тут растопилось от солнца, запахло добром, как цветами.

– Прощай, старичок, помолись за меня угодникам да вот тебе трешница, вынимай каждый день просфору за раба Божьего Сергея.

– Не весна, а весной пахнет. Свете тихий, вечерний свет моей родины, прими наши святые славы, – шепчет он.

И опущенные белые усы ясно вырезают разрез посинелых губ.

– Здорово, дедушка, – встретили его у околицы ребятишки. – Анны-то нету дома... утопилась намедни она, как парень ее помер; заколочен дом-то ваш.

Вдруг почувствовал, ноги подкашиваются, и опустился.

– Устал, дедушка, посиди, мы тебе табуретку принесем.

– Спасибо, родные, спасибо, немного осталось, хоть на корточках доползу.

Встал и, еще более сторбившись, поплелся мимо окон; ребятишки растерянными глазами провожали.

Прохожие останавливались.

– Ой, Анисим, Анисим, не узнаешь тебя, – встретила у ворот соседка. – Поди закуси малость, небось ведь замытарился, болезный.

Слезу утирает, на закат молится.

– Как тебя Бог донес такую непуть? Ведь холод, чичер, а ты шел.

Ничего Анисим не ответил, застыл от печали глубокой.

С пьяной песней в избу вошел Епишка.

– «Я умру на тюремной постели, похоронят меня кое-как...» Мое почтенье, челом бью, де-

душка Анисим, прости, что пою песню, я ведь теперь все на панихидный лад перевожу...

– Присаживайся, – подставила хозяйка скамью, – гостем будешь, вместе горе поделим, мы все ведь какие-то бесталанные.

– Прото и пою, тетень, эх-а!.. «А, судьба ль ты моя роковая, до чего ж ты меня довела...» Не могу, ей-богу, не могу... Слезы катятся, а умирать не хочется. Ведь могила-то когда хошь приют даст, жить бы надо, да что-то как жестянка ломается жизнь моя, и не моя одна. Ты, дедушка, меня в монахи возьми, можа, я там хоть пить перестану. Ведь там нет вина, стены да церковь.

– Убежишь, – засмеялась старуха. – Не лезь уж, куды не надо. Так живи.

– Не хочу я так-то жить, мочи моей не хватает, с тоски помру.

Епишка был пришляк на село, он пришел как-то сюда вставлять рамы и застрял здесь. Десять лет уж минуло.

Где-то в дальней губернии у него осталась жена, которая пустила его на заработки.

Каждый год Епишка собирался набрать денег и отослать жене на перестройку хаты,

но деньги незаметно переходили к шинкарке Лексашке, и хата все откладывалась.

Каждое Рождество он писал домой, что живет слава Богу, что скоро придет денег и заживет, как пан.

Но опять выпадал какой-нибудь невеселый для него день, и опять домой писалось коротенькое письмо с одним и тем же содержанием.

Жена его знала эту слабость, она писала ему, чтоб он вернулся, что дом давно перестроен, но он никогда не читал дальше поклонов. Не хотел, а может быть, и наперед чуял, что пишут.

– Возьми меня, дедушка, ради Бога возьми, там ведь жалованье платят, может, скоплю сколько-нибудь, домой пошлю.

Анисим молчал и грустно покачивал голову.

– Ты сегодня, Епишка, пьян, завтра ты по-другому скажешь. Ты лучше вот что я тебе посоветую, выпишывай сюда жену да живи на моей усадьбе. Дом-то мой ведь первый на селе. Я подпишу тебе все, ничего не оставлю. А коли помру, если хватит доброй сове-

сти, поставь мне крест на могилу.

– Родной ты мой, – упал Епишка на колени. – Спаситель, как мне тебя благодарить?

– Встань, Епишка, – сказал Анисим. – Пустое все это, ведь мне все равно ничего не надо. Ты закусывай лучше сейчас, ведь небось после Анны тебя никто не накормил.

– Нет, – всхлипнул Епишка, – разве я пойду просить... Стыдно... Была Анна, так она все понимала... Царство ей Небесное, хорошая баба была.

Хозяйка начала рассказывать, как вытащили Анну из воды.

– Отец ты мой родной, – приговаривала, прищлепывая губами. – Как положили два гроба-то рядом, инда сердце кровью обливалось.

– Ты посмотри, – указал Епишка на разрубленный палец. – Гроб делал... Как вспомню, что делаю для Анны, топор из рук валится и рубанок не стругает... Отцапал ведь до самой кости.

Анисим решил пождать жену Епишкину. «Пропьет еще все, – думал он. – Баба-то лучше удержит».

Через неделю им пришел ответ, что жена Епишки три года тому назад померла, а оставшаяся вдовой дочь продала все пожитки и едет.

«Как же так? – думал Епишка. – Неужели я три года не писал?..»

Он как-то состарился, съежился и жалел, что Анисим подписал ему свое имущество.

«Охо-хо! – думал он. – Уехал, девке-то десять годов было, уж вдова стала. Вот она какая жисть-то, самому сорок годов стукнуло, а я все думал – тридцать».

«Как же она замуж вышла? – спрашивал себя. – И откуда набрали денег, когда присылу не было?.. Впрочем, что же, баба была здоровая, за семерых работать могла...»

Через два дня Епишка встретил на телеге молодую бабу и с слезами бросился целовать ее.

Старый Анисим сам не одну смахнул слезу. Жалко ему было Епишку... Мыканец он.

«И в кого она у меня такая красивая, – думал Епишка, – ни на меня, ни на мать не похожа».

– Ты теперь брось пить-то, – говорил Ани-

сим. – А ты, родная, поудерживай его, слаб он...

– Дедушка, ей-богу, одну рюмочку, с радости. Ведь я сейчас словно причастился, весь мир бы обнял, да головы у него нет.

Дочь Епишки улыбалась и, налив себе рюмку, почомкалась.

– Ты ведь у меня единая, ненаглядная моя. Мы теперь тебе такого жениха сыщем, какой тебе и во сне не снился.

Погорбился старый Анисим за эту неделю, щеки ввалились, а подбородок качался, будто шептал.

Простился с Епишкой и дочерью его и пошел опять с костылем, сгорбившись еще ниже.

– Ты как-нибудь, папаша, лошадь купи, – говорила Марфа отцу, – пахать станем.

– Теперь мы с тобой заживем, Марфунька, – говорил Епишка. – Земли у нас много, хлеба много, скота семь голов рогатого, лошадей только, жаль, увели. Недоглядки.

Плетется Анисим, на солнце поглядывает, до захода в монастырь надо попасть.

По дорожке воронье каркает, гуси в межах на отлет собираются.

Пришел в келью, к игумену, пыльный с дороги, постучался.

– Благослови, отче... Вернулся. Теперь не пойду.

– Ну что, не обмануло тебя сердце твое?

– Нет, отче, сноха утонула. Господь меня надоумил сходить... Господь.

– Ты отдохни поди, вишь, как выглядишь плохо. А что ж старуха-то твоя не вернулась?

– Нима, отче; видно, к угодникам в подножие улеглась. Сильная духом была, знал я, что ей не вернуться.

В келью пришел свою, на столе просфора зачерствелая, невынутая.

Кусает зубами качающимися, молитву хлеба насущному читает.

И опять все как было: на стене скуфья на гвоздике, у окошка на подставочке цветы доморощенные не поливаны.

На мешочном тюфяке в дырки солома выбилась, в коричневых выструганных сучьях клопы гнездятся.

– Слава тебе, Христе Боже наш, слава тебе.

Около рукомойника рушничок висит, покойная сноха вышивала.

– Всех похоронил, теперь самому на покой пора. Ой, как тяжело хоронить!

Захолодало. По селу потянулись с капустой обозы.

Хорошо молиться в осень темной ночи за чью-нибудь непутевую душу.

Обронили вербы четки зеленые, красной подернулись листья – удила шелковые.

Вечер. Голоса на дороге про темную ночь поют.

Прощай, ты, пора нудная, томящая. Вылила ты из пота нашего колосья зернистые, кровью нашей напоила ягоды свои.

Марфа принялась за хозяйство. Сперва ей казалось все как-то по-чуждому. Ночью она не могла дверь найти спросонья, вместо порога к загнетке печной забиралась.

Стало подсасывать что-то опять Епишку, не сиделось ему дома, горько было на чужое добро смотреть. Чужое несчастье на счастье пошло.

Ходил в лес, осин с кореньями натаскал,

а потом у окошка стал рассаживать.

– Марфунька, – кричал он, запихивая в землю скрябку, – воды неси поливать.

Люди засматривали, головой покачивали.

– Что это с Епишкой-то случилось: дочь привез, вино бросил пить и в церковь ходит.

В монастырь бегал причащаться, всю дорогу без одышки бежал.

– Так ин, – говорит, – лучше Бог простит все... да и думы грешные в голову не полезут.

Старый Анисим просфорочку ему дал, советовал лучше кобылку купить, чем мерина.

– Ты кобылу-то купишь – через три года две лошади, ой, ой, каких будешь иметь!

Послухался Епишка старого Анисима, пришел домой и сказал Марфе, что хочет кобылку купить.

В базарный день повели продавать двух коров и выручили три сотни.

– Теперь ты, папаша, в город иди, там-то, чай, лучше купишь.

Снарядила Марфа отца в дорогу, зашила деньги в подштанники и проводила.

Приковылял Епишка в город, в трактир-

чик зашел отогреться. Люди винцо попивают, речи деловые гуторят. Подсела к Епишке девушка какая-то, наятная такая, целоваться лезет.

– Жисть свою пропиваю! – кричит Епишка. – Хорошая ты моя, жалко мне тебя, пей больше, заливай свою тоску, не с добра, чай, гулять пошла.

Когда на другое утро Епишка полез в кошелек купить калачика, там валялась закрытая бумажкой единая заплесневелая старинная копейка.

Ждала Марфа отца и ждать отказалась, уж замуж успела выйти, мужа к себе приняла, а он как в воду канул.

Через два года, в такое же время, она получила письмо от него:

«Добрая доченька, посылаю тебе свое родительское благословение, которое может существовать по гроб твоей жизни и навеки нерушимо.

Дорогая Марфенька, об деньгах прошу тебя не сумлеваться, скоро приеду домой. Кобыла тут у меня на примете есть хорошая, о двух сосунков. Как только вернусь, заживем опять с тобой на славу».

Карев запер хату и пошел в другой раз к сторожке. Лимпиада просила оставить на память вырезанную им солоницу.

Филипп окапывал завалинку и возил на тачке с подгорья загрубелую землю.

– Отослал Иенке денег ай нет? – спросил он, не оборачиваясь, поправляя солому.

– Отослал... сам возил, прощаться ездил.

– То-то долго-то.

– Да.

– Ну, входи, – сказал Филипп. – Ваньчок приехал, чай пьют, дожидаются.

Ваньчок сидел в углу с примасленными, расчесанными на ряд волосами и жевал пышку.

Когда Карев ступил на порог, он недовольно поглядел на него и, приподняв руками блюдечко, чуть-чуть кивнул головой.

– Принес? – спросила Лимпиада и с затаенной болью, нагнувшись, стала рассматривать рисунки.

На крышке было вырезано заходящее солнце и волны реки.

Незатейливый рисунок очень много гово-

рил Лимпиаде, и, положив солонку на окно, она задумалась.

Карев подвинул стакан к чайнику и налил чаю.

– Ну, ты что ж молчишь? – обратился он к Ваньчку. – Рассказывай что-нибудь.

– Чего рассказывать-то? – протянул Ваньчок. – Все пересказано давно.

– Ну, – засмеялся Карев, – это ты, наверно, не в духе сегодня. Ты бы послушал, как ты под «баночкой» говоришь, ты себя смехом кропишь и других заражаешь.

– Лучше Фильке пойду подсоблю, – сказал он, надевая картуз и затягивая шарф.

Когда Ваньчок вышел, Карев поднял на Лимпиаду глаза.

– Идешь? – спросил глухо он. – Я ухожу послезавтра. Пойдем. Жалеть нечего.

Лимпиада свесила голову и тихо, безжизненно прошептала:

– Иди, я не пойду.

– Прощай. Больше, я думаю, говорить тебе нечего.

Лимпиада загородила ему дорогу и повис-

ла, схватившись за него, на руках.

– Не уходи, милый Костя, – ради всего святого, пожалей меня.

– Нет, я не могу оставаться, – сказал Карев и отдернул ее руку.

На пороге показался Филипп.

– Ты что же, совсем уходишь?

– Да, совсем, проститься зайду. Не поминайте лихом, а если сделал чего плохого, то прошу прощенья...

Когда Карев ушел, Лимпиада проводила Филиппа к Ваньчку, а сама побежала на мельницу.

Хата была заперта, и на крыльце на скамейке лежала пустая пороховница.

«Куда же ушел?» – подумала она и повернула обратно. Вечерело. Оступилась в колею и вдруг, задрожав, почувствовала, что под сердцем зашевелился ребенок.

– Ох! – вскрикнула тихо и глухо, побежала к дому, щеки горели, платок соскочил на плечи, но она бежала и ничего не замечала.

В открытых глазах застыл ужас, губы подергивались как бы от боли.

Прибежала и, запыхавшись, села у окна.

«Зачем же я бежала? Господи, откуда эта напасть? Что делать мне... что делать?..»

Думы вспыхивали пламенем и, как разбившаяся на плесе волна, замирали.

«Вытравить, избавиться», – мелькнула мысль. Она поспешно подбежала к печурке.

«Преступница», – шептал какой-то голос и колот, как шилом, в голову.

«Господи, – упала она перед иконой, – научи!»

На брус – для мора тараканов, в синей бумажке, – в глаза ей бросилась спорынья.

С лихорадочной дрожью наскребла спичек и смешала с спорыньей.

Когда цедила из самовара воду, в ней была какая-то неведомая ей дотоле решимость.

Без страха поднесла к губам запенившуюся влагу и выпила.

Чашка, разбившись, зазвенела осколками, и, свалившись на пол плашмя, Лимпиада забила, как в судороге.

Волосы, сбившись тонкими прядями, рассыпались по полу и окропились бившей клоушьями с губ пеной. Под окном ворковали голуби, и затихший бор шептался о чем-то злове-

Щем.

Лицо ее было как мел, и на нем отражалась лесная зеленая дремь.

Филипп не поехал к Ваньчку, он встретил чухлинского старосту и пошел оглядывать на-меднишнюю вырубку.

Щепа пахла ладаном, на голых корнях в вырубях сверкала вода.

– Тут надо бы примерить, – сказал староста. – Сбегай-ка до дому за рулеткой.

Филипп сломил ветку калинника и побег к сторожке.

Чукан, свернувшись в кольцо у ворот, хотел схватить его за ногу.

В голову ударило мертвечиной, на полу в луже крови валялась Лимпиада – и около нее разбитая чашка.

– Отравилась!.. – крикнул, как журавль перед смертью, и побежал к колодцу за холодной водой.

Поливал ей на грудь, пальцем разжимал стиснутые зубы.

Холодел.

Склонившись на колени, закрылся руками

и заголосил по-бабьему.

– Ой, не ходила бы девка до мельника, не развивала бы свою кудрявую косу, не выскакивала бы в одной сорочке по ночам, не теряла бы ты девичью честь.

Ползал, подымал осколки чашки и подносил к носу.

– Ох ты, бесталанная головушка, при тебе спорынья в поле вызрела, и на погибель ты свою ее пожинала.

Ваньчок трепал за ухо своего подпaska.

– Ты опять, негодяй, потерял ярку. Ищи, хая твоя поганая, до смерти захлыщу.

– Я, дя-аденька, ни при чем, – плакал Юшка. – Вот те Христос, не виноват...

– Я те, сволочь, покажу, как отказываться. Ишь сопляк какой подхалимный!

Возбужденный опять неудачей, напился к вечеру пьян и поехал опять сватать Лимпиаду.

Около околицы ему слышалось, что Филипп поет песню.

Он слез с телеги и, качаясь, выгаркивал осипло «Веревочку»:

*Эх, да как на этой на веревочке
Жисть покончит молодец...*

С концом песни ввалился в избу и остолбенел.

– Это он! – крикнул с брызгами пены у рта. – Это он... Он весь яр поджег, дымом задушил...

Красные глаза увидели прислоненную к запечью берданку.

Голова закружилась безумием и хмелем.

Схватив берданку, осмотрел заряды и выбежал на дорогу.

Ветер ерошил на непокрытой голове волосы и спускал на глаза.

Хвои шумели.

Вечерело. Карев ходил набрать грибов. Заготавливал на отход.

Шел с грустной думой о Лимпиаде и незаметно подошел к дому.

В хате светился огонь, и на полу сырой картошкой играл кот.

На крыльце он увидел темную тень и подумал, что его кто-то ожидает.

Прислоненная к перилам тень взмахнула ружьем.

«Филипп, – подумал Карев, – на охоту, видно, напоследок зовет...»

Грянул выстрел, и почуял, как что-то кольнуло его и разлилось теплом.

Упал... по телу пробегла дремная слабость. Показалось еще теплее, но вдруг к горлу хлынуло как бы расплавленное олово, и, не имея силы вздохнуть, он забился, как косач.

Стихало... От дороги слышались удаляющиеся шаги. Месяц, выкатившись из-за бугра долины, залил лунию крыльцо и крышу.

– Ку-гу, ку-гу... – шомонила за мельницей сова.

1915

У Белой воды

1

Лето было тихое и ведренное, небо вместо голубого было белое, и озеро, глядевшее в небо, тоже казалось белым; только у самого берега в воде качалась тень от ветлы да от избы Корнея Бударки. Иногда ветер подымал по песку целое облако пыли, обдавал ею воду и избы Корнея, а потом, когда утихал, из песка, чернея, торчали камни на выветренном месте; но от них тени не было.

Корней Бударка ловил по спуску реки рыбу, а жена его Палага изо дня в день сидела на крылечке и смотрела то в ту сторону, где, чернея, торчали камни на выветренном месте, то на молочное небо.

Одинокая ветла под окошком роняла пух, вода еще тише обнимала берег, и не то от водяного зноя, не то оттого, что у нее самой во всем теле как бы переливалось молоко, Палага думала о муже, думала, как хорошо они проводили время, когда оба, прижавшись друг к другу, ночевали на сеновале, какие у него синие глаза, и вообще обо всем,

что волновало ей кровь.

Рыбаки уплывали вниз по реке с Петрова дня вплоть до зимних холодов. Палага считала дни, когда Корней должен был вернуться, молила св. Магдалину, чтобы скорей наставали холода, и чувствовала, что кровь в ней с каждым днем начинает закипать все больше и больше. Губы сделались красными, как калина, груди налились, и когда она, осторожно лаская себя, проводила по ним рукой, она чувствовала, что голова ее кружится, ноги трясутся, а щеки так и горят.

Палага любила Корнея. Любила его здоровую грудь, руки, которыми он сгибал дуги, и особенно ей нравились его губы.

Перебирая прошлое, Палага так сливалась с Корнеем мысленно, что даже чувствовала его горячее дыхание, теплую влагу губ, и тело ее начинало ныть еще сильнее, а то, что так было возможно, казалось ей преступлением. Она помнила, как она клялась Корнею, что хотя раз оборвешь, то уже без узла не натянешь, и все-таки, скрывая это внутри себя, металась из стороны в сторону, как связанная, и старалась найти выход.

Опустив голову на колени, она смотрела, как за высокой горой тонуло солнце. Свечерело уже совсем, и по белой воде заскользила на песчаный островок, поросший хворостом, утлая маленькая лодочка. Мужик сидел в лодке, вылез и, изгибаясь, стал ползать по песку.

В Палаге проснулось непонятное для нее решение... Она отвязала причало от челна, руки ее дрожали, ноги подкашивались, но все-таки она отправилась на островок. Взмахнув веслами, она почти в три удара обогнула островок и, стоя на носу, заметила, что мужик на песке собирает ракуши. Она глядела на него и так же, как в первый раз, трепетала вся.

Когда мужик обернулся и, взглянув на нее своими рыбьими холодными глазами, ехидно прищурился, Палага вся похолодела, сжалась, страсть ее, как ей показалось, упала на дно лодки. «Окаянный меня смущаить!» – прошептала она. И, перекрестившись, повернула лодку обратно и, не скидывая платья с себя, бросилась у берега в воду.

Был канун Ильина дня. С сарафана капала вода, когда она вошла в избу, а губы казались

синими. Мокрыми руками она достала с божницы спички, затеплила лампадку и, упав на колени, начала молиться. Но ночью, когда она легла в мокрой рубашке на кровать, тело ее снова почувствовало тепло, и снова защемило под оголенными коленями. Она встала, сбегала к реке, окунула горячую голову в воду и, чтобы забыться, начала вслушиваться, как шумит ветер. «Наваждение, – думала она, – молиться надо и пост на себя наложить!» Ветер крутил песок, вода рябилась, холодела, и, глядя на реку, Палага шептала: «Господи, да скорей бы, скорей бы заморозки!»

Утром чуть свет она отправилась на деревню к обедне. Деревня была верстах в шести от Белой воды, дорога вилась меж ржи, и идти было по заре, когда еще было легко и прохладно.

Ноги ее приустиали, она сняла с себя башмаки, повесила на ленточке через плечо, нарочно норовила, сверкая белыми икрами, идти по росе, и огонь, мучивший ее тело, утихал. В церкви она молилась тоже только об одном, чтобы скорее настали холода, и, глядя на икону прикрытой рубищем Марии

Египетской, просила у нее ее крепости одолеть свою похоть, но молитвенные мысли ее мешались с воспоминаниями о жгучей любви, она ловила себя на этом и, падая на колени, стучалась лбом о каменный пол до боли.

2

По дороге обратно идти ей казалось труднее, с томленного тела градом катился пот, рубаха прилипала к телу, а глаза мутились и ничего не видели. Она не помнила, как дошла до перекрестка объезжих дорог, и очнулась лишь тогда, когда догнавший ее попутчик окликнул и ухватил за плечо.

– Ты эфто, бабенка, дыляко пробираисси-то... а? – спросил он, лукаво щуря на нее глаза. – А то, можа, вместе в лощинке и отдохнем малость?

Палага не слышала его слов, но стало приятно идти с ним, она весело взглянула ему в глаза и улыбнулась. Лицо его было молодое, только что покрывшееся пухом, глаза горели задором и смелостью. Можно было подумать, что он не касался ни одной бабы, но и можно было предположить, что он ни одной не давал проходу.

– Таперича я знаю, – ты чья, – сказал он, пристально вглядываясь в лицо, – ты эфто, знычить, жена Корнея Бударки будешь... так оно и есть... Я тебе ище со свадьбы вашей помню. Славная ты, кык я ны тебе пыгличу. Эн лицо-то какое смазливое.

Палага подозрительно смерила его с ног до головы и сказала:

– Жинитца пора тебе, чем по полю прохожих-то ловить. За этакое дело в острог сажают.

Парень обидчиво приостановился и выругался:

– Сибе дороже стоять, чем ломать на всяку сволочь глаза свои!

Палага, обернувшись, захохотала:

– А ты и вправду думаешь, што я боюсь тебе?

Сказав, она почувствовала, как груди ее защемили снова, глаза затуманились. Она забыла, зачем ходила в церковь, ночью выскакивала окунать свою голову в воду. Когда парень взял ее за руку, она не отняла руки, а еще плотней прижалась к нему и шла, запрокинув голову, как угорелая; кофточка

на ней расстегнулась, платок соскочил.

– А должно, плохо биз мужа живецца-то, – говорил он, – я, хошь, к тебе приходит буду?

– Приходи!

Солнце уже клонилось к закату, тени от кустов были большие, но в воздухе еще висел зной, пахнувший рожью.

Палага опустилась на колени и села. Она вся тянулась к земле и старалась, чтобы не упасть, ухватиться за куст. Парень подполз к ней ближе, обнял ее за шею.

Уже в душе ее ничего не было страшного, и не было больно за то, что вот что-то порывается в ее жизни; она прилегла на траву и закрыла глаза. Чувствовала, как парень горячими щеками прилипал к ее груди, его немного горькие от табаку губы, и когда почувствовала его жесткие руки, приподнялась и отпихнула его в сторону.

– Не нужно, – сказала она, задыхаясь, и, запрокинув голову, опустилась опять на траву. – Не нужно, тебе говорю!

Когда она ударила парня по лицу, он опешил, и, воспользовавшись этим, она побежала, подобрав подол, к дому.

Парень отстал. На повороте она заметила только один его мелькавший картуз, пригнулась и быстро шмыгнула в рожь. Прижалась к земле и старалась не проронить ни звука.

Уже погасла заря, месяц выплыл с белыми рогами над полем, и небо из белого обратилось в темно-голубое, а она все сидела и не хотела вставать.

Когда ночь стала совсем голубая, когда уже звезды тухли, она осторожно приподняла голову и посмотрела на дорогу. Дымился туман, и свежесть его пахла парным молоком. Ей страшно было идти, – казалось, парень где-нибудь притаился во ржи у дороги и ждет.

Небо светлело, ветерок, налетевший с востока, поднялся к облакам и сдул последние огоньки мигающих звезд; над рожью вспыхнула полоса зари, где-то заскрипели колеса. Очнувшись от страха, Палага вышла на тропинку и, прислушавшись, откуда скрип колес, пошла навстречу.

Поравнявшись с подводами, она попросила, чтоб ее подвезли немного, до Белой воды. Баба, сидевшая на передней телеге, остановила лошадь и покачала головой:

– Как же это ты ни пужаисси-то? Ночь, а ты бог знаить анкедова идешь... По ржам-то ведь много слоняютца, лутчай подождать бы.

– Я ждала, – тихо ответила Палага, – привязался тут ко мне один еще с вечера. Все во ржи сидела, ждала, хто поедить...

– То-то, ждала.

Когда баба под спуском на Белую воду повернула в левую сторону, Палага слезла, поблагодарила ее и пошла к дому. Башмаки от росы промокли, пальцы на ногах озябли, но она не обращала на это внимания, ей было приятно сознавать, что грех она все-таки поборола.

Вдруг вся она похолодела: парень сидел на крылечке ее избы и, завидя ее, быстро и ловко стал взбираться на гору. Пока она пришла в себя, уже был подле нее и схватил за руки.

– Ты штошь эфто, – говорил он, ослабивая зубы, – сперва дразнишь, а потом хоронисси?.. Типерь ни отпущу уж тебе, кричи не кричи – моя.

Палага стояла с широко раскрытыми глазами; то, что ее давило, снова стало поды-

маться от сердца; и вдруг разлилось по всем жилам. Она поняла, взглянув на парня, что бежала не от него, скрывалась во ржи не от него. Оттолкнув его руки, она бессильно опустилась на землю. Парень навалился на ее колени; она плотно прикусила губу, и на подбородок ее скатилась алая струйка крови.

– Да ты штошь, этакая-разэтакая, долго будишь ны да мной издыватца-то?! – крикнул парень и, размахнув рукой, ударил ее по лицу.

И боль в ней вытесняла то, чего она боялась. Посыпавшимся на нее ударам она подставляла грудь, голову; виски ее заломили, она тихо застонала.

Ее опухшее в кровоподтеках лицо испугало парня, и, ткнув ее ногой в живот, он поднял свой соскочивший картуз, вытер со лба градом катившийся пот и пошел по дороге в поле.

Солнце поднялось высоко над водой, песок, на котором она лежала, сделался горячим, голова ныла от жары еще больше, губы спекались.

Приподнявшись кое-как на локти, она ста-

ла сползать к воде; руки царапались о камни, сарафан рвался. У воды, тыкаясь лицом, она обмыла запекшуюся на коже кровь, немного попила и побрела домой. На крыльце валялись окурки, спички и позабытый кисет. Взобравшись на верхнюю ступеньку, она села и обессиленно вздохнула.

3

Вода от холода посинела, ветла, стоявшая у избы Корнея, нагнулась и стряхнула в нее свои желтые листья. Небо подернулось облаками, река уже не так тихо бежала, как летом, а пенилась и шумела; Палага каждый день ждала мужа, и наконец он вернулся.

В тот день по воде шел туман. Когда Корней чалил у берега свою лодку, Палага не видела его из окна; она узнала лишь тогда, что он приехал, когда собака залаяла и радостно заскулила. Сердце перестало биться, ноги подкосились, и, задыхаясь, Палага выбежала ему навстречу.

Но она взглянула на него, и руки ее опустились. Корней был как скелет, из заросшего лица торчал один только длинный нос, щеки провалились, грудь ушла в плечи.

– Што с тобой?! – чуть не вскрикнула она и, скрестив руки от какого-то страшного предчувствия, остановилась на месте.

– Ничего, – болезненно улыбнулся Корней, – захворал малость, вот и осунулся!

В словах его была скрытая грусть.

Они вошли в избу. Он, не снимая шапки, лег на кровать и закрыл глаза. Палага легла с ним рядом, сердце ее билось. Прижимаясь к нему, она понимала, что делает совсем не то, что нужно, но остановить себя не могла.

Почувствовав ее дрожь, Корней приподнялся и с горькою улыбкой покачал головой.

– Силы у меня нет, Палага, болезнь, вишь, – и, глядя на ее сочную грудь, на красные щеки, гладил ее плечи и сбившиеся волосы.

С тех дней, как Корней не вставал с постели, Палага побледнела и даже подурнела, глаза глубоко ввалились, над губами появились две дугообразные морщины, кожа пожелтела.

– Надоел я тебе, – говорил, свешивая голову с кровати, Корней, – измаялась ты вся, так што и лица на тебе не стало.

Палага ничего не отвечала ему на это,

но ей было неприятно, что он мог так говорить. За ту любовь, какую она берегла ему, она могла перенести гораздо больше...

Корней догадывался, отчего гас ее румянец, отчего белели губы, и ему неловко и тяжело было.

Когда же река стала опруживать заволокой льда окраины и лодки пришло время вытаскивать на берег, Палага наняла на деревне для этого дела сына десятского Юшку. Приходило время поправлять попортившиеся за лето верши, и Юшка принялся за починку.

Подавая ему нитки, Палага ненароком касалась его рук; руки от работы были горячие, приятно жгли, и Палагу снова стало беспокоить. Стала она часто сидеть у кровати, на которой лежал Корней, и еще чаще сердце ее замирало, когда Юшка, как бы нечаянно, проходя, задевал ее плечи рукою.

Однажды ночью, когда Корней бредил своим баркасом, она осторожно слезла с лавки, на которой лежала, и поползла к Юшке в угол на пол.

За окном свистел ветер, рубашка на ее спине прыгала от страха. Юшка спал; грудь его то

подымалась, то опускалась, а от пушистого и молодого, еще ребяческого лица пахло словно распустившейся мятой. Подобравшись к его постели, она потянула с него одеяло, Юшка завозился и повернулся на другой бок.

В висках у нее застучало. Она увидела в темноте его обнажившиеся плечи. Осторожно взобралась она на постель. Юшка проснулся. В первый момент на лице его отразилось удивление, но он понял и, вскочив, обвинился вокруг нее, как вьюн.

Палага ничего уже не сознавала, тряслась как в лихорадке.

Когда она лежала снова на лавке, ей казалось, что все, что было несколько минут назад, случилось уже давно, что времени этому уже много, и ее охватила жалость, ей показалось, что она потеряла что-то. Затуманенная память заставила ее встать, она зажгла лампу и начала шарить под столом, на печи и под печью, но везде было пусто.

«Это в душе у меня пусто», – подумала она как-то сразу и, похолодев, опустилась с лампой на пол.

До рассвета она сидела у окна и бессмыс-

ленно глядела, как по воде, уже обмерзшей, стелился снег. Но как только она начинала приходить в себя, сердце ее занывало, она вспоминала, что жизнь ее с Корнеем обрвалась, что на радости их теперь лег узел, и, глядя на сонного Юшку, ей хотелось впиться ногтями в его горло и задушить.

Лицо Юшки было окаймлено невидимой, но все же понятной для нее бледностью, и, вглядываясь в него, она начинала понимать, что то, что отталкивало ее от него, было не в нем, а внутри нее, что задушить ей хочется не его, а соблазн, который в ее душе. Несколько раз она приближалась к спящему Корнею, но, глядя на его спокойно закрытые глаза, вздрагивала и, заложив руки за голову, начинала ходить по избе.

Когда рассвет уже совсем заглянул в окно, она испугалась наступающего дня; пока было темно, пока никто не видел ее лица и бледных щек, ей было легче; и вдруг ей захотелось уйти, уйти куда глаза глядят, лишь бы заглушить мучившее ее сознание.

Отворив дверь, Палага вышла на крыльцо и взглянула на реку. То место, где она обмы-

вала свои побои, было занесено снегом. Она вспомнила, насколько она была тогда счастливее, когда подставляла под взмахивающие кулаки грудь и голову, и, обхватив за шею стоявшую подле нее собаку, зарыдала.

Собака сперва растерялась, завиляла хвостом, но, почувствовав, что в горле у нее щекочет, завыла; и вой ее слился в один горький и тяжелый крик утраты.

1916

Бобыль и Дружок

*(Рассказ, посвященный сестре
Катюше)*

Жил на краю деревни старый Бобыль. Была у Бобыля своя хата и собака. Ходил он по миру, сбирал куски хлеба, так и кормился. Никогда Бобыль не расставался с своей собакой, и была у нее ласковая кличка Дружок. Пойдет Бобыль по деревне, стучит под окнами, а Дружок стоит рядом, хвостом виляет. Словно ждет свою подачку. Скажут Бобылю люди: «Ты бы бросил, Бобыль, свою собаку, са-

тому ведь кормиться нечем...» Взглянет Боббль своими грустными глазами, взглянет – ничего не скажет. Кликнет своего Дружка, отойдет от окна и не возьмет краюшку хлеба.

Угрюмый был Боббль, редко с кем разговаривал.

Настанет зима, подует сердитая вьюга, заметет поземка, надует большие сугробы.

Ходит Боббль по сугробам, упирается палкой, пробирается от двора ко двору, и Дружок тут бежит рядом. Прижимается он к Бобблю, заглядывает ласково ему в лицо и словно хочет вымолвить: «Никому мы с тобою не нужны, никто нас не пригреет, одни мы с тобою». Взглянет Боббль на собаку, взглянет – и словно разгадает ее думы – и тихо-тихо скажет:

– Уж ты-то, Дружок, меня, старика, не покинь.

Шагает Боббль с собакой, доплетется до своей хаты, хата старая, нетоплена. Посмотрит он по запечке, посмотрит, по углам пошарит, а дров – ни полена. Глянет Боббль на Дружка, а тот стоит, дожидается, что скажет хозяин. Скажет Боббль с нежной лаской:

– Запрягу я, Дружок, тебя в салазки, поедем

мы с тобой к лесу, наберем там мы сучьев и палок, привезем, хату затопим, будем греться с тобой у лежанки.

Запряжет Бобыль Дружка в салазки, привезет сучьев и палок, затопит лежанку, обнимет Дружка, приголубит. Задумается Бобыль у лежанки, начнет вспоминать прожитое. Расскажет старик Дружку о своей жизни, расскажет о ней грустную сказку, доскажет и с болью молвит:

– Ничего ты, Дружок, не ответишь, не вымолвишь слова, но глаза твои серые, умные... Знаю, знаю... ты все понимаешь...

Устала плакать вьюга. Реже стали метели, зазвенела капель с крыши. Тают снега, убывают.

Видит Бобыль – зима сходит, видит – и с Дружком беседует:

– Заживем мы, Дружок, с весной.

Заиграло красное солнышко, побежали ручьи-колокольчики. Смотрит Бобыль из окошка, под окном уж земля зачернела.

Набухли на деревьях почки, так и пахнут весной. Только годы Бобыля обманули, только слякоть весенняя старика подловила.

Стали ноги его подкашиваться, кашель грудь задавил, поясница болит-ломит, и глаза уж совсем помутнели.

Стаял снег. Обсушилась земля. Под окошком ветла распустилася. Только реже старик выходит из хаты. Лежит он на полатах, слезть не может.

Слезет Бобыль через силу, слезет, закашляется, загрустит, Дружку скажет:

– Рано, Дружок, мы с тобою тогда загадали. Скоро уж, видно, смерть моя, только помирать – оставлять тебя – неохота.

Заболел Бобыль, не встает, не слезает, а Дружок от полатей не отходит; чует старик – смерть подходит, чует – Дружка обнимает, – обнимает, сам горько плачет:

– На кого я, Дружок, тебя покину. Люди нам все чужие. Жили мы с тобой... всю жизнь прожили, а смерть нас разлучает. Прощай, Дружок, мой милый, чую, что смерть моя близко, дыханье в груди остывает. Прощай... Да ходи на могилу, поминай своего старого друга!..

Обнял Бобыль Дружка за шею, крепко прижал его к сердцу, вздрогнул – и душа отлете-

ла.

Мертвый Бобыль лежит на полатях. Понял Дружок, что хозяин его умер. Ходит Дружок из угла в угол, – ходит, тоскует. Подойдет Дружок, мертвеца обнюхает, – обнюхает, жалобно завоет.

Стали люди промеж себя разговаривать: почему это Бобыль не выходит. Сговорились, пришли – увидали, увидали – назад отшатнулись. Мертвый Бобыль лежит на полатях, в хате запах могильный – смрадный. На полатях сидит собака, сидит – пригорюнилась.

Взяли люди мертвеца, убрали, обмыли, в гроб положили, а собака от мертвого не отходит. Понесли мертвого в церковь, Дружок идет рядом. Гонят собаку от церкви, гонят – в храм не пускают. Рвется Дружок, мечется на церковной паперти, завывает, от горя и голода на ногах шатается.

Принесли мертвого на кладбище, принесли – в землю зарыли. Умер Бобыль никому не нужный, и никто по нем не заплакал.

Воет Дружок над могилой, воет, лапами землю копает. Хочет Дружок отрыть своего старого друга, отрыть – и с ним лечь рядом.

Не сходит собака с могилы, не ест, тоскует. Силы Дружка ослабели, не встает он и встать не может. Смотрит Дружок на могилу, смотрит жалобно, стонет. Хочет Дружок копать землю, только лапы свои не поднимает. Сердце у Дружка сжалось... дрожь по спине пробежала, опустил Дружок голову, опустил, тихо вздрогнул... и умер Дружок на могиле...

Зашептались на могиле цветочки, нашептали они чудную сказку о дружбе птичкам. Прилетала к могиле кукушка, садилась она на плакучую березу. Сидела кукушка, грустила, жалобно над могилой куковала.

1917

Железный Миргород

Я не читал прошлогодней статьи Троцкого о современном искусстве, когда был за границей. Она попалась мне только теперь, когда я вернулся домой. Прочел о себе и грустно улыбнулся. Мне нравится гений этого человека, но видите ли?.. Видите ли?..

Впрочем, он замечательно прав, говоря, что я вернусь не тем, чем был.

Да, я вернулся не тем. Много дано мне, но и много отнято. Перевешивает то, что дано.

Я объездил все государства Европы и почти все штаты Северной Америки. Зрение мое переломилось особенно после Америки. Перед Америкой мне Европа показалась старинной усадьбой, поэтому краткое описание моих скитаний начинаю с Америки.

Bot «Paris»[6]

Если взять это с точки зрения океана, то все-таки и это ничтожно, особенно тогда, когда в водяных провалах эта громадина качается своей тушей, как поскользящийся... (Простите, что у меня нет образа для сравне-

ния, я хотел сказать – как слон, но это превосходит слона приблизительно в 10 тысяч раз. Эта громадина сама – образ. Образ без всякого подобия. Вот тогда я очень ясно почувствовал, что исповедуемый мной и моими друзьями «имажинизм» иссякает. Почувствовал, что дело не в сравнениях, а в самом органическом.) Но если взглянуть на это с точки зрения того, на что способен человек, то можно развести руками и сказать: «Милый, да что ты наделал? Как тебе?.. Да как же это?..»

Когда я вошел в корабельный ресторан, который площадью немного побольше нашего Большого театра, ко мне подошел мой спутник и сказал, что меня просят в нашу каюту [7].

Я шел через громадные залы специальных библиотек, шел через комнаты для отдыха, где играют в карты (невольно пожалел, что не было Маяковского), прошел через танцевальный зал, и минут через пять чрез огромный коридор спутник подвел меня к нашей каюту.

Я осмотрел коридор, где разложили наш большой багаж, приблизительно в 20 чемода-

нов, осмотрел столовую, свою комнату, 2 ван-
ные комнаты и, сев на софу, громко расхохо-
тался. Мне страшно показался смешным
и нелепым тот мир, в котором я жил раньше.
Вспомнил про «дым отечества», про нашу де-
ревню, где чуть ли не у каждого мужика в из-
бе спит телок на соломе или свинья с поросья-
тами, вспомнил после германских и бельгий-
ских шоссе наши непролазные дороги и стал
ругать всех цепляющихся за «Русь»,
как за грязь и вшивость. С этого момента я
разлюбил нищую Россию. Народ наш мне по-
казался именно тем 150 000 000-ым рогатым
скотом, о котором писал когда-то в эпоху бур-
жуазной войны в «Летописи» Горького некий
Тальников. Где он теперь?

Я с удовольствием пожал бы ему руку,
ибо это была большая правда и большая сме-
лость в эпоху квасного патриотизма.

Милостивые государи! лучше фокстрот
с здоровым и чистым телом, чем вечная, раз-
дирающая душу на российских полях песня
грязных, больных и искалеченных людей
про «Лазаря». Убирайтесь к чертовой матери
с Вашим Богом и с Вашими церквями. По-

стройте лучше из них сортиры, чтоб мужик не ходил «до ветру» в чужой огород.

С того дня я еще больше влюбился в коммунистическое строительство.

Пусть я не близок им как романтик в моих поэмах, я близок им умом и надеюсь, что буду, быть может, близок и в своем творчестве, лишь бы поменьше было таких ценителей искусства, как Мещеряков в Госиздате или (царство ему небесное) покойный Вейс. С такими мыслями я ехал в страну Колумба. Ехал океаном 6 дней, проводя жизнь среди ресторанной и отдыхающей в фокстроте публики.

Элис-Аленд

На шестой день около полудня показалась земля. Через час глазам моим предстал Нью-Йорк.

Мать честная! До чего бездарны поэмы Маяковского об Америке! Разве можно выразить эту железную и гранитную мощь словами?! Это поэма без слов. Рассказать ее будет ничтожно. Милые, глупые, смешные российские доморощенные урбанисты и электрофикаторы в поэзии! Ваши «кузницы» и Ваши «лефы»

как Тула перед Берлином или Парижем.

Здания, заслонившие горизонт, почти упираются в небо. Над всем этим проходят громаднейшие железобетонные арки. Небо в свинце от дымящихся фабричных труб, дым навевает что-то таинственное, кажется, что за этими зданиями происходит что-то такое – великое и громадное, что дух захватывает, хочется скорей на берег, но... но прежде должны осмотреть паспорта...

В суতোлке сходящих мы подходим к какому-то важному лицу, которое осматривает документы.

Он долго вертит документы в руках, долго обмеривает нас косыми взглядами и спокойно по-английски говорит, что мы должны идти в свою кабин, что в Штаты он нас впустить не может и что завтра он нас отправит на Элис-Аленд.

Элис-Аленд – небольшой остров, где находится карантин и всякие следственные комиссии по приезжающим. Оказывается, что Вашингтон получил сведения о нас, что мы едем как большевистские агитаторы. Завтра на Элис-Аленд... могут отослать обрат-

но, но могут и посадить...

В кабин к нам неожиданно являются репортеры, которые уже знали о нашем приезде. Мы выходим на палубу. Сотни кинематографистов и журналистов бегают по палубе, щелкают аппаратами, чертят карандашами и все спрашивают, спрашивают и спрашивают. Это было приблизительно около 4 часов дня, а в 5½ нам принесли около 20 газет с нашими портретами и огромными статьями о нас. Говорилось в них немного об Айседоре Дункан, о том, что я поэт, но больше всего о моих ботинках и о том, что у меня прекрасное сложение для легкой атлетики и что я наверняка был бы лучшим спортсменом в Америке. Ночью мы грустно ходили с спутником по палубе. Нью-Йорк в темноте еще величественней. Копны и стога огней кружились над зданиями, громадины с суровой мощью вздрагивали в зеркале залива.

.....

.....

.....

.....

Утром нас отправили на Элис-Аленд. Са-

дьясь на маленький паролод в сопровождении полицейских и журналистов, мы с спутником взглянули на статую Свободы и прыснули смехом.

«Бедная, старая девушка! Ты поставлена здесь ради курьеза!» – сказал я.

Журналисты стали спрашивать, над чем мы так громко смеемся. Спутник мой перевел им, и они засмеялись тоже.

На Элис-Аленде нас по бесчисленным комнатам провели в комнату политических экзаменов. Когда мы сели на скамьи, из боковой двери вышел тучный, с круглой головой, господин, волосы которого немного были вздернуты со лба челкой кверху и почему-то напомнили мне рисунки Пичугина в сытинском издании Гоголя.

«Смотри, – сказал я спутнику, – это Миргород! Сейчас прибежит свинья, схватит бумагу, и мы спасены!»

– Мистер Есенин! – сказал господин. Я встал. – Подойдите к столу, – вдруг он твердо сказал по-русски. Я ошалел.

– Подымите правую руку и отвечайте на вопросы.

Я стал отвечать, но первый вопрос меня сбил с толку.

– В Бога верите?

Что мне было сказать? Я поглядел на спутника, тот мне кивнул головой, и я сказал:

– Да!

– Какую признаете власть?

Елки-палки! Еще не легче! Сбивчиво я стал говорить, что я поэт и что в политике ничего не смыслю.

Помирились мы с ним, помню, на народной власти.

Потом он, не глядя на меня, сказал: «Повторяйте за мной: именем Господа нашего Иисуса Христа обещаюсь говорить чистую правду и не делать никому зла. Обещаюсь ни в каких политических делах не принимать участия!»

Я повторял за ним каждое слово. Потом расписался, и нас выпустили. (После мы узнали, что друзья Дункан дали телеграмму Гардингу. Он дал распоряжение при легком опросе впустить меня.) Взяли с меня подписку и не петь «Интернационал», как это сделал я в Берлине.

Миргород! Миргород! Свинья спасла!

Нью-Йорк

Сломав голову я сбежал с паровой лестницы на берег. Вышли с пристани на стрит, и сразу на меня пахнуло запахом, каким-то знакомым запахом. Я стал вспоминать. «Ах, да это... это тот самый... тот самый запах, который бывает в лавочках со скобяной торговлей».

Около пристани на рогожах сидели или лежали негры. Нас встретила заинтригованная газетами толпа.

Когда мы сели в автомобиль, я сказал журналистам:

Mi laik Amerika[8].

Через десять минут мы были в отеле. О том, что такое Нью-Йорк, поговорим после.

Бродвей

На наших улицах слишком темно, чтобы понять, что такое электрический свет Бродвея. Мы привыкли жить под светом луны, жечь свечи перед иконами, но отнюдь не пред человеком.

Люди часто ездят не в освещенных вагонах. Дело здесь, конечно, не в бедности государства, а в невежестве самих граждан, кото-

рые предпочитают освещать раскрашенные доски, чем употребить этот свет для более полезных целей.

Америка внутри себя не верит в Бога. Там некогда заниматься этой чепухой. Там свет для человека, и потому я начну не с самого Бродвея, а с человека на Бродвее.

Обиженным культурникам на жестокость русской революции не мешало бы взглянуть на историю страны, которая так высоко взметнула знамя культуры индустрии.

Что такое Америка?

Америка это прежде всего была страна краснокожих. Вслед после открытия этой страны Колумбом туда потянулся весь неудачливый мир Европы. Искатели золота и приключений, авантюристы самых низших марок, пользуясь человеческой игрой в государства, шли на службу к разным правительствам и теснили красный народ всеми средствами.

Красный народ стал сопротивляться. Начались жестокие войны, и в результате от многомиллионного народа краснокожих осталась маленькая горсточка (около 500 000),

которую содержат сейчас, огородив тщательной стеной от культурного мира, кинематографические предприниматели. Дикий народ пропал от виски. Политика хищников разложила его окончательно. Гайавату заразили сифилисом, опоили и загнали догнивать часть на болота Флориды, частью в снега Канады.

Но и все ж, если взглянуть на ту беспощадную мощь железобетона, на повисший между двумя городами Бруклинский мост, высота которого над землей равняется крышам 20-этажных домов, все ж никому не будет жаль, что дикий Гайавата уже не охотится здесь за оленем. И не жаль, что рука строителей этой культуры была иногда жестокой.

Индеец никогда бы не сделал на своем материке того, что сделал «белый дьявол».

Культура к индейцам не прививается. Мне рассказывали, что в Америке нет ни одного мало-мальски интеллигентного индейца.

Были опыты. Брали какого-нибудь малыша, отдавали в школу, а лет через пять-шесть в один прекрасный день он снимал с себя бо-

тинки и снова босиком убежал к своим. Сейчас Гайавата – этнографический киноартист, он показывает в фильмах свои обычаи и свое дикое несложное искусство. Он все так же плавает в отгороженных водах на своих узеньких пирогах, а около Нью-Йорка стоят громады броненосцев, по бокам которых висят десятками уже не шлюпки, а аэропланы, которые поднимаются в воздух по особо устроенным спускным доскам, возвращаясь, садятся на воду, и броненосцы громадными рычагами, как руками великанов, поднимают их и сажают на свои железные плечи.

Нужно пережить реальный быт индустрии, чтобы стать ее поэтом. У нашей российской реальности, как говорят, «пока еще – слаба гайка», и потому мне смешны все эти «лефствующиие», которые пишут свои стихи по картинкам плохих американских журналов.

В нашем литературном строительстве со всеми устоями на советской платформе я предпочитаю везти телегу, которая есть, чтобы не оболгать тот быт, в котором мы живем. В Нью-Йорке лошади давно сданы в музей,

но в наших родных пенатах я даже и самого гениального электрофикатора Ленина видел в Петербурге на жалком тарантасе с лицом, упертым в почтенный зад кобылы.

Ну да ладно! Москва не скоро строится. Поговорим пока о Бродвее. С точки зрения великих замыслов эта улица тоже ведь наша.

У какого-то смешного поэта, написавшего «сто пятьдесят лимонов», есть строчки о Чикаго как символе Америки:

*Пройдешь:
За ступней ступня.
И еще ступня.
Ступеней этих самых до черти-
ков.*

Сие описание «флигелей» напоминает мне описание Козьмы Индикоплова, который уверял всех, что он видел то место, где земля сходится с пологом неба.

Правда! Оно, положим, и есть ступени, но никто по ним не ходит, потому что ступени эти «чертиковы» существуют только на пожарные случаи, а поднимаются там исключительно в лифтах в 3–4 секунды до 46-го этажа. Так что по картинкам иногда можно

ошибиться и нечаянно дать Америку, перелавив Уитмана 19-го века, Америку старого Нью-Йорка. Тогда Бродвей был не таким. Сила Америки развернулась окончательно только за последние 20 лет. При Уитмане он походил на наш старый Невский, теперь же это что-то головокружительное. Этого нет ни в одном городе мира. Правда, энергия направлена исключительно только на рекламный бег, но зато дьявольски здорово! Американцы зовут Бродвей, помимо присущего названия «окраинная дорога», – «белая дорога». По Бродвею ночью гораздо светлей и приятней идти, чем днем.

Перед глазами море электрических афиш. Там на высоте 20-го этажа кувыркаются во весь рост сделанные из лампочек гимнасты, там с 30-го этажа курит электрический мистер, выпуская электрическую линию дыма, которая переливается разными кольцами, там около театра на вращающемся электрическом колесе танцует электрическая Терпсихора и т. д. и т. д. всё в том же роде, вплоть до электрической газеты, строчки которой бегут по двадцатому или двадцать пятому эта-

жу налево беспрерывно до конца номера. Одним словом, «умри Денис, лучше не напишешь».

Из музыкальных магазинов слышится по радио музыка Чайковского. Идет концерт в Сан-Франциско, но любители могут его слушать и в Нью-Йорке, сидя в своей квартире.

Когда все это видишь или слышишь, то невольно поражаешься возможностям человека, и стыдно делается, что у нас в России верят до сих пор в деда с бородой и уповают на его милость.

Бедный русский Гайавата!

Быт и глубь штатов

Тот, кто знает Америку по Нью-Йорку и Чикаго, тот знает только праздничную или, так сказать, выставочную Америку.

Нью-Йорк и Чикаго есть не что иное, как достижения в производственном искусстве. Чем дальше вглубь к Калифорнии, впечатления громоздкости исчезают. Перед глазами бегут равнины с жиденькими лесами и (увы! страшно похоже на Россию) маленькие деревянные селения негров. Города становятся похожими на европейские, с той лишь раз-

ницей, что если в Европе чисто, то в Америке все взрыто и навалено как попало, как бывает при постройках. Страна все строит и строит.

Черные люди занимаются земледелием и отхожим промыслом. Язык у них американский. Быт под американцев. Выходцы из Африки, они сохранили в себе лишь некоторые инстинктивные выражения своего народа в песнях и танцах. В этом они оказали огромнейшее влияние на музык-хольный мир Америки. Американский фокстрот есть не что иное, как разжиженный национальный танец негров. В остальном негры довольно народ примитивный, с весьма необузданными нравами. Сами американцы тоже народ весьма примитивный со стороны внутренней культуры. Владычество доллара съело в них все стремления к каким-либо сложным вопросам. Американец всецело погружается в «Bisnes»[9] и остального знать не желает. Искусство Америки на самой низшей ступени развития. Там до сих пор остается неразрешенным вопрос: нравственно или безнравственно поставить памятник Эдгару По.

Все это свидетельствует о том, что народ они весьма молодой и не вполне сложившийся в формы. Та громадная культура машин, которая создала славу Америке, есть только результат работы индустриальных творцов и ничуть не похожа на органическое выявление народа. Народ Америки – только честный исполнитель заданных ему чертежей и их последователь. Если говорить о культуре электричества, то всякое зрение упрется в этой области на фигуру Эдисона. Он есть сердце этой страны. Если б не было гения этого человека в эти годы, то культура радио и электричества могла бы появиться гораздо позже и Америка не была бы столь величественной, как сейчас.

Со стороны внешнего впечатления в Америке есть замечательные курьезы. Так, например, американский полисмен одет под русского городского, только с другими кантами.

Этот курьез объясняется тем, что мануфактурная промышленность сосредоточилась главным образом в руках русских евреев. Наши сородичи, видно из тоски по родине, наря-

дили полисмена в знакомый им вид формы.

Для русского уха и глаза вообще Америка, а главным образом Нью-Йорк, немного с кровью Одессы и западных областей. Нью-Йорк на 30 процентов еврейский город. Евреев главным образом загнала туда нужда скитальчества из-за погромов.

В Нью-Йорке они осели довольно прочно и имеют свою жаргонную культуру, которая ширится все больше и больше. У них есть свои поэты, свои прозаики и свои театры. От лица их литературы мы имеем несколько имен мировой величины. В поэзии сейчас на мировой рынок выдвигается с весьма крупным талантом Мани-Лейб.

Мани-Лейб – уроженец Черниговской губ. Россию он оставил лет 20 назад. Сейчас ему 38. Он тяжело пробивал себе дорогу в жизни сапожным ремеслом и лишь в последние годы стал иметь возможность существовать на оплату за свое искусство.

Он ознакомил американских евреев переводами на жаргонный язык с русской поэзией от Пушкина до наших дней и тщательно выдвигает молодых жаргонистов с довольно

красивыми талантами, от периода Гофштейна до Маркиша. Здесь есть стержни и есть культура.

В специфически американской среде отсутствие всякого присутствия.

Свет иногда бывает страшен. Море огня с Бродвея освещает в Нью-Йорке толпы продажных и беспринципных журналистов. У нас таких на порог не пускают, несмотря на то что мы живем чуть ли не при керосиновых лампах, а зачастую и совсем без огня.

Сила железобетона, громада зданий стеснили мозг американца и сузили его зрение.

Нравы американцев напоминают незабвенной гоголевской памяти нравы Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича.

Как у последних не было города лучше Полтавы, так и у первых нет лучше и культурней страны Америки.

«Слушайте, – говорил мне один американец, – я знаю Европу. Не спорьте со мной. Я изъездил Италию и Грецию. Я видел Парфенон. Но все это для меня не ново. Знаете ли вы, что в штате Теннесси у нас есть Парфенон гораздо новей и лучше?»

От таких слов и смеяться, и плакать хочется. Эти слова замечательно характеризуют Америку во всем, что составляет ее культуру внутреннюю. Европа курит и бросает. Америка подбирает окурки. Но из этих окурков растет что-то грандиозное в той среде, которая называется рабочим классом; об этой среде поговорим особо.

1923

Статьи и заметки

Ярославны плачут

«Внимая ужасам войны», в унисон зазвене-
ли струны больших и малых поэтов. На страницах газет и журналов пестреют имена Бальмонта, Брюсова, Сологуба, Горю-децкого, Липецкого и др. Все они трогают одинаковую струну «грянувшего выстрела». Даже «сладко лиричный» Цензор заплясал под солдатскую песню.

Я не стану останавливаться на разборе этих поэтов, перейду прямо к определению того, что дали нам женщины-поэтессы.

Этих избранниц у нас очень немного. И они большею частью закатывались «золотой звездой» на расцвете своего таланта, как Мирра Лохвицкая. Мы еще не успели забыть и «невесту в атласном белом платье» Надежду Львову, но, не уклоняясь от своей цели, я буду продолжать мотать тот клубок мыслей, который я начал.

Плачут серые дали об угасшей весне, пла-

Чут женщины, провожая мужей и возлюбленных на войну, заплакала и Зинаида Х. Плачет, потому что:

*...Сердце смириться не хочет,
Не хочет признать неизбежность
холодной разлуки.
И плачет, безумное, полное гнева
и муки...*

Но это еще ничего. Хорошо плакать, когда нечего бояться за свои слезы, но вот плачет молодая замужняя женщина, у которой за спиной свекровь, а спереди: «Новую сплетню готовя, две ядовитые дамы».

Она плачет без слез, плачет сердцем, а сердце плачет кровью. Разве не больно на слова милого «Завтра наш полк выступает» «молча к стене прислониться».

Нет, очень больно.

Это ведь та самая плачет, которую «выдавала матушка далече замуж».

Зинаида Х. не выступила с кличем: «на войну!» Она поет об оставшихся, плачет об ушедшем на войну и в этих слезах прекрасна, как «Ярославна».

Пусть «так надо... так надо». Но она за свою

малую просьбу у судьбы с этим смириться не хочет.

Плачет Щепкина-Куперник... ее слезы тоже слезы оставшейся возлюбленной!

*Выводя свою ровную строчку,
Просижу я всю ночь напролет.
Всю-то долгую зимнюю ночку
Сон усталых очей не сомкнет.
Сердце мое надрывается.
Кровью оно обливается...
Что я могу еще дать?
Только плакать, молиться
и ждать.*

Это плачет швея за работой, и ее берет раздумье:

*Вот уж скоро работа готова,
Уж немного осталось мне...
Ах, кому ты придешься, обновы,
На далекой, на страшной войне?
Кто тебя, как под праздник, наде-
нет,
Собираясь бестрепетно в бой,
Или после окопов заменит
Всю измокшую ветошь тобой?*

Жутко становится от представления,

как эту белоснежную холщовую рубаху смочит алая кровь.

Но тихой нежной лермонтовской колыбельной песней веет от слов:

*Кто бы ни был мой воин безвестный,
Но с надеждой в работу мою
Я с молитвой Царице Небесной
Образок освященный зашью.*

Но дальше снова слышна печаль, может быть, этот белый холст прикроет ее милого грудь. Но эту сентиментальность она побивает твердым решением:

*Не его – не его, так другого...
Для него пусть другая сошьет.*

Он не останется неприкрытым, потому что она знает:

*Сколько женщин от края до края
Наклоняются нынче к шитью,
И дрожит в них душа, замирая,
О любимых далеких в бою...*

Но Щепкина-Куперник плачет вообще. Но ее слезы больше слезы матери. Она по большей части томится «в безутеш-

ном ожидании» и молится перед иконой. Ее вздохи – вздохи матери Андрия и Остапа, и она, грустная, с заплаканными глазами, молится о их спасении.

Тихо взгрустнула «у воинского поезда» Белогорская, отдала дань серым шинелям, как женщина, поклонилась до земли и прошептала: «Вы уезжаете»...

*А сердце мое, как раненая птица,
Как раненая птица в крови.*

Я подслушал, как плачут Ярославны. Но я и услышал, как загремели с призывом Жанны д'Арк. Лишь только разнеслись наши победы казаков, как по струнам своей лиры ударила Любовь Столица.

*Так ширяй, казак, и гикай
И неси с победной пикой
В глубь чужих туманных стран
Дух наш орлий, взгляд соколий,
Золотую птицу воли
Из земли младых славян!*

Громко крикнула Мария Трубецкая:

Поэты, вам ли теперь молчать?

Могучий голос зазвенел, как набат:

Великой брани мечта воскресни!

Эта Жанна д'Арк предлагает встать всем поэтам в общем кличе и служить той святыне, за которую

Полки стремятся врага встретить.

Красиво сказала Хмельницкая:

*Вы над орлами, разбившими
грудь,
В жаркой борьбе не рыдайте.*

Здесь, правда, слезы ни к чему, ибо

*Гордые птицы не знают преград,
Бурь никаких не страшатся.*

Она гордо и сильно говорит в путь ушедшим:

*Смело ж, родные, идите вперед –
Головы выше держите!
Ночь умирает, уж близок восток,
Скоро врага вы сразите.*

* * *

Я отметил только те стихотворения, кото-

рые ясно определили отношения к войне тех и других поэтесс. Я разделил их на два лагеря. В каждом лагере свои законченные взгляды на ушедших. Говорить о высоком достоинстве преимущества тех или иных не приходится.

Нам одинаково нужны Жанна д'Арк и Ярославны. Как те прекрасны со своим знаменем, так и эти со своими слезами.

1914–1915

Отчее слово

*(По поводу романа Андрея Белого
«Котик Летаев»)*

Мы очень многим обязаны Андрею Белому, его удивительной протянутости слова от тверди к вселенной. Оно как бы вылеплено у него из пространства, с Божьим «туком» и воплями плащаницы.

В «Котике Летаеве» – гениальнейшем произведении нашего времени – он зачерпнул словом то самое, о чем мы мыслили только тенями мыслей, наяву выдернул хвост у при-

сбившегося ему во сне голубя и ясно вырисовал скрытые в нас возможности отделяться душой от тела, как от чешуи.

Речь наша есть тот песок, в котором затерялась маленькая жемчужина – «отворись». Мы бьемся в ней, как рыбы в воде, стараясь укунить упавший на поверхность льда месяц, но просасываем этот лед и видим, что на нем ничего нет, а то желтое, что казалось так близко, взметнулось еще выше. И вот многое такое, что манит нас так, схвачено зубами Белого за самую пуповину... Истинный художник не отобразитель и не проповедник каких-либо определенных в нас чувств, он есть тот ловец, о котором так хорошо сказал Ключев:

*В затонах тишины созвучьям
ставит сеть.*

Слово изначально было тем ковшом, которым из ничего черпают живую воду. Возглас «Да будет!» повесил на этой воде небо и землю, и мы, созданные по подобию, рожденные, чтобы найти ту дверь, откуда звенит труба, predeterminedены, чтобы выловить ее «отво-

рись». «Прекрасное только то – чего нет», – говорит Руссо, но это еще не значит, что оно не существует. Там, за границу, где стоит сторож, крепко поддерживающий завесу, оно есть и манит нас, как далекая звезда. Меланхолическая грусть по отчизне, неясная память о прошлом говорят нам о том, что мы здесь только в пути, что где-то есть наш кровный кров, где

*У златой околицы
Доит Богородица
Белых коз...*

Но к крыльцу этого крова мы с земли, живя и волнуясь зрением и памятью в вещах, приближаемся только через Андрее-Беловское «выкусывание за спиной».

Футуризм, пропищавший жалобно о «заумном языке», раздавлен под самый корень достижениями в «Котике Летаеве», и извивы форм его еще ясней показали, что идущие ему вслед запрягли лошадь не с головы, а с хвоста...

«Выбирайте в молитвах своих такие слова, над которыми горит язык Божий, – говорил

Макарий Желтоводский своим ученикам, – в них есть спасение грешников и рай праведных...» И такие слова почти сплошь пронизали творение Андрея Белого.

Суть не в фокусе преобразования предметов, не в жесте слов, а в том самом уловлении, в котором – если видишь ночью во сне кисель, то утром встаешь с мокрыми сладкими губами от его сока...

Но есть и горбатые слова, у которых перебит позвоночник. Они тоже имеют потуги, пыжятся снести такое же яйцо, какое несет «Кува – красный ворон», но достижения их ограничиваются только скорлупой.

Они таят в себе что-то вроде подглядывания из-под угла, могут залезть в карман небу, обкусать края облаков, «через мудрены вырезы» пройдут мурашами, в озере ходят щукой, в чистом поле оленем скачут, за тучами орлом летят, но все это только фокус того самого плоского преобразования, в котором, как бы душа ни тянулась из чешуи, она все равно прицеплена к ней, как крючком, оттого что горбата.

В мире важен беззначный язык, потому

что у прозревших слово есть постижение огня над ним. Но для этого нужен тот самый дар, при котором Гете, не обладая швабским наречием, понимал Гебеля без словаря...

Слово, прорывающее подпокрышку нашего разума, безлично. Оно не вписывается в строку, не опускается под тире, оно невидимо присутствует. Уму, не сгибающему себя в дугу, надо учиться понимать это присутствие, ибо ворота в его рай узки, как игольное ухо, только совершенные могут легко пройти в них. Но тот, кому нужен подвиг, сдерет с себя четыре кожи и только тогда попадет под тень «словесного дерева». «Туга по небесной стране посылает мя в страны чужие», – отвечал спрашивающим себя Козьма Индикоплов на спрос, зачем он покидает Россию. И вот слишком много надо этой «туги», чтоб приобщиться.

«Слетит мне звездочка на постельку, усиком поморгает...»

Но как к образу, а именно как к неводу того, что «природа тебя обстающая – ты», и среди ее ущелий тебе виден младенец. Потому и сказал Клюев:

*Приложитесь ко мне, братья,
К язвам рук моих и ног,
Боль духовного зачатья
Рождеством я перемог...*

«Слова поэта уже суть дела его», – писал когда-то Пушкин. Да, дела, но не те, о которых думал Жуковский, а те, от которых есть «упоение в бою, и бездны мрачной на краю». Свободный в выборе предмета не свободен выйти из него. Разрывая пальцами мозга завесу грани, он невольно проскажет то, что увидят его глаза, и даже желал бы скрыть, но не может.

В этом вся цель завоеваний наших духовных ценностей. И только смелые, только сильные, которые не боятся никакого дерзания, найдут то «отворись», на пороге которого могут сказать себе: «О слово, отчее слово, мы ходили с тобой на крыле ветрянем и устне наши не возбраним во еже звати тебе...»

1918

О «Зареве» Орешина

Петр Орешин. «Зареве». Книга стихов. Издательство «Революционный социализм».

*Кто любит родину?
Ветер-бродяга ответил Господу:
– Кто плачет осенью
Над нивой скошенной и снова радостно
Под вешним солнцем
В поле босой и без шапки
Идет за сохой –
Он, Господи, больше всех любит
родину.*

Вот такими простыми и теплыми словами, похожая на сельское озеро, где отражается и месяц, и церковь, и хаты, наполнена книга Петра Орешина. В наши дни, когда «Бог смешал все языки», когда все вчерашние патриоты готовы отречься и проклясть все то, что искони составляло «родину», книга эта как-то особенно становится радостной.

Даже и боль ее, щемящая, как долгая, заунывная русская песня, приятна сердцу, и ду-

мы ее в четких и образных строчках рождают милую памяти молитву, ту самую молитву, которую впервые шептали наши уста, едва научившись лепетать: «Отче наш, иже еси...»

Петр Орешин уже знаком читающей публике. Имя его пестрело по многим петроградским газетам и журналам, но те, которые знают его отрывочно, конечно, имеют о нем весьма неполное представление. У каждого поэта есть свой общий тон красок, свой ларец слов и образов. Пусть во многих местах глаз опытного читателя отмечает промахи и недочеты, пусть некоторые образы сидят на строчках, как тараканы, объедающие корку хлеба, в стихе, – все-таки это свежести и пахучести книги нисколько не умаляет, а тому, кто видит, что «зори над хатами вяжут широченные сети», кто слышит, что «красный петух в облаках прокричал», – могут показаться образы эти даже стилем мастера всех этих коротких и длинных песенок, деревенских идиллий.

Перед Орешиним еще широкое будущее. Гадать о том, разовьется он или завянет, сейчас довольно трудно, но услышавшие от него через «Зарево» о том, что

*Месяц ушел в облака
За туманный плетень,
Синие чешет бока
За лачугами день –*

будут помнить об этом, как о черемуховом запахе, долго.

1918

Ключи Марии[10]

Посвящаю с любовью Анатолию Мариенгофу

1

Орнамент – это музыка. Ряды его линий в чудеснейших и весьма тонких распределениях похожи на мелодию какой-то одной вечной песни перед мирозданием. Его образы и фигуры – какое-то одно непрерывное богослужение живущих во всякий час и на всяком месте. Но никто так прекрасно не слился с ним, вкладывая в него всю жизнь, все сердце и весь разум, как наша древняя Русь, где почти каждая вещь через каждый свой звук говорит нам знаками о том, что здесь мы

только в пути, что здесь мы только «избяной обоз», что где-то вдали, подо льдом наших мускульных ощущений, поет нам райская сирена и что за шквалом наших земных событий недалек уже берег.

Прежде чем подойти к открывшимся нам тайнам орнамента в слове, мы коснемся его линий под углами разбросанной жизни обихода. За орнамент брались давно. Значение и пути его объясняли в трудах своих Стасов и Буслаев, много других, но никто к нему не подошел так, как надо, никто не постиг того, что –

*...на кровле конек
Есть знак молчаливый, что путь
ваш далек.*

(Н. Клюев)

Все ученые, как гробокопатели, старались отыскать прежде всего влияние на нем, старались доказать, что в узорах его больше колдуют ассирийские заклинатели, чем Персия и Византия.

Конечно, никто не будет отрицать того, что наши древние рукописи XIII и XIV веков

носят на себе явные признаки сербско-болгарского отражения. Византийские и болгарские проповедники христианских идей наложили на них довольно выпуклый отпечаток. Никто не скажет, что новгородская и ярославская иконопись нашли себя в своих композициях самостоятельно. Все величайшие наши мастера зависели всецело от крещеного Востока.

Но крещеный Восток абсолютно не бросил в нас, в данном случае, никакого зерна; он не оплодотворил нас, а только открыл лишь те двери, которые были заперты на замок тайного слова.

Самую первую и главную отрасль нашего искусства с тех пор, как мы начинаем себя помнить, был и есть орнамент. Но, просматривая и строго вглядываясь во все исследования специалистов из этой области, мы не встречаем почти ни единого указания на то, что он существовал раньше, гораздо раньше приплытия к нашему берегу миссионеров из Греции.

Все, что рассматривается извне, никогда не рождается в яслях с лучами звезд в глазах и мистическим ореолом над головой. Звезды

и круг – знаки той грамоты, которая ведет читающего ее в сад новой жизни и нового просветленного чувствования. Наши исследователи не заглянули в сердце нашего народного творчества. Они не поняли поющего старца:

*«Как же мне, старцу
Старому, не плакать,
Как же мне, старому, не рыдать.
Потерял я книгу золотую
Во темном бору,
Уронил я ключ от церкви
В сине море».*

*Отвечает старцу Господь Бог:
«Ты не плачь, старец, не вздыхай,
Книгу новую я вытку звездами,
Золотой ключ волной выплесну».*

Из чувства национальной гордости Равинский подчеркивал *нечто* в нашем орнаменте, но это *нечто* было лишь бледными словами о том, что у наших переписчиков выписка и вырисовка образов стояли на первом месте, между тем как в других странах это стояло на втором плане.

Все говорили только о письменных миниатюрах, а ключ истинного, настоящего архи-

тектурного орнамента так и остался не выплеснутым, и церковь его стоит запечатана до сего времени.

Но весь абрис хозяйственно-бытовой жизни свидетельствует нам о том, что он был, остался и живет тем самым прекрасным полотенцем, изображающим через шелк и канву то символическое древо, которое означает «семью», совсем не важно, что в Иудее это древо носило имя Маврикийского дуба и потому вместе с христианством перешло, как название, бесплатным приложением к нам. Скандинавская Иггдразиль – поклонение ясеню, то древо, под которым сидел Гуа-тама, и этот Маврикийский дуб были символами «семьи» как в узком, так и широком смысле у всех народов; это древо родилось в эпоху пастушеского быта. В древности никто не располагал временем так свободно, как пастухи. Они были первые мыслители и поэты, о чем свидетельствуют показания Библии и апокрифы других направлений. Вся языческая вера в переселение душ, музыка, песня и тонкая, как кружево, философия жизни на земле есть плод прозрачных пасту-

шеских дум. Само слово *пас-тух* (пас-дух, ибо в русском языке часто *д* переходит в *т*, так же как *е* в *о*, *есень* – *осень*, и *а в я*, *аблонь* – *яблонь*) говорит о каком-то мистически помазанном значении над ним. «Я не царь и не царский сын, – я пастух, а говорить меня научили звезды», – пишет пророк Амос. Вот эти-то звезды – золотая книга странника – и вырастили наше вселенское символическое древо. Наши бахари орнамента без всяких скрещиваний с санскритством поняли его, развязав себя через пуп, как Гуа-тама. Они увидели через листья своих ногтей, через пальцы ветвей, через сучья рук и через ствол – туловища с ногами, – обозначающими коренья, что мы есть чада древа, семья того вселенского дуба, под которым Авраам встречает Св. Троицу. На происхождение человека от древа указывает и наша былина «О добром Егории»:

*У них волосы – трава,
Телеса – кора древесная.*

Мысль об этом происхождении от древа породила вместе с музыкой и мифический

эпос.

Происхождение музыки от древа в наших мистериях есть самый прекраснейший ключ в наших руках от дверей закрытого храма мудрости. Без всякого Иовулла и Вейнеймей-нена наш народ через простой лик безымянного пастуха открыл две скрытых силы воздуха вместе. Этот пастух только и сделал, что срезал на могиле тростинку, и уж не он, а она сама поведала миру через него свою волшебную тайну: «Играй, играй, пастушок. Вылей звуками мою злую грусть. Не простую дудочку ты в руках держишь. Я когда-то была девицей. Погубили девицу сестры. За серебряное блюдечко, за наливчатое яблочко». Здесь в одном образе тростинки слито три прозрения.

Узлом слияния потустороннего мира с миром видимым является скрытая вера в переселение души.

Ничто не дается без жертвы. Ни одной тайны не узнаешь без послания в смерть. Конечно, никакие сестры не убивали своей сестры; это убил ее в своем сердце наш творчески-жестокый народ, чтоб легче слить себя с тайной

звук и слова и овладеть ею как образом.

Все от древа – вот религия мысли нашего народа, но празднество этой каны и было и будет понятно весьма немногим. Исследователи древнерусской письменности и строительного орнамента забыли главным образом то, что народ наш живет больше устами, чем рукою и глазом, устами он сопровождает почти весь фигуральный мир в его явлениях, и если берется выражать себя через средства, то образ этого средства всегда конкретен. То, что музыка и эпос родились у нас вместе через знак древа, – заставляет нас думать об этом не как о случайном факте мифического утверждения, а как о строгом вымерянном представлении наших далеких предков. Свидетельство этому наш не поясненный и не разгаданный никем бытовой орнамент.

Все наши коньки на крышах, петухи на ставнях, голуби на князьке крыльца, цветы на постельном и тельном белье вместе с полотенцами носят не простой характер узорочья, это великая значная эпопея исходу мира и назначению человека. Конь как в греческой, египетской, римской, так и в русской

мифологии есть знак устремления, но только один русский мужик догадался посадить его к себе на крышу, уподобляя свою хату под ним колеснице. Ни Запад и ни Восток, взятый вместе с Египтом, выдумать этого не могли, хоть бы тысячу раз повторили себя своей культурой обратно. Это чистая черта скифии с мистерией вечного кочевья. «Я еду к тебе, в твои лона и пастбища», – говорит наш мужик, запрокидывая голову конька в небо. Такое отношение к вечности как к родительскому очагу проглядывает и в символе нашего петуха на ставнях. Известно, что петух встает вместе с солнцем, он вечный вестник его восхода, и крестьянин не напрасно посадил его на ставню, здесь скрыт глубокий смысл его отношения и восприятия солнца. Он говорит всем проходящим мимо избы его через этот символ, что «здесь живет человек, исполняющий долг жизни по солнцу. Как солнце рано встает и лучами-щупальцами влагает в поры земли тепло, так и я, пахарь, встаю вместе с ним опускать в эти отепленные поры зерна труда моего. В этом благословение моей жизни, от этих зерен сыт я

и этот на ставне петух, который стоит стражем у окна моего и каждое утро, плеском крыл и пением встречая выкатившееся из-за горы лицо солнца, будит своего хозяина». Голубь на князьке крыльца есть знак осенения кротостью. Это слово пахаря входящему. «Кротость веет над домом моим, кто б ты ни был, войди, я рад тебе». Вырезав этого голубя над крыльцом, пахарь значением его предупредил и сердце входящего. Изображается голубь с распростертыми крыльями. Размахивая крыльями, он как бы хочет влететь в душу того, кто опустил свою стопу на ступень храма-избы, совершающего литургию миру и человеку, и как бы хочет сказать: «Преисполнясь мною, ты постигнешь тайну дома сего», – и действительно, только преисполнясь, можно постичь мудрость этих избяных заповедей, скрытых в искусствах орнамента. Если б хоть кто-нибудь у нас понял в России это таинство, которое совершает наш бессловесный мужик, тот с глубокой болью почувствовал бы мерзкую клевету на эту мужичью правду всех наших кустарей и их припешников. Он бы выгнал их, как торгующих

из храма, как хулителей на Св. Духа...

Нет, не в одних только письменных свитках мы скрываем культуру наших прозрений, через орнаментику букв и пояснительные миниатюры. Мы заставили жить и молиться вокруг себя почти все предметы. Вглядитесь в цветочное узорочье наших крестьянских простынь и наволочек. Здесь с какой-то торжественностью музыки переплетаются кресты, цветы и ветви. Дерево на полотенце – значение нам уже известное, оно ни на чем не вышивается, кроме полотенца, и опять-таки мы должны указать, что в этом скрыт весьма и весьма глубокий смысл.

Дерево – жизнь. Каждое утро, встав от сна, мы омываем лицо свое водою. Вода есть символ очищения и крещение во имя нового дня. Вытирая лицо свое о холст с изображением дерева, наш народ немо говорит о том, что он не забыл тайну древних отцов вытираться листвою, что он помнит себя семенем надмирного дерева и, прибегая под покров ветвей его, окунаясь лицом в полотенце, он как бы хочет отпечатать на щеках своих хоть малую ветвь его, чтоб, подобно дереву, он мог осы-

пать с себя шишки слов и дум и струить от ветвей-рук тень-добродетель. Цветы на постельном белье относятся к кругу восприятия красоты. Означают они царство сада или отдых отдавшего день труду на плодах своих. Они являются как бы апофеозом как трудового дня, так и вообще жизненного смысла крестьянина.

Таким образом разобрав весь, казалось бы, внешне непривлекательный обиход, мы наталкиваемся на весьма сложную и весьма глубокую орнаментичную эпопею с чудесным переплетением духа и знаков. И «отселе», выражаясь пушкинским языком, нам видно «потоков рожденье».

2

За культурой обиходного орнамента на неприхоженных снегах русского поля начинают показываться следы искусства словесного. Уже в X и XI веках мы встречаем целый ряд мифических и апокрифических произведений, где лепка слов и образов поражает нас не только смелостью своих выискиваемых положений, но и тонким изяществом своего построения. Конечно, и это не обо-

шло без вмешательства некоторой цивилизации западных славян, разъезжавших тогда на осле христианства, но ярчащая, сверкающая переливами всех цветов русская жизнь смыла его при первом же погружении в купель словесного творчества.

Первое, что внесли нам западные славяне, это есть письменность. Они передали нам знаки для выражения звука. Но заслуга их в этом небольшая. Через некоторое время мы нашли бы их сами, ибо у нас уже были найдены самые главные ключи к человеческому разуму, это – знаки выражения духа, те самые знаки, из которых простолюдин составил свою избяную литургию.

Изба простолюдина – это символ понятий и отношений к миру, выработанных еще до него его отцами и предками, которые неосязаемый и далекий мир подчинили себе уподоблениями вещам их кротких очагов. Вот потому-то в наших песнях и сказках мир слова так похож на какой-то вечно светящийся Фавор, где всякое движение живет, преображаясь.

Красный угол, например, в избе есть упо-

добление заре, *потолок* – небесному своду, а *матица* – Млечному Пути. Философический план помогает нам через такой порядок разоб-
брать машину речи почти до мельчайших винтиков.

В нашем языке есть много слов, которые как «семь коров тощих пожрали семь коров тучных», они запирают в себе целый ряд других слов, выражая собой иногда весьма длинное и сложное определение мысли. Например, слово *умение (умеет)* запрягло в себе *ум, имеет* и несколько слов, опущенных в воздух, выражающих свое отношение к понятию в очаге этого слова. Этим особенно блещут в нашей грамматике *глагольные* положения, которым посвящено целое правило *спряжения*, вытекшее из понятия «запрягать», то есть надевать сбрую слов какой-нибудь мысли на одно слово, которое может служить так же, как лошадь в упряжи, духу, отправляющемуся в путешествие по стране представления. На этом же пожирании тощими словами тучных и на понятии «запрягать» построена почти и вся наша образность, слагая два противоположных явления через сходствен-

ность в движении, она родила метафору:

*Луна – заяц,
Звезды – заячьи следы.*

Происхождение этого главным образом зависит от того, что наших предков сильно беспокоила тайна мироздания. Они перепробовали почти все двери, ведущие к ней, и оставили нам много прекраснейших ключей и отмычек, которые мы бережно храним в музеях нашей словесной памяти. Разбираясь в узорах нашей мифологической эпики, мы находим целый ряд указаний на то, что человек есть ни больше, ни меньше, как чаша космических обособленностей. В «Голубиной книге» так и сказано:

*У нас помыслы от облак Божи-
их...
Дух от ветра...
Глаза от солнца...
Кровь от черного моря...
Кости от камней...
Тело от сырой земли...*

Живя, двигаясь и волнуясь, человек древней эпохи не мог не задать себе вопроса, откуда

да он, что есть солнце и вообще что есть обстающая его жизнь? Ища ответа во всем, он как бы искал своего внутреннего примирения с собой и миром. И, разматывая клубок движений на земле, находя имя всякому предмету и положению, научившись защищать себя от всякого наступательного явления, он решился теми же средствами примирить себя с непокорностью стихий и безответностью пространства. Примирение это состояло в том, что кругом он сделал, так сказать, доступную своему пониманию расстановку. Солнце, например, уподобилось колесу, тельцу и множеству других положений, облака взрычали, как волки, и т. д. При такой расстановке он ясно и отчетливо определял всякое положение в движении наверху.

В наших северных губерниях про ненастье до сих пор говорят:

Волцы задрали солнечко.

Сие заставление воздушного мира земною предметностью существовало еще несколько тысяч лет до нас и в Египте. Эдда построила мир из отдельных частей тела убитого Ими-

ра. Индия в Ведах через браман утверждает то же самое, что и Даниил Заточник: «Тело составляется жилами, яко древо корением. По ним же тече секерою сок и кровь, иже память воды». Как младшее племя в развитии духовных ценностей, мы можем показаться неопытному глазу талантливыми отобразителями этих пройденных до нас дорог. Но это будет просто слепотой неопытного глаза.

Прежде всего всякая мифология, будь то мифология египтян, вавилонян, иудеев и индийцев, носит в чреве своем образование известного представления. Представление о воздушном мире не может обойтись без средств земной обстановки, земля одинакова кругом, то, что видит перс, то видит и чукот, поэтому грамота одинакова, и читать ее и писать по ней, избегая тожественности, невозможно почти совсем.

Самостоятельность линий может быть лишь только в устремлении духа, и чем каждое племя резче отделялось друг от друга бытовым положением, тем резче вырисовывались их особенности. Это ясно подчеркнул наш бытовой орнамент и романский стиль

железных орлов, крылья которых победно были распростерты на запад и подчеркивали устремление немцев к мечте о победе над всей бегущей перед ними Европой. Устремление не одинаково, в зависимости от этого, конечно, не одинаковы и средства. Вавилонянам через то, что на пастбищах туч Оаннес пас быка-солнце... нужна была башня. Русскому же уму через то, что Перун и Дажь-бог пели стрелами Стри-бога о вселенском дубе, нужен был всего лишь с запрокинутой головой в небо конек на кровле. Но то, что средства земли принадлежат всем, так же ясно, как всем равно греет солнце, дует ветер и вожит луна.

Вязь поэтических украшений подвластна всем. Если Гермес Трисмигист говорил: «Что вверху, то внизу, что внизу, то вверху. Звезды на небе и звезды на земле»; если Гомер мог сказать о слове, что оно, «как птица, вылетает из-за городьбы зубов», то и наш Боян не мог не дать образа перстам и струнам, уподобляя первых десяти соколам, а вторых стае лебедей, не мог он и себя не опрокинуть так же, как Трисмигист, в небо, где мысль,

как древо, а сам он, «Бояне вещей Велесов внуче», соловьем скачет по ветвям этого древа мысли, ибо то и другое рождается в одних яслях явления музыки и творческой картины по законам самой природы.

Древние певцы, трубадуры, менестрели, сказители и бояны в звуках своих часто старались передавать по тем же законам заставочной образности пение птиц, и недаром народ наш заморского музыканта назвал в песнях своих Соловьем Будимировичем. Вглядитесь в слова Гомера, ведь он до ясности подчеркивает в себе приобретенное мастерство от пернатых царевичей звуков. Если слово – птица, значит, звук его есть клекот и пение этой птицы, если зубы – городьба, то жилы, уж наверное, есть уподобление ветвям опущенного подсознательно древа, на которых эта птица вьет себе гнездо. Здесь все оправданно, здесь нет ни единой лишней черты, о которую воспринимающая такое построение мысль спотыкалась бы, как об осеннюю кочку. Здесь мы видим, что образ рождается через слагаемость. Слагаемость рождает нам лицо звука, лицо движения пространства и ли-

до движения земного. Через строго высчитанную сумму образов, «соловьём скакаше по древу мысленну», наш Боян рассказывает, так же как и Гомер, целую эпопею о своем отношении к творческому слову. Мы видим, что у него внутри есть целая наука как в отношении к себе, так и в отношении к миру. Сам он может взлететь соколом под облаки, в море сплеснуть щукою, в поле проскакать оленем, но мир для него есть вечное, неколеблемое древо, на ветвях которого растут плоды дум и образов.

Обоготворение сил природы, выписанное лицо ветра, именем Стри-бога или Борея в наших мифологиях земного шара есть не что иное, как творческая ориентация наших предков в царстве космических тайн. Это тот же образ, который родит алфавит непрочитанной грамоты. Мысль ставит чему-нибудь непонятному ей рыбачью сеть, ловляет его и облакает в краску имени. Начальная буква в алфавите А есть не что иное, как образ человека, ощупывающего на коленях землю. Опершись на руки и устремив на землю глаза, он как бы читает знаки суще-

ства ее.

Буква *Б* представляет из себя ощупывание этим человеком воздуха. Движение его уже идет от *А* обратно. (Ибо воздух и земля по отношению друг к другу опрокинутость.) Знак сидения на коленях означает то, что между землей и небом он почувствовал мир пространства. Поднятые руки рисуют как бы небесный свод, а согнутые колени, на которые он присел, землю.

Прочитав сущность земли и почувствовав над нею прикрытое синим сводом пространство, человек протянул руки и к своей сущности. *Пуп* есть узел человеческого существа, и поэтому, определяя себя или ощупывая, человек как-то невольно опустил свои руки на эту завязь, и получилась буква *В*.

Дальнейшее следование букв идет с светом мысли от осознания в мире сущности. Почувствовав себя, человек подымается с колен и, выпрямившись, протягивает руки снова в воздух. Здесь его движения через символы знаков, тех знаков, которыми он ищет своего примирения с воздухом и землею, рождают весь дальнейший порядок алфавита, который

так мудро оканчивается фигурой буквы Я. Эта буква рисует человека, опустившего руки на пуп (знак самопознания), шагающим по земле, линии, идущие от середины туловища буквы, есть не что иное, как занесенная для шага правая нога и подпирающая корпус левая.

Через этот мудро занесенный шаг, шаг, который заканчивает обретение знаков нашей грамоты, мы видим, что человек еще окончательно себя не нашел. Он мудро благословил себя, с скарбом открытых ему сущностей, на вечную дорогу, которая означает движение, движение и только движение вперед.

Если, таким образом, мы могли бы разобрать всю творческо-мыслительную значность, то мы увидели бы почти все сплошь составные части в строительстве избы нашего мышления. Мы увидели бы, как лежит бревно на бревне образа, увидели бы, как сочетаются звуки, постигли бы тайну гласных и согласных, в спайке которых скрыта печаль земли по браку с небом. Нам открылась бы тайна, самая многозначная и тончайшая тайна той хижины, в которой крестьянин так

нежно и любовно вычерчивает примитивными линиями явления пространства. Мы полюбили бы мир этой хижины со всеми петухами на ставнях, коньками на крышах и голубками на князьках крыльца не простой любовью глаза и чувственным восприятием красивого, а полюбили бы и познали бы самую правдивую тропинкой мудрости, на которой каждый шаг словесного образа делается так же, как узловая завязь самой природы.

Искусство нашего времени не знает этой завязи, ибо то, что она жила в Данте, Гёте, Шекспире и других художниках слова, для представителей его от сегодняшнего дня прошло мертвой тенью. Звериные крикуны, абсолютно безграмотная критика и третичный период идиотического состояния городской массы подменили эту завязь безмозглым лязгом железа Америки и рисовой пудрой на выпитых щеках столичных проституток. Единственным расточительным и неряшливым, но все же хранителем этой тайны была полуразбитая отхожим промыслом и заводами деревня. Мы не будем скрывать, что этот мир крестьянской жизни, который мы посе-

цаем разумом сердца через образы, наши глаза застали, увы, вместе с расцветом на одре смерти. Он умирал, как выплеснутая волной на берег земли рыба. В судорожном биении он ловил своими жабрами хоть струйку родного ему воздуха, но вместо воздуха в эти жабры впивался песок и, словно гвозди, разрывал ему кровеносные сосуды.

Мы стояли у смертного изголовья этой мистической песни человека, которая единственно, единственно от жажды впивала в себя всякую воду из нечистых луж сектантства, вроде охтинских богородиц или белых голу-бей. Этот вихрь, который сейчас бреет бороду старому миру, миру эксплуатации массовых сил, явился нам как ангел спасения к умирающему, он протянул ему как прокаженному руку и сказал: «Возьми одр твой и ходи».

Мы верим, что чудесное исцеление родит теперь в деревне еще более просветленное чувство новой жизни. Мы верим, что пахарь пробьет теперь окно не только *глазком* к Богу, а целым огромным, как шар земной, *глазом*. Звездная книга для творческих записей теперь открыта снова. Ключ, об-

роненный старцем в море, от церкви духа, выплеснут золотыми волнами, народ не забудет тех, кто взбурлил волны, он сумеет отблагодарить их своими песнями, и мы, видевшие жизнь его творчества, умирание и воскресение, услышим снова тот ответный перезвон узловой завязи природы с сущностью человека в ряду таких же строк и, может быть, еще сильнее и красивее, как:

*Завила кудри,
Завила русы
Родна сестрица,
На светел месяц
Она глядючи,
Со воды узор
Сонимаючи.*

Будущее искусство расцветет в своих возможностях достижений как некий вселенский вертоград, где люди блаженно и мудро будут хороводно отдыхать под тенистыми ветвями одного преогромнейшего древа, имя которому социализм, или рай, ибо рай в мужицком творчестве так и представлялся, где нет податей за пашни, где «избы новые, кипарисовым тесом крытые», где дряхлое

время, бродя по лугам, сзывает к мировому столу все племена и народы и обносит их, подавая каждому золотой ковш, сыченою брагой.

Но дорога к этому свету искусства, помимо смываемых препятствий в мире внешней жизни, имеет еще целые рощи колючих кустов шиповника и крушины в восприятии мысли и образа. Люди должны научиться читать забытые ими знаки. Должны почувствовать, что очаг их есть та самая колесница, которая увозит пророка Илью в облака. Они должны постичь, что предки их не простыми завитками дали нам фиту и ижицу, они дали их нам, как знаки открывающейся книги, в книге нашей души. Человек по последнему знаку отправился искать себя. Он захотел найти свое место в пространстве и обозначил это пространство фигурой буквы Θ . За этим знаком пространства, за горою его северного полюса, идет рисунок буквы Υ , которая есть не что иное, как человек, шагающий по небесному своду. Он идет навстречу идущему от фигуры буквы Υ (закон движения – круг).

Волнообразная линия в букве Θ означает место, где оба идущих должны встретиться. Человек, идущий по небесному своду, попадет головой в голову человеку, идущему по земле. Это есть знак того, что опрокинутость земли сольется в браке с опрокинутостью неба. Пространство будет побеждено, и в свой творческий рисунок мира люди, как в инженерный план, вдунут осязаемые грани строительства. Воздушные рифы глазам воздушных корабельщиков будут видимы так же, как рифы водные. Всюду будут расставлены вехи для безопасного плавания, и человечество будет перекликаться с землей не только с близкими ему по планетам спутниками, а со всем миром в его необъятности.

Но для этого перед нами лежит огромнейшая внутренняя работа. Мы должны ясней изучить свою сущность, проверить себя не по годам тела, а по возрасту души, ибо убежденный сединами старец иногда по этому возрасту души равняется всего лишь пятнадцатилетнему отроку, которого за его стихи Феб приказал выпороть. У нас многие заслуживают ровно такого же отношения к себе,

но и многие пребывают просто в слепоте нерождения. Их глазам нужно сделать какой-то надрез, чтобы они видели, что небо не оправа для алмазных звезд, – а необъятное, неисчерпаемое море, в котором эти звезды живут, как многочисленные стаи рыб, а месяц для них все равно что закинутая рыбаком верша.

Для этого прежде всего мы должны до точности проследить пути нашего настоящего творчества и творчества заблудившегося, должны разбить образы на законы определенных, подчеркнуть родоспособность их и поставить в хоровой чин, так же как поставлены по блеску луна, солнце и земля.

3

Существо творчества в образах разделяется так же, как существо человека, на три вида – душа, плоть и разум.

Образ от плоти можно назвать *заставочным*, образ от духа *корабельным* и третий образ от разума *ангельским*.

Образ заставочный есть, так же как и метафора, уподобление одного предмета другому или крещение воздуха именами близких

нам предметов.

Солнце – колесо, телец, заяц, белка.

Тучи – ели, доски, корабли, стадо овец.

Звезды – гвозди, зерна, караси, ласточки.

Ветер – олень, Сивка Бурка, метельщик.

Дождик – стрелы, посев, бисер, нитки.

Радуга – лук, ворота, веревя, дуга и т. д.

Корабельный образ есть уловление в каком-либо предмете, явлении или существе струения, где заставочный образ плывет, как ладья по воде. Давид, например, говорит, что человек словами течет, как дождь, язык во рту для него есть ключ от души, которая равняется храму вселенной. Мысли для него струны, из звуков которых он слагает песню Господу. Соломон, глядя в лицо своей красивой Суламифи, прекрасно восклицает, что зубы ее «как стадо остриженных коз, бегущих с гор Галаада».

Наш Боян поет нам, что «на Немизе снопы стелют головами, молотят цепи харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела. Немизе кровави брезии не бологомь бяхуть посеяни, – посеяни костью русьских сынов».

Ангелический образ есть *сотворение*

или пробитие из данной заставки и корабельного образа какого-нибудь окна, где *струение* являет из лика один или несколько новых ликов, где зубы Суламифь без всяких как, стирая всякое сходство с зубами, становятся настоящими живыми, сбежавшими с гор Галаада, козами. На этом образе построены почти все мифы от дней египетского быка в небе вплоть до нашей языческой религии, где ветры, стрибожьи внуци, «веют с моря стрелами», он пронзает устремление почти всех народов в их лучших произведениях, как «Илиада», Эдда, Калевала, «Слово о полку Игореве», Веды, Библия и др. В чисто индивидуалистическом творчестве Эдгар По построил на нем свое «Эльдорадо», Лонгфелло «Песнь о Гайавате», Гебель свой «Ночной разговор», Уланд свой «Пир в небесной стороне», Шекспир – нутро «Гамлета», ведьм и Бирнамский лес в «Макбете». Воздухом его дышит наш русский «Стих о Голубиной книге», «Златая цепь», «Слово о Данииле Заточнике» и множество других произведений, которые выпукло светят на протяжении долгого ряда веков.

Наше современное поколение не имеет

представления об этих образах. В русской литературе за последнее время произошло невероятнейшее отупение. То, что было выжато и изъедено вплоть до корок рядом предыдущих столетий, теперь собирается по кусочкам, как открытие. Художники наши уже несколько десятков лет подряд живут совершенно без всякой внутренней грамотности. Они стали какими-то ювелирами, рисовальщиками и миниатюристами словесной мертвенности. Для Клюева, например, все сплошь стало идиллией гладко причесанных английских гравюр, где виноград стилизуется под курчавый порядок воинственных всадников; то, что было раньше для него сверлением облегающей его коры, теперь стало вставкой в эту кору. Сердце его не разгадало тайны наполняющих его образов, и вместо голоса из-под камня Оптиной пустыни он повеял на нас безжизненным кружевным ветром деревенского Обри Бердслея, где ночи-вставки он отливает в перстень яснее дней, а мозоль, простой мужичий мозоль, вставляет в пятку, как алтарную ладанку. Конечно, никто не будет спорить о достоинствах этой мозаики.

Уайльд в лаптях для нас столь же приятен, как и Уайльд с цветком в петлице и лакированных башмаках. В данном случае мы хотим лишь указать на то, что художник пошел не по тому лугу. Он погнался за яркостью красок и «изрони женьчужну душу из храбра тела, чрез злато ожерелие», ибо луг художника только тот, где растут цветы целителя Пантелимона.

Создать мир воздуха из предметов земных вещей или рассыпать его на вещи – тайна для нас не новая. Она характеризует разум, сделавший это лишь как ларец, где лежат приборы для более тонкой вышивки; это есть сочинительство загадок с ответом в середине самой же загадки. Но в древней Руси и по сию пору в народе эта область творчества гораздо экспрессивнее. Там о месяце говорят:

*Сивка море перескочил,
Да копыт не замочил.*

*Лысый мерин через синее
Прясло глядит.*

Роса там определяется таким словесным узором, как:

*Заря-заряница,
Красная девица,
В церковь ходила,
Ключи обронила,
Месяц видел,
Солнце скрало.*

Вслед Ключеву свернул себе шею на своей дороге и подгрупповатый футуризм. Очертив себя кругом Хома Брута из сказки о Вие, он крикливо старался напечатлеть нам имена той нечисти (нечистоты), которая живет за задними углами наших жилищ. Он сгруппировал в своем сердце все отбросы чувств и разума и этот зловонный букет бросил, как «проходящий в ночи», в наше, с масличной ветвью ноевского голубя, окно искусства. Голос его гнойного разложения прозвучал еще при самом таинстве рождения уродца. Маринетти, крикнувший клич войны, первый проткнулся о копьё творческой правды. Нашим подголоскам: Маяковскому, Бурлюку и другим рожденным распоротым животом этого ротастого итальянца – движется, вещь гибель, Бирнамский лес – открывающаяся в слове и образе доселе скрытая внутренняя

сила русской мистики. Бессилие футуризма выразилось главным образом в том, что, повернув сосну кореньями вверх и посадив на сук ей ворону, он не сумел дать жизнь этой сосне без подставок. Он не нашел в воздухе воды не только озера, но даже маленькой лужицы, где б можно было окунуть корни этой опрокинутой сосны. Рост ввысь происходит по-иному, в нее растет только то, что сбрасывает с себя кору или, подобно Андрее-Беловскому «Котику Летаеву», вытягивается из тела руками души, как из мешка.

Когда Котик плачет в горизонт, когда на него мычит черная ночь и звездочка слетает к нему в постельку усиком поморгать, мы видим, что между Белым земным и Белым небесным происходит некое сочетание в браке. Нам является лик человека, завершаемый с обоих концов ногами. Ему уже нет пространства, а есть две тверди. Голова у него уже не верхняя точка, а точка центра, откуда ноги идут, как некое излучение. Наш пуп в этом отношении самый наилучший толкователь символа этой головы и о послании нас слить небо с землею. Туловище человека не напрас-

но разделяется на два световых круга, где верхняя часть от пупа подлечит солнечному влиянию, а нижняя – лунному. Здесь в мудрый узел завязан ответ значению тяготения человека к пространству, здесь скрываются знаки нашего послания, прочитав грамоту которых мы разгадаем, что в нас пока колесо нашего мозга движет луна, что мы мыслим в ее пространстве и что в пространство солнца мы начинаем только просовываться. С теми средствами, с которыми шел футуризм в это солнечное пространство, он мог просунуться так же легко, как и верблюд в игольное ушко, ибо эта радость вознесения была предначертана целыми тысячелетиями до него мистам, не мог просунуться и потому, что существом своим не благословил и не постиг голгофы, которая для духа закреплена не только фактическим пропятием Христа, но и всюю гармонией мироздания, где на законах световых скрещиваний построены все зримые и невидимые нами формы. Мист же идет на это пропятие, провидя и терновый венок, и гвоздинные язвы. Он знает, что идущий по небесной тверди, окунув-

шись в темя ему, образует с ним знак того же креста, на котором висела вместе с телом доска с надписью И.Н.Ц.И.

Но он знает и то, что только фактом восхода на крест Христос окончательно просунулся в пространство от луны до солнца, только через Голгофу он мог оставить следы на ладонях Елеона (луны), уходя вознесением ко отцу (то есть солнечному пространству); буря наших дней должна устремить и нас от сдвига наземного к сдвигу космоса. Мы считаем преступлением устремляться глазами только в одно пространство чрева; тени неразумных, не рожденных к посвящению слышать царство солнца внутри нас, стараются заглушить сейчас всякий голос, идущий от сердца в разум, но против них должна быть такая же беспощадная борьба, как борьба против старого мира.

Они хотят стиснуть нас руками проклятой смоковницы, которая рождена на бесплодие; мы должны кричать, что все эти пролеткульты есть те же самые по старому образцу розги человеческого творчества. Мы должны вырвать из их звериных рук это маленькое тель-

це нашей новой эры, пока они не засекали его. Мы должны им сказать так же, как сказал придворному лжецу Гильденштерну Гамлет: «Черт вас возьми! Вы думаете, что на нас легче играть, чем на флейте? Назовите нас каким угодно инструментом – вы можете нас *расстроить*, но не играть на нас». Человеческая душа слишком сложна для того, чтоб заковать ее в определенный круг звуков какой-нибудь одной жизненной мелодии или сонаты. Во всяком круге она шумит, как мельничная вода, просасывая плотину, и горе тем, которые ее запружают, ибо, вырвавшись бешеным потоком, она первыми сметает их в прах на пути своем. Так на этом пути она смела монархизм, так рассосала круги классицизма, декаданса, импрессионизма и футуризма, так сметет она и рассосет сонм кругов, которые ей уготованы впереди.

Задача человеческой души лежит теперь в том, как выйти из сферы лунного влияния; уходя из мышления старого капиталистического обихода, мы не должны строить наши творческие образы так, как построены они хотя бы, например, у того же Николая Клюе-

Ва:

*Тысчу лет и Лембэй пущей пра-
вит,
Осеньщину дань собирая с тварей:
С зайца шерсть, буланый пух с ле-
шуги,
А с осины пригоршню алтынов.*

Этот образ построен на заставках стертого революцией быта; в том, что он прекрасен, мы не можем ему отказать, но он есть тело покойника в нашей горнице обновленной души и потому должен быть предан земле. Предан земле потому, что он заставляет Ключева в такие священнейшие дни обновления человеческого духа благословить убийство и сказать, что «убийца святых потира». Это старое инквизиционное православие, которое, посадив св. Георгия на коня, пронзило копьём, вместо змия, самого Христа.

Средства напечатления образа грамотой старого обихода должны умереть вообще. Они должны или высидеть на яйцах своих слов птенцов, или кануть отзвеневшим потоком в море Леты. Вот потому-то нам так и противны занесенные руки марксистской

опеки в идеологии сущности искусства. Она строит руками рабочих памятник Марксу, а крестьяне хотят поставить его корове. Ей непонятна грамота солнечного пространства, а душа алчущих света не хочет примириться с давно знакомым ей и изжитым начертанием жизни чрева. Перед нами встает новая символическая черная ряса, очень похожая на приемы православия, которое заслонило своей чернотой свет солнца истины. Но мы победим ее, мы также раздерем ее, как разодрали мантию заслоняющих солнце нашего братства. Жизнь наша бежит вихревым ураганом, мы не боимся их преград, ибо вихрь, затаенный в самой природе, тоже задвигался нашим глазам, и прав поэт, истинно прекрасный народный поэт, Сергей Клычков, говорящий нам, что

*Уж несетя предзорняя конница,
Утонувши в тумане по грудь,
И березки прощаются, клонятся,
Словно в дальний собралися путь.*

Он первый увидел, что земля поехала, он видит, что эта предзорняя конница увозит ее к новым берегам, он видит, что березки, си-

дящие в телеге земли, прощаются с нашей старой орбитой, старым воздухом и старыми тучами.

Да, мы едем, едем потому, что земля уже выдышала воздух, она зарисовала это небо, и рисункам ее уже нет места. Она к новому тянется небу, ища нового незаписанного места, чтобы через новые рисунки, через новые средства протянуться еще дальше. Гонители Святого Духа-мистицизма забыли, что в народе уже есть тайна о семи небесах, они осмелили трех китов, на которых держится, по народному представлению, земля, а того не поняли, что этим сказано то, что земля *плывет*, что ночь – это время, когда киты спускаются за пищей в глубину морскую, что день есть время продолжения пути по морю.

Душа наша Шехеразада. Ей не страшно, что Шахриар точит нож на растленную девственницу, она застрахована от него тысяча одной ночью корабля и вечностью проскваживающих небо ангелов. Предначертанные спасению тоскою наших отцов и предков чрез их иаковскую лестницу орнамента слова, мысли и образа, мы радуемся потоку, ко-

торый смывает сейчас с земли круг старого вращения, ибо места в ковчеге искусства нечистым парам уже не будет. То, что сейчас является нашим глазам в строительстве пролетарской культуры, мы называем: «Ной выпускает ворона». Мы знаем, что крылья ворона тяжелы, путь его недалек, он упадет, не только не долетев до материка, но даже не увидев его, мы знаем, что он не вернется, знаем, что масличная ветвь будет принесена только голубем – образом, крылья которого спаяны верой человека не от классового осознания, а от осознания обстающего его храма вечности.

Сентябрь – ноябрь 1918

Быт и искусство

(Отрывок из книги «Словесные орнаменты»)

Сии строки я посвящаю своим собратьям по тому течению, которое исповедует Величию образа.

Собратьям моим кажется, что искусство существует только как искусство. Вне всяких влияний жизни и ее уклада. Мне ставится в вину, что во мне еще не выветрился дух разумниковской школы, которая подходит к искусству, как к служению неким идеям.

Собратья мои увлеклись зрительной фигуральностью словесной формы, им кажется, что слова и образ – это уже все.

Но да простят мне мои собратья, если я им скажу, что такой подход к искусству слишком несерьезный, так можно говорить об искусстве поверхностных впечатлений, об искусстве декоративном, но отнюдь не о том настоящем строгом искусстве, которое есть значное служение выявления внутренних потребностей разума.

Каждый вид мастерства в искусстве, будь то слово, живопись, музыка или скульптура, есть лишь единичная часть огромного органического мышления человека, который носит в себе все эти виды искусства только лишь как и необходимое ему оружие.

Искусство – это виды человеческого управления. Словом, звуками и движениями человек передает другому человеку то, что им поймано в явлении внутреннем или явлении внешнем. Все, что выходит из человека, рождает его потребности, из потребностей рождается быт, из быта же рождается его искусство, которое имеет место в нашем представлении.

Понимая искусство во всем его размахе, я хочу указать моим собратьям на то, насколько искусство неотделимо от быта и насколько они заблуждаются, увязая нарочито в тех утверждениях его независимости.

Виды искусства, как я уже сказал, весьма многообразны. Прежде чем подойти к искусству слова, подойдем к самому несложному и поверхностному искусству, искусству одежды человека, перенесемся мыслями хотя бы к нашей скифской эпохе. Вспомним тавров,

будинов и сарматов.

Описывая скифов, Геродот прежде всего говорит о их обычаях и одежде. Скифы носят на шеях гривны, на руках браслеты, на голову надевают шлем, накрываются сшитыми из конских копыт плащами, которые служат им панцирями. Нижняя одежда состоит из шаровар и коротких саков. Всмотревшись в это коротенькое описание, вы сразу уже представляете себе всю причинность обряда, и перед вами невольно встает это буйное, и статное, и воинственное племя. Вы уже сразу чувствуете, что гривна ему нужна для того, чтоб защитить от меча врага шею, шлемом они защищают череп, браслетом – кисть руки, плащ же охраняет его бока и спину.

Так же как и в одежде, человек выявил себя своими требованиями и в музыке. Мы знаем, что мелодии родились так же, как щит и оружие.

Действие музыки главным образом отражается на крови. Звуки как-то умеют и беспокоить и усмирять ее. Эту тайну знали как древние заклинатели змей, играющие на флейтах, так бессознательно знают ее

и по сей день наши пастухи, играя на рожке коровам. Недаром монголы говорят, что под скрипку можно заставить плакать верблюда. Звуки умеют привязывать и развязывать, останавливать и гнать бурей. Все это уже известно давно, и на этом давно уже построены определения песен героических, эпических, надгробных и свадебных.

Подходя к слову, мы также видим, что значение его одинаково с предыдущими видами требований человека.

Слова – это образы всей предметности и всех явлений вокруг человека; ими он защищается, ими же и наступает. Нет слова беспредметного и бестелесного, и оно так же неотъемлемо от бытия, как и все многорукое и многоглазое хозяйство искусства. Даже то искусство одежды, музыки и слова, которое совсем бесполезно, все-таки есть прямой продукт бытовых движений. Оно попутчик быта.

Что такое теперешние ожерелья, перстни и браслеты, как не сколок с воинственных лат наших далеких предков? Что такое чувствительные романсы, вгоняющие в половой жар и в грусть девушек и юношей, как не дей-

ствие над змеей или коровой? И что такое слова, как не синие трупики обстановочных предметов первобытного человека? Нет, быт и искусство неотделимы. Фигуры – это уже быт, а искусство есть самая яркая фигуральность.

Собратья мои не признают порядка и согласованности в сочетаниях слов и образов. Хочется мне сказать собратьям, что они не правы в этом.

Жизнь образа огромна и разливчата. У него есть свои возрасты, которые отмечают эпохами. Сначала был образ *словесный*, который давал имена предметам, за ним идет образ *заставочный*, *мифический*, после мифического идет образ *типический*, или *собира-тельный*, за типическим идет образ *корабель-ный*, или образ *двойного зрения*, и, наконец, *ангелический*, или *изобретательный*, о которых нам отчасти пришлось говорить в нашей книге «Ключи Марии».

Пример словесного образа таков. Сначала берем образ без слова. Перед нами неотчеканенные массы звуков пчелы:

у-у-у-у,

бу-бу-бу.

Перед сознанием человека встает действие, которое определяется звуком «бу»; предмет пойман в определение и уже неподвижен, определение это есть образ слова.

Образ заставочный, или мифический, есть уподобление одного предмета или явления другому:

*Ветви – руки,
сердце – мышь,
солнце – лужа.*

Мифический образ заключается и в уподоблении стихийных явлений человеческим бликам.

Отсюда Дажь-бог, дающий дождь, и ветреная Геба, что

*Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.*

На нем построены все божественные фигуры, а также именные клички героев у дикарей: «Пятнистый олень», «Красный ветер», «Сова», «Сычи», «Обкусанное солнце» и т. д.

Типический образ, или собирательный,

есть образ сумм внешних или внутренних фигур при человеке. Внешний образ: «нос, что перевоз». Внутренний образ:

*Тверд, как камень,
Блудлив, как ветер.*

Корабельный образ, образ двойственного положения:

*Взбрезжи, полночь, луны кувшин
Зачерпнуть молока берез.*

Он очень родственен заставочному с тою лишь разницей, что заставочный неподвижен. Этот же образ имеет вращение.

Образ ангелический, или изобретательный, есть воплощение движения или явления, так же как и предмета, в плоть слова. На чувстве этого образа построена вся техническая предметная изобретательность, а также и эмоциональная. Образ предметного ангелизма: ковер-самолет и аэроплан, перо жар-птицы и электричество, сани-самокаты и автомобиль. На образе эмоционального ангелизма держатся имена незримого и имматериального, когда они, только еще предчувствуемые, облакаются уже в одежду имени,

например, чувство незримой страны «Инония», чувство незримого и неизвестного прихода, как-то: «Гость чудесный».

Итак, подыскав определения текучести образов, уложив их в формы, для них присущие, мы увидим, что текучесть и вращение их имеет согласованность и законы, нарушения которых весьма заметны.

Вся жизнь наша есть не что иное, как заполнение большого, чистого полотна рисунками.

Сажая под окошком ветлу или рябину, крестьянин, например, уже делает четкий и строгий рисунок своего быта со всеми его зависимостями от климатического стиля. Каждый шаг наш, каждая проведенная борозда есть необходимый штрих в картине нашей жизни.

Смею указать моим братьям, что каждая линия в этом рисунке строго согласуется с законами общего. Климатический стиль нашей страны заставляет меня указать моим братьям на то, насколько необходимы и непреложны эти законы. Братья мои сами легли черточками в этот закон и вращаются так,

как им предназначено. Что бы они ни говорили в противовес, сила останется за этим так же, как и за правдой календарного абриса в хозяйственном обиходе нашего русского простолюдина.

Северный простолюдин не посадит под свое окно кипариса, ибо знает закон, подсказанный ему причинностью вещей и явлений. Он посадит только то дерево, которое присуще его снегам и ветру.

Вглядитесь в календарные изречения Восточной России, там всюду строгая согласованность его с вещами и с местом, временем и действием стихий. Все эти «Марьи зажги снега, заиграй овражки», «Авдотьи подмочи порог» и «Федули сестреньки» построены по самому наилучшему приему чувствования своей страны.

У братьев моих нет чувства родины во всем широком смысле этого слова, поэтому у них так и несогласовано все. Поэтому они так и любят тот диссонанс, который впитали в себя с удушливыми парами шутовского кривляния ради самого кривляния.

У Анатоля Франса есть чудный рассказ

об одном акробате, который выделял вместо обыкновенной молитвы разные фокусы на трапеции перед Богоматерью. Этого чувства у моих собратьев нет. Они ничему не молятся, и нравится им только одно пустое акробатничество, в котором они делают очень много головокружительных прыжков, но которые есть ни больше, ни меньше как ни на что не направленные выверты.

Но жизнь требует только то, что ей нужно, и так как искусство только ее оружие, то всякая ненужность отрицается так же, как и несогласованность.

1920

Вступление к сборнику «Стихи скандалиста»

Я чувствую себя хозяином в русской поэзии и потому втаскиваю в поэтическую речь слова всех оттенков, нечистых слов нет. Есть только нечистые представления. Не на мне лежит конфуз от смелого произнесенного мной слова, а на читателе или на слушателе. Слова – это граждане. Я их полководец. Я веду их. Мне очень нравятся слова корявые. Я ставлю их в строй как новобранцев. Сегодня они неуклюжи, а завтра будут в речевом строю такими же, как и вся армия.

Стихи в этой книге не новые. Я выбрал самое характерное и что считаю лучшим. Последние 4 стихотворения «Москва кабацкая» появляются впервые.

20 марта 1923. Берлин

Предисловие

В этом томе собрано почти все, за малым исключением, что написано мной с 1912 года. Большие вещи: «Страна негодяев», «Пугачев» и др. отходят во 2-й том.

Все творчество мое есть плод моих индивидуальных чувств и умонастроений. Мне не нужно было бы и писать предисловия, так как всякий читатель поймет это по прочтении всех моих стихов, но некоторые этапы требуют пояснения.

Самый щекотливый этап – это моя религиозность, которая очень отчетливо отразилась на моих ранних произведениях.

Этот этап я не считаю творчески мне принадлежащим. Он есть условие моего воспитания и той среды, где я вращался в первую пору моей литературной деятельности.

На ранних стихах моих сказалось весьма сильное влияние моего деда. Он с трех лет вдалбливал мне в голову старую патриархальную церковную культуру. Отроком меня таскала по всем российским монастырям бабка.

Литературная среда 13–14–15 годов, в которой я вращался, была настроена приблизительно так же, как мой дед и бабушка, поэтому стихи мои были принимаемы и толкуемы с тем вкусом, от которого я отпихиваюсь сейчас руками и ногами.

Я вовсе не религиозный человек и не мистик. Я реалист, и если есть что-нибудь туманное во мне для реалиста, то это романтика, но романтика не старого нежного и дамобожаемого уклада, а самая настоящая земная, которая скорее преследует авантюристические цели в сюжете, чем протухшие настроения о Розах, Крестах и всякой прочей дребедени.

Поклонникам Блока не следует принимать это за то, что я кощунственно бросаю камень на его могилу.

Я очень люблю и ценю Блока, но на наших полях он часто выглядит как голландец. Все же другие мистики мне напоминают иезуитов.

Я просил бы читателей относиться ко всем моим Исусам, Божьим Матерям и Миколам, как к сказочному в поэзии. Отрицать я в себе этого этапа вычеркиванием не могу так же,

как и все человечество не может смыть периода двух тысяч лет христианской культуры, но все эти собственные церковные имена нужно так же принимать, как имена, которые для нас стали мифами: Озирис, Оаннес, Зевс, Афродита, Афина и т. д.

В стихах моих читатель должен главным образом обращать внимание на лирическое чувство и ту образность, которая указала пути многим и многим молодым поэтам и беллетристам. Не я выдумал этот образ, он был и есть основа русского духа и глаза, но я первый развил его и положил основным камнем в своих стихах.

Он живет во мне органически так же, как мои страсти и чувства. Это моя особенность, и этому у меня можно учиться так же, как я могу учиться чему-нибудь другому у других.

1 января 1924

Анкета журнала «Книга о книгах».

К юбилею Пушкина

Ответы

1. *Как Вы теперь воспринимаете Пушкина?*

Пушкин – самый любимый мной поэт. С каждым годом я воспринимаю его все больше и больше как гения страны, в которой я живу. Даже его ошибки, как, например, характеристика Мазепы, мне приятны, потому что это есть общее осознание русской истории.

2. *Какую роль Вы отводите Пушкину в судьбах современной и будущей русской литературы?*

Влияния Пушкина на поэзию русскую вообще не было. Нельзя указать ни на одного поэта, кроме Лермонтова, который был бы заражен Пушкиным. Постичь Пушкина – это уже нужно иметь талант. Думаю, что только сейчас мы начинаем осознавать стиль его словесной походки.

3. Как дать Пушкина современному русско-
му читателю?

Я не поклонник отроческих стихов Пушкина. По-моему, их нужно просмотреть и некоторые выкинуть. Из зрелых стихов я считаю ненужным все случайные стихотворные письма и эпиграммы, кроме писем к Языкову и Дельвигу.

1924

В. Я. Брюсов

Умер Брюсов. Эта весть больна и тяжела, особенно для поэтов.

Все мы учились у него. Все знаем, какую роль он играл в истории развития русского стиха.

Большой мастер, крупный поэт, он внес в затхлую жизнь после шестидесятников и девяностых струю свежей и новой формы.

Лучше было бы услышать о смерти Гиппиус и Мережковского, чем видеть в газете эту траурную рамку о Брюсове. Русский символизм кончился давно, но со смертью Брюсова

он канул в Лету окончательно.

Много Брюсова ругали, много говорили о том, что он не поэт, а мастер. Глупые слова! Глупые суждения!

После смерти Блока это такая утрата, что ее и выразить невозможно. Брюсов был в искусстве новатором.

В то время, когда в литературных вкусах было сплошное слюнтяйство, вплоть до горьких слез над Надсоном, он первый сделал крик против шаблонности своим знаменитым:

О, закрой свои бледные ноги.

Много есть у него прекраснейших стихов, на которых мы воспитывались.

Брюсов первый раздвинул рамки рифмы и первый культивировал ассонанс. Утрата тяжела еще более потому, что он всегда приветствовал все молодое и свежее в поэзии. В литературном институте его имени вырастали и растут такие поэты, как Наседкин, Иван Приблудный, Акульшин и др. Брюсов чутко относился ко всему талантливому. Сделав свое дело на поле поэзии, он последнее время

был вроде арбитра среди сражающихся течений в литературе. Он мудро знал, что смена поколений всегда ставит точку над юными, и потому, что он знал, он написал такие прекрасные строки о гуннах:

*Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гим-
ном.*

Брюсов первый пошел с Октябрем, первый встал на позиции разрыва с русской интеллигенцией. Сам в себе зачеркнуть страницы старого бытия не всякий может. Брюсов это сделал.

Очень грустно, что на таком литературном безрыбьи уходят такие люди.

1924

Дама с лорнетом

(Вроде письма. На общеизвестное)

Когда-то я мальчишкой, проезжая Петербург, зашел к Блоку. Мы говорили очень много о стихах, но Блок мне тут же заметил, вероятно по указаниям Иванова-Разумника: «Не верь ты этой бабе. Ее и Горький считает умной. Но, по-моему, она низкопробная дура». Это были слова Блока. После слов Блока, к которому я приехал, впервые я стал относиться и к Мережковскому и к Гиппиус – подозрительней. Один только Философов, как и по сейчас, занимает мой кругозор, которому я писал и говорил то устно, то в стихах; но все же Клюев и на него составил стихи, обобщая его вместе с Мережковскими.

– Что такое Мережковский?

– Во всяком случае, не Франс.

– Что такое Гиппиус?

– Бездарная завистливая поэтесса.

В газете «Eclair»[11] Мережковский называл меня хамом, называла меня Гиппиус альфонсом за то, что когда-то я, пришедший из де-

ревни, имел право носить валенки.

– Что это на вас за гетры? – спросила она, наведя лорнет.

Я ей ответил:

– Это охотничьи валенки.

– Вы вообще кривляетесь.

–

Потом Мережковский писал: «Альфонс, пьяница, большевик!»

А я ему отвечал устно:

– Дурак, бездарность!

Клюев, которому Мережковский и Гиппиус не годятся в подметки в смысле искусства, говорил: «Солдаты испражняются. Где калитка, где забор, Мережковского собор». Действительно колоннады. Мадам Гиппиус! Не хотите ли Лориган? Ведь Вы в «Золотое руно» снимались так же в брюках с портрета Сомова.

Лживая и скверная Вы. Все у Вас направлено на личное влияние Вас. Вы пишете: «Основа партии – общее утверждение ценностей».

Это Вы пишете. Безмозглая и глупая дама. Даже Шкловский помнит, что Вы говорили и что опять пишете: «“Крайнюю” хату, левую или правую, это безразлично, раз он худож-

ник. Такое время». Слова Ваши.

Вы продажны и противны в этом, как всякая контрреволюционная дрянь.

Это суждение к нам не подходит. Дорога Ваша ясна с Вашим игнорированием нас (хотя Вы писали обо мне статьи хвалебные).

Пути Вам нет сюда, в Советскую Россию. Все равно Вы будете путешественники по стране СССР с Бедкером.

1925

О резолюции ЦК РКП(б) о художественной литературе

Мне определено нравится эта резолюция вся. Это не то, что декларация напостовцев. Хороша вся резолюция. Но особенно нравится мне часть, касающаяся литературы «попутчиков», потому что я сам «попутчик» из группы крестьянских поэтов.

Нравится мне то, что партия будет терпеливо относиться к размежеванию идеологических форм, терпеливо помогая эти неизбежно многочисленные формы изживать в процессе всё более тесного товарищеского

содружества с культурными силами коммунизма.

Как советскому гражданину, мне близка идеология коммунизма и близки наши литературные критики тов. Троцкий и тов. Воронский. Тут я всё понимаю. Тут мне всё ясно. А не вполне ясен мне параграф 8 резолюции, особенно вопрос о стиле и форме художественных произведений и методов выработки новых художественных форм. Возьмем какую-либо группу, предположим, крестьянских писателей. У них общая идеология. Допустим даже, что общий подход к работе. Но их произведения будут глубоко различаться друг от друга, так как у каждого будет свой стиль, своя форма, и чем крупнее дарование – тем форма будет характернее! Поэтому мне кажется, что вопрос о выработке новых литературных форм – дело, касающееся исключительно таланта.

1925

Ответ редакции «Новой вечерней газеты»

Каково ваше материальное положение?

Хотелось бы, чтобы писатели пользовались хотя бы льготами, предоставляемыми советским служащим. Следует удешевить писателям плату за квартиры. Помещение желательно пошире, а то поэт приучается видеть мир только в одно окно.

1925

Автобиографии

Сергей Есенин

Я сын крестьянина. Родился в 1895 году 21 сентября в Рязанской губернии, Рязанского уезда, Кузьминской волости.

С двух лет, по бедности отца и многочисленности семейства, был отдан на воспитание довольно зажиточному деду по матери, у которого было трое взрослых неженатых сыновей, с которыми протекло почти все мое детство. Дядья мои были ребята озорные и отчаянные. Трех с половиной лет они посадили меня на лошадь без седла и сразу пустили в галоп. Я помню, что очумел и очень крепко держался за холку.

Потом меня учили плавать. Один дядя (дядя Саша) брал меня в лодку, отъезжал от берега, снимал с меня белье и, как щенка, бросал в воду. Я неумело и испуганно плескал руками, и, пока не захлебывался, он все кричал: «Эх, стерва! Ну куда ты годишься?» «Стерва» у него было слово ласкательное. После,

лет восьми, другому дяде я часто заменял охотничью собаку, плавая по озерам за подстреленными утками. Очень хорошо я был выучен лазить по деревьям. Из мальчишек со мной никто не мог тягаться. Многим, кому грачи в полдень после пахоты мешали спать, я снимал гнезда с берез, по гривеннику за штуку. Один раз сорвался, но очень удачно, оцарапав только лицо и живот да разбив кувшин молока, который нес на косьбу деду.

Среди мальчишек я всегда был коноводом и большим драчуном и ходил всегда в царапинах. За озорство меня ругала только одна бабка, а дедушка иногда сам подзадоривал на кулачную и часто говорил бабке: «Ты у меня, дура, его не трожь. Он так будет крепче».

Бабушка любила меня изо всей мочи, и нежности ее не было границ. По субботам меня мыли, стригли ногти и гарным маслом гофрили голову, потому что ни один гребень не брал кудрявых волос. Но и масло мало помогало. Всегда я орал благим матом и даже теперь какое-то неприятное чувство имею к субботе.

По воскресеньям меня всегда посылали

к обедне и, чтобы проверить, что я был за обедней, давали 4 копейки. Две копейки за просфору и две за выемку частей священнику. Я покупал просфору и вместо священника делал на ней перочинным ножом три знака, а на другие две копейки шел на кладбище играть с ребятами в свинчатку.

Так протекало мое детство. Когда же я подрос, из меня очень захотели сделать сельского учителя, и потому отдали в закрытую церковно-учительскую школу, окончив которую шестнадцати лет я должен был поступить в Московский учительский институт. К счастью, этого не случилось. Методика и дидактика мне настолько осточертели, что я и слушать не захотел.

Стихи я начал писать рано, лет девяти, но сознательное творчество отношу к 16–17 годам. Некоторые стихи этих лет помещены в «Радунце».

Восемнадцать лет я был удивлен, разослав свои стихи по журналам, тем, что их не печатают, и неожиданно грянул в Петербург. Там меня приняли весьма радушно. Первый, кого я увидел, был Блок, второй – Городецкий.

Когда я смотрел на Блока, с меня капал пот, потому что в первый раз видел живого поэта. Городецкий меня свел с Клюевым, о котором я раньше не слышал ни слова. С Клюевым у нас завязалась, при всей нашей внутренней распре, большая дружба, которая продолжается и посейчас, несмотря на то, что мы шесть лет друг друга не видели.

Живет он сейчас в Вытегре, пишет мне, что ест хлеб с мякиной, запивая пустым кипятком и моля Бога о непостыдной смерти.

За годы войны и революции судьба меня толкала из стороны в сторону. Россию я исколесил вдоль и поперек, от Северного Ледовитого океана до Черного и Каспийского моря, от Запада до Китая, Персии и Индии.

Самое лучшее время в моей жизни считаю 1919 год. Тогда мы зиму прожили в 5 градусах комнатного холода. Дров у нас не было ни полена.

В РКП я никогда не состоял, потому что чувствую себя гораздо левее.

Любимый мой писатель – Гоголь.

Книги моих стихов: «Радунница», «Голубень», «Преображение», «Сельский часослов»,

«Трерядница», «Исповедь хулигана» и «Пугачев».

Сейчас работаю над большой вещью под названием «Страна негодяев».

В России, когда там не было бумаги, я печатал свои стихи вместе с Кусиковым и Мариенгофом на стенах Страстного монастыря или читал просто где-нибудь на бульваре. Самые лучшие поклонники нашей поэзии проститутки и бандиты. С ними мы все в большой дружбе. Коммунисты нас не любят по недоразумению.

За сим всем читателям моим низжайший привет и маленькое внимание к вывеске: «Просят не стрелять!»

14 мая 1922. Берлин

Автобиография

Родился 1895 г. 3 октября. Сын крестьянина Рязанской губ., Рязанского уезда, села Константинова. Детство прошло среди полей и степей.

Рос под призором бабки и деда.

Бабка была религиозная, таскала меня по монастырям. Дома собирала всех увечных, которые поют по русским селам духовные стихи от «Лазаря» до «Миколы». Рос озорным и непослушным. Был драчун. Дед иногда сам заставлял драться, чтобы крепче был.

Стихи начал слагать рано. Толчки давала бабка. Она рассказывала сказки. Некоторые сказки с плохими концами мне не нравились, и я их переделывал на свой лад. Стихи начал писать, подражая частушкам. В Бога верил мало. В церковь ходить не любил. Дома это знали и, чтобы проверить меня, давали 4 копейки на просфору, которую я должен был уносить в алтарь священнику на ритуал вынимания частей. Священник делал на просфоре 3 надреза и брал за это 2 копейки. Потом я научился делать эту процедуру

сам перочинным ножом, а 2 коп. клал в карман и шел играть на кладбище к мальчишкам, играть в бабки. Один раз дед догадался. Был скандал. Я убежал в другое село к тетке и не показывался до той поры, пока не простили.

Учился в закрытой учительской школе.

Дома хотели, чтоб я был сельским учителем.

Когда отвезли в школу, я страшно скучал по бабке и однажды убежал домой за 100 с лишним верст пешком.

Дома выругали и отвезли обратно.

После школы с 16 лет до 17 жил в селе. 17 лет уехал в Москву и поступил вольнослушателем в Университет Шанявского. 19 лет попал в Петербург проездом в Ревель к дяде. Зашел к Блоку, Блок свел с Городецким, а Городецкий с Клюевым. Стихи мои произвели большое впечатление.

Все лучшие журналы того времени (1915) стали печатать меня, а осенью (1915) появилась моя первая книга «Радуница». О ней много писали. Все в один голос говорили, что я талант.

Я знал это лучше других.

За «Радуницей» я выпустил «Голубень», «Преображение», «Сельский часослов», «Ключи Марии», «Трерядницу», «Исповедь хулигана», «Пугачев». Скоро выйдет из печати «Страна негодяев» и «Москва кабацкая».

Крайне индивидуален.

В революцию был отмечен Троцким, как попутчик.

Со всеми устоями на советской платформе.

* * *

В 1916 году был призван на военную службу. При некотором покровительстве полковника Ломана, адъютанта императрицы, был представлен ко многим льготам. Жил в Царском недалеко от Разумника Иванова. По просьбе Ломана однажды читал стихи императрице. Она после прочтения моих стихов сказала, что стихи мои красивые, но очень грустные. Я ответил ей, что такова вся Россия. Ссылался на бедность, климат и проч.

Революция застала меня на фронте в одном из дисциплинарных батальонов, куда угодил за то, что отказался написать стихи

в честь царя. Отказывался, советуясь и ища поддержки в Иванове-Разумнике.

В революцию покинул самовольно армию Керенского и, проживая дезертиром, работал с эсерами не как партийный, а как поэт.

При расколе партии пошел с левой группой и в октябре был в их боевой дружине.

Вместе с советской властью покинул Петроград.

В Москве 18 года встретился с Мариенгофом, Шершеневичем и Ивневым.

Неразрешимая потребность в проведении в жизнь силы образа натолкнула нас на необходимость опубликования манифеста имажинистов. Мы были зачинателями новой полосы в эре искусства, и нам пришлось долго воевать.

Во время нашей войны мы переименовывали улицы в свои имена и раскрасили Страстной монастырь в слова своих стихов.

19–20–21 годы ездил по России: Мурман, Соловки, Архангельск, Туркестан, Киргизские степи, Кавказ, Персия, Украина и Крым.

В 22 году вылетел на аэроплане в Кенигсберг. объездил всю Европу и Северную

Америку.

Доволен больше всего тем, что вернулся в Советскую Россию.

Что дальше – будет видно.

1923

Автобиография

Я родился в 1895 году 21 сентября в селе Константинове Кузьминской волости, Рязанской губ. и Рязанского уез. Отец мой крестьянин Александр Никитич Есенин, мать Татьяна Федоровна.

Детство провел у деда и бабки по матери в другой части села, которое наз. Матово.

Первые мои воспоминания относятся к тому времени, когда мне было три-четыре года.

Помню лес, большая канавистая дорога. Бабушка идет в Радовецкий монастырь, который от нас верстах в 40. Я, ухватившись за ее палку, еле волочу от усталости ноги, а бабушка все приговаривает: «Иди, иди, ягодка, Бог счастье даст».

Часто собирались у нас дома слепцы, странствующие по селам, пели духовные сти-

хи о прекрасном рае, о Лазаре, о Миколе и о женихе, светлом госте из града неведомого.

Нянька – старуха приживальщица, которая ухаживала за мной, рассказывала мне сказки, все те сказки, которые слушают и знают все крестьянские дети.

Дедушка пел мне песни старые, такие тягучие, заунывные. По субботам и воскресным дням он рассказывал мне Библию и священную историю.

Уличная же моя жизнь была не похожа на домашнюю. Сверстники мои были ребята озорные. С ними я лазил вместе по чужим огородам. Убегал дня на 2–3 в луга и питался вместе с пастухами рыбой, которую мы ловили в маленьких озерах, сначала замутив воду руками, или выводками утят.

После, когда я возвращался, мне частенько влетало.

В семье у нас был припадочный дядя, кроме бабки, деда и моей няньки.

Он меня очень любил, и мы часто ездили с ним на Оку поить лошадей. Ночью луна при тихой погоде стоит стоймя в воде. Когда

лошади пили, мне казалось, что они вот-вот выпьют луну, и радовался, когда она вместе с кругами отплывала от их ртов. Когда мне сравнялось 12 лет, меня отдали учиться из сельской земской школы в учительскую школу. Родные хотели, чтоб из меня вышел сельский учитель. Надежды их простирались до института, к счастью моему, в который я не попал.

Стихи писать начал лет с 9, читать выучили в 5.

Влияние на мое творчество в самом начале имели деревенские частушки. Период учебы не оставил на мне никаких следов, кроме крепкого знания церковно-славянского языка. Это все, что я вынес.

Остальным занимался сам под руководством некоего Клеменова. Он познакомил меня с новой литературой и объяснил, почему нужно кое в чем бояться классиков. Из поэтов мне больше всего нравился Лермонтов и Кольцов. Позднее я перешел к Пушкину.

1913 г. я поступил вольнослушателем в Университет Шанявского. Пробыв там 1,5 года, должен был уехать обратно по мате-

риальным обстоятельствам в деревню.

В это время у меня была написана книга стихов «Радуница». Я послал из них некоторые в петербургские журналы и, не получая ответа, поехал туда сам. Приехал, отыскал Городецкого. Он встретил меня весьма радушно. Тогда на его квартире собирались почти все поэты. Обо мне заговорили, и меня начали печатать чуть ли не нарасхват.

Печатался я: «Русская мысль», «Жизнь для всех», «Ежемесячный журнал» Мирялобова, «Северные записки» и т. д. Это было весной 1915 г. А осенью этого же года Клюев мне прислал телеграмму в деревню и просил меня приехать к нему.

Он отыскал мне издателя М. В. Аверьянова, и через несколько месяцев вышла моя первая книга «Радуница». Вышла она в ноябре 1915 г. с пометкой 1916 г.

В первую пору моего пребывания в Петербурге мне часто приходилось встречаться с Блоком, с Ивановым-Разумником. Позднее с Андреем Белым.

Первый период революции встретил сочувственно, но больше стихийно, чем созна-

тельно.

1917 году произошла моя первая женитьба на З. Н. Райх.

1918 году я с ней расстался, а после этого началась моя скитальческая жизнь, как и всех россиян за период 1918–21 гг. За эти годы я был в Туркестане, на Кавказе, в Персии, в Крыму, в Бессарабии, в Оренбургских степях, на Мурманском побережье, в Архангельске и Соловках.

1921 г. я женился на А. Дункан и уехал в Америку, предварительно исколесив всю Европу, кроме Испании.

После заграницы я смотрел на страну свою и события по-другому.

Наше едва остывшее кочевье мне не нравится. Мне нравится цивилизация. Но я очень не люблю Америки. Америка это тот смрад, где пропадает не только искусство, но и вообще лучшие порывы человечества. Если сегодня держат курс на Америку, то я готов тогда предпочесть наше серое небо и наш пейзаж: изба, немного выросла в землю, прясло, из прясла торчит огромная жердь, вдалеке машет хвостом на ветру тощая лошаденка.

Это не то что небоскребы, которые дали пока что только Рокфеллера и Маккормика, но зато это то самое, что растило у нас Толстого, Достоевского, Пушкина, Лермонтова и др.

Прежде всего я люблю выявление органического. Искусство для меня не затейливость узоров, а самое необходимое слово того языка, которым я хочу себя выразить.

Поэтому основанное в 1919 году течение имажинизм, с одной стороны – мной, а с другой – Шершеневичем, хоть и повернуло формально русскую поэзию по другому руслу восприятия, но зато не дало никому еще права претендовать на талант. Сейчас я отрицаю всякие школы. Считаю, что поэт и не может держаться определенной какой-нибудь школы. Это его связывает по рукам и ногам. Только свободный художник может принести свободное слово.

Вот и все то, короткое, схематичное, что касается моей биографии. Здесь не все сказано. Но я думаю, мне пока еще рано подводить какие-либо итоги себе. Жизнь моя и мое творчество еще впереди.

20 июня 1924

О себе

Родился в 1895 году, 21 сентября, в Рязанской губернии, Рязанского уезда, Кузьминской волости, в селе Константинове.

С двух лет был отдан на воспитание довольно зажиточному деду по матери, у которого было трое взрослых неженатых сыновей, с которыми протекло почти все мое детство. Дядья мои были ребята озорные и отчаянные. Трех с половиной лет они посадили меня на лошадь без седла и сразу пустили в галоп. Я помню, что очумел и очень крепко держался за холку. Потом меня учили плавать. Один дядя (дядя Саша) брал меня в лодку, отъезжал от берега, снимал с меня белье и, как щенка, бросал в воду. Я неумело и испуганно плескал руками, и, пока не захлебывался, он все кричал: «Эх! Стерва! Ну куда ты годишься?» «Стерва» у него было слово ласкательное. После, лет восьми, другому дяде я часто заменял охотничью собаку, плавал по озерам за подстреленными утками. Очень хорошо лазил по деревьям. Среди мальчишек всегда был конноводом и большим драчуном и ходил всегда

в царапинах. За озорство меня ругала только одна бабка, а дедушка иногда сам подзадоривал на кулачную и часто говорил бабке: «Ты у меня, дура, его не трожь, он так будет крепче!» Бабушка любила меня из всей мочи, и нежности ее не было границ. По субботам меня мыли, стригли ногти и гарным маслом гофрили голову, потому что ни один гребень не брал кудрявых волос. Но и масло мало помогало. Всегда я орал благим матом и даже теперь какое-то неприятное чувство имею к субботе.

Так протекло мое детство. Когда же я подрос, из меня очень захотели сделать сельского учителя и потому отдали в церковно-учительскую школу, окончив которую я должен был поступить в Московский учительский институт. К счастью, этого не случилось.

Стихи я начал писать рано, лет девяти, но сознательное творчество отношу к 16–17 годам. Некоторые стихи этих лет помещены в «Радунце».

Восемнадцать лет я был удивлен, разослав свои стихи по журналам, тем, что их не печатают, и поехал в Петербург. Там меня приня-

ли весьма радушно. Первый, кого я увидел, был Блок, второй – Городецкий. Когда я смотрел на Блока, с меня капал пот, потому что в первый раз видел живого поэта. Городецкий меня свел с Клюевым, о котором я раньше не слышал ни слова. С Клюевым у нас завязалась при всей нашей внутренней распре большая дружба.

В эти же годы я поступил в Университет Шанявского, где пробыл всего 1½ года, и снова уехал в деревню.

В Университете я познакомился с поэтами Семеновским, Наседкиным, Колоколовым и Филипченко.

Из поэтов-современников нравились мне больше всего Блок, Белый и Клюев. Белый дал мне много в смысле формы, а Блок и Клюев научили меня лиричности.

В 1919 году я с рядом товарищей опубликовал манифест имажинизма. Имажинизм был формальной школой, которую мы хотели утвердить. Но эта школа не имела под собой почвы и умерла сама собой, оставив правду за органическим образом.

От многих моих религиозных стихов и по-

эм я бы с удовольствием отказался, но они имеют большое значение как путь поэта до революции.

С восьми лет бабка таскала меня по разным монастырям, из-за нее у нас вечно ютились всякие странники и странницы. Распевались разные духовные стихи. Дед напротив. Был не дурак выпить. С его стороны устраивались вечные невенчанные свадьбы.

После, когда я ушел из деревни, мне долго пришлось разбираться в своем укладе.

В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал все по-своему, с крестьянским уклоном.

В смысле формального развития теперь меня тянет все больше к Пушкину.

Что касается остальных автобиографических сведений, – они в моих стихах.

Октябрь 1925

Письма

1. Г. А. Панфилову

(Константиново, 7 июля 1911 г.)

Дорогой друг!

Гриша, неужели ты забыл свои слова: ты говорил, что будем иметь переписку, а потом вдруг на мое письмо не отвечаешь. Почему же? Пожалуйста, объясни мне эту причину. У нас все уехали на сенокос. Я дома. Читать нечего, играю в крокет. Немного сделал делов по домашности. Я был в Москве одну неделю, потом уехал. Мне в Москве хотелось и побыть больше, да домашние обстоятельства не позволили. Купил себе книг штук 25. 10 книг отдал Митьке, 5 Клавдию. Я очень рад, что он взял. Остальные взяли гимназистки у нас здесь в селе, и у меня нет ничего.

2. К. П. Воронцову
(Спас-Клепики, 10 мая 1912 г.)

Спас-Клепики.

Кланя! Извини, что я так долго не отвечал на твои письма. Причина этого следующая: я не понял или, собственно говоря, не разобрал твоего письма и думал по догадкам, что ты уехал домой. Я писал тебе туда, но тщетно ждал ответа. Я бы сейчас все ждал, если б не узнал от бабушки про все. Вот тебе наши спальни. Сидит в шляпе Тиранов, возле него, к завязанному, Лапочкин.

Любящий тебя С. Есенин

3. Г. А. Панфилову

(Константиново, июнь 1911 г.)

Дорогой друг!

Спешу уведомить тебя, что письмо я твое получил, за которое благодарю, а за поздравление спасибо.

Гриша, ты сожалеешь о том, что не мог со мною проститься. Я тоже очень сожалею, что не пришлось нам в последний раз поговорить, но что делать. Я поспешил скорее убраться из этого ада, потому что я боялся за свою башку. Все-таки мне зло сделал Епифанов, он облил сундук керосином. Что ты мне прописал про их гулянье, я несколько этому не удивляюсь, потому что я уже был уверен в этом, а на глупые выходки Тиранова я смотрю как на сумасшествие. Он часто беснуется. В нем, вероятно, живет легион, поэтому ему не мешает попросить своего ангела, чтобы он его исцелил. А Яковлев настоящий идиот. Из него, я уверен, ничего не выйдет. И вот он окончил школу, но бесполезно. А Калабухов самая дрянь и паскуда. Ну ладно

об этом толковать, поговорим о другом. У нас делают шлюза, наехало множество инженеров, наши мужики и ребята работают. Мужикам платят в день 1 р. 20 к., ребятам 70 к., при этом работают еще ночью. Платят одинаково. Уже почти сделали половину, потом хотят мимо нас проводить железную дорогу.

Митьку я застал дома. Книг у меня мало есть, они все прочитаны и больше нет. У Митьки я которые взял, осталось читать только книг восемь. Я недавно ходил удить и поймал 33 штуки. Дай мне, пожалуйста, адрес от какой-либо газеты и посоветуй, куда посылать стихи. Я уже их списал. Некоторые уничтожил, некоторые переправил. Так, например, в стихотворении «Душою юного поэта» последнюю строфу заменил так:

*Ты на молитву мне ответь,
В которой я тебя прошу.
Я буду песни тебе петь,
Тебя в стихах провозглашу.*

«Наступление весны» уничтожил.

Друг, посоветуй куда. Я моментально отошлю. Пырикову передай поклон от меня. Больше писать не знаю чего. Остаюсь любя-

щий тебя друг

Есенин

4. М. П. Бальзамовой

*(Константиново, вторая декада июля
1912 г.)*

Маня! После твоего отъезда я прочитал твое письмо. Ты просишь у меня прощения, сама не знаешь за что. Что это с тобой?

Ну вот, ты и уехала... Тяжелая грусть облегла мою душу, и мне кажется, ты все мое сокровище души увезла с собою.

Я недолго стоял на дороге; как только выворотили, я ушел... И мной какое-то тоскливое-тоскливое овладело чувство. Что было мне делать, – я не смог и придумать. Почему-то мешала одна дума о тебе всему рою других. Жаль мне тебя всею душой, и мне кажется, что ты мне не только друг, но и выше даже. Мне хочется, чтобы у нас были одни чувства, стремления и всякие высшие качества. Но больше всего одна душа – к благородным стремлениям.

Что мне скажешь, Маня, на это?

Теперь я один со своими черными думами!

Скверное мое настроение от тебя не зависит, я что-то сделал[12], чего не могу никогда-никогда тебе открыть. Пусть это будет чувствовать моя грудь, а тебя пусть это не тревожит. Я написал тебе стихотворение, которое сейчас не напишу, потому что на это нужен шаг к твоему позволению.

Тяжелая, безнадежная грусть!

Я не знаю, что делать с собой. Подавить все чувства? Убить тоску в распутном веселии? Что-либо сделать с собой такое неприятное? Или – жить, или – не жить? И я в отчаянии ломаю руки, – что делать? Как жить? Не фальшивы ли во мне чувства, можно ли их огонь погасить? И так становится больно-больно, что даже можно рискнуть на существование на земле и так презрительно сказать самому себе: зачем тебе жить, ненужный, слабый и слепой червяк? Что твоя жизнь? «Умрешь – похоронят, сгниешь и не встанешь» (так пели вечером после нашей беседы; эту песню спроси у Анюты, ты сама ее знаешь, верно, и я тоже. «Быстры, как волны...», «Налей, налей, то-

варищ» (это сочинил Серебрянский, друг Кольцова, безвременно отживший). Незавидный жребий, узкая дорога, несчастье в жизни.

Что больше писать – не знаю, но от тебя жду ответа.

Привет Анюте, Симе и маме их.

Пока остаюсь преданный тебе

Сережа

Не знаю, что тебе сказать: прощай или до свидания.

P. S. Стихотворения напишу в следующий раз. Не в духе я.

Прости за грязное письмо, разорви его к черту.

5. М. П. Бальзамовой

(Константиново, конец июля 1912 г.)

Дорогая Маня!

Сердечно благодарю тебя за оба письма. Зачем, зачем тебе знать нужно, Маня, о том, что я сделал? Ты думаешь, что я тебе своим поступком причинил боль, но – нет! Зачем? Это пусть лучше знает моя грудь; она так много выносит всего, что и не перечесть. Ты сама, Маня, этим вопросом мучаешь меня. Забудь об этом. Я стараюсь всячески забыться, надеваю на себя маску веселия, но это еле-еле заметно. Хотя никто, я думаю, не догадывается о моей тоске. Ты ничего никому не открывай об этом. Главное. Меня терзают такие мелкие и пустые душонки, например, как Северовы, которые всячески стараются унижить меня перед собою и приносят своими глупыми словами обиду и горечь. Но что делать? Они – такие, а я – такой. Прости меня, Маня, за такое холодное письмо, я в негодовании на них.

Ох, Маня! Тяжело мне жить на свете, не к кому и голову склонить, а если и есть,

то такие лица от меня всегда далеко и их очень-очень мало, или, можно сказать, одно или два. Так, Маня, я живу. Мать нравственно для меня умерла уже давно, а отец, я знаю, находится при смерти. Потому что он меня проклянет, если это узнает. Вот так и живи! Людишки, чтобы меня немного успокоить, – приносят обиду. Маня, Маня! Зачем ты – такая? Жалеешь меня, это тебя не стоит. Я еще больше люблю тех, которые мне вредят, хотя и в то же время ненавижу. Зачем тебе было меня любить и меня вызывать и возобновлять в душе надежды на жизнь. Я благодарен тебе и люблю тебя, Маня, – как и ты меня. Хотя некоторые чувства ты от меня скрываешь. Прощай, прощай, Маня. Ты теперь мне не пиши покамест, а то я уезжаю и адреса точного не могу тебе дать. Я же буду тебе писать каждую почту...

Прощай, дорогая Маня; нам, верно, больше не увидеться. Роковая судьба так всегда шутит надо мною. Тяжело, Маня, мне! А вот почему?

Б. Г. А. Панфилову
(Москва, до 18 августа 1912 г.)

Дорогой Гриша!

Письмо я твое получил. Мне переслали его из дома. Я вижу, тебе живется не лучше моего. Ты тоже страдаешь духом, не к кому тебе приютиться и не с кем разделить наплывшие чувства души; глядишь на жизнь и думаешь: живешь или нет? Уж очень она протекает-то слишком однообразно, и что новый день, то положение становится невыносимее, потому что все старое становится противным, жаждешь нового, лучшего, чистого, а это старое-то слишком пошло. Ну ты подумай, как я живу, я сам себя даже не чувствую. «Живу ли я, или жил ли я?» – такие задаю себе вопросы после недолгого пробуждения. Я сам не могу придумать, почему это сложилась такая жизнь, именно такая, чтобы жить и не чувствовать себя, то есть своей души и силы, как животное. Я употребляю все меры, чтобы проснуться. Так жить – спать и после сна на мгновение сознаваться, слишком

скверно. Я тоже не читаю, не пишу пока, но думаю.

А я все-таки встречал тургеневских типов.

Слушай!

(Я сейчас в Москве.) Перед моим отъездом недели за две – за три у нас был праздник престольный. К священнику съехалось много гостей на вечер. Был приглашен и я. Там я встретился с Сардановской Анной (которой я посвятил стихотворение «Зачем зовешь т. р. м.»). Она познакомила меня с своей подругой (Марией Бальзамовой). Встреча эта на меня также подействовала, потому что после трех дней она уехала и в последний вечер в саду просила меня быть ее другом. Я согласился. Эта девушка тургеневская Лиза («Дворянское гнездо») по своей душе и по всем качествам, за исключением религиозных воззрений. Я простился с ней, знаю, что навсегда, но она не изгладится из моей памяти при встрече с другой такой же женщиной.

Здоровье мое после 20 лучше. Курить я уже бросил.

Я недавно написал «Капли». Клеменов воскрес, но скоро умрет опять.

Капли жемчужные, капли пре-
красные,
Как хороши вы в лучах золотых,
И как печальны вы, капли ненаст-
ные,
Осенью черной на окнах сырых.

Люди, веселые в жизни забвения,
Как велики вы в глазах у других
И как вы жалки во мраке падения,
Нет утешенья вам в мире живых.

Капли осенние, сколько наводите
На душу грусти вы чувства тяже-
лого.
Тихо скользите по стеклам и бро-
дите,
Точно как ищете что-то весело-
го.

Люди несчастные, жизнью уби-
тые,
С болью в душе вы свой век дожи-
ваете.
Милое прошлое, вам не забытое,
Часто назад вы его призываете.

Москва, Щипок. Магазин Крылова. Алек-
сандру Никитовичу Есенину, и для меня.

Любящий тебя Есенин С.

7. Г. А. Панфилову
(Москва, август 1912 г.)

Дорогой Гриша!

Я получил твое письмо, за которое благодарствую тебе.

Проспекты я тебе уже отослал до твоей просьбы, а пересылки за них никакой нет, и ты не должен меня просить, что заплатить марками. Между нами не должно быть никаких счетов. В таком случае мы будем друзья.

Желаешь если, я познакомлю вас письмами с М. Бальзамовой, она очень желает с тобой познакомиться, а при крайней нужде хотя в письмах. Она хочет идти в учительницы с полным сознанием на пользу забитого и от света гонимого народа.

Я еще тебе посылаю странное письмо. Но пойми все в нем и напиши письмо в ответ листовке.

Любящий тебя друг

Есенин

(Благослови меня, мой друг, на благородный труд. Хочу писать «Пророка», в котором буду клеймить позором слепую, увязшую в пороках толпу. Если в твоей душе хранятся еще помимо какие мысли, то прошу тебя, дай мне их как для необходимого материала. Укажи, каким путем идти, чтобы не зачернить себя в этом греховном сонме. Отныне даю тебе клятву, буду следовать своему «Поэту». Пусть меня ждут унижения, презрения и ссылки. Я буду тверд, как будет мой пророк, выпивающий бокал, полный яда, за святую правду с сознанием благородного подвига.)

8. М. П. Бальзамовой

(Москва, после 18 августа 1912 г.)

Маня! Прости за все. Посылаю тебе адрес свой: г. Москва, Большой Строченовский пер., д. Крылова, 24, кв. 11. После этого все пойдет по-настоящему, а то я никак не мог устроиться. Приготовься к знакомству с Панфиловым (в письмах). И не говори, что для тебя все удовольствие – танцы, как проговорилаь мне. Он не будет тогда представлять себе тебя в чистом, возвышенном духе. Прости за скверное письмо и пошли его к самому аду.

С. Е.

Нет времени. Объясню после.

9. Г. А. Панфилову
(Москва, ноябрь 1912 г.)

Да, еще со мной хочет познакомиться некая Дособа, весьма, по слухам, серьезная. Это какой-то Исай Павлов, юноша, как и мы, и с такими же порывами. Он прислал хозяину письмо, так как тот ему знаком, и наболтал, конечно, что-нибудь про меня, то вот он и, конечно, захотел частью, может быть, из благой цели, а частью из гордости, увидеть мои сочинения и узнать, кто из нас лучше пишет. Ну, да простит ему Егова эту детскую (немного похоже на мальчишество) выходку. А так как я настоящим не имею бумаги и вся моя чепуха (реникса) лежит после великой разрухи над моей корзиной кверху дном, то я, нижеподписавшийся, не могу удовлетворить его требования; но аще паки ему это не пондравится, то я дондеже не могу ему дать, пока не наведу (раймонт) надо всем. Он хочет показать их, с разрешения г-на Есенина, Яблоновскому.

Э! Ты не жди от синьорины Бальзамовой

ответа. Я уже с ней прикончил чепуху. Право слово, впоследствии это для нее будет вредно, если она будет возжаться за мной. Письмами ее я славно истопил бы печку, но черт меня наемкнул бросить их в клозет. И что же... Бумага, весом около пуда, все засорила, и, конечно, пришлось звать водопроводчика.

И с ними-то беда, а с ней бы еще хуже. Хорошо, все так кончилось. При встрече – слезы, при расставании – смех и гордость. Славно! Конец неначинающегося романа! Ну, что же? До свидания. Отвечай скорее.

10. Г. А. Панфилову

***(Москва, 9 (?) или 10 (?) декабря
1912 г.)***

Милостивый государь, что же Вы там спите! Пора, я думаю, ответить. Как, сполна получили, а?

Слушай, Гриша, с твоей стороны очень не хорошо, что ты мне в течение 12 + 9 дней не писал, как говорится, ни капли. Э!!! Милостивый государь, не по правилам. Слушай, Гриша. Я писал тебе когда-то о г. Павлове. Те-

перь, со твоего, сударь, соизволения, могу я вас через письма познакомить. Этот господин очень желает поближе сойтись с нами, потому что убеждения его во многом сходны с нами. Кроме того, он вегетарианец, умеет затронуть кое-какие вопросы. Вообще, человек полного уразумения. Если тебе кажется странным сие, то я открою, что он уже по моим рассказам очень хорошо тебя знает и жаждет знакомства.

Кроме всего, я сообщаю тебе велию новость. Одержимый, так сказать, бесами, я когда-то, тебе известно, испускал из своих уст и ноздрей дым кадильный сатаны; теперь же, благодаря сему Павлову, я бросил сию пакость. Я дал оному слово, а «давши слово – крепись».

Уничтожь сию банальность.

11. Г. А. Панфилову

(Москва, середина (?) декабря
1912 г.)

Прежде всего, лучше истина, чем лицемерие: ты думаешь, ты прав с своими укоризнами? Тебя оскорбило, что я сказал: «*Что вы спите?*» Но ведь ты лучше почитаешь истину и искренность. Знай же: я это чувствовал и сказал. Я и всегда говорю, что чувствую. Что ты подозреваешь в этих словах? Если что-либо дурное, то я говорю тебе нет! Если тебе это кажется грубо, то прости, я извинения просить не буду. Я сказал искренне, так, как сказал бы всякий мужик, видя, что мешкают. Этими словами я не требовал от тебя подробного письма, а требовал только ответа, что получил ты книги или нет. Я боялся за них, потому что посланы были ценны, а квитанции я затерял.

Если ты требуешь своим письмом от меня всего красивого, чистого, благородного, деликатного, но лицемерного, то знай, это не есть искренность, а я тебе сказал именно так (ис-

кренне). Если что-либо и встретилось в моем письме, затрагивающее струны твоей души, то знай, я не отвлеченная идея (какая-либо), а человек, не лишенный чувств, и недостатков, и слабостей. Вина не моя, что ты нашел оскорбление в моем письме, – вина твоя, что ты не мог разобраться. Если я употребил м. г., то посмотри на окончание всей фразы и погляди, кому она сказана и можно ли так называть двух лиц. Не я тебя оскорбил, ты сам себя и меня, и меня до обидных слез. Знай, где твой находился в это время идеал? Или в это время он откачнулся от тебя, или ты от него. Я не знаю, но вижу. За все твои слова я мог бы сказать, как Рахметов («Что делать?», Чернышевский): «Ты или подлец, или лжец». Но я не хочу и особого равнодушия не имею, и притом глубоко тебя знаю и ценил как лучшего друга. Все-таки рана оскорбления лежит у меня на груди. Не было изо всех писем горше и худше сего письма!!! Во-первых, стыдны для тебя такие шаблонные требования, как Бальзамова и карточка. Здесь должно если быть, то все уже направленное к эгоизму. Хочешь быть идеалистом

и противником общества, а сам строго соблюдаешь все светские приличия и рад за них подорвать все основы дружбы. Теперь уже не дружба, а жалкие шатающиеся останки, которые, может быть, рухнут при малейшем противоречии.

Ответа просить я не буду, потому что, может быть, будет тебе неприятно и ты не сочтешь себя обязанным и виновным перед собою. Почему-то невольно лезут в голову мрачные строчки:

*Облетели цветы, догорели огни,
Непроглядная ночь, как могила,
темна.*

12–13. М. П. Бальзамовой
(Москва, 14 октября 1912 г.)

Милая!
Как я рад, что наконец-то получил от тебя известия. Я почти безнадежно смотрел на ответ того, что высказал в своем горячем и безумном порыве. И... И вдруг вопреки этому ты ответила. Милая, милая Маня. Ты спрашиваешь меня о моем здоровье; я тебе скажу, что чувствую себя неважно, очень больно ноет грудь. Да, Маня, я сам виноват в этом. Ты не знаешь, что я сделал с собой, но я тебе открою. Тяжело было, обидно переносить все, что сыпалось по моему адресу. Надо мной смеялись, потом и над тобой. Сима открыто кричала: «Приведите сюда Сережу и Маню, где они?» Это она мстила мне за свою сестру. Она говорила раньше всем, что это моя «пассе», а потом вдруг все открылось. Да потом сама она, Анна-то, меня тоже удивила своим изменившимся, а может быть – и не бывшим порывом. За что мне было ее любить? Разве за все ее острые насмешки, ко-

торыми она меня осыпала раньше? Пусть она делала это и бессознательно, но я все-таки помнил это, но хотя и не открывал наружу. Я написал ей стихотворение, а потом (может, ты знаешь от нее) – разорвал его. Я не хотел иметь просто с ней ничего общего. Они в слепоте смеялись надо мною, я открыл им глаза, а потом у меня снова явилось сознание, что это я сделал насильно, и все опять захотел покрыть туманом, – все равно это было бы напрасно. И может быть когда-нибудь принесло мне страдания и растравило бы более душевные раны. Сима умерла заживо передо мной, Анна – умирает.

Я, огорченный всем после всего, на мгновение поддался этому и даже почти сам сознал свое ничтожество. И мне стало обидно на себя. Я не вынес того, что про меня болтали пустые языки, и... и теперь оттого болит моя грудь. Я выпил, хотя не очень много, эссенции. У меня схватило дух и почему-то пошла пена; я был в сознании, но передо мной немного все застилалось какою-то мутною дымкой. Потом, – я сам не знаю, почему, – вдруг начал пить молоко и все прошло, хотя

не без боли. Во рту у меня обожгло сильно, кожа отстала, но потом опять все прошло, и никто ничего-ничего не узнал. Конечно, виноват я и сам, что поддался лживому ничтожеству, и виноваты и они со своею ложью.

Живу я в конторе Книготоргового т-ва «Культура», но живется плохо. Я не могу примириться с конторой и с ее пустыми людьми. Очень много барышень, и очень наивных. В первое время они совершенно меня замучили. Одна из них, – черт ее бы взял, – пристаивала, сволочь, поцеловать ее и только отвязалась тогда, когда я назвал ее дурой и послал к дьяволу. Никто почти меня не понимает, всего только-только двое слушают охотно; для остальных мои странные речи. Один – академик, другой – очень серьезный и милый юноша, как и я, чужды всем. Я насмехаюсь открыто надо всеми, и никто не понимает, лишь они. Получаю я немного, только 25 р. Скоро прибавят, верно.

Панфилов скоро пришлет мне ответ, и я ему дам адрес. Карточку я тебе пришлю после, со своей.

Обнимаю тебя, моя дорогая! Милая, почему

ты не со мной и не возле меня?

Серезжа

14. Г. А. Панфилову

(Константиново, вторая половина февраля – начало марта (?) 1913 г.)

Дорогой Гриша!

Прости, что долго не писал. (Забудем прошлое, оставим общий лад.) Гриша, сейчас я нахожусь дома. Каким образом я попал, объяснить в этом письме не представляется возможности, но зато все это знает Павлов. Знаешь, Гриша, ты пиши поскорее ему письмо. Он просил меня об этом. Сейчас я совершенно разлаженный. Кругом все больно и на все тяжело и обидно. Не знаю, много ли времени продолжится это животное состояние. Я попал в тяжелые тиски отца. Жаль, что я молод!..

Никак не вывернешься.

Не знаю, что и писать, и голова тяжела, как свинец. Отовсюду по роже скользит влага. Удрученное состояние. Скоро поеду в Ря-

зань. Слушай, ты пропиши Павлову, что я писать пока ему погожу. Но я, скажи ему, весьма всем доволен и очень рад, что его духовный перелом увенчался смиренным раскаянием. Я несколько на это не сетую.

Все остальное я объясню тебе после.

Присылай наклейку. Я купил Надсона за 2 р. 25 к., как у Хитрова, только краска коричневая.

Слишком больно голову.

С. Е.

Спроси его, как конкурс?

15. Г. А. Панфилову

***(Москва, между 16 марта и 13 апреля
1913 г.)***

Дорогой Гриша!

Извини, что запоздал ответом. Вопрос о том, изменился ли я в чем-либо, заставил меня подумать и проанализировать себя. Да, я изменился. Я изменился во взглядах, но убеждения те же и еще глубже засели в глубине души. По личным убеждениям я

бросил есть мясо и рыбу, прихотливые вещи, как-то: вроде шоколада, какао, кофе не употребляю и табак не курю. Этому всему будет скоро 4 месяца. На людей я стал смотреть тоже иначе. Гений для меня – человек слова и дела, как Христос. Все остальные, кроме Будды, представляют не что иное, как блудники, попавшие в пучину разврата. Разумеется, я имею симпатию и к таким людям, как, например, Белинский, Надсон, Гаршин и Златовратский и др. Но как Пушкин, Лермонтов, Кольцов, Некрасов – я не признаю. Тебе, конечно, известны цинизм А. Пушкина, грубость и невежество М. Лермонтова, ложь и хитрость А. Кольцова, лицемерие, азарт и карты и притеснение дворовых Н. Некрасова, Гоголь – это настоящий апостол невежества, как и назвал его Белинский в своем знаменитом письме. А про Некрасова можешь даже судить по стихотворению Никитина «Поэту обличителю». Когда-то ты мне писал о Бодлере и Кропоткине, этих подлецах, о которых мы с тобой поговорим после. Жаль, что не приходится нам увидеться, мы бы поговорили чередом, а не как в письмах. На Пас-

ху я поеду домой и не теряю надежды съездить к тебе хотя бы на один день. Недавно я устраивал агитацию среди рабочих письмами. Я распространял среди них ежемесячный журнал «Огни» с демократическим направлением. Очень хорошая вещь. Цена годовая 65 к. Ты должен обязательно подписаться. После Пасхи я буду там помещать свои вещи. Уж ты, брат, постарайся, напиши другую наклейку. Если ты ее посылал в том письме, то, значит, ей и капут, она, вероятно, уже сгинула.

Жаль, что я не люблю писать письма. Я бы все вылил, что чувствовал. Гриша, напиши, что ты там затевал творить? Очень мне интересно знать, что бы это было.

Вот тебе стихотворение нашего современного поэта Корецкого, очень хорошее по мысли:

*Наклонившись над жалкой фиалкой,
Ты сегодня спросила меня:
«Отчего такой хмурой и жалкой
Она стала в сиянии дня?»*

О дитя! Так и сердце поэта

*Расцветает, где сумрак ночной,
Там, где много и красок и света,
Бесполезно блистать красотой.*

Любящий тебя С. Е.

16. М. П. Бальзамовой
(Москва, 1 июня 1913)

*Как грустно мне твое явленье!
Весна, весна, пора любви!*

Милая Маня! Благодарю, благодарю глубоко и сердечно за твое великодушие. Я знаю, ты, конечно, уже все слышала о последнем моем периоде жизни. Маня, я искренно жалею, что не пришлось довершить до конца этих святых порывов; сил не хватило переносить насмешки и обиды. Кто знает, может быть, это самые высокие идеалы, которых еще пугается человечество, но раз им не пришлось осуществиться, так предоставим их разбирать уже дальнейшему поколению. Воли у меня хватило бы идти на крест, но силы душевной и телесной совершенно был лишен я. Ну... Впрочем, я об этом никому нико-

гда не расскажу, и к чему поднимать старые раны!.. Ох, как тяжело, Маня! Да и зачем я буду мучить себя.

Слишком больно!

Прости, что плохо и нечетко пишу.

На лице, около нижней губы, почему-то выступили угри, чего сроду не было со мной; брил бороду и срезал их, – так принялись болеть, и вот повязался и все время невольно хватаюсь рукою.

Ну, как ты поживаешь? Думаешь ли ты опять в Калитинку на зимовку? Я, может быть, тогда бы тебя навестил. Да, кстати, нам необходимо с тобой увидеться и излить пред собою все чувства; но это немного спустя, когда ты устроишься одна. Я знаю, наверное уже тебя притесняют родители, но, Маня, ты на них не сердись, они всегда тебе желают добра, а это небось думают, увлеклась, как бы худого чего не было. Я боюсь только одного: как бы тебя не выдали замуж. Приглянешься кому-нибудь и сама... не прочь – и согласишься. Но я только предполагаю, а еще хорошо-то не знаю. Ведь, Маня, милая Маня, слишком мало мы видели друг друга. Почему ты не от-

крылась мне тогда, когда плакала? Ведь я был такой чистый тогда, что и не подозревал в тебе этого чувства. Я думал, так ты ко мне относилась из жалости, потому что хорошо поняла меня. И опять, опять: между нами не было даже, – как символа любви, – поцелуя, не говоря уже о далеких, глубоких и близких отношениях, которые нарушают заветы целомудрия, и от чего любовь обоих сердец чувствуется больнее и сильнее.

Ну, как приняла письма мои г-жа Сардановская? Я посылал им письмо, но они, наверное, не поняли его, как я предполагаю. Они подумают в обратную сторону.

Отрывчатые мысли.

На квартире я теперь в № 13. Благодарю за карточку-открытку. Я получил ее. Фотографию немедленно присылай. Прямо пробную. Я слышал, ты совсем стала выглядеть женщиной, а я ведь пред тобою мальчик. Да и совсем я невзрачный. Я уже было разочаровался в получении вести от тебя. Ты знаешь, я не курю, но думаю начать. Очень скучно, а работать, заняться чем, – так я и совсем себе отдыха не даю. Последнее время пишу поэму

«Тоска», где вывожу под героем самого себя и нещадно критикую и осмеиваю. Что ж делать, — такой я несчастный, что и сам себя презираю. Только тебя я не могу понять, смешно, право, за что ты меня любишь? Заслужил ли я? Ведь это было как мимолетное виденье.

Любящий тебя

Серг. Есенин

17. Г. А. Панфилову
(Москва, ноябрь 1912 г.)

Дорогой Гриша!
Извини, что так долго не отвечал. Был болен, и с отцом шла неприятность. Теперь решено. Я один. Жить теперь буду без посторонней помощи. После Пасхи, как и сказал мне дядя, еду в Петербург в имение, которое недалеко находится от Финляндии и где живет он сам. Эх, теперь, вероятно, ничего мне не видать родного. Ну что ж! Я отвоевал свою свободу. Теперь на квартиру к нему я хожу редко. Он мне сказал, что у них

«мне нечего делать». Черт знает, что такое. В конторе жизнь становится невыносимой. Что делать?

Пишу письмо, а руки дрожат от волнения. Еще никогда я не испытывал таких угнетающих мук.

*Грустно... Душевные муки
Сердце терзают и рвут,
Времени скучные звуки
Мне и вздохнуть не дают.
Ляжешь, а горькая дума
Так и не сходит с ума...
Голову кружит от шума,
Как же мне быть... и сама
Моя изнывает душа.
Нет утешенья ни в ком,
Ходишь едва-то дыша,
Мрачно и дико кругом,
Доля, зачем ты дана!
Голову негде склонить,
Жизнь и горька и бедна,
Тяжко без счастья жить.*

Гриша, в настоящее время я читаю Евангелие и нахожу очень много для меня нового... Христос для меня совершенство. Но я не так верую в него, как другие. Те веруют из страха:

что будет после смерти? А я чисто и свято, как в человека, одаренного светлым умом и благородною душою, как в образец в последовании любви к ближнему.

Жизнь... Я не могу понять ее назначения, и ведь Христос тоже не открыл цель жизни. Он указал только, как жить, но чего этим можно достигнуть, никому не известно. Невольно почему-то лезут в голову думы Кольцова:

*«Мир есть тайна Бога,
Бог есть тайна мира».*

Да, однако, если это тайна, то пусть ей и останется. Но мы все-таки должны знать, зачем живем. Ведь я знаю, ты не скажешь: для того, чтобы умереть. Ты сам когда-то говорил: «А все-таки я думаю, что после смерти есть жизнь другая». Да, я тоже думаю, но зачем она, жизнь? Зачем жить? На все ее мелочные сны и стремления положен венок заблуждения, сплетенный из шиповника. Уже ли так и невозможно разгадать?

*Кто скажет и откроет мне,
Какую тайну в тишине*

*Хранят растения немые
И где следы творенья рук.
Ужели все дела святые,
Ужели всемогущий звук
Живого слова сотворил.*

Из «Смерть», начатой мною.
Пока и до свидания.

18. Г. А. Панфилову
(Москва, 23 апреля 1913 г.)

Москва, 23 апреля 13 года.

Милый Гриша, извиняюсь перед тобой за свое неисполненное обещание. Условия, брат, условия помешали. Точки и запятые стали на пути и заградили дорогу. Тебе странными покажутся эти слова, но, к сожалению, увы! – это правда.

Итак, я бросил есть мясо, рыбы тоже не кушаю, сахар не употребляю, хочу скидывать с себя все кожаное, но не хочу носить названия «вегетарианец». К чему это? Зачем? Я человек, познавший Истину, я не хочу более носить клички христианина и крестьянина,

к чему я буду унижать свое достоинство? *Я есть ты. Я в тебе, а ты во мне.* То же хотел доказать Христос, но почему-то обратился не прямо, непосредственно к человеку, а к отцу, да еще небесному, под которым аллегорировал все царство природы. Как не стыдно и не унижительно эти глупые названия? Люди, посмотрите на себя, не из вас ли вышли Христы и не можете ли вы быть Христами? Разве я при воле не могу быть Христом, разве ты тоже не пойдешь на крест, насколько я тебя знаю, умирать за благо ближнего? Ох, Гриша! Как нелепа вся наша жизнь. Она коверкает нас с колыбели, и вместо действительно истинных людей выходят какие-то уроды. Условия, как я начал, везде должны быть условия, и у всего должны причины являться следствием. Без причины не может быть следствия, и без следствия не может быть причины. Не будь сознания в человеке по отношению к «я» и «ты», не было бы Христа и не было бы при полном усовершенствовании добра губительных крестов и виселиц. Да ты посмотри, кто распинает-то? Не ты ли и я, и кого же – опять, меня или тебя. Только

больные умом и духом не могут чувствовать это. Войдя в мое положение или чье-либо другое, проверь себя, не сделал бы ли ты того, что сделал другой, поставь себя в одинаковые условия и в однородную степень понимания, и увидишь доказательство истинных слов: *Я есть ты.*

Меня считают сумасшедшим и уже хотели было везти к психиатру, но я послал всех к сатане и живу, хотя некоторые опасаются моего приближения. Ты понимаешь, как это тяжело, однако приходится мириться с этим и отдавать предпочтение и молиться за своих врагов. Ведь я сделал бы то же самое на месте любого моего соперника по отношению к себе, находясь в его условиях.

Да, Гриша, люби и жалей людей – и преступников, и подлецов, и лжецов, и страдальцев, и праведников: ты мог и можешь быть любимым из них. Люби и угнетателей и не клейми позором, а обнаруживай ласкою жизненные болезни людей. Не избегай сойти с высоты, ибо не почувствуешь низа и не будешь о нем иметь представления. Только можно понимать человека, разбирая его жизнь

и входя в его положение. Все люди – одна душа. Истина должна быть истиной, у нее нет доказательств, и за ней нет границ, ибо она сама альфа и омега. В жизни должно быть искание и стремление, без них смерть и разложение. Нельзя человеку познать Истину, не переходя в условия и не переживая некоторые ступени, в которых является личное единичное сомнение. Нет истины без света, и нет света без истины, ибо свет исходит от истины, а истина исходит от света. Что мне блага мирские? Зачем завидовать тому, кто обладает талантом, – я есть ты, и мне доступно все, что доступно тебе. Ты богат в истине, и я тоже могу достигнуть того, чем обладает твоя душа. Живое слово пробудит заснувшую душу, даст почувствовать ей ее ничтожество, и проснется она, поднимет свои ослепленные светом истины очи и уже не закроет их, ибо впереди мрак готовит напасти, а затишье принесет невзгоды, она пойдет смело к правде, добру и свободе.

Так вот она загадка жизни людей. Прочь малодушие. Долой взгляды на лета. Мудрость, удел немногих избранных, не может быть

мудростью. Всякий мудрый и всякий умен по своему, и всякий должен прийти к тому же, и для всякого одна истина: *Я есть ты*. Кто может понять это, для того нет более неразгаданных тайн. Если бы люди понимали это, а особенно ученые-то, то не было крови на земле и брат не был бы рабом брата. Не стали бы восстанавливать истину насильем, ибо это уже не есть истина, а истина познается в истине. Живи так, как будто сейчас же должен умереть, ибо это есть лучшее стремление к истине.

Человек! Подумай, что твоя жизнь, когда на пути зловещие раны. Богач, погляди: вокруг тебя стоны и плач заглушают твою радость. Радость там, где у порога не слышны стоны. Жизнь в обратной колее. Счастье – удел несчастных, несчастье – удел счастливых. Ничья душа не может не чувствовать своих страданий, а мои муки – твоя печаль, твоя печаль – мои терзанья. Я, страдая, могу радоваться твоей жизнью, которая протекает в довольстве и наслаждении в истине. Вот она, жизнь, а ее назначение Истина, которая определила назначение, где альфа,

там и омега, а где начало, там и конец.

*Злобою сердце томиться устало,
Много в нем правды, да радости
мало.*

Да, Гриша, тяжело на белом свете. Хотел я с тобой поговорить о себе, а зашел к другим. Свет истины заманил меня к своему Очагу. Там лучше, там дышится вольней и свободней, там не чувствуется того мучения и угрызений совести, которые окружают всех во мраке злобы и разврата.

Хоть поговоришь-то о ней (об истине), и то облегчишь свою душу, а сделаешь если что, то счастлив безмерно. И нет пределам земной радости, которая, к сожалению, разрушается пошлостью безвременья, и опять тяжело тогда, и приходится говорить:

*Облетели цветы, догорели огни,
Непроглядная ночь, как могила,
темна.*

19. М. П. Бальзамовой
(Москва, 12 июня 1913 г.)

Благодарю!
Карточку не намерен задерживать
и возвращаю сейчас же по твоему требова-
нию.

Писать мне нет времени, да и при том я
уже больше и не знаю что. Относительно сви-
дания я тоже не могу ничего сказать, – может
быть, ты и не ошибаешься, что «никогда», *мо-
жет быть!*

Если не понравится тон письма, то я писал
параллельно твоему.

*Сердце тоскою томиться уста-
ло –
Много в нем правды, да радости
мало...*

Пусть и несвязно следует дальше стихотво-
рение Надсона:

*Умерла моя муза –
недолго она
Озаряла мои одинокие дни!
Облетели цветы, догорели огни,*

*Непроглядная ночь, как могила,
темна.*

Письмо твое меня огорчило; если действительно нет искренности, – так к чему же надевать маску лицемерия. Лучше уж разом нанести удар, чем медленно точить острые язвы.

Я думаю, это крайне неблагородно.

Продолжайте дальше!

Если тебе нравится эта игра, но я говорю, что так делать постыдно; если ты не чувствуешь боли, то, по крайней мере, я говорю, что мне больно.

Я и так не видал просвета от своих страданий. Неужели ты намерена так подло меня мучить. Я пошел к тебе с открытой душой, а ты мне подставила спину, – но я не хочу, я и так без тебя истомился.

Довольно! Довольно!

20. М. П. Бальзамовой
(Москва, 29 мая 1913 г.)

Моя просьба осталась тщетною.

Вероятно, я не стою Вашего внимания. Конечно, Вам низко или, быть может, трудно написать было 2 строчки; ну, так прошу извинения, в следующий раз беспокоить не стану.

Успокойтесь, прощайте!

С. Е.

21. М. П. Бальзамовой
(Москва, 21 октября 1912 г.)

Дорогая Маня!

Благодарю сердечно за твой привет. Я очень много волновался после твоего письма. Зачем? Зачем ты проклинаешь несчастный, и без того обиженный, народ. Неужели такие пустые показания, как, например, «украл корову», тебя так возмутили, что ты переменяла вмиг свои направления, и в душе твоей случился переворот. Напрасно, напрасно

но, Маня. Это – пустая и ничтожная, не имеющая значения причина. Много случается примеров гораздо серьезнее этого, от которых, пожалуй, и правда возникают сомнения, и на мгновение, поддаваясь вспышке, готов поднять меч против всего, что тебя так возмущает, и невольно как-то из души вылетают презрительные слова по направлению к бедным страдальцам. Но после серьезного сознания это все проходит, и снова готов положить свою душу за право своих братьев.

Подумай, отчего это происходит. (Я теперь тебя тоже уже буду причислять к моим противникам, но ты ничего особенного и другого чего не выводи.) Не вы ли своими холодными поступками заставляете своего брата (родства с которым вы не признаете) делать подобные преступления? Разве вы не видите его падения? Почему у вас не возникают мысли, что настанет день, когда он заплатит вам за все свои унижения и оскорбления? Зачем вы его не поддерживаєте – для того, чтобы он не сделал чего плохого благодаря своему безвыходному положению? Зачем же вы на его мрачное чело налагаете клеймо позора? Ведь

оно принадлежит вам, и через ваше холодное равнодушие совершают подобные поступки. А если б я твоего увидел попаика, то я обязательно наговорил бы ему дерзостей. Как он смеет судить, когда сам готов снять последний крест с груди бедняка. Небойсь, где хочешь бери четвертак ему за молебен. Ух, я б его... Хорошо ему со своей толстой, как купчихой, матушкой-то!

Ну, ладно, убежденного не убедишь.

Конечно, милая Мария, я тебя за это ругаю, но и прощаю все по твоей невинности.

Зачем ты мне задаешь все тот же вопрос? Ах, тебе приятно слышать его. Ну, конечно, конечно, люблю безмерно тебя, моя дорогая Маня. Я тоже готов бы к тебе улететь, да жаль, что все крылья в настоящее время подломаны. Наступит же когда-нибудь время, когда я заключу тебя в свои горячие объятия и разделю с тобой всю свою душу. Ах, как будет мне хорошо забыть все твои волнения у твоей груди. А может быть, все это мне не суждено! И я должен влачить те же суровые цепи земли, как и другие поэты. Наверное, — прощай сладкие надежды утешенья,

моя суровая жизнь не должна испытать этого.

Пишу много под нависшею бурей гнева к деспотизму. Начал драму «Пророк». Читал ее у меня довольно образованный человек, кончивший университет историко-филологического факультета. Удивляется, откуда у меня такой талант, сулит надежды на славу, а я посылаю ее к черту.

Скоро и кончится конкурс Надсона.

Прощай, моя милая. Посылаю поцелуй тебе с этим письмом.

Панфилов очень рад, я ему сообщил.

Жду твоего письма.

22. М. П. Бальзамовой
(Москва, 26 января 1913 г.)

Здравствуй, Маня!

Глубоко благодарю тебя за твое письмо. Маня, я не виновен совершенно в нашем периоде молчания. Ты виновата кругом. Я тебе говорил когда-то, что я, думаю, приношу людям, которые меня окружают, несчастье, а потому или я их покидаю, или они меня. Я подумал, что я тебе причинил боль, а потому ты со мной не желаешь иметь ничего общего. С тяжелой болью я перенес свои волнения. Мне было горько и обидно ждать это от тебя. Ведь ты говорила, что никогда меня не бросишь. Ты во всем виновна, Маня. Я обиделся на тебя и сделал великую для себя рану. Я разорвал все твои письма, чтобы они более никогда не терзали мою душу. Ведь ты сама понимаешь, как тяжело переносить это. Но виновата ты. Я не защищаю себя, но все же ты, ты виновная.

Прости меня, если тебе обидно слышать мои упреки, – ведь это я любя. Ты могла отве-

тить Панфилову, и то тогда ничего бы не было. Долго не получая письма, я написал ему, что между тобой и мной все кончено. (Я так думал.) Он выразил глубокое сожаление в следующих словах: «Неужели и она оказалась такой же бездушной машиной; жаль, Сережа, твои ошибки», – притом просил объяснения причины. Я ему по сие время не отвечал. В это время наша дружба с ним еще более скрепилась, переписка у нас участилась. Мы открывали все, – все, что только чувствовали, – друг перед другом. Помню, он мне сказал на мое письмо, в котором я ему писал: «И скучно и грустно, и некому руку подать» (Лермонтов), – он ответил продолжением и сказал еще: «Чего мы ждем с тобою, друг; время-то не ждет, можно с громадным успехом увязнуть в мире житейской суеты и разврата». «А годы проходят, все лучшие годы» (Лермонтов). Потом мы разбирали Великого идеалиста Пырикова, нашего друга, который умер 18-ти лет, 912 г., июня месяца. Он стал жертвой семьи и деспотизма окружающих. Умер от чахотки.

«Пророк» мой кончен, слава Богу.

*Мне надоело уж писать.
Теперь я буду понемногу
Свои ошибки разбирать.*

Очень удачно я его написал в экономическом отношении (черновик – 10 листов больших, и 10 листов – беловых написал), только уж очень резко я обличал пороки развратных людей мира сего.

Надеюсь на тебя, как на друга и даже больше чем друга (если не понравится, то я не буду тебя считать больше друга, потому что это = + равенству и единству), что ты мне все простишь, и мы снова будем жить по-прежнему и даже должны лучше.

Глубоко любящий тебя

С. Есенин

23. Г. А. Панфилову
(Москва, 16 июня 1913 г.)

Дорогой Гриша!

Извини меня, что я так долго не отвечал тебе. Была великая распря! Отец все у меня отнял, так как я до сих пор еще с ним не примирился. Я, конечно, не стал с ним скандалить, отдал ему все, но сам остался в безвыходном положении. Особенно душило меня безденежье, но я все-таки твердо вынес удар роковой судьбы, ни к кому не обращался и ни перед кем не заискивал. Главный голод меня миновал. Теперь же чувствую себя немного лучше. Ты уж меня прости. Я извиняюсь перед тобою, но ты не знаешь, как это трудно. Пока всего хорошего.

Жду ответа.

С.

24. М. П. Бальзамовой
(Москва, 9 февраля 1913 г.)

Дорогая Маня!

Благодарю за ответ. Ты просишь объяснения слов «чего – ...ждем». Здесь очень все ясно. Ведь ты знаешь, что случилось с Молотовым (герой романа Помяловского). Посмотри, какой он идеалист и либерал, и чем он кончает. Эх, действительно что-то скучно, господа! Жениться, забыть все свои порывы, изменить убеждениям и окунуться в пошлые радости семейной жизни. Зачем, зачем он совершил такой шаг? (А Помяловского я теперь не признаю, хотя и не признавал, – он слишком снисходительно относится к его поступкам.)

Вот и с нами, пожалуй, может случиться сие.

Начинаю так, чтобы больше тебе написать.

Ты ошибаешься, что я писал драму в прозе. Нет, я писал, как обыкновенно, – стихами. Теперь меня опять заставляют его переписать:

есть немного ошибок со стороны логики, это вещь неважная. Читала ли ты когда в «Русском слове» статьи Яблоновского? Я с ним говорил по телефону относительно себя, он просил меня прислать ему все мои вещи. У меня теперь много. Теперь у меня есть еще новый друг, некто Исая Павлов, — по убеждениям сходен с нами (с Панфиловым и мною), последователь и ярый поклонник Толстого, тоже вегетарианец. Он увлекается моими творениями, заучивает их наизусть, поправляет по своему взгляду и, наконец, отнес Яблоновскому. Вот я теперь жду, что мне скажут.

Панфилову, я думаю, тебе не следует писать после всего этого. Но ты, впрочем, как хочешь. Я не знаю...

Стихотворение тебе я уже давно написал, но как-то написать в письме было неохота. Я, признаться сказать, не люблю писать письма, читать их люблю. Я не знаю, почему такое сегодня я вышел из рамок, обыкновенно я всегда стараюсь как бы поскорее отделаться от письма. Потому и грешен, иногда совершенно упускаю из виду нарочно разные дело-

вые вопросы. Панфилов – и то, наконец, примирился со мной. Он страстно любит писать письма. Ну да ладно. Вот тебе стихотворение

*Ты плакала в вечерней тишине,
И слезы горькие на землю упали;
И было тяжело и так печально
мне, –
И все же мы друг друга не поняли.*

*Умчалась ты в далекие края,
И все мечты мои увянули без цвета;
И вновь опять один остался я
Страдать душой без ласки и привета.*

*И часто я вечернею порой
Хожу к местам заветного свиданья,
И вижу я в мечтах мне милый образ твой,
И слышу в тишине тоскливые рыданья.*

Больше, хоть убей, не могу дописать письма, да, к счастью, уже половина 1-го.

Засиделся с тобою, а завтра что?

Ну, пожелаю доброй ночи и приятных снов.

25. М. П. Бальзамовой

*(Москва, первая половина сентября
1913 г.)*

Читаю твое письмо и, право, удивляюсь. Где же у тебя бывают мысли в то время, когда ты пишешь? Или витают под облаками? То ты пишешь, что не можешь дать своей фотографии, потому что вряд ли мы увидимся, то ссылаешься на то, что надо продолжить. Ты называешь меня ребенком, но – увы – я уже не такой ребенок, как ты думаешь, меня жизнь достаточно пощелкала, особенно за этот год. Мало ли какие были у меня тяжелые минуты, когда к сознанию являлась мысль: да стоит ли жить? Твое письмо меня застало в такой период. Что я говорил, я никогда не прикрашивал, и идеализм мой действительно был таков, каким представляли его себе люди, – люди понимающие. Я был сплошная идея. Теперь же и половину не осталось того. И это произошло со мной

не потому, что я молод и колеблюсь под чужими взглядами, – но нет, я встретил на пути жестокие преграды, и, к сожалению, меня окружали все подлые людишки. Я не доверяюсь ничьему авторитету, я шел по собственному расписанию жизни, но назначенные уроки терпели крах. Постепенно во мне угасла вера в людей, и уже я не такой искренний со всеми. Кто виноват в этом? Конечно, те, которые, подло надевая маску, затрагивали грязными лапами нежные струны моей души. Теперь во мне только еще сомнения в ничтожестве человеческой жизни.

Но не думай ты, что я изменил своему народу! Нет! Горе тем, кто пьет кровь моего брата! И горе моему брату, если он обратит свободу, доставленную ему кровью борцов идей и титанов трудов, во зло ближнего, – и его настигнет карающая рука за неправду. Это я говорю в частности, вообще же я – против всякого насилия и суда. Человек никогда ничего не делает плохого; он только ошибается, а это свойственно ему.

Во мне все сомнения, но не думай, чтоб я из них извлекал выгоду; я положительно

от себя отказался, и если кому-нибудь нужна моя жизнь, то – пожалуйста, готов к услугам, но только с предупреждением: она не из завидных.

Любить безумно я никого еще не любил, хотя влюбился бы уже давно, но ты все-таки стоишь у дверей моего сердца. Но, откровенно говоря, эта вся наша переписка – игра, в которой лежат догадки, – да стоит ли она свеч?

Я еще вполне не доверяюсь тебе, но все-таки тебя люблю за все, как ни смешно, что это «все» – в письмах. Но моя душа как будто переживает те счастливые минуты, про которые ты мне говоришь из своего далека.

На курсы я тебе советую поступить; здесь ты узнаешь, какие нужно носить чулки, чтоб нравиться мужчинам, и как строить глазки и кокетливо подводить их под орбиты. Потом можешь скоро на танцевальных вечерах (в ногах – твоя душа) сойтись с любым студентом и составишь себе прекрасную партию, и будешь жить ты припеваючи. Пойдут дети, вырастите какого-нибудь подлеца и будете

радоваться, какие получает он большие деньги, которые стоят жизни бедняков.

Вот все, что я могу тебе сказать о твоих планах, а рельефный тип для тебя всего этого – «СИМА».

Я же не намерен никуда поступать, так как наука нашего времени – ложь и преступление. А читать, – я и так свой кругозор знаний расширяю анализом под собственным наблюдением. Мне нужно себя, а не другого, напичканного чужими суждениями.

Печатать я свои произведения отложил со второй корректуры, т. е. они напечатаны, но не вышли в свет, так как я решил ждать критика Измайлова, который находится за границей. Сейчас в Москве из литераторов никого нет. Слыхала ль ты про поэта Белоусова, друг Дрожжина. Я с ним знаком, и он находит, что у меня талант, и талант истинный. Я тебе это говорю не из тщеславия, а так, как любимому человеку. Он еще кой-что говорил мне, но это пусть будет при мне; может быть, покажется странным и даже сверхъестественным.

Если письмо мое поразит тебя колкостями,

то я в таком состоянии, когда мне все на свете постыло, – и сам себе не мил, и даже ты не хороша.

Верно, Маня, мало в тебе соков, из которых можно было бы выжать кой-что полезное, а это я говорю на основании твоих слов: «Танцы – душа моя!» Бедная, душу-то ты схоронила в ноги!

Зачем, когда так много хороша иначе.

Любящий С.

Как-нибудь пришлю тебе стихотворение «Метеор», написанное мною недавно. По отзывам других – очень хорошее, но мне не нравится.

Фотографию я тебя не обязываю давать; как хочешь, а просить я не буду. Я смело решил отпарировывать удары судьбы. И даже если ты со мной прикончишь неначинающийся роман, вынесу без боли и сожаления. На все – удел терпения.

26. Г. А. Панфилову

(Москва, между 3 и 7 ноября 1913 г.)

Дорогой Гриша!

Писать подробно не могу. Арестовано 8 человек товарищей за прошлые движения из солидарности к трамвайным рабочим. Много хлопот и приходится суетиться.

А ты пока пиши свое письмо, я подробно на него отвечу.

Любящий тебя Сережа

27. Г. А. Панфилову

(Москва, после 23 сентября 1913 г.)

*Сбейте мне цепи, скиньте оковы!
Тяжко и больно железо носить.
Дайте мне волю, желанную волю,
Я научу вас свободу любить.*

Увы мне, увy мне! Тебе ничего там не видно и не слышно в углу твоего прекрасного далека. Там возле тебя мирно и плавно текут, чередуясь, блаженные дни, а здесь кипит,

бурлит и сверлит холодное время, подхватывая на своем течении всякие зародыши правды, стискивает в свои ледяные объятия и несет бог весть куда в далекие края, откуда никто не приходит. Ты обижаешься, почему я так долго молчу, но что я могу сделать, когда на устах моих печать, да и не на моих одних.

*Гонима, Русь, ты беспощадным
роком,
За грех иной, чем гордый Биллам,
Заграждены уста твоим пророкам
И слово вольное дано твоим
ослам.*

Мрачные тучи сгустились над моей головой, кругом неправда и обман. Разбиты сладостные грезы, и все унес промчавшийся вихорь в своем кошмарном круговороте. Наконец и приходится сказать, что жизнь – это действительно «пустая и глупая шутка». Судьба играет мною. Она, как капризное дитя, то смеется, то плачет. Ты, вероятно, получил неприятное для тебя письмо от моего столь любезного батюшки, где он тебя пробирает

на все корки. Но я не виноват здесь, это твоя неосторожность чуть было не упрятала меня в казенную палату. Ведь я же писал тебе: перемени конверты и почерк. За мной следят, и еще совсем недавно был обыск у меня на квартире. Объяснять в письме все не стану, ибо от сих пашей и их всевидящего ока не скроешь и булавочной головки. Приходится молчать. Письма мои кто-то читает, но с большой аккуратностью, не разрывая конверта. Еще раз прошу тебя, резких тонов при письме избегай, а то это кончится все печально и для меня, и для тебя. Причину всего объясню после, а когда, сам не знаю. Во всяком случае, когда угомонится эта разразившаяся гроза.

А теперь поговорим о другом. Ну как ты себе поживаешь? Я чувствую себя прескверно. Тяжело на душе, злая грусть залегла. Вот и гаснет румяное лето со своими огненными зорями, а я и не видал его за стеной типографии. Куда ни взгляни, взор всюду встречает мертвую почву холодных камней, и только и видишь серые здания да пеструю мостовую, которая вся обрызгана кровью

жертв 1905 г. Здесь много садов, оранжерей, но что они в сравнении с красотами родимых полей и лесов. Да и люди-то здесь совсем не такие. Да, друг, идеализм здесь отжил свой век, и с кем ни поговори, услышишь одно и то же: «Деньги – главное дело», а если будешь возражать, то тебе говорят: «Молод, зелен, поживешь – изменишься». И уже заранее причисляют к героям мещанского счастья, считая это лучшим блаженством жизни. Все погрузились в себя, и если бы снова явился Христос, то он и снова погиб бы, не разбудив эти заснувшие души.

*Жизнь невеселая, жизнь терпеливая,
Горько она, моя бедная, движется.*

Да, я частенько завидую твоему другу Пырикову. Вероятно, его боги слишком любили, что судили ему умереть молодым. Как хорошо закатиться звездой пред рассветом, но а сейчас-то его пока нет и не видно. Кругом мрак.

Ах ты, ноченька,

*Ночка темная,
Ночка темная,
Ночь осенняя!*

Дела мои не особенно веселят. Поступил в Университет Шанявского на историко-философский отдел. Но со средствами приходится скандалить. Не знаю, как буду держаться, а силы так мало. Я не знаю, что ты там засел в Клепиках, пора бы и вырваться на волю. Ужели тебя не гнетет та удушливая атмосфера? Здесь хоть поговорить с кем можно и послушать есть чего. Пока, думаю, довольно с меня разводить эти мертвые каракули. Скука невыносимая. «Все мошенники и подлецы. Есть только один порядочный человек, губернатор города NN, да и тот, по правде сказать, свинья!» Так говорил Собакевич. И правда, я пока хорошего ничего не вижу.

Любящий тебя Сережа

28. Г. А. Панфилову
(Москва, первая половина (?)
сентября 1913 г.)

Дорогой Гриша!

Извини, что запоздал ответом. Я все дожидался, чтобы послать тебе вырезку из газеты со своим стихотворением, но оказывается, это еще немного продолжится. Пришлю после.

Ты просишь рассказать тебе, что со мной произошло, изволь. Во-первых, я зарегистрирован в числе всех профессионалистов, во-вторых, у меня был обыск, но все пока кончилось благополучно. Вот и все.

Живется мне тоже здесь не завидно. Думаю во что бы то ни стало удрать в Питер. Москва – это бездушный город, и все, кто рвется к солнцу и свету, большей частью бегут от нее. Москва не есть двигатель литературного развития, а она всем пользуется готовым из Петербурга. Здесь нет ни одного журнала. Положительно ни одного. Есть, но которые только годны на помойку, вроде

«Вокруг света», «Огонек». Люди здесь большей частью волки из корысти. За грош они рады продать родного брата. Все здесь построено на развлечении, а это развлечение покупают ценой крови.

Да, мельчает публика. Портятся нравы, а об остальном уж и говорить нельзя.

Читали ты роман Ропшина «То, чего не было» из эпохи 5 годов. Очень замечательная вещь.

Вот где наяву необузданное мальчишество революционеров 5 года. Да, Гриша, все-таки они отодвинули свободу лет на 20 назад. Но бис с ними, пусть им себе галушки с маком кушают на энтот свити. Пока больше не знаю, что писать.

Любящий тебя Сережа

Не обижайся, что замедлил. Карточку дай сюда!!!

29. М. П. Бальзамовой

*(Москва, между маем и декабрем
1913 г.)*

Жизнь – это глупая шутка. Все в ней пошло и ничтожно. Ничего в ней нет святого, один сплошной и сгущенный хаос разврата. Все люди живут ради чувственных наслаждений. Но есть среди них в светлом облике непорочные, чистые, как бледные огни догорающего заката. Лучи солнышка влюбились в зеленую ткань земли и во все ее существо, – и бесстыдно, незаметно прелюбодействуют с нею. Люди нашли идеалом красоту – и нагло стоят перед оголенной женщиной, и щупают ее жирное тело, и раздражаются похотью. И эта-то, – игра чувств, чувств постыдных, мерзких и гадких, – названо у них любовью. Так вот она, любовь! Вот чего ждут люди с трепетным замиранием сердца. «Наслаждения, наслаждения!» – кричит их бесстыдный, зараженный одуряющим запахом тела, в бессмысленном и слепом заблуждении, дух. Люди все – эгоисты. Все и каждый только любит

себя и желает, чтобы все перед ним преклонялось и доставляло ему то животное чувство, – наслаждение.

Но есть люди, которые с тоскою проходят свой жизненный путь, и не могут они без отвращения смотреть на дикие порывы человечества к этому наслаждению. Редко улыбается им мрачная жизнь, построенная на началах преступления, увязшая в пороках и разврате и не желающая оттуда вылезти. Не могут они равнодушно переносить окружающую пустоту, и дух их тоскует и рвется к какому-то неведомому миру, и они умирают не перед раскрытыми вопросами отвратительной жизни, – увядают эти белые, чистые цветы среди кровавого болота, покрытого всею чернотой и отбросами жизни.

Жизнь идет не по тому направлению, и люди, влекомые ее шумным потоком, не в силах сопротивляться ей и исчезают в водовороте ее жуткой и страшной пропасти.

Человек любит не другого, а себя, и желает от него исчерпать все наслаждения. Для него безразлично, кто бы он ни был, – лишь бы ему было хорошо. Женщина, влю-

бывшись в мужчину, в припадках страсти может отдаваться другому, а потом – раскаиваться. Но ведь этого мало, а больше нечем закрыть вины и к прошлому тоже затворены двери, и жизнь, действительно, – пуста, больна и глупа.

Я знаю, ты любишь меня; но подвернись к тебе сейчас красивый, здоровый и румяный с вьющимися волосами, другой, – крепкий по сложению и обаятельный по нежности, – и ты забудешь весь мир от одного его прикосновения, а меня и подавно, отдашь ему все свои чистые, девственные заветы. И что же, не прав ли мой вывод?

К чему же жить мне среди таких мерзавцев, расточать им священные перлы моей нежной души. Я – один, и никого нет на свете, который бы пошел мне навстречу такой же тоскующей душой; будь это мужчина или женщина, я все равно бы заключил его в свои братские объятия и осыпал бы чистыми жемчужными поцелуями, пошел бы с ним от этого чуждого мне мира, предоставляя свои цветы рвать дерзким рукам того, кто хочет наслаждения.

Я не могу так жить, рассудок мой туманится, мозг мой горит и мысли путаются, разбиваясь об острые скалы жизни, как чистые, хрустальные волны моря.

Я не могу придумать, что со мной, но если так продолжится еще, – я убью себя, брошусь из своего окна и разобьюсь вдребезги об эту мертвую, пеструю и холодную мостовую.

30. Г. А. Панфилову

***(Москва, август – начало (?) сентября
1912 г.)***

Печальные сны охватили мою душу. Снова навевает на меня тоска угнетенное настроение. Готов плакать и плакать без конца. Все сформировавшиеся надежды рухнули, мрак окутал и прошлое и настоящее. «Скучные песни и грустные звуки» не дают мне покоя. Чего-то жду, во что-то верю и не верю. Не сбылись мечты святого дела. Планы рухнули, и все снова осталось на веру «Дальнейшего будущего». Оно все покажет, но пока настоящее его разрушило. Была цель, были покушения, но тягостная сила их подавила, а по-

том устроила насильное триумфальное шествие. Все были на волоске и остались на материке. Ты все, конечно, понимаешь, что я тебе пишу. Министров всех чуть было не отправили в пекло святого Сатаны, но вышло замешательство. И все снова по-прежнему. На Царя не было ничего и ни малейшего намека, а хотели их, но злой рок обманул, и деспотизм еще будет владычествовать, пока не загорится заря. Сейчас пока меркнут звезды и расстилается тихий легкий туман, а заря еще не брезжит, но всегда перед этим или после этого угасания владычества ночи, всегда бывает так. А заря недалеко, и за нею светлый день. Посидим у моря, подождем погоды, когда-нибудь и утихнут бурные волны на нем и можно будет без опасения кататься на плоскодонном челноке.

На память об усопшем у могилы

*В этой могиле под скромными
ивами*

*Спит он, зарытый землей,
С чистой душой, со святыми по-
рывами,
С верой зари огневой.*

*Тихо погасли огни благодатные
В сердце страдальца земли,
И на чело никому не понятные
Мрачные тени легли.*

*Спит он, а ивы над ним наклонились,
Свесили ветви кругом,
Точно в раздумье они погрузились,
Думают думы о нем.*

*Тихо от ветра, тоски напустившего,
Плачет, нахмурившись, даль,
Точно им всем безо времени сгибшего
Бедного юношу жаль.*

Ответа! Ответа!

31. М. П. Бальзамовой
(Москва, 10 декабря 1913 г.)

Маня!
Забывая все прежние отношения между нами, я обращаюсь к тебе, как к человеку: можешь ли ты мне ответить? Ради прежней святой любви, я прошу тебя не отмалчиваться. Если ты уже любишь другого, я не буду тебе мешать. Но я глубоко счастлив за тебя. Дозволь тогда мне быть хоть твоим другом. Я всегда могу дать тебе радушные советы.

Сейчас я не знаю, куда приклонить головы: Панфилов, светоч моей жизни, умирает от чахотки.

Жду ответа, хотя бы отрицательного, – иначе с твоей стороны неблагородно.

Москва, Пятницкая ул. Типо-литография Сытина. Корректорская.

С. А. Есенин

Жду до 16.

32. Г. А. Панфилову
(Москва, январь 1914 г.)

*Мне не спится в тоске по ночам,
Думы грустные сон отгоняют!
Отгоняют!*

Дорогой Гриша, ты подумаешь, что я совсем забыл тебя, но напрасно. Ты не можешь себе представить, до чего сейчас возбуждена моя душа. С одной стороны, ты в опасном положении, а с другой – проворовался Шитов. Он в Москве, и больше я тебе ничего не скажу, не хочу травить тебя и себя.

Гриша! Ради бога, ты меньше раздражайся, а то это все не пройдет. Лечись, как не можно лечись. Напиши мне, какое тебе нужно лекарство, я пришлю. Читай меньше. Тебе сейчас это очень вредно. Если уж хочешь, то самые легкие по мысли книжки. Желаете, я тебе пришлю уголовные романы лубочных изданий. Серии я не нашел, а эти купил, но не знаю, годятся ли тебе эти: «Графиня-нищяя», «Ванька-Каин».

Писать мне не трудись, а если что нужно,

то попроси своего папá, он, кажется, у тебя добрый. Извини, что мало письмо. Через 3 дня или 2 еще пришлю.

Любящий тебя Сережа

33. Г. А. Панфилову
(Москва, январь 1914 г.)

Дорогой Гриша!

Изнуренный сажусь за письмо. Последнее время я тоже свалился с ног. У меня сильно кровь шла носом. Ничто не помогало остановить. Не ходил долго на службу, и результат – острое малокровие. Ты просил меня относительно книг, я искал, искал и не нашел. Вообще-то в Москве во всех киосках и рынках не найти старых книг этого издательства. Ведь главное-то, они захватили провинциализм, а потому там и остались. Вообще каких-нибудь я могу прислать.

Не писал я тебе главным образом потому, что очень расстроился. А почему – сейчас расскажу.

Сижу я вечером, пишу по обыкновению

и курю, вдруг звонок. Ба! Шитов! Ты откуда? – От хозяина. – Почему так? – Тебя захотел по-видать. – Ну, садись и рассказывай. Весь вечер болтали с ним, вспоминали тебя и, конечно, распили вишневки. На другой день вызывают меня к телефону. Извините, сударь, у вас был Андрюша? – Был. А что? – Да он тут стащил деньжонки и скрылся. – Ага. К вечеру является Шитов». Я ему начинаю выговаривать и сказал, что, если он не возвратит их обратно, я ему не товарищ, и не подал ему руки. Он уехал и клялся, что больше этого не сделает и писал, чтоб я не говорил тебе, но подлость не скрывают, и я пишу. Никаких объяснений не принимаю, не хочу соглашаться с условиями, во всем воля человека, и он больше не показывайся на мои глаза. Он, оказывается, готов на все сделки. Я таких друзей не имею.

Посылаю тебе на этой неделе детский журнал, там мои стихи.

Что-то грустно, Гриша. Тяжело. Один я, один кругом, один, и некому мне открыть свою душу, а люди так мелки и дики. Ты от меня далеко, а в письме всего не выра-

зишь, ох, как хотелось бы мне с тобой пови-
даться.

О болезни твоей глубоко скорблю и не хо-
тел бы тебе напоминать об этом, слишком
больно травить свою душу.

Любящий тебя С. Е.

34. Г. А. Панфилову
(Москва, февраль 1914 г.)

Гриша! Небось ты меня скипидаришь во-
всю. Голубчик мой, погоди немного. Ей-бо-
гу, ни минуты свободной. Так писать,
что вздумается, неинтересно. Благодарю глу-
боко за приглашение, но приехать не могу,
есть дела важные дома. Вот летом, тогда с ве-
ликим восторгом. Распечатался я во всю ива-
новскую. Редактора принимают без просмо-
тра и псевдоним мой «Аристон» сняли. Пиши,
говорят, под своей фамилией. Получаю 15 к.
за строчку. Посылаю одно из детских стихо-
творений. Глубоко любящий тебя *Серезжа*.

(Какова моя персона?) Я очень изменился.

35. М. П. Бальзамовой
(Москва, февраль 1914 г.)

Маня! Я не понимаю тебя. Или ты хочешь порвать между нами все, что до сих пор было свято сохраняемо на груди моей? Я писал тебе и добрые и, наконец, злые письма, но ответа все нет как нет. Но неужели ты мне так и не скажешь; или, может быть, тебе неинтересно продолжать что-либо со мной, тогда я перестану писать тебе что-либо.

Так как я тебя сейчас смутно представляю, то я прошу у тебя твою фотографию. Я тебе ее пришлю обратно, если она нужна. Если ты не считаешь нужным присылать мне, то перешли мне мои письма и карточки по почте наложенным платежом. Я здесь заплачу за пересылку.

В ожидании того или другого ответа

С. Есенин

С Анютой я больше незнаком. Я послал ей ругательное и едкое письмо, в котором поставил крест всему.

Если мы больше с тобой не сойдемся, то я тебе открою: я печатаюсь под псевдонимом «Метеор», хотя в журнале «Мирок» стоит «Есенин».

36. М. П. Бальзамовой
(Москва, 29 октября 1914 г.)

Милостивая государыня! Мария Парменовна.

Когда-то, на заре моих глупых дней, были написаны мною к Вам письма маленького пажа или влюбленного мальчика.

Теперь иронически скажу, что я уже не мальчик, и условия, – любовные и будничные, – у меня другие. В силу этого я прошу Вас или даже требую (так как я логически прав) прислать мне мои письма обратно. Если Вы заглядываете часто в свое будущее, то понимаете, что это необходимо.

Вы знаете, что между нами ничего нет и не было, то глупо и хранить глупые письма. Да при этом я могу искренно добавить, что хранить письма такого человека, как я, – не достойно уважения. Мое я – это позор лич-

ности. Я выдохся, изолгался и, можно даже с успехом говорить, похоронил или продал свою душу черту, – и все за талант. Если я поймаю и буду обладать намеченным мною талантом, то он будет у самого подлого и ничтожного человека, – у меня. Смейтесь, но для Вас (вообще для людей) это – тяжелая драма.

Я разоблачил человека и показываю независимость творения.

Если я буду гений, то вместе с этим буду поганый человек. Это еще не эпитафия.

1. Таланта у меня нет, я только бегал за ним.

2. Сейчас я вижу, что до высоты мне трудно добраться, – подлостей у меня не хватает, хотя я в выборе их не стесняюсь. Значит, я еще больше мерзкий человек.

Вот когда я открыл Вам глаза. Вы меня еще не знали, – теперь смотрите! И если Вы скажете: «Подлец» – для меня это лучшая награда. Вы скажете истину.

Да! Вот каков я хлюст. Но ведь много и не досказано, но пока оставим без досказа...

Прохвост *Сергей Есенин*

*Хулу над миром я поставлю
И соблазняя – соблазню.*

Эта сологубовщина – мой девиз.

Вот, Мария Парменовна, какой я человек. Не храните мои письма, а топчите. Я говорю истинно. Но так как есть литературные права собственности, я прошу их у Вас обратно. Требую! А то ведь я, гадкий человек, могу и Вам сделать пакость. Но пока, чтобы Вы не пострадали, – верните мне немедленно. Но не врите что-нибудь. Будьте истинными, как я в подлости. Чтоб такой гадкий человек в рассказах или сказках, как я, не обратился в пугало, – да будет имя мое для Вас забыто!!!

Адрес для посылки:

Москва, Миусы, университет Шанявского, студенту 2 курса Есенину.

37. А. В. Ширяевцу
(Москва, 21 января 1915 г.)

Москва, 21 января 1915 г.

Александр Васильевич!

Приветствую Вас за стихи Ширяевца. Я рад, что мое стихотворение помещено вместе с Вашим. Я давно знаю Вас из ежемесячника и по второму номеру «Весь мир». Стихи Ваши стоят на одинаковом достоинстве стихов Сергея Клычкова, Алексея Липецкого и Рославлева. Хотя Ваша стадия от них далека. Есть у них красивые подделки под подобные тона, но это все не то.

Извините за откровенность, но я Вас любил с первого же мной прочитанного стихотворения. Моих стихов в Чарджуе Вы не могли встречать, да потом я только вот в это время еще выступаю. Московские редакции обойдены мной успешно. В ежемесячнике я тоже скоро, наверное, появлюсь.

Есть здесь у нас еще кружок журнала «Млечный путь». Я там много говорил о Вас,

и меня просили пригласить Вас. Подбор сотрудников хороший. Не обойден и Игорь Северянин. Присылайте, ежели не жаль, стихов, только без гонорара. Раскаиваться не будете. Журнал выходит один раз в месяц, но довольно изрядно.

Кстати, у меня есть еще Ваше стихотворение «Городское». Поправьте, пожалуйста, последнюю строчку

«Не встречу ль я любезного на улице в саду» – переправьте как-нибудь на любовную беду. А то уж очень здесь шаблонно.

Строчки «что сделаю-поделаю я с девичьей тоской» – краса всего стихотворения. Оно пойдет во втором номере «Друг народа». Если можно, я попросил бы карточку Вашей собственной персоны. Ведь книги стихов у Вас нет.

Очень рад за Вас, что вашу душу девушка-царевна вывела из плена городского. Вы там вдалеке так сказочны и прекрасны.

Жму руку Вашу.

Со стихами моими Вы еще познакомитесь. Они тоже близки Вашего духа и Клычкова.

Ответьте, пожалуйста.

Уважающий Вас,

Сергей Александрович Есенин

Москва, 2-й Павловский пер., д. 3, кв. 12.

38. В Суриковский литературно-музыкальный кружок

(Москва, 8 февраля 1915 г.)

В Суриковский литературно-музыкальный кружок.

Прошу Совет кружка вычеркнуть меня из числа действительных членов и возложенных на меня обязанностей кружка.

*Сергей Александрович Есенин
19 8/II 15 г.*

39. Г. Д. Дееву-Хомяковскому
(Москва, 9 или 10 февраля 1915 г.)

Уважаемый Григорий Дмитриевич!

Сегодня получил я послание Ваше.

«Паки паки миром Господу помолимся».

О долге прошу не беспокоиться. Как-нибудь я приеду и поговорю обо всем лично. Для «Доброго Утра» у меня есть еще несколько вещей. Номер с моим стихотворением или рассказом перешлите по адресу:

Пречистенка. Большой Афанасьевский пер., д. 10, кв. 4.

Примите и проч...

Сергей Есенин

Желаю от всего сердца Суриковскому литературно-музыкальному кружку поменьше разноголосицы. Вечер повлиял на мои нервы убийственно. Оскорбления г. Кошкарова (при выходе из дверей) по адресу г. Фомина возмутительны. Это похоже на то, что «мы [13] хозяева».

Рад поговорить по этому поводу, но ведь

Вы, кажется, тоже стоите за то, чтоб «материал не проверяли».

До свидания.

С. Е.

40. В редакцию журнала «Красный смех»

*(Москва, февраль – до 8 марта
1915 г.)*

«Красный смех»

Удалец

*Ой, мне дома не сидится,
Размахнуться б на войне.
Полечу я быстрой птицей
На саврасом скакуне.*

*Не ревите, мать и тетка,
Слезы сушат удальца.
Подарила мне красотка
Два серебряных кольца.*

*Эх, достану я ей пикой
Душегрейку на меху,
Пусть от радости великой*

Ходит ночью к жениху.

*Ты гори, моя зарница,
Не страшён мне вражий стан.
Зацелует баловница,
Как куплю ей сарафан.*

*Отчего вам хныкать, бабы,
Домекнуться не могу.
Али руки эти слабы,
Что пешню согнут в дугу.*

*Буду весел я до гроба,
Удалая голова,
Провожай меня, зазноба,
Да держи свои слова.*

Сергей Есенин

Если в двух последних номерах не появится, то будет напечатано в другом журнале.

С почтением С. Есенин

О почтовом ящике я говорил лично.

41. А. А. Блоку
(Петроград, 9 марта 1915 г.)

Александр Александрович!
Я хотел бы поговорить с Вами. Дело для меня очень важное. Вы меня не знаете, а может быть, где и встречали по журналам мою фамилию. Хотел бы зайти часа в 4.

С почтением, С. Есенин

42. М. П. Бальзамовой
(Петроград, 15 или 16 марта 1915 г.)

Мария Парменовна!
Извините, что я обращаюсь к Вам с странной просьбой. Голубушка, будьте добры написать мне побольше частушек. Только самых новых. Пожалуйста. Сообщите, можете ли Вы это сделать. Поскорей только.

Адрес: Петроград, Преображенская ул., д. 42-а, кв. 12. Сергею Есенину.

43. Н. А. Клюеву

(Петроград, 24 апреля 1915 г.)

Дорогой Николай Алексеевич!

Читал я Ваши стихи, много говорил о Вас с Городецким и не могу не писать Вам. Тем более тогда, когда у нас есть с Вами много общего. Я тоже крестьянин и пишу так же, как Вы, но только на своем рязанском языке. Стихи у меня в Питере прошли успешно. Из 60 принято 51. Взяли «Северные записки», «Русская мысль», «Ежемесячный журнал» и др. А в «Голосе жизни» есть обо мне статья Гиппиус под псевдонимом Роман Аренский, где упоминаетесь и Вы. Я хотел бы с Вами побеседовать о многом, но ведь «через быстру реченьку, через темненький лесок не доходит голосок». Если Вы прочитаете мои стихи, черкните мне о них. Осенью Городецкий выпускает мою книгу «Радуница». В «Красе» я тоже буду. Мне очень жаль, что я на этой открытке ничего не могу еще сказать. Жму крепко Вашу руку. Рязанская губ., Рязан. у., Кузьминское почт. отд., село Константиново, Есенину

Сергею Александровичу.

44. А. М. Ремизову и С. П. Ремизовой-Довгелло

(Петроград, 24 апреля 1915 г.)

Дорогой Алексей Михайлович и Серафима Павловна!

Кланяюсь всем вам вместе троим с Федором Ивановичем. Очень жалко, что я не мог прийти к вам. Подцепил где-то лихорадку. Все губы раздуло. Обметало с простуды. Провалился 2 дня. Сегодня в три часа уезжаю.

Большое Вам спасибо, Алексей Михайлович, за книги. Читал «Весеннее порошье» и от первых рассказов все время готов был захныкать. Земляк мой тоже велел передать спасибо. Очень уж ему понравилась «Яблонька». Федору Ивановичу бью челом доземли. О Добронравове я уношу тоже хорошие воспоминания.

Привет вам всем.

Любящий вас Сергей Есенин

45. М. П. Бальзамовой
(Петроград, 24 апреля 1915 г.)

Мария Парменовна!
В Рязани я буду числа 14 мая.
Мне нужно на призыв. Напишите мне лучше
к 7 мая относительно сказанного.

Я не знаю расписаний поезда, ни самого
вокзала. Был и не припомню. Сегодня я уез-
жаю в Москву. К 1-му буду дома, в Константи-
нове. Итак, сообщите.

Уважающий Вас Е.

46. И. К. Коробову
(Москва, 4 мая 1915 г.)

Дорогой Иван Константинович! Как видите, был у Вас, но, к сожалению, свидеться не пришлось.

Иван Константинович! Я писал Алексею Михайловичу письмо, где извинялся, что напечатал в «Журнале для всех» свою «Кручину». Думаю, что Вы вообще поняли меня и не осудили. Но все-таки как ни прискорбно, а нашелся такой дрянной человек, как Ливкин, и сумел сделать мне зло. Хотя незначительное, но все же. Он вырезал из «Млечного пути» несколько своих стихов и еще чужих и прислал их туда с таким заявлением: «Если вы напечатали стихотворения Есенина, то, думаю, не откажетесь и наши». Это подлость, Иван Константинович! с которой в литературе считаются. Зачем и какое он имел право распоряжаться чужими именами. Я не хочу никому из вас делать больно, но письмо прямо стыдно было читать. Такое попрошайничье «напечатать» свойственно бездарностям.

А ведь он опозорил много имен. Мне обидно это. Я возмущен до глубины души. Если б я его увидел, то избил бы как собаку. Скажите Алексею Михайловичу, что если Ливкин будет в «Млечном пути», то пусть мое имя будет вычеркнуто из списка сотрудников. Я не хочу знать такую сволочь, как Ливкин, и не хочу пятнать об него свое имя.

Жаль, Иван Константинович, что я не могу свидеться с ним лично. Ох, уж показал бы я ему. Жалко мне очень уж Колоколова. Мария Попер, я думаю, сама влезла.

Но берегись он теперь меня. Все равно он теперь опакостил в литературе дорогу себе.

Кой-что я постарался выяснить из письма. Кой-что оправдано.

О Вас там будет отзыв моего товарища, которому стихи Ваши понравились. Особенно «В дыму шрапнели»: «К тебе, о правда, не воззову ль».

Вы не говорите ни Колоколову, ни Попер. Это им будет очень больно. Я постарался все затушевать. С ним я попросил бы Вас поговорить. Ведь я не слышал, а сам видел все. Дурак он эдакий, разве может это когда

скрыться. Подлец он.

Всего вам хорошего, Иван Константинович. Адрес мой: Кузьминское п. от., село Константиново, Рязанск губ. и уез.

Сегодня я уезжаю. Пишите.

Ваш Есенин

47. Л. В. Берману

(Константиново, 2 июня 1915 г.)

Дорогой Лазарь Васильевич!

Посылал я вам письмо, а вы мне не ответили. За что вы на меня серчаете? Меня забрали в солдаты, но, думаю, воротят: я ведь понижа – далёко не вижу. На комиссию отправили. Пришлите журнал-то. Да пропишите про Димитрия Владимировича. Как он-то живёт?

Ваш Есенин

Кузьминское п. от., село Константиново.
Рязан. г. и уез.

48. В. С. Чернявскому
(Константиново, после 12
или 13 июня 1915 г.)

Дорогой Володя! Радехонек за письмо твое. Жалко, что оно меня не застало по приходе. Поздно уж я его распечатал. Приезжал тогда ко мне К. Я с ним пешком ходил в Рязань, и в монастыре были, который далеко от Рязани. Ему у нас очень понравилось. Все время ходили по лугам. На буграх костры жгли и тальянку слушали. Водил я его и на улицу. Девки ему очень по душе. Полюбилось так, что еще хотел приехать. Мне он понравился еще больше, чем в Питере. Сейчас я думаю уйти куда-нибудь. От военной службы меня до осени освободили. По глазам оставили. Сперва было совсем взяли.

Стихов я написал много. Принимаюсь за рассказы. Два уже готовы. К. говорит, что они многое открыли ему во мне. Кажется, понравились больше, чем надо. Стихов ему много не понравилось, но больше восхитило. Он мне объяснял о моем пантеизме и соби-

рался статью писать.

Интересно, черт возьми, в разногласии мнений. Это меня не волнует, но хочется знать, на какой стороне Философов и Гиппиус. Ты узнай, Володя. Меня беспокоит то, что я отослал им стихи, а ответа нет. Черновики у меня, видно, никогда не сохранятся. Потому что интересней ловить рыбу и стрелять, чем переписывать. За июнь посмотри «Северные записки», там я уже напечатан, как говорит К. Жду только «Русскую мысль». Читал в «Голосе жизни» Струве, оба стиха понравились. Есть в них, как и в твоих, «холодок скептической печати». Стихов я тебе скоро пришлю почитать. Только ты поторопись ответом. Самдели уйду куда-нибудь. Милый Рюрик, один он там остался.

Городецкий мне все собирается писать, но пока не писал. Писал Клюев, но я ему все отвечать собираюсь. Рюрику я пишу, а на Костю осердился, он не понял как следует. Коровы хворают, люди не колют.

Вот стишок тебе один.

*Я странник улогой,
В кубетке сырой*

*Пою я про Бога,
Как сын за горой.*

*На шелковом блюде
Опада осин,
Послушайте, люди,
Ухлюпы трясин.*

*Ширком в луговины
Целуя сосну,
Поют быстровины
Про рай и весну.*

*Я странник улогой,
Лишь в песнях живу,
Зеленой дорогой
Ложуся в траву.*

*Покоюся сладко
Меж росновых бус.
На сердце лампадка,
А в сердце Исус.*

Извести меня, какво стих, и я пойму
о других. Перо плохое. Чернила высохли. Пи-
шешь, только болото разводишь.

Пока прости.

Любящий тебя Сережа

49. В. С. Чернявскому
(Константиново, 22 июля 1915 г.)

Дорогой Володя! Порадуйся со мной вместе. Осенью я опять буду в Питере. К адресу ты прибавь еще село Константиново. Письмо я твое получил на покосе, поэтому писать мне было негде. Стихов я тебе пришлю тут как-нибудь скоро. Я очень жалею, что «Голос жизни» закрылся. Знаешь ли ты причины? В «Ежемесячном журнале» Миролубова были мои стихи. Городецкий недавно прислал письмо, но еще почему-то не отвечает, по-видимому, он очень занят. Это письмо пока предварительно. Я ведь жду от тебя полного ответа. Как Костя и Рюрик? Видел ли их?

Любящий тебя крепко

С. Есенин

50. Д. В. Философову
(Константиново, до 20 августа
1915 г.)

Дорогой Дмитрий Владимирович. Мне очень бы хотелось быть этой осенью в Питере, так как думаю издавать две книги стихов. Ехать, я чую, мне не на что. Очень бы просил Вас поместить куда-либо моего «Миколая Угодника». Может быть, выговорите мне прислать деньжонок к сентябрю. Я был бы очень Вам благодарен. Проездом я бы уплатил немного в Университет Шанявского, в котором думаю серьезно заниматься. Лето я шибко подготавливался. Очень бы просил Вас. В «Северных записках» и «Русской мысли», боюсь, под аванс сочтут за шарамыжничество. Тут у меня очень много записано сказок и песен. Но до Питера с ними пирогов не спекешь. Жалко мне очень, что «Голос жизни» – то закрыли. Жду поскорю ответа. Может быть, «Современник» возьмет.

Любящий Вас Есенин

51. Ф. Ф. Фидлеру

(Петроград, 10 октября 1915 г.)

Дорогой Федор Федорович.

Извините, пожалуйста. Я был последнее время у Ясинского.

Заметки наши я случайно отдал в редакцию «Нивы» и вот сейчас по телефону узнал, что они затеряны. Пришлите, пожалуйста, Ваш другой листок.

Уважающий Вас

С. Есенин

52. Л. Н. Столице

(Петроград, 22 октября 1915 г.)

Дорогая Любовь Никитична!

Простите за все нежно канутое.

Передо мной образ Ваш затенило то, что вышло для меня смешно и грустно.

Очень радуюсь встрече с Вами: суть та, что я приобщен Вами до тайн.

Сейчас, с приезда, живу у Городецкого и преодолеваем ухаживаньем Ключева.

Вчера мило гуторил с Блоком, а 25 в Тешишевском зале выступаю со стихами при участии Ключева, Сережи, Ремизова и др.

Как приедете, стукните мне по тел. 619-11.

Книжку мою захватите ради самого Спаса.

Как-то Ваш милый братец, очень ему от меня кланяйтесь. Поклонитесь всему Вашему милому дому.

Сережа уходит добровольцем на позиции. А мы по приезде Вашем поговорим о концертах.

До сих пор не вывелся запах целующей губы вишневки и теплый с отливом слив

взгляд Ваш.

Не угощайте никогда коньяком – на него у меня положено проклятье. Я его никогда в жизни не брал в губы.

Жду так же, как и ждал Вас до моего рождения.

Любящий и почитающий

Ваш С. Есенин

53. Н. В. Рыковскому
(Петроград, вторая половина
ноября – декабрь 1915 г.)

Г-н Рыковский!

Дружески пожимаю Вам руку и шлю свои стихи. Может быть, Вы забыли желтоволосого, напоминающего пастуха на стене у Любви Никитичны.

Сей муж достал для Вас «Ярь» и перешлет со своей книгой по тому адресу, который Вы мне дали в Литературно-художественном кружке.

Передайте Любви Никитичне привет и скажите, что мне очень досталось за то,

что Любовь Никитична уехала, не повидавшись с Городецким.

Еще раз жму руку.

Уважающий Вас

Сергей Есенин

Вместе в одном конверте стихи Клюева. О результатах сообщите Петроград. Фонтанка 149, кв. 9.

С. Е.

54. М. В. Аверьянову

(Петроград, 16 ноября 1915 г.)

1915 года, ноября 16 дня продал Михаилу Васильевичу Аверьянову в полную собственность право первых изданий в количестве трех тысяч экземпляров моей книги стихов «Радуница» за сумму сто двадцать пять рублей и деньги сполна получил.

Означенные три тысячи экземпляров М. В. Аверьянов имеет право выпустить в последовательных изданиях.

Крестьянин села Константинова Рязанско-

го уезда и Рязанской губернии Кузьминской волости.

*Сергей Александрович Есенин
Петроград, Фонтанка, 149, кв. 9.*

**55. К. К. Владимирову
(Петроград, осень (?) 1916 г.)**

Уважаемый Константин Константинович. Глубоко признателен вам за охарактеризование моего творчества. Не печатая и не читая устно стихов, я перед этим находился в периоде моего духовного преломления, и вы ясно описали этот перелом до того, что я даже поражаюсь. Еще раз выражаю свою благодарность и крепко жму руку.

Сергей Есенин

56. Р. В. Иванову-Разумнику
(Петроград, между 7 и 20 декабря
1915 г.)

Многоуважаемый Разумник Васильич!
В прошлом году я начал первый раз в Питере печатать свои стихи в «Русской мысли», «Северных записках», «Ежемесячном журнале», «Новом журнале для всех», «Голосе жизни», «Биржевых ведомостях», «Огоньке» и др.

На днях выходят сразу одна за одной мои две книги «Радуница» и «Авсень».

С войной мне нынешний год пришлось ехать в Ревель пробивать паклю, но ввиду нездоровости я вернулся. Приходится жить литературным трудом, но очень тяжело. Дома на родине у меня семья, которая нуждается в моей помощи. Ввиду этого, Разумник Васильевич, я попросил бы Вас хлопотать в Литературном фонде о ссуде руб. в 200. Дабы я хоть не поскорю должен был искать себе заработок и имел возможность выбрать его.

Адрес мой: Фонтанка, 149, кв. 9.

Уважающий Вас Сергей Есенин

57. М. П. Мурашову
(Петроград, между 17 марта
и 12 апреля 1916 г.)

Дорогой Миша.

Заходил и не застал тебя.
Завтра призываюсь.

Сергей

58. М. П. Мурашову
(Петроград (?), 27 апреля 1916 г.)

Дорогой Миша! Ау!

Еду в Крым (с поездом). В мае ворочусь.
Живи, чтоб всем чертям было тошно, и поминай меня.

Что-нибудь для тебя покопаю там.
Поезд сегодня уходит в 6 ч.

Сережа

Письма сбереги.

59. Л. Н. Столице
(Москва, 28 июня 1916 г.)

Дорогая Любовь Никитична!
Только на днях возвратился с позиций и застал Вашу открытку. Простите, что поздно отвечаю. Лучше поздно, чем никогда. Городецкий служит тоже, и на днях заберут Блока. Провожая меня, мне говорили (Клюев) о Клычкове, он в Гельсингфорсе и ноет. Видел в «Северных записках» Ваши стихи, они уже сверстаны в июльскую книгу.
Любящий Вас
Есенин

60. М. П. Мурашову
(Москва, 29 июня 1916 г.)

Дорогой Миша! Приветствую тебя из Москвы. Разговор был у меня со Стуловым, но немного, кажется, надо поговорить. Клюев со мной не поехал, и я не знаю, для какого он вида затаскивал меня в свою политику. Стулов в телеграмме его обругал, он, оказалось, был у него раньше, один, когда ездил с Плевицкой и его кой в чем обличили.

Твой Сергей

61. М. П. Мурашову
(Петроград, 13 июля 1916 г.)

Миша!
Сей день ночевал у Давыдова, артиста императорских театров.

Звонил тебе, но глупая ваша девка говорит, что я не говорил ей своей фамилии. Провери ее.

Твой Сергей

Ой, ой, какое чудное стихотворение Блока.
Знаешь, оно как бы совет мне.

62. Н. А. Клюеву

(Царское Село, июль – август 1916 г.)

Дорогой Коля, жизнь проходит тихо и очень тоскливо. На службе у меня дела не важат. В Петроград приедешь, одна шваль торчит. Только вот вчера был для меня день, очень много доставивший. Приехал твой отец, и то, что я вынес от него, прямо-таки передать тебе не могу. Вот натура – разве не богаче всех наших книг и прений? Все, на чем ты и твоя сестра ставили дымку, он старается еще ясней подчеркнуть, для того только, чтоб выдвинуть помимо себя и своих желаний мудрость приемлемого. Есть в нем, конечно, и много от дел мирских с поползновением на выгоду, но это отпадает, это и незаметно ему самому, жизнь его с первых шагов научила, чтоб не упасть, искать видимой опоры. Он знает интуитивно, что когда у старого волка выпадут зубы, бороться ему будет нечем, и он должен помереть с голоду... Нравится мне он.

Сидел тут еще Ганин, у него, знаешь, и рот

перекосился совсем от заевшей его пустой и ненужной правды. Жаль его очень, жаль потому, что делает-то он все так, как надо, а объясняет себе по-другому.

Пишу мало я за это время, дома был – только растравил себя и все время ходил из угла в угол да нюхал, чем отдает от моих бываний там – падалью иль сырой гнилью.

За последнее время вырезок никаких не получал, говорил мне Пимен, что видел большую статью где-то, а где, не знаю. Клавдия Алексеевна говорила, что ты три получил. Пришли, пожалуйста, мне посмотреть, я их тебе отошлю тут же обратно.

Дед-то мне показывал уж и какого размера, ды все, говорит, про тебя сперва, про Николая после чтой-то.

Приезжай, брат, осенью во что бы то ни стало. Отсутствие твое для меня заметно очень, и очень скучно. Главное то, что одиночество круглое.

Как я вспоминаю пережитое...

Вернуть ли?

Твой Сергей Есенин

63. Н. Н. Ливкину

(Царское Село, 12 августа 1916 г.)

12 августа 16 г.

Сегодня я получил ваше письмо, которое вы послали уже более месяца тому назад. Это вышло только оттого, что я уже не в поезде, а в Царском Селе при постройке Феодоровского собора.

Мне даже смешным стало казаться, Ливкин, что между нами, два раза видящих друг друга, вдруг вышло какое-то недоразумение, которое почти целый год не успокаивает некоторых. В сущности-то ничего нет. Но зато есть осадок какой-то мальчишеской лжи, которая говорит, что вот-де Есенин попомнит Ливкину, от которой мне неприятно.

Я только обиделся, не выяснив себе ничего, на вас за то, что вы меня и себя, но больше меня, поставили в неловкое положение. Я знал, что перепечатка стихов немного нечестность, но в то время я голодал, как, может быть, никогда, мне приходилось питаться на 3–2 коп. Тогда, когда вдруг около меня

поднялся шум, когда Мережковский, гипписты и философовы открыли мне свое чистилище и начали трубить обо мне, разве я, ноющий в ночлежке по вокзалам, не мог не перепечатать стихи, уже употребленные? Я был горд в своем скитании, то, что мне предлагали, я отпихивал. Я имел право просто взять любого из них за горло и взять просто сколько мне нужно из их кошельков. Но я презирал их – и с деньгами, и со всем, что в них есть, – и считал поганым прикоснуться до них. Поэтому решил просто перепечатать стихи старые, которые для них все равно были неизвестны. Это было в их глазах, или могло быть, тоже некоторым воровством, но в моих ничуть, и когда вы написали письмо со стихами в «Журнал для всех», вы, так сказать, задели струну, которая звучала корябающе.

Теперь и узнал и постарался узнать, что в вас было не от пинкертоновщины все это, а по незнанию. Сейчас, уже утвердившись во многом и многое осветив с другой стороны, что прежде казалось неясным, я с удовольствием протягиваю вам руку при-

мирения перед тем, чего между нами не было, а только казалось. И вообще между нами ничего не было бы, если бы мы поговорили лично.

Не будем говорить о том мальчишке, у которого понятие о литературе, как об уличной драке: «Вот стану на углу и не пропущу, куда тебе нужно». Если он усвоил себе термин ля, сейчас существующий: «Сегодня ты, а завтра я», то в мозгу своем все-таки не перелицевал его. То, что когда-то казалось другим, что я увлекаюсь им как поэтом, было смешно для меня иногда, но иногда принимал и это, потому что во мне к нему было некоторое увлечение, которое чтоб скрыть иногда от ужаса других, я заставлял себя дурачиться, говорить не то, что думаю, и чтоб сильней оттолкнуть подозрение на себя, выходил на кулачки с Овагемовым. Парнем разухабистым хотел казаться. Вообще, между нами ничего не было, говорю вам теперь я, кроме опутывающих сплетен, а сплетен и здесь хоть отбавляй, и притом они незначительны.

Ну, разве я могу в чем-нибудь помешать вам как поэту? Да я просто дрянь какая-то по-

сле этого был бы, которая не литературу любит, а потроха выворачивать. Это мне было еще больней, когда я узнал, что обо мне так могут думать, но, а в общем-то, ведь все это выеденного яйца не стоит.

Сергей Есенин

64. М. П. Мурашову
(Царское Село, после 29 августа
1916 г.)

Миша, я под арестом на 20 дней.
Нужно во что бы то ни стало сорок рублей мне. Сходи в «Северные записки» и попроси их.

К 7 часам на дом: Саперный, 21, кв. Сакера.

65. М. П. Мурашову

*(Царское Село, сентябрь – первая
половина декабря 1916 г.)*

Друг Мишлэ, выручи, пожалуйста из беды. В Петроград меня ни за что, по-видимому, не пустят, а корзинку мне так хочется к тебе пристроить – прямо-таки слов нет. Поезжай или сходи к Ключевым и скажи, что, так мол и так, его не пускают и не пустят, поэтому она ему нужна (сиречь корзина-то). Ключ я оставил или в замке, или у них на окне.

Свободный будешь, заедь на минутку, уж мы давно, кажись, не виделись, и не мешало бы поговорить, а поговорить есть кой о чем, только уже без спирта, а то я спился было совсем. Кланяйся твоим портретам, которые я так люблю, граммофону и музыкальным моментам.

Друг твой Мандалина.

И если хочешь, пожалуй, он и *Сергей Есенин*.

**66. В Литературный фонд
(Царское Село, между 15
и 25 сентября 1916 г.)**

В Комитет литературного фонда.
Находясь на военной службе и не имея возможности писать и печататься, прошу покорнейше литературный фонд оказать мне вспомоществование взаимообразное, в размере ста пятидесяти рублей, ибо, получив старые казенные сапоги, хожу по мокроте в дырявых, часто принужден из немоготной пищи голодать и ходить оборванным, а от начальства приказ – ходи чище и имей сменную рубашку в церковь – хоть где хошь бери.

А рубашку и шаровары одни без сапог справить рублей 50 стоит да сапоги почти столько.

Сергей Есенин
*Царское Село, Федоровский собор,
лазарет № 17.*

67. Т. Ф. Есениной

(Царское Село, 20 октября 1916 г.)

Дорогая мамаша, свяжи, пожалуйста, мне чулки шерстяные и обшей по пяткам. Здесь в городе не достать таких. Пришли мне закрытое письмо и пропиши, что с Шуркой и как учится Катька. Отец мне недавно прислал письмо, в котором пишет, что он лежит с отцом Гриши Панфилова. Для меня это какой-то перст указующий заколдованного круга. Пока жизнь моя течет по-старому, только все простужаюсь часто и кашляю. По примеру твоему натираюсь камфарой и кутаюсь.

Сергей Есенин

68. Л. Н. Андрееву

(Царское Село, 20 октября 1916 г.)

Дорогой Леонид Николаевич, навещая А. М. Ремизова, мы с Ключевым хотели очень повидать Вас, но не пришлось, о чем глубоко жалеем. В квартире Вашей я оставил Вам несколько стихотворений и книгу. Будьте добродетельны, сообщите мне, подошло что или нет из них, так как я нахожусь на военной службе и справиться лично не имею возможности.

Уважающий и почитающий Вас

Сергей Есенин

Царское Село. Канцелярия по постройке Феодоровского собора.

69. М. В. Аверьянову
(Царское Село, 8, или 18,
или 28 декабря 1916 г.)

Дорогой Михаил Васильевич! Положение мое скверное. Хожу отрепанный, голодный, как волк, а кругом все подтягивают. Сапоги каши просят, требуют, чтоб был как зеркало, но совсем почти невозможно. Будьте, Михаил Васильевич, столь добры, выручите из беды, пришлите рублей 35. Впредь буду обязан Вам «Голубенью», о достоинстве коей можете справиться у Разумника Иванова и Ключева. Вы-то ведь не слышали моих стихов с апреля.

Думаю, что я не обижу моим обращением Вас, но я всегда почему-то именно надеялся на эту сторону, потом даже был разговор когда-то при выпуске «Радунцы», что, когда книга разоидется, 50 р. добавочных. Положим, книга не разошлась, но я все-таки к Вам обращаюсь и надеюсь.

Сергей Есенин
Царское Село. Канцелярия по построй-

ке Феодоровского собора.

70. И. И. Ясинскому
(Царское Село, 20 ноября 1916 г.)

Дорогой Иероним Иеронимович!
Очень хотелось бы поговорить с Вами, но совсем закабалили солдатскими узами, так что и вырваться не могу.

Сейчас готовлю книгу, вечерами, для печатания, но прежде хотелось бы провести ее по журналам. Будьте добры, Иероним Иеронимович, не откажите сообщить о судьбе тех моих стихов, которые я Вам дал, когда был с Верхоустинским. Мне сейчас очень важно заработать лишнюю десятку для семьи, которая по болезни отца чуть не голодает.

Любящий и почитающий Вас

Сергей Есенин

Царское Село. Канцелярия по постройке Феодоровского собора.

71. А. Л. Волынскому
(Царское Село, 30 ноября 1916 г.)

Не зная Вашего отчества, извиняюсь за фамильное обращение к Вам и за просьбу, которой, может быть, Вас потревожу.

Месяца полтора тому назад я передал Иерониму Иеронимовичу для передачи Вам (не имея возможности свидеться лично, т. к. нахожусь на военной службе) пять стихотворений. Стихи эти пока не появлялись, и я осмеливаюсь потревожить Вас, если некоторые из них предназначены к выходу, задержать «О товарищах веселых» и «О красном вечере задумалась дорога».

Уважающий и почитающий Вас

Сергей Есенин

Царское Село. Канцелярия по постройке Феодоровского собора.

72. И. И. Ясинскому
(Царское Село, декабрь 1916 г. –
февраль 1917 г.)

Дорогой Иероним Иеронимович!
Желаю Вам скорого выздоровления
и крепости.

На днях я заносил в редакцию стихи
и оставил их на Ваше имя у Волынского.

Будьте добры, Иероним Иеронимович, по-
смотрите их, как Вам будет вольготно.

Сердечный привет Клавдии Ивановне.

*Почитающий Вас Сергей Есенин
Царское Село. Канцелярия по построй-
ке Феодоровского собора.*

73. М. П. Мурашову
(Петроград, ноябрь (?) – декабрь (?)
1917 г.)

Дорогой Миша!

Заглядывал к тебе Есенин и скорбно повернул обратно.

Дело в том, что Чернявскому очень нужна его рукопись. У него недавно умер в семье старший брат. Сейчас ему нужны деньги, и он хочет статью эту напечатать.

Сергей

225-31.

Скоро зайду.

**74. М. П. Мурашову
(Петроград, 1917 г.)**

Драгой Мишель!
Буду у тебя в 8½ часов. Поговорим кой о чем, а если ты занят, то позвони по № 448-71.

Сергей

**75. Р. В. Иванову-Разумнику
(Царское Село, 6 февраля 1917 г.)**

1917. Понедельник.
6 февр.

Дорогой Разумник Васильевич!

Очень собираюсь к Вам, но помираю от зубной боли. Жалею, что вчера не мог зайти, провалялся, как с белены, и, словно телку, забирает ломота быквиков.

Если Вы будете свободны на прощенный день, то загляну к Вам, а к этому времени или вырву корни, или запломбирую.

Если «Скифы» еще печатаются, то поправьте, Разумник Васильевич, стихотворение «Синее небо» в третьей строфе третью строку так: «Нежно под трепетом ангельских крыл», а последние две строчки

*Вечная правда и гомон лесов
Радуют душу под звон кандалов.*

Почитающий Вас
Сергей Есенин

76. А. В. Ширяевцу
(Петроград, конец мая – начало
июня 1917 г.)

Дорогой Шура!

Очень хотел приехать к тебе под твое бирюзовое небо, но за неимением времени и покачнувшегося здоровья пришлось отложить.

Очень мне надо с тобой обо многом переговорить или списаться.

Сейчас я уезжаю домой, а оттуда напишу тебе обстоятельно.

Но впредь ты меня предупреди, полу-

чишь ли ты эту открытку.

Твой Сергей

Кузьминское п. отд.

село Константиново Рязанск. губ. и уез.

С. Есенину.

77. А. В. Ширяевцу

(Константиново, 24 июня 1917 г.)

1917. Июнь 24.

Хе-хе-хо, что ж я скажу тебе, мой друг, когда на языке моем все слова пропали, как те-перешние рубли. Были и не были. Вблизи мы всегда что-нибудь, но уж обязательно сыщем нехорошее, а вдали все одинаково походит на прошедшее, а что прошло, то будет мило, — еще сто лет назад сказал Пушкин.

Бог с ними, этими питерскими литерато-рами, ругаются они, лгут друг на друга, но все-таки они люди, и очень недурные внутри се-бя люди, а потому так и развинчены. Об отно-шениях их к нам судить нечего, они совсем с нами разные, и мне кажется, что сидят го-

раздо мельче нашей крестьянской купницы. Мы ведь скифы, приявшие глазами Андрея Рублева Византию и писания Козьмы Индикоплова с поверием наших бабок, что земля на трех китах стоит, а они все романцы, брат, все западники. Им нужна Америка, а нам в Жигулях песня да костер Стеньки Разина.

Тут о «нравится» говорить не приходится, а приходится натягивать свои подлинней голенища да забродить в их пруд поглубже и мутить, мутить до тех пор, пока они, как рыбы, не высунут свои носы и не разглядят тебя, что это – ты. Им все нравится подстриженное, ровное и чистое, а тут вот возьмешь им да кинешь с плеч свою вихрастую голову, и боже мой, как их легко взбаламутить.

Конечно, не будь этой игры, весь успех нашего народнического движения был бы скупен, и мы, пожалуй, легко бы сошлись с ними. Сидели бы за их столом рядом, толковали бы, жаловались на что-нибудь, а какой-нибудь эго-Мережковский приподымал бы свою многозначительную перстницу и говорил: гениальный вы человек, Сергей Александрович

или Александр Васильевич, стихи ваши изумительны, а образы, какая образность, а потом бы тут же съехал на университет, посоветовал бы попасть туда и, довольный тем, что все-таки в жизни у него несколько градусов больше при университетской закваске, приподнялся бы вежливо встречу жене и добавил: «Смотри, милочка, это поэт из низов...» А она бы расширила глазки, и, сузив губки, пропела: «Ах, это вы самый, удивительно, я так много слышала, садитесь». И почла бы удивляться, почла бы расспрашивать, а я бы ей, может быть, начал отвечать и говорить, что корову доят двумя пальцами, когда курица несет яйцо, ей очень трудно, и т. д. и т. д.

Да, брат, сближение наше с ними невозможно. Ведь даже самый лучший из них – Белинский, говоря о Кольцове, писал «мы», «самоучка», «низший слой» и др., а эти еще дурнее.

Но есть, брат, среди них один человек, перед которым я не лгал, не выдумывал себя и не подкладывал, как всем другим. Это Разумник Иванов. Натура его глубокая и твердая, мыслью он прожжен, и вот у него-то я

сам, сам Сергей Есенин, и отдыхаю, и вижу себя, и зажигаюсь об себя.

На остальных же просто смотреть не хочется. С ними нужно не сближаться, а обтесывать, как какую-нибудь плоскую доску, и выводить на ней узоры, какие тебе хочется, таков и Блок, таков Городецкий и все и весь их легион.

Бывают, конечно, сомнения и укоры в себе, что к чему и зачем все это, но как только взглянешь и увидишь кого-нибудь из них, так сейчас же оно, это самое-то, и всплывает. Люботно уж больно потешиться над ними, а особенно когда они твою блесну на лету хватают, несмотря на звон ее железный. Так вот их и выдергиваешь, как лещей или шелесперов.

Я очень и очень был недоволен твоим приездом туда, особенно твоими говореньями с Городецким. История с Блоком мне была передана Миролубовым с большим возмущением, но ты должен был ее так не оставлять и душой своей не раскошелиться перед ними. Хватит ли у них места вместить нас? Ведь они одним хвостом подавятся, а ты все это де-

лал.

В следующий раз мы тебя поучим наглядно, как быть с ними, а пока скажу тебе об издательствах. Аверьянов сейчас купил за 2½ тыс. у Клюева полн. соб. (вышедшие книги) и сел на них. Дела у него плохи, и издатель он шельмоватый. «Страда» – это просто случайные сборники под редакцией Ясинского, а остальные журналы почти наполовину закрыты.

Мой план: обязательно этой осенью сделать несколько вечеров, а потом я выпускаю книгу в одном издательстве с платой по процентам и выпущу сборник «пятерых» – тебя, меня, Ганина, Клюева и Клычкова. (О Клычкове поговорим еще, он очень и близок нам, и далек по своим воззрениям.) Но все это выяснится совсем там, в сентябре. Стихи посылай в «Скифы», новый сборник, и «Заветы» на имя Разумника Васильевича Иванова, Царское Село, Колпинская, 20. Это не редакция там, а его квартира. Ему посылать лучше, он тебя знает, и я ему о тебе говорил. А пока всего тебе доброго.

Твой Сергей

Константиново.

78. М. П. Мурашову

(Петроград, 21 ноября 1917 г.)

Дорогой Миша!

Посылаю тебе билет, но извини, что не мог зайти сам к тебе. Занят по горло, а телефон твой не работает.

Любящий тебя

Сергей

79. А. Белому

(Петроград, до 9 марта 1918 г.)

Дорогой Борис Николаевич!

Направляю к Вам жаждущего услышать Вас человека Петра Авдеевича Кузько.

Примите и обогрейте его.

Любящий Вас

Сергей Есенин

80. Л. Н. Столице

(Петроград, до 9 марта 1918 г.)

Дорогая Любовь Никитична!

Верный Вам в своих дружеских чувствах и всегда вспоминающий Вас, посылаю к Вам своего хорошего знакомого Петра Авдевича Кузько.

Примите его и обогрейте Вашим приветом. Ему ничего не нужно, кроме лишь знакомства с Вами, и поэтому я был бы рад, если бы он нашел к себе отклик в Вас.

Человек он содержательный в себе, немного пишет, а общение с Вами кой в чем (чисто духовном) избавило бы его от одиночества, в которое он заброшен по судьбе России.

Любящий Вас

Сергей Есенин
1918. Петроград

81. Р. В. Иванову-Разумнику
(Петроград, конец декабря 1917 г.)

Дорогой Разумник Васильевич!
Уж очень мне понравилась, с прибавлением *не*, клюевская «Песнь Солнца» и хвалебные оды ей с бездарной «Красной песней».

Штемпель Ваш «Первый глубинный народный поэт», который Вы приложили к Клюеву из достижений его «Песнь Солнца», обязывает меня не появляться в третьих «Скифах». Ибо то, что вы сочли с Андреем Белым за верх совершенства, я счел только за мышинный писк.

Это я, если не такими, то похожими словами, уже говорил Вам когда-то при Арсении Авраамове.

Клюев, за исключением «Избанных песен», которые я ценю и признаю, за последнее время сделался моим врагом. Я больше знаю его, чем Вы, и знаю, что заставило написать его «прекраснейшему» и «белый свет Сережа, с Китоврасом схожий».

То единство, которое Вы находите в нас, только кажущееся.

«Я яровчатый стих»

и

«Приложитесь ко мне, братья»

противно моему нутру, которое хочет выплеснуться из тела и прокусить чрево небу, чтоб сдвинуть не только государя с Николая на овин, а...[14]

Но об этом говорить не принято, и я оставлю это для «лицезрения в печати», кажется, Андрей Белый ждет уже...

В моем посвящении Клюеву я назвал его *средним* братом из чисел 109, 34 и 22. Значение среднего в «Коньке-горбунке», да и во всех почти русских сказках –

«Так и сяк».

Поэтому я и сказал: «Он весь в резьбе молвы», – то есть в пересказе сказанных. Только изограф, но не открыватель.

А я «сшибаю камнем месяц» и черт с ним, с Серафимом Саровским, с которым он так носится, если, кроме себя и камня в колодце

небес, он ничего не отражает.

Говорю Вам это не из ущемления «первенством» Солнценосца и моим «созвучно вторит», а из истинной обиды за Слово, которое не золотится, а проклевывается из сердца самого себя птенцом...

И «Преображение» мое, посвященное Вам, поэтому будет напечатано в другом месте.

Любящий Вас Сергей Есенин

**82. Р. В. Иванову-Разумнику
(Москва, 30 сентября 1918 г.)**

Дорогой Разумник Васильевич!
Мне передали, что где-то можно издать в Петербурге мою книгу. Будьте добры, напишите, что это за издательство и на каких условиях. (Если Вас это не затруднит.) Деньги бы были мне весьма кстати. Сейчас я в Москве. Приехал в надежде увидеть Вас, а Вы (я уже с июня слышу) все едете.

Приезжайте, Разумник Васильевич! За такую революцию снабдим Вас хлебом.

Кстати, если нужно будет приехать в Пет-

роград относительно сговоров по изданию, то я приеду на несколько дней. Кланяйтесь Ключеву. Я ему посылал телеграмму, а он не ответил.

Любящий Вас

Сергей Есенин

Москва, Б. Строченовский, д. 24, кв. 6.

83. А. Белому

(Москва, конец сентября 1918 г.)

Дорогой Борис Николаевич, какая превратность: хотел Вас очень сегодня видеть и не могу. Лежу совсем расслабленный в постели.

Черкните мне (если не повезло мне в сей раз), когда Вы будете свободны еще.

Любящий Вас С. Есенин

Адрес: Скатертный пер., д. 20.

Лидии Ивановне Кашиной для С. Е.

84. В Профессиональный Союз писателей

(Москва, между 9 и 17 декабря 1918 г.)

В Профессиональный Союз писателей
Сергея Александровича Есенина
Заявление

Прошу зачислить меня в Союз писателей. Имею вышедших четыре книги: «Радуница», «Голубень», «Преображение» и «Сельский часослов».

Сергей Есенин
*1-й Тверской Комиссариат.
Крестовоздвиженский, 2, кв. 18.*

85. В Профессиональный Союз писателей

(Москва, между 18 и 20 декабря 1918 г.)

В Союз московских писателей
Сергея Александровича Есенина
Заявление

Прошу Союз писателей выдать мне удостоверение для местных властей, которое бы оберегало меня от разного рода налогов на хозяйство и реквизиций. Хозяйство мое весьма маленькое (лошадь, две коровы, несколько мелких животных и т. д.), и всякий налог на него может выбить меня из колеи творческой работы, то есть вполне приостановить ее, ибо я, не эксплуатируя чужого труда, только этим и поддерживаю жизнь моей семьи.

Сергей Есенин
*Село Константиново Федякинской вол.
Рязанской губ. и уез.*

**86. В Литературно-художественный
клуб советской секции Союза
писателей-художников и поэтов
(Москва, после 1919 г.)**

Признавая себя по убеждениям идейным коммунистом, примыкающим к революционному движению, представленному РКП, и активно проявляя это в моих поэмах и статьях, прошу зачислить меня в действительные члены литературно-художественного клуба Советской Секции писателей-художников и поэтов.

Член Секции: Сергей Есенин

**87. Во «Дворец искусств»
(Москва, 28 апреля 1919 г.)**

Во «Дворец искусств»
Заявление

Прошу зачислить меня в число членов Вашего Союза. (В литературный отдел.)

Сергей Есенин
28 апр. 1919

**88. З. Н. Райх
(Москва, 18 июня 1919 г.)**

Зина! Я послал тебе вчера 2000 руб. Как получишь, приезжай в Москву.

Сергей Есенин

Типография заработала. Денег у меня пока для тебя 10 000 руб.

89. В Государственное издательство
(Москва, 20 августа 1919 г.)

В Государственное издательство
Заявление

Прошу выдать мне гонорар за книгу стихотворений «Звездное стойло», принятую к печати заведующим издательством ЦИК Еремеевым в мае месяце сего г. в размере 10 листов с авансом в (6000 р.) шесть тысяч руб.

С. Есенин

90. В Государственное издательство
(Москва, до 13 октября 1919 г.)

1919 ^{ОКТ.}

В Государственное из-во

Заявление

Настоящим прошу Гос. из-во изъять мою книгу стихов «Звездное стойло» из списка принятых к печати, ввиду того, что она нуждается во многом исправлении и пересмотре. Аванс, взятый за книгу в размере 3650 руб.,

постараюсь возвратить поскорю.

Сергей Есенин

91. Е. Р. Эйгес

(Москва, осень 1919 г.)

Как нужно было ждать. Вчера я муку тебе не принес.

Сегодня утром тащили чемодан к тебе с Мариенгофом и ругались на чем свет стоит. Мука в белье, завернута в какую-то салфетку, которая чище белья и служит муке предохранением и т. д. т. п. прочее.

Расти большая.

Твой С. Есенин

92. А. М. Кожебаткину

(Москва, не ранее 11 августа 1919 г.)

Александр Мелентьевич!
Заходили к Вам Есенин и Мариенгоф.
Взяли «Песнослов» и удалились.

С извинением и приветом.

Есенин Мариенгоф

93. Л. И. Повицкому

*(Москва, конец 1918 – начало
1919 гг.)*

*Мечтам и годам нет возврата,
Не обновлю души моей.*

Новое стихотворение С. Есенина
Да простит меня благородный синьор
за мое неблагородное свинство. Дело, конечно,
обстоит серьезней вины, но Вы сами знаете,
что предисловие...

Ах уж эти мне предисловия. Меньшов изводит меня ими часа по крайней мере по три.

Итак, дорогой Лев Осипович, кланяюсь

Вам и желаю всего хорошего. В собственно-
сти, что это такое кланяюсь?

Знаете ли Вы, милостивый государь,
что оно значит? Да, да, я знаю, что Вы этого
не знаете, и потому спрашиваю Вас, чтоб
иметь возможность пояснить его всему миру.

Кланяюсь родилось в далеких песках асси-
рийских равнин. Зима у нас в этот год стоит
довольно лютая. Я, собственно, ей ничего
и не сказал, а она пошла и давай меня. Ес-
ли бы Вы умели слушать внимательней,
я рассказал бы всю историю Вам подробно.
Ах, никто, никто не знает и до сих пор, отчего
поет петух в полночь.

*Сарра спала под телегою.
Утомилась, долго бегая,
Моя ворохи пеленок,
Слышит, кто-то, как цыпленок,
Тонко, жалобно пищит:
пить, пить –
Прислонивши локоток,
Видит, в небе без порток
Скачет, пляшет мил дружок.
Аминь.*

Сергей Есенин

**94. В отдел печати Московского
совета рабочих и крестьянских
депутатов**

(Москва, до 18 февраля 1920 г.)

В Отдел Печати МСР и КД
т. Ангарскому
С. А. Есенина

Заявление

Прошу выдать мне разрешение на печатание книг:

«Радуница». 4 печатных листа. 3 тыс. экз.

«Преображение». 4 печатных листа.

3 тыс. экз.

«Телец». 12 печатных листов. 5000 экз.

«Словесная орнаментика». 3 печатных листа. 3 тыс. экз.

Примечания. 1) Издание «Тельца» является необходимым для автора, как первый том, где будет выяснен подсчет его силы за 5-тилетнюю литературную работу.

2) «Радуница» и «Преображение» – две книги, показывающие революционное движение крестьянства, нуждающихся в закреплении

художественными образами.

3) «Словесная орнаментика» необходима как теоретическое показание развития словесных знаков, идущих на путь открытий невыявленных возможностей человека.

Бумага для книг имеется. Одновременно прошу зарегистрировать марку Изд-ва автора «Злак».

Подпись

95. Е. И. Лившиц
(Москва, 8 июня 1920 г.)

Милая, милая Женя! Сердечно Вам благодарен за письмо, которое меня очень тронуло. Мне казалось, что этот маленький харьковский эпизод уже вылетел из Вашей головы.

В Москве я сейчас крайне чувствую себя одиноко. Мариенгоф по приезде моем из Рязани уехал в Пензу и пока еще не возвращался. Приглашают меня ехать в Ташкент, чтоб отдохнуть хоть немного, да не знаю, как выберусь, ведь я куда, куда только не собирался

и с Вами даже уславливался встретиться в Крыму... Дело в том, как я управлюсь с моим издательством. Я думал, уже все кончил с ним, но вдруг пришлось печатать спешно еще пять книг, на это нужно время, и вот я осужден бродить пока здесь по московским нудным бульварам из типографии в типографию и опять в типографию.

Дома мне, несмотря на то, что я не был там три года, очень не понравилось, причин очень много, но о них в письмах теперь говорить неудобно.

Ну, как Вы живете? Что делаете? Сидите ли Фридой на тарантасе и с кем? Фриде мой нижайший, нижайший поклон. Мы часто Вас всех вспоминаем с Сахаровым, когда бродим ночами по нашим пустынным переулкам. Он даже собирается писать Лизе.

Конечно, всего, что хотелось бы сказать Вам, не скажешь в письме, милая Женя! Все-таки лучше, когда видишь человека, лучше говорить с ним устами, глазами и вообще всем существом, чем выводить эти ограничивающие буквы.

Желаю Вам всего-всего хорошего. Вырасти

большой, выйти замуж и всего-всего, чего Вы хотите.

С. Есенин

96. А. В. Ширяевцу

*(Москва, август (?) – сентябрь (?)
1919 г.)*

Милый Шура!

Будь добр помоги устроиться и приютить ночевать моих хороших знакомых. Они расскажут тебе обо всем, о чем не имею времени передать тебе письменно.

Во многом они пригодятся тебе сами. Если вздумаешь выбираться из Ташкента, то с ними тебе будет легче. Жизни нашей ты можешь не пугаться. Заработать мы тебе поможем всегда. На днях сдаю в набор твою книгу. В ней есть всего около 48 стр., но тысяч 7 ты за нее получишь.

Деньги переведу, как только будут принимать по телеграфу.

Очень хотелось бы написать тебе много, много, но совершенно нет времени.

Прости, родной.

Любящий тебя Сергей Есенин

97. А. В. Ширяевцу
(Москва, 26 июня 1920 г.)

Милый Шура! Извини, голубчик, что так редко тебе пишу, дела, дорогой мой, ненужные и бесполезные дела съели меня с головы до ног. Рад бы вырваться хоть к черту на кулички от них и не могу.

«Золотой грудок» твой пока еще не вышел и, думаю, раньше осени не выйдет. Уж очень трудно стало у нас с книжным делом в Москве. Почти ни одной типографии не дают для нас, несоветских, а если и дают, то опять не обходится без скандала. Заедают нас, брат, заедают. Конечно, пока зубы острые, это все еще выносимо, но все-таки жаль сил и времени, которые уходят на это.

Живу, дорогой, – не живу, а маюсь, только и думаешь о проклятом рубле. Пишу очень мало. С старыми товарищами не имею почти ничего, с Клюевым разошелся, Клычков

уехал, а Орешин глядит как-то все исподлобья, словно съесть хочет. Сейчас он в Саратове, пишет плохие коммунистические стихи и со всеми ругается. Я очень его любил, часто старался его приблизить себе, но ему все казалось, что я отрезаю ему голову, так у нас ничего и не вышло, а сейчас он, вероятно, думает обо мне еще хуже.

А Клюев, дорогой мой, – бестия. Хитрый, как лисица, и все это, знаешь, так: под себя, под себя. Слава богу, что бодливой корове рога не даются. Поползновения-то он в себе таит большие, а силенки-то мало. Очень похож на свои стихи, такой же корявый, неряшливый, простой по виду, а внутри – черт.

Клычков же, наоборот, сама простота, чистота и мягкость, только чересчур уж от него пахнет физической нечистоплотностью. Я люблю его очень и ценю как поэта выше Орешина. И во многом он лучше и Клюева, но, конечно, не в целом. Где он теперь, не знаю.

Ты, по рассказам, мне очень нравишься, большой, говорят, неповоротливый и с смешными думами о мнимой болезненности. Сти-

хи твои мне нравятся тоже, только, говорят, ты правишь их по указаниям жен туркестанских инженеров. За это, брат, знаешь, *мативируют*. И какой черт ты доверяешься вообще разным с...?

Пишешь ты очень много зрящего, особенно не нравятся мне твои стихи о Востоке. Разве ты настолько уж осартился или мало чувствуешь в себе притока своих родных почвенных сил?

Потом брось ты петть эту стилизационную клюевскую Русь с ее несуществующим Китежом и глупыми старухами, не такие мы, как это все выходит у тебя в стихах. Жизнь, настоящая жизнь нашей Руси куда лучше застывшего рисунка старообрядчества. Все это, брат, было, вошло в гроб, так что же нюхать эти гнилые колодовые останки? Пусть уж нюхает Клюев, ему это к лицу, потому что от него самого попахивает, а тебе нет.

Посылаю тебе «Трерядницу», буду очень рад, если ты как-нибудь сообщишь о своем впечатлении.

Твой С. Есенин
1920, июнь 26

В октябре я с Колобовым буду в Ташкенте, я собирался с ним ехать этим постом, но он поехал в Казань, хотел вернуться и обманул меня.

98. А. М. Сахарову
(Ростов-на-Дону, июль 1920 г.)

Милый, милый Сакша!
Сидим на яйцах в Ростове и все никак ничего не можем вывести. Вдалеке Сочи, Екатеринодар, Туапсе, а здесь почти то же, что и у нас.

*...В краю родном
Пахнет сеном и ...*

Очень и очень маленькая разница, особенно ежели насчет выпить, одно утешение, что на Кавказе, говорят, *куда лучше!* Все время жалеем, что ты не с нами, но успокаиваем себя тем, что осенью облобызаемся, напихаем твой рот мукой и сладостями. Это обязательство у нас даже вывешено в вагоне

«Помним Сакшу!»

Милый Сакша, просим тебя до самого пупа,

сделай, голубчик, все, что возможно, с книгами. С деньгами попроси устроить Шершеневича, он парень *ходовой* в этом отношении. Да, еще есть к тебе особливая просьба. Ежели на горизонте появится моя жена Зинаида Николаевна, то устрой ей как-нибудь через себя или Кожебаткина тыс. 30 или 40. Она, вероятно, очень нуждается, а я не знаю ее адреса. С Кавказа она, кажется, уже уехала, и встретить я ее уже не смогу. Ну, живи, милый, лопай, толстей мордой и ... Мы полны тобой с утра до вечера. Будь же и ты к нам таким, каким был при нашем присутствии. Если можно, черкни что-нибудь о себе, о магазине и о прочем нам близком.

Адрес: Сочи, Высший Совет народного хозяйства. Трамот. Окружному уполномоченному Колобову для Есенина.

99. Е. И. Лившиц

*(Минеральные Воды, 11 августа
1920 г.)*

Милая, милая Женя! Ради бога не подумайте, что мне что-нибудь от Вас нужно, я сам не знаю, почему это я стал вдруг Вам учащенно напоминать о себе, конечно, разные бывают болезни, но все они проходят. Думаю, что пройдет и это.

Сегодня утром мы из Кисловодска выехали в Баку, и, глядя из окна вагона на эти кавказские пейзажи, внутри сделалось как-то тесно и неловко. Я здесь второй раз в этих местах и абсолютно не понимаю, чем поразили они тех, которые создали в нас образы Терека, Казбека, Дарьяла и все прочее. Признаться, в Рязанской губ. я Кавказом был больше богат, чем здесь. Сейчас у меня зародилась мысль о вредности путешествий для меня. Я не знаю, что было бы со мной, если б случайно мне пришлось объездить весь земной шар? Конечно, если не пистолет юнкера Шмидта, то, во всяком случае, что-нибудь раз-

рушающее чувство земного диапазона. Уж до того на этой планете тесно и скучно. Конечно, есть прыжки для живого, вроде перехода от коня к поезду, но все это только ускорение или выпукление. По намекам это известно все гораздо раньше и богаче. Трогает меня в этом только грусть за уходящее милое родное звериное и незыблемая сила мертвого, механического.

Вот Вам наглядный случай из этого. Ехали мы от Тихорецкой на Пятигорск, вдруг слышим крики, выглядываем в окно, и что же? Видим, за паровозом что есть силы скачет маленький жеребенок. Так скачет, что нам сразу стало ясно, что он почему-то вздумал обогнать его. Бежал он очень долго, но под конец стал уставать, и на какой-то станции его поймали. Эпизод для кого-нибудь незначительный, а для меня он говорит очень много. Конь стальной победил коня живого. И этот маленький жеребенок был для меня наглядным дорогим вымирающим образом деревни и лицом Махно. Она и он в революции нашей страшно походят на этого жеребенка, тягательством живой силы с железной.

Простите, милая, еще раз за то, что беспокою Вас. Мне очень грустно сейчас, что история переживает тяжелую эпоху умерщвления личности как живого, ведь идет совершенно не тот социализм, о котором я думал, а определенный и нарочитый, как какой-нибудь остров Елены, без славы и без мечтаний. Тесно в нем живому, тесно строящему мост в мир невидимый, ибо рубят и взрывают эти мосты из-под ног грядущих поколений. Конечно, кому откроется, тот увидит *тогда* эти покрытые уже плесенью мосты, но всегда ведь бывает жаль, что если выстроен дом, а в нем не живут, челнок выдолблен, а в нем не плавают.

Вы плавающая и идущая, Женя! Поэтому-то меня и тянет с словами к Вам.

Растите такой, какой я Вас видел и слышал, слушайте Фриду, и благо Вам будет, ибо в Фриде доброе живет *сознательно*, поэтому она такая милая и такая хорошая будет даже в чем-нибудь дурном.

Любящий Вас С. Есенин

**100. Р. В. Иванову-Разумнику
(Москва, 4 декабря 1920 г.)**

Декабря 4. 1920.

Дорогой Разумник Васильевич!

Простите, ради бога, за то, что не смог Вам ответить на Ваше письмо и открытку. Так все неожиданно и глупо вышло.

Я уже собирался к 25 окт. выехать, и вдруг пришлось вместо Петербурга очутиться в тюрьме ВЧК.

Это меня как-то огорошило, оскорбило, и мне долго пришлось выветриваться.

Мне очень и очень хотелось бы Вас увидеть, услышать и самому сказать о себе. Уж очень многое накопилось за эти 2½ г., в которые мы с Вами не виделись. Я очень много раз порывался писать Вам, но наше безалаберное российское житие, похожее на постоялый двор, каждый раз выбивало перо из рук. Я удивляюсь, как еще я мог написать столько стихов и поэм за это время.

Конечно, перестроение внутреннее было велико. Я благодарен всему, что вытянуло

мое нутро, положило в формы и дало ему язык. Но я потерял зато все то, что радовало меня раньше от моего здоровья. Я стал гнилее. Вероятно, кой-что по этому поводу Вы уже слышали.

Ну, а что с Клюевым?

Он с год тому назад прислал мне весьма хитрое письмо, думая, что мне, как и было, 18 лет, я на него ему не ответил, и с тех пор о нем ничего не слышу. Стихи его за это время на меня впечатление производили довольно неприятное. Уж очень он, Разумник Васильевич, слаб в форме и как-то расти не хочет. А то, что ему кажется формой, ни больше ни меньше как манера, и порой довольно утомительная. Но все же я хотел бы увидеть его. Мне глубоко интересно, какой ощупью вот теперь он пойдет?

Всего Вам, Разумник Васильевич, всего хорошего. Я очень и очень часто вспоминаю Вас. Жаль только, что не видимся, но авось как-нибудь вырвусь.

Привет Варваре Николаевне, Вашим детям и Ремизовым.

Жму Вашу руку

С. Есенин

Если урвете минутку, то черкните, а я Вам постараюсь выслать «Сорокоуст» и «Исповедь хулигана».

101. В. Л. Львову-Рогачевскому
(Москва, первая половина 1919 г.)

Дорогой Василий Львович!

Я очень жалею, что Вы все время не могли меня застать. Я звонил Вам, но телефон у Вас или занят, или нет никого.

Вопрос моего выступления, по-моему, для Вас должен быть ясен с прошлого года. Там, где вечера проходят с Вашим выступлением, я всегда готов с радостью.

Насколько я понял, ближайший (четверговый) вечер будет в «Элите». Я буду там в 7½ ч. вечера, и договоримся окончательно.

Любящий Вас

С. Есенин

102. С. Д. Балухатому
(Москва, 22 января 1921 г.)

Уважаемый Сергей Дмитриевич! В ответ на Ваше письмо спешу сообщить Вам, что мы готовы издать все Ваши работы, касающиеся образной поэтики.

Условия оплаты и срок издания мы сообщим Вам, как только Вы пришлете материал, но приблизительно оплата в нашем Издательстве равняется в три раза увеличенной советской ставке. Причем половина выплачивается, как только книга сдается в набор, а остальное после выхода.

С приветом к Вам

Сергей Есенин
Большая Никитская, 15, Магазин художников слова.

103. А. М. Сахарову
(Москва, апрель 1921 г.)

Милый Сакша!
Привет тебе и целование. Друг мой любезный, сделай все, что возможно, с моей книгой, только по другому плану. Издай только стихи, а поэмы выкинь. Потому что они выходят на днях здесь. Озаглавь «Ржаные кони». Книга первая. Я еду в Ташкент, в мае вернусь. Что тебе нужно, накажи – я привезу.

Любящий тебя С. Есенин

104. А. Б. Мариенгофу

*(Самара, конец апреля – начало мая
1921 г.)*

Милый Толя, привет тебе и целование.
Сейчас сижу в вагоне и ровно третий день смотрю из окна на проклятую Самару и не пойму никак – действительно ли я ощущаю все это или читаю «Мертвые души» с «Ревизором». «Почем-Соль» пьян и уверяет своего знакомого, что он написал «Юрия Милославского», что все политические тузы – его приятели, что у него все «курьеры, курьеры, курьеры». Лева сидит хмурый и спрашивает меня чуть ли не по пяти раз в день о том: «съел ли бы я сейчас тарелку борща малороссийского». Мне вспоминается сейчас твоя кислая морда, когда ты говорил о селедках. Если хочешь представить меня, то съешь кусочек и посмотри на себя в зеркало.

Еду я, конечно, ничего, не без настроения все-таки, даже рад, что плюнул на эту проклятую Москву. Я сейчас собираю себя и гляжу внутрь. Последнее происшествие меня таки

сильно ошеломило. Больше, конечно, так пить я уже не буду, а сегодня, например, даже совсем отказался, чтоб посмотреть на пьяного «Почем-Соль». Боже мой, какая это гадость, а я, вероятно, еще хуже бывал.

Климат здесь почему-то в этот год холоднее, чем у нас. Кое-где даже есть еще снег. Так что голым я пока не хожу и сплю, покрываясь шубой. Провизии здесь, конечно, до того «много», что я невольно спрашиваю, в свою очередь, Леву: «А ты, Лева, съел бы сейчас колбасу?» Вот так сутки, другие, третьи, четвертые, пятые, шестые, едем-едем, а оглянешься в окно – как заколдованное место проклятая Самара.

Вагон, конечно, хороший, но все-таки жаль, что это не ровное стоячее место. Бурливой голове трудно думается в такой тряске. За поездом у нас опять бежала лошадь (не жеребенок), но я теперь говорю: «Природа, ты подражаешь Есенину».

Итак, мой друг, часто вспоминаю тебя, нашу милую Эмилию, и опять, *опять* возвращаемся к тому же: «Как ты думаешь, Лева, а что теперь кушает Анатолий?»

В общем, поездка очень славная. Я и всегда говорил себе, что проехаться не мешает, особенно в такое время, когда масло в Москве – 16–17, а здесь 25–30.

Это, во-первых, экономно, а во-вторых, но во-вторых, Ваня (слышу, Лева за стеной посылает «Почем-Соль» к священной матери), это на второе у нас полагается.

Итак, ты видишь – все это довольно весело и занимательно, так что мне без труда приходится ставить точку, чтоб поскорей отделаться от письма. О, я недаром говорил себе, что с «Почем-Соль» ездить очень весело.

Твой Сергун

Привет Коненкову, Сереже и Давиду Самойловичу.

P. S. Прошло еще четыре дня с тех пор, как я написал тебе письмо, а мы еще в Самаре. Сегодня с тоски, то есть с радости, вышел на платформу, подхожу к стенной газете и зрю, как самарское лито кроет имажинистов. Я даже не думал, что мы здесь в такой моде...

105. Р. В. Иванову-Разумнику (Ташкент, май 1921 г.)

Дорогой Разумник Васильевич!
Я послал Вам письмо, книги, еще письмо, ждал от Вас хоть какого-нибудь ответа и не получил его, и мне кажется, что Вы, по-видимому, обиделись на что-то, уж не за Клюева ли и мое мнение о нем? Не за Блока ли?

Я очень много думал, Разумник Васильевич, за эти годы, очень много работал над собой, и то, что я говорю, у меня достаточно выстрадано. Я даже Вам в том письме не все сказал, по-моему, Клюев совсем стал плохой поэт, так же как и Блок. Я не хочу этим Вам сказать, что они очень малы по своему внутреннему содержанию. Как раз нет. Блок, конечно, не гениальная фигура, а Клюев как некогда пришибленный им не сумел отойти от его голландского романтизма, но все-таки они, конечно, значат много. Пусть Блок по недоразумению русский, а Клюев поет Россию по книжным летописям и ложной ее зарисовке всех приходимцев, в этом они, конечно,

кое-что сделали. Сделали до некоторой степени даже оригинально. Я не люблю их главным образом как мастеров в нашем языке.

Блок – поэт бесформенный, Клюев тоже. У них нет почти никакой фигуральности нашего языка. У Клюева они очень мелкие («черница-темь сядет с пальцами под окошко шить златны воздухи», «Зой ку-ку загозье-гомон с гремя шыргунцами вешает на сучья», «туча – ель, а солнце – белка с раззолоченным хвостом» и т. д.). А Блок исключительно чувствует только простое слово по Гоголю, что «слово есть знак, которым человек человеку передает то, что им поймано в явлении внутреннем или внешнем».

Дорогой Разумник Васильевич, 500, 600 корней хозяйство очень бедное, а ответвления словесных образов дело довольно скучное, чтобы быть стихотворным мастером, их нужно знать дьявольски. Ни Блок, ни Клюев этого не знают, так же как и вся братия многочисленных поэтов.

Я очень много болел за эти годы, очень много изучал язык и к ужасу своему увидел, что ни Пушкин, ни все мы, в том числе и я,

не умели писать стихов.

Ведь стихи есть определенный вид словесной формы, где при лирическом, эпическом или изобретательном выявлении себя художник делает некоторое звуковое притяжение одного слова к другому, то есть слова входят в одну и ту же произносительную орбиту или более, или менее близкую. Но такие рифмы, какими переполнено все наше творчество:

*Достать – стать
Пути – идти
Голубица – скрыться
Чайница – молчальница
и т. д. и т. д. –*

ведь это же дикари только могут делать такие штуки. Положим, язык наш звучащих имеет всего 29 букв, а если разделить их на однородные типы, то и того меньше будет, но все же это не годится. Нужно, если не буквально, то хоть по смысловому понятию, уметь отделять слова от одинаковости их значения.

Поэтическое ухо должно быть тем магнитом, который соединяет в звуковой одноудар по звучанию слова разных образных смыс-

лов, только тогда это и имеет значение. Но ведь «пошла – нашла», «ножка – дорожка», «снится – синится» – это не рифмы. Это грубейшая неграмотность, по которой сами же поэты не рифмуют «улетела – отлетела». Глагол с глаголом нельзя рифмовать уже по одному тому, что все глагольные окончания есть вид одинаковости словесного действия. Но ведь и все почти существительные в языке есть глаголы. Что такое синица и откуда это слово взялось, как не от глагола синеется, голубица – голубеется и т. д.

Я не хочу этим развивать или доказывать перед Вами мою теорию поэтических напечатлений. Нет! Я единственно Вам хочу указать на то, что я на поэта, помимо его внутренних импульсов, имею особый взгляд, по которому отказался от всяких четких рифм и рифмую теперь слова только обрывочно, коряво, легкокасательно, но разносмысленно, вроде: почва – ворочается, куда – дал и т. д. Так написан был отчасти «Октоих» и полностью «Кобыльи корабли».

Вот с этой, единственно только с этой точки зрения я писал Вам о Блоке и Клюеве

во втором своем письме. Я, Разумник Васильевич, не особенный любитель в поэзии типов, которые нужны только беллетристам. Поэту нужно всегда раздвигать зрение над словом. Ведь если мы пишем на русском языке, то мы должны знать, что до наших образов двойного зрения:

*«Головы моей желтый лист»,
«Солнце мерзнет, как лужа» –*

были образы двойного чувствования:

*«Мария зажги снега» и «заиграй
овражки»
«Авдотья подмочи порог» –*

это образы календарного стиля, которые создал наш великоросс из той двойной жизни, когда он переживал свои дни двойко, церковно и бытом.

Мария – это церковный день святой Марии, а «зажги снега» и «заиграй овражки» – бытовой день, день таянья снега, когда журчат ручьи в овраге. Но это понимают только немногие в России. Это близко только Андрею Белому. Посмотрите, что пишет об этом Евгений Замятин в своей воробьиной скороговор-

ке «Я боюсь» № 1 «Домаискусств».

Вероятно, по внушению Алексея Михайловича он вместе с носом Чуковского, который ходит, заложив ноздри в карман, хвалит там Маяковского, лишенного всяческого чутья слова. У него ведь почти ни одной нет рифмы с русским лицом, это – помесь негра с мало-росской (гипербола – теперь была, лилась струя – Австрия).

Передайте Евгению Ивановичу, что он не поэта, а «Барыбу увидеть изволили-с».

Думаю, что во всем виноват тут Ремизов. О, он хитрая бестия, этот Ремизов! Недаром у него, как у алжирского бея, под носом Вячеслав Шишка!

Простите еще раз, Разумник Васильевич, если как-нибудь приношу Вам огорчение. Не люблю я скифов, не умеющих владеть луком и загадками их языка. Когда они посылали своим врагам птиц, мышей, лягушек и стрелы, Дарию нужен был целый синедрион толкователей. Искусство должно быть в некоторой степени тоже таким. Я его хорошо изучил, обломал и потому так спокойно и радостно называю себя и моих товарищей

«имажинистами». Помните, я Вам кой-что об этом говорил еще на Галерной, 40? И даже в поэме «Сельский часослов» назвал это мое брожение «Израмистил». Тогда мне казалось, что это мистическое изографство. Теперь я просто говорю, что это эпоха двойного зрения, оправданная двойным слухом моих отцов, создавших «Слово о полку Игореве» и такие строчки, как:

*На оболони телегы скрипать,
Рцы лебеди распужени.*

Дело не в имажинизме, которое притянула к нам З. Венгерова в сборнике «Стрелец» 1915 г., а мы взяли да немного его изменили. Дело в моем осознании, преображении мира посредством этих образов. Вспомните:

*Как яйцо нам сбросит слово
С проклевавшимся птенцом...*

Тогда это была тоска «Господи отелись», желание той зари, которая задирает хвост коровой, а теперь...[15]

**106. А. Б. Мариенгофу
и Г. Р. Колобову
(Москва, 19 ноября 1921 г.)**

Ура! Варшава наша!
Сегодня 19 ноября пришло письмо от Лившица, три тысячи германских марок, 10 фунтов сахару, 4 коробки консервов и оттиск наших переведенных стихов на еврейский язык с «Исповедью хулигана» и «Разочарованием». Америка делает нам предложение через Ригу. Вена выпускает к Пасхе сборник на немецком, а Берлин в лице Верфеля бьет челом нашей гениальности. Ну что, сволочи?! Сукины дети?! Что, прохвосты?! Я теперь после всего этого завожу себе пару кобелей и здороваться буду со всеми только хвостами или лапами моих приближенных.

Что там Персия? Какая Персия? это придумывают только молодожены такое сантиментальное путешествие. Это Вам не кондукторы из Батума, а *Вагоновожатые мира!!!* ...

А книгу все печатают и печатают. Особенного, конечно, кроме этих немного обманыва-

ющих вестей от Лившица, ничего нет.

Итак, жду вина.

С поцелуями Сергей и Кузя

107. Н. А. Клюеву
(Москва, декабрь 1921 г.)

1921. Декабрь

Мир тебе, друг мой! Прости, что не писал тебе эти годы, и то, что пишу так мало и сейчас. Душа моя устала и смущена от самого себя и происходящего. Нет тех знаков, которыми бы можно было передать все, чем мыслю и отчего болею. А о тебе я всегда помню, всегда во мне ты присутствуешь. Когда увидимся, будет легче и приятней выразить все это без письма.

Целую тебя и жму твою руку.

Сергей Есенин

108. М. Д. Ройзману
(Москва, 1921 г.)

Милый Мотя!
Нам нужны были деньги. Мы забрали твой миллиард триста, а ты получи завтра. На журнале сочтемся.

С. Есенин

Целую крепко.

109. И. И. Ионову
(Петроград, 13 февраля 1922 г.)

Расписка
Дана сия в том, что я, поэт С. Есенин, за-продал т. Ионову для Петроградского отделения Госиздата поэму «Пугачев» третьим изданием, получив единовременно десять милли-онов рублей.

С. Есенин
1922 февраль 13

110. А. Б. Мариенгофу (Ростов-на-Дону, февраль 1922 г.)

Милый Толя. Черт бы тебя побрал за то, что ты меня вляпал во всю эту историю.

Во-первых, я в Ростове сижу у Нины и ругаюсь на чем свет стоит.

Вагон ваш, конечно, улетел. Лева достал купе, но в таких купе ездить все равно, что у турок на колу висеть, да притом я совершенно разуверился во всех ваших возможностях. Это все за счет твоей молодости и его глупости. В четверг еду в Тифлис и буду рад, если встречу с Мишей, тогда конец всем этим мукам.

Ростов – дрянь невероятная, грязь, слякоть и этот «Сегежа», который торгуется со всеми из-за 2-х копеек. С ним всюду со стыда сторишь. Привет Изадоре, Ирме и Илье Ильичу. Я думаю, что у них воздух проветрился теперь, и они, вероятно, уже забыли нас. Ну, да с глаз долой и из сердца вон, плакать, конечно, не будем.

И дурак же ты, рыжий!

*Да и я не умен, что послушался.
Проклятая Персия.*

Сергей

111. Р. В. Иванову-Разумнику
(Москва, 6 марта 1922 г.)

1922, 6 март.
Москва.

Дорогой Разумник Васильевич!

Очень и очень обрадовался Вашему письму.

От 9–12 февраля я был в Питере, так, случайно, без всякого предположения; искал Вас, но мне сказали, что Вы бываете только по пятницам (а я приехал как раз в 10 ч. вечера в пятницу), очень был огорчен тем, что даже и по телефону нельзя было поговорить.

Журналу Вашему или сборнику обрадовался тоже чрезвычайно. Давно пора начать – уж очень мы все рассыпались, хочется опять немного потесней «в семью едину», потому что мне, например, до чертиков надоело вертеться с моей пустозвонной братией, а Клюев

засыхает совершенно в своей Баобабии. Письма мне он пишет отчаянные. Положение его там ужасно, он почти умирает с голоду.

Я востормошил здесь всю публику, сделал для него, что мог, с пайком и послал 10 миллионов руб. Кроме этого, послал еще 2 миллиона Клычков и 10 – Луначарский. Не знаю, какой леший заставляет его сидеть там? Или «ризы души своей» боится замарать нашей житейской грязью? Но тогда ведь и нечего выть, отдай тогда тело собакам, а душа пусть уходит к богу.

Чужда и смешна мне, Разумник Васильевич, сия мистика дешевого православия, и всегда-то она требует каких-то обязательно неумных и жестоких подвигов. Сей вытегорский подвижник хочет все быть календарным святителем вместо поэта, поэтому-то у него так плохо все и выходит.

«Рим» его, несмотря на то, что Вы так тепло о нем отозвались, на меня отчаянное впечатление произвел. Безвкусно и безграмотно до последней степени со стороны формы. «Молитв молоко» и «сыр влюбленности» – да ведь это же его любимые Мариенгоф

и Шершеневич со своими «бутербродами любви». Интересно только одно фигуральное сопоставление, но увы, – как это по-клюевски старо!.. Ну, да это ведь попрек для него очень небольшой, как Клюева. Сам знаю, в чем его сила и в чем правда. Только бы вот выбить из него эту оптинскую дурь, как из Белого – Штейнера, тогда, я уверен, он записал бы еще лучше, чем «Избяные песни». Еще раз говорю, что журналу Вашему рад несказанно. Очень уж опротивела эта беспозвоночная тварь со своим нахальным косноязычием. Дошли до того, что Ходасевич стал первоклассным поэтом... Дальше уж идти некуда. Сам Белый его заметил и, в Германию отъезжая, благословил. Нужно обязательно проветрить воздух. До того накурено у нас сейчас в литературе, что просто дышать нечем.

В Москве себя я чувствую отвратительно. Безлюдье полное. Рогачевские и Сакулины больше ценят линию поведения, чем искусство, и хоть они ко мне хорошо относятся, но одно осознание, что видишь перед собой алжирского бея с шишкой под носом, заставляет горько смеяться и идти лучше в кабак

от сих праведников. Нравы у них миргородские. Того и гляди, вбежит свинья и какой-нибудь важный документ съест со стола души.

А в других местах только и видишь бекеши со смушками. Ни лица, ни ног, ни рук, ни глаз, одни только обычаи «хорошего тона». Поэзия там наравне с вином и блинами расценивается. Устал я от всего этого дьявольски! Хочется куда-нибудь уехать, да и уехать некуда. Вероятно, после пожара всегда так бывает. С тоски перечитывал «Серебряного голубя». Боже, до чего все-таки изумительная вещь. Ну разве все эти Ремизовы, Замятины и Толстые (Алекс.) создали что-нибудь подобное? Да им нужно подметки целовать Белому. Все они подмастерья перед ним. А какой язык, какие лирические отступления! Умереть можно. Вот только и есть одна радость после Гоголя.

Живу я как-то по-бивуачному, без приюта и без пристанища, потому что домой стали ходить и беспокоить разные бездельники, вплоть до Рукавишникова. Им, видите ли, приятно выпить со мной! Я не знаю даже, как и отделаться от такого головопяства,

а прожигать себя стало совестно и жалко.

Хочется опять заработать, ибо внутри на-
зрела снова большая вещь. Для журнала же
Вашего я пришлю пока несколько стихотво-
рений. Об Арсении Авраамове я слышал
лишь одно, что он находится в Закавказье,
но где именно, никто точно сказать не может,
потому что сегодня он в Темир-Хан-Шуре,
а завтра его вдруг видят в Баку.

Ну, всего Вам, Разумник Васильевич, луч-
шего.

Привет Варваре Николаевне и детям. (Бо-
же, они теперь у Вас ведь почти взрослые!)

Жму Вашу руку.

С. Есенин

112. С. Т. Григорьеву
(Москва, 6 марта 1922 г.)

Дорогой Сергей Тимофеевич! Будьте добры, если сможете, то проведите еще 100 экземпляров Пугачева. Я сейчас очень нездоров, и мне очень нужны деньги.

Искренне уважающий Вас С. Есенин
1922, 6 марта. Москва

113. А. В. Луначарскому
(Москва, 17 марта 1922 г.)

Наркому по просвещению
Анатолию Васильевичу Луначарскому
Заявление

Прошу Вашего ходатайства перед Наркоминделом о выдаче мне заграничного паспорта для поездки на трехмесячный срок в Берлин по делу издания книг: своих и примыкающей ко мне группы поэтов, предлагая свои услуги по выполнению могущих быть на меня возложенных поручений Народного комиссариата по просвещению.

В случае Вашего согласия прошу снабдить
меня соответствующими документами.

Сергей Есенин
1922. март 17

114. Е. А. Есениной
(Москва, 25 апреля 1922 г.)

Катя! Оставляю тебе два конверта с деньгами, двадцать миллионов тебе и сто миллионов передай отцу.

Пусть он едет домой и делает с ними, что хочет, большего я сделать ему не могу.

Тебе перед отъездом оставляю еще.

Дня через 2–3–4 позвони мне. Около 2½ я всегда дома.

Целую.

Сергей Есенин
22 апр. 1922

115. А. Б. Кусикову
(Москва, до 5 мая 1922 г.)

Сандро! Пятого мая выезжаю. Сделай объявление в газетах о предстоящем нашем вечере на обоих языках.

Есенин

116. Н. А. Клюеву
(Москва, 5 мая 1922 г.)

Милый друг!
Все, что было возможно, я устроил тебе и с деньгами, и с посылкой от «Ара». На днях вышлю еще 5 миллионов.

Недели через две я еду в Берлин, вернусь в июне или в июле, а может быть, и позднее. Оттуда постараюсь также переслать тебе то, что причитается со «Скифов». Разговоры об условиях беру на себя, и если возьму у них твою книгу, то не обижайся, ибо устрою ее куда выгодней их оплаты.

Письмо мое к тебе чисто деловое, без всяких лирических излияний, а потому прости,

что пишу так мало и скупо.

Очень уж я устал, а последняя моя запойная болезнь совершенно меня сделала издерганным, так что даже и боюсь тебе даже писать, чтобы как-нибудь беспричинно не сделать больно.

В Москву я тебе до осени ехать не советую, ибо здесь пока все в периоде организации и пусто – хоть шаром покати. Голод в центральных губерниях почти такой же, как и на севере. Семья моя разбрелась в таких условиях кто куда.

Перед отъездом я устрою тебе еще посылку. Может, как-нибудь и провертишься. Уж очень ты стал действительно каким-то ребенком – если этой паршивой спекулянтской «Эпохе» за гроши свой «Рим» продал. Раньше за тобой этого не водилось.

Вещь мне не понравилась. Неуклюже и слащаво.

Ну, да ведь у каждого свой путь.

От многих других стихов я в восторге.

Если тебе что нужно будет, пиши Клычкову, а ругать его брось, потому что он тебя любит и сделает все, что нужно. Потом можешь

писать на адрес моего магазина приятелю моему Головачову, Б. Никитская, 15, книжный магазин художников слова. Это на случай безденежья. Напишешь, и тебе вышлют из моего пая, потом когда-нибудь сочтемся. С этой стороны я тебе ведь тоже много обязан в первые свои дни.

Из-за границы буду тебе писать на Разумника.

Привет и целование.

С. Есенин

117. Г. А. Бениславской
(Москва, 8 мая 1922 г.)

Милая Галя!
Тысячу приветов Вам! Будьте добры дайте т. Сахарову вариант шестой главы.

Любящий Вас С. Есенин
1922, 8 мая

118. И. И. Шнейдеру
(Висбаден, 21 июня 1922 г.)

Висбаден, июнь 21. 1922.

Милый Илья Ильич! Привет Вам и целование.

Простите, что так долго не писал Вам, берлинская атмосфера меня издергала вконец. Сейчас от расшатанности нервов еле волочу ногу. Лечусь в Висбадене. Пить перестал и начинаю работать.

Если бы Изадора не была сумасбродной и дала мне возможность где-нибудь присесть, я очень много бы заработал и денег. Пока получил только сто тысяч с лишним марок, между тем в перспективе около 400. У Изадоры дела ужасны. В Берлине адвокат дом ее продал и заплатил ей всего 90 тысяч марок. Такая же история может получиться и в Париже. Имущество ее: библиотека и мебель расхищены, на деньги в банке наложен арест. Сейчас туда она отправила спешно одного ей близкого человека. Знаменитый Поль Бонкур

не только в чем-нибудь помог ей, но даже отказался дать подпись для визы в Париж. Таковы ее дела... Она же как ни в чем не бывало скачет на автомобиле то в Любек, то в Лейпциг, то во Франкфурт, то в Веймар. Я следую с молчаливой покорностью, потому что при каждом моем несогласии – истерика.

Германия? Об этом поговорим после, когда увидимся, но жизнь не здесь, а у нас. Здесь действительно медленный грустный закат, о котором говорит Шпенглер. Пусть мы азиаты, пусть дурно пахнем, чешем, не стесняясь, у всех на виду седалищные щеки, но мы не воняем так трупно, как воняют внутри они. Никакой революции здесь быть не может. Все зашло в тупик. Спасет и перестроит их только нашествие таких варваров, как мы.

Нужен поход на Европу –

Однако серьезные мысли в этом письме мне сейчас не к лицу. Перехожу к делу. Ради бога, отыщите мою сестру через магазин (оставьте ей письмо) и устройте ей получить деньги, по этому чеку в «Ара». Она, вероятно, очень нуждается. Чек для Ирмы только проб-

ный. Когда мы узнаем, что вы получили его, тогда Изадора пошлет столько, сколько надо.

Если сестры моей нет в Москве, то напишите ей письмо и передайте Мариенгофу, пусть он отошлет его ей.

Кроме того, когда Вы поедете в Лондон, Вы позовите ее к себе и запишите ее точный адрес, по которому можно было бы высылать ей деньги, без которых она погибнет.

Передайте мой привет и все чувства любви моей Мариенгофу. Я послал ему два письма, на которые он почему-то мне не отвечает.

О берлинских друзьях я мог бы сообщить очень замечательное (особенно о некоторых доносах во французскую полицию, чтоб я не попал в Париж). Но все это после, сейчас жаль нервов.

Когда поедете, захватите с собой все книги мои и Мариенгофа и то, что обо мне писалось за это время.

Жму Вашу руку.

До скорого свиданья. Любящий Вас Есенин.

Ирме мой нижайший привет. Изадора вы-

шла за меня замуж второй раз и теперь уже не Дункан-Есенина, а просто Есенина.

119. М. М. Литвинову
(Дюссельдорф, 29 июня 1922 г.)

Июнь 29, 1922

Уважаемый т. Литвинов!

Будьте добры, если можете, то сделайте так, чтоб мы выбрались из Германии и попали в Гаагу.

Обещаю держать себя корректно и в публичных местах «Интернационал» не петь.

Уважающие Вас

С. Есенин.

Айседора Дункан

120. А. М. Сахарову
(Дюссельдорф, 1 июля 1922 г.)

1 июля 1922 г.

Друг мой Саша! Привет тебе и тысячу поцелуев. Голубь милый. Уезжая, я просил тебя помочь моим сестрам денежно, с этой просьбой обращаюсь к тебе и сейчас. Дай им сколько можешь, а я 3-го июля еду в Брюссель и вышлю тебе три посылки «Ара». Прошу тебя как единственного родного мне человека. Об Анатолии я сейчас не думаю, ему, вероятно, самому не сладко. Я даже уверен в этом.

Родные мои! Хорошие!

Что сказать мне вам об этом ужаснейшем царстве мещанства, которое граничит с идиотизмом? Кроме фокстрота, здесь почти ничего нет. Здесь жрут и пьют, и опять фокстрот. Человека я пока еще не встречал и не знаю, где им пахнет. В страшной моде господин доллар, на искусство начхать – самое высшее музик-холл. Я даже книг не захотел издавать здесь, несмотря на дешевизну бумаги и пере-

водов. Никому здесь это не нужно. Ну и ... я их тоже с высокой лестницы.

Если рынок книжный – Европа, а критик – Львов-Рогачевский, то глупо же ведь писать стихи им в угоду и по их вкусу.

Здесь все выглажено, вылизано и причесано также почти, как голова Мариенгофа. Птички какают с разрешения и сидят, где им позволено. Ну, куда же нам с такой непристойной поэзией? Это, знаете ли, невежливо так же, как коммунизм. Порой мне хочется послать все это к ... и наострить лыжи обратно.

Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод и людоедство, зато у нас есть душа, которую здесь за ненадобностью сдали в аренду под смердяковщину. ...

Конечно, кой-где нас знают, кой-где есть стихи, переведенные мои и Толькины, но на кой ... все это, когда их никто не читает.

Сейчас на столе у меня английский журнал со стихами Анатолия, который мне даже и посылать ему не хочется. Очень хорошее издание, а на обложке пометка: в колич. 500 экземпляров. Это здесь самый большой тираж!

Взвейтесь, кони! Неси, мой ямщик... Матушка! Пожалей своего бедного сына... А знаете? У алжирского бея под самым носом шишка? Передай все это Клычкову и Ване Старцеву. Когда они будут нрзб., душе моей в тот час легче станет.

Друг мой! Если тебя обо мне кто-нибудь спросит, передай, что я пока утонул в сортире с надписью на стене:

Есть много разных вкусов и вкусков

.....
.....

Остальное пусть докончит Давид Самойлович и Сережа. Они это хорошо помнят. Передай им кстати мой большущий привет и скажи, что я пишу им особо.

Твой Сергунь

Гоголевская приписка:

*Ни числа, ни месяца,
Если б был ... большой,
То лучше б... повеситься.*

121. А. Б. Мариенгофу
(Остенде, 9 июля 1922 г.)

Милый мой Толенок! Я думал, что ты где-нибудь обретаешься в краях злополучных лихорадок и дынь нашего чудеснейшего путешествия 1920 г., и вдруг из письма Ильи Ильича узнал, что ты в Москве. Милый мой, самый близкий, родной и хороший, так хочется мне отсюда, из этой кошмарной Европы, обратно в Россию, к прежнему молодому нашему хулиганству и всему нашему задору. Здесь такая тоска, такая бездарнейшая «северянщина» жизни, что просто хочется послать это все к энтой матери.

Сейчас сижу в Остенде. Паршивейшее Бель-Голландское море и свиные тупые морды европейцев. От изобилия вин в сих краях я бросил пить и тяну только сельтер. Очень много думаю и не знаю, что придумать.

Там, из Москвы, нам казалось, что Европа – это самый обширнейший рынок распространения наших идей в поэзии, а теперь отсюда я вижу: боже мой! до чего прекрасна и богата

Россия в этом смысле. Кажется, нет такой страны еще и быть не может.

Со стороны внешних впечатлений после нашей разрухи здесь все прибрано и выглажено под утюг. На первых порах особенно твоему взору это понравилось бы, а потом, думаю, и ты бы стал хлопать себя по колену и скулить, как собака. Сплошное кладбище. Все эти люди, которые снуют быстрее ящериц, не люди – а могильные черви, дома их гробы, а материк – склеп. Кто здесь жил, тот давно умер, и помним его только мы, ибо черви помнить не могут.

Из всего, что я намерен здесь сделать, это издать переводы двух книжек по 3–2 страницы двух несчастных авторов, о которых здесь знают весьма немного и то в литературных кругах.

Издам на английском и французском. К тебе у меня, конечно, много просьб, но самая главная – это то, чтобы ты позаботился о Екатерине, насколько можешь.

Тысячу приветов Давиду Самойловичу, и Сереже, и Кожебаткину, а Ваньке Старцеву сто подзатыльников.

Из Дюссельдорфа я послал письмо Сашке. Если у тебя с деньгами трудно, то ухвати его за полы и ограбь. Пересылать деньги отсюда при всех моих возможностях оказывается невозможно.

В Берлине я наделал, конечно, много скандала и переполоха. Мой цилиндр и сшитое берлинским портным манто привели всех в бешенство. Все думают, что я приехал на деньги большевиков, как чекист или как агитатор. Мне все это весело и забавно. Том свой продал Гржебину.

От твоих книг шарахаются. Хорошую книгу стихов удалось продать только как сборник новых стихов твоих и моих. Ну да черт с ними, ибо все они здесь прогнили за 5 лет эмиграции. Живущий в склепе всегда пахнет мертвечиной. Если ты хочешь сюда пробраться, то потормоши Илью Ильича, я ему пишу об этом особо. Только после всего, что я здесь видел, мне не очень хочется, чтобы ты покинул Россию. Наше литературное поле другим сторожам доверять нельзя.

При всяком случае, конечно, езжай, если хочется, но скажу тебе откровенно: если я

не удеру отсюда через месяц, то это будет большое чудо. Тогда, значит, во мне есть дьявольская выдержка характера, которую отрицает во мне Коган.

Вспоминаю сейчас о Клопикове и Туркестане. Как все это было прекрасно! Боже мой! Я люблю себя сейчас даже пьяного со всеми моими скандалами...

*В Самарканд – да поеду-у я,
Т-там живет – да любовь моя...*

Черный Мартышан! Слышишь ли ты меня? Лучше жениться на «доге» и ждать, когда придет потенция поцелуя, чем *седеть* духовно здесь ради мариенгофских фонтанов, ну ее к черту, красоту смерти и смерда – мне, живому, пусть это будет даже рразз-гениально-о!

Толя милый, приветы, приветы!

*Твой Сергун
Остенд, июль 9, 1922*

122. И. И. Шнейдеру
(Брюссель, 13 июля 1922 г.)

13 июль 1922.

Милый Илья Ильич!

Я довольно пространно описывал Вам о всех наших происшествиях и поездках в трех больших письмах. Не знаю, дошли ли они до Вас?

Если бы Вы меня сейчас увидели, то Вы, вероятно, не поверили бы своим глазам. Скоро месяц, как я уже не пью. Дал зарок, что не буду пить до октября. Все далось мне через тяжелый неврит и неврастению, но теперь и это кончилось. Изадора в сильном беспокойстве о Вас. При всех возможностях послать Вам денег, как казалось, из Москвы, — отсюда оказывается невозможно.

В субботу 15 июля мы летим в Париж. Оттуда через «Ара» сделать это легче.

В одном пакете, который был послан аэропланным сообщением через бюро Красина, были вложены Вам два чека по 10 фунтов. Один Ирме, другой моей сестре.

Получили ли Вы их?

Это мы сделали для того, чтобы узнать, можно ли Вам так пересылать, вообще, что нужно.

Милый, милый Илья Ильич!

Со школой, конечно, в Европе Вы произведете фурор.

С нетерпением ждем Вашего приезда.

Особенно жду я, потому что Изадора ровно ни черта не понимает в практических делах, а мне очень больно смотреть на всю эту свору бандитов, которая ее окружает. Когда приедете, воздух немного проветрится.

К Вам у меня очень и очень большая просьба: с одними и теми же словами, как и в старых письмах, когда поедете, дайте, ради бога, денег моей сестре. Если нет у Вас, у отца Вашего или еще у кого-нибудь, то попросите Сашку и Мариенгофа, узнайте, сколько дадут ей из магазина.

Это моя самая большая просьба. Потому что ей нужно учиться, а когда мы с вами зальемся в Америку, то оттуда совсем будет невозможно помочь ей.

Самые лучшие пожелания и тысячу при-

ветов передайте Ирме. Нам кто-то здесь сбрехнул, что вы обкомиссариатились. – ? Приезжайте. Отпразднуем. О том, чтобы Вы выезжали, Вам послана телеграмма. Ехать нужно в Берлин, а оттуда Вас доставят «заказным» в Париж или Остенд.

Вот и все. Поговорим больше, когда увидимся.

Езжайте! Езжайте. Дайте денег сестре. Возьмите стихи у Мариенгофа, адреса и много новых книг. Здесь скучно дьявольски.

Любящий Вас
С. Есенин

123. А. Б. Мариенгофу

*(Париж, не ранее 20 июля –
не позднее начала августа 1922 г.)*

Дура моя – ягодка!

Ты тоже сволочь из сволочей. Как тебе не стыдно, собаке, – залезть под юбку и забить самого лучшего твоего друга. Мартын – это одно, а я другое. Дюжину писем я изволил отправить к Вашей сволочности, и Ваша сволочность ни гу-гу.

Итак, начинаю:

Знаете ли Вы, милостивый государь, Европу?

Нет! Вы не знаете Европы. Боже мой, какое впечатление, как бьется сердце... О нет, Вы не знаете Европы!

Во-первых, боже мой, такая гадость, однообразие, такая духовная нищета, что блевать хочется. Сердце бьется, бьется самой отчаяннейшей ненавистью, так и чешется, но, к горю моему, один такой ненавистный мне в этом случае, но прекрасный поэт Эрдман сказал, что почесать его нечем. Почему

нечем? разз – эт-твою. Я готов просунуть для этой цели в горло сапожную щетку, но рот мой мал, и горло мое узко. Да, прав он, этот проклятый Эрдман, передай ему за это тысячу поцелуев и скажи, что у такого юноши, как я, недавно оторвался маятник от циферблата живота. Часовой механизм попортился.

Да, мой друг рыжий, да! Я писал Сашке, писал Златому, и вы «ни тебе, ни матери».

*Теперь я понял, понял все я.
Ах, уж не мальчик я давно.
Среди исканий, без покоя
Любить поэту не дано.*

Это сказал В. Ш., по-английски он зовется В. Шекспиром.

О, я узнал теперь, что вы за каналы, и в следующий раз Вам как в мечь напишу обязательно по-английски, чтоб Вы ничего не поняли. Да, напишу обязательно will have happy impression и подпишусь Sergei Jessenin. Что? Съели?

Ну так вот – единственно из-за того, что Вы мне противны, за то, что Вы не помните меня, я с особым злорадством перевел Ваши скан-

дальные поэмы на английский и французский языки и выпускаю их в Париже и в Лондоне в кол. 6000 экз. А чтоб Вас больше оскандалить, подкуплю газетных рецензентов. Уж они Вам покажут ...

В сентябре все это Вам пришлю, как только выйдут книги. Мил государь! Прошу тебя не оставить втуне за не... бо... просьб моей сестры. Делай ей гадости и словом и делом.

Адрес мой (для того, чтобы ты не писал):
Paris, Rue de La Pompe, 103.

Где бы я ни был, твои письма меня не достанут.

С. Есенин

124. Е. А. Есениной
(Венеция, 10 августа 1922 г.)

10 августа 1922

Завтра из Венеции еду в Рим, а потом экспрессом в Париж. Послал тебе три письма, и никакого ответа.

Вот что, госпожа хорошая: во-первых, Шура пусть этот год будет дома, а ты поезжай учиться. Я тебе буду высылать пайки, ибо денег послать очень трудно. Все буду слать на адрес Козьмы Алексеевича. Сам же я в сентябре заливаюсь в Америку и вернусь через год.

Слушай, что я тебе говорю: пайки эти исключительно тебе, чтоб ты могла жить. Зря не транжирь. Относительно денег нажимай всегда на Мариенгофа или Сахарова. О посылках, что я тебе высылаю, не болтай. Они будут думать, что это для тебя достаточно, и потому ты тогда не выжмешь из них ни гроша. Мариенгоф и Сахаров люди очень хорошие, но в такое время им самим тяжело.

Живи и гляди в оба. Все, что бы ты ни сделала плохого, будет исключительно плохо для тебя; если я узнаю, как приеду, что ты пила табачный настой, как однажды, или еще что, то оторву тебе голову или отдам в прачки. Того ты будешь достойна. Ты только должна учиться, учиться и читать. Язык держи за зубами. На все, исключительно на все, когда тебя будут выпытывать, отвечай «не знаю». Помимо гимназии, ты должна проходить школу жизни и помни, что люди не всегда есть хорошие.

Думаю, что ты не дура и поймешь, о чем я говорю.

Обо мне, о семье, о жизни семьи, о всем и о всем, что очень интересно знать моим врагам, – отмалчивайся, помни, что моя сила и мой вес – благополучие твое и Шуры.

Письма мне пиши на адрес: Paris, Rue de La Pompe, 103. Пиши заказными. Адрес обязательно по-французски. Где бы я ни был, оттуда мне всегда перешлют, даже и в Америку.

Привет всем.

*Целую, твой Сергей
Венеция – Лидо.*

Отцу и матери тысячу приветов и добрых пожеланий. Им я буду высылать тоже посылки через «Ара». Скажи отцу, чтоб он поговорил с своей кассиршей относительно тебя. Иногда ты бываешь все-таки дурковата, и за тобой нужно следить.

125. А. Ярмолинскому
(Нью-Йорк, 1 ноября 1922 г.)

1 ноября 1922

Уважаемый т. Ярмолинский!

27 октября в Чикаго я получил Ваше письмо с пометкой 3 октября и совершенно не получил книги, которую должен был послать мне Ваш издатель. Очень хотел бы поговорить с Вами лично. Если можете, то позвоните завтра в 12 часов в отель, комната № 510.

С почтением к Вам и Вашей жене

С. Есенин

126. А. Б. Мариенгофу
(Нью-Йорк, 12 ноября 1922 г.)

12 ноября 1922 г.

Милый мой Толя! Как рад я, что ты не со мной здесь в Америке, не в этом отвратительнейшем Нью-Йорке. Было бы так плохо, что хоть повеситься.

Изадора прекраснейшая женщина, но врет не хуже Ваньки. Все ее б́анки и з́амки, о которых она пела нам в России, – вздор. Сидим без копейки, ждем, когда соберем на дорогу и обратно в Москву.

Лучше всего, что я видел в этом мире, это все-таки Москва. В чикагские «сто тысяч улиц» можно загонять только свиней. На то там, вероятно, и лучшая бойня в мире.

О себе скажу (хотя ты все думаешь, что я говорю для потомства): что я впрямь не знаю, как быть и чем жить теперь.

Раньше подогревало то при всех российских лишениях, что вот, мол, «заграница», а теперь, как увидел, молю бога не умереть

душой и любовью к моему искусству. Никому оно не нужно, значение его для всех — как значение Изы Кремер, только с тою разницей, что Иза Кремер жить может на свое пение, а тут хоть помирай с голоду.

Я понимаю теперь, очень понимаю кричащих о производственном искусстве.

В этом есть отход от ненужного. И правда, на кой черт людям нужна эта душа, которую у нас в России на пуды меряют. Совершенно лишняя штука эта душа, всегда в валенках, с грязными волосами и бородой Аксенова. С грустью, с испугом, но я уже начинаю учиться говорить себе: застегни, Есенин, свою душу, это так же неприятно, как расстегнутые брюки.

Милый Толя. Если б ты знал, как вообще грустно, то не думал бы, что я забыл тебя, и не сомневался, как в письме к Ветлугину, в моей любви к тебе. Каждый день, каждый час, и ложась спать, и вставая, я говорю: сейчас Мариенгоф в магазине, сейчас пришел домой, вот приехал Гришка, вот Кроткие, вот Сашка, и т. д. и т. д. В голове у меня одна Москва и Москва.

Даже стыдно, что так по-чеховски.

Сегодня в американской газете видел очень большую статью с фотографией о Камерном театре, но, что там написано, не знаю, за не... никак не желаю говорить на этом проклятом аглицком языке. Кроме русского, никакого другого не признаю, и держу себя так, что ежели кому-нибудь любопытно со мной говорить, то пусть учится по-русски.

Конечно, во всех своих движениях столь же смешон для многих, как француз или голландец на нашей территории.

Ты сейчас, вероятно, спишь, когда я пишу это письмо тебе. Потому в России сейчас ночь, а здесь день.

Вижу милую, остывшую твою железную печку, тебя, покрытого шубой, и Мартышан.

Боже мой, лучше было есть глазами дым, плакать от него, но только бы не здесь, не здесь. Все равно при этой культуре «железа и электричества» здесь у каждого полтора фунта грязи в носу.

Поклонись всем, кто был мне дорог и кто хоть немного любил меня. В первую голову

Гришке, Сашке, Гале, Яне, Жене и Фриде; во вторую – всем, кого знаешь.

Если сестре моей худо живется, то помоги как-нибудь ей. В апреле я обязательно буду на своей земле, тогда сочтемся.

Если нет своих денег, то сходи (обязательно даже), сходи к представителю Гржебина, узнай, по сколько продают в Германии мой том, и с общей цены на 5000 экз. получи немецкими марками. Потому рыночная цена марок дороже государственной ...

Недели 2–3 назад послал тебе телеграфом 5 пайков «Ара». Получил ли ты? Если нет, то справься. Ту же цифру послал Екатерине и Зинаиде. Зинаиде послал на Орел, Крамская, 57, Н. Райх. Другого адреса я не знал.

Здесь имеются переводы тебя и меня в издании «Modern Russian Poetry», но все это убого очень. Знают больше по имени, и то не американцы, а приехавшие в Америку евреи. По-видимому, евреи самые лучшие ценители искусства, потому ведь и в России, кроме еврейских девушек, никто нас не читал.

Ну, прощай пока. Целую тебя и твою Мар-

тышку. Изадора кланяется.

Твой Сергей

Жоржу, Клычкову, Устинову, Орешину поклонись тоже в первую голову.

127. М. Л. Брагинскому
(Нью-Йорк, конец января 1923 г.)

Милый, милый Монилейб!
Вчера днем Вы заходили ко мне в отель, мы говорили о чем-то, но о чем – я забыл, потому что к вечеру со мной повторился припадок. Сегодня лежу разбитый морально и физически. Целую ночь около меня дежурила сестра милосердия. Был врач и вспырынул морфий.

Дорогой мой Монилейб! Ради бога, простите меня и не думайте обо мне, что я хотел что-нибудь сделать плохое или оскорбить кого-нибудь.

Поговорите с Ветлугиным, он Вам больше расскажет. Это у меня та самая болезнь, которая была у Эдгара По, у Мюссе. Эдгар По в припадках разбивал целые дома.

Что я могу сделать, мой милый Монилейб, дорогой мой Монилейб! Душа моя в этом невинна, а пробудившийся сегодня разум повергает меня в горькие слезы, хороший мой Монилейб! Уговорите свою жену, чтоб она не злилась на меня. Пусть постарается понять и простить. Я прошу у Вас хоть немного ко мне жалости.

Любящий вас всех

Ваш С. Есенин

Передайте Гребневу все лучшие чувства к нему. Все ведь мы поэты-братья. Душа у нас одна, но по-разному она бывает больна у каждого из нас. Не думайте, что я такой маленький, чтобы мог кого-нибудь оскорбить. Как получите письмо, передайте всем мою просьбу простить меня.

128. Е. А. Есениной
(Париж, 22 апреля 1923 г.)

Совершенно невозможная вещь, чтобы я писал тебе тысячу раз и ты, дура, не отвечала.

Добро бы ты не знала адреса, Мариенгоф пишет же мне. Я получал его письма в Америке, в Париже и вообще везде по тому адресу, который ему указывал. Не знаю, почему у тебя нет смекалки отправить мне хоть одно письмо через него или через Ваню и написать, как вы живете.

Адрес парижский. Попроси Толю, чтоб он тебе помог с деньгами. В июне я приеду в Москву. Когда дам тебе из Ревеля телеграмму, приезжай встречать.

Напиши, что тебе нужно купить. Пиши сжато и разумней, потому что письма мои читаются.

Жив ли отец? Жива ли мать? Как Шура?
Всех вас целую

Сергей

Paris, Rue de La Pompe, 103.

С. Е.

129. А. Б. Мариенгофу
(Париж, вторая половина апреля
1923 г.)

Милый Рыжий! В июне буду в Москве и прошу тебя пожать еще на «счет» сестры. После сочтемся.

Напиши, что тебе купить.

Стихи берегу только для твоей «Гостиницы». Есть чудесные.

Сейчас немного начинаю собираться уже в дорогу. После скандалов (я бил Европу и Америку, как Гришкин вагон) хочется опять к тишине с какой-нибудь Эмилией и Ирмой и нашими Гусаками.

Привет Мартыну, Клопикову Вальке, Сашке и Гришкиной милашке.

Скучаю смертно. Есть изумительные рассказы, специально выносимые за нашим столом (конечно, устные).

Эмилям Кротким тоже передай привет. Извини, голубчик, это – вся моя Москва. Включая Жоржа и его рыжую, которым шлю горячий поцелуй. Больше и кланяться некому,

а если бы и было, то все равно шляпы не сниму.

Боже! какой оказался маленький Казин. Читал «Май» и поставил 2. При таких обещаниях так не делают. Даже Тихонов, совсем неизвестный до него, и тот насовал ему в зубы. В общем, разносить будем, когда приеду. «Мы! мы! мы всюду у самой рампы на авансцене».

Господи! даже повеситься можно от такого одиночества. Ах, какое поганое время, когда Кусиков и тот стал грозить мне, что меня не впустят в Россию.

Это, знаете ли,

*«не хотите ль» кое-что
из «Сорокоуста».*

До свиданья, милый.
Целую и жду встречи.

Твой Сергей

130. А. Дункан
(Москва, 29 августа 1923 г.)

Дорогая Изадора! Я очень занят книжными делами, приехать не могу.

Часто вспоминаю тебя со всей моей благодарностью тебе. С Пречистенки я съехал сперва к Колобову, сейчас переезжаю на другую квартиру, которую покупаем вместе с Мариенгофом.

Дела мои блестящи. Очень многого не ожидал.

... мне дают сейчас большие средства на издательство.

Желаю успеха и здоровья и поменьше пить. Привет Ирме и Илье Ильичу.

Любящий С. Есенин
20/VIII 23, Москва

131. Е. А. Есениной
(Москва, 22 сентября 1923 г.)

Доверенность

Доверяю получить мой академический па-
ек моей сестре Екатерине Есениной.

С. Есенин

132. В. И. Вольпину
(Москва, 19 декабря 1923 г.)

Дорогой Валентин Иванович!
Будьте добры выписать деньги на имя
Галины Бениславской.

Договор подпишу, как выйду из санатории.
Жму Вашу руку.

С приветом,

С. Есенин

133. В. И. Вольпину
(Москва, 1 января 1924 г.)

Дорогой Валентин Иванович!
Очень благодарен Вам за устройство с книгой. Посылаю Вам доверенность и прошу отпустить из Вашего склада за деньги 2 книги моей сестре – Когана и Устинова о новой литературе. Буду весьма признателен. Привет Вашей супруге и Светлым. Надеюсь, что скоро свидимся. Очень хорошо было бы, если б издатель сделал один оттиск книги наскоро. Это нужно Воронскому. Он в «Красной нови» пускает обо мне большую статью с большим вниманием к «Москве кабацкой».

Привет и уважение

С. Есенин

1 января 1924

134. Н. П. Савкину
(Москва, 14 января 1924 г.)

Дорогой Коля.

Благодарю тебя за все теплое отношение ко мне. Приветствую жену твою. Был бы рад, если заглянул когда.

С любовью жму руку.

Сергей Есенин
14.1.24

135. Н. П. Хорикову
(Москва, 7 февраля 1924 г.)

Николаю Павловичу Хорикову.

Доверенность

Я, рязанец Сергей Есенин, обещаюсь приехать в Рязань и дать вечер моих стихов при условии, что моему отцу и матери в село Константиново пошлют двадцать червонцев по телеграфу при моей подписи.

С. Есенин 7.II.24

136. Е. Д. Иоффе
(Москва, 30 марта 1924 г.)

Уважаемый Евсей Давыдович!
Посылаю Вам незначительную часть вырезок и краткие тезисы «Слова».

Думаю, что много и пространно писать не стоит. Этого будет достаточно, тем более что я задеваю чисто формальную сторону в искусстве.

Жму Вашу руку.

С. Есенин
30/III.24

Тезисы пусть будут зарегистрированы, но на афишу их не надо.

137. А. А. Берзинь
(Москва, 4 апреля 1924 г.)

Рукой С. Есенина:

Милая Анна Абрамовна!

Ваше вчерашнее внезапное исчезновение и то, что Вас сегодня нет на службе, немного беспокоит меня.

Что с Вами?

Черкните пару слов с Приблудным!

Мы остались одни. Жена Вардина уехала.

Сегодняшний вечер у нас свободен, был бы страшно рад видеть Вас.

Позвоните, если можете, по телефону. К Вам ведь не дозвонишься.

Целую Вашу руку.

Любящий С. Есенин
4/IV.24

Рукой И. Приблудного:

Хорошая Анна Абрамовна!

Когда освободитесь – приходите к Вардину. Сергея мы сегодня никуда не пускаем. Вечером будут Галя, Катя, Рита и другие. Будем петь, а Вы будете смеяться над заявлением

Сергея о выезде за пределы СССР. Приходите и проч. Ваш Иван Приблудный.

138. В правление Ассоциации Вольнодумцев

(Москва, 7 апреля 1924 г.)

В правление Ассоциации Вольнодумцев

Совершенно не расходясь с группой и работая над журналом «Вольнодумец», в который и приглашаю всю группу.

В журнале же «Гостиница» из эстетических чувств и чувств личной обиды отказываюсь участвовать окончательно, тем более что он мариенгофский.

Я капризно заявляю, почему Мариенгоф напечатал себя на первой странице, а не меня.

С. Есенин
7. IV.24

139. В. Г. Шершеневичу
(Москва, 11 апреля 1924 г.)

Милый Вадим!
Дай, пожалуйста, статью о современных стихах, искусстве и стихи для журнала «Вольнодумец».

Любящий тебя

Сергей
11. IV.24

140. Г. А. Бениславской
(Ленинград, 15 апреля 1924 г.)

Галя милая! Простите, что пишу на такой бумаге. Нет лучше.

Я очень и очень извиняюсь, что уехал не простясь с Вами. Уехал же я потому, что боялся, как бы Петербург – не остался для меня дальше Крыма.

Галя милая! Я очень люблю Вас и очень дорожу Вами. *Дорожу Вами* очень, поэтому не поймите отъезд мой как что-нибудь направленное в сторону друзей от безразличия.

Галя милая! Повторяю Вам, что Вы очень и очень мне дороги. Да и сами Вы знаете, что без Вашего участия в моей судьбе было бы очень много плачевного. Сейчас я решил остаться жить в Питере. Никакой Крым и знать не желаю.

Дорогая, уговорите Вардина и Берзину так, чтоб они не думали, что я отнесся к их вниманию по-растоплюевски.

Все мне было очень и очень приятно в их заботах обо мне, но я совершенно не нуждаюсь ни в каком лечении.

Если у Вас будет время, то приезжайте и привезите мне большой чемодан или пошлите с ним Приблудного или Риту.

Привет Вам и любовь моя!

Правда, это гораздо лучше и больше, чем чувствую к женщинам.

Вы мне в жизни без этого настолько близки, что и выразить нельзя.

Жду от Вас письма, приезда и всего прочего.

Деньги из Госиздата спрячьте под спуд.

Любящий Вас

Сергей Есенин

Вечер прошел изумительно. Меня чуть не разорвали.

141. Крутову, Пестрякову, Ельцову
(Москва, до 30 апреля 1924 г.)

Крутову и Пестрякову и Ельцову
Обязательная подписка

Обязуюсь приехать к Вам в Рязань на устройство своего вечера в городе Вечера моей поэзии 30 апреля на договорных условиях.

С. Есенин

142. Г. А. Бениславской

(Ленинград, начало мая 1924 г.)

Милая Галя! Тысячу приветов! Простите, что не писал. Погода была скверная. Настроение от безденежья – тоже. На днях получу.

Главным образом грустен потому, что дьявольски растолстел. Костюм не сходится. Белье приходится перепарывать. Черт знает что такое! Утром не могу без пота натянуть ботинки. Одним словом, стал вроде Сахарова.

Дитя мое! Возьмите у Приблудного сборник и наберите сами 500 строк для Антологии. Материал отдайте Клычкову и получите 20 червонцев.

Гребень, сей Приблудный, пусть вернет! У меня все это связано с капризами суеверия. Потом, пусть он бросит свою хамскую привычку обворовывать ближних!

Да! Со «Стойлом» дело не чисто. Мариенгоф едет в Париж. Я или Вы сделайте отсюда выводы. Сей вор хуже Приблудного. Мерзавец на пуговицах – опасней, так что напрасно ра-

дуетесь закрытию. А где *мои* деньги?

Я открывал Ассоциацию не для этих жуликов.

Позвоните Воронскому и сговоритесь, чтоб он сделал распоряжение выдать мне аванс.

Звоните к нему на дом. 10 он уезжает на Кавказ.

Любящий Вас С. Есенин

Привет Жене, Рите, Берзиной и Вардину.

143. Г. А. Бениславской
(Москва, 12 июня 1924 г.)

Доверенность

Доверяю заключить договор с Госиздатом на издание книжки моих стихов «Березовый ситец» Галине Артуровне Бениславской и получить причитающийся гонорар.

С. Есенин
12/VI.24

**144. Устроителям вечера поэзии
в здании Городской думы
(Ленинград, 14 апреля 1924 г.)**

Я ждал. Ходил 2 раза. Вас и не бывало. Прав-
во, если я не очень нужен на вечере, то я
на Николаевской, кабачок слева внизу.

**145. В. В. Казину
(Ленинград, 28 июня 1924 г.)**

1924 .28.VI. Ленинград.
Милый Вася!

Тысячу приветов тебе и тысячу лучших по-
желаний. Будь другом, милый! Устрой мне
с этой вещью гонорар в 10 червонцев. В ней
90 строк.

О тебе я думаю все это время очень много.
Был в Сестрорецке и уверен, что тебе понравит-
ся. С комнатой устроить очень легко
и жить будет куда дешевле Москвы! Если ты
еще не раздумал, то приезжай прямо ко мне.
Я сейчас один во всей квартире.

Слышал я, что обо мне в Москве ходят слу-

хи, будто бы я очень сильно разбился с лошади. Да! Я правда ушибся, но не очень, просто немного проехал носом. Сейчас уже все прошло. Живу тихо и скучно. Ах, если бы сюда твой Девкин переулочок!

Крепко жму твою руку.

Любящий тебя

Сергей Есенин

Привет Клычкову и Орешину.

146. Г. А. Бениславской
(Ленинград, 15 июля 1924 г.)

Галя милая! Ничего не случилось, только так, немного катался на лошади и разбил нос.

У меня от этого съехал горб (полученный тоже при падении с лошади). Хотели иправили, но, вероятно, очень трудно. Вломилась внутрь боковая кость. Очень незаметно с виду, но дышать плохо. В субботу ложусь на операцию. 2 недели пролежу.

Так живу скучно, только работаю. Иногда выпиваем, но не всегда. Я очень сейчас занят.

Работаю вовсю, как будто тороплюсь, чтоб поспеть. Рад очень, что Вам понравилось в селе. Ведь оно теперь не такое. Ужас как непохоже.

Целую Вас и люблю.

С. Есенин
15/VII.24

147. Г. А. Бениславской
(Ленинград, 26 июля 1924 г.)

Милая Галя!

С носом вообще чепуха. Ничего делать не буду. Это больше раздуто от моей мнительности.

Дней через 6–7 я приезжаю в Москву. Еду в Рязань с Никитиным. Уж очень, дьявольски захотелось поудить рыбу.

Книга моя вышла. 1-й экземпляр надписан Вам и лежит у меня на столе. Привезу сам. У меня к Вам большая просьба. Вчера Приблудный уехал в Москву. Дело в том, что он довольно-таки стал мне в копеечку, пока жил здесь. Но хамству его не было предела. Он увез мои башмаки. Не простился, потому что получил деньги. При деньгах я узнал,

что это за дрянной человек. Абсолютно точь-в-точь такой же, как с папиросой. Все это мне ужасно горько. Горько еще потому, что он треплет мое имя. Здесь он всем говорил, что я его выписал. Собирал у всех деньги на мою бедность и сшил себе костюм. Ха-ха-ха – с деньгами он устраиваться умеет. Поэтому я сказал ему, чтоб он заплатил мне за башмаки. Это было ведь почти лучшее, что я имел из обуви. Он удрал. Удрал подло и низко. Повидайте его и получите с него три червонца. Сам я больше с ним не знаком и не здороваюсь. Не верьте ни одному его слову. Это низкий и продажный человек. Получить же я хочу с него ради принципа – чтоб не дать сволочи облапошить себя.

Прощайте, милая, и писать не могу. Горько, обидно, хоть плачь.

Сергей

26/VII.24. Ленинград

148. А. А. Берзинь

(Константиново, 14 августа 1924 г.)

Дорогая Анна Абрамовна! Приветствую Вас и целую Вашу руку.

У меня к Вам большая просьба.

Анна Абрамовна! Я думаю несколько дней задержаться еще в деревне, чтобы уладить постройку дома. Мне очень нужны деньги, а посему я посылаю к Вам с этим письмом Екатерину. Помогите ей получить деньги, которые выписаны мне на субботу. Доверенность ей я прилагаю к сему письму. Погода в деревне неважная. Удить из-за ветра невозможно, поэтому сижу в избе и дописываю поэму. Ночи у нас бывают чудные, лунные и, как ни странно, при близкой осени – безросые. Но все они проходят без любви, и мне остается вспоминать только прошлое.

А как Вы? Черкните мне пару слов до моего приезда, с Екатериной.

Буду рад и счастлив.

Еще раз целую Вашу руку.

Приветствую Вардина, Родионова, Флеров-

ского и Березовского.

*Ваш Сергей Есенин
Константиново. 14/VIII.24*

**149. Е. Я. Белицкому
(Константиново, 14 августа 1924 г.)**

14^{/VIII.24.}
Константиново.

Дорогой Ефим Яковлевич! Я помню, Вы в Ленинграде благосклонно обещали мне: распорядиться выслать причитающийся гонорар или аванс за мою поэму.

Час моего финансового падения настал, и я обращаюсь к Вам с велией просьбой выслать мне из тех 184 рублей, что найдете возможным.

При сем я попросил бы Вас передать Майскому, чтоб он обождал печатать поэму до моего приезда, так как я ее еще значительней переделал.

Адрес мой: Кузьминское почт. отд. Рязанской губ.

Рязанск. уез. село Константиново. Александру Никитичу Есенину.

Сей муж есть мой отец. Присылайте на него, потому что меня здесь плохо знают.

Привет Сварогу, Бескину и прочим.

Ионов, вероятно, отдыхает. Я слышал, что он проезжал через Москву. Если он придет раньше меня, пожмите ему его лапу.

Бродскому также привет и низкий поклон.

Жду нетерпеливо телеграфа.

Уважающий Вас

Сергей Есенин

150. М. Д. Ройзману
(Москва, 24 августа 1924 г.)

Всякое заимствование чужого названия или чужого образа называется заимствованием открыто. То, что выдается за свое, называется в литературе плагиатом.

Я очень рад, что мы разошлись. Но где у вас задница, где голова, понять трудно. Неужели вы не додумались (когда я вас вообще за этот год игнорировал), что, не желая работать с вами, я уступлю вам, как дурак. То, что было названо не мной одним, а многими из нас.

Уберите с ваших дел общее название «Ассоциация Вольнодумцев», живите и богатейте, чтоб нам не встречаться и не ссориться.

С. Есенин
24. VIII.24

151. Ф. А. Березовскому
(Москва, 26 августа 1924 г.)

Расписка

Дана сия тов. Березовскому в том, что он, Есенин Сергей Александрович, получил за поэму «26» аванс в размере пятидесяти рублей.

Сергей Есенин 26/VIII

152. О. М. Бескину
(Москва, 1 сентября 1924 г.)

Дорогой т. Бескин!
Я посылал письмо Белицкому и просил прислать мне денег из причитающейся мне суммы в 284 рубля, о которой мы условились с ним устно.

Книгу, по-моему, так выпускать не годится. Уж очень получается какая-то фронтовая брошюра. Посылаю для присоединения к ней балладу «26». О ней мы с Ионовым говорили уже. Потом лучше бы всего было соединить и последние мои стихи вместе с этой

книгой. Это будет значительно и весче,
чем в таком виде.

С дружеским к Вам приветом

С. Есенин

1/9.24

153. А. А. Берзинь

***(Москва, между 19 августа
и 2 сентября 1924 г.)***

Дорогая и милая Анна Абрамовна, мать
любимая (ради бога, чтобы отец не рев-
новал. Ах!).

Если б я Вам мог рассказать свое большое
о нем!

Милая Анна Абрамовна, Вы ко мне были,
как говорят, «черт-те что такое». Люблю я Вас
до Дьявола, не верю Вам навеки еще больше.

Все это смешно, а особенно тогда, когда я
навек твою.

Прошу Вас, ради бога, сообщите отцу (Вар-
дину), что я оп'е'ть застрял на любовной но-
чи.

Клянусь Вам, маман, я у Миклашевской.

С. Есенин

154. В. В. Казину

(Москва, до 3 сентября 1924 г.)

Доверенность

В случае изменения в журнале «Красная
Новь» линии Воронского уполномочи-
ваю В. Казина присоединить мою подпись
к подписям о выходе из состава сотрудников.

155. А. А. Берзинь

***(Москва, не позднее 3 сентября
1924 г.)***

Милая, любимая Абрамовна!

Прости, прости.

Уезжаю – года на два.

Не ищи. Только помощи. Так нужно. Скажи
Евдокимову (я его люблю) о сборнике.

Люблю тебя, люблю.

Прощай.

Сергей

156. В. П. Яблонскому
(Москва, 3 сентября 1924 г.)

Дорогой Виктор Петрович!
Спасибо за записку. Желаю Вам скорейшего выздоровления. Еду с радостью в надеждах хорошо отдохнуть.

Жму ваши руки.

С. Есенин
3/IX.24

157. Г. А. Бениславской
(Москва, август 1924–1925 гг.)

Галя, милая! Заходил. Оставил «Перевал». Больше пока книг нет. Будут завтра.

С. Есенин

**158. Н. К. Вержбицкому
и С. Н. Вержбицкой
(Баку, до 12 апреля 1924 г.)**

Милые старики! Как живете? Я думаю, что Колина гитара не забыла меня, а две кобуры свидетельствуют Вам о том, что где-то есть «на свете рыцарь бедный», который часто вспоминает друзей и хозяев вплоть до их котенка – Жоржика.

Как дела?

С Галей и сестрой у меня большой разлад, поэтому, если и писали Вы мне, не знаю ни 000.

Я слышал, ты, Коля, собираешься в Персию?

Если это у тебя на мази – черкни (Баку). К 13 сего месяца я думаю приехать дня на 2 в Тифлис.

Увидимся – сговоримся.

159. Е. А. Есениной
(Тифлис, 17 сентября 1924 г.)

Екатерина, пошли мне спешно письмо и пиши, что творится в Москве. Получила ли ты деньги и устроил ли Эрлих то, о чем мы с ним говорили. Уезжать отсюда мне пока очень не хочется. Я страшно хочу переждать дожди и слякоть. Здесь погода изумительная.

У меня к тебе просьба и наказ:

Скажи Сахарову, чтоб он в октябре дал мое зимнее пальто починить Ивану Ивановичу.

Как дома и сколько нужно денег еще для постройки? Посылаю тебе для них еще 10 червонцев. Больше 30 не давай, считая в сумме и то, что я дал.

Для тебя я скоро пришлю стихи, продашь их Казину или Флеровскому, и с тебя хватит.

Скажи Сашке, чтоб он запер мой чемодан, а ключ отдаст пусть Анне Ивановне.

Эрлиху напиши письмо и пришли мне его адрес. Я второпях забыл его. Что нового? Как чувствуют себя и как ведут Мариенгоф с Ивневим?

Передай Савкину, что этих бездарностей я не боюсь, что бы они ни делали. Мышиными зубами горы не подточишь.

Узнай, как вышло дело с Воронским. Мне страшно будет неприятно, если напостовцы его съедят.

Это значит тогда бей в барабан и открывай лавочку. По линии писать абсолютно невозможно. Будет такая тоска, что мухи сдохнут.

Сейчас немного работаю. Завтра поеду в Баку, а потом в Кисловодск. Вардин ко мне очень хорош и очень внимателен. Он чудный простой и сердечный человек. Все, что он делает в литературной политике, он делает как честный коммунист. Одно беда, что коммунизм он любит больше литературы.

Ну пока целую. Привет Гале и Рите.

17/IX.24

160. П. И. Чагину
(Баку, 20 сентября 1924 г.)

Т. Чагин!

Я приехал. Заходил к Вам, но Вас не застал. Остановился в отеле «Новая Европа» № 59.

Позвоните директору отеля и передайте, когда Вас можно видеть.

С. Есенин
20/IX.24

161. Администратору клуба им.
Сабира
(Баку, 3 октября 1924 г.)

Прошу пропустить тов. Мануилова на сегодняшний вечер моих стихов.

Сергей Есенин
3/X.24

162. Г. А. Бениславской
(Тифлис, 17 октября 1924 г.)

Милая Галя! Привет Вам и Екатерине. Сижу в Тифлисе. Дожидаюсь денег из Баку и поеду в Тегеран. Первая попытка проехать через Тавриз не удалась.

С книгами делайте, что хотите. Доверенность прилагаю. Высылаю стихи. «Песнь о великом походе» исправлена. Дайте Анне Абрамовне и перешлите Эрлиху для Госиздата. Там пусть издадут «36» и ее вместе.

Опишите мне на Баку, что делается в Москве. Спросите Казина, какие литературные новости. Приеду сам не знаю когда, вероятно, к морозам и снегу. С Вардиным я разъехался около месяца тому назад.

Напечатайте «36» в «Молодой гвардии» и получите деньги.

Мне важно, чтоб Вы собрали и подготовили к изданию мой том так, как я говорил с Анной Абрамовной, лирику отдельно и поэмы отдельно. Первым в поэмах «Пугачев», потом «36», потом «Страна негодяев» и под ко-

нец «Песнь». Мелкие же поэмы идут впереди всего.

Как живете? Здесь хоть не холодно, зато довольно тоскливо. Пишу мало. Думаю за-сесть писать в Тегеране. Зачем черт несет – не знаю.

Из Батума получил приглашение от По-вицкого. После Персии заеду.

Как Орешин? Что Воронский и распущен-ный имажинизм? Есть ли что в таверне и кто там?

Эрлиху напишите, чтоб поэму пускал как «36», а не «26». Напишите ему, что я не пи-шу ему из-за того, что потерял адрес. Буду пи-сать на Сашку.

Пришлите 2 книги «Москвы кабацкой». Из Персии напишу подробней.

Целую и жму руки.

Сергей Есенин
17/X.24

Пишите, пишите.

163. Г. А. Бениславской
(Тифлис, 20 октября 1924 г.)

Дорогая Галя! Мне кажется, я приеду не очень скоро. Не скоро потому, что делать мне в Москве нечего. По кабакам ходить надоело.

Несколько времени проживу в Тегеране, а потом поеду в Батум или в Баку.

Составил Вам список для составления книги. Продайте ее в таком порядке под названием «Рябиновый костер», куда можно. Сперва поговорите с Ангарским (Мосполиграф).

Воронскому я написал, чтоб он выдал на сестер 200 рублей. На днях я пошлю им персидские стихи. Стихи, говорят, очень хорошие, да и я доволен ими. Живу дьявольски скучно. Пишите хоть Вы мне чаще. Одно утешение нашел себе, играть в бильярд. Проигрываю все время. Недавно выиграл в карты 1000 рублей, а после проиграл 1200 рублей. Какая-то полоса невезения. Дороговизна здесь ужасная. Хуже, чем в Москве. Живу в отелях. Каждый день обходится в 20–25 рублей. Гости,

гости, гости, хоть бы кто меня спас от них. Главное, мешают работать.

Когда получите деньги за книгу, хорошо было бы, если б вы съездили в Питер и взяли мои вещи. У Ивана Ивановича мой шарф красно-черный, я его очень люблю. Потом пересчитайте белье.

20/X.24, Тифлис.

У Сашки я жить не буду. Мне удобней будет жить у Соколова, когда я буду в Питере. Жму руку.

Любящий С. Е.

164. М. И. Лившиц
(Тифлис, 20 октября 1924 г.)

Милая Рита!

Спасибо за письмо и вырезки, которые Вы послали Вардину для передачи под каким-нибудь соусом мне. Не боюсь я этой маориенгофской твари и их подлости нисколечко.

Ни лебедя, ни гуся вода не мочит.

Как живете? Как Женя? Вышла ли она замуж? Ведь ей давно пора. Передайте ей, что она завянет, как трава, если не выйдет. При ее сурьезности это необходимо. (Ха-ха! Представляю, как она злится.)

Живу скучно. Сейчас не пью из-за грудной жабы. Пока не пройдет, и не буду. В общем, у меня к этому делу охладел интерес. По-видимому, в самом деле я перебесился.

Теперь жену, балалайку, сесть на дрова и петь вроде Коненкова: «Прошли золотые денечки».

Ну да это успеем сделать по приезде в Русь. Целую и обнимаю Вас.

1-й Жене привет,
2-й Жене привет
и
3-й Жене привет.

20/X.24. Тифлис

165. А. А. Берзинь
(Тифлис, 21 октября 1924 г.)

Дорогая, незабываемая Анна Абрамовна!
Очень грустно, что Вы не ответили мне на письмо и телеграмму.

Я Вас настоятельно просил приехать. Было бы очень хорошо, и на неделю могли бы поехать в Константинополь или Тегеран.

Погода там изумительная, и такие замечательные шали, каких Вы никогда в Москве не увидите.

Нравятся ли «Персидские мотивы»?

Милая Анна Абрамовна, как с книгой? Издайте ее так, как послал я ее Гале. Теперь она исправлена. Очень я Вас ругаю за то, что Вы обидели отца. Право, он этого не заслужил. Хоть я и сам от его опеки убежал в города и ве-

си сей страны, «где злая пуля осетина его во мраке догнала» и бежали робкие грузины. Но сердце его доброе и отзывчивое. Думаю, не мешало бы Вам обязательно помириться.

Демьяновой ухи я теперь не хлебаю.

Буду очень рад, если Вы мне напишете на Баку в «Бакинский рабочий». О делах, в которых мне необходима Ваша помощь, с Вами поговорит Галя.

Целую Ваши руки.

*С любовью, С. Есенин
21/X.24. Тифлис*

166. Г. А. Бениславской
(Тифлис, 29 октября 1924 г.)

Милая Галя! Я остаюсь пока на Кавказе, и останусь, вероятно, до мая.

Делать в Москве мне нечего. Все, что напишу, буду присылать Вам.

Посылаю Вам 2 стихотворения из «Персидских мотивов». После пришлю еще.

Издайте «Рябиновый костер» так, как там расставлено. «Русь советскую» в конце исправьте. Вычеркните слово «даже», просто

сделайте «но и тогда...». Потом – не «названием», а «с названием». Если Анна Абрамовна не бросила мысли о собрании, то издайте по берлинскому тому с включением «Москвы кабацкой» по порядку и «Рябинового костра». «Возвращение на родину» и «Русь советскую» поставьте после «Исповеди хулигана». «Москва кабацкая» полностью, как есть у Вас, с стихотворением «Грубым дается радость». «Персидские мотивы» не включайте.

Разделите все на три отдела: лирика, маленькие поэмы и большие: «Пугачев», «36», «Страна», «Песнь о походе». После «Инонии» вставьте «Иорданскую голубицу».

Вот и все.

Этого собрания я желаю до нервных вздрагиваний. Вдруг помрешь – сделают все не так, как надо.

Если Мосполиграф найдет, что ему невыгодно купить, то попросите Вардина, чтоб устроил в изд-во «Красная новь».

Живу очень скучно. Потихонечку принимаюсь за большие работы. Вплоть до пьесы.

Дорогая Галя! В отделе Массовой литературы вместе с «Избранным» есть деньги %. Ан-

на Абрамовна может устроить их. Там есть рублей 720. Возьмите эти деньги и распоряжайтесь ими по усмотрению.

После я пришлю материала на сестринские нужды. Не балуйте их.

Я здесь более менее обеспечен. Мне Ваша присылка не потребуется. Червонцев 50 я в месяц на себя имею. Если Вам будет туго, шлите телеграмму, и я могу тогда выслать.

Ну, привет сестрам. Целую вас всех и обнимаю крепко-крепко.

С. Есенин
29/X.24

167. П. М. Денисовой-Соколовой
(Тифлис, 17 ноября 1924 г.)

Уважаемая Параскева Михайловна!
Кланяюсь Вам зёмным поклоном и смею уверить Вас, что Костя здоров даже чересчур достаточно. У него даже как у иокширковского кабана появились подбрюдки. Только одно в нем неприятно и беспокойно для меня – он часто плачет и говорит, что хочет безумно домой, лепит на себя всякие нелепицы, а после смеется. Смею уверить Вас, что мы ему такие друзья, которые его ни в чем не оставят. Мы заботимся только о том, чтоб он заработал здесь побольше денег и поехал к Вам. Так это и будет. Через несколько дней он поедет со мной в Баку. Оттуда я в Тегеран, а он в Ленинград. Там ему важно получить большую работу 26. Когда свидимся, мы о нашей жизни в Тифлисе поговорим с Вами подробней. Будете над многим смеяться. Пока жму Ваши руки.

С. Есенин
17/XI.24

168. Г. А. Бениславской

(Тифлис, после 2 ноября 1924 г.)

Милая Галя!

Привет Вам и все прочее. Посылаю «Русь уходящую». Покажите Воронскому. Вставьте в книгу под конец, как я вам разметил, и продайте под названием «После скандалов». «Рябиновый костер» я как название продаю здесь в Тифлисе. «36» давайте куда хотите. Привет сестрам. Крепко жму Ваши руки.

С. Е.

Напишите мне подробно, что делается в Москве. Как Воронский, Казин, Анна Абрамовна и др. Я не приеду до тех пор, пока не кончу большую вещь. Как нравится «Русь уходящая»? Вещь, я над которой работаю, мне нравится самому. Отрывки пришлю из Баку. Пишите в Баку. Я там буду дней через 5 после этого письма и пробуду недели две.

С. Е.

169. Г. А. Бениславской
(Тифлис, между 3 и 6 декабря
1924 г.)

Москва. Ваганьковский. Редакция «Бедно-
ты». Галине Бениславской
Успокойте Шуру. Купите ей сапоги и шубу.
Есенин

170. В издательство «Советский
Кавказ»
(Тифлис, 3 декабря 1924 г.)

Москва. Ваганьковский. Редакция «Бедно-
ты». Галине Бениславской.
Прошу по указанному адресу выслать две-
сти рублей в счет моего гонорара, за книгу
«Страна Советская».
С. Есенин

171. Г. А. Бениславской
(Батум, 12 декабря 1924 г.)

Галя милая! Очень болен и потому не могу Вам написать и рассказать, как живу в Батуме. Только просьбы и просьбы. Перепечатайте эти стихи и сдайте куда хотите. Я очень соскучился по Москве, но как подумаю о холоде, прихожу в ужас. А здесь тепло, светло, но нерадостно, потому что я не знаю, что со всеми вами. Напишите, как, где живет Шура? Как Екатерина и что с домом? Соберитесь с духом и привезите вещи из Питера. У Сашки они, вероятно, мешают. От Льва Осиповича привет. Привет Жене и Рите.

Что слышно с моим собранием? Анна Абрамовна, вероятно, меня забыла.

Напомните ей.

Продавать мои книги можете не спрашивать меня. Надеюсь на Ваш вкус в составлении. Привет Яне и Соне, и Иосифу.

Что слышно в литературной политике? Что нового написал Приблудный? Он, собака, мне ни одного слова не написал. Кое-что я чи-

тал в отзывах о «Москве кабацкой». Соберите то, что вообще появилось.

Пока жму Ваши руки.

Екатерину жмите больше в кулаки.

С. Есенин

12/XII.24, Батум

Адрес: Батум, Вознесенская ул., д. 9, Льву Повицкому, для Е.

172. П. И. Чагину

(Батум, 14 декабря 1924 г.)

14^{XII.24}

Дорогой Петр Иванович!

Прости, голубчик, что не писал и не присылал стихов. Не скажу, чтоб было некогда, а просто заело безалаберное житиё. Жизнь, как говорят: это – фонтан. Закрутил я в Тифлисе довольно здорово. Если б там остался, то умер бы от разрыва сердца. К счастью или несчастью, этого не случилось. Теперь сижу в Батуме. Работаю и скоро пришлю Вам поэму, по-моему, лучше всего, что я написал. Сейчас же посылаю «Цветы». Теперь же разговор вот какой: книжку я хочу назвать «Ряби-

новый костер» и смешать поэмы с лирикой последнего периода.

Если б Муран был добр, то пусть он вырежет все стихи, которые печатались в «Бакинском рабочем», и пришлет мне. Я все это приведу в порядок и вышлю их тебе с полным описанием расположения книги.

Вот и все в этом плане. С деньгами разочтемся, когда приеду. Но гонорар, который будет следовать за стихи, присылаемые в газету, я прошу высылать мне по телеграммам. Я не знаю сам, где я буду.

Я должен быть в Сухуме и Эривани. Черт знает, может быть, я проберусь к Петру в Тегеран.

Здесь солнышко. Ах, какое солнышко. В Рязанской губернии оно теперь похоже на прогнившую тыкву, и потому меня туда абсолютно не тянет.

Как ты?

Как жена и Гели Николавна, как другие?

Мне страшно хотелось бы тебя увидеть в Батуме. Здесь такие чудные дни, как в мой первый приезд в Баку.

Лившиц надо мной улыбается. Давай, го-

ворит, Сергей, за Маркса тихо сядем. Он очень и очень милый. Я влюблен в него, как в девушку. Только не по-кавказски. Что слышно от Вардина про книгу Данилова? (Привет ему!) Дурья голова Вардин выкинул очень много стихов, но они у меня лежат в целости

Крепко целую.

Жму руку.

С. Есенин

Вино и водка здесь отвратительны. Я отравился и чуть не умер. Даже сейчас болею.

Деньги за «Цветы» пришли на редакцию Батума или на моего друга: Батум. Вознесенская, 9. Льву Повицкому.

173. В. В. Казину
(Батум, 15 декабря 1924 г.)

Милый Вася!

Посылаем тебе вместе со Львом Осиповичем стихотворение батумского поэта Могилевского. Стихотворение талантливое и гораздо лучше многих, которые в Москве пропускаются.

Ну, как ты живешь?

Издалека я слышу иногда о грустных литературных делах.

Ну да ладно. Все перемелется и будет Девкин переулочок... Стихотворение поместили в «Нови», или «Перевале».

Мне грустно, почему Воронский не ответил на 2 письма моих. Привет ему. Целую тебя.

С. Есенин
15. XII.24

174. Г. А. Бениславской
(Батум, 17 декабря 1924 г.)

Милая Галя.

Я совершенно не ожидал, чтобы книжку выпустили с такими грубыми ошибками и ужасными пропусками.

Неужели Вам не давали держать корректуру? Она меня обрадовала и огорчила.

Теперь дело вот в чем. Мне выслали из Армении 400 рублей. Куда они попали, я не знаю. Я собирался в Москву и дал адрес Ваш, но потом я их предупредил, что не еду, и дал адрес другой. Не знаю, куда они попали. Если попадут к Вам, направьте ко мне. Я не знаю, как Вы живете. Думаю, что у Вас не хватило смекалки сходить на Большую Дмитровку, 10, в отделение «Зари Востока», спросить там Фурмана, взять комплект, переписать, что мной напечатано, и продать хоть черту, хоть дьяволу, чтоб только у Вас были деньги. Газетной вырезкой не сдавайте. Будут меньше платить.

Потом соберите, ради бога, из Питера все

мои вещи в одно место. Ведь я неожиданно могу нагряться, а у меня шуба в Питере.

Потом вот что еще (это выход для денег): соберите 6 новых поэм, помещенных в «Заре Востока», и продайте книжкой Ионову. По 1 рублю. 2 новых я вышлю Вам на днях.

Работается и пишется мне дьявольски хорошо. До весны я могу и не приехать. Меня тянут в Сухум, Эривань, Трапезунд и Тегеран, потом опять в Баку.

На днях высылаю Вам почтой 2 ящика мандарин. Мы слевой едим их прямо в саду с деревьев. Уже декабрь, а мы рвали вчера малину.

На столе у меня лежит черновик новой хорошей поэмы «Цветы». Это, пожалуй, лучше всего, что я написал. Прислать не могу, потому что лень переписывать. (Их Ионову продавайте 8 (стр. 48). Продавайте, как хотите. Если не знаете, посоветуйтесь. У вас эту книгу и Госиздат оторвет с руками.)

Надеюсь, что деньги у Вас есть и будут, поэтому присылать не буду.

(Отдайте кому-нибудь «Сукина сына».) Думаю, что глупо тащить все в одну «Красную

НОВЬ».

Пока. Спешу уходить за гонораром. Пойду в ресторан, и выпьем слевой за Ваше здоровье. Живите, милая, и не балуйтесь.

Целую Вашу руку

Сергей Есенин

Сестрам и всем друзьям привет.

Батум, Вознесенская, 9. С. Е.

Лева запирает меня на ключ и до 3 часов никого не пускает. Страшно мешают работать.

17/XII.24

175. Г. А. Бениславской
(Батум, 20 декабря 1924 г.)

Галя, голубушка! Спасибо за письмо, оно очень меня обрадовало. Немного и огорчило тем, что Вы сообщили о Воронском. Я верил, а оказалось все миражем. Может быть, в мире все мираж, и мы только кажемся друг другу.

Ради бога, не будьте миражем Вы. Это моя последняя ставка, и самая глубокая. Дорогая, делайте все так, как найдете сами... Я слишком ушел в себя и ничего не знаю, что я написал вчера и что напишу завтра.

Только одно во мне сейчас живет. Я чувствую себя просветленным, не надо мне этой глупой шумливой славы, не надо построчно-го успеха. Я понял, что такое поэзия.

Не говорите мне необдуманых слов, что я перестал отделять стихи. Вовсе нет. Наоборот, я сейчас к форме стал еще более требователен. Только я пришел к простоте и спокойно говорю: «К чему же? Ведь и так мы голы. Отныне в рифмы буду брать глаголы». Путь

мой, конечно, сейчас очень извилист. Но это прорыв. Вспомните, Галя, ведь я почти 2 года ничего не писал, когда был за границей. Как Вам нравится «Письмо к женщине»? У меня есть вещи еще лучше. Мне скучно здесь. Без Вас, без Шуры и Кати, без друзей. Идет дождь тропический, стучит по стеклам. Я один. Вот и пишу, и пишу. Вечерами с Левой ходим в театр или ресторан. Он меня приучил пить чай, и мы вдвоем с ним выпиваем только 2 бутылки вина в день. За обедом и за ужином. Жизнь тихая, келейная. За стеной кто-то грустно насилует рояль, да Мишка лезет целоваться. Это собака Лёвина. Он у нас очень не любит прачек.

Вот бы его на Воронского? А?

Днем, когда солнышко, я оживаю. Хожу смотреть, как плавают медузы. Провожая отъезжающие в Константинополь пароходы и думаю о Босфоре. Увлечений нет. Один. Один. Хотя за мной тут бабы гоняются. Как же? Поэт ведь. Да какой еще, известный. Все это смешно и глупо.

Обрадовало меня только одно обстоятельство: по пьяному делу из Тифлиса со мной

приехал в Батум Вержбицкий и Костя Соколов. Однажды утром мы после кутежа едем к Лёве и видим такую картину: идет на костылях хромой старик, тащит привязанную за пояс тележку, в тележке два щенка, на крыльях тележки две курицы, а на голове у него петух. Когда он идет, петух машет крыльями. Зрелище поразительное. Я соскочил с извозчика и попросил, чтоб он продал мне одного щенка. Он посмотрел на меня и сказал: «Только для тебя».

Щенка я сейчас отдал на воспитание. Он гадит в комнате, а возиться с ним я не умею.

Что это такое, Галя? Я боюсь, что это что-то вроде шуток Мефистофеля. Вержбицкий и Костя уехали обратно. Мы все были сильно простужены. В Тифлисе мы ездили в Ходжоры. Пальто вы мое знаете, а в горах зверский холод. В духане мы выпили, развеселились, и я сел на автомобиль верхом около передних колес. 18 верст ехал так, играл на гитаре и пел песни. Потом оказалось, я себе напел. Только благодаря дьявольскому организму избежал воспаления легких.

Галя милая, «Персидские мотивы» это у меня целая книга в 20 стихотворений. Посылаю вам еще 2. Отдайте все 4 в журнал «Звезда Востока». Просите 2 рубля за строчку. Не дадут, берите 1 рубль. Черт с ними. Разбогатею, пусть тогда поклоняются. Печатайте все, где угодно. Я не разделяю ничьей литературной политики. Она у меня своя собственная – я сам. «Письмо к женщине» отдайте в «Звезду», тоже 2 рубля строчка. На днях пришлю «Цветы» и «Письмо к деду». Найдите в «Заре Востока», Б. Дмитровка, 10, «Письмо от матери» и «Ответ». Суйте во все журналы. Я скоро завалю Вас материалом. Так много и легко пишется в жизни очень редко.

Это просто потому, что я один и сосредоточен в себе. Говорят, я очень похорошел. Вероятно, оттого, что я что-то увидел и успокоился. Волосы я зачесываю как на последней карточке. Каждую неделю делаю маникюр, через день бреюсь и хочу сшить себе обязательно новый, модный костюм. Лакированные ботинки, трость, перчатки, – это все у меня есть. Я купил уже. От скуки хоть франтить буду. Пускай говорят – пшют. Это очень интересно.

Назло всем не буду пить, как раньше. Буду молчалив и корректен. Вообще хочу привести всех в недоумение. Уж очень мне не нравится, как все обо мне думают. Пусть они выкусят.

Весной, когда приеду, я уже не буду никого подпускать к себе близко. Боже мой, какой я был дурак. Я только теперь очухался. Все это было прощание с молодостью. Теперь будет не так.

Если они хотят, чтоб я был писатель, так я буду писатель. Но уж тогда вряд ли они придут ко мне за дружбой, чтоб подзанять немного мыслей и чувств. Я буду болтать тросточкой и говорить, закатывая глаза: «Какая прекрасная погода!» Я обязательно научусь этому перед зеркалом. Мне интересно, как это выглядит. Черт возьми! Однако я здорово записался – 4 страницу пишу. Это все оттого, что я о Вас соскучился.

У Воронского в отношении ко мне, я думаю, просто маневр: все это, я думаю, в глубине души его несерьезно. Так это – знай, мол, наших! Если Вы увидите этих наших, все-таки поклонитесь им. Анне Абрамовне мой са-

мый сердечный привет. Поцелуйте ее за меня в щеку. Итак, Галя, делайте все, как знаете, мне важно то, чтоб я был спокоен за ваши денежные дела.

Деньги мои пришли. Так что беспокоил Вас напрасно. В № 6 толстого грузинского журнала переведен мой «Товарищ». В Армении выходит на армянском языке целая книга.

Обнимите Катю, Шуру и Риту. Привет Яне и Соне.

Год 24, а число которое, не знаю. Вероятно, 20-е декабря. Батум.

С. Есенин

Галя! Это письмо добавочное. Как только выйдут «Две поэмы», получите с ИONOBA 780 рублей и пришлите их мне.

Я не брал у него 30 червонцев за «Песнь» и 480 за «36».

Деньги требуйте настоятельно. На эти деньги я для вас всех могу много прекрасных вещей сделать. Здесь очень дешево стоят материалы на костюмы. Чудные персидские и турецкие шали.

С. Е.

Берлину продавайте. Вообще все делайте, как найдете нужным. Маши каслом не испортишь.

С. Е.

176. П. И. Чагину
(Батум, 20 декабря 1924 г.)

Дорогой Петр Иванович! Спасибо за телеграмму. Хотя я денег и не получил, но мне дорого внимание друга.

Стихи посылаю вторично. «Цветы», как хочешь, печатай или не печатай. Это философская вещь. Ее нужно читать так: выпить немного, подумать о звездах, о том, что ты такое в пространстве и т. д., тогда она будет понятна.

Стихи о Персии я давно посвятил тебе. Только до книги я буду ставить или «П. Ч.», или вовсе ничего. Все это полностью будет в книге. Она выйдет отдельно. 20 стихотворений. Скоро, быть может, приеду. Не забывай гонораром.

Твой любящий тебя

С. Есенин

21/XII

177. А. А. Берзинь

*(Батум, декабрь 1924 г. – начало
1925 г.)*

Нет под рукой бумаги, простите, Анна Абрамовна, простите, милая, хорошая, добрая, если не ко всем, то ко мне. Простите за то, что не писал Вам.

С чего это распустили слухи, что я женился? Вот курьез! Это было совсем смешно (один раз в ресторане я встретил знакомых тифлисцев). Я сидел просто с приятелями. Когда меня спросили, что это за женщина – я ответил:

– Моя жена. Нравится?

– Да, у тебя губа не дура.

Вот только и было, а на самом деле сидела просто надоедливая девчонка – мне и Повицкому, с которой мы даже не встречаемся теперь.

Как живете, дорогая? Кого любите?
Как с отцом?

Я живу скучно. Работаю, выпиваю, хожу в кинематограф и слушаю разговоры о контрабандистах. Совсем как в опере «Кармен».

178. Н. К. Вержбицкому
(Батум, 31 декабря 1924 г.)

Милый Коленька! Черт знает что такое с заносами. Я думал, что мы погибнем под волнами прыгающего на нас моря. Никуда не выходил целую неделю, и письмо одно к тебе истрепалось у меня в кармане.

Как с редакцией? Что Зося и где Костя? Miss Olli отдали мы – ее кошке. С ней ей уютней. Нам она не ко двору. Ты пишешь, чтоб я дал тебе записку к Воронскому, – но теперь-то поздно.

Воронский вышиблен, и вместо него Вардин в «Красной нови». Устроить вещь теперь еще легче, через Галю.

Адрес: Москва, Брюсовский, 2а, кв. 27. Дом «Правды». Г. Бениславской.

Более подробное письмо пришлю на днях. Черкни с Ку-ку. Привет от Левы. Нажми на Лившица.

Привет Жоржику.

Твой С. Есенин

31/XII.24

179. Г. А. Бениславской
(Батум, 20 января 1925 г.)

Милая Галя! Простите, что пишу наспех. Мне здесь дьявольски надоело. Скоро соберу манатки и перееду в Баку, а пока пишите сюда. Описывайте все как есть.

Том берлинский Вы можете достать у Собко и дополучить с них за «Русь советскую». Я продавал им без этой вещи.

Скажите Вардину, может ли он купить у меня поэму 1000 строк. Лиро-эпическая. Очень хорошая. Мне 1000 р. нужно будет на предмет поездки в Персию или Константинополь. Вы же можете продать ее как книгу и получить еще 1000 р. для своих нужд, вас окружающих.

Здесь очень скверно. Выпал снег. Ужасно большой занос. Потом было землетрясение. Я страшно скучаю. Батум хуже деревни. Очень маленький, и все друг друга знают на-

перечет. Играю с тоски в бильярд. Теперь я Сахарову могу дать 3–4 шара вперед. От двух бортов бью в середину так, что можно за показ брать деньги. Пишу еще поэму и пьесу. На днях пришлю Вам две новых книги. Одна вышла в Баку, другая в Тифлисе. Хорошо жить в Советской России. Разъезжаю себе, как Чичиков, и не покупаю, а продаю мертвые души. Пришлите мне все, что вышло из новых книг, а то читать нечего. Ну пока. Жму руки. Приветы. Приветы.

С. Есенин
20/1.25, Батум

180. Н. К. Вержбицкому
(Батум, 26 января 1925 г.)

Милый Коля! Ради революции, не обижай-ся на меня, голубарь! Погода дьявольская. В комнате так холодно, что я даже карандаш не в состоянии держать. Стихи пишу только в голове, а так бросить пару слов считал уж очень никчемным делом.

Как живешь? Читаю твой роман. Мне он очень нравится по стилю, нравится и многим другим. «Тифлисская быль», по-моему, очень протокольна. Это походит на стихи, которые пишутся на случай. Рассказ о кенаре и совчиновнике прекрасен.

В Константинополь я думал так съездить, просто ради балагурства. Не выйдет – жалеть не буду, а вообще начинаю немного собираться обратно. На пути заеду.

Жоржик мне прислал замечательное письмо, где пишет, что он, прочитав мои стихи, зарезал трех петухов. Описывает все прелести вашей жизни вплоть до черного хлеба. «Хлеб черный, черный, 15 фунтов». Передай ему,

что недели через две приеду.

Как Зося? Кукушкин мне рассказывал, как она танцевала лезгинку и как злополучному Косте были опять разбиты очки. (Он уехал?)

Я здесь еще один раз познакомился со 2-м районом милиции. Завел новый роман, а женщину с кошкой не вижу второй месяц. Послал ее к черту. Да и вообще с женьбой я просто дурака валял. Я в эти оглобли не коренник. Лучше так, сбоку, пристяжным. И простору больше, и хомут не трет, и кнут реже достает.

Пиши Гале. Она прислала тебе привет. Ей легко устроить через Вардина этот рассказ, который был напечатан в «Заре Востока», только перепиши на машинке, вырезкой не шли.

Из Москвы мне пишут, что там серо, скучно и безвыпивочно. Да, вышла моя книга. Будь добр, скажи Вирапу, чтоб он прислал мне авторские. Сейчас заканчиваю писать очень большую поэму. Приеду, почитаю. Лева тебе кланяется, доктор тоже. Сейчас отправляюсь на вокзал провожать доктора в Москву.

После зайду в «Монако» и выпью за твое и Зосино здоровье.

Целую тебя в губы, а ее в руку.

Жоржику привет.

Любящий тебя

С. Есенин

26/1.25, Батум

181. Е. И. Лившиц

(Батум, 26 января 1925 г.)

Рукой Л. И. Повицкого:

26/I-25

Милая Женя!

Податель сего, мой старый друг доктор Тарасенко Михаил Степанович, хочет непременно с Вами близко познакомиться. Я, конечно, всячески не советовал М. С. это делать, но – ввиду упорства его – даю Ваш адрес. От М. С. Вы можете узнать, как я поживаю, как Сергей дни проводит и что такое вообще Батум. Было бы очень недурно, если бы Вы с Ритой весной прикатили к нам, – поверьте, у нас неплохо.

Пишите, Женя, о себе. Я все-таки Вас пом-

ню и любопытствую знать, что с Вами есть и будет.

Мой адрес: Батум, Экспортхлеб, мне.

Обнимаю Вас сердечно.

Лев

Нежный привет Рите.

Рукой С. А. Есенина:

Я прибавлю мало. Привет и любовь Жене и Рите. Ехать сюда не советую, потому что здесь можно умереть от скуки.

Как Вы? Что Вы?

Напишите. Михаил Степанович через две недели едет обратно. Помню, люблю.

С. Есенин

182. Г. А. Бениславской

**(Батум, между 12 (13?) и 17 (18?)
февраля 1925 г.)**

Спасибо. Нужно тысячу. Скажите Вардину,
поэму высылаю. Отвечайте.

Есенин

183. Г. А. Бениславской

(Тифлис, 21 февраля 1925 г.)

Срочная. Москва, Брюсовский, дом 2 Прав-
ды, кв. 27, Бениславской.

Персия прогорела. Все Москве: Лившиц,
Чагин. Шлите немедленно на дорогу. Я Ти-
флисе, нужно к среде. Везу много поэм.

184. П. И. Чагину

(Москва, между 3 и 7 марта 1925 г.)

Дорогой Петр Иванович!

Я на тебя в обиде, что не застал тебя здесь, в Москве. Ведь я же давал тебе телеграмму «поедем вместе». Как живешь, друг? Я очень рад, что возвратился козырем в Москву. Мне дьявольски было трудно в моем летнем пальто при неожиданной батумской погоде.

Когда я приехал в Москву, ты в этот день уезжал. Черт возьми, ведь я бы на вокзал приехал. Приехал я в воскресенье, а ты уехал в понедельник.

Сочти книгой. Если ничего не причитается – не надо, но вышли деньги мне за поэму, которую тебе посылаю – «Анна Снегина», и за два стихотворения – «Персидские мотивы». Рассчитывай как знаешь, тебе видней по твоим финансам, и помни, что я тебе друг и много верю в оценке. «Анна Снегина» через два месяца выйдет в 3 № «Красной нови». Печатай скорей. Вещь для меня очень выигрыш-

ная, и через два-три месяца ты увидишь ее на рынке отдельной книгой.

Привет жене и всем друзьям твоим, которые окружают тебя и так ласково встретили меня в Баку.

Данилову передай: Вардин ссыпался, и я намереваюсь передать его рукописи в Госиздат.

Крепко жму твои руки.

Поцелуй Гелии Николаевне.

Твой Сергей

Москва. Брюсовский, 2, д. «Правды», кв. 27,
Есенину.

185. Н. К. Вержбицкому
(Москва, 6 марта 1925 г.)

Дорогая дадя Коля!

Вот я и в Москве. Как доехал – черт знает как. Купил билеты. Федя взял их в карман и остался. Вещи его я привез, сдал брату, а самого не вижу. Проехать в первый раз помогло имя.

Душа моя! Я буду здесь недолго. Переведу себе деньги в банк, чтоб не заниматься разыскиваниями, и приеду на Кавказ. О твоих делах вот что: всех поднял на ноги. Для библиотеки у Кольцова не подойдет по коммерческим соображениям, а в самом журнале пойдет. Как и что, выясню после. С «Прожектором» тоже говорил. Там устроит Казин.

Ну и вот... Все как было. Перегорело, перебесилось и все осталось на своем месте, только прибавляется одним редактором больше в лице пишущего эти строки.

Тебе от этого не хуже, а мне... Сделаю просто альманахом, ибо торчать здесь не намерен.

На днях покупаю сестрам квартиру.

Дела мои великолепны, но чувствую, что надо бежать, чтоб еще сделать что-нибудь.

Старик! Ведь годы бегут, а по заповеди так: 20 дней пиши, а 10 дней кахетинскому. Здесь же пойдут на это все 30.

Сегодня Галя не пускает меня ни на улицу, ни к телефону.

Вчера была домашняя пирушка. Пильняк, Воронский, Ионов, Флеровский, Берзина, Наседкин, я и сестра. Нарезались в доску. Больше всего, конечно, мы с Ионовым. Он куда-то убежал, а меня поймали. Я очень беспокоился, но сегодня он позвонил и сказал, что едет в Ленинград. Дня через три вернется. Он предлагает мне журнал издавать у него, но я решил здесь, все равно возиться буду не я, а Наседкин. Мне, старик, жалко время. Я ему верю и могу подписывать свое имя, не присутствуя.

Воронский в «Красной нови». Поэма моя идет там. Потом вот что: Наседкин редактор журнала «Город и деревня». Присылай, что имеешь, на Галю. Он что-то прихлестывает за Катькой, и не прочь сделаться зятем,

но сестру трудно уломать.

Галя милая по-прежнему большой друг и большая заботница.

Книги моей здесь нет. Скажи Вирапу, что он с распространением хреновину загибает. Потом пусть пришлет 150 рублей, о которых мы с ним говорили. Это принцип.

Ну как «Заря»? Передай Мише большой привет и любовь. Очень он и очень хороший, умный и при уме добрый. Вардин должен уехать в Баку на место Чагина, но заболел дипломатической болезнью. Был у меня, и очень грустный. Позвоночник ему таки сломали. «На посту» прогорело в пух и прах. Пильняк спокойный уезжает в Париж. Я думаю на 2 месяца съездить тоже, но не знаю, пустят или не пустят. Жорж не в Казани, а в Костроме. Все бросил и печатает роман и повесть в «Новом мире». Присылай туда. Я сказал. Редакторы свои – Дядя и Гладков.

Ну вот и все. Напишу обстоятельно с результатами после.

Обними Зосю и поцелуй ей руку. У меня самые светлые воспоминания о ней.

Жоржику скажи, что я ем хлеб «чорний,

чорний», такой, какого в Тифлисе нет. Вчера приехала моя мать, я в семье, счастлив до дьявола. Одно плохо, никуда не пускают. Но по их соображениям... может быть, и лучше. Нужно держать марку остепенившегося.

Целую тебя, старик, а Жоржику скажи, пусть он мне напишет. Я сказал сестре и Гале, чтоб они телеграфом выслали ему 5 руб. Потом я куплю и вышлю ему тот пистолет, о котором он мечтает.

Твой Сергей Есенин
6. III.25

186. Т. Ю. Табидзе
(Москва, 20 марта 1925 г.)

Милый друг Тициан! Вот я и в Москве. Обрадован страшно, что вижу своих друзей, и вспоминаю и рассказываю им о Тифлисе. Похождения наши здесь уже известны вплоть до того, как мы варили кепи Паоло в хаши.

Грузия меня очаровала. Как только выпью накопившийся для меня воздух в Москве и Питере – тут же качу обратно к Вам, увидеть и обнять Вас. В эту весну в Тифлисе, веро-

ятно, будет целый съезд москвичей. Собирается Качалов, Пильняк, Толстая и Вс. Иванов. Бабель приедет раньше. Уложите его в доску. Парень он очень хороший и сто́ит гостеприимства. Спроси Паоло, какое нужно мне купить ружье по кабанам. Пусть напишет №.

Передай привет всем моим добрым друзьям – Паоло, Леонидзе и Гаприндашвили. Поцелуй руку твоей жене и дочке и, если не трудно, черкни пару слов.

Брюсовский, д. 2, корпус «Правды» А, кв. 27, С. Есенину.

20/III.25

187. В. И. Эрлиху
(Москва, 24 марта 1925 г.)

Милый Вова! Вот я снова в Москве и снова собираюсь в 20-х числах обязательно уехать. Хотелось бы тебя, родной, увидеть, обнять и поговорить о многом. Я еду в Тифлис, буду редактировать литературное приложение.

Три – к носу.

Ежели через 7–10 дней я не приеду к тебе, приезжай сам. Привет Сене и всем, кто не продал шпаги наших клятв и обещаний.

Любящий тебя С. Есенин
24/III.25, Москва

188. Н. Н. Накорякову
(Москва, 27 марта 1925 г.)

Тов. Накоряков!

Я уезжаю на Кавказ, возможно, надолго. Дело с альманахом «Поляне» представляю себе так: сейчас набирается материал, но первый ударный № издается в начале сентября. За это время набирается попутно материал и для 2-го номера. Полагаю, что в этом году больше двух №№ издать не удастся.

Необходимым же условием начала работы считаю немедленную оплату принятого и цензурированного материала. Быть может, было бы лучше на редакцию сразу перевести тысячи две рублей. Кроме того, для ведения редакционных дел альманаха необходимо закрепить одного человека с соответствующей оплатой по должности заведующего редакцией и секретаря альманаха.

На эту работу редакционной коллегией представляется тов. Наседкин, с которым я буду поддерживать связь с Кавказа.

Редколлегия окончательно сконструирована

на в таком виде: Вс. Иванов, Пав. Радимов и я.
Список ближайших сотрудников будет пред-
ставлен Вс. Ивановым или Наседкиным.

Уезжая, надеюсь, что Вы окажете всемер-
ное содействие несомненно большому и куль-
турному делу.

С приветом,

С. Есенин

27/III.25

189. Г. А. Бениславской
(Баку, до 8 апреля 1925 г.)

Москва, Брюсовский, 2 корпус Правды, кв.
27, Бениславской.

Позвоните Бабелю, чтоб он заехал в Баку.
Я буду ждать. Здесь ему будут очень рады.

Есенин

190. Г. А. Бениславской
(Баку, 8 апреля 1925 г.)

Милая Галя, я в Баку. Знаю, что письмо к Вам придет через 6–7 дней. Не писал, потому что болен. Был курьез. Нас ограбили бандиты (при Вардине). Жаль и не жаль, но я спал и деньги некоторые (которые Вы мне дали), и пальто исчезли навсегда. Хорошо, что я хоть в брюках остался.

Когда я очутился без пальто, я очень и очень простудился. Сейчас у меня вроде воспаления надкостницы. Боль ужасная. Вчера ходил к лучшему врачу здесь, но он, осмотрев меня, сказал, что легкие в порядке, но горло с жабой и нужно идти к другому врачу, этажом выше. Внимание ко мне здесь очень большое. Чагин меня встретил как брата. Живу у него. Отношение изумительное.

Только вот в чем дело: Серебровский купил бумагу и не выплатил денег редакции (по-видимому, за объявления Азнефти). Здесь денег нет. Будут потом. Поэтому, как получите это письмо, присылайте немедленно 200.

Для Вас у меня уже есть стихи.

Главное в том, что я должен лететь в Тегеран. Аппараты хорошие. За паспорт нужно платить, за аэроплан тоже.

Дорогая, я далеко от Вас, и убедить Вас мне трудней (пишу, а зубы болят до дьявола – нервы). Прошу Вас не относиться ко мне, как это было в Батуме, а Катьку пошлите ... Вырастет большая, поймет.

Поймите и Вы, что я еду учиться. Я хочу проехать даже в Шираз и, думаю, проеду обязательно. Там ведь родились все лучшие персидские лирики. И недаром мусульмане говорят: если он не поет, значит, он не из Шушу, если он не пишет, значит, он не из Шираза. Дорогая, получив это письмо, шлите 200. Позвоните Толстой, что я ее помню. Шурку просто поцелуйте. Она знает, что она делает.

Катька ни на кого не похожа. У меня ведь была сестра (умершая) Ольга, лучше их в 1000 раз, но походит на Шурку. Они ее не знают, не знают и не знают.

Галя, больше я Вам не напишу. Разговор будет после внимания... Целую руки. Жив и здоров.

С. Есенин
8/IV.25

**191. Г. А. Бениславской
и Е. А. Есениной
(Баку, 22 апреля 1925 г.)**

Москва, Брюсовский, дом Правды 2, кварт.
27, Бениславской, Есениной.

Задержите книгу. Напечатайте, как я гово-
рил: посвящается Чагину. Если сгруппите, вы-
гоно.

Есенин

192. Е. А. Есениной
(Баку, 26 апреля 1925 г.)

Москва Брюсовский пер. д. 2 корпус Правды Есениной
Болен денег денег
Сергей

193. Г. А. Бениславской
(Баку, конец апреля – начало мая 1925 г.)

Поместить двустихиями.
...**П**ривет Васе Наседкину. Он знает, что такое двустихие. Воронскому тоже привет. Позвоните Толстой, пусть напишет.

194. Г. А. Бениславской
(Баку, 5 мая 1925 г.)

Москва, Ваганьковский, газета «Беднота»,
Бениславской.

Еду домой. Буду дней через десять. Найдите лучшего врача по чахотке.

Есенин

195. Г. А. Бениславской
(Баку, 11–12 мая 1925 г.)

11 мая 1925 г.

Лежу в больнице. Верней, отдыхаю. Не так страшен черт, как его малютки. Только катар правого легкого. Через 5 дней выйду здоровым. Это результат батумской простуды, а потом я по дурости искупался в середине апреля в море при сильном ветре. Вот и получилось. Доктора пели на разный лад. Вплоть до скоротечной чахотки. С чего Вы это, Галя, взяли, что я пьянствую? Я только кутнул раза три с досады за свое здоровье. Вот и все. Хорошее дело, чтоб у меня была чахотка. Кого

хоть грусть возьмет.

Почему не пишу? Потому что некогда. Пишу большую вещь. С книгами делайте как угодно, чего из пустого в порожнее перегонять. Это уж меня начинает раздражать, что Вы спрашиваете!

Телеграммы Ваши я также не понимаю, как и Вы мои. Вот одна из них:

«Аким языкоком».

Что это за фамилия?

Курьезов на телеграфе больше, чем курьеров у Хлестакова.

Ну так.

Книжку «Рябиновый костер» посвятите всю целиком Чагину.

Надпись: «С любовью и дружбою Петру Ивановичу Чагину».

Ежели Кольцов выпускает книгу, то на обложку дайте портрет, который у Екатерины. Лицо склоненное. Только прежде затушуйте Изадорину руку на плече. Этот портрет мне нравится. Если эта дура потеряла его, то дайте ей в морду. Чтоб впредь не брала у меня последних вещей и единственных.

Да, может быть, я скоро приеду в Москву,

чтоб съездить в Ленинград, а потом в деревню. Там на Оке мне лучше будет. Ладно.

Еще – книг не надо. Все есть у Чагина.

Читали ли Вы, что пишет обо мне Дункан за границей. Что я, чтоб изучить быт бандитов, стал во главе шайки и орудую на Кавказе, а еще то, что будто бы я ей пишу в письме, что: «Все пока идет хорошо».

Ха-ха-ха!.. Вам письмо!..

А Вы говорите – купаться?

«Товарищи! Перед моей глазой стоит как живой Шаумян. Он четыре тыщ людям говорил: “Плюю на Вам”». (Это из речи одного наркома-тюрка.)

Ну вот пока и все. Остальное расскажет Муран. Угостите его, он парень очень хороший. Привет сестрам, Яне, Соне и Наседкину.

Любящий С. Есенин

P. S. Чтоб не было глупостей, передайте Собрание Богомильскому. Это мое решение. Я вижу, Вы ничего не сделаете, а Ионову на зуб я не хочу попадать. С Богомильским лучше. Пусть я буду получать не сразу, но Вы с ним сговоритесь. Сдавайте немедленно.

Ионов спятил с ума насчет 2000 р. Во-первых, в «Звезде» – «Песнь», я продал избранное маленькое. Ну да ладно, это мое дело. Все равно с ним каши не сварить. Катитесь к Богомильскому.

Два новых персидских стихотворения поместите перед теми 2-мя последними, что сдал Вам дома. Перед «Пери» и «Голубая родина Фирдуси». Вместо:

«Я с тобой несчастий не боюсь» нужно
«Я твоих –». Была описка.

12 мая.

Письмо написал я Вам вчера, когда не было еще консилиума. Мне запрещено пить. С легкими действительно что-то неладно. Предписано ехать в Абас-Туман.

Соберите немного денег и пришлите. Я должен скоро туда уехать. После выправки жизнь меняю.

С. Е.

196. Г. А. Бениславской
(Баку, 12 мая 1925 г.)

Галя! Дайте Мурану ночлег у Богомильских, у Аксельрода или у Вс. Иванова (он его знает). Муран – мой бакинский друг.

Угостите его на славу. Вплоть до гармонистов. Позовите Толстую. Он через 7 дней едет обратно. Пишите и шлите все, что есть нового.

Если нет комнаты у тех – попросите Яну. Я еду в Абас-Туман. Целую.

С. Есенин
12/V.25. Баку

197. В. И. Качалову
(Баку, 15 мая 1925 г.)

15 мая 1925 г.
Качалову

Дорогой Василий Иванович!

Я здесь. Здесь и напечатал, кроме «Красной нови», стихотворение «Джиму».

В воскресенье выйду из больницы (болен легкими). Очень хотелось бы увидеть Вас за 57-летним армянским. А?

Жму ваши руки.

С. Есенин

198. П. И. Чагину
(Баку, сентябрь 1924–1925 гг.)

Дорогой Петр Иванович!
Дайте Ваське 20 руб. в счет моих.
С. Есенин

199. Г. А. Бениславской
(Баку, 25 мая 1925 г.)

Москва, Брюсовский, дом 2, корпус Правды, кв. 27, Бениславской.

Четверг будем двое: Чагиным братом, приготовьте комнату. Встречайте, справясь.

Есенин

200. Е. А. Есениной
(Москва, 16 июня 1925 г.)

Дорогая Екатерина!
Случилось очень многое, что переменяло и больше всего переменяет мою жизнь. Я женюсь на Толстой и уезжаю с ней в Крым. Перед отъездом должен с тобой переговорить. Мне нужно собрать все свои вещи и оставить тебе на лето денег. Приезжай, не задерживаясь. Собрание я продал. Продал еще две книги. Ботинки твои со злобы я испортил. Приедешь – куплю новые. Привет Шуре, отцу, матери и деду.

Твой Сергей
16/VI.25, Москва

**201. В Литературный отдел
Госиздата**

(Москва, 17 июня 1925 г.)

В Литературный отдел Госиздата
Сергея Есенина

Предлагаю литературному отделу издать собрание моих стихотворений в количестве 10 000 строк, по рублю за строку, с единовременной выдачей в 2000 рублей и остальные с ежемесячной выдачей по 1000 руб., начиная с 1 августа 1925 г. по 1 апреля 1926 г., сроком издания на 2 года, тиражом не более 10 000 т. Мое собрание стихотворений и поэм никогда не издавалось.

Сергей Есенин
17/VI.25

202. Е. А. Есениной
(Москва, 3 июля 1925 г.)

Доверенность

Доверяю моей сестре Екатерине Есениной получать все причитающиеся мне гонорары с Госиздата.

С. Есенин
19.3/VII.25

203. А. М. Горькому
(Москва, 3 июля 1925 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Помню Вас с последнего раза в Берлине. Думал о Вас часто и много.

В словах, и особенно письменных, можно сказать лишь очень малое. Письма не искусство и не творчество.

Я все читал, что Вы присылали Воронскому.

Скажу Вам только одно, что вся Советская Россия всегда думает о Вас, где Вы и как Ваше здоровье. Оно нам очень дорого.

Посылаю Вам все стихи, которые написал за последнее время.

И шлю привет от своей жены, которую Вы знали еще девочкой по Ясной Поляне.

Желаю Вам много здоровья, сообщаю, что все мы следим и чутко прислушиваемся к каждому Вашему слову.

Любящий Вас

Сергей Есенин
19.3/VII.25. Москва

204. П. И. Чагину
(Москва, 6 июля 1925 г.)

Дорогой Петр Иванович!

Вязну в хлопотах и жду не дождусь того дня, когда снова предстану у врат Бакраба.

Как живешь? Завидую тебе за те звездочки, которые ты можешь считать не на небе, а на земле.

Ну, да ладно! Свидимся – нагоним.

Привет всей твоей и моей семье. Обними отца и Петэ. Едет в Москву он или нет?

Соня кланяется. Жмет руки.

Целую.

Сергей
6/VII.25. Москва

**205. В издательство «Современная
Россия»**

(Москва, 22 июля 1925 г.)

В издательство «Современной России», т.
Берлину.

Прошу Вас выдать мой гонорар по вашему
усмотрению моей сестре.

С. Есенин
22/VII.25

206. Н. К. Вержбицкому
(Москва, до 25 июля 1925 г.)

Милый друг мой, Коля!
Все, на что я надеялся, о чем мечтал, идет прахом. Видно, в Москве мне не остепениться. Семейная жизнь не клеится, хочу бежать. Куда? На Кавказ!

До рёву хочется к тебе, в твою тихую обитель на Ходжорской, к друзьям.

Когда приеду, напишу поэму о беспризорнике, который был на дне жизни, выскочил, овладел судьбой и засиял. Посвящу ее тебе в память наших задушевных и незабываемых разговоров на эту тему.

С новой семьей вряд ли что получится, слишком все здесь заполнено «великим старцем», его так много везде, и на столах, и в столах, и на стенах, кажется, даже на потолках, что для живых людей места не остается. И это душит меня. Когда отправлюсь, напишу. Заеду в Баку, потом Тифлис. Обнимаю тебя, голубарь, крепко. Галя шлет привет.

Твой С. Есенин

207. А. А. Берзинь

(Ростов-на-Дону, 26 июля 1925 г.)

Э то бывает, дорогая моя, не после ночи, а спустя 9 месяцев. Мы, конечно, огорчены с Соней, что он родился мертвеньким. Но, плача и тоскуя, радостно приветствуем тебя. Привет всем, Юхову, Марку, Яблонскому и др.

Смотри не нагадай мать.
Едем хорошо. Сейчас Ростов.
Целую.

Сергей Есенин

208. В. И. Эрлиху

(Ростов-на-Дону, 26 июля 1925 г.)

Рукой С. А. Толстой-Есениной:
26/VII.25

Эрлих, милый, мы в поезде по дороге в Баку. Ужасная Москва где-то далеко и верстами и в памяти. Последние дни были невероятно тяжелы. Сейчас блаженно-сонное состояние и физического и душевного отдыха. Вас вспоминаю часто и очень, очень хорошо и никогда не забуду Вашего отношения. Очень надеюсь, что у Вас все совсем, совсем хорошо. Напишите Баку «Бакинский рабочий» П. И. Чагину – нам.

С. Толстая.

Сергей

Рукой С. А. Есенина:

*Милый Вова,
Здорово.
У меня – не плохая
«Жись»,
Но если ты не женился,
То не женись.*

209. А. А. Берзинь

(Мардакяны, 3 августа 1925 г.)

Милая Анна Абрамовна! Дорогая, дорогая
Вы, вероятно, меня уже забыли по своей
ственной привычке для многих «с глаз до-
лой – из сердца вон». Все же я Вам стараюсь
напомнить о себе. Живу в Мардакянах, но тя-
нет дальше. Куда – сам не знаю. Если очучусь
где-нибудь вроде Байкала, не удивляйтесь.
Как Марк? По-прежнему ли он держит завет,
надписанный ему мною на книге (обещание),
или продолжает ту же зубоврачебную прак-
тику?

Что с Като?

Дорогая моя, друг бесценный, не откажи
мне написать, что хочет от меня Николаев.
Мне это очень важно. Так как собрание
для меня очень дорого. На днях вышлю тебе
еще целый ряд стихов, новых и старых. Пере-
дай их Ермолаичу (так зову сейчас в шутку
Евдокимыча).

Нужны ли ему автобиографические сведе-
ния? Когда? Мне очень жаль, что я не созво-

нился с Николаевым.

Устрой с деньгами Илюшке и прости, родная, что письмо не описательное, а писательское. Сама понимаешь.

Привет Юкову. Целую твои лапки.

С. Есенин
3/VIII.25

Адрес: Баку, «Бакинский рабочий».

С. Е.

210. П. И. Чагину

(Мардакяны, 18 августа 1925 г.)

Дорогой Петр Иванович!

Посылаю 2 стихотворения.

Скажи Фришбергу, чтоб он дал Кларе Эриховне денег для меня.

Сам знаешь: жена, дети и человек не дерево.

Дня через 2 придет мое подкрепление из Москвы, и тогда я рыжего оставлю в покое.

Привет ему.

Целую.

С. Есенин

211. А. А. Есениной

(Москва, 21 или 22 сентября 1925 г.)

Милый Шуренок.

Я обиделся, что ты ушла. Позвони мне,
родная.

Твой Сергей

Люблю, люблю.

212. В. В. Казину

(Москва, 13 октября 1925 г.)

В. Казину.

Голубь Вася! Устрой немного денег
Илье. А то до получки сижу без сантима.

Привет тебе и поцелуй.

Твой С. Есенин

13/X.25

213. В. И. Вольпину
(Москва, 14 октября 1925 г.)

Дорогой Валентин Иванович!

Будьте добры, дайте на мой счет сестре моей несколько книг. Зайду, расплачусь.

Соня кланяется. Звоните.

Чай и мед к Вашим услугам, а хозяйева – вплоть до кинематографа. 4-91-53.

Ваш С. Есенин
1914/X.25

214. А. А. Берзинь
(Москва, 16 октября 1925 г.)

Дорогая Анна Абрамовна!

Положение хуже, чем у свињи, которую откармливают на убой.

Черт с ними, что деньги от всего того, что я не беру их, накапливаются, дело в том, что у меня ни монеточки.

Даже в кино нет на билет, а Шурке на трамвай.

Дорогая! Ты всегда была моим анге-

лом-хранителем. Устрой что-нибудь из тех мест, где это возможно.

Половина жизни за 100 руб. и целая поэма о гнусности денег.

Твой С. Есенин

P. S. Не употребляй спиртных напитков. Страшный вред здоровью и благополучию.

Я всегда это знал, потому и проповедую.

С. Е.

19 16/X.25

215. И. М. Касаткину

(Москва, 21 октября 1925 г.)

Милый дядя Ваня.

Посылаю тебе нигде не печатанные стихи. Одно отделано – «Неуютная», два совершенно новых.

Если ты свободен сегодня, то заходи вечером. Посидим, побалакаем. Будет Леонов. Приходи с женой. Соня очень просит.

Твой С. Есенин

21/X.25. Москва

216. И. В. Грузинову

(Москва, сентябрь – октябрь 1925 г.)

Милый Ваня! Христов сидня! Злюка бра-
кадабрская! Отдашь ты мне статью
или не отдашь?

Критик ты расейский! Стихотворец ты
московский, отдай, ради бога, отдай, чтоб
не задержать до сезона. Обнимаю.

Твой Сергей

217. П. И. Чагину

(Москва, после 6 сентября 1925 г.)

Баку. Бакинский рабочий, Чагину.
Передай издательству Бакраба относи-
тельно тысячи экземпляров Персмотивы
пятьсот Тифлис, как я с ними говорил.

Сергей. Соня

Кларе привет. Взятое высылаем.

218. П. И. Чагину
(Москва, 8 ноября 1925 г.)

Дорогой Петр! Ты свинья. Свинья потому, что уехал, не простившись и не отозвавшись ни одной строчкой.

Или рука твоя уж так крепко приросла к редакторскому столу, что и оторвать ее трудно?

Как ты живешь – знаю. Не знаю только того, что ты думаешь. Это меня интересует больше, чем твои пятничные прогулки по морям несоленым. Черкни хоть строчку и скажи, чтоб мне выслали «Бакинский рабочий».

Сегодня приехал Жорж. При встрече помянем тебя и запьем нашу грусть за твою забывчивость настоящим martel, а ты пей там себе «финь» в наказание.

Привет Кларе и Розочке. Отцу пожми лапу и скажи ему, чтоб он погрозил хоть мизинцем Ваське – за то, что он не приходит.

Твой С. Есенин
8/XI.25

219. С. А. Толстой-Есениной
(Москва, до 26 ноября 1925 г.)

Дорогая Соня, я должен уехать к своим.
Привет Вам, любовь и целование. С.

220. С. А. Толстой-Есениной
(Москва, 7 (?) июля 1925 г.)

Соня.
Прости, что обидел. Ты сама виновата
в этом. Я в Гизе, еду «Красную Новь», «Огонек»
и позвоню.

Сергей

221. П. И. Чагину
(Москва, 27 ноября 1925 г.)

Москва.
27 Ноябрь 25.

Дорогой Петр! Пишу тебе из больницы. Опять лег. Зачем – не знаю, но, вероятно, и никто не знает.

Видишь ли, нужно лечить нервы, а здесь фельдфебель на фельдфебеле. Их теория в том, что стены лечат лучше всего без всяких лекарств.

С удовольствием вспоминаю Вартапетова и Мезерницкого и говорю, что глухой Бетховен лучше слышащего плохого Рубинштейна и пьяный Эдгар По прекрасней трезвого Марка Криницкого.

Все это нужно мне, может быть, только для того, чтоб избавиться кой от каких скандалов. Избавлюсь, улажу, пошлю всех в кем и, вероятно, махну за границу. Там и мертвые львы красивей, чем наши живые медицинские собаки.

Не понимаю, почему Павлу Первому не пришло в голову заняться врачебным делом. Он бы смог. Он бы вылечил. Ведь его теория очень схожа с проблемами современных психиатров. Карьера не талант и не знание. У кары лечиться – себя злить и еще пуще надрывать. Вот почему мы, вероятно, с тобой в декабре увидимся снова где-нибудь за пирушкой.

Посылаю тебе «Черного человека». Прочти и подумай, за что мы боремся, ложась в постели?..

Ну как Роза и Клара?

Как мать с отцом?

Передай им самое большое приветствие.

Васька ко мне заходил только один раз. Он лежит в больнице с ногой. Что там, не знаю, и что за больница, тоже не знаю. Говорят, где-то там, где вы раньше жили. Вот и все.

Целую.

Твой С. Есенин

222. И. И. Есенину
(Москва, 6 декабря 1925 г.)

В Гиз

Доверенность

Доверяю брату моему Илье Есенину получить причитающийся мне гонорар за декабрь месяц в сумме тысячи рублей.

С. Есенин 6/XII.25

223. И. В. Евдокимову
(Москва, 6 декабря 1925 г.)

Милый Евдокимыч!

Привет тебе и тысячу пожеланий за все твои благодеяния ко мне.

Дорогой мой! Так как жизнь моя немного перестроилась, то я прошу тебя, пожалуйста, больше никому денег моих не выдавать. Ни Илье, ни Соне, кроме моей сестры Екатерины.

Было бы очень хорошо, если б ты устроил эту тысячу между 7–10 декабря, как ты говорил.

Живу ничего. Лечусь вовсю. Скучно только дьявольски; но терплю, потому что чувствую, что лечиться надо. Иначе мне не спеть, как в твоём «Сиверко», «Пил бы да ел бы, спал бы да гулял бы». На днях пришлю тебе лирику «Стихи о которой».

Если не лень, черкни пару слов с Екатериной. Я ведь теперь не знаю, чем пахнет жизнь.

Жму руку.

Твой С. Есенин
19 6/XII.25

224. В. И. Эрлиху
(Москва, 7 декабря 1925 г.)

Ленинград, улица Некрасова, 29, кв. 8, Эрлиху.

Немедленно найди две-три комнаты, 20 числа переезжаю жить Ленинград. Телеграфируй.

Есенин

225. С. А. Толстой-Есениной
(Москва, 9 декабря 1925 г.)

Соня! Пожалуйста, пришли мне книжку Блока.

С. Есенин
9/XII.25

226. Я. Е. Цейтлину
(Москва, 13 декабря 1925 г.)

Дорогой товарищ Цейтлин. Спасибо Вам за письмо. Жаль только то, что оно застало меня очень поздно. Я получил его только вчера, 12/XII 25 г. По-видимому, оно провалялось у кого-нибудь в кармане из прожекторцев, ибо поношено и вскрыто. Я очень рад и счастлив тем, что мои стихи находят отклик среди николаевцев. Книги я постараюсь Вам прислать, как только выйду из санатории, в которой поправляю свое расшатанное здоровье.

Из стихов мне Ваших понравилась вещь о голубятне и паре голубей. Вот если б только поправили перебойную строку и неряшли-

вую «Ты мне будешь помощником хошь», я бы мог его отдать в тот же «Прожектор».

Дарование у Вас безусловное, теплое и подкупающее простотой, только не упускайте чувств, но и строго следите за расстановкой слов.

Не берите и не пользуйте избитых выражений. Их можно брать исключительно после большой школы, тогда в умелой рамке, в руках умелого мастера они выглядят по-другому.

Избегайте шатких, зыблемых слов и больше всего следите за правильностью ударений. Это очень нехорошо, что Вы пишете бы-лѣ, вместо бѣли.

Желаю Вам успеха как в стихах, так и в жизни и с удовольствием отвечу Вам, если сочтете это нужным себе. Жму Вашу руку

Сергей Есенин

Москва.

Остоженка, Померанцев пер., д. 3, кв. 8.

227. Е. А. Есениной

*(Москва, между 7 и 13 декабря
1925 г.)*

Екатерина! Почему там получил Илюшка столько сто? Что за чертовщина? Деньги с Гиза немедленно все в банк до сентима, иначе я послезавтра выйду и пошлю вас всех куда подальше.

Не нервнируйте меня хотя бы в этом.

Потом узнай у Сони, почему мы одни все время платили за квартиру, за газ и электричество.

Жду банк-книжку, варенья, папирос, спичек и еще чего-нибудь.

Сергей

228. С. А. Толстой-Есениной
(Москва, между 17 и 19 декабря
1925 г.)

Соня.

Переведи комнату на себя. Ведь я уезжаю и потому нецелесообразно платить лишние деньги. Тем более повышено.

С.

229. В литературно-художественный
отдел Госиздата
(Москва, 21 декабря 1925 г.)

Лит. отдел Госиздата

Прошу гонорар за собрание моих стихотворений, начиная с декабря 25 г., выдавать мне лично. Настоящим все доверенности, выданные мною разным лицам до 1-го (первого) декабря, считать недействительными.

С. Есенин
19-21/ХІІ.25 г.

230. В. И. Эрлиху

(Ленинград, 24 декабря 1925 г.)

Вова!

Я поехал в ресторан Михайлова, что ли, или Федорова. Жду тебя там.

Сергей

231. В. И. Эрлиху

(Ленинград, 24 декабря 1925 г.)

Вова!

Захвати вещи ко мне в гостиницу.

С. Есенин

232. В. И. Эрлиху

(Ленинград, 27 декабря 1925 г.)

Доверенность

Доверяю присланные мне из Москвы
640 р. (шестьсот сорок руб.) получить Эрли-
ху В. И.

С. Есенин 27/XII

Комментарии

В данное собрание сочинений С. Есенина вошли все стихотворения, «маленькие» и «большие» поэмы, как называл их поэт, все известные его прозаические произведения, статьи, заметки, очерки и автобиографии, кроме отрывков, неоконченных произведений и литературных деклараций, а также выборочно представлены письма поэта. Издание составлено по жанрово-хронологическому принципу. Авторские даты, представленные поэтом для подготовленного им «Собрания сочинений» в 1925 году[16], сохранены, если не опровергаются известными в данное время источниками. Даты, установленные по другим источникам, указываются в угловых скобках. Стоит отметить, что датировка некоторых стихов С. Есенина, особенно ранних, до сих пор остается дискуссионной проблемой.

Комментарии ограничены краткими историко-литературными сведениями, пояснением отдельных слов и выражений. Звездочкой в комментариях отмечены те стихотворе-

ния С. Есенина, которые были датированы им лично, но затем проставленные даты вычеркнуты – предположительно, самим поэтом или по его указанию.

В основу сборника положено издание: Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев; ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. М., 1995–2002.

В данных комментариях использованы материалы изданий: Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы / Общ. ред. Н. И. Шубниковой-Гусевой; Сост. С. П. Митрофановой-Есениной, Т. П. Флор-Есениной. М.: ТЕРРА; Республика, 1997; Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев; ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. М., 1995–2002.

Стихотворения

* «*Вот уж вечер. Роса...*» – Вдова по-
эта С. А. Толстая-Есенина писала:
«По словам Есенина, это его первые стихи.
Считая их слабыми, он не хотел включать их
в «Собрание». Согласился напечатать стихи
только благодаря просьбе своих близких.
Текст был продиктован им. Дата проставлена
по его указанию»[17]. В наборном экземпляре
«Собрания стихотворений» помече-
но С. А. Толстой-Есениной – «самое первое».

* «*Там, где капустные грядки...*» – Впервые:
Есенин С. Собрание стихотворений:
в 3 т. М.; Л., 1925–1926. Т. 1. С. 1.

* «*Поет зима – аукает...*» – Впервые: Ми-
рок. М., 1914. № 2, под заглавием «Воробиш-
ки».

* *Подражанье песне.* – Впервые: Есенин
Сергей. Радуница. Пг., 1916, без заглавия.

* «*Выткался на озере алый свет зари...*» –
Впервые: Млечный путь. М., 1915. № 3.

«*Дымом половодье...*» – Впервые: Есенин
Сергей. Радуница. Пг., 1916, без заглавия.

* «*Сылет черемуха снегом...*» – Впервые:

Ежемесячный журнал. Пг., 1915. № 6. Июнь.

Поэт («Он бледен. Мыслит страшный путь...»). – Впервые: День поэзии. М., 1956.

Звезды. – Впервые: Спас-Клепиковский работник просвещения. 1924. № 1. Февраль. Вошло в сборник «Сергей Есенин» (М., 1958).
Учитель русского языка и литературы Спас-Клепиковской второклассной учительской школы, где учился начинающий поэт, Евгений Михайлович Хитров (1872–1932) заметил неординарные способности своего ученика, прочитав его стихотворение «Звезды». Он заметил, что стихи настолько хорошие, что их можно даже напечатать. Вскоре в школу приехал с обычной ревизией епархиальный наблюдатель Рудинский, который, прочитав стихотворение Есенина, при всех расхвалил его в классе. В результате у Есенина появилось стихотворение «И. Д. Рудинскому».

И. Д. Рудинскому. – Впервые: Спас-Клепиковский работник просвещения. 1924. № 1. Февраль; печаталось также в газете «Сталинец» (Рязань, 1956. 29 января. № 13), вошло в сборник «Сергей Есенин» (М., 1958).

Рудинский Иван Дмитриевич (1857 –?) про-

исходил из семьи священнослужителя, преподавал в рязанских духовных училищах русский и церковнославянский языки, гражданскую историю, арифметику, географию, дидактику.

* «Под венком лесной ромашки...» – Впервые: Голос жизни. Пг., 1915. № 17. 22 апреля; под заглавием «Рыбак» было опубликовано в подборке из четырех стихотворений: «Гусляр» («Темна ноченька, не спится»), «В хате» («Пахнет рыхлыми драченами»), «Богомолки» («По дороге идут богомолки»), «Рыбак» («Под венком лесной ромашки...»). Стихи сопровождалась статьей З. Н. Гиппиус «Земля и камень», в которой был четко охарактеризован поэтический талант С. Есенина: «В стихах Есенина пленяет какая-то “сказанность” слов, слитность звука и значения, которая дает ощущение простоты, – писала критик. – Если мы больше и чаще смотрим на слова (в книгах), чем слышим их звуки, – мастерство стиха приходит после долгой работы; трудно освободиться от “лишних” слов. Тут же мастерство как будто данное: никаких лишних слов нет, а просто есть те, которые

есть, точные, друг друга определяющие. Важен, конечно, талант; но я сейчас не говорю о личном таланте; замечательно, что при таком отсутствии прямой, непосредственной связи с литературой, при такой разности Есенин – настоящий, современный поэт»[18]. Это была первая рецензия на творчество С. Есенина.

Сложные взаимоотношения С. Есенина с З. Н. Гиппиус отразились в его памфлете «Дама с лорнетом» и в воспоминаниях З. Н. Гиппиус.

* *«Темна ноченька, не спится...»* – Впервые: Голос жизни. Пг., 1915. № 17. 22 апреля, под заглавием «Гусляр».

Купыри – здесь: луговая трава.

* *«Хороша была Танюша, краше не было в селе...»* – Впервые: Ежемесячный журнал. Пг., 1915. № 11. Ноябрь, под заглавием «Танюша».

Воспоминание («За окном у ворот...»). – Впервые: Чарджоуская правда. 1959. № 147. 25 июля. С. 1–8; печаталось в газете «Волжский комсомолец» (Куйбышев, 1960. № 74. 13 апреля).

Моя жизнь. – Впервые: Красная новь. 1926. № 9. Сентябрь.

Ночь («Тихо дремлет река...»). – Впервые: Юность. М., 1957. № 4. Апрель.

Восход солнца. – Впервые: Чарджоуская правда. 1959. № 148. 26 июля.

К покойнику. – Впервые: Есенин С. Собрание сочинений: в 5 т. М., 1961. Т. 1.

Зима. – Впервые: Чарджоуская правда. 1959. № 147. 25 июля. С. 1–8; печаталось в газете «Молодой сталинец» (Тбилиси, 1959. № 97. 15 августа).

Песня старика разбойника. – Впервые: Вечерний Тбилиси. Тбилиси, 1959. № 192. 15 августа.

Ночь («Усталый день склонился к ночи...»). – Впервые: Огонек. М., 1957. № 2. 6 января.

Больные думы

«Больные думы» – один из ранних рукописных сборников С. Есенина. Он включает 16 стихотворений. Впервые: Есенин и русская поэзия. Л., 1967. С. 334–341. До выхода этой книги отдельные публикации 10 стихотворений из сборника «Больные думы» помещались в газете «Литературная Россия» (М.), «Ле-

нинградская правда», «Смена» (Л.) в 1967 г.; в газете «Приокская правда» (Рязань), «Приокская новь» (Рыбное) в 1966 г.; в альманахе «Литературная Рязань» в 1955 г. По тексту, сохранившемуся в записной книжке соученика С. Есенина И. Е. Смирнова (Государственный литературный музей; Отдел рукописей; Москва).

* «Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...» – Впервые: Есенин Сергей. Радуница. Пг., 1916.

Прибаски – род частушек. В 1915 году С. Есенин собирался выпустить сборник «Рязанские прибаски, канавушки и страдания». В опубликованной подборке собранных Есениным частушек есть раздел прибасок.

* «Матушка в Купальницу по лесу ходила...» – Впервые: Есенин Сергей. Радуница. Пг., 1916. В том, что автор отнес день своего рождения (21 сентября по старому стилю) к кануну Ивана Купалы (т. е. к 23 июня по старому стилю), присутствует поэтическая условность.

Купальница – канун праздника Ивана Купалы (24 июня по старому стилю, 7 июля

по новому). Аграфена Купальница – русское название праздника святой Агриппины накануне дня Ивана Купала, т. е. Купальница приходится на 23 июня по старому стилю. Купальская ночь, по народным представлениям, одна из самых страшных в году – время разгула нечистой силы. Колдуны, ведьмы, колдуньи, оборотни считали Купальскую ночь своим праздником. Чтобы отметить его, они, по поверью, собирались вместе на Лысой Горе. В Купальскую ночь «знающие» собирали колдовские и лекарственные травы. Все люди – и взрослые и юные – могли в эту ночь гадать, узнавая свою судьбу с помощью ивановских трав и венков.

«Задымился вечер, дремлет кот на бруссе...» – Впервые: Есенин Сергей. Радуница. Пг., 1916.

Свясло – жгут соломы, которым вяжут снопы.

Поэт («Не поэт, кто слов пророка...»). – Впервые: Сталинское знамя. Рязань, 1945. № 255. 28 декабря. С. 13–20; печаталось в газете «Литературная Россия» (1993. № 15. 16 апреля).

Капли. – Впервые: Чарджоуская правда. 1959. № 148. 26 июля. С. 1–12; печаталось в журнале «Вопросы литературы» (1960. № 3).

«Грустно... Душевные муки...» – Впервые: Молодой сталинец. Тбилиси, 1959. № 97. 15 августа.

«Ты плакала в вечерней тишине...» – Впервые: Приокская правда. Рязань, 1967. № 194. 18 августа.

Это стихотворение С. Есенин написал для М. Бальзамовой (1896–1950) – подруги юности.

У могилы. – Впервые: Литературная Рязань. 1955, Кн. 1.

Береза. – Впервые: Мирок. М., [1915]. Кн. 1. Январь, под псевдонимом Аристон.

Это первое, достоверно известное в настоящее время напечатанное стихотворение поэта. Авторство Есенина установлено в 1946 году Д. Золотницким.

«Я положил к твоей постели...» – Впервые: Есенин С. Сборник сочинений: в 6 т. М.: «Художественная литература», 1980. Т. 6., в рубрике «Стихотворения, не включенные Есениным в основное собрание сочинений».

Исповедь самоубийцы. – Впервые: Сборник сочинений: в 6 т. М.: «Художественная литература», 1980. Т. 6., в рубрике «Стихотворения, не включенные Есениным в основное собрание сочинений».

Сонет. – Впервые: Жизнь. Казань, 1915. № 6–7. Февраль.

Чары. – Впервые: Молодой сталинец. Тбилиси, 1959. № 97. 15 августа.

Буря. – Впервые: Чарджоуская правда. 1959. № 148. 26 июля.

«Ты ушла и ко мне не вернешься...» – Впервые: Чарджоуская правда. 1959. № 148. 26 июля.

Бабушкины сказки. – Впервые: Доброе утро. М., 1915. № 5–6. 10 октября.

Лебедушка. – Впервые: Доброе утро. М., 1917. № 5–6. Март.

Королева. – Впервые: Доброе утро. М., 1918. № 3–4. Февраль – март.

Пороша. – Впервые: Мирок. М., 1914. Кн. 2.

Село (Из Тараса Шевченко). – Впервые: Мирок. М., 1914. Кн. 3. Март.

«Колокол дремавший...» – Впервые: Мирок. М., 1914. Кн. 4. [Апрель], под заглавием «Пас-

хальный благовест».

Кузнец. – Впервые: Путь правды. Спб., 1914. 15 мая. № 87.

С добрым утром! – Впервые: Мирок. М., 1914. Кн. 7. Июль.

Юность. – Впервые: Огонек. М., 1967. № 30. 25 июля – 1 августа.

* *«Зашумели над затоном тростники...»* – Впервые: Млечный путь. М., 1915. № 2. Февраль, под заглавием «Кручина».

Семик – седьмой четверг после Пасхи, последний четверг перед Троицей. Период между Семиком и Троицей назывался Зелеными Святками. Время особой обрядовой активности незамужних девушек и молодых. В это время устраивались праздничные шествия, гулянья, качания на качелях, кумление, хоро-воды, гадания. Обряды демонстрировали «девичью зрелость», готовность к браку и рождению детей. Именно в это время «девичья судьба» открывалась в гаданиях на венках, бросаемых в реку: утонет – не утонет.

* *«Троицыно утро, утренний канон...»* – Впервые: Ежемесячный журнал. Пг., 1915. № 6. Июнь, под заглавием «Троица».

Троица (день Святой Троицы, Пятидесятница, день сошествия Святого Духа на апостолов) – воскресенье в пятидесятый день по Пасхе. На Троицу православные храмы украшаются свежей зеленью, березовыми ветками и цветами. Повсеместно распространен обычай освящения в храме принесенной верующими зелени. В народе Троица почиталась праздником, связанным прежде всего с культом растительности. Срубленные маленькие березы и березовые ветки приносили в деревню, их украшали яркими лентами. В некоторых местностях березы наряжали в крестьянскую одежду. На растущих березах завивали, «заламывали» ветки, связывая лентами, цветами, полотенцами. Через переплетенные березовые ветки девушки «кумились», обмениваясь крестами и кольцами. На заключительном этапе празднования Троицы совершались обряды сжигания/потопления березки, похороны Костромы, Стрелы. Кроме того, Троица – долгое время единственный период в году, когда можно было хоронить и помянуть погибших без покаяния, самоубийц, умерших вдали от дома. Отсюда в стихотворе-

нии не только праздничные, но и похоронно-плачевые мотивы.

* *«Край любимый! Сердцу снятся...»* – Впервые: Биржевые ведомости. Пг., 1915. № 15290. 25 декабря. Утренний выпуск, под заглавием «Край родной».

* *«Пойду в скуфье смиренным иноком...»* – Впервые: Русская мысль. М.; Пг., 1915. № 7. Июль, под заглавием «Инок».

«Шел Господь пытать людей в любви...» – Впервые: Есенин Сергей. Радуница. Пг., 1916.

Кулижка, кулига – лесная поляна, площадка земли перед домом со стороны улицы.

Осень. – Впервые: Скифы. Спб., 1917. Сб. 1, вместе со стихотворениями «О красном вечере задумалась дорога...», «Синее небо, цветная дуга...», «О товарищах веселых...» под общим заглавием «Голубень».

Иванов Разумник Васильевич (1878–1946) – литературный критик и публицист, печатался под псевдонимом Иванов-Разумник. Есенин участвовал в изданиях, редактируемых Ивановым-Разумником.

* *«Не ветры осыпают пущи...»* – Впервые: Биржевые ведомости. Пг., 1915. № 15225. 22 но-

ября, с первой строкой «Не с бурным ветром тучи тают...».

* *В хате.* – Впервые: Голос жизни. Пг., 1915. № 17. 22 апреля, без заглавия.

Драчены – кушанье в виде блина, чаще из пшеничной муки, смазанное сверху яйцами.

Дежка – кадка, в которой месят тесто, готовят квас.

Махотка – маленький горшочек.

* «*По селу тропинкой кривенькой...*» – Впервые: Огонек. Пг., 1915. № 30. 26 июня, под заглавием «Рекруты».

Ливенка – один из видов гармоники.

* «*Гой ты, Русь, моя родная...*» – Впервые: Биржевые ведомости. Пг., 1915. № 15209. 14 ноября. Утренний выпуск.

* «*Я пастух, мои палаты...*» – Впервые: Ежемесячный журнал. Пг., 1915. № 8. Август, под заглавием «Пастух».

* «*Сторона ль моя, сторонка...*» – Впервые: Ежемесячные литературные и научно-популярные приложения к журналу «Нива». Пг., 1915. № 12. Декабрь; вместе со стихотворениями «Тебе одной плету венки...» и «Занеслись

залетною пташкой...» под общим заголовком «Русь».

* «Сохнет стаявшая глина...» – Впервые: Знамя. Пг., 1918. № 39. 4 мая.

Кто-то в солнечной сермяге // На осленке рыжем едет – По евангельскому преданию, о входе Господнем в Иерусалим, отмечаемом в Вербное воскресенье (последнее воскресенье перед Пасхой), Иисус Христос как Царь Иудейский въезжал в Иерусалим на осле (Мф. 21:1–7; Ин. 12:12). Въезд в город на осле символизировал мирный вход, в отличие от въезда на коне.

Осанна! – хвалебный возглас, означающий: «Спаси, молим!» Народ встречал этим возгласом входившего в Иерусалим Иисуса Христа.

* «Чую радуницу Божью...» – Впервые: Есенин Сергей. Радуница. Пг., 1916.

Радуница – день поминовения умерших, чаще всего отмечался во вторник после Пасхи. Радуница также называется «Пасхой мертвых». Поминовение умерших весной перед началом сельскохозяйственных работ восходит к культу предков и было призвано обеспечить покровительство предков в крестьян-

ском труде.

Богородицын покров – праздник, отмечаемый преимущественно православными 14 октября по новому стилю. В этот день вспоминается явление Богородицы во Влахернском храме Константинополя. Богородица простерла над находившимися в храме свой мафорий – плат, охранивший народ от врагов и напастей. Метафорически Покров Богородицы означает особое покровительство Божьей Матери.

* *«По дороге идут богомолки...»* – Впервые: Голос жизни. Пг., № 17. 22 апреля, под заглавием «Богомолки».

* *«Край ты мой заброшенный...»* – Впервые: Есенин Сергей. Радуница. Пг., 1916.

* *«Заглушила засуха засевки...»* – Впервые: Летопись. Пг., 1916. № 2. Февраль, под заглавием «Молебен».

* *«Черная, потом пропахшая выть!..»* – Впервые: Биржевые ведомости. Пг., 1915. № 15141. 11 октября. Утренний выпуск, под заглавием «Выть»; в сборнике «Есенин Сергей. Радуница» (1916), под тем же заглавием «Выть» с посвящением Д. В. Философову.

Философов Дмитрий Владимирович (1872–1940) – литературный критик и публицист. Познакомился с С. Есениным в марте 1915 года и помогал ему в публикации некоторых произведений.

Выть – земельный надел.

Веретье – возвышенная сухая непоемная гряда среди болот или близ берега.

Кукан – отмель на реке.

* «*Топи да болота...*» – Впервые: Есенин Сергей. Радуница. Пг., 1916.

Микола. – Впервые: Биржевые ведомости. Пг., 1915. № 15047. 25 августа.

Микола – святой Николай, архиепископ Мир Ликийских, почитается как чудотворец, оказывающий особое покровительство путешественникам, морякам, купцам и детям. Путешествие Миколы по Руси охватывает период от дня «вешнего», весеннего – 22 мая по новому стилю, до Николая осеннего – 19 декабря. По русским народным поверьям, святой Николай – крестьянский святой, покровитель урожая и мужицкий заступник. Народные легенды приписывают святому Николаю особую доброту и милость, за что его память

празднуют два раза в году.

Стягловица (*стегольница*) – веревка или бечевка для затягивания чего-либо.

Охлопья – от: охлопать (отрясти, отряхнуть).

Лузга – здесь: мякина.

В честь угодника Миколы // Сеют рожью на снегу – народный обычай (распространенный, в частности, и в Рязанской губернии) состоял в следующем: в ночь на 19 декабря (6 декабря по старому стилю), перед церковным праздником памяти святого Николая, люди рассыпали по снегу зерно ржи, чтобы умилостивить святителя для обеспечения будущего урожая.

Окосье – рукоятка косы, косовище.

Косница – украшение девичьей косы.

Егорий. – Впервые: Есенин С. Стихотворения и поэмы. Л., 1956. Библиотека поэта; Серия Б.

Егорий – святой Георгий, особо почитаемый русским народом святой воин. В основу стихотворения положены представления о Егории как покровителе домашнего скота, которому подчиняются дикие звери, прежде

всего волки. На день святого Георгия, Егорьев день – 23 апреля по старому стилю, 6 мая по новому, крестьяне при теплой весне могли впервые выпускать домашний скот на открытое пастбище. При первом выгоне хозяева обращались к святому за помощью с молитвами и заговорами, в которых святому приписывалась возможность силой слова усмирять лесных хищников. Распространенности поверия о силе святого Георгия способствовала иконография самого известного чуда святого – «Чуда о змие». На иконах с этим сюжетом святой Георгий изображается всадником на белом коне с копьем, вонзенным в змея-дракона.

Лохманида (обл. ряз.) – здесь: схватка, драка.

Планида – в гороскопическом смысле – судьба.

Громовень – громовой рев, шум.

Молитва матери. – Впервые: Проталинка. М., 1914. № 10. Октябрь.

Богатырский посвист. – Впервые: Новь. М., 1914. № 122. 23 ноября.

Бельгия. – Впервые: Марс. М., 1915. № 1.

1 января.

Сиротка. – Впервые: Мирок. М., 1914. Кн. 12. 12 декабря.

Узоры. – Впервые: Друг народа. М., 1915. № 1. Январь.

Что это такое? – Впервые: Мирок. М., [1915]. Кн. 1. [Январь].

Ямщик. – Впервые: Красная газета. Л., 1925. № 137. 14 июня.

Русь. – Впервые: Северные записки. Пг., 1915. № 6–7.

Одно из первых произведений С. Есенина, получивших публичную известность.

Сотский – в царской России низший полицейский чин в деревне, выбираемый из крестьян.

Ус. – Впервые: Дело народа. Пг., 1917. № 37. 30 апреля.

Краснёвый (краснётый) – красноватый.

Удалец. – Впервые: Вечерний Тбилиси. 1959. № 192. 15 августа.

«*Вечер, как саж...*» – Впервые: Нева. М.; Л., 1955. № 3. Июнь.

Гасница – маленькая керосиновая лампа без стекла, коптилка; здесь: пламя гасницы.

Тропарь – молитвенное песнопение.

«*Прячет месяц за овинами...*» – Впервые: Есенин С. Избранное. М., 1952.

«*По лесу леший кричит на сову...*» – Впервые: Костер. Л., 1946. № 7. Июль.

«*За рекой горят огни...*» – Впервые: Есенин С. Избранное. М., 1952.

Летошний – прошлогодний, относящийся к прошлому лету или году.

Корогод – хоровод.

Молотьба. – Впервые: Костер. Л., 1946. № 7. Июль.

«*На лазоревые ткани...*» – Впервые: Русская мысль. М.; Пг., 1915. Кн. 7. Июль.

«*На небесном синем блюде...*» – Впервые: Красная новь. 1926. Кн. 5. Май.

Греция. – Впервые: Огниво. М., 1915. № 6–8.

Ахиллес (Ахилл) – в древнегреческой мифологии герой Троянской войны, описанной в поэме Гомера «Илиада».

Патрокл – друг Ахиллеса. Вместе с ним участвовал в Троянской войне. Убит Гектором.

Гектор – один из главных троянских героев, старший сын царя Трои Приама, погиб

в единоборстве с Ахиллесом.

Андромаха – супруга Гектора, образ верной и любящей жены.

Будь Сербии сестрою... – православная Сербия первой приняла на себя удар австро-венгерских и немецких войск в августе 1914 г.

Сои (соя) – устаревшее название сойки, лесной перелетной птицы с пестрым оперением и резким скрипучим голосом.

Польша. – Впервые: Огниво. М., 1915. № 6–8.

Стихотворение написано в связи с началом оккупации Польши (Польского Королевства, входившего с 1815 г. в состав Российской империи) немецкими и австро-венгерскими войсками в Первую мировую войну.

Костюшко Тадеуш (1746–1817) – польский политический и военный деятель, руководитель Польского восстания 1794 г.

Черемуха. – Впервые: Мирок. М., [1915]. Кн. 3. [Март].

Рюрику Ивневу («Я одену тебя побиружской...»). – Впервые: Вечерняя Москва. 1928. № 215. 15 сентября.

Ивнев Рюрик (Ковалев Михаил Александрович; 1891–1981) – поэт, прозаик, переводчик,

входил в литературную группу имажинистов, один из друзей С. Есенина.

Прибаска – красное словцо, прибаутка; здесь: частушка.

Цевна (цевница) – народный духовой и музыкальный инструмент, род свирели.

«*О дитя, я долго плакал над судьбой твоей...*» – Впервые: Парус. М., 1915. № 2. [Март – апрель].

Побирушка. – Впервые: Доброе утро. М., 1915. № 16. 25 апреля.

Девичник. – Впервые: Ежемесячный журнал. Пг., 1915. № 6. Июнь.

Город. – Впервые: Звезда. Л., 1975. № 4. Апрель.

«*Укрыльца в худой логушке деготь...*» – Впервые: Звезда. Л., 1975. № 4. Апрель.

Логушка – небольшой деревянный бочонок с боковым отверстием (для дегтя).

Шкворень – болт, стержень, на котором поворачивается передок всякой повозки.

Канка (ряз. и тамб. диалект) – индюшка, индейка.

Старухи. – Впервые: Звезда. Л., 1975. № 4. Апрель.

Гашник – веревочка, шнурок, тесьма.

«*Я странник убогий...*» – Впервые: Есенин Сергей. Радунца. Пг., 1916.

Кубетка (обл. ряз.) – временное убежище, конура, шалаш.

Разбойник. – Впервые: Свирель: Третий альманах молодой поэзии. Пг.; Томск, 1917.

Ножница (обл. ряз.) – деревянный или кожаный футляр для ножа.

«*Алый мрак в небесной черни...*» – Впервые: Биржевые ведомости. Пг., 1915. № 15169. 25 октября.

Кошница – корзинка, кошель.

...к правде сошьего креста... – рукоять сохи имела форму креста.

...светом книги голубиной – Голубиная книга – народный духовный стих об упавшей с небес на землю в Иерусалиме огромной книге. Стих построен в вопросно-ответной форме. В нем обсуждаются наиболее насущные темы: от чего зачался у нас белый свет? от чего взяты тела наши? Знание, содержащееся в Голубиной книге, источает свет прояснения самых важных для средневекового религиозного сознания вопросов.

«Белая свитка и алый кушак...» – Впервые: Есенин Сергей. Радуница. Пг., 1916.

Шигая – скрывааясь.

Плясунья. – Впервые: Кубанская мысль. Екатеринодар, 1915. № 60. 29 ноября.

«В лунном кружеве украдкой...» – Впервые: Биржевые ведомости. Пг., 1915. № 15267. 13 декабря.

Мария Магдалина – христианская святая, последовательница Иисуса Христа. В православии почитается как равноапостольная и одна из жен-мироносиц. По свидетельствам евангелистов, Мария Магдалина следовала за Христом, присутствовала при Распятии и была свидетельницей Воскресения.

«Тебе одной плету венок...» – Впервые: Ежемесячные литературные и научно-популярные приложения к журналу «Нива». Пг., 1915. № 12. Декабрь, вместе со стихотворениями «Сторона ль моя, сторонка...» и «Занеслися залетною пташкой...» под общим заголовком «Русь».

Куга – болотное растение, озерный камыш.

Смирна – благовонная смола, употребляемая при богослужениях.

Ливан – здесь: ладан.

«*Занеслись залетною пташкой...*» – Впервые: Ежемесячные литературные и научно-популярные приложения к журналу «Нива». Пг., 1915. № 12. Декабрь, вместе со стихотворениями «*Сторона ль моя, сторонка...*» и «*Тебе одной плету венок...*» под общим заголовком «*Русь*».

Часослов – сборник текстов ежедневных молитв, богослужений.

Колдунья. – Впервые: *Весь мир*. Пг., 1915. № 51. Декабрь.

Поминки. – Впервые: Есенин Сергей. *Радуница*. Пг., 1916.

Коливо – поминальное блюдо – каша из риса или пшена, пшеницы с изюмом, кутья.

Епитрахиль – часть облачения священника православной церкви в виде длинной ленты, надеваемой на шею.

Дед. – Впервые: Есенин Сергей. *Радуница*. Пг., 1916.

Жамковая слюда (жамка – пряник) – глазурь на прянике.

«*Наша вера не погасла...*» – Впервые: *Дело народа*. Пг., 1917. № 11. 28 марта, с пометкой:

«1915 г.».

Русалка под Новый год. – Впервые: Ростовская речь. Ростов-на-Дону, 1916. № 6. 1 января, с пометкой: «Петроград».

...русалкой вернуся весною – по народным представлениям, русалки – девушки и дети, умершие неестественной смертью, – не уходили в мир предков. Особенно активными русалки становились в Русальную неделю – период, предшествующий Троице или следующий за ней. Русалки особенно опасны для одиноких парней, которых они могут зацекотать или заласкать до смерти.

«Туча кружево в роще связала...» – Впервые: Есенин Сергей. Радуница. Пг., 1916.

* «На плетнях висят баранки...» – Впервые: Есенин Сергей. Радуница. Пг., 1916, под заглавием «Базар».

* «В том краю, где желтая крапива...» – Впервые: Ежемесячный журнал. Пг., 1916. № 9–10. Сентябрь – октябрь.

Свей – волнистая рябь на песке, образуемая ветром.

Корова. – Впервые: Северные записки. Пг., 1916. № 9. Сентябрь.

Табун. – Впервые: Скифы. Спб., 1918. Сб. 2.

Гамаюн – сказочная птица-вещунья с человеческим лицом.

Песнь о собаке. – Впервые: Советская страна. М., 1919. № 3. 10 февраля, под заглавием «Песня о собаке».

Лисица. – Впервые: Биржевые ведомости. 1916. № 15314. 10 января. В сборнике стихов С. Есенина «Голубень» впервые появилось посвящение А. М. Ремизову.

Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957) – писатель. С. Есенин познакомился с ним в Петрограде в марте 1915.

«Не в моего ты Бога верила...» – Впервые: Петроградский вечер. 1916. № 236. 7 февраля.

«Закружилась пряжа снежистого льна...» – Впервые: Петроградский вечер. 1916. № 239. 10 февраля.

«Скупались звезды в невидимом бредне...» – Впервые: Северная звезда. Пг., 1916. № 4. Февраль.

* *«Весна на радость не похожа...»* – Впервые: Пряник осиротевшим детям. Пг., 1916.

* *«Гаснут красные крылья заката...»* – Впервые: Страда. Пг., 1916. [Кн. 1], под назва-

нием «Теплый вечер».

На память Мише Мурашову. – Впервые: Есенин С. Собрание сочинений: в 5 т. М., 1962. Т. 5.

Мурашов (Мурашев) Михаил Павлович (1884–1957) – писатель, издательский работник, картограф, один из самых первых друзей С. Есенина в Петрограде.

«Дорогой дружнице Миша...» – Впервые: Путь Ленина. Ртищево, 1960. № 65. 29 мая.

Нищий с паперти. – Впервые: Северная звезда. Пг., 1916. № 8. 15 апреля.

Куканьшей – от кукан; здесь: узкая полоса отмели на реке.

«Устал я жить в родном краю...» – Впервые: Северные записки. Пг., 1916. № 9. Сентябрь.

* *«За горами, за желтыми долами...»* – Впервые: Ежемесячный журнал. Пг., 1916. № 4. Апрель, с посвящением «Анне Сардановской».

Сардановская Анна Алексеевна (1896–1921) – внучатая племянница священника села Константинова Ивана (И. Я. Смирнова), первая любовь поэта. Она сыграла

не только самую первую «женскую роль» в его жизни, но и явилась тем поэтическим зерном, из которого в дальнейшем выростала основная ветвь есенинской любовной лирики. Письма С. Есенина А. Сардановской в большинстве утеряны.

«Запели тесаные дроги...» – Впервые: Биржевые ведомости. Пг., 1916. № 15503. 17 апреля. Утренний выпуск.

«Месяц рогом облако бодает...» – Впервые: Весь мир. Пг., 1916., № 16. Апрель.

«Еще не высох дождь вчерашний...» – Впервые: Пряник осиротевшим детям. Пг., 1916, сборник в пользу убежища общества «Детская помощь».

* *«Я снова здесь, в семье родной...»* – Впервые: Творчество. М.; Пг., 1917. Кн. 1.

«В зеленой церкви за горой...» – Впервые: Нива. Спб., Прил., 1916. № 10. Октябрь.

«Даль подернулась туманом...» – Впервые: Красная новь. 1926. № 7. Июль, с датой «Июнь 1916».

* *«За темной прядью перелесицу...»* – Впервые: Северные записки. Пг., 1916. № 9. Сентябрь.

Треба – богослужение, которое совершается по просьбе верующих.

«*Слушай, поганое сердце...*» – Впервые: На литературном посту. М., 1926. № 4. Май; вошло в сборник «Есенин. Жизнь. Личность. Творчество» (М., 1926; факсимильное воспроизведение автографа).

«*В глазах пески зеленые...*» – Впервые: Красная газета. Л., 1926. № 137. 14 июня; вошло в сборник «Памяти Есенина» (М., 1926; факсимиле датированного автографа с посвящением «Мальвине Мироновне. – С. Есенин»).

«*Небо сметаной обмазано...*» – Впервые: Памятка о Сергее Есенине. 4/10 1895–28 XII 1925. М., 1926; факсимиле датированного автографа.

Исус-Младенец. – Впервые: Ежемесячный журнал. Пг., 1916. № 12. Декабрь.

«*В багровом зареве закат шипуч и пенен...*» – Впервые: Волжская коммуна. Куйбышев, 1960. № 204. 27 августа.

«*Без шапки, с лыковой котомкой...*» – Впервые: Биржевые ведомости. Пг., 1916. № 15741. 15 (28) августа. Утренний выпуск.

Елей – освященное, чаще всего оливковое,

масло с благовониями, применяемое в церковных обрядах.

«День ушел, убавилась черта...» – Впервые: Ежемесячный журнал. Пг., 1916. № 11. Ноябрь.

* *«Опять раскинулся узорно...»* – Впервые: Ежемесячный журнал. Пг., 1916. № 9–10. Сентябрь – октябрь.

Мечта (Из книги «Стихи о любви»). – Впервые: Нива. Пг., 1918. № 3. 20 января.

«Стихи о любви» – книга С. Есенина под таким названием не выходила и каких-либо сведений о ней не найдено.

«Синее небо, цветная дуга...» – Впервые: Скифы. Спб., 1917. Сб. 1.

* *«Не бродить, не мять в кустах багряных...»* – Впервые: Земля и воля. Пг., 1917. № 148. 21 сентября.

«О красном вечере задумалась дорога...» – Впервые: Скифы. Спб., 1917. Сб. 1.

Поветь – крыша над нежилым строением, навес или помещение над скотным двором, где хранили сено и утварь.

* *«О товарищах веселых...»* – Впервые: Скифы. Спб., 1917. Сб. 1.

Парагуш – дымка, туман над водой.

Пожня – покос.

Лития – род богослужения, совершаемого вне храма или в притворе его.

«*Прощай, родная пуща...*» – Впервые: Знамя труда. М., 1917. № 107. 30 декабря.

Сошник – сошный лемех.

«*Покраснела рябина...*» – Впервые: Скифы. Спб., 1918. Сб. 2.

Вой – воин.

Вольга – Вольга Всеславьевич, герой русских былин. Один из старших богатырей, в образе которого и сюжетах о котором сохранилось множество архаических черт. Обстоятельства рождения Вольги (мать зачала его от змея, случайно наступив на него), быстрый рост, необыкновенные знания и умения (в частности, оборотничество в «ясного сокола» или «гнедого тура – золотые рога») отличают этого богатыря от младших богатырей.

* «*Твой глас незримый, как дым в избе...*» – Впервые: Скифы. Спб., 1918. Сб. 2.

«*Там, где вечно дремлет тайна...*» – Впервые: Скифы. Спб., 1918. Сб. 2.

«*Тучи с ожерёба*». – Впервые: Вечерняя звезда. Пг., 1918, 26 января.

Назарет – город в Галилее, где жил и начал проповедовать свое учение Христос.

Новый Симеон – в данном случае, возможно, Симеон Богоприимец, праведник, воспринявший вместе с пророчицей Анной младенца Христа в храме (Лк. 2:29–32).

«То не тучи бродят за овином...» – Впервые: Новая жизнь. Пг., 1917. № 210. 24 декабря.

«Пушистый звон и руга...» – Впервые: Знамя труда. Пг., 1918. № 113. 7 (20) января.

Руга – церковная земля и угодыя.

Завьялый – занесенный (завеянный) снегом, песком.

Голубень. – Впервые: Земля и воля. Пг., 1917. № 156. 30 сентября.

«Ночь и поле, и крик петухов...» – Впервые: Ежемесячный журнал. Пг., 1917. № 11–12. Ноябрь – декабрь.

«О край дождей и непогоды...» – Впервые: Скифы. Спб., 1918. Сб. 2.

«Снег, словно мед ноздреватый...» – Впервые: Голос трудового крестьянства. 1918. № 157. 26 июня.

...преполовенской водой – Преполовенская вода – вода, освященная в церкви во время

христианского праздника Преполовения (среда четвертой недели после Пасхи). Эта вода считалась целебной.

Дамаскин Иоанн – византийский философ, богослов и поэт (VI–VII вв. н. э.), причислен церковью к лику святых.

«*Колокольчик среброзвонный...*» – Впервые: Скифы. Спб., 1918. Сб. 2.

«*К теплomu свету, на отчий порог...*» – Впервые: Интимный журнал. [Пг. – Киев], 1917. № 1. Март.

«*Разбуди меня завтра рано...*» – Впервые: Вечерняя звезда. Пг., 1918. № 25. 5 марта.

Товарищ. – Впервые: Дело народа. Пг., 1917. № 58. 26 мая.

Марсово поле – место торжественного захоронения жертв Февральской революции 1917 г. (Петроград).

Певущий зов. – Впервые: Дело народа. Пг., 1917. № 86. 28 июля.

«*Есть светлая радость под сенью кустов...*» – Впервые: Во имя свободы. Пг., 1917. 25 мая.

«*О Русь, взмахни крылами...*» – Впервые: Скифы. Спб., 1918. Сб. 2, под заглавием «Нико-

лаю Клюеву». Там же эпиграф:

*Я верю: под одной звездой
С тобой мы были рождены.*

М. Л.

(неточная цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Графине Ростопчиной»).

Клюев Николай Алексеевич (1884–1937) – поэт, друг С. Есенина.

Чапыгин Алексей Павлович (1870–1937) – прозаик, писавший в то время о жизни северной деревни. Познакомился с Есениным в 1915 г.

Отчарь. – Впервые: Дело народа. Пг., 1917. № 151. 10 сентября.

Отчарь – есенинский неологизм.

Огневик – кремень; здесь, скорее всего, в переносном смысле: человек крепкого закала, твердой веры.

Ятаг – новообразование от слова «ятаган» (кривой кинжал).

Аника – Аника-воин, герой лубочных сказок и картинок; разоритель церквей и монастырей.

Акатуй – рудники близ Нерчинска, место каторжных работ.

Сычёный – подслащенный сытой (медовым взваром).

«Гляну в поле, гляну в небо...» – Впервые: Скифы. Спб., 1918. Сб. 2.

«Не напрасно дули ветры...» – Впервые: Скифы. Спб., 1918. Сб. 2.

«Под красным вязом крыльцо и двор...» – Впервые: Скифы. Спб., 1918. Сб. 2.

«Проплясал, проплакал дождь весенний...» – Впервые: Скифы. Спб., 1918. Сб. 2.

«Не от холода рябинушка дрожит...» – Впервые: Ежемесячный журнал. Пг., 1917. № 7–10. Июль – октябрь.

«Заря над полем – как красный тын...» – Впервые: Скифы. Спб., 1918. Сб. 2.

Октоих. – Впервые: Знамя труда. М., 1918. № 174. 7 апреля (25 марта).

Октоих (букв. восьмигласник) – одна из богослужебных книг православной церкви, содержащая песнопения чинопоследования общественного богослужения в будни и праздники. Эти песнопения делятся на восемь гласов или напевов. Есенин метафорически пе-

реосмыслил это наименование.

«*Небо ли такое белое...*» – Впервые: Поэты наших дней. Антология. М., 1924. С. 30, с датой «1917».

Стихотворение связано с поездкой С. Есенина на Север в 1917 году.

Умба – пристань на побережье Белого моря в Кандалакшском заливе.

Пропаший месяц. – Впервые: Есенин С. «Голубень». Спб., 1918; вошло в издание «Знамя труда: Временник литературы, искусства и политики» (М., 1918. № 1. Июнь).

О родина! – Впервые: Свободный журнал. Пг., 1917. № 6. Декабрь.

«*Заметает пурга...*» – Впервые: Новая жизнь. Пг., 1917. № 210. 24 декабря (6 января 1918 по новому стилю).

Коляда – старинный рождественский и новогодний обряд с песнями, играми, обходом соседей. Заходя в дом, колядовщики пели песни, в которых чудесным образом описывали хозяйство, хозяев и их домочадцев. Само это описание выполняло функцию благопожелания, за которое колядовщики требовали платы – пирогов и пр. Если угощения не следова-

ло или же его сочли скудным, колядовщики могли магически угрожать скупым хозяевам.

Пришествие. – Впервые: Знамя. Пг., 1918. № 141. 24 (11) февраля.

...не в суд или во суждение – последние слова молитвы ко святому причастию (пятой) святого Василия Великого («Православный богослужебный сборник». М., 1991. С. 338).

Елеон – гора вблизи Иерусалима; место беседы Иисуса Христа с апостолами и его вознесения (Деян. 1, 9–12).

Медведица – здесь: созвездие в Северном полушарии (Большая Медведица); состоит из семи звезд, образующих фигуру в виде ковша.

Преображение. – Впервые: Знамя труда. М., 1918. № 179. 13 апреля (31 марта); было напечатано также в журнале «Наш путь» (Пг., 1918. № 1. 13 апреля).

Егудиил (Иегудиил) – архангел, в обязанности которого входит укрепление веры христиан и ходатайство перед Богом о воздании им по вере их.

Лот – житель Содома, за его праведность спасенный Богом перед уничтожением горо-

да.

Осенница – дождливая, холодная погода.

Омеж – лемех, сошник.

Зиждитель – создатель, творец.

«*О Матерь Божья...*» – Впервые: Рабочий мир. М., 1918. № 7. 23 июня; вошло в «Литовское приложение», № 1, к газете «Известия ВЦИК» (М., 1918. № 180. 22 августа), в сборник «Иорданская голубица» как ее третья часть.

«*Где ты, где ты, отчий дом...*»; с. 196. «*Нивы сжаты, рощи голы...*»; с. 197. «*Я по первому снегу бреду...*» – Впервые: Вечерние известия Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 1918. № 56. 26 сентября.

«*О верю, верю, счастье есть!..*» – Впервые: Рабочий мир. М., 1918. № 18. 24 ноября.

«*О муза, друг мой гибкий...*» – Впервые: С. А. Есенин. Преображение. «Московская трудовая артель художников слова», II год I века, 1918.

Разумниковый лик – речь идет о Иванове-Разумнике.

«*Песни, песни, о чем вы кричите?..*» – Впервые: С. А. Есенин. Преображение. «Московская трудовая артель художников слова», II год

I века, 1918.

«*О пашни, пашни, пашни...*» – Впервые: С. А. Есенин. Преображение. «Московская трудовая артель художников слова», II год I века, 1918.

«*Серебристая дорога...*» – Впервые: С. А. Есенин. Преображение. «Московская трудовая артель художников слова», II год I века, 1918.

«*Отвори мне, страж заоблачный...*» – Впервые: С. А. Есенин. Преображение. «Московская трудовая артель художников слова», II год I века, 1918.

Инония. – Впервые: Наш путь. Пг., 1918. № 205. 19 (6) мая.

Пророк Иеремия – один из ветхозаветных пророков.

Проклинаю я дыхание Китежа – речь идет о творческой и мировоззренческой полемике с Н. А. Клюевым рубежа 1917–1918 гг.

Индикоплов Козьма (Косма) – византийский купец и путешественник (VI в. н. э.).

Олипий – Олипий Печерский, древнейший русский иконописец (XII в.).

Слава в вышних Богу и на земле мир

– см.: Евангелие от Луки (2, 14); при богослужении эти слова предшествуют шестопсалмию на утрени.

Радуйся, Сионе – начало стихиры на «Господи воззвах», поющейся на 8-й глас субботнего богослужения малой вечерни («Православный богослужебный сборник», М., 1991. С. 145).

Сион – гора в Иерусалиме, символически – Царство Божье на небесах и на земле.

Сельский часослов. – Впервые: Знамя труда. М., 1918. № 224. 11 июня.

Часослов – книга с текстами церковных ежедневных служб.

Чернявский Владимир Степанович (1889–1948) – поэт, артист, один из петроградских друзей Есенина.

Третий завет – после книг Священного Писания Ветхого Завета и Нового Завета, составляющих Библию.

Израмистил – это имя Есенин составил из слов: «изографство» и «мистическое». Поэт считал, что искусство в некоторой степени должно быть связано с мистической образностью, с загадками языка. В письме к Ивано-

ву-Разумнику (май 1922) писал: «И даже в поэме “Сельский часослов” назвал это мое брожение “Израмистил”. Тогда мне казалось, что это мистическое изографство. Теперь я просто говорю, что это эпоха двойного зренья, оправданная двойным слухом моих отцов, создавших “Слово о полку Игореве...”».

Иорданская голубица. – Впервые: Известия Рязанского губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов. 1918. № 170. 18 августа; печаталось в газете «Известия ВЦИК» (М., 1918. 22 августа).

Иорданская голубица – праисточник этого образа в Новом Завете. Когда Иисус был крещен Иоанном в реке Иордан и вышел из воды, то «увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как голубь, и спускался на Него» (Евангелие от Матфея 3, 16).

Апостол Андрей – один из двух учеников Иоанна Крестителя, последовавших за Иисусом (Евангелие от Иоанна 1, 40). Предание приписывает апостолу Андрею путешествие по России, проповедь христианства язычникам в Киеве и воздвижение креста на Киевских горах.

Тень Маврикии – т. е. тень дуба Мамре. Маврикийский дуб, дуб Мамре – место, где «явились Аврааму Три Странника» (Бытие 18, 1–9). Явление трех ангелов Аврааму трактуется как явление Святой Троицы.

«*И небо и земля все те же...*» – Впервые: Советская страна. М., 1919. № 2. 3 февраля.

Ложноклассическая Русь (в черновом автографе – ложноотеческая) – дореволюционная Россия.

Езекиильский глас ветров – пророческий глас; от имени Иезекииля, третьего из четырех библейских пророков Ветхого Завета. В пророчествах Иезекииля – разнообразные таинственные видения и символы.

Мрежа (мережа) – рыболовная снасть.

«*Зеленая прическа...*» (Кашиной Л. И.) – Впервые: С. А. Есенин. Преображение. «Московская трудовая артель художников слова», II год I века, 1918.

Кашина Лидия Ивановна (1886–1937) – до 1918 г. владела помещьем в селе Константинове. Считается одним из прототипов главной героини поэмы С. Есенина «*Анна Снегина*».

«*Не стану никакую...*» – Впервые: Коммунист. Ереван, 1959. № 205. 30 августа.

«*Вот оно, глупое счастье...*» – Впервые: Преображение. 1918.

«*Я покинул родимый дом...*» – Впервые: Борьба. Харьков, 1920. № 57. 29 февраля.

«*Закружилась листва золотая...*» – Впервые: Москва. М., 1920. № 4.

«*Теперь любовь моя не та...*» – Впервые: Есенин С. Трерядница. М., 1920.

Есть мнение, что стихотворение было написано в 1919 г. или в начале 1920 г.

«*Хорошо под осеннюю свежесть...*» – Впервые: Борьба. Харьков, 1920. № 63. 7 марта.

По свидетельству А. Б. Мариенгофа, стихотворение написано зимой 1919 г., когда Есенин из-за холода в квартире поселился в ванной комнате, несмотря на протесты жильцов коммунальной квартиры. Отсюда появились строки:

*Никого не пущу я в горницу,
Никому не открою дверь.*

Небесный барабанищик. – Впервые: Всеобуч и спорт. Обл.: «Красный всеобуч. Октябрь».

М., 1919. № 1.

Старк Леонид Николаевич (1889–1937) – литератор, журналист, в 1919 г. соредактор газеты «Советская страна», где печатался С. Есенин; позднее служил на дипломатической работе.

Акrostих Рюрику Ивневу. – Впервые: Вечерняя Москва. 1926. № 83. 12 апреля.

«В час, когда ночь воткнет...» – Впервые: Вечерняя Москва. 1926. № 134. 14 июня; печатался в газете «Красная новь» (1926. № 6. Июнь), под текстом дата: «1919, январь».

«О Боже, Боже, эта глубь...» – Впервые: Сирена. Воронеж, 1919. № 4–5. 30 января.

«Вот такой, какой есть...» – Впервые: Красная новь. 1926. № 6. Июнь, под текстом дата: «1919, февраль».

Пантократор. – Впервые: Советская страна. М., 1919. № 4. 17 февраля, с посвящением Р. Ивневу.

Рюрик Ивнев оставил мемуарную заметку «Как Есенин посвятил мне “Пантократор”».

Пантократор (греч.) – всевластитель, вседержитель.

«Душа грустит о небесах...» – Впервые:

Жизнь и творчество русской молодежи. М., 1919. № 34–35. 1 июня, под заглавием «А. Кусикову».

Кусиков Александр Борисович (1896–1977) – поэт, один из членов группы имажинистов.

В апреле 1919 г. написал стихотворение «Кудри день. – Это ты в гранях города гость...», посвятив его Есенину.

Кобыльи корабли. – Впервые: Харчевня зорь. М., 1920.

Хулиган. – Впервые: Знамя. М., 1920. № 5. Ноябрь.

«*Ветры, ветры, о снежные ветры...*» – Впервые: Есенин С. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1978. Т. 4. С. 158. Стихотворение включалось в невышедший сборник стихотворений Есенина «Руссеянь» (изд-во «Альциона», 1920) и было зачеркнуто поэтом уже в сверстанном виде. Стихотворение входило также в сборник «Телец» (1920), выпуск которого также не состоялся.

«*Я последний поэт деревни...*» – Впервые: Есенин С. Трерядница. М., 1920.

Мариенгоф Анатолий Борисович (1897–1962) – поэт, драматург, теоретик има-

жинизма, один из близких друзей С. Есенина в 1919–1922 гг.

«По-осеннему кычет сова...» – Впервые: Знамя. М., 1920. № 3–4. Май – июнь.

Сорокоуст. – Впервые: Имажинисты. М., 1921, фактически декабрь 1920.

Сорокоуст – особый вид молитвенного поминовения, совершаемый церковью ежедневно в течение сорока дней. Каждый день в течение этого срока на литургии за поминаемого из просфоры вынимается частичка. Сорокоусты обычно заказывают по только что усопшим – новопреставленным – одновременно с отпеванием. Сорокоусты заказываются и о здравии, особенно о тяжелобольных.

Исповедь хулигана. – Впервые: Есенин С. Исповедь хулигана. М., 1921.

Песнь о хлебе. – Впервые: Звездный бык. М., 1921.

«Мир таинственный, мир мой древний...» – Впервые: Культура и жизнь. М., 1922. № 2–3. 1–15 марта, под заглавием «Волчья гибель».

«Сторона ль ты моя, сторона!..» – Впервые: Накануне. Берлин, 1922. № 46 (Литературное приложение № 4). 21 мая.

«Не жалею, не зову, не плачу...» – Впервые: Красная новь. М., 1922. № 2. Апрель, с посвящением «Сергею Клычкову».

Клычков Сергей Антонович (1889–1937) – поэт и прозаик, друг Есенина, член «Московской трудовой артели художников слова», под маркой которой, в частности, вышла в конце 1918 г. книга поэм Есенина «Сельский часослов», также посвященная Клычкову.

«Все живое особой метой...» – Впервые: Накануне. Берлин, 1922. № 40 (Литературное приложение № 3). 14 мая.

Прощание с Мариенгофом. – Впервые: Гостиница для путешественников в прекрасном. М., 1922. № 1. Ноябрь.

«Не ругайтесь. Такое дело!..» – Впервые: Огонек. М., 1923. № 26. 23 сентября.

«Я обманывать себя не стану...» – Впервые: Красная новь. М., 1923. № 6. Октябрь – ноябрь.

«Да! Теперь решено. Без возврата...» – Впервые: Есенин С. Стихи скандалиста. Берлин, 1923.

«Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» – Впервые: Есенин С. Стихи скандалиста. Бер-

лин, 1923.

«Сыпь, гармоника. Скука... Скука...» – Впервые: Есенин С. Стихи скандалиста. Берлин, 1923.

«Пой же, пой. На проклятой гитаре...» – Впервые: Есенин С. Стихи скандалиста. Берлин, 1923; здесь же был включен цикл «Москва кабацкая».

«Грубым дается радость...» – Впервые: Есенин С. Стихи (1920–24). М.; Л., 1924, в разделе «Москва кабацкая».

«Эта улица мне знакома...» – Впервые: Красная новь. М., 1923. № 6. Октябрь – ноябрь.

«Мне осталась одна забава...» – Впервые: Гостиница для путешественников в прекрасном. М., 1924. № 1 (3).

«Заметался пожар голубой...» – Впервые: Красная нива. М., 1923. № 41. 14 октября.

В книге «Москва кабацкая» (1924) это стихотворение открывает цикл из семи стихотворений «Любовь хулигана», посвященный Августе Миклашевской.

Миклашевская Августа Леонидовна (1891–1977) – в то время актриса Камерного театра. Оставила воспоминания о Есенине.

«Ты такая ж простая, как все...» – Впервые: Красная нива. М., 1923. № 41. 14 октября.

«Пускай ты выпита другим...»; с. 261. *«Дорогая, сядем рядом...»* – Впервые: Красная новь. М., 1923. № 7. Декабрь.

«Мне грустно на тебя смотреть...»; с. 263. *«Ты прохладой меня не мучай...»* – Впервые: Русский современник. Л.; М., 1924. № 2.

«Вечер черные брови насопил...» – Впервые: Красная новь. М., 1924. № 1. Январь – февраль.

Папиросники. – Впервые: Красная нива. М., 1926. № 9. 27 февраля. Под стихотворением помета: «1923 г.».

«Я усталым таким еще не был...» – Впервые: Гостиница для путешественников в прекрасном. М., 1924. № 1 (3).

«Годы молодые с забубенной славой...» – Впервые: Красная новь. М., 1924. № 3. Апрель – май.

Письмо матери. – Впервые: Красная новь. М., 1924. № 3. Апрель – май.

Мать поэта – Татьяна Федоровна Есенина (1875–1955).

«Мы теперь уходим понемногу...» – Впервые: Красная новь. М., 1924. № 4. Июнь – июль,

под заглавием «Памяти Ширяевца».

Ширяевец (Абрамов Александр Васильевич; 1887–1924) – поэт, один из друзей С. Есенина.

Пушкину. – Впервые: Бакинский рабочий. 1924. № 217. 25 сентября. Написано к 125-летию со дня рождения А. С. Пушкина. 6 июня 1924 г. С. Есенин прочел его публично у памятника Пушкину на Тверском бульваре в Москве.

«Издатель славный! В этой книге...» – Впервые: Красная газета. Л., 1925. № 316. 31 декабря. Вечерний выпуск.

Возвращение на родину. – Впервые: Красная новь. М., 1924. № 4. Июнь – июль, под заглавием «На родине» с посвящением А. Сахарову.

Сахаров Александр Михайлович (1894–1952) – издательский работник, один из близких друзей Есенина. Познакомился с ним в Москве в 1919 г., помогал Есенину в издательских делах.

Дед – Титов Федор Андреевич (1846–1927), дед С. Есенина по матери.

Русь советская. – Впервые: Красная новь. М., 1924. № 5. Август – сентябрь.

Волость – здесь: здание сельского административного правления.

«Этой грусти теперь не рассыпать...» – Впервые: Бакинский рабочий. 1924. № 217. 25 сентября.

«Низкий дом с голубыми ставнями...» – Впервые: Бакинский рабочий. 1924. № 218. 26 сентября.

Сукин сын. – Впервые: Бакинский рабочий. 1924. № 215. 23 сентября.

«Отговорила роща золотая...» – Впервые: Бакинский рабочий. 1924. № 215. 23 сентября.

На Кавказе. – Впервые: Заря Востока. Тифлис, 1924. № 681. 19 сентября.

Не пой, красавица при мне... – первая строка стихотворения А. Пушкина.

Азамат и Казбич – персонажи романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

Зурна и тари – музыкальные инструменты.

Баллада о двадцати шести. – Впервые: Бакинский рабочий. 1924. № 214. 22 сентября. Написано в ночь с 20 на 21 сентября по приезде Есенина из Тифлиса в Баку. Одним из ис-

точников произведения послужило стихотворение в прозе Александрова-Вольского «Борцам за свободу», начинавшееся словами «Их было 26...» («Бакинский рабочий», 1924. № 213. 19 сентября).

Свое (Форма). «Цветы на подоконнике...»; с. 291. *Народная (Подражание песенке матери).* – *Свое. «Цветы на подоконнике...»* – Впервые: День поэзии. М., 1956. С. 174; *Народная (Подражание песенке матери).* – Впервые: Московский комсомолец. 1974. № 245. 18 октября. С. 1–4. Полностью были опубликованы в журнале «Огонек» (М., 1975. № 40. С. 23).

Памяти Брюсова. – Впервые: Заря Востока. Тифлис, 1924. № 700. 11 октября, с пометой: «Тифлис».

Заря Востока. – Впервые: Журналист. М., 1926. № 5. Май, с пометой: «Тифлис. Октябрь. 1924 г.».

А в голове паршивый сэр Керзон... – Керзон Джордж Натаниель (1859–1925) – в 1919–1924 – министр иностранных дел Великобритании, один из организаторов интервенции против Советской России.

«Мне скучно, бес!» «Что делать, Фауст?» –

начальные строки «Сцены из Фауста» А. С. Пушкина (1825).

Воспоминание. – Впервые: Заря Востока. Тифлис, 1926. № 1120. 7 марта, с редакционным примечанием: «Настоящее стихотворение Сергея Есенина написано им в январе 1925 г. в Батуми». Однако анонс этого стихотворения в той же газете от 6 ноября 1924 г. позволяет датировать его 1924 г.

Над омраченным Петроградом... – первая строка первой части поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник» (1833).

Стансы. – Впервые: Заря Востока. Тифлис, 1924. № 713. 26 октября. Было публично прочитано поэтом 3 октября 1924 г.

Чагин (Болдовкин) Петр Иванович (1898–1967) – журналист, партийный и издательский работник, друг поэта в 1924–1925 гг.

Бедный Демьян (Придворов Ефим Александрович; 1883–1945) – поэт-публицист; в 1917–1925 гг. был наиболее широко печатаемым стихотворцем Советской России.

Русь уходящая. – Впервые: Заря Востока. Тифлис, 1924. № 722. 6 ноября.

Русь бесприютная. – Впервые: Заря Восто-

ка. Тифлис, 1924. № 729. 16 ноября.

Оливер Твист – главный герой книги Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста».

Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940) – деятель международного рабочего и коммунистического движения, теоретик марксизма, в то время был в числе ведущих руководителей РКП(б).

Бухарин Николай Иванович (1888–1938) – советский политический государственный и партийный деятель, в то время был в числе ведущих руководителей РКП(б).

Письмо к женщине. – Впервые: Заря Востока. Тифлис, 1924. № 733. 21 ноября.

Поэтам Грузии. – Впервые: Заря Востока. Тифлис, 1924. № 735. 23 ноября.

Письмо от матери. – Впервые: Заря Востока. Тифлис, 1924. № 747. 7 декабря.

Есенин Александр Никитич (Никитович) (1875–1931) – отец поэта.

Ответ. – Впервые: Заря Востока. Тифлис, 1924. № 747. 7 декабря.

Льву Повицкому. – Впервые: Трудовой Батум. 1924. № 283. 13 декабря.

Повицкий Лев Иосифович (1885–1974) – журналист, участник революционного движения. Познакомился с Есениным в 1918 г. в Москве.

Письмо деду. – Впервые: Бакинский рабочий. 1924. № 297. 29 декабря.

Метель. – Впервые: Заря Востока. Тифлис, 1925. № 770. 4 января, как первое стихотворение цикла «Листки». Заголовок цикла автору не принадлежит, в белом автографе, с которого осуществлялась первая публикация, цикл озаглавлен «Над Капиталом» (РГБ).

Весна. – Впервые: Заря Востока. Тифлис, 1925. № 770. 4 января, как второе стихотворение цикла «Листки».

Цветы. – Впервые: Арена. Однодневная газета. Работники печати – работникам цирка. Баку, 1925. № 1. 4 января, с примечанием: «Стихи появляются в печати впервые».

Батум. – Впервые: Огонек. М., 1945. № 43. 28 октября. С. 1–21, без заглавия; полностью вошло в сборник: Есенин С. Сочинения: в 2 т. М., 1955. Т. 1.

Индиго – темно-синее красящее вещество, цвет индиго.

Персидские мотивы

С. Есенин так и не побывал в Персии, хотя не раз собирался туда съездить. Но весной 1921 года поэт совершил поездку в Туркестан. Это было его первое знакомство с Востоком. В 1924–1925 гг. Есенин подолгу жил в Баку, Тифлисе, Батуме. По приглашению П. И. Чагина поэт некоторое время жил в Мардакянах, на старой ханской даче, с огромным садом и фонтанами. Он любил бродить по многолюдным восточным улицам, знакомиться и беседовать с жителями, любоваться своеобразной природой тех мест. Впоследствии появился цикл стихов «Персидские мотивы», который поэт считал своей большой творческой удачей и читал своим друзьям, близким и знакомым.

«Улеглась моя былая рана...»; с. 335.
«Я спросил сегодня у менялы...» – Впервые: Трудовой Батум. 1924. № 280. 10 декабря.

Хороссан (Хорасан) – провинция на северо-востоке Персии (Ирана).

Полтумана – от: туман (персидская золотая монета).

«Шаганэ ты моя, Шаганэ!..» – Впервые: Ба-

кинский рабочий. 1925. № 1. 1 января.

Зимой 1924 г. в Батуме С. Есенин познакомился с местной учительницей Шаганэ (Шагандухт) Ненсесовной Тальян (Тертерян; 1900–1976). Ее именем он и назвал свою персиянку.

Шираз – город на юге Персии.

«Ты сказала, что Саади...» – Впервые: Бакинский рабочий. 1925. № 1. 1 января.

«Никогда я не был на Босфоре...»; с. 339. «Свет вечерний шафранного края...» – Впервые: Заря Востока. Тифлис, 1925. № 782. 18 января.

«Воздух прозрачный и синий...»; с. 341. «Золото холодное луны...» – Впервые: Бакинский рабочий. 1925. № 82. 13 апреля.

«В Хороссане есть такие двери...»; с. 343. «Голубая родина Фирдуси...» – Впервые: Бакинский рабочий. 1925. № 74. 3 апреля.

«Быть поэтом – это значит то же...» – Впервые: Бакинский рабочий. 1925. № 177. 7 августа.

«Руки милой – пара лебедей...» – Впервые: Бакинский рабочий. 1925. № 179. 10 августа.

«Отчего луна так светит тускло...» –

Впервые: Бакинский рабочий. 1925. № 183. 14 января.

«Глупое сердце, не бейся!..» – Впервые: Бакинский рабочий. 1925. № 177. 7 августа.

«Голубая да веселая страна...» – Впервые: Бакинский рабочий. 1925. № 179. 10 августа.

Гелия – так называла себя шестилетняя дочь П. И. Чагина, к которой С. Есенин относился с особой нежностью.

Капитан земли. – Впервые: Заря Востока. Тифлис, 1926. № 1109. 21 февраля, без строк 35–42, которые впервые были напечатаны в: Есенин С. Собрание сочинений: в 5 т. М., 1962. Т. 3.

Мой путь. – Впервые: Город и деревня. М., 1925. № 3–4. 5 марта; № 5. 20 марта.

Собаке Качалова. – Впервые: Бакинский рабочий. 1925. № 77. 7 апреля.

Качалов (Шверубович) Василий Иванович (1875–1948) – актер московского Художественного театра.

«Несказанное, синее, нежное...» – Впервые: Красная нива. М., 1925. № 14. 5 апреля.

Песня. – Впервые: Бакинский рабочий. 1925. № 108. 17 мая.

«Ну, целуй меня, целуй...» – Впервые: Бакинский рабочий. 1925. № 110. 19 мая.

1 мая. – Впервые: Бакинский рабочий. 1925. № 98. 5 мая.

Пускай бранят меня за «Стансы»... – речь идет о стихотворении Есенина «Стансы», которое критиковалось рядом литераторов.

Балаханы – название пригорода Баку, где 1 мая 1925 г. состоялась закладка нового рабочего поселка имени Степана Разина.

Письмо к сестре. – Впервые: Бакинский рабочий. 1925. № 102. 10 мая.

Обращено к Екатерине Александровне Есениной (1905–1977), сестре поэта.

О Дельвиге писал наш Александр... – речь идет о стихотворении А. С. Пушкина «Послание Дельвигу» (1827).

Блажен, кто не допил до дна – перифраз строк восьмой главы романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»:

*Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна*

Бокала полного вина...

«Заря окликает другую...» – Впервые: Ба-

кинский рабочий. 1925. № 104. 12 мая.

«*Не вернусь я в отчий дом...*» – Впервые: Бакинский рабочий. 1925. № 108. 17 мая.

«*Синий май. Заревая теплынь...*» – Впервые: Бакинский рабочий. 1925. № 110. 19 мая.

«*Неуютная жидкая лунность...*» – Впервые: Бакинский рабочий. 1925. № 115. 25 мая.

«*Прощай, Баку! Тебя я не увижу...*» – Впервые: Бакинский рабочий. 1925. № 115. 25 мая, с посвящением В. И. Болдовкину.

Болдовкин Василий Иванович (1903–1963) – родной брат П. И. Чагина, один из бакинских приятелей С. Есенина.

«*Вижу сон. Дорога черная...*»; с. 369. «*Спит ковыль. Равнина дорогая...*» – Впервые: Бакинский рабочий. 1925. № 161. 20 июля.

«*Каждый труд благослови, удача!..*» – Впервые: Бакинский рабочий. 1925. № 171. 31 июля.

«*Видно, так заведено навеки...*» – Впервые: Бакинский рабочий. 1925. № 171. 31 июля.

Стихотворение связано с женитьбой на С. А. Толстой. По этому поводу С. Есенин вспоминал: «Ушел я от Гали Бениславской, а идти некуда. Грустно было, а мне навстречу

так же грустно шарманка запела. А шарманку цыганка вертит. И попугай на шарманке. По- дошел я, погадал, а попугай мне кольцо выта- щил. Я и подумал: раз кольцо вытащил, зна- чит, жениться надо. И пошел я, отдал кольцо и женился»[19].

«Я иду долиной. На затылке кепи...» – Впер- вые: Бакинский рабочий. 1925. № 174. 4 авгу- ста.

«Я помню, любимая, помню...» – Впервые: Бакинский рабочий. 1925. № 174. 4 августа.

«Тихий ветер. Вечер сине-хмурый...» – Впер- вые: Красная газета. Л., 1926. № 73. 27 марта, под текстом помета: «Баку, июль, 1925 г.».

Существует мнение, что это стихотворение должно было войти в цикл «Персидские мо- тивы»[20].

«Море голосов воробьиных...» – Впервые: Ба- кинский рабочий. 1925. № 179. 10 августа.

«Гори, звезда моя, не падай...»; с. 377.
«Жизнь – обман с чарующей тоскою...» – Впер- вые: Бакинский рабочий. 1925. № 189. 21 авгу- ста.

«Листья падают, листья падают...»; с. 379.
«Над окошком месяц. Под окошком ветер...» –

Впервые: Бакинский рабочий. 1925. № 199.
2 сентября.

«Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!..» – Впервые: Бакинский рабочий. 1925. № 230. 9 октября.

«Я красивых таких не видел...»; с. 381.
«Ах, как много на свете кошек...»; с. 381.
«Ты запой мне ту песню, что прежде...»; с. 382.
«В этом мире я только прохожий...» – Впервые: Красная нива. М., 1925. № 42. 11 октября.
Эти четыре стихотворения посвящены младшей сестре поэта Александре Александровне Есениной (1911–1981).

«Эх вы, сани! А кони, кони!..» – Впервые: Новый мир. М., 1925. № 11. Ноябрь.

«Снежная замять дробится и колется...» – Впервые: Новый мир. М., 1925. № 11. Ноябрь.

«Синий туман. Снеговое раздолье...» – Впервые: Красная новь. М.; Л., 1925. № 2.

«Слышишь – мчатся сани, слышишь – сани мчатся...»; с. 386. *«Голубая кофта. Синие глаза...»* – Впервые: Красная новь. М., 1925. № 9. Ноябрь.

«Снежная замять крутит бойко...» – Впервые: Огонек. М., 1926. № 3. 17 января.

«Вечером синим, вечером лунным...» – Впервые: Красная нива. М., 1925. № 50. 6 декабря.

«Не криви улыбку, руки теребя...» – Впервые: Красная новь. М., 1926. № 2. Февраль.

«Сочинитель бедный, это ты ли...» – Впервые: Красная новь. М., 1925. № 9. Ноябрь.

«Плачет метель, как цыганская скрипка...» – Впервые: Красная новь. М., 1926. № 1. Январь. Опубликовано вместе со стихотворением «Снежная замять крутит бойко...» и редакционным примечанием: «Помещаемые два стих-я – неотделанные наброски поэта».

«Ах, метель такая, просто черт возьми!..» – Впервые: Смена. М., 1946. № 3–4. Февраль. Опубликовано вместе со стихотворением «Снежная равнина, белая луна...» под общим заголовком «Неопубликованные стихи» с пометой: «Ночь 4/5 октября 1925 года. Москва» и послесловием С. А. Толстой-Есениной «Восемь строк».

«Снежная равнина, белая луна...» – Впервые: Смена. М., 1946. № 3–4. Февраль.

Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве. – Впервые: Заря Во-

стока. Тифлис, 1925. № 1018. 1 ноября. Эта сказка была написана С. Есениным за одну ночь, как свидетельствует В. Ф. Наседкин. Этот факт также подтвержден документально, поскольку в перечне автографов и авторизованных списков произведений С. Есенина за 1925 г., сделанном С. А. Толстой-Есениной, указана дата написания «Сказки...» – 7/8 октября.

«Свищет ветер, серебряный ветер...» – Впервые: Красная нива. М., 1925. № 45. 1 ноября.

«Мелколесье. Степь и дали...»; с. 397. *«Цветы мне говорят – прощай...»* – Впервые: Красная нива. М., 1925. № 50. 6 декабря.

«Клен ты мой опавший, клен заледенелый...» – Впервые: Красная газета. Л., 1926. № 2. 3 января. Вечерний выпуск; печаталось в журнале «Красная нива» (М., 1926. № 1. 3 января). Это одно из первых стихотворений, написанных поэтом в клинике.

«Какая ночь! Я не могу...»; с. 400. *«Не гляди на меня с упреком...»*, с. 401. *«Ты меня не любишь, не жалеешь...»* – Впервые: Бакинский рабочий. 1926. № 37. 12 февраля; печатались

в журнале «Новый мир» (М., 1926. № 2. Февраль).

«Может, поздно, может, слишком рано...» – Впервые: Памятка о Сергее Есенине. 4/X 1885–28/XII 1925. М., 1926. С. 53–54.

«Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...» – Впервые: Новый мир. М., 1959. № 12. Декабрь.

«До свиданья, друг мой, до свиданья...» – Впервые: Красная газета. Л., 1925. 29 декабря. № 314. Вечерний выпуск; печаталось в газете «Вечерняя Москва» (1925. № 297. 30 декабря) под заголовком «Предсмертное стихотворение Есенина».

Стихи на случай Шуточные стихи, ча- стушки

«“Пророк” мой кончен, слава Богу...» – Впервые: Приокская правда. Рязань, 1967. № 194. 18 августа.

«Перо не больница...» – Впервые: Нева. Л., 1967. № 7. С. 219. Есенин вписал эти восемь строк в альбом Ф. Ф. Фидлера 1915–1916 гг. Под стихотворением помета автора: «В поминание Федору Федоровичу Фидлеру».

Фидлер Федор Федорович (Фридрих Фридри-

хович; 1859–1917) – поэт-переводчик, библиограф.

«*Любовь Столица, Любовь Столица...*» – Впервые: Русская литература. Л., 1970. № 3. С. 159.

Столица Любовь Никитична (уродж. Ершова; 1884–1934) – поэтесса и драматург. В 1920 г. эмигрировала. Умерла в Софии.

Частушки (О поэтах). – Впервые: Голос трудового крестьянства. М., 1918. № 127. 19 мая, в конце подборки помета: «Записал С. Есенин».

«*Не надо радости всем ласкостям дешевым...*» – Впервые: Белоусов В. Литературная хроника. М.: «Советская Россия», 1969. Ч. 1. С. 96.

«*Не стихов золотая пена...*» – Впервые: Молодая гвардия. М., 1975. № 8. Август. С. 211.

Вписано в сборник «Скифы» (Спб., 1917. Сб. 1) перед подборкой стихотворений Есенина с общим заголовком «Голубень». Посвящено Елене Станиславовне Понииковской, петроградской знакомой поэта.

Как должна рекомендоваться Марина. – Впервые: Вечерний Свердловск. 1959. № 241.

12 октября.

Написано для пятилетней девочки во время пребывания Есенина в профилактории в Большой Поляне.

«Дорогая Марья Антоновна!..» – Впервые: Русская литература. Л., 1970. № 3. С. 165; печаталось в газете «Литературная Россия» (М., 1970. № 40. 2 октября).

Обращено к Марии Антоновне Чагиной (1898–1984) – второй жене П. И. Чагина.

«Эх, жизнь моя...» – Впервые: Ленинградская правда. Чарджоу, 1962. № 139. 22 ноября. С. 1–4; печаталось в журнале «Русская литература» (Л., 1968. № 4. С. 156).

Гольшмидт (Гольцшмидт) Владимир Робертович – поэт, гипнотизер, выступал на эстраде с силовыми номерами. Один из так называемых шапочных знакомых С. Есенина.

Галькевич – служащий бакинской гостиницы «Новая Европа».

Муран Константин Михайлович – журналист, поэт.

«Милая Пераскева...» – Впервые: Вечерняя Москва. 1965. № 233. 2 октября.

Пераскева – Параскева Михайловна Дени-

сова-Соколова (1895–1987) – актриса, первая жена художника Константина Алексеевича Соколова (1887–1963), знакомого С. Есенина.

Клавдии Александровне Любимовой. – Впервые: Советская Россия. М., 1990. № 228. 3 октября.

Адресовано дочери художника Александра Михайловича Любимова (1879–1955), сотрудника тифлисской газеты «Заря Востока».

«Калитка моя...» – Впервые: В мире книг. М., 1970. № 9. С. 41–42.

Видимо, это набросок стихотворения, пародирующего некоторые черты стиля поэта Ивана Ивановича Доронина (1900–1978).

«Дорогая моя Шагане...» – Впервые: Коммунист. Ереван, 1959. 15 февраля; надпись на сборнике: «Москва кабацкая» (1924).

«Никогда я не забуду ночи...» – Впервые: Вопросы литературы. М., 1976. № 8. Август. С. 159.

Обращено к Софье Андреевне Толстой (1900–1957), внучке Л. Н. Толстого, впоследствии жене С. Есенина. Было вписано поэтом в ее альбом через две недели после их знакомства.

Ванька и Иван – Иван Приблудный (Яков Петрович Овчаренко; 1905–1937) – поэт, один из близких знакомых поэта в 1923–1925 гг.

«Пускай я порою от спирта вымок...» – Впервые: Литературный Азербайджан. Баку, 1959. № 10. Октябрь. С. 99.

Написано на обороте групповой фотографии членов кружка рабочих писателей и поэтов при газете «Бакинский рабочий».

Гурвич Евсей Аронович (1885–1971) – журналист, сотрудник бакинской газеты «Труд», руководитель литературного кружка.

Фришберг Владимир Львович – заведующий финотделом газеты «Бакинский рабочий».

«Сердце вином не вымочу...» – Впервые: Сергей Александрович Есенин. М.; Л., 1926. С. 205.

Четверостишие – дарственная надпись писателю и редактору «Собрания стихотворений» Есенина Ивану Васильевичу Евдокимову (1887–1941) на книге «Березовый ситец» (1925).

«Самые лучшие минуты...» – Впервые: Есенин С. Собрание сочинений: в 5 т. М., 1962. Т. 5.

Строки поэта, обращенные к издательскому работнику Анне Абрамовне Берзинь (1897–1961), написаны на его книге «Березовый ситец» (1925).

«*Милый Вова...*» – Впервые: Эрлих Вольф. Право на песнь. Л., 930. С. 30.

Это стихотворная приписка Есенина к письму С. А. Толстой В. И. Эрлиху из Ростова-на-Дону от 26 июля 1925 г.

«*Пил я водку, пил я виски...*» – Впервые, но с неточным воспроизведением текста: Новый мир. М., 1978. № 6. Июнь. С. 20. Верный текст был напечатан в журнале «Урал» (Свердловск, 1985. № 9. С. 159).

«*И так всегда. За пьяною пирушкой...*» – Впервые: Ленинградская правда. Чарджоу, 1962. № 139. 22 ноября. С. 1–4; полностью опубликовано в газете «Вечерняя Москва» (1965. № 233. 2 октября).

Под стихотворением примечание рукой С. А. Толстой-Есениной: «Записано мною за Сергеем, когда он на рассвете проснулся и в полубреду стал читать стихи. Он не знал, что я записываю. X 1925. С. Е.» (Государственный литературный музей).

Коллективное

Кантата. – Впервые: Воля и думы железнодорожника. М., 1918. № 72. 26 октября, без указания авторства. Была опубликована в журнале «Зарево заводов» (Самара, 1919. № 1. Январь), сопровождалась редакционным примечанием: «Написана коллективно тремя поэтами: М. Герасимовым, Сергеем Есениным, Сергеем Клычковым для кремлевской доски скульптора Конёнкова павшим за свободу».

Поэмы

П*еснь о Евпатии Коловрате.* – Впервые: Голос трудового крестьянства. М., 1918. № 156. 23 июня, под заглавием «Сказание о Евпатии Коловрате, о хане Батые, цвете троеручице, о черном идолице и Спасе нашем Иисусе Христе» (первая редакция), с датой «1912. В[еликий] пост»; вошла в издание «Есенин С. Собрание стихотворений: в 4 т.» (М.; Л.: Госиздат, 1926. Т. 2. С. 192–198. Вторая редакция).

В 1925 г., готовя к изданию «Собрание стихотворений», С. Есенин, не имея под руками ни рукописи, ни первоначального текста поэ-

мы, воспроизвел ее по памяти. Эта редакция текста 1925 г. отличалась от предыдущей (она имеет, например, 35 строф вместо 56, текст ее хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства) и вошла в «Собрание стихотворений» (1926). Исходя из этого в настоящем издании принята двойная датировка поэмы. При этом первая из дат, в которой сомневаются исследователи, могла быть снабжена знаком вопроса.

Марфа Посадница. – Впервые: Дело народа. Пг., 1917. № 20. 9 апреля. Опубликованная лишь после Февральской революции 1917 г., поэма была создана, по свидетельству самого поэта, в 1914 г.

Пугачев. – Впервые: Пугачев. М.: Имажинисты, 1922; книга вышла в декабре 1921 г., с посвящением А. Мариенгофу.

Страна негодяев. – Впервые: Бакинский рабочий. 1924. № 220. 29 сентября. Строки 315–471; печаталась в журнале «Город и деревня» (М., 1925. № 18. Строки 315–531); в сборнике «Страна советская» (1925. Строки 315–471); полностью была опубликована в «Собрании стихотворений» (М.; Л.: Госиздат,

1926. Т. 3).

«Слова, слова, слова...» – из монолога Гамлета в одноименной трагедии В. Шекспира.

Брамы – вероятно, Есенин имел в виду индийские религиозно-философские трактаты.

«Все, что было...» – популярная песенка 20-х гг., музыка С. Покраса, слова П. Германа.

Ленин. – Впервые: Круг. М.; Л., 1924. Кн. 3, с заглавием «Отрывок из поэмы»; печаталась в журнале «Красная новь» (1924. № 4. Июнь – июль), с заглавием «Отрывок из поэмы «Гуляй-поле» (О Ленине)»; вошла в сборник «Страна советская» (Тифлис, 1925); полностью печаталась в газете «Московский литератор» (1992. № 14).

Гуляй-поле – село в Екатеринославской губернии, где родился предводитель партизанских отрядов анархистов Нестор Иванович Махно (1888–1934).

Песнь о великом походе. – Впервые: Заря Востока. Тифлис, 1924. № 677. 14 сентября.

Поэма о 36. – Впервые: Заря Востока. Тифлис, 1924. № 686. 25 сентября.

Баргузин – северо-восточный ветер на Байкале.

Браслет – жаргонное название ручных кандалов.

Чалдон – коренной житель Сибири.

Анна Снегина. – Впервые: Город и деревня. М., 1925. № 5. 20 марта; № 8. 1 мая, без посвящения; полностью с посвящением А. Воронскому поэма была напечатана в газете «Бакинский рабочий» (1925. № 95; 96. 1; 3 мая).

Воронский Александр Константинович (1884–1937) – литературный критик, в те годы редактор журналов «Красная новь» и «Прожектор», в которых часто печатался С. Есенин.

Исправник – в царской России начальник полиции в уезде.

Тогда над странюю калифствовал // Керенский на белом коне – Временное правительство Керенского находилось у власти с 2 (15) марта по 25 октября (7 ноября) 1917 г.

Бульжник – буйн и беспокойный человек.

На испод – наизнанку.

Я вам прочитаю немного // Стихи // Про кабацкую Русь... – речь идет о цикле стихов, который написал Есенин в 1922–1923 гг. Действие в поэме происходит в 1917 г.

Сочь – время движения соков.

Ляоян – город на северо-востоке Китая, имеется в виду происшедшее в районе города тяжелое сражение Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Нерчинск – город в Забайкалье, где находилась каторжная тюрьма.

Турухан – река в Красноярском крае, приток Енисея; область Турухана – места политической ссылки в дореволюционной России.

«*Керенки*» – бумажный денежный знак, выпущенный в 1917 г. в период Временного правительства Керенского.

«*Ходя*» – один из денежных знаков времен Гражданской войны.

«*Катька*» – в царской России сторублевый денежный знак с изображением Екатерины II.

Зыкъ – гулкий звук, гул.

Черный человек. – Впервые: Новый мир. М., 1926. № 1. Январь; печаталась в «Красной газете» (Л., 1926. № 23. 26 января. (Отрывок)); также в газете «Бакинский рабочий» (1926. № 25. 29 января).

Проза

Яр. – Впервые: Северные записки. П., 1916. Февраль – май.

По словам младшей сестры поэта А. А. Есениной, повесть была написана в Константинове в 1915 г. за восемнадцать ночей. По мотивам повести В. Л. Ивановым был снят советско-американский художественный фильм «Яр» (1992).

У Белой воды. – Впервые: Биржевые новости. П., 1916. № 15753. 21 августа. Утренний выпуск.

Бобыль и Дружок. – Впервые: Доброе утро. М., 1917. № 1.

Датируется по первой публикации.

Железный Миргород. – Впервые: Известия ВЦИК. 1923. № 187. 22 августа; № 209. 16 сентября, с редакционными исправлениями и сокращениями. Полный текст (по автографу Российского государственного архива литературы и искусства, первая часть которого датирована автором «Москва 14 августа 1923 г.») опубликован в 1993 г. в издании «С. А. Есенин. Материалы к биографии» (М.: Историческое

наследие, 1993).

Статьи и заметки

Ярославны плачут. – Впервые: Женская жизнь. М., 1915. № 4. 22 февраля, с подписью «Сергей Есенин».

Отчее слово. – Впервые: Знамя труда. М., 1918. № 172. 5 апреля (23 марта)[21]. Автограф неизвестен. Воспроизводится по печатному источнику.

О «Зареве» Орешина. – Впервые: Наш путь. Пг., 1918. № 2. Май (фактически 15 июня).

Отклик на первую книгу стихов Петра Васильевича Орешина (1887–1938), одного из близких знакомых С. Есенина.

Ключи Марии. – Была опубликована отдельным изданием: С. Есенин. Ключи Марии («Московская трудовая артель художников слова», 1920). «Ключи Марии» – важный документ для понимания литературной позиции Есенина и его творчества.

Быт и искусство. – Впервые: Знамя. М., 1921. № 9 (11). Май. Печатается по первой публикации с исправлением явных опечаток

и погрешностей. Условно датируется исследователями 1920 г.

Вступление к сборнику «Стихи скандалиста». – Впервые: Есенин С. Стихи скандалиста. Берлин: И. Т. Благов, 1923.

Предисловие. – Впервые: Красная новь. М.; Л., 1924. № 1. Январь – февраль; частично в статье А. Воронского «Сергей Есенин». Полностью текст был опубликован в издании: Есенин С. Собрание сочинений: в 5 т. М., 1962. Т. 5. С. 77–79.

Анкета журнала «Книга о книгах». К юбилею Пушкина. – Впервые: Книга о книгах. М., 1924. № 5–6. Июнь.

Дама с лорнетом. – Впервые: Есенин С. Собрание сочинений: в 5 т. М., 1962. Т. 5. С. 83–84. Статья представляет собой законченное произведение, поскольку под ней стоит подпись «С. Е.». Однако характер почерка и расположение строк свидетельствуют о том, что она является первоначальным наброском. Другие рукописи статьи, так же как и прижизненные ее публикации, не известны.

О резолюции ЦК РКП(б) о художественной

литературе. – Впервые: Новая вечерняя газета. Л., 1925. № 93. 6 июля, в рубрике «Писатели о резолюции ЦК РКП о художественной литературе».

Ответ редакции «Новой вечерней газеты».
– Впервые: Новая вечерняя газета. Л., 1925. № 208. 18 ноября, в рубрике «Как живется нашим писателям», со следующим редакционным предисловием:

«Комиссия по улучшению правового и материального положения писателей разослала анкету с 50 вопросами, касающимися условий, в которых протекает работа писателя.

Каково ваше материальное положение?

С этим вопросом обратился наш сотрудник к целому ряду известных писателей».

Автобиографии

Автобиографии С. Есенина – это своеобразные литературные манифесты, комментарии к собственным произведениям. Многие факты в них переданы поэтом неточно и неполно.

Сергей Есенин. – Впервые: Новая русская книга. Берлин, 1922. № 5. Май.

Автобиография. – Впервые: Красная нива. М., 1926. № 2. 10 января.

Автобиография. – Впервые: День поэзии. М., 1956. Была написана по просьбе критика Л. М. Клейнборта для его работы «Очерки народной литературы». Второй том этого издания, куда вошла автобиография Есенина, не вышел из печати.

О себе. – Впервые: Вечерняя Москва. 1926. № 30. 6 февраля. Была подготовлена поэтом для его издания «Собрание стихотворений» (1926).

1

Слова Пушкина. (*Прим. С. Есенина.*)

[^^^]

Пожалуйста (*англ.*).

[^^^]

3

Бизнесмены, деловые люди (*англ.*).

[^^^]

Блеф, обман (*англ.*).

[^^^]

5

«Липа» – подложный документ. (Прим. С. Есенина.)

[^^^]

6

Пароход «Париж» (*искаж. англ.*). (*Прим. сост.*)

[^^^]

Здесь и далее по рукописи Есенина воспроизводится русская калька английского слова «cabin» – каюта. (*Прим. сост.*)

[^^^]

8

Мне нравится Америка (*искаж. англ.*). (Прим.
сост.)

[^^^]

Бизнес (*искаж. англ.*). (*Прим. сост.*)

[^^^]

Мария на языке хлыстов шелапутского толка означает душу. (Прим. С. А. Есенина.)

[^^^]

Название газеты «Eclair» (*искаж. фр.*). (*Прим. сост.*)

[^^^]

12

Далее зачеркнуто: с собой.

[^^^]

13

Далее зачеркнуты два слова, не поддающиеся прочтению.

[^^^]

Так в тексте.

[^^^]

На этом письмо обрывается.

[^^^]

Есенин С. Собрание стихотворений:
в 4 т. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926–1927. Далее: Есе-
нин С. Собрание стихотворений.

[^^^]

С. А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: «Художественная литература», 1986. Т. 2. С. 260.

[^^^]

Цит. по: Летопись   жизни   и творче-
ства С. А. Есенина: в 5 т. 2003. Т. 1. С. 233.

[^^^]

Как жил Есенин: Мемуарная проза. Челябинск, 1992. С. 14.

[^^^]

См.: Орлов В. Затерявшееся стихотворение
Сергея Есенина // День поэзии. Л.,
1964. С. 84–85.

[^^^]

В газете – 5 (23) апреля, что ошибочно.

[^^^]